This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

789
1571
.N11
P Slav 605.10 (I, 9)
4100
БИБЛІОТЕКА
ГИМНАЗІИ ИМПЕРАТОРСКАГО
С.П.Б. ИСТОР. ФИЛОЛОГ.
ИНСТИТУТА.

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

СЕНТЯБРЬ.

МОСКВА.

1880.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Изящная словесность.

I. Мессалина. Драма въ 5-ти дѣйств. *Пьетро Косса* 1
II. Петербургское дѣйство. Истор. романъ въ 3-хъ част. *Гр. Саліаса*. Глава XXI—XXII 62
III. Между вѣчностью и минутой. Романъ *М. К. Іогеля*. Часть III, главы IV—XVII 118
IV. Надъ могилою падшей женщины. Стихотв. *А. О....ъ*.

Русская жизнь.

V. Очерки изъ исторіи крѣпостнаго права въ Великороссіи во второй половинѣ XVIII вѣка *В. И. Семевскаго* VII . . . 1—37

VI. Изъ Мильтона. Сонетъ XIX. *А. О....ъ*.

Славянскіе народы.

VII. Вторичное правленіе Милоша Обреновича. *Нила Попова* Гл. II. 1—41

VIII. Слеза. Стихотв. *П. Козлова*.

Науки и искусства.

IX. Соціальныя задачи христіанскаго общества. *Н. Г.* 1
X. Синтезъ ученій объ экономической политикѣ. *И. Иванюкова*. Глава III и IV окончаніе 30

XI. *** Стихотв. *П. Козлова*.

XII. **Внутреннее обозрѣніе** 1

Q P89 Р
1880.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

1257 600.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

КНИГА IX.

МОСКВА.

1880.

Редакція и контора Русской Мысли: на Долгоруковской улицѣ, въ домѣ Дреземейеръ.

PSRV 605.10 (I, 9)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JAN 12 1962

Типо-Литогр. И. Н. Кушнерева и К°, Пименовская ул., д. Кушнеревой.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Изящная словесность.

I. Мессалина. Драма въ 5-ти дѣйств. *Пьетро Косса* 1
II. Петербургское дѣйство. Истор. романъ въ 3-хъ част. *Гр. Саліаса*. Глава XXI—XXII 62
III. Между вѣчностью и минутой. Романъ *М. К. Іогеля*. Часть III, главы IV—XVII 118
IV. Надъ могилою падшей женщины. Стихотв. *А. О....ъ*.

Русская жизнь.

V. Очерки изъ исторіи крѣпостнаго права въ Великороссіи во второй половинѣ XVIII вѣка *В. И. Семевскаго* VII . . . 1—37

VI. Изъ Мильтона. Сонетъ XIX. *А. О....ъ*.

Славянскіе народы.

VII. Вторичное правленіе Милоша Обреновича. *Нила Попова* Гл. II. 1—41

VIII. Слеза. Стихотв. *П. Козлова*.

Науки и искусства.

IX. Соціальныя задачи христіанскаго общества. *Н. Г.* 1
X. Синтезъ ученій объ экономической политикѣ. *И. Иванюкова*. Глава III и IV окончаніе 30

XI. *** Стихотв. *П. Козлова*.

XII. **Внутреннее обозрѣніе** 1

XIII. **Земство.**

Земское обозрѣніе 22
XIV. Земство и земскія учрежденія въ 1876—1877 годахъ. *Н. Н. Б.* 37
XV. Политическое обозрѣніе 52
XVI. Внутреннія политическія отношенія государствъ Запада Европы 70
XVII. Объявленія.

Въ конторѣ Редакціи, въ Москвѣ, на Долгоруковской улицѣ, въ домѣ Дреземейеръ, находится складъ слѣдующихъ изданій В. М. Лаврова и В. А. Ѳедотова:

Ф. Д. Нефедова. Очерки и разсказы. Изд. 2. Москва. 1878 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Л. И. Пальмина. Сны—на яву. Собраніе стихотвореній. Москва. 1878 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Кондратовича Людвига (В. Сырокомли). Избранныя стихотворенія. Т. 1. Москва. 1879 г. Цѣна 2 р.

Подписчики «Русской Мысли» пользуются при покупкѣ этихъ изданій 20% уступки.

МЕССАЛИНА.

Драма въ 5 дѣйствіяхъ въ стихахъ

(съ прологомъ).

Сочин. **Пьетро Косса.**

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Другой залъ во дворцѣ.

Сцена 1-я.

Палласъ, Нарцисъ и Каликстъ.

Каликстъ.

Пустая басня!

Палласъ.

Этими глазами
Я видѣлъ то, что вамъ передавалъ.

Нарцисъ.

По мнѣ, такъ и не странно! Вѣдь распутствомъ
Ужъ издавна извѣстна Мессалина.

Каликстъ.

Что-жъ Клавдій сдѣлаетъ?

Палласъ.

Вопросъ важнѣе:
Что дѣлать намъ? И въ этомъ дѣлѣ трудномъ
Жду вашего совѣта.

Нарцисъ.

Научилъ
Меня придворный опытъ не бороться
Съ капризомъ женщины, къ тому же — жены
Властителя; кто можетъ положиться
На нравъ его? Сегодня онъ желаетъ
То, что вчера не нравилось ему.

Каликстъ.

Излишнее усердіе, признаться,
Мнѣ не по сéрдцу: пагубно оно.
Ослѣплена своей безумной страстью,
Сама себѣ готовитъ Мессалина
Давно ужъ ей заслуженную казнь.
Дня этого дождемся мы.

Палласъ.

Слѣпецъ,
Да прежде, чѣмъ настанетъ этотъ день,
Постигнетъ насъ нежданная погибель!
Иль ты не знаешь, сколько ненавидитъ
Насъ эта женщина: во власти нашей
Она одной препятствіе находитъ
Владычеству надъ мужемъ легковѣрнымъ....
Нѣтъ! Мы должны ее предупредить.
И я готовъ: свидѣтели, улики—
Всѣ на лицо. Теперь иль никогда
Глаза, друзья, мы Клавдію откроемъ
И въ истинѣ жестокой убѣдимъ!

Нарцисъ.

Когда-жъ ему предъявишь ты улики?

Каликстъ.

Свидѣтелей?

Палласъ.

Сегодня же. Но прежде
Привѣтствовать изволитъ императоръ
Сенаторовъ изъ Галліи. Услышимъ
Ученую и хитрую мы рѣчь!

Каликстъ.

Кто знаетъ, какъ длинна она!

Нарцисъ.

Какъ будто
Безъ галльскаго ума и обойтись
Не можемъ мы!

Палласъ.

На томъ помѣшанъ онъ:
По своему все хочетъ передѣлать.

Каликстъ.

А вотъ жены не можетъ измѣнить!

Нарцисъ.

Сенатъ нашъ бѣдный! Скоро станешь ты
Собраньемъ дикихъ варваровъ.

Палласъ.

Чу, тише!
Идетъ сюда.

Сцена II.

Тѣ же и Клавдій.

Нарцисъ.

Божественный, хвала
Тебѣ!

Каликстъ.

И долгоденствіе!

Палласъ.

И слава!

Клавдій.

Привѣтъ мой всѣмъ. Теперь, Палласъ, введи
Сенаторовъ, изъ Галліи прибывшихъ. (Садится).

Палласъ.

Войдите!

Сцена III.

Тѣ же и Галльскіе сенаторы.

Клавдій.

Многимъ кажется, что васъ,
Рожденныхъ внѣ Италіи предѣловъ,
Въ среду сената принимая, мы
Обычаямъ священнымъ измѣняемъ,
Завѣщаннымъ намъ предками, и будто
Тѣмъ вводимъ новизну. На сколько ложно
Сужденіе такое, видитъ всякій,
Кто съ нашею исторіей знакомъ.
Гордимся мы, что слѣдуемъ примѣру
Древнѣйшихъ мудрецовъ. Великій Ромулъ
Въ число гражданъ пріялъ своихъ враговъ,
Имъ въ битвѣ побѣжденныхъ; постепенно,
Въ счастливыхъ войнахъ силу находя,
Ничтожный городъ власть свою расширилъ
На ближніе народы, а потомъ
Онъ перенесъ ея благодѣянья
На край земли, за Альпы и моря.
И нынѣ, ставъ отчизной всѣхъ народовъ,
Въ своихъ холмахъ онъ обнимаетъ міръ.
Примѣръ противный: Спарта и Аѳины,
Какъ варваровъ отвергнувъ побѣжденныхъ,
Себя самихъ источника лишили
Могущества дальнѣйшаго.... (Зѣваетъ). Всегда
Этрурія, Луканія и вся
Италія въ сенатъ нашъ доставляла
Мужей, врагамъ на полѣ битвы грозныхъ,
На форумѣ блестящихъ мудрой рѣчью....
Божественный родъ Юлія имѣлъ
Свое начало въ Альбѣ.... Корункалы —
Пришельцы изъ Канурія.... извѣстный
Родъ Порціевъ далъ Тускулумъ, а Бальбовъ
Дала Испанія.... Изъ Галліи Нарбонской
Мужей не мало было.... Что жъ еще?
Нашъ прародитель Клаузій самъ родомъ былъ
Изъ племени сабинскаго; сперва

Сталъ гражданиномъ римскимъ, а потомъ
Сенаторомъ.... Еще.... примѣровъ.... много....
Привесть.... я могъ бы вамъ.... Но вы....

(Склоняетъ голову и засыпаетъ глубокимъ сномъ).

Нарцисъ.

Заснулъ.

Каликстъ.

Понизь свой голосъ! Сна его тревожить
Не станемъ мы.

Палласъ. (Галльскимъ сенаторамъ).

Почтенные отцы!
Да не дивитъ васъ это приключенье:
Тяжелые научные труды
И бремя власти цесаря лишаютъ
Покоя ночью.... Именемъ его
Пока я отпускаю васъ.

Нарцисъ.

Отлично!
Вотъ такъ пріемъ для варваровъ, одѣтыхъ
Въ сенаторскія тоги.

Каликстъ.

Да, удобенъ
Мужъ вѣчно спящій!

Палласъ.

И того довольно,
Что за него мы бодрствуемъ.

Нарцисъ.

Молчи.
Проснулся онъ!

Клавдій (проснувшись, продолжаетъ свою рѣчь).

И такъ нашъ предокъ Клаузій
Сабинянинъ былъ родомъ, и какъ вы,
Отцы сенаторы... Какъ?.. что такое?!
Куда жъ всѣ дѣлись?

Палласъ.

Царь, извини!
Ты легкимъ сномъ забылся на мгновенье
И я, боясь, какъ бы они тебя
Не разбудили....

Клавдій (вставая и трепля Палласа по плечу).

Ты прекрасно сдѣлалъ!
Я утомленъ дѣйствительно и мысль
Подернута какъ будто бы туманомъ....
Сегодня ѣду въ Остію, близъ моря
Тамъ воздухомъ здоровымъ подышать
И отдохнуть.—А! чуть не позабылъ
О важномъ дѣлѣ я. Изъ васъ кто знаетъ
Сенатора Вителлія?

Нарцисъ.

Мы всѣ.

Клавдій.

Позорнаго разсказываютъ много....

Палласъ.

О немъ?

Клавдій.

Нѣтъ, о женѣ его; жена
Бросаетъ тѣнь безчестія на мужа
А онъ на все сенаторовъ сословье....
Огласки не желаю я. Пусть онъ
Отнынѣ знаетъ это и въ сенатъ
Являться не дерзаетъ.

Каликстъ.

Духъ Катона
Воскресъ въ тебѣ!

Нарцисъ.

Недаромъ ты получишь
Отца сената новое названье.

Палласъ.

Я, цезарь, правду вымолвить могу ли?
Знай, подъ надзоръ строжайшій долженъ взять
Сначала свой домашній ты очагъ
И ужъ затѣмъ чужіе охранять.

Клавдій.

Какъ?! Августомъ клянусь, ты сумасшедшій!
Что ты сказать осмѣлился?

Палласъ.

Сейчасъ
Узнаешь все ты. Дѣвушки, ко мнѣ!
Съ рыданьемъ и слезами на колѣни
Предъ оскорбленнымъ Клавдіемъ падите!

Сцена IV.

Тѣ же. Геллія, Клеопатра и Кальпурнія.

Клавдій (видя себя окруженнымъ дѣвицами которыя на колѣнахъ плачутъ).

Что это значитъ?

Геллія.

Пусть моихъ очей
Померкнетъ свѣтъ!

Кальпурнія.

О горе!

Клеопатра.

Вѣсть тебѣ мы
Ужасную приносимъ.

Клавдій (осматривая одѣяніе дѣвушекъ).

Августъ, Августъ!
Предмѣстье угрожаетъ Палатину!
Кто васъ послалъ? Отвѣтствуйте!

Кальпурнія.

Ее
Я видѣла....

Клеопатра.

И я.

Геллія.

И я.

Клавдій.

Кого

Вы видѣли?

Дѣвушки (всхлипывая).

Увы!

Клавдій.

Опять рыданья!

Палласъ.

Да говорите-жъ!

Клеопатра.

Къ намъ она пришла
Въ нашъ домъ....

Клавдій.

Да кто?

Клеопатра.

Жена твоя.

Геллія.

Одѣта
По нашему, пришла она....

Кальпурнія.

Ужъ ночь
Была давно....

Клавдій.

Жена моя? средь васъ?!

Геллія.

Предъ алтаремъ Юпитера поклясться
Готовы мы....

Клеопатра.

Твоею головой.

Кальпурнія.

Когда мы лжемъ, предай насъ страшнымъ пыткамъ!

Клавдій.

Палласъ, Палласъ! Ты мнѣ не помогаешь?
Такъ это правда, что ли? Говори!
Да отвѣчай же!

Сцена V.

Тѣ же и Мессалина.

Мессалина (появляясь неожиданно).

Я тебѣ отвѣчу!

Нарцисъ.

О ужасъ!

Палласъ.

Мессалина.

Дѣвушки.

Мы пропали!

Клавдій.

А, вотъ и ты! Ты во время пришла....

Палласъ (Клавдію).

И ты позволишь?...

Клавдій.

Слышавъ обвиненье,
Судья спокойный, долженъ я теперь
Услышать обвиненную....

Мессалина (повелительно).

Уйдите!

(Всѣ удаляются).

Сцена VI.

Клавдій, и Мессалина.

Клавдій (хочетъ говорить и не можетъ).

Съ чего-жъ начать? Я путаюсь невольно....
Не знаю, какъ допрашивать тебя....
Ты улыбнулась? Понялъ я: онѣ
Налгали мнѣ?

Мессалина (спокойно).

Онѣ сказали правду.

Клавдій.

Какъ?!.. правду? Ты сама....

Мессалина.

Ребенокъ старый!
Въ ту почь кровавую, какъ на Тарпеѣ
Патриціи, собравшись, объявили
Имнерію низложенной, дрожа
Въ углу дворца ты скрылся отдаленномъ....
Лишь случай, богъ лѣнивыхъ и глупцовъ,
Тебя извлекъ оттуда... Онъ порфиру
Съ мертвеца державнаго на плечи
Твои надѣлъ и посадилъ тебя
Безъ памяти на тронъ великихъ предковъ....
И ты на немъ сидишь и до сихъ поръ,
Благодаря всемилостивому богу....
Искусство править,—знаешь ты его?!
Отпущенниковъ стая надъ тобой
Безмѣрно властвуетъ. Ума и воли
Нѣтъ у тебя. Подъ именемъ твоимъ
Скрываяся, они безстыдно грабятъ
Провинціи, сбирая для себя
Сокровища несмѣтныя, тебѣ же
Лишь ненависть ограбленныхъ племенъ.
А ты, скажи, ты думаешь о чемъ?
Что дѣлаешь?

Клавдій.

Что дѣлаю? Клянуся
Я Августомъ, повсюду легіоны
Мои побѣдоносны и въ любви
Къ общественному благу мнѣ угодно
Эдикты ежедневно издавать,
Которые въ грядущихъ поколѣньяхъ
Себѣ, повѣрь, цѣнителей найдутъ.
Построилъ я театръ, водопроводы,
Для міровой торговли я открылъ
Обширный портъ Остійскій и увѣренъ,
Что озеро Фуцинское увижу
Осушеннымъ. Но этимъ не доволенъ,
Своихъ временъ веду лѣтописанье
И ужъ мечталъ исторію писать
Этруріи я древней, что была
Учености латинской колыбелью....
И это мало?

Мессалина

Менѣе, чѣмъ мало.

Клавдій.

Но!... Мессалина!...

Мессалина.

Цезарь ты! Оставь
Біографу своихъ дѣяній повѣсть.
Этрурія! Она жива въ гробницахъ,
Она умретъ въ писаніяхъ твоихъ.

Клавдій.

О горе намъ! Ты смѣешь отрицать
Значеніе исторіи?!

Мессалина.

Опомнись!
Не мнѣ, тебѣ бы должно темной ночью,
Стоглазымъ дѣлаясь, входить въ дворцы
Патриціевъ и въ хижины плебеевъ,
Въ собраньяхъ преторьянцевъ проникать,

Подслушивать разнузданныя рѣчи,
Вывѣдывать, движенья изучать,
Къ себѣ склонять наградой легковѣрныхъ,
Въ крови тушить ужъ вспыхнувшій пожаръ....
Напрасно ты такъ слѣпо довѣрялся
Своимъ рабамъ отпущеннымъ, любимцамъ,
Которыхъ ты изъ грязи ихъ родной
До страшнаго могущества возвысилъ....
Теперь они ужъ сыты и тебя
Пока дурачатъ, помощь ожидая
Возставшихъ войскъ испанскихъ иль германскихъ....

Клавдій.

Въ умѣ ли ты? Они?! Мои любимцы?!

Мессалина.

Какъ жалкую, забавную игрушку,
Тебя живаго въ руки отдадутъ
Другаго императора.

Клавдій.

О боги!

Мои любимцы?!... Лжешь!

Мессалина.

А для чего же
Тебя всечастно грустнымъ подозрѣньемъ
Крамольники стремятся отдалить
Отъ матери дѣтей твоихъ, отъ той,
Которая одна среди измѣны
Тебя спасти старается? О, слушай!
Британикомъ тебя я заклинаю,
Пока еще есть время, удали
Совѣтниковъ коварныхъ, если жизнью
Своею ты и властью дорожишь,
Считай врагомъ, кто знатностью рожденья
Возносится! Ты—Юлія наслѣдникъ!
Такъ чернью будь, что топчетъ въ грязь, ликуя,
Все знатное! Народу ты давай
Свободу, хлѣба, зрѣлищъ, но дави

Патриціевъ и пусть о прежней славѣ
Ихъ каждый вздохъ сочтется преступленьемъ!
Кто былъ, скажи, душой того возстанья
Безбожнаго, въ которомъ твой племянникъ
Калигула погибъ?

Клавдій.

О, замолчи!

Въ моихъ глазахъ рисуетъ это имя
Трупъ, ранами кровавыми покрытый!...

Мессалина.

Страшись живыхъ, не бойся мертвецовъ!

Клавдій (все болѣе пугаясь).

Я, стало быть, въ опасности?

Мессалина.

Конечно!

Клавдій.

Вѣдь смертію наказаны злодѣи,
Убившіе помѣшаннаго сына
Германика....

Мессалина.

Наказаны не всѣ:
Лишь менѣе виновные.

Клавдій.

Кто-жъ казни
Избѣгнуть могъ?

Мессалина.

Тотъ, передъ чьимъ богатствомъ
И именемъ, и твердостью античной
Патриціи привыкли преклоняться.

Клавдій.

Кто?... Говори!

Мессалина.

Валерій Азіатикъ.

Клавдій.

Какъ? ...Онъ? Клянусь!...

Мессалина.

Былъ консуломъ два раза,
Имѣлъ тріумфъ блестящій....

Клавдій.

Домъ злодѣя
Пусть окружатъ не медля преторьянцы,
Живаго пусть иль мертваго ко мнѣ
Его ведутъ!...

Мессалина.

Онъ здѣсь живой.

Клавдій.

Валерій?
Какой судьбой?

Мессалина.

Въ числѣ бунтовщиковъ
Онъ во дворецъ подъ стражей приведенъ,
И здѣсь теперь.

Клавдій.

Меня предупредили....
Но кто же?

Мессалина.

Я.

Клавдій (обнимая ее съ нѣжностію).

Ты это, Мессалина,
Устроила? Ну, Августомъ клянусь,
Чудесная ты женщина!

Мессалина.

А! понялъ
Теперь своихъ отпущенниковъ ты
Усердіе и преданность?—Войдите!

Сцена VII.

Тѣ же. Валерій Азіатикъ, Бито, Преторіанцы.

Валерій (приближаясь спокойно и съ достоинствомъ).

Даешь ты мнѣ свободу снова, цезарь?

Клавдій.

Да, говори.

Валерій.

Я ночью схваченъ былъ
Въ моемъ дому и, какъ преступникъ черный,
Сюда въ оковахъ силой привлеченъ....
Ты повелѣлъ, конечно, это. Въ чемъ же
Меня ты обвиняешь?

Клавдій.

Я? Ни въ чемъ.

(Указывая на Мессалину).

Она—твой обвинитель.

Валерій.

Мессалина!

Мессалина

Ты изумленъ? Не замышлялъ ли ты
Поднять на насъ германцевъ легіоны?

Валерій.

Кто сочинилъ такую басню?

Мессалина.

Римъ.
Ты не былъ ли вождемъ бунтовщиковъ,
Убившихъ Кая и, какъ Брутъ какой-то,
Рѣчами ты не возмущалъ ли чернь?
И *это* басня?

Валерій.

Если бъ всѣ молчали,
Я всталъ бы самъ свидѣтелемъ дѣянья,

Которое въ глазахъ твоихъ—позоръ,
Но предъ судомъ временъ не столь печальныхъ
Моею славой будетъ. Свѣту нынѣ
Нужны великодушные примѣры:

Клавдій.

Свѣтъ! Что за свѣтъ?—Пустой, хоть громкій звукъ!
Провинціи имперіи спокойны.

Валерій.

Остерегись! Обманчивый покой.
Но пусть доволенъ свѣтъ,—мои стремленья
Съ немногими, но съ лучшими всегда.
Ты не хвались обширностью державы,
Побѣдами блестящими ея!
Еще въ войскахъ чуть тлѣетъ искра жара,
Свободный Римъ водившаго на бой;
Еще звучитъ минувшей славы эхо
И варваровъ въ смятеніи разитъ....
Оно умолкнетъ скоро: Римъ сольется
Въ одномъ лицѣ. Что вамъ сенатъ теперь?
Лишь сборище бездарныхъ болтуновъ!
Шпіонамъ ты даешь магистратуры!
Добро—во тьмѣ, все низкое—въ чести!
Да и твоей державной мыслью править
Не прихоть ли кровавая и злая
Постыдной этой женщины? Уста
Мои закрыть сѣкирою ты можешь....
Я не боюсь.... Мы дожили теперь
До рабства столь ужаснаго размѣра,
Что подлецомъ быть можетъ названъ всякій
По истинѣ, кто жить еще согласенъ.
Постичь могу я Силлы тираннію,
Тиверія,—но Каія и твою
Мнѣ не понять.

Бито.

О римлянинъ послѣдній!

Клавдій (обращаясь къ Бито).

Ты кто такой?

Бито.

Я только рабъ его,
На волю имъ отпущенный и вѣрный
Ему въ несчастьи.

Клавдій.

А! Припоминаю:
Всегда ты отличался въ поединкахъ,
Какъ гладіаторъ славный. На аренѣ
Ты смерть найдешь,—тамъ мѣсто для тебя.
А то, клянуся Августомъ, палачъ
Тебя бы изуродовалъ.

Валерій.

О цезарь!
Дозволь и мнѣ свободнымъ умереть!
Будь справедливъ хоть въ смертныхъ приговорахъ
Своихъ враговъ. Хоть въ этомъ произволъ
Въ твоихъ рукахъ пусть приметъ блескъ величья.
Не убѣгу, не бойся. Храбръ ли я,
Британскія доказываютъ войны,
Рубцы отъ ранъ.... и.... даже эта просьба.
Дай умереть въ томъ уголкѣ природы,
Гдѣ я провелъ младенческіе годы,
Гдѣ выросъ я въ любви къ родной странѣ,
Въ любви къ добру и славной старинѣ,
Гдѣ мать, меня баюкая, бывало,
Свободы пѣснь мнѣ сладкую пѣвала....
Гдѣ древнихъ я исторію читалъ
И, какъ дитя, не зная слезъ отравы,
Иныхъ людей себѣ воображалъ,
Иныя добродѣтели и нравы....
Тамъ.... на устахъ съ улыбкою безпечной,
Въ веселіи,—какъ истинный мудрецъ,—
Пошлю во мракъ ничтожества я вѣчный
Послѣднее дыханье наконецъ.

Мессалина (внезапно разражаясь рыданьемъ).

О злое краснорѣчіе! Сейчасъ лишь
Оскорблялъ, теперь же слезы выжалъ
Изъ глазъ моихъ....

КЛАВДІЙ (подбѣгая къ Мессалинѣ).

Ты плачешь, Мессалина?!..

(Съ негодованіемъ обращаясь къ Азіатику)

Что ты сказалъ?

МЕССАЛИНА.

Я милости прошу.

КЛАВДІЙ.

Къ кому?

МЕССАЛИНА.

Къ нему!... Пускай умретъ, какъ знаетъ...
Лишь умеръ бы!

КЛАВДІЙ (валерію).

Благодари жъ ее!...
Самъ выбирай родъ смерти!... Преторьянцы,
Ему дорогу дайте!

ВАЛЕРІЙ.

Ты достоинъ
Ее, она—тебя. Мое спасибо
Обоимъ вамъ.

БИТО.

О гнусное злодѣйство!
Вы можете?...

ВАЛЕРІЙ.

Не сокрушайся, Бито:
Я счастливъ тѣмъ, что, подлый міръ бросая
Подъ землю незапятнаннымъ сойду. (Онъ уходитъ).

КЛАВДІЙ (къ Бито).

Вѣдь истину сказалъ ты, гладіаторъ:
Онъ римлянинъ—и стараго покроя.
Твой долгъ велитъ патрону подражать.
Такъ не забудь на зрѣлищахъ ближайшихъ
Меня потѣшить. (Мессалинѣ) Ты теперь суди
Измѣнниковъ, что у тебя подъ стражей,
А я пойду въ исторіи моей
Событіе, столь важное, отмѣтить!

Сцена VIII.

Мессалина, и Бито.

Мессалина.

Чего жъ ты ждешь? Слова его заномни
И уходи.

Бито.

(Съ отчаяніемъ, кидаясь на колѣни передъ Мессалиной).

О, выслушай меня!
Умилосердись! Здѣсь передъ тобою,
Какъ передъ богиней, буду я лежать.
Виновенъ я и даже оправданья
Въ порывѣ дикой ревности, лишившей
Меня разсудка, я искать не буду.
Преступенъ я, преступнымъ быть хочу
И, весь въ слезахъ, молю о наказаньи....
Ты надо мной месть страшную сверши....
Спаси лишь Азіатика!...

Мессалина.

Надменныхъ
Я не щажу имперіи враговъ.
Ты надоѣлъ мнѣ! Прочь! Оставь меня!

Бито.

О нѣтъ! Ужель на столько презираешь
Меня теперь ты, что достойнымъ гнѣва
Ты не считаешь даже своего?
А ты меня любила.

Мессалина.

Я?

Бито.

Клянусь
Богами всѣми, ты меня любила.
Теперь, молю, возненавидь меня!
Межъ ядами Локусты избери
Сильнѣйшій ты—они тебѣ извѣстны....
Передъ тобой здѣсь выпью я его....

Ты будешь съ сладострастіемъ слѣдить
За мукою предсмертной человѣка,
Тебя любившаго, межъ тѣмъ, какъ я
Въ послѣднихъ корчахъ буду любоваться,
Счастливый, на лице твое, моля,
Чтобъ долго благосклонная Венера
Красу твою хранила....

Мессалина.

(Послѣ паузы поднимаетъ гладіатора и глядя на него страстно).

Значитъ, я
Кажусь тебѣ красивою?

Бито (настаивая).

Ты хочешь
Его спасти?

Мессалина (съ большою нѣжностью).

Красива я?

Бито (съ яростью).

Скажи:
Его спасти ты хочешь?

Мессалина (отталкивая его).

Не хочу.

Бито.

О, погоди! Подумай!

Мессалина.

Нѣтъ, довольно!
Рѣшила я! ступай!

Бито.

И не измѣнишь
Рѣшенья ты?

Мессалина.

Не измѣню.

Бито.

Въ минуту
Отчаянья такого мнѣ одна
Надежда улыбается....

Мессалина.

Какая жъ?

Бито.

Отмстить его!

(Уходитъ).

Сцена IX.

Мессалина (одна).

Безумецъ! Бойся ты
Минуты той, когда воспоминанье
О грубомъ оскорбленіи сильнѣй
Во мнѣ заговоритъ и я раскаюсь,
Что ты въ живыхъ остался.—Тріумвиръ!
Введи сюда ты узника!

Сцена X.

Мессалина и Силій.

Мессалина.

Приблизься!
Своихъ очей не смѣешь ты поднять
И весь дрожишь. И выдумалъ, безумный,
Меня бѣжать! Да развѣ ты не знаешь,
Что ты мнѣ—все, что для тебя могу,
Желаю я осмѣлиться на все!

Силій.

О горе мнѣ! Что сдѣлалъ я, несчастный!
Забудь мой грѣхъ, прости меня!

Мессалина (обнимая его).

О Силій!
Въ твоихъ словахъ чарующая сила:

Я все забыла. Вновь люби меня
И дай любить себя ты беззавѣтно!...

Силій.

Не называй меня неблагодарнымъ;
Напрасно я стараюсь заглушить
Въ моей груди предчувствія терзанье.
Твоя любовь страшитъ меня.

Мессалина.

Чего же
Боишься ты? Доселѣ никогда
Я не была надъ Клавдія душею
Могуча такъ: я царствую одна!

Силій.

А цезарскихъ любимцевъ ты забыла?

Мессалина.

Навѣты ихъ мнѣ дали въ руки власть
Всесильную....

Силій.

Довольно дуновенья
Малѣйшаго, чтобъ рухнула она.

Мессалина.

Не будь такъ малодушенъ!

Силій.

Малодушенъ!
Могу ли я надѣяться?! На что?!
Любовью опьяненная, влечешь
Меня ты въ бездну страшную.... Коль это
Тебѣ усладой служитъ, я, клянусь,
Не отступлю. Мнѣ будетъ наслажденьемъ
Съ тобой, богиня, въ долгомъ поцѣлуѣ
Послѣднее дыханье испустить....
Но для чего-жъ такъ скоро разбивать
Младой любви мечтанья золотыя,
Всю будущность?... Ты знаешь: по природѣ

Вѣдь Клавдій глупъ, измѣнчивъ и жестокъ,
А вкругъ него враги твои: мгновенье
Въ немъ слабости—и мы пропали. Хитрость,
Которой ты владѣешь такъ, сегодня
Спасла тебя, но завтра не поможетъ.
И это жизнь?! Меня зовешь ты трусомъ,
Такъ слушай же! Весь Римъ ужъ говоритъ
О нашемъ преступленьи, а исходъ
Преступникамъ бываетъ лишь одинъ:
Иль зная казнь иль страшная рѣшимость.

Мессалина.

Чего-жъ ты хочешь, Силій? Повторяй.
На все хочу рѣшиться я.

Силій.

На все?
Подумай же: одно я средство знаю,
Но новое и страшное....

Мессалина.

Какое-жъ?
Не мучь меня!...

Силій.

Чтобъ эхо во дворцѣ
Ужасныхъ словъ моихъ не повторило!...

Мессалина.

О говори!

Силій.

Коль дорогъ я тебѣ,
Коль жаждешь ты могущества и счастья....

Мессалина.

Что-жъ сдѣлать мнѣ?

Силій.

Ты все дерзнешь, не правда-ль?
Такъ слѣдуй же совѣту моему:
Лишь *бракъ* одинъ спасетъ насъ....

Мессалина.

Замолчи!
Какого-жъ брака хочешь ты? О боги!
Ты бредишь, Силій!

Силій.

Я въ своемъ умѣ.

Мессалина.

Но Клавдій живъ!

Силій.

Неужли-жъ дожидаться
Пока года сведутъ его въ могилу?

Мессалина.

Убить его! Нѣтъ, никогда!

Силій.

Повѣрь,
Я не имѣлъ такой преступной мысли
И твой испугъ обиденъ мнѣ: я лучше,
Чѣмъ обо мнѣ ты думаешь. Тебя я
Спасти хочу отъ козней безпощадныхъ
Твоихъ враговъ. Ужъ Риму надоѣло
Гнуть выю передъ бывшими рабами,
Любимцами державнаго глупца,
И Клавдій самъ, величья недостойный,
Лишь нехотя бразды держащій власти,
Ихъ безъ труда въ опасности оставитъ.
Онъ будетъ радъ предаться безъ стѣсненья
Излюбленнымъ занятіямъ своимъ,
Своимъ этрускамъ....

Мессалина.

И своей женѣ.
Меня онъ любитъ.

Силій.

Любитъ! Позволяя,
Чтобъ Агриппина нагло оскорбляла
Тебя въ любимомъ сынѣ? Вѣдь она

Ужъ замысловъ тщеславныхъ не скрываетъ....
На дядю слабоумнаго надѣясь,
Уже давно, съ любимцами его,
Крамольница тебѣ готовитъ гибель....
И день, и ночь лелѣетъ мысль одну—
Увидѣть императорскій вѣнецъ
На головѣ Домиція. И въ этомъ
Любовь ты видишь Клавдія? Опомнись!
Часы бѣгутъ, рѣшайся-жъ! Въ этомъ бракѣ
Тебѣ даю я средство отомстить
Соперницѣ и будешь ты одна
Владычицею Рима. Этой цѣли
Тебѣ легко достигнуть. Ужъ нашелъ
Въ войскахъ, въ сенатѣ, между преторьянцевъ
Сообщниковъ я сильныхъ и одинъ
Изъ консуловъ мнѣ помощь обѣщаетъ.
Что-жъ медлишь ты? Иль, можетъ быть, тебя
Въ моей любви сомнѣніе терзаетъ?
Не для тебя-ль красавицу жену
Свою прогналъ я, Гунію Силану?
Иныхъ заботъ, желаній сбросивъ бремя,
Твой нѣжный мужъ, тебя-бъ я окружалъ
Любовію и лаской безконечной,
Я-бъ замѣнилъ Британнику отца....

Мессалина.

О замолчи, безумецъ.... Если дальше
Тебя я стану слушать—я погибну!

Силій.

Своимъ отказомъ губишь ты дѣтей,
Обоихъ насъ....

Мессалина.

Ужасная минута!
На что-жъ должна рѣшиться я? Въ виски,
Какъ молотомъ, бьетъ кровь моя и разумъ
Колеблется.... Что дѣлать мнѣ?

Силій.

Подумай
О злобѣ Агриппины.

Мессалина.

Нѣтъ!... довольно....
Я думаю, что болѣе съ собой
Я совладать не въ силахъ.... сила рока
Меня влечетъ.... бороться не могу я....

Силій.

Такъ отвѣчай же мнѣ!

Мессалина.

Люблю тебя:
Вотъ мой отвѣтъ.

Силій.

И самый дорогой.

Мессалина.

Чтобъ не пришлось раскаяться мнѣ поздно!

Силій.

Что за слова?

Мессалина.

Назначь же день и мѣсто
Для исполненья плана своего.
Теперь уйди.... Не надо подозрѣній
Намъ возбуждать пока....

Силій.

О Мессалина!

Мессалина.

Ты плѣнникъ мой и помни, что тебѣ
Отнынѣ запрещаю изъ дворца
Я уходить....

Силій.

О если-бъ могъ всегда я....

Мессалина.

Иди скорѣй! вотъ цезаря шаги!...

(Силій уходитъ).

Сцена XI.

Мессалина, и Клавдій.

Клавдій.

Желаю я, чтобъ всѣ употребляли
Три новыхъ буквы въ разныхъ сочиненьяхъ,
Въ указахъ и посланіяхъ.... Ну что,
Покончила съ измѣнниками ты?...

Мессалина.

Они могучи, цезарь. Азіатикъ
Владѣетъ садомъ и дворцомъ Лукулла....

Клавдій.

И по́ сердцу тебѣ они, неправда-ль?
Я посмотрю, возможно ли казнѣ
Тебя потѣшить роскошью такою....

Мессалина.

Меня привелъ ты въ бѣдность, объ одномъ
Заботясь лишь, чтобъ туже набивать
Временщиковъ дырявые карманы.
Меня ты забывалъ.... Будь справедливымъ:
Отдай мое приданое назадъ.

Клавдій.

Приданое? Зачѣмъ же, Мессалина,
Тебѣ оно?

Мессалина.

Въ бездѣлицѣ такой
Ты мнѣ откажешь?...

Клавдій.

Прежде, чѣмъ уѣду,
Тебѣ его вручу я....

Мессалина (удивляясь).

Ты уѣдешь?
Когда?

Клавдій.

Сегодня, въ Остію.

Мессалина.

Сегодня?

Клавдій.

Жалѣешь ты? Со мной ты хочешь ѣхать?

Мессалина.

Нѣтъ, остаюсь. Такъ приготовь же мнѣ
Мое приданое. И пусть тебѣ
Даруютъ боги счастье, императоръ!

Сцена XII.

Клавдій, затѣмъ Палласъ, Нарцисъ, Каликстъ.

Клавдій.

И такъ меня ты быстро покидаешь?
Капризная красавица! Войди же,
Навѣтчикъ посрамленный! На колѣна
Всѣ предо мной!

(Перемѣняя голосъ).

Все ль для пути готово?

Палласъ.

На Тибрѣ трехвесельная ладья
Снаряжена къ отплытью.

Клавдій.

Хорошо!

(Направляется къ выходнымъ дверямъ и вдругъ останавливается).

Да! Слушайте,—чуть было не забылъ я....
Прежде всего я долженъ васъ спросить.... (Пауза),

Нарцисъ.

Задумался ты, цезарь? Что съ тобою?

Каликстъ.

Своимъ рабамъ откройся!

Палласъ.

Что случилось?

Клавдій.

(Послѣ паузы вольноотпущенникамъ, тревожно на него глядящимъ).

Когда жена отъ мужа своего
Приданое желаетъ взять обратно,
Что можетъ это значить?

Вольноотпущенники (переглядываясь и улыбаясь).

Но...

Клавдій (повелительно).

За мною!

(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сады Лукулла. Съ одной стороны сцены великолѣпный дворецъ, къ которому ведетъ мраморная лѣстница. Фонтаны, статуи, обелиски.

Сцена I.

Силій и авгуръ.

Силій.

Авгуръ, тебя привѣтствую съ роскошной
Террасы я, вѣнками Гименея
Душистыми и нѣжными убранной!
Всѣ прелести, что выдумалъ Лукуллъ, —
Его сады, его дворецъ богатый
Подарены мнѣ дивной Мессалиной.
Ты знаменья счастливыя, конечно,
Приносишь мнѣ!...

Авгуръ.

Верховные жрецы
Причислить день сегодняшній рѣшили
Къ числу тяжелыхъ.

Силій.

Это почему?

Авгуръ.

Онъ слѣдуетъ за идами.

Силій.

Авгуръ!
Взгляни въ лицо мнѣ прямо и, коль можешь,
То удержись отъ смѣха! Неужели
Въ свое, скажи, ты вѣришь ремесло?

Авгуръ.

Твоя невѣста дивная — супруга
Вѣдь цезаря; событіе столь ново,
Что есть надъ чѣмъ задуматься....

Силій.

Она
Разводную съ какимъ либо рабомъ
Отправитъ къ мужу первому — и только;
Таковъ законъ.

Авгуръ.

Увы! законъ намъ — цезарь!...

Силій.

А кто же я? Жду знаменій веселыхъ....
Ты понялъ ли? Введутъ мою невѣсту
Сенаторы знатнѣйшіе въ мой домъ,
Одинъ изъ консуловъ....

Авгуръ.

И такъ.... меня
Ты къ истинной измѣнѣ принуждаешь?

Силій.

Счастливая и мнимая измѣна!
При блескѣ брачныхъ свѣточей она
Среди цвѣтовъ душистыхъ совершится,
Вдали отъ воплей брани межъусобной....
Взойдетъ заря утѣхъ и наслажденій,
Вѣкъ прелести, любви и красоты....
И ты, авгуръ, эпохи славной будешь
Верховный жрецъ!

Сцена II.

Силій, авгуръ, гуннъ Виргиліанъ сенаторъ, Сульпицій Руфъ, Тицій Прокулъ, Вецій Валентъ, затѣмъ дѣвушки, отроки, музыканты съ флейтами и цитрами.

Виргиліанъ.

Отъ имени сената
Привѣтъ тебѣ!

Силій.

Ну что, Виргиліанъ?

Виргиліанъ.

Я только-что изъ Куріи; восторгъ
Царитъ вездѣ... Сейчасъ я слышалъ новость....

Силій.

Хорошую?

Виргиліанъ.

Да. Говорятъ, что Клавдій
Пробудетъ долго въ Остіи.

Вецій Валентъ.

А въ Римѣ
Всѣ заняты твоею свадьбой жены....

Силій (Улыбаясь).

Что жъ думаютъ о ней?

Вецій Валентъ.

Единогласно
Онѣ другаго Клавдія нашли
Въ своихъ мужьяхъ. Примѣръ ихъ соблазняетъ....

Сульпицій Руфъ.

Ну, Силіевъ такихъ имъ не найти!

Силій.

Сульпицій Руфъ?

Сульпицій Руфъ.

Всей храброй молодежи
Несу тебѣ я римской голоса.

Тицій Прокулъ.

Ты цезарь нашъ!

Силій.

Благодарю, герои!
Но довѣрять могу-ль я преторьянцамъ?

Виргиліанъ.

Пойдутъ за нами... Имъ я обѣщалъ
Награды, золото....

Силій.

Довольно! Мессалина
Сюда идетъ.

Тицій Прокулъ.

Душистыми цвѣтами
Усыпемъ путь!

Вецій Валентъ.

Пусть звуки флейтъ и лиръ.
На встрѣчу ей несутся!

Силій (авгуру).

Другъ авгуръ,
Свое лицо къ великому обряду
Ты приготовь. Прошу тебя, не смѣйся!

Дѣвушки.

О Гименей! О Гименей!

Юноши.

О Гименей! О Гименей!

Сцена III.

Входитъ свадебная процессія; впереди идетъ *мальчикъ*, несущій зажженный факелъ, за нимъ *Мессалина*. На ней прямая туника, на головѣ—брачное покрывало и сверхъ него вѣнокъ изъ розъ и померанцевъ. За ней слѣдуютъ *матроны, всадники* и между ними первый *консулъ Авлъ Вителлій*.

Авгуръ (мальчику).

Свой вѣщій линъ, о отрокъ, обращай
Таинственно ты къ четыремъ вѣтрамъ,
Да далеко отъ этихъ мѣстъ отнынѣ
Проносятся несчастіе и горе!

(Потомъ обращаясь къ Мессалинѣ, которая остановилась у подножія лѣстницы).

А ты, жена, покрывшая главу
Вѣнкомъ изъ розъ и брачнымъ покрываломъ,
Кто ты, скажи,—свое повѣдай имя!...

Мессалина.

Я Силія,—и въ этотъ домъ, гдѣ Силій
Хозяинъ и отецъ семейства, я
Хозяйкою и матерью семейства
Вступить желаю.

Августъ.

Ты произнесла
Сейчасъ слова священнаго обряда.

(Силію).

Что-жъ ты отвѣтишь ей?

Силій.

Она да будетъ
Отсель моей женою и хозяйкой.

Августъ.

Въ свидѣтели васъ брака призываю:
Тебя, Вителлій консулъ, васъ, матроны,
Сенаторы и всадники, трибуны,
Васъ, преторьянцы! Ты-жъ изъ рукъ моихъ
Приданое, которое твоя
Державная супруга мнѣ вручила,
Теперь прими, о Силій! Вотъ печать....

(Передаетъ Силію запись приданаго).

Дѣвушки.

О Гименей! о Гименей!

Юноши.

О Гименей! о Гименей.

Мессалина (съ энтузіазмомъ).

Да! призывайте Бога любви вы!
Пусть онъ слетитъ къ намъ—рѣзвый, красивый!
Страстныя грезы, дѣвы желанья
Пусть утолитъ онъ жаромъ лобзанья!...
Факелъ небесъ онъ, соль для земли:
Взмахъ его крыльевъ будитъ въ крови
Сладкую нѣгу, трепетъ веселья;
Міръ весь ликуетъ въ буйномъ похмѣльи....
Будемъ любить мы! Что намъ за дѣло,
Если иному жизнь надоѣла?
Что до бойцовъ намъ, въ битвахъ кровавыхъ,
Жертвуя жизнью, ищущихъ славы?!
Что до безсонныхъ, долгихъ ночей

Мудраго міра мудрыхъ мужей?!..
Наша наука—страсти объятья!
Пусть хоть Юпитеръ шлетъ намъ проклятья,
Пусть поцѣлуи жарче горятъ,
Пусть его стрѣлы насъ поразятъ!...

Дѣвушки.

О Гименей! о Гименей!

Юноши.

О Гименей! о Гименей!

Силій (Мессалинѣ).

Съ тобой меня торжественная клятва
Связуетъ днесь. Ее расторгнуть можетъ
Лишь смерть.

Мессалина.

О Силій!

Виргиліанъ.

Ты—императрица!
Какое имя ты прикажешь дать
Второму мужу твоему?

Мессалина.

Желаю,
Чтобъ Цезаремъ вы назвали его.

Многіе голоса.

Да здравствуетъ нашъ Цезарь!

Сульпицій Руфъ.

Императоръ,
Хвала тебѣ!

Силій.

Теперь за пиръ веселый!
Вѣнокъ изъ розъ мнѣ нынче украшенье,
Лавровый мнѣ ты завтра поднесешь!
Теперь со мной, владычица, ты вступишь
Въ свой новый домъ.

Авгуръ
(Мессалинѣ).

Но прежде чѣмъ войти,
Ты дверь его помажь елеемъ этимъ!
Отъ горныхъ ковъ оградою оно
И брачнаго защитой служитъ ложа....
Но берегись къ порогу прикоснуться
Стопою святотатственной своей!
Онъ посвященъ богинѣ Вестѣ чистой....

Силій.

Скиньте претексты, юноши! Дѣвы,
Намъ фесценинскіе пойте напѣвы.

Дѣвушки.

О Гименей! О Гименей!

Юноши.

О Гименей! О Гименей!

(Мессалина поднимается вверхъ по лѣстницѣ. Въ это время слышенъ звукъ флейтъ и лиръ).

Сцена IV.

Тѣ же. Вбѣгаетъ невольница.

Невольница.

Спасайтесь!

Силій.

Что за крики?!

Невольница.

Преторьянцы!

Голоса.

Гдѣ преторьянцы?

Силій.

Подлая измѣна!

Мессалина.

О Силій мой!

Сульпицій Руфъ.

Спасайтеся! Спасайтесь!

Авгуръ.

Изъ Остіи прибыло судно: день
Тяжелый былъ....

Голоса.

Бѣгите!

Юноши и дѣвицы.

Преторьянцы!

(Всѣ кричатъ и бѣгутъ).

Сцена V.

Мессалина, и Силій.

Мессалина.

Къ груди твоей прижавшись, жду я смерти....

Силій.

Ты бредишь?...

Мессалина (Страстно).

Я люблю тебя!

Силій.

Опасность
Намъ каждый мигъ потерянный родитъ....
Бѣжимъ скорѣй!... Быть можетъ, путь къ спасенью
Еще откроется....

Мессалина.

Увы! Нѣтъ силы
Мнѣ за тобою слѣдовать.... О Силій!
Останься здѣсь!...

Силій.

Я самъ себя спасая,
Спасу тебя.

Мессалина.

Не покидай меня!
Я умираю....

Силій.

Нѣтъ, пусти! я долженъ....

Мессалина.

Безжалостный! Послушай!... Силій, Силій!...

(Силій вырывается изъ объятій Мессалины и бѣжитъ.

Сцена VI.

Мессалина (смотря ему во слѣдъ).

И онъ.... посмѣлъ онъ руку протянуть
Къ повязкѣ цезарей?! Его
Могла любить я! Боги! Я теперь
Еще люблю его и безутѣшнѣй
Моя печаль отъ этого.... и ниже....

(Пауза).

Всѣ бросили меня.... Что пользы вѣрить
Въ послѣднюю, отчаянную храбрость,
Что въ сердце мнѣ вины вливаетъ чувство?...
Что жъ мнѣ осталось? Умереть—и только?
О дѣти бѣдныя мои! А если
Сказалъ онъ правду? Если же не все
Еще потеряно? Когда-бъ могла я
Мятежниковъ...? Бывало вѣдь справлялась
Съ крамолами я прежде же.... а Силій
О собственномъ лишь думаетъ спасеньи....
О негодяй!... Пусть каждое мученье
Предсмертное мое преградой ляжетъ
Въ твоемъ пути!... Пусть лучшій другъ откажетъ
Въ пристанищѣ и выдастъ палачу!...
Покинута я всѣми!... Дѣти, дѣти
Несчастныя!... Кто-жъ защититъ тебя,
Британикъ мой, отъ злобы Агриппины,
Когда съ тобой меня не станетъ, милый!
А я умру.... уже слабѣютъ силы,
Болѣзненно кружится гордый умъ....

(Она падаетъ на ступени террасы).

Приноситъ вѣтеръ крики, стонъ и шумъ
И звукъ оружія.... и черни ревъ голодной....
Она всегда предательски бѣжитъ....
Безъ жалости рази ихъ, преторьянецъ!
Меня не жаль имъ было.... Бей....

Сцена VII.

Мессалина, и Бито.

Бито.

А ты
Къ кому-нибудь когда имѣла ль жалость?

Мессалина.

Кто ты? Не подходи ко мнѣ! Вѣдъ Клавдій
Прислалъ тебя?....

Бито.

Нѣтъ, Силія жена!
Меня прислалъ Валерій Азіатикъ....

Мессалина (съ крикомъ ужаса).

Ты—Бито?!

Бито.

Да. На твой несчастный бракъ
Теперь незваным гостемъ я явился....
Забыла ты меня, неправда ли? Ты зла,
Но ты еще безумнѣе....

Мессалина.

Кто право
Тебѣ даетъ судить меня? Вѣдь я....

Бито.

Кто ты? Кончай! Не цезаря жена ли?...
Клянуся Марсомъ-Мстителемъ, ты лжешь!...
Ты Силія, а женщину такую
Судить могу—я, бѣдный гладіаторъ.

Мессалина.

Я не хочу внимать тебѣ....

Бито.

Зови-жъ
Своихъ рабовъ, сведи бровями грозно
И псы твои на клочья растерзаютъ
Мнѣ тѣло.... Такъ ли?... Ты одна? Я вижу
Гирлянды, цитры на землѣ.... Куда-жъ
Попрятались всѣ свадебные гости?...
И гдѣ-жъ пѣвцы? Гдѣ мужъ прекрасный твой,
Твой новый мужъ? Подъ брачнымъ покрываломъ
Ты страхомъ искаженное лицо
И блѣдное скрываешь.... О, напрасно
Стараешься собрать еще во взорѣ
Ты молніи при взглядѣ на меня!
Разскаянье глубокое навѣрно
Въ тебѣ теперь гнѣздится.... Иль, влюбившись
Въ красавца Силія, ты позабыла
Меня совсѣмъ?... А говорятъ, что къ свадьбѣ
У римскихъ женъ обычай красить косы
И украшать главу свою, втыкая
Въ нихъ остріе смертельнаго копья
Изъ раны гладіатора кровавой....
Ужасный символъ брака! И меня
Забыла ты? Зачѣмъ же черныхъ косъ
Своихъ моею кровью не хотѣла
Окрасить теплой?...

Мессалина.

Надо мной ругаться
Ты хочешь безнаказанно! Но знай:
Ты обольщенъ нежданной новизною
Событія, минутнымъ торжествомъ....
Но погоди! Пока еще всесильна
Я надъ душею Клавдія!

Бито.

Нѣтъ!.... Чаша
Преполнилась теперь его терпѣнья....
Напуганъ Клавдій, а когда боится—
Казнитъ онъ безъ разбора. Скоро будетъ
Онъ здѣсь за мною.

Мессалина.

Клавдій!... Здѣсь?!

Бито.

И я
Его скорѣй заставилъ возвратиться....

Мессалина.

Несчастный! Ты?

Бито.

Я не хотѣлъ, чтобъ Римъ
Его увѣдомилъ болтливый. Первый
Я Остіи достигъ, изнемогая
Подъ бременемъ усталости. Толпа
Временщиковъ презрѣнныхъ окружила
Меня въ восторгѣ и въ покой владыки
Ввела сейчасъ.... Безпечный и веселый,
Тамъ, лежа на триклиніи, не ѣлъ,
А пожиралъ онъ бѣшено и вина
Лились ручьемъ несякнущимъ въ гортань....
Позоръ его, задуманную свадьбу
И дерзость Силія повѣдалъ я ему
Въ то время, какъ сенаторы и консулъ,
Который съ нимъ, кой-кто изъ преторьянцевъ
Комедіи смѣшной рукоплескали....
Сначала онъ остолбенѣлъ, не въ силахъ
Повѣрить мнѣ; потомъ по одному
Послалъ своихъ отпущенниковъ въ лагерь.
Лишь двухъ когортъ начальниковъ да малость
Людей съумѣлъ твой Силій подкупить.
Осталось вѣрнымъ большинство и нынѣ
Ряды ихъ окружаютъ садъ Лукулла,
Чтобъ изъ мятежниковъ не могъ никто
Избѣгнуть кары заслуженной. Да.
Ты, Силія жена, и ты сама
Не двинешься и не уйдешь покуда
Не явится самъ цезарь. Стражъ твой—я!

Мессалина.

Упрямое, безумное усердье!
Ты опекунъ что ль цезаря? Игрушка

Страстей народныхъ, ты, рабомъ рожденный,
Законами на вѣкъ лишенный чести?
О! если разъ—не въ силахъ устоять
Противъ порыва страстнаго—когда-то
Тебя я полюбила—что по нынѣ
Однимъ ты сномъ считаешь—такъ скажи,
Виновною-ль я стала предъ тобой,
И было-ль это тяжкимъ преступленьемъ,
Что страшнымъ ты мнѣ платишь воздаяньемъ?...

Бито.

Я не забылъ твое благодѣянье....
Я справедливъ. Единственной отрадой
И сладкой, и мучительной была
Мнѣ эта ночь; и если бъ ты убила
Меня въ тотъ мигъ, когда я смерть просилъ,
О женщина ужасная,—я бъ умеръ,
Тебя благословляя!—Но теперь
Живу одной лишь ненавистью я,
И эта ненависть изгнала изъ сознанья
Всѣ радости, всѣ скорби прежнихъ дней,
Съ тѣхъ поръ какъ ты рѣшилась отомстить
Мнѣ смертію другаго....

Мессалина.

Онъ виновенъ
Былъ въ оскорбленьи цезаря; онъ первый
Былъ изъ убійцъ Калигулы.

Бито.

Горжусь,
Что былъ межъ нихъ послѣднимъ я. Преступенъ
Въ твоихъ глазахъ былъ Азіатикъ тѣмъ,
Что былъ богатъ, и тѣмъ, что я, несчастный,
Его любилъ....

Мессалина.

Что-жъ хочешь ты сказать?

Бито.

Вотъ этотъ садъ прелестный, что когда-то
Прославился во времена Лукулла;

Онъ, какъ художникъ истинный, его украсилъ
Статуями и звучнымъ водопадомъ,
И рощъ тѣнистыхъ сладкою прохладой....
Здѣсь все знакомо мнѣ: еще ребенкомъ
Я здѣсь рѣзвился, помню.... А въ тебѣ
Богатство это зависть возбудило
И, давъ едва хозяину скончаться,
Ты на него накинулась.... За мной!
Смотри сюда!

Мессалина.

Нѣтъ!

Бито.

Повинуйся мнѣ!
Ты видишь землю обожженую.... вотъ пепелъ,
Вотъ щепки обогрѣлыя.... Здѣсь.... Здѣсь....
Здѣсь былъ костеръ воздвигнутъ для него....
Для Азіатика несчастнаго....

Мессалина.

Оставь
Меня!... Увы! нѣтъ силъ....

Бито.

Въ весельи
Его зажгла тогда ты, а теперь
Тебя страшатъ бездушные останки!...
Не все еще: взгляни на этотъ холмъ.
Съ него журча стекаютъ ручейки
А изъ травы выглядываютъ розы
Душистыя, блистая красотой....
Тамъ я сперва дрожащею рукой
Воздвигъ костеръ и ужъ окончилъ было
Свой подвигъ похоронный, какъ пришелъ
Валерій.... Улыбаясь, онъ просилъ
Меня костеръ въ иномъ воздвигнуть мѣстѣ,
Чтобъ розъ его не оналило пламя....
И до конца онъ духомъ твердъ остался,
Любуясь розами своими.... Ахъ! и ты
Вѣнкомъ изъ розъ украсилась.... быть можетъ,
Ты здѣсь, здѣсь сорвала ихъ....

Мессалина.

Нѣтъ, не правда!
Назадъ! Прочь отъ меня!

Бито.

Смирись! Напрасно
Твое сопротивленье.

Мессалина.

Что жъ со мной
Ты хочешь сдѣлать?...

Бито.

Повинуйся!

Мессалина.

Нѣтъ!
Пусти меня!

Бито.

Смотри же: разрываю
Я твой вѣнокъ, какъ ты разорвала,
Развратная, мнѣ сердце!... здѣсь... на мѣстѣ,
Что смерть прославила, склони колѣна,
Здѣсь ницъ пади!... Я здѣсь не человѣкъ,
Я духъ могилъ, поруганныхъ тобою....
И если ты въ стремленіи позорномъ,
Забывъ и стыдъ, и гордость, ни себя,
Ни цезаря, ни Римъ не пожалѣла,
Такъ преклонись теперь передъ богами
Подземными!... Ихъ высшія права
И для тебя священны....

Мессалина.

О! когда-бъ
Тотъ могъ любить такъ, какъ безумецъ этотъ
Лелѣетъ мертвеца, мнѣ не пришлось бы
Страдать теперь....

Бито.

Да! Онъ любилъ тебя
Какъ должно,—по достоинству,—какъ любятъ
Все низкое....

Мессалина.

И ты таковъ, какъ онъ!
Надъ женщиной ты можешь издѣваться,
Надъ женщиной, которую судьба
Во власть твою, во власть враговъ бросаетъ!...

(Съ мучительной тревогой).

О горе мнѣ! И я должна живою
Достаться въ руки цезарскихъ рабовъ
И въ руки Агриппины? На меня
Донесъ ты первый Клавдію.... Кончай же
Свое ты дѣло, добрый гладіаторъ,
Убей меня!

Бито (отступая).

Убить.... тебя!?

Мессалина.

Не смѣешь?
Часы бѣгутъ.

Бито.

Убить.... тебя?!—Закройся,
Не жги меня ты взоромъ!...

Мессалина.

Что же это
За ненависть, когда въ тебѣ нѣтъ силы
Меня убить?

Бито.

Меня терзаютъ чары
Твоихъ очей безцѣнныхъ роковыя....
О! Ты могла-бъ иную силу влить
Въ мой духъ, рѣшимость умереть сто кратъ,
Чтобы тебя....

Мессалина (съ отчаяніемъ бросается въ объятія Бито).

Спаси-жъ меня теперь,—
И я твоя!

Бито.

Моя?!

Мессалина.

Рѣшай! На выборъ:
Спаси меня или убей скорѣе.

Бито.

(Послѣ нѣсколькихъ мгновеній судорожной нерѣшимости).

Рѣшился я.... Идемъ!... Ты, Азіатикъ,
Прости мнѣ! Эта женщина сильнѣе,
Могущественнѣй памяти твоей!
Идемъ!... А! мы пропали!... Преторьянцы!...

Мессалина.

Ты ихъ привелъ!

Бито.

Я накажу себя!

Сцена VIII.

Мессалина, Бито, Палассъ, преторьянцы.

Палласъ.

Обшарьте всѣ углы здѣсь и въ цѣпяхъ
Преступниковъ въ преторію ведите!

Бито (обнаживъ мечъ и ставъ для защиты Мессалины).

Никто не смѣй приблизиться!

Палласъ (указывая на Бито).

Пронзите
Безумца этого!

(Бито падаетъ подъ ударами преторьянцевъ).

Мессалина (видя паденіе Бито).

Увы! ты умираешь!

Бито.

Съ любовію къ тебѣ! (Умираетъ).

Палласъ (Мессалинѣ).

Вотъ императоръ!

Мессалина (кинувъ взоръ на трупъ Бито).

Онъ болѣе нестрашенъ мнѣ теперь!

Сцена IX.

Тѣ же. Клавдій, Нарцисъ и преторьянцы.

Нарцисъ.

Властитель, предъ тобою Мессалина!

Клавдій.

Тьфу! Августомъ клянусь, не понимаю!
Скажи: кто императоръ римскій—я
Иль этотъ Силій?

Мессалина.

(Съ страшною рѣшимостью становясь передъ Клавдіемъ).

Ты!... Казни меня!...

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Зала въ императорскомъ дворцѣ, въ глубинѣ трикліній, справа библіотека.

Сцена I.

Нарцисъ, Каликстъ и Палласъ.

Каликстъ.

Что новаго, Палласъ?

Палласъ.

Кай Силій умеръ.

Нарцисъ.

Какъ? Разскажи!

Палласъ.

Едва, подъ стражей, скованъ,
Въ тюрьму онъ Туллія былъ отведенъ
Среди насмѣшекъ и ругательствъ черни,
Онъ кару заслуженную свершилъ
Самъ надъ собой: о камень стѣнъ тюремныхъ
Себѣ разбилъ онъ голову.

Нарцисъ.

Впервые
Знать на плечахъ почувствовалъ её.

Палласъ.

Такъ да погибнутъ Клавдія враги
И наши всѣ!

Каликстъ.

Сюда идетъ онъ!

Сцена II.

Тѣ же и Клавдій.

Нарцисъ.

Счастье
Тебѣ!

Каликстъ.

И долгоденствіе!

Палласъ.

И слава!

Клавдій (улыбаясь).

Но не жена, влюбленная въ меня
И честная?—Нѣтъ, Августомъ клянусь,
Такое пожеланье было бъ горькой
Сатирой для меня.

Палласъ.

О! Много женщинъ
Гордились бы принесть тебѣ съ собой
Въ приданое супружескую вѣрность,
Красѣ ихъ равную.

Клавдій (садится)

И въ свой чередъ,
Когда бы каждая могла женою
Моею быть, она, повѣрьте, стала-бъ
Развратной и преступною. Давно
Съ такой судьбой я свыкся. Обвѣнчался
Чуть юношей съ красавицею я
Эмиліей Лепидой и казалась
Она полна наивной доброты,
И что жъ? Она посмѣла отозваться
Объ Августѣ мнѣ дурно и её
Къ родителямъ я отослалъ обратно
Еще дѣвицею. Потомъ себѣ избралъ
Я Ливію, отъ крови благородной
Диктатора Камилла; эта, правда,
Развратомъ отличиться не успѣла:
Её нашелъ я мертвою въ день свадьбы.

Что вамъ сказать о Планціи? Отецъ
Ея тріумфъ свой праздновалъ блестящій
Надъ дикими германцами, а дочь
Съ пороками бороться не умѣла:
Сварливая, надменная и злая,
Охотница до ядовъ и до лжи.
Еще разводъ. Объ Эліи Петинѣ
Я умолчу.... и съ ней я развелся!...
И что-жъ меня подъ старость ожидало?
Ужасное, неслыханное дѣло,
Которое чтецы лѣтописей
Сочтутъ пустою басней: Мессалина
Въ супружество съ другимъ вступить дерзнула
Когда я живъ и цезарь!

Каликстъ.

Мести ждетъ
Римъ отъ тебя!

Нарцисъ.

Смыть это преступленье
Ты долженъ кровью!...

Клавдій.

Я уже обдумалъ:
Опять свой бракъ расторгну съ недостойной!
Четвертый это будетъ мой разводъ.

Палласъ.

Но это мало.

Клавдій.

Что же?

Палласъ.

Умереть
Она должна....

Клавдій (вставая).

Палласъ!...

Нарцисъ.

Ея любовникъ,
Безумный Силій умертвилъ себя
Въ тюрьмѣ сегодня.

Клавдій.

И прекрасно сдѣлалъ!

Палласъ.

Сообщниковъ ея приговорятъ
Къ позорной казни, и въ живыхъ оставишь
Ты преступленья первую причину?
Я былъ сейчасъ у преторьянцевъ: крики
Ихъ къ небесамъ возносятся; они
Горюютъ о поруганномъ величьи
Имперіи и Рима. Правосудье!
И пусть оно ужасно будетъ, цезарь!
Дай миръ умамъ взволнованнымъ!

Клавдій.

Коль каждый
Изъ воиновъ ею болѣе меня
Обиженъ,—пусть умретъ прелюбодѣйка!
А женщина прелестная она!...
Бѣдняжка!... Жаль!

Палласъ.

Ты вспомни преторьянцевъ!

Клавдій.

Сейчасъ явлюсь къ нимъ; ужъ въ умѣ составилъ
Я рѣчь свою: торжественную клятву
Я имъ даю остаться холостымъ.
И Римъ спасу, и вѣрныхъ преторьянцевъ
Отъ новыхъ поруганій....

Каликстъ.

Поклянешься
Напрасно ты!

Нарцисъ.

Жить безъ жены не можешь
Ты, цезарь!

Клавдій.

Какъ?!

Палласъ.

На чьей иной груди
Ты сладкое найдешь отдохновенье
Отъ бдѣній для науки и заботъ
Правленья тяжкихъ?...

Нарцисъ.

Эліи Петина
Происхожденья знатнаго....

Клавдій.

Съ ума
Ты сходишь, что-ль? Её прогналъ я....

Нарцисъ.

Да,
Но по причинамъ слабымъ; и обратно
Призвать бы могъ Антоніи ты мать;
Съ порядками она знакома дома
И мачихой прекрасною другимъ
Твоимъ была бы дѣтямъ....

Клавдій.

Не хочу я!

Каликстъ.

А Саллія Павлина? Консулъ былъ
Ея отецъ: любезна, кротконравна
И цѣломудренна....

Клавдій.

Тебя избавлю
Я отъ похвалъ дальнѣйшихъ.

Палласъ.

Неужель
Не внемлешь ты хваленью Агриппины?
Изъ рода Клавдіевъ, она въ наслѣдство
Съ великой кровью доблесть получила
Германцевъ побѣдителя; въ дѣлахъ
Правленія искусна, И кто-жъ
Изъ всѣхъ, скажи, патриціанскихъ женъ

Достойнѣе и знатностію рода,
Красою и умомъ такого мужа?

Клавдій (самодовольно).

Все это правда, но....

Палласъ.

Что говоришь ты?

Клавдій.

Между племянницей и дядей бракъ
Законъ нашъ воспрещаетъ.

Палласъ.

Ты законъ!
Рядъ новыхъ браковъ можешь ты начать.
Вѣдь для того сенатъ и существуетъ,
Чтобы твои желанья утверждать....
А Мессалина?

Клавдій.

Если преторьянцы
Желаютъ такъ,—пускай умретъ она....

(Слышенъ плачь за лѣвой дверью).

Что тамъ за плачъ?

Каликстъ.

Она войти желаетъ....

Палласъ.

Кто?

Каликстъ.

Мессалина.

Палласъ.

Дерзкое безстыдство!

Нарцисъ.

Вибидія идетъ съ ней, изъ весталокъ
Старѣйшая.

Палласъ.

Пусть силой удалятъ
Её отсель!

Клавдій (съ величайшимъ равнодушіемъ).

Къ чему поспѣшность эта?
Бѣдняжка! Я войти ей дозволяю:
Пусть оправдается....

Палласъ.

И измѣнилъ
Ты ужъ намѣренье!

Клавдій (горячась).

Я такъ хочу,
Клянуся Августомъ! Такъ повинуйтесь!

(Вольноотпущенники удаляются въ залу Триклинія).

Сцена III.

Клавдій и Мессалина.

Мессалина (входитъ, опираясь на весталку Вибидію).

О, выслушай ты мать своихъ дѣтей:
Октавіи, Британика!... О цезарь!...

(Падаетъ предъ нимъ на колѣни и плачетъ).

Клавдій (глядя на нее).

Безумная, что сдѣлать ты рѣшилась?!

Мессалина.

Прости меня!

Клавдій.

Предъ Римомъ, всенародно
Меня ты оскорбила и твоей
Римъ казни требуетъ!

Мессалина.

Ты—Римъ! Скажи
Лишь слово мнѣ—и Римъ меня проститъ!...

Клавдій.

Несчастная, несчастная! Въ какую
Ты бездну опустилась униженья:

Власть Силія признала надъ собой....
Вѣдь для него была бы ты ступенью,
Чтобы взойти на цезарскій престолъ;
Разъ удалось ему достигнуть цѣли,—
Твое давно извѣдавъ вѣроломство,
Насытившись любовію твоей,
Тебя бъ прогнать онъ, вѣрь мнѣ, не замедлилъ,
Но гнѣвъ боговъ его уже настигъ.

Мессалина (съ ужаснымъ крикомъ)

Онъ умеръ?!

Клавдій.

Да! И ты о немъ жалѣешь?

Мессалина.

О нѣтъ! клянусь твоею головою,
Безсмертными клянуся, мнѣ не жаль!
Прости меня! Раскаянье, печаль
Мою главу склоняютъ предъ тобою....
Я отрицать не смѣю преступленье
И лжи грѣхомъ прогнѣвать небеса!....
Не я прошу!... Въ рыданьяхъ и моленьи
Иные ты услышишь голоса....
Твоихъ дѣтей то вопли, императоръ!
Они невинны.

Клавдій.

И въ отцы рѣшила
Ты Силія имъ дать?

Мессалина.

Я заслужила
Твое презрѣнье. Умъ мой помутился,
Волшебный міръ обманывалъ меня
И мыслей вихрь въ главѣ моей кружился
И въ жилахъ кровь полна была огня....
И вся въ жару свирѣпой лихорадки,—
Безумная!—я все низвергла въ прахъ,
Гоняяся, какъ въ бѣшеномъ припадкѣ,
За призракомъ, взлелѣянномъ въ мечтахъ....
Я женщина.... Иныя наслажденья

Васъ манятъ вдаль: опасность, торжество,
И храмъ наукъ, и грозный крикъ сраженья!...
Для насъ однихъ—младенецъ-божество,
Для насъ—любовь....

Клавдій.

Ну полно, встань!

Мессалина.

Не кину
Твоихъ колѣнъ я....

Клавдій.

Встань!

Мессалина.

Нѣтъ! Дай отвѣтъ мнѣ
Ты прежде: ты простишь меня?

Клавдій.

Рѣшенья
Ты требуешь: о немъ мнѣ поразмыслить
И много надо, прежде чѣмъ изъ устъ
Моихъ оно исторгнется. Да полно!
Вставай же, Мессалина! Не рыдай
Ты горько такъ! И такъ вѣдь это горе
Красу лица заставило поблекнуть....

Мессалина. (вставая и ласкаясь къ Клавдію).

А любишь ты еще мое лицо?

Клавдій.

Люблю!

Мессалина. (быстро).

Не безпокойся: я съумѣю
Его былую прелесть возвратить.
Лишь для тебя красивой я отнынѣ
Желаю быть; раба твоихъ желаній,
Съ минуты этой стану мучить я
Тебя, лаская, поцѣлуями. А ты,

Неправда ли, меня ты будешь слушать?
И чтобъ теперь намъ новый миръ упрочить,
Съ тобою мы изгнанья путь укажемъ....

Клавдій.

Кому?

Мессалина.

Твоимъ племянницамъ лукавымъ
И навсегда изгонимъ изъ дворца
Твоихъ рабовъ отпущенныхъ.... О нашемъ
Британникѣ заботясь объ одномъ,
Его ты въ добродѣтели наставишь
И къ славѣ путь укажешь ты ему
И къ подвигамъ высокимъ.... А потомъ,
Когда съ себя сложить правленья бремя
Захочешь ты, и съ нимъ раздѣлишь власть,
Тогда врагамъ, которые открыто
Паденья моего желали, я скажу
Съ величьемъ римскимъ: дерзкіе, склонитесь
Предо мной: я жена и мать
Двухъ императоровъ!

Клавдій.

О! мастерица
Къ себѣ манить ты, Августомъ клянусь!
Но ничего еще не обѣщалъ я,
Да многаго вѣдь слишкомъ у меня
И просишь ты....

Мессалина (снова опускаясь на колѣни и плача).

Увы! увы!

Клавдій.

Да полно!
Не плачь!

Мессалина.

Увы! опять меня повергнулъ
Ты въ неизвѣстность—худшее изъ золъ....
О цезарь, помоги мнѣ! Вся дрожу я
И жду рѣшенья твоего....

Клавдій.

Кто знаетъ?

Быть можетъ....

Мессалина.

Пожалѣй меня!

Клавдій.

Ступай!

Довѣрься Клавдію!.... Я на минуту
Зайду въ книгохранилище, а ты....
Ты ларамъ помолися всемогущимъ,—
Они тебѣ помогутъ....

Мессалина.

И могу
Надѣяться, неправда-ль, я?...

Клавдій.

Надѣйся.

(Прощается съ женою и уходитъ въ библіотеку).

Сцена IV.

Мессалина.

За мной, за мной побѣда!!.. Вы дрожите,
Презрѣнные виновники страданій
Моей души!... Какъ вѣрно, что жива я,
Я погубить съумѣю васъ!...

(Уходитъ налѣво).

Сцена V.

Палласъ, Нарцисъ, Каликстъ, затѣмъ Эродъ.

Палласъ.

Съ угрозой

Ушла она!

Нарцисъ.

Что-жъ намъ осталось?

Палласъ.

Средство
Послѣднее!...

Каликстъ.

И ты рѣшишься?

Палласъ.

Бойтесь
Вліянья ночи близкой вы и ложа!...
Эродъ! Вотъ перстень цезаря!... Иди
И покажи его центуріону,
Что тамъ стоитъ на стражѣ!... Пусть не медля
Убьетъ онъ Мессалину!... Ты, Нарцисъ,
Ступай за нимъ!...

(Эродъ и Нарцисъ выходятъ на лѣво).

Сцена VI.

Палласъ и Каликстъ.

Каликстъ.

На страшное мы дѣло
Рѣшились!

Палласъ.

Еще одно мгновенье
И—для нея назначенная смерть
На наши пала бъ головы?

(Слышенъ протяжный крикъ).

Ты слышишь?

Каликстъ.

Идемъ скорѣе! Спрячемся!

(Прячутся за занавѣсомъ, скрывающимъ триклиній).

Сцена VII.

Мессалина.

(Входитъ раненая, старается дотащиться до библіотеки и падаетъ).

Спасите!... Клавдій!... И никто не слышитъ!...
Я умираю!... Клавдій!... Мои дѣти
Несчастные!...

(Умираетъ).

Сцена VIII.

Нарцисъ, Эродъ, Палласъ и Каликстъ.

НАРЦИСЪ.

Куда пошла она?

ПАЛЛАСЪ (указывая на трупъ Мессалины).

Вотъ здѣсь она.... уже мертва!

НАРЦИСЪ (Палласу).

Возьми
Кольцо назадъ!

ПАЛЛАСЪ.

Что жъ центуріонъ?

НАРЦИСЪ.

Кинжаломъ
Её пронзилъ....

ПАЛЛАСЪ.

Ну, мы должны теперь
Прибрать кровавый этотъ трупъ....

КАЛИКСТЪ.

Ужъ Клавдій
Идетъ назадъ, мы опоздали....

ПАЛЛАСЪ.

Скроемъ
Отъ глазъ его по крайней мѣрѣ.
(Бросаютъ свои плащи на трупъ Мессалины).

Сцена IX и послѣдняя.

Тѣ же. Клавдій, затѣмъ Агриппина, Домицій Неронъ, рабъ.

КЛАВДІЙ (выходитъ изъ библіотеки, читая книгу).

Вѣрно!
Вѣдь у меня чудовищная память!
Такъ!... Дамарантъ Коринѳскій былъ творцомъ
Этрусской азбуки, и....

Рабъ (приподнимая занавѣсъ триклинія).

Ужинъ на столѣ!

Клавдій.

Да! время... время.... Гдѣ-жъ Палласъ?

(Палласъ подходитъ къ Клавдію).

Поди, скажи, что жду я Мессалину.

Палласъ.

О цезарь! Мнѣ прискорбно, но ты самъ
Вѣдь приказалъ убить ее сегодня....

Клавдій (удивленный).

Я?!.. Какъ!.. Когда?

Палласъ.

Намедни.

Клавдій.

Не припомню.
Другую ночь провесть мнѣ одному!

Увидивъ Агриппину, которая направляется къ триклинію, ведя за руку Домиція Нерона).

А, Агриппина! Какъ сегодня ты
Раздушена, прелестна и игрива....
И ты, Домицій!—юноша красивый.
Какъ къ тогѣ-то пойдутъ твои черты!
Ты скоро мнѣ въ совѣтѣ будешь нуженъ:
Игрушки брось!... Ну, а теперь за ужинъ!

конецъ.

Пер. А. Аксаковъ.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ДѢЙСТВО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XXI.

Шепелевъ даже во снѣ увидѣлъ ряженаго красавца офицера, даже какъ видѣлъ! Офицеръ этотъ поцѣловалъ его.... Шепелевъ ахнулъ и проснулся отъ волненія.

На утро, послѣ ротнаго ученья и послѣ перваго урока нѣмецкаго языка у Державина, Шепелевъ, проходя дворъ, былъ вдругъ остановленъ капитаномъ своего полка Пассекомъ. Этого офицера онъ только видалъ, но никогда не случалось ему съ нимъ разговаривать.

Шепелевъ зналъ, что это одинъ изъ лучшихъ и уважаемыхъ въ полку офицеровъ. Пассекъ же зналъ, что новый рядовой тоже изъ дворянъ и живетъ у вновь переведеннаго къ нимъ лейбъ-компанца Квасова, котораго онъ не взлюбилъ и съ которымъ онъ былъ въ холодныхъ отношеньяхъ. Случилось это вслѣдствіе чрезмѣрной строгости Квасова къ солдатамъ, которыхъ вообще офицеры, въ силу установившагося обычая или преданія въ этомъ первомъ и лучшемъ полку гвардіи, держали крайне свободно и даже чрезъ мѣру баловали всегда.

Старшій офицеръ полка, недавно произведенный государемъ въ подполковники, генералъ-прокуроръ и фельдмаршалъ старый князь Никита Юрьевичъ Трубецкой подавалъ самъ примѣръ легкихъ взысканій за довольно иногда важные проступки. Вообще, старшіе офицеры подавали примѣръ легкаго отношенья къ тому, что недавно, по примѣру Фридриха, стали называть заморскимъ словомъ и говорили: воинскій дисциплинъ. У русскаго человѣка въ родномъ языкѣ—и слова такого не нашлось.

Пассекъ, при видѣ Шепелева, первый, противъ обыкновенья, издали поклонился ему и, быстро подойдя, заговорилъ неспокойнымъ голосомъ.

— Я очень радъ, что повстрѣчался съ вами, государь мой. Я шелъ къ вамъ съ просьбой. Вы были въ ту ночь на часахъ у принца Жоржа вмѣстѣ съ Державинымъ?

— Точно такъ-съ.

— Правда ли, что я слышалъ отъ этого рядоваго на счетъ внезапно явившагося ночью къ принцу офицера Голштинскаго войска?

— Сущая правда.

— Въ кастрюлѣ?

— Да-съ, т. е. въ эдакой большой чашкѣ—серебряной....

— Вы знаете его имя...: Но навѣрное!... Не по слухамъ!

— Его назвалъ при насъ камердинеръ принца. Это капитанъ или ротмейстеръ Котцау.

— Такъ это точно! Такъ это истинно! съ волненьемъ выговорилъ Пассекъ, пытливо глядя въ лице юноши. Котцау, фехтмейстеръ прусскій? Вы слышали сами это имя?!

— Да-съ.

— Пріѣзжій недавно изъ Германіи?

— Ну, этого я доподлинно не могу вамъ....

— Но имя Котцау? прервалъ Пассекъ, видимо смущенный. Вы хорошо помните? Это главное, что я желалъ бы знать отъ васъ.

— На счетъ этого я навѣрно могу вамъ доложить, потому что когда я былъ потомъ позванъ къ принцу въ кабинетъ, то онъ, говоря съ нимъ....

— Какъ въ кабинетъ?! Такъ вы были у принца. Державинъ этого не сказалъ. Ради Создателя разскажите мнѣ все....

Шепелевъ сталъ было разсказывать подробно, но Пассекъ въ волненіи перебилъ его и спросилъ.

— Пожелаете ли вы услужить мнѣ и моимъ пріятелямъ Орловымъ?... Это дѣло, сударь, важнѣе, чѣмъ вы полагаете.

— Все, что будетъ вамъ угодно приказать мнѣ, отвѣчалъ Шепелевъ.

— Вы мнѣ сдѣлаете великую послугу, если согласитесь не медля ѣхать со мной къ Орловымъ и передать имъ самолично все, что вы знаете, все что было въ ночь. Тамъ мы васъ разспросимъ подробно обо всемъ....

Шепелевъ, слыхавшій уже про братьевъ Орловыхъ и про то, что у нихъ на квартирѣ вѣчное сборище всѣхъ шалуновъ и озорниковъ гвардіи, колебался, боясь выговора отъ дяди Квасова, за посѣщенье такой отпѣтой компаніи. Съ другой стороны, его самолюбію льстила мысль побывать въ обществѣ извѣстныхъ въ столицѣ щеголей офицеровъ.

Бывать у Орловыхъ—значило быть хватомъ и, конечно, ни одинъ рядовой изъ дворянъ не бывалъ у нихъ.

— Орловы будутъ очень рады познакомиться съ вами. Они славные ребята, сказалъ Пассекъ, видя что Шепелевъ колеблется. Вы, наконецъ, можете и не ходить къ нимъ послѣ. Я васъ прошу теперь поѣхать, чтобы лично передать имъ подробности дѣла, очень для нихъ важнаго.

Шепелевъ мысленно махнулъ рукой на дядю Квасова. Онъ отчасти уже собирался доказать названому дядѣ на дѣлѣ свою самостоятельность и желаніе начать жить своимъ разумомъ. Онъ согласился и они поѣхали.

Чрезъ полчаса кучеръ Пассека остановился у большаго дома банкира Кнутсена, помѣщавшагося на самомъ углу Невскаго проспекта и большой Морской, рядомъ съ старымъ зимнимъ дворцомъ, который выходилъ угломъ къ Полицейскому мосту.

Когда оба они входили по лѣстницѣ, то издали уже слышенъ былъ веселый гулъ голосовъ.

— Агафонъ! всѣ господа дома? спросилъ Пассекъ показавшагося старика лакея.

— Всѣ-съ. Пожалуйте! сказалъ этотъ, снимая шубы съ гостей. И хорошее дѣло, что вы прибыли, Петръ Богдановичъ! Безобразничанью помѣшаете.

— А что? усмѣхнулся Пассекъ.

— А вотъ войдите, увидите. Ноги ломать себѣ хочетъ Григорій Григорьевичъ. Да и махонькаго Владиміра-то Григорьевича изколѣчитъ. Ужъ его-то бы не трогали. Сейчасъ вотъ черезъ полъ дюжины стульевъ выдумали прыгать. Мало вишь трехъ.

Пассекъ вмѣстѣ съ Шепелевымъ вошли въ большую горницу. Когда дверь отворилась гулъ голосовъ цѣлаго десятка офицеровъ, хохотъ и споръ — все прекратилось сразу отъ новаго незнакомаго лица рядоваго преображенца.

— А? Богданычъ! Здравствуй Пётра! Иди! Богдыханычъ! Здорово!.... И его тоже заставить надо!... раздались голоса отовсюду.

Шепелевъ, нѣсколько смущаясь, озирался кругомъ, стараясь угадать хозяевъ, но Пассекъ тотчасъ познакомилъ его съ тремя офицерами, головами выше всѣхъ остальныхъ и назвалъ ему Орловыхъ: цалмейстера Григорія, преображенца Алексѣя и семеновца Ѳедора.

Затѣмъ Пассекъ прибавилъ громче, какъ-то налегая на слова.

— Господинъ Шепелевъ, племянникъ нашего капитанъ-поручика Квасова—и живетъ съ нимъ вмѣстѣ.

Шепелевъ замѣтилъ, что кой-кто изъ офицеровъ переглянулись, а нѣкоторые изъ нихъ и въ томъ числѣ Алексѣй Орловъ, слегка нахмурились.

— Чѣмъ прикажите угощать, сударь? спросилъ Шепелева Григорій Орловъ, настоящій хозяинъ квартиры, такъ какъ братья его жили по близости полковъ.

Пассекъ перебилъ его и, объяснивъ, что Шепелевъ явился по его личной просьбѣ, просилъ всѣхъ внимательно прослушать въ чемъ дѣло.

— Разскажите, пожалуйста, подробно все, что вы видѣли и знаете. Только зовите *того* гольштинскимъ офицеромъ, а фамиліи не называйте, сказалъ онъ Шепелеву.

Молодой человѣкъ сталъ разсказывать, смущаясь немного, такъ какъ всѣ офицеры окружили его, разглядывали его и внимательно слушали.

Тутъ были измайловцы: два брата Рославлевы и Ласунскій; семеновцы: Ѳедоръ Орловъ и Всеволожскій; преображенцы: Барятинскій, Баскаковъ и Чертковъ и конногвардейцы Хитровъ и Пушкинъ. Самые старшіе изъ всѣхъ лѣтами, маіоръ Рославлевъ и капитанъ Ласунскій, стали ближе всѣхъ къ Шепелеву и прерывали его несвязный разсказъ вопросами....

Наконецъ, Шепелевъ, разсказывая, дошелъ до того пункта, когда его потребовали къ принцу, Алексѣй Орловъ нетерпѣливо перебилъ его разсказъ и воскликнулъ, обращаясь къ Пассеку.

— Ну, что жъ тутъ любопытнаго?... Ну, мы!... Гриша и я! Мы сами сегодня всѣмъ разсказали. Ласунскій давно ужъ знаетъ. Ну, жаловаться пріѣхалъ. Ну и чортъ съ нимъ!

— А кто онъ такой? спросилъ Пассекъ.

— Ротмейстеръ какой-то голштинскій! сказалъ Григорій Орловъ.

— Фехтмейстеръ Котцау! крикнулъ Пассекъ, какъ бы вдругъ разсердившись.

— Что?! Кто?! Какъ?! загудѣло десять голосовъ.

Алексѣй Орловъ, отошедшій было къ окну, молніей обернулся назадъ.

— Сла—вно!! вскрикнулъ онъ во все горло и треснулъ въ ладоши. Сла—вно!! Пріѣзжій фехтмейстеръ. Первый ему блинъ русскій, да комомъ.

— Фридриховскій Котцау? выговорилъ Григорій Орловъ тихо и видимо смущаясь.

— Да вѣрно ли это, сударь мой, допрашивали Шепелева Ласунскій и Ѳедоръ Орловъ. Вѣрно ли вы помните фамилію?...

Шепелевъ поручился за достовѣрность....

Веселыя лица постепенно нахмурились и всѣ озабоченные окружили двухъ братьевъ, виновниковъ исторіи.

Григорій Орловъ слегка измѣнился въ лицѣ.

— Это очень дурно! выговорилъ Ласунскій. Я даже не понимаю, какъ принцъ до сихъ поръ ничего съ вами не сдѣлалъ.

— Я и сообразить сразу не могу, что будетъ теперь! воскликнулъ Пассекъ. Онъ только что пріѣхалъ, представился государю, и ужъ получилъ отъ него чинъ русскаго маіора.

— Онъ прямо пріѣхалъ отъ Фридриха! замѣтилъ кто-то.

— Государь за него не только тебя, Григорій Григорьевичъ, велитъ судить, а и всѣмъ вамъ, да и намъ съ вами, не сдобровать.... сказалъ старшій Рославлевъ.

— Скорѣе рѣшайте! Что дѣлать?... Скорѣе! заговорило нѣсколько человѣкъ.

— Ты куда? воскликнулъ Пассекъ, увидя Алексѣя Орлова въ шляпѣ.

— Я? Къ Трубецкому и къ Скабронскому.

— Зачѣмъ?

— Я беру на себя одного! Буду просить Никиту Юрьевича, а не захочетъ, то графа Скабронскаго тотчасъ ѣхать со мной замолвить словечко гетману, а тотъ пусть отправится къ принцу и, пожалуй, къ самому государю. Нечего мѣшкать. А вы свое дѣлайте....

— Погоди!... Надо....

— Нечего годить, крикнулъ Алексѣй Орловъ уже въ дверяхъ. Держите совѣтъ и дѣлайте свое. А покуда вы тутъ будете мыслями разводить, я побываю и у Трубецкаго, и у гетмана и, прежде всего, у Скабронскаго! А вы-то, чѣмъ болтать-то, ѣхали

бы тоже сейчасъ къ княгинѣ Катеринѣ Романовнѣ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Пассеку и Ласунскому.

— Обожди, Алеша, дай сговориться путемъ. Графъ Скабронскій трусу отпразднуетъ и только тебя по губамъ помажетъ, сказалъ Ѳедоръ Орловъ.

— Помажетъ, такъ и я его мазну тоже, знаю чѣмъ. Ну, будьте здоровы, гутъ морхенъ! махнулъ рукой Алексѣй Орловъ и вышелъ.

Оставшіеся заспорили. Всякій предлагалъ свою немедленную мѣру. Явившійся въ горницу Агафонъ предложилъ даже ѣхать мириться съ Котцау, хоть деньгами его закупить, если можно.

Но Григорій Орловъ только рукой отмахнулся отъ предложенья стараго дядьки.

Шепелевъ замѣтилъ, что онъ стѣсняетъ совѣтующееся общество, что многіе шепчутся, отходя въ углы, къ окнамъ. Наконецъ, онъ увидѣлъ нечаянно, что самъ Пассекъ сдвинулъ брови и мотнулъ на него головой Ѳедору Орлову, когда тотъ громко посовѣтывалъ брату немедленно ѣхать просить заступничества у государыни.

Шепелевъ откланялся со всѣми и вышелъ изъ квартиры.

XXII.

— Экая обида! бурчалъ Алексѣй Орловъ, переѣзжая Неву по пути на Васильевскій островъ. Надо же было налетѣть намъ на фехтмейстера самого. Ахъ дьяволъ! Вѣстимо, коли эта бестія Скабронскій захочетъ просить гетмана, то все будетъ ладно. Да захочетъ ли? Онъ только недавно еще лихорадкой въ пяткахъ хворать пересталъ....

Графъ Скабронскій, къ которому ѣхалъ Орловъ, былъ не древняго рода и *птенецъ* Императора Великаго.

Онъ говорилъ всегда про себя, что онъ столбовой дворянинъ, не зная, однако, что это собственно значитъ. Имя его было Иванъ, отца его звали также Иваномъ, но никто изъ знакомыхъ, а еще менѣе изъ холопей, издавна не смѣлъ назвать его Иваномъ Иванычемъ. Холонъ за такое преступленіе былъ бы наказанъ нещадно «ѣзжалами», розгами моченными въ квасѣ, а то и кошками. Знакомый или пріятель за такую дерзость: неумышленную — получилъ бы строгую отповѣдь, а умышленную — былъ бы просто выгнанъ вонъ изъ дому.

Графу пожелалось еще въ незапамятныя времена и онъ добился, чтобы всѣ звали его не иначе какъ: *Іоаннъ Іоанновичъ*. Подъ этимъ именемъ всѣ и знали старика. И человѣческій слухъ на столько рабъ привычки, что еслибъ кому-нибудь изъ обширнаго круга знакомыхъ Скабронскаго назвали графа Ивана Иваныча, то врядъ ли кто-либо по этому имени догадался и понялъ о комъ идетъ рѣчь. Да всякому было бы теперь даже и странно выговорить: графъ Иванъ Иванычъ Скабронскій. Старикъ вельможа объяснялъ такъ свою прихоть:

— Святаго такого чтобъ Иваномъ звали и въ святцахъ нѣтъ! Есть Іоаннъ! Холопъ можетъ быть Иваномъ, Ивашкой, Ванюшкой, а дворянину кличкой зваться не приличествуетъ. Эдакъ, пожалуй, инаго назовутъ и Ванюшкой Ванюшковичемъ! А коли есть дворяне, кои позволяютъ, какъ вотъ Неплюевъ, сенаторъ, звать себя Иваномъ Иванычемъ, такъ вольному воля, спасенному рай. Я имъ не указъ и они мнѣ не примѣръ.

Графу Іоанну Іоанновичу было, по собственному признанію, лѣтъ 70, на видъ же гораздо менѣе; а въ дѣйствительности онъ родился въ годъ смерти царя Ѳеодора Алексѣевича и, слѣдовательно, ему было теперь около 80 лѣтъ. Года эти положительно невозможно было дать графу по бодрому и молодцоватому его виду.

Графъ Скабронскій былъ высокій и сухой старикъ, державшійся прямо и какъ-то надменно, съ крѣпкими руками и ногами, съ бѣлымъ лицемъ, почти безъ морщинъ. Не даромъ, видно, съ 20-ти-лѣтняго возраста обтирался онъ ежедневно льдомъ съ головы до пятъ и ѣлъ по утру ячменную кашу, по прозвищу «долговѣчная», а вечеромъ простоквашу, которую запивалъ большимъ ковшемъ браги, и чуть-чуть во хмѣлю отъ нея, шелъ онъ опочивать веселый, бодрый и ласковый съ холопями, а особенно ласковый съ той, которую называлъ «лебедь бѣлая».

У графа Іоанна Іоанновича не было родственниковъ, за исключеніемъ одного внука, полуродственника. Отца и мать онъ потерялъ еще въ юности и хорошенько не помнилъ, когда именно это случилось; но это и не могло быть интересно.

Когда государь Петръ, послѣ неудачнаго приступа къ Азову, строилъ суда на рѣкѣ Воронежѣ, то въ числѣ пригнанныхъ на работы мастеровыхъ находились два брата Скабронскихъ, оба подмастерья столяры, родомъ изъ города Романова. Старшему, Стенькѣ, было 16 лѣтъ, второму, Ванькѣ, 13 лѣтъ. Оба парня

оказались въ строеніи искуснѣе многихъ взрослыхъ и мастеровъ. Старшій сдѣлался близкимъ лицемъ Петра Алексѣевича и не отлучался отъ него до самой смерти своей. За годъ до кончины Великаго, благодаря брату Степану, любимцу государя, и Иванъ Скабронскій сталъ дворяниномъ и графомъ и надолго пережилъ его. А благодаря тому, что держался всегда въ сторонѣ отъ всѣхъ партій страны и двора, прожилъ спокойно въ Петербургѣ три четверти столѣтія. На его глазахъ смѣнялись государи и государыни, нѣмцы и русскіе, фавориты и временщики—одни возвышались, другіе падали и уѣзжали въ ссылку, одни вымирали, другіе нарождались.... А онъ сидѣлъ и сидѣлъ въ Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, на набережной Невы, въ своемъ домѣ и спокойно взиралъ на круговоротъ, совершавшійся вокругъ него и на его глазахъ. Судьба другихъ лицъ его научала и воспитывала и онъ пользовался тѣми уроками, какіе судьба давала Меншиковымъ, Волынскимъ, Минихамъ, Бирономъ, Бестужевымъ.

— Чѣмъ выше влѣзешь, тѣмъ больнѣе свалишься! думалъ и говорилъ Іоаннъ Іоанновичъ.

Не только люди, а даже домъ, находившійся рядомъ съ его домомъ, былъ игрушкой судьбы, а для него обращикомъ времени и назидательнымъ примѣромъ.

Домъ этотъ великолѣпный и богатый, на его глазахъ переходилъ изъ рукъ въ руки—дарился, конфисковался, передавался, опять отбирался. Иногда онъ долго стоялъ пустой и ничей, не принадлежа никому, такъ какъ хозяинъ былъ въ свой чередъ въ ссылкѣ въ Пелымѣ или въ Березовѣ, а новый, фаворитъ или временщикъ, еще хлопоталъ только о пріобрѣтеніи конфискованнаго. Домъ этотъ, будучи, наконецъ, конфискованъ у сосланнаго Миниха, обратился въ больницу.

— Слава тебѣ господи! сказалъ графъ, узнавъ объ этомъ. Авось нынѣшняго моего сосѣда никуда не сошлютъ. Хоть и не веселъ этотъ сосѣдъ, да все лучше, чѣмъ нѣмецъ какой, съ которымъ изъ-за одного сосѣдства, какъ разъ, тоже угодишь на Бѣлое море.

Графъ, бывшій на службѣ всю жизнь «по долгу дворянскому», ничѣмъ не заявилъ себя ни при воинскихъ, ни при штатскихъ дѣлахъ, но былъ по очереди хорошъ со всѣми временщиками и хорошо принятъ ко всѣмъ очереднымъ дворамъ.

И такъ прожилъ онъ до седьмаго царствованія.

У графа не было ни одного врага во всю его жизнь, но за то въ 80 лѣтъ отъ роду онъ не имѣлъ, да и припомнить не могъ въ прошломъ ни одного истиннаго друга.

Онъ былъ мастеръ водить хлѣбъ-соль со всякимъ и быть вѣчно въ доброй пріязни со всѣми, держась и не очень далеко, и не очень близко. Когда же обстоятельства побуждали высказаться, то онъ предпочиталъ засѣсть дома и слечь въ постель, сказываясь хворымъ. Приказавъ запереть ворота, онъ болѣлъ покуда событіе совершалось.... болѣлъ, какъ говорили: «лихорадкой въ пяткахъ!»

Такъ проболѣлъ онъ при ссылкѣ Меншикова, за время пытокъ и казни Волынскаго. Точно также опасно хворалъ онъ первые дни послѣ ссылки Бирона, а равно и во дни ареста правительницы Анны съ младенцемъ императоромъ.

Царствованіе «дщери Петровой» было самое пріятное, спокойное и выгодное для графа Іоанна Іоанновича. Онъ былъ осыпанъ милостями Императрицы, и какъ братъ «птенца» Петра Великаго, былъ сдѣланъ генераломъ, сенаторомъ и подполковникомъ Семеновскаго полка. И въ первый свой пріѣздъ въ Сенатъ, новый сенаторъ предложилъ воздвигнуть золотую статую Государынѣ. Сенатъ единогласно присоединился къ этому предложенью, но царица отклонила отъ себя эту честь.

За это же время случилось три нравственныхъ переворота въ его жизни.

Во первыхъ, не знавъ дружбы, онъ вдругъ дѣйствительно позналъ дружбу, привязавшись искренно и сердечно къ гетману графу Кириллу Разумовскому: Затѣмъ, второй переворотъ былъ тотъ, что графъ пріучилъ себя черезъ силу нюхать табакъ, потому что получилъ отъ императрицы великолѣпную табакерку, осыпанную бриліантами и яхонтами съ ея изображеніемъ въ видѣ нимфы. Подобный же портретъ имѣлъ отъ государыни только одинъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, на яблокѣ изъ агата украшавшемъ трость.

Третье событіе въ жизни графа Скабронскаго или переворотъ, случившійся съ нимъ, произошелъ еще въ послѣдній годъ царствованія Анны Іоанновны. Графъ, будучи уже 60-ти лѣтъ отъ роду, всѣми силами и всѣми слабостями себялюбивой души своей, предался, какъ младенецъ безгласный, въ руки очаровательницы. Всѣ остальныя, до этой, были рабынями графа. Но и это продолжалось не долго, такъ какъ «владычица» его умерла вскорѣ.

Подъ конецъ своего царствованія, императрица Елизавета, вѣря въ честность графа, собиралась назначить его на одну изъ самыхъ выгодныхъ должностей въ имперіи, при которой мудрено было не сдѣлаться лихимцемъ, а именно на должность генерала кригсъ-комисара. Малоспособность, лѣнь и рѣзкость графа заставляли ближайшихъ ей людей препятствовать этому назначенію, но государыня была сердита на Глѣбова и упорно стояла на своемъ. Но дѣло окончилось проще. Графъ самъ на отрѣзъ отказался отъ мѣста «за преклонными годами». Дальновидный Іоаннъ Іоанновичъ разсчелъ, что больная и все слабѣющая государыня долго не проживетъ, стало быть, наступали минуты, въ которыя придется ему снова запирать ворота на запоръ и «хворать», такъ какъ всѣ ожидали, что наслѣдникъ престола начнетъ гнать все Елизаветинское и гнуть на нѣмцеву сторону. Пойдутъ опальные, ссылки, конфискаціи и *хъры*, т. е. уничтоженіе многаго, появившагося на свѣтъ въ предыдущее царствованіе... Графъ къ тому же боялся за себя, болѣе чѣмъ когда-либо, потому что считался въ числѣ любимцевъ Государыни, былъ другъ и пріятель Разумовскихъ и врагъ (на сколько могъ только быть имъ, на словахъ) всѣхъ своихъ и заграничныхъ нѣмцевъ.

Въ самое Рождество, послѣ обѣда, при извѣстіи о кончинѣ императрицы, Іоаннъ Іоанновичъ сразу тяжко захворалъ, заперъ ворота, приказалъ дворнѣ «прикурнуть» и не дышать. И въ темномъ, неосвѣщенномъ домѣ своемъ онъ усѣлся съ одной розовой свѣчей и то въ опочивальнѣ, окнами выходившей не на Неву, а во внутренній дворъ.

Не велѣвъ никого пускать, онъ особенно наказалъ не пускать во дворъ ни самого друга гетмана, ни кого либо изъ его людей съ посылкой ли, цидулей, или съ чѣмъ бы то ни было.

На этотъ разъ графъ хворалъ и недужился еще усерднѣе и даже въ постель ложился, чутко прислушиваясь ко всякому слуху въ городѣ, къ малѣйшему шуму на улицѣ и у воротъ. Онъ заперся такъ крѣпко и болѣлъ такъ долго и прилежно, что нѣкоторые его знакомые, хорошо знавшіе это его «колѣно» при всякой перемѣнѣ правительства, всетаки подумали наконецъ, что старикъ и воистину умираетъ. Однако, предъ масляницей графъ узналъ о нежданныхъ милостяхъ и щедротахъ новаго Императора и ему стало полегче. А узнавъ главное, т. е., что братья графы Разумовскіе не поѣхали и не поѣдутъ «глядѣть гдѣ солнце встаетъ» а спокойно проживаютъ въ своихъ двор-

цахъ, оставался въ тѣхъ же званіяхъ гетмана и фельдмаршала— графъ Іоаннъ Іоанновичъ сразу выздоровѣлъ. Велѣвъ отворить ворота и запрягать свою громадную карету цугомъ самыхъ великолѣпныхъ въ столицѣ вороныхъ коней, онъ въ парадномъ кафтанѣ, во всѣхъ орденахъ и даже съ табакеркой въ карманѣ выѣхалъ изъ дому... Но онъ ужъ поразнюхалъ во время своего хворанія къ кому теперь поближе подвинуться и отъ кого подальше отодвинуться.

Графъ Скабронскій прежде всего отправился во дворецъ и былъ принятъ государемъ равнодушно.

— Ни шатко, ни валко, ни на сторону! выразился о пріемѣ этомъ самъ графъ. Тужить не тужи, а ликованіе отложи.

Отъ государя графъ прямо поѣхалъ къ прибывшему вновь принцу Жоржу, затѣмъ къ графу Воронцову, отцу фаворитки, а оттуда уже къ другу своему гетману.

Добрый графъ Кирилла Григорьевичъ не былъ сердитъ на осторожнаго друга вельможу, а весело встрѣтилъ и обнялъ пріятеля. Облобызавъ его, малороссъ выговорилъ, хитро ухмыляясь:

— Ну поздравляю, батя, съ новымъ монархомъ. Паки на Руси воцарился Петръ. Отъ Петра и до Петра прожилъ ты. Можешь помирать теперь.

— Родяся во дни великаго Петра, друже мой, — горько помирать будетъ во дни махонькаго! шепнулъ графъ, озираясь кругомъ себя.

Однако, на другой же день графъ прямо отправился въ сенатъ и внесъ предложеніе....—Монарху начинающему свое царствованіе столь великими щедротами, «какъ вольность дворянская» и уничтоженіе «Слова и Дѣла», подобаетъ немедленно воздвигнуть въ столицѣ золотую статую!

Единогласно и громогласно присоединяясь къ предложенію собрата—господа сенаторы подумывали про себя:

— Заладила Маланья! Хоть бы новенькое что надумалъ!

Глѣбовъ повергъ къ стопамъ Монарха рѣшеніе сенаторовъ.

Юный государь отказался тоже отъ предложенія статуи и отвѣчалъ:

— Лучше золоту дать болѣе полезное назначенье. Я самъ моими дѣяньями воздвигну себѣ нетлѣнный памятникъ въ сердцахъ людей!...

XXIII.

Помимо внука послѣ старшаго брата графа Степана, у Іоанна Іоановича теперь не было никакой родни и когда напрашивался кой-кто къ нему въ родню, то онъ говорилъ прямо:

— Я твой финтъ смѣкаю, голубчикъ. У тебя съ моими помѣстьями да угодьями родство отыскалось....

Женатъ графъ не былъ ни разу и дѣтей боковыхъ никогда тоже не имѣлъ. Схоронивъ многихъ «вольныхъ женокъ» и будучи еще 50-ти лѣтъ, сталъ онъ жаловаться, что «слабая баба родиться начала на Руси» и рѣшилъ, наконецъ, сочетаться законнымъ бракомъ, но не на сдобной какой дѣвкѣ, а на такой, которая бы «крѣпка» была и духомъ, и тѣломъ. Много стали сватать невѣстъ именитому и еще бодрому богачу-вельможѣ, но онъ былъ разборчивъ и все искалъ, и выбиралъ,—выбиралъ и колебался.

«Все сдобны, а не крѣпки»!

Наконецъ, однажды, будучи въ Новгородѣ проѣздомъ въ жалованное имѣніе, увидѣлъ онъ въ соборѣ одну дѣвицу, усердно молившуюся за обѣдней и подумалъ было, что вдругъ негаданно нашелъ воплощеніе своей мечты. Молившаяся была такъ велика и дородна, и румяна, и здоровенна, что, стоя предъ царскими вратами, совершенно заслоняла собой дьякона на амвонѣ.

Графъ, послѣ обѣдни, подошелъ къ старушкѣ, стоявшей около дѣвицы, и познакомился съ ней. Обѣ оказались новгородскія дворянки, не богатыя, однако родовитыя.... Но заговоривъ съ «крѣпкой дѣвицей», которая обѣщала по виду не умереть такъ легко, какъ умирали его вольныя женки, графъ Іоаннъ Іоановичъ увидѣлъ, что мечты его разбились въ прахъ.... Дѣвица оказалась страдающею «отъ глаза» съ самаго дѣтства, почти съ колыбели. Её сглазили маленькою лихіе люди.

На вопросы графа объ дѣвицѣ, старушка, оказавшаяся ея теткой, охотно отвѣчала подробно:

— Она у насъ сглажена, ваше сіятельство. Не говоритъ ничего.

— Да хоть малость-то самую? спросилъ графъ, думая про себя: «И доброе дѣло. Болтушкой не будетъ«.

— Ни-ни, государь мой, ниже ѣсть и пить попросить не умѣетъ. Мычитъ или пальцами кажетъ. Нѣмая.

Чтеніе продолжалось долго.

Иныхъ отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ страницъ тетради изъ желтоватой бумаги вѣрные слуги графскіе не поняли совсѣмъ, но все содержанье и смыслъ тетради поняли ясно, хотя съ разу не повѣрили и думали, что баринъ глаза отводитъ, и себѣ на умѣ—затѣялъ что-то прехитрое. Должно быть сейчасъ послѣ чтенія, всѣхъ передерутъ, а то и совсѣмъ что-нибудь необыкновенное выйдетъ.

Тетрадь оказалась завѣщаніемъ графа, которое гласило, что послѣ его смерти всѣ вотчины и имѣнія его отходятъ во владѣніе различныхъ монастырей. Дворовые же люди, начиная съ дворецкаго Масея и кончая побѣгушкой Афонькой, получатъ вольную и большое денежное награжденіе.

Масею приходилось тысячу рублей, лисья шуба и все платье, а Афонькѣ 25 рублей и два холста.

— Слышали? воскликнулъ графъ въ концѣ чтенія. Отвѣчай всѣ....

— Слышали! рявкнулъ стоустый пучеглазый звѣрь.

— Ну, кровопійца, читай загвоздку.... обернулся графъ къ засѣдателю суда.

Чиновникъ прочелъ еще страницу, въ которой говорилось, что если графъ умретъ въ покоѣ и благоденствіи, и если утѣшительнаго житія его будетъ еще лѣтъ хоть десять, и будетъ ему мирная кончина,—то оное его завѣщаніе будетъ нерушимо исполнено. Если же кончина графа будетъ, чего Боже избави,—отъ руки злодѣя и татя, лихаго человѣка, или даже отъ покуса собаки, выпаденія изъ рыдвана, сокрушенія конями, отравленія зѣльемъ, явствами, наварками, или отъ какого иного несчастія, въ которомъ будетъ повиненъ хоть одинъ кто либо изъ дворовыхъ—то завѣщаніе сіе силу свою получаетъ таковую, каково есть писаніе перстомъ по водѣ.

Въ началѣ никто, кромѣ Масея—ничего не понялъ изъ этой выдумки графа, но затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ дней холопы поняли что надо беречь барина всячески, что слово его крѣпко. И если онъ скончается мирно, не отъ бѣды какой, а своею графскою, отъ Господа Бога уготованною смертію,—то всѣ они будутъ и вольные и награждены рублями на разживу.

Съ той поры дворня берегла своего барина, какъ зѣницу ока, и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе ублажала, лѣлѣяла и въ глаза ему глядѣла.

XXIII.

Черезъ три дня послѣ того, какъ Шепелевъ былъ у братьевъ Орловыхъ, въ квартирѣ цалмейстера Григорія снова собрались въ сумерки его пріятели Ласунскій, Пассекъ и братья Всеволожскіе.

На этотъ разъ ни закуски, ни веселья, ни разныхъ ребяческихъ затѣй не было, всѣ сидѣли угрюмые, въ особенности самъ хозяинъ, который былъ даже сильно смущенъ и взволнованъ.

— Что мы? Наплевать на насъ! повторялъ онъ безъ конца. И сошлютъ, не бѣда! Вездѣ люди живутъ, и черезъ стулья вездѣ прыгать можно, и на медвѣдей ѣздить можно и красавицы водятся не въ одномъ Петербургѣ. А дѣло наше? Все дѣло пропадетъ, а Богъ вѣсть, можетъ быть, оно бы и выгорѣло.

Орловъ узналъ наканунѣ, что государь былъ, будто бы, сильно разгнѣванъ, узнавъ объ исторіи съ Котцау.

Любимецъ Фридриха, фехтъ-мейстеръ, профессоръ всевозможныхъ фехтованій на разныхъ оружіяхъ, былъ присланъ отъ прусскаго короля государю, такъ сказать въ подарокъ, для обученія русскихъ войскъ, которыя, по выраженію новаго государя, умѣли теперь ловко драться только на кулакахъ. И вдругъ этотъ фехтъ-мейстеръ, едва успѣвшій представиться государю и вступить въ должность, только что начавшій давать уроки фехтованія самому старому и слабосильному принцу Георгу, былъ оскорбленъ самымъ дерзкимъ и смѣшнымъ образомъ, двумя офицерами той самой гвардіи, которую пріѣхалъ преобразовывать.

Всѣ коноводы нѣмецкой партіи въ Петербургѣ или, какъ называли ихъ вообще, «голштинцы», были ли они офицерами потѣшнаго голштинскаго войска или были просто нѣмцы—всѣ вознегодовали и заволновались. Эта партія, увеличивавшаяся не по днямъ, а по часамъ и пріобрѣтавшая все большее и большее значеніе при дворѣ, имѣла во главѣ своей принца Георга и ненавистно или презрительно относилась ко всѣмъ выдающимся личностямъ той партіи, которую теперь уже начинали называть свысока Лизаветинцами. Лизаветинцемъ считался вліятельный сановникъ прошлаго царствованія, оставшійся теперь какъ бы за штатомъ, въ родѣ двухъ братьевъ Разумовскихъ; лизаветинецъ былъ, конечно, и лейбъ-компанецъ Квасовъ и т. п. Наконецъ, Лизаветинцемъ обзывался всякій, кто не зналъ и не хотѣлъ учиться по нѣмецки, всякій, кто косо поглядывалъ на офицера или

солдата голштинскаго войска, всякій, кто не скрывалъ тщательно своего сочувствія къ молодой императрицѣ.

Офицеры кружка Орловыхъ, болѣе чѣмъ кто либо изъ гвардіи, считались тоже Лизаветинцами. Григорій и Алексѣй Орловы были вдобавокъ коротко извѣстны многимъ нѣмцамъ своею родовой непостижимой силой и поэтому многіе храбрецы голштинской партіи постоянно праздновали трусу предъ ними и, разумѣется, искренно ненавидѣли ихъ за это.

Оба брата, удивительно красивые собой, легко нравились, а цалмейстеръ Григорій постоянно имѣлъ всякаго рода приключенія съ разными красавицами Петербурга и не мало нашлось въ столицѣ мужей, которые тоже присоединились къ яростнымъ врагамъ двухъ провинившихся богатырей.

Наконецъ, оба брата, широко мотая состояніе, недавно полученное по наслѣдству, пользовались извѣстнаго рода популярностью. Во всякомъ случаѣ, когда Орловы проѣзжали по улицамъ Петербурга, то имъ простолюдины чаще и охотнѣе ломали шапки направо и налѣво, чѣмъ при проѣздѣ самого принца Жоржа. Къ довершенію всего, Орловы были невоздержны на языкъ, шутили и острили такъ мѣтко и хлёстко, что и этимъ нажили себѣ не мало тайныхъ и явныхъ враговъ.

Теперь многіе возликовали, когда было извѣстно, что оба брата будутъ арестованы и затѣмъ высланы, по крайней мѣрѣ, въ Вологду или Кострому на жительство.

Въ это утро въ квартирѣ Григорія Орлова было совѣщаніе, какъ избѣгнуть ареста, ожидаемаго ежеминутно. Уже часъ, какъ совѣщались они, но ничего придумать не могли. Всѣ ихъ поѣздки по городу, упрашиванія разныхъ сановниковъ, братьевъ Разумовскихъ, графа Скабронскаго, княгини Дашковой, воспитателя наслѣдника престола, Панина, ни къ чему не привели. Никто не рѣшался изъ Лизаветинцевъ, чувствовавшихъ и подъ собой нетвердую почву при новомъ царствованіи, ѣхать хлопотать за двухъ добрыхъ малыхъ, но отъявленныхъ и неисправимыхъ озорниковъ.

Пассекъ и Всеволожскій испробовали наканунѣ послѣднее средство, т. е. рѣшились просить—черезъ старика канцлера Воронцова — заступиться передъ Государемъ саму графиню Воронцову и тоже привезли извѣстіе, что дочь отказала отцу просить о помилованіи у Государя. Впрочемъ, одновременно они узнали, что фаворитка, дѣйствительно, просила Государя, но онъ

отказалъ и, не желая, чтобы въ Петербургѣ было извѣстно, что онъ способенъ когда либо и въ чемъ либо отказать Воронцовой, посовѣтовалъ ей отвѣчать, что она и не просила его. Молодые люди сидѣли теперь угрюмые подъ поразившимъ ихъ ударомъ.

— Да, кабы знать это, говорилъ Алексѣй Орловъ, я бы теперь согласился на четверинки встать у этой бестіи прощенія просить. Хоть на себя самъ надѣну такую же миску, да цѣлый мѣсяцъ въ ней буду по Петербургу разъѣзжать. Да что говорить!—махнулъ онъ рукой, на все пойду, всякую подлость сдѣлаю и стыдно не будетъ, потому буду знать, что не изъ малодушества дѣлаю, а ради дѣла, ради того, что намъ важнѣе собственной шкуры и что отъ нашей ссылки прахомъ пойдетъ. Хоть вы и обѣщаетесь не дремать, прибавилъ онъ глядя на пріятелей, а всетъ-таки, какъ ни говорите, а безъ братьевъ и безъ меня вамъ будетъ много мудренѣе. Мы болѣ васъ въ эту складчину-то даемъ.... Вы положили любовь, усердіе.... вотчины, у кого онѣ есть.... А мы вѣдь и головы кладемъ, на тотъ случай, что нужда въ нихъ будетъ.

На это никто не отвѣчалъ; всякій понималъ отлично, что это правда и если орловская квартира опустѣетъ, если три богатыря о двухъ головахъ каждый, имѣвшіе много враговъ въ столицѣ, но за то имѣвшіе и много друзей, будутъ сосланы, то кружокъ расползется и великая затѣя, о которой они теперь такъ часто совѣщаются и мечтаютъ, канетъ навсегда въ воду. Григорій Орловъ всталъ, походилъ по комнатѣ и выговорилъ, наконецъ, раздражительно.

— И этого стараго хрыча Агаѳошки нигдѣ нѣтъ, точно на смѣхъ! Съ утра ничего не ѣлъ. Просто хоть думай, что его допрежде насъ арестовали. Никогда съ нимъ за шестьдесять лѣтъ службы таковаго не бывало.

— Да гдѣ онъ? выговорилъ Алексѣй.

— Гдѣ? То-то и есть, гдѣ? Съ утра провалился, какъ сквозь землю.

Ѳедоръ Орловъ отправился въ сосѣднія комнаты, затѣмъ и на дворъ, очевидно съ тѣмъ, чтобы поискать старика лакея, но вернулся, не найдя его нигдѣ.

— Давай сами себѣ состряпаемъ что-нибудь поѣсть, выговорилъ Григорій; можетъ быть, коли сошлютъ, куда Макаръ телятъ не гонялъ, да безъ гроша денегъ, такъ придется и безъ того

въ повара наниматься къ какому-нибудь нѣмецкому князю или барону.

— Въ ссылочныхъ мѣстахъ таковыхъ не бываетъ! замѣтилъ Пассекъ.

Молодежь невольно разсмѣялась и поднялась съ мѣстъ.

И, не смотря на то, что въ это утро, конечно, имъ было не до веселья, Орловы со смѣхомъ, сопутствуемые пріятелями, вышли въ буфетъ и начали таскать изъ шкафовъ все, что попадалось,—бутылки и съѣстное.

Но въ ту минуту, когда очищались шкафы и полки холодной кладовой, вдругъ надъ молодыми людьми раздался громовой голосъ.

— Это что? Нѣшто это можно? Ахъ головорѣзы, разбойники!

И Агаѳонъ въ тулупѣ и шапкѣ, пунцово-синій отъ мороза, очутился среди молодежи.

— Куда ты провалился, старый хрычъ? сердито выговорилъ Григорій. Ну, давай скорѣй закусить; чуть было голодомъ не уморилъ. Куда ты провалился? А?

— Стало-быть нужно было, гнѣвно воскликнулъ Агаѳонъ. А вамъ всежъ-таки не рука лазять, да шарить въ моихъ шкафахъ. И посуду переколотите, да безпорядицу еще такую надѣлаете, что въ мѣсяцъ не разберешься!—Это еще что!? Пошелъ, пошелъ! Не тронь! не дамъ! крикнулъ онъ на Алексѣя Орлова, отнимая у него блюдо съ остатками гуся и капусты.

— Ну, полно, Ѳоѳошка! угрюмо вымолвилъ Алексѣй, уступая однако блюдо старому лакею. Круто вѣдь приходится, не до смѣху, братъ; и прибираться тебѣ не придется тутъ. Сегодня же мы подъ арестъ махнемъ, а тамъ и въ ссылку.

— Должно быть! Такъ мы въ ссылку и поѣхали! шалишь, паренекъ! Густо хлебать хочешь. Пускай другіе ѣдутъ! Не на то я васъ махонькими сморкаться училъ въ платочки, да теплой водичкой раза по два въ день умывалъ.... А теперь вишь вы въ ссылку поѣдете.

Молодежь примолкла и прислушалась къ словамъ старика.

— Раздѣнусь вотъ, отогрѣюсь, подамъ всѣмъ закусить, да и поясню, какъ вамъ озорникамъ изъ бѣды вылѣзти., Вотъ серебряныя миски на головы-то вздѣвать умѣете, а чуровать себя не умѣете. Мнѣ же приходится васъ выручать!

Такъ какъ старикъ дядька никогда зря не болталъ и не шутилъ въ серьезныя минуты жизни своего Григорія Григорьевича, то каждое слово Агаѳона имѣло теперь особенное значеніе. Никогда еще такія слова его не оказывались потомъ пустяками. Это знали даже всѣ пріятели Орловыхъ, и теперь вдругъ вся молодежь, побросавъ, кто тарелку, кто ножикъ, кто соусникъ, окружила стараго дядьку.

— Что ты, Ѳоѳошка? выговорилъ Алексѣй Орловъ первый, подходя и пытливо вглядываясь въ замороженное лицо старика. Ты, смотри, не балуй; вѣрно сказываю, не до смѣху намъ.

— Ну, ладно, учи больше. Уходите наперво́ отсюда. Вишь все переворошили какъ! Принесу закусить и разскажу ной-что новёшенькое.

— Да ты гдѣ былъ-то? подступилъ Григорій Орловъ.

— А былъ тамъ, гдѣ меня нѣту, Григорій Григоричъ. И вы тоже чудны́. Нѣшто со мной когда бывало, чтобъ я спозаранку сбѣжалъ со двора, не давъ вамъ покушать, такъ, ради бездѣлья? Эхъ вы, то-то вотъ! Я за утро-то столько дѣловъ передѣлалъ, что у меня въ головѣ теперь вьюнъ вьюномъ. Дайте передохнуть, говорю, и все выложу.

Офицеры вышли снова въ гостинную, недоумѣвая переглядывались, но невольно пріободрились и начали шутить. Братья Орловы болѣе другихъ начинали надѣяться, что лакей дядька что-то выдумалъ или узналъ новое. Но они все-таки чувствовали, что за соломенку хватаются.

— Да вретъ просто, замѣтилъ Пассекъ.

— Нѣтъ, Петръ Богданычъ! отозвался Алексѣй. Не знаете вы нашего Ѳо́шку. Онъ зря никогда рта не разинетъ, когда намъ не до смѣху.

— Вотъ чудно́е-то дѣло будетъ, замѣтилъ Ѳедоръ Орловъ, всегда молчаливый и самый хладнокровный изъ всей компаніи, что, если пестунъ устроитъ дѣло, которое у насъ не выгорѣло, даже Елисавета эвта.... Романовна ничего не смогла.

И вдругъ, сообразивъ будто нелѣпость этого, Ѳедоръ Орловъ махнулъ рукой и прибавилъ:

— Эка пустяковина! И мы-то дураки тоже; весь Петербургъ обшарили ничего не сдѣлали, а тутъ вдругъ, нашъ старый хрычъ Агаѳошка что-нибудь надумалъ.

— Конечно, пустяки, угрюмо отозвался Ласунскій, но Алексѣй пристально взглянулъ въ глаза брата Григорья и выговорилъ:

— Ну а ты, Гриша, что думаешь?

Григорій развелъ руками и тихо вымолвилъ:

— Да я-то знаю, что Ѳеѳошкѣ случалось мнѣ такія дѣла обдѣлывать, что самъ Фридрихъ кабы узналъ, такъ за своимъ нѣмецкимъ ухомъ почесался бы и позавидовалъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ Агаѳонъ, понукаемый Алексѣемъ Орловымъ, не столько ради закуски, сколько ради того, чтобы узнать поскорѣе принесенныя имъ вѣсти, накрылъ столъ и подалъ кушанье. Всѣ усѣлись, исполняя упрямое требованіе дядьки прежде откушать, и стали ѣсть даже, весело и охотно. Агаѳонъ сталъ около стула своего любимца, Григорія Григорьевича, и началъ, какъ бывало всегда въ серьезныхъ случаяхъ, дѣлать ему допросъ.

— Ну! Знаете-ли вы кого мы нарядили въ Красномъ Кабачкѣ? началъ онъ медленно и съ самодовольствомъ.

— Ну, здравствуйте! воскликнулъ Алексѣй. Какъ всегда! началъ Ѳеѳошка съ Адама. Иди прямо къ дѣлу, пытатель! Вѣдь эдакъ завсегда, вотъ дыбковъ да плетей не хватаетъ, а то бы чистый застѣнокъ вышелъ, какъ у Бирона бывало.

— А ты попридержи-ка языкъ, огрызнулся Агаѳонъ. Плети, да застѣнокъ припуталъ....

— Да нельзя-же, Ѳеѳошка, съ Адама начинать.

— Съ какого тебѣ Адама? Что ты грѣшишь. Я объ голштинцѣ спрашиваю.

— Оставь его, Алеханъ, ты вѣчно мѣшаешь и дѣло оттягиваешь. Пускай хоть съ Адама начинаетъ, да только чтобы толкъ вышелъ. Онъ у насъ умница!

— Вотъ то-то! Да! отозвался Агаѳонъ. И прималкивай, обернулся онъ къ Алексѣю. Вы ему прикажите всѣ прималкивать, а то и впрямь до вечера не кончу. Ну слушайте, Григорій Григоричъ. Кого вы въ миску-то нарядили, знаете-ли?

— Знаю давно, голштинецъ, т.-е. фридриховскій посланецъ, фехтъ-мейстеръ Котцау, покорно приготовился отвѣчать на допросъ Григорій Орловъ, какъ будто все болѣе чуя, что Агаѳонъ принесъ, если не спасеніе, то отсрочку ожидаемаго съ часу на часъ ареста.

— Ну, ладно, вотъ онъ это и есть пущёный гонцомъ отъ Хредлиха. Ну, вотъ, покуда вы бѣгали по Питеру, да просили заступничества у разныхъ вельможъ, я сидѣлъ у себя въ прихожей и свое дѣло надумалъ. Ваши-то всѣ заступники при Ли-

заветѣ Петровнѣ зубасты были, а нонѣ всѣ хвосты поджали. А нонѣ, доложу я вамъ, вся сила въ нѣмцѣ. Вы не ухмыляйтесь, я хоть и крѣпюстиой вашъ холопъ, а это мнѣ сдается вѣрно. Вотъ я и надумался, дай думаю я, черезъ своихъ пріятелей, тоже холоповъ, свою канитель заведу. Ну, вотъ я третій день и мыкаюсь, изъ дома пропадаю, а нынѣ съ зари провалился. Вонъ Алексѣй-то Григорьичъ, по своему ребячеству и малымъ годамъ, небось, подумалъ, что молъ Агаѳонъ запоемъ запилъ: не пивши никогда за всю жизнь, теперь изъ кабака не выходитъ. Хитеръ, вѣдь!!

Алексѣй Орловъ былъ немногимъ моложе брата и ему шелъ уже 27 годъ, но Агаѳонъ упрямо считалъ его парнишкой сравнительно со своимъ бариномъ, героемъ многихъ битвъ. Алексѣй всегда огрызался полушутя на старика за это искреннее убѣжденіе, что онъ еще молокососъ. Теперь едва только Алексѣй открылъ ротъ, какъ старикъ поспѣшилъ прибавить:

— Не прикажите ему болтать, пусть помалкиваетъ, покуда всего не выложу.

И Агаѳонъ въ мельчайшихъ подробностяхъ разсказалъ, какъ онъ съ однимъ изъ пріятелей, лакеемъ графа Воронцова, отправился въ гости къ людямъ принца Жоржа, и даже познакомился съ господиномъ Михелемъ.

— Только ужъ больно въ себя ушелъ, прибавилъ Агафонъ, рукой не достанешь. Вельможа будто отъ того, что прынцу сапоги чиститъ. Затѣмъ отъ Жоржа, направленный пріятелями, Агаѳонъ, нанялъ пару лошадокъ и отправился прямо въ Ораніенбаумъ.

— Когда? воскликнули всѣ въ одинъ голосъ.

— Вѣстимо нонѣ, прямо оттуда, — и ямщика еще не расчиталъ, ждетъ внизу.

Старикъ началъ было разсказывать, какъ хромаетъ правая лошадь, какъ ногу себѣ зашибла гдѣ-то, но молодежь прервала старика въ нетерпѣніи.

— Ну, ну, не томи, воскликнулъ Григорій, неужто же былъ у самого Котцау?

— У него у самого.

— Да зачѣмъ?

— За дѣломъ.

— Да за какимъ дѣломъ? Къ нему-то?...

— А вотъ, слушайте. Пріѣхалъ, розыскалъ его. Нанялъ онъ въ Рамбовѣ фатеру самую т. е. мѣщанскую, десять рублевъ въ мѣсяцъ платитъ. Ладно, думаю, хорошо,—это намъ на руку; стало-быть нѣмецкихъ-то деньжищъ мало, съ собой не привезъ, а русскими еще не разжился.

И Агаѳонъ въ первый разъ сначала своего повѣствованія ухмыльнулся весело и въ ладоши ударилъ.

— Ну, вотъ, вошелъ я. Два у него солдата ихнихъ, рейтера, такіе, что въ Красномъ Кабачкѣ были, токмо другіе,—перемѣнилъ. При тѣхъ-то знать ему стыдно, — видѣли его ряженымъ. Сначала они меня пущать не хотѣли, чуть было не стали въ шею гнать. Я не иду, поясняю—барина надо, а они подлецы вѣстимо, по-русски хоть-бы тебѣ вотъ одно слово, что ни разинутъ ротъ, все свой хриплюнъ. Зашумѣли мы! Вдругъ, отворяется дверь и входитъ, кто-же бы вы думали? Я такъ и присѣлъ отъ радости! Анчуткинъ!

Оба братья Орловы, недоумѣвая, взглянули на стараго дядьку.

— Какой чортъ Анчуткинъ? Я не знаю, отозвался Григорій Орловъ, нетерпѣливо слѣдившій за разсказомъ дядьки и ожидавшій конца повѣствованія.

— Анчуткинъ, забыли? Вашего покойнаго родителя священника сынишко. Онъ у насъ махонькимъ въ домѣ бывалъ, собирали было его тоже въ семинарію, обучали, въ дьяконы полагать думали, а онъ тебѣ не тутъ-то было, вмѣсто дьяконовъ, удрамши, въ солдаты сдался. И махонькимъ-то самъ себѣ амуничку все стряпалъ да ребятишками на селѣ командовалъ. Нѣшто не помните, какъ Анчуткинъ съ компаніей своей приступомъ дьячиху въ банѣ взяли? Еще вашъ покойный родитель всѣхъ тогда ихъ пересѣчь велѣлъ.

— Ну, ну, не помню. Говори, что же дальше.

— Да нѣшто вы не смѣкаете?

— Ничего не смѣкаю.

— Анчуткинъ, стало-быть, при этомъ нѣмцѣ состоитъ, ну, въ деньщикахъ—что-ли. Изъ нашихъ-то христолюбивыхъ воиновъ перешелъ, окаянный, въ Голштинцы.

— Ну, ну!

— Ну вотъ, какъ мы съ нимъ увидѣлись, такъ оба и ахнули и давай цѣловаться. Потомъ это вышли изъ дому, выбрать себѣ мѣстечко, гдѣ побесѣдовать; ушли за дрова, да тамъ

и присѣли. И въ полчаса времени все ваше дѣло и обдѣлали.

— Да какъ? какъ? Говори! закричали почти всѣ.

— Какъ? А вотъ какъ. Есть у васъ двѣсти аль триста червонцевъ, вотъ сейчасъ на столъ класть?

— Что-жъ, неуштo-жъ откупиться можно? воскликнулъ Григорій Орловъ. Неуштo денегъ возьметъ Котцау?

— А почему-жъ это ему и не взять? вдругъ какъ бы обидѣлся Агафонъ.

— Не можетъ быть, Ѳоша, это все пустое. Тебя твой Анчуткинъ надуетъ, деньги положитъ въ карманъ и не говоря даже съ Котцау. И будемъ мы въ дуракахъ.

Агаѳонъ обозлился на мпѣніе барина и всѣхъ остальныхъ офицеровъ, утверждая и клянясь всѣми святыми, что вся сила въ томъ, чтобы заплатить Котцау за обиду двѣсти или триста червонцевъ.

— Да не возьметъ онъ ихъ! воскликнулъ Алексѣй Орловъ. Фо́фанъ ты, Ѳошка! Не ожидалъ я отъ тебя! Сѣлъ въ лужу. А я было думалъ, ты и впрямь что-нибудь путное надумалъ. Фо́фанъ!

— Вѣдь вотъ спорщикъ! воскликнулъ Агаѳонъ. Да ты нѣшто съ этимъ голштинцемъ говорилъ? А я говорилъ.

— Съ кѣмъ? Съ Котцау?! воскликнулъ Григорій Орловъ. Котцау ты видѣлъ?

— Вѣстимо видѣлъ, онъ же мнѣ и сказалъ, сколько возьметъ.

Офицеры повскакали съ мѣстъ.

— Такъ эдакъ бы и говорилъ! загудѣли голоса со всѣхъ сторонъ.

— Говорилъ?... Вонъ этотъ вотъ, озорникъ, нѣшто дастъ что́ путемъ сказать. Знай перебиваетъ, показалъ онъ на Алексѣя Орлова. Николи́ не дастъ ничего путемъ разсказать. Слушайте!

Объясненіе Агаѳонъ закончилъ тѣмъ, что снова веселый гулъ, смѣхъ и крики раздались въ квартирѣ Орловыхъ. Онъ передалъ свой разговоръ съ Котцау, которому онъ былъ представленъ Анчуткинымъ. Ротмейстеръ, конечно, тотчасъ же признавшій старика, сначала, по выраженію Агаѳона, остервенился.

— Думалъ ужъ я, опять меня бить начнетъ, однако нѣтъ. Анчуткинъ залопоталъ ему по-ихнему....

— По-нѣмецки? спросилъ кто-то.

— То-то, по-нѣмецки. Оттого и въ голштинцы попалъ, что обучился въ войну по-ихнему. Прыткій малый.

— Ну, ну, разсказывай....

— Ну вотъ, Анчуткинъ, полопотавши съ нимъ, мнѣ и говоритъ, дѣло это сладиться можетъ, баринъ согласенъ получить триста червонцевъ за обиду, только чтобы это никто не зналъ, а узнаетъ кто про это, то онъ откажется. А деньги эти чтобы я ему самолично отъ васъ передалъ. Ну, и доложу я вамъ, Григорій Григоричъ, не люблю я нѣмцевъ смерть, но доложу я вамъ, что этотъ самый Котцау, какъ мнѣ сдается, не надуетъ.

— Чортъ его душу знаетъ! Можетъ и надуетъ! замѣтилъ Ласунскій.

— И это не все, продолжалъ старикъ. Слушайте. Окромя этова, еще онъ требуетъ, чтобы вы значитъ обои, вы, да вотъ и озорникъ этотъ, обои прощеніе у него просили передъ разными самовидцами. Чтобы при семъ и голштинскіе были мейнгеры и наши всей гвардіи офицеры.

— Ну и это онъ брешетъ!... вскрикнулъ Григорій Орловъ.

— Пустое, въ ту же минуту обернулся къ брату Алексѣй, что ты болтаешь, Господь съ тобой! Да я на четверинкахъ къ нему подойду и прощеніе просить буду. Не ради себя, а ради поважнѣе чего. А вотъ, когда будетъ на нашей улицѣ праздникъ, такъ мы его въ холщевый мѣшокъ битьемъ обратимъ за это свое нынѣшнее посрамленіе.

— Не могу я, замоталъ головой Григорій, ей Богу не могу! Попроси я сегодня у него прощеніе, такъ меня такое зло будетъ разбирать, что я на другой же день, чтобы душу отвести, нарочно въ Рамбовъ поѣду его колотить. Еще хуже будетъ.

Между друзьями начался споръ и офицеры стали доказывать Григорію Орлову, что онъ долженъ согласиться и на примиреніе посредствомъ тайной уплаты денегъ, и на публичное покаяніе.

— Ну, спасибо тебѣ, Ѳеѳошка! воскликнулъ вдругъ Алексѣй Орловъ и, обнявъ Агаѳона, который напрасно въ него упирался руками; силачъ взялъ старика на руки, какъ берутъ ребенка и началъ его качать, приговаривая:

— Душка Ѳеѳошка! Душка Ѳеѳошка!

— Брось, брось, убьешь! Пусти, не все сказалъ! не сердясь, а напротивъ очень довольный взмолился Агаѳонъ.

— Врешь! Все! смѣялся Алексѣй Орловъ, продолжая раскачивать старика.

— Ей Богу не все, вотъ тебѣ Христосъ Ботъ, не все! Главнаго не разсказалъ. Пусти!

— А ну, говори! и Алексѣй поставилъ его на ноги.

— Фу, озарной! Закачалъ! Даже въ головѣ помутилось, тошнитъ какъ на кораблѣ.

Агаѳонъ прищурилъ глаза, потеръ себѣ лобъ рукой и выговорилъ:

— Григорій Григоричъ, вѣдь не все; главное не сказалъ.

— Что еще? Ну! Что? раздались голоса.

— А вотъ что.... Только это не я, значитъ, а самъ, онъ сказываетъ—Котцау, говоритъ, что получивши деньги и ваше прощеніе, онъ все жъ таки ничего подѣлать не можетъ. Какъ онъ ни проси, васъ, значитъ, простить,—васъ ни Жоржъ, ни *тамъ* во дворцѣ не простятъ; а должны вы все таки съ своей стороны похлопотать.

— Вотъ тебѣ и здравствуйте! выговорилъ Алексѣй.

— И приказалъ онъ вамъ, только тайкомъ и опять чтобы никто не зналъ, что это онъ васъ надоумилъ.... приказалъ ѣхать просить обо всемъ этомъ дѣлѣ графиню Скавронскую.

— Что? Что? воскликнулъ Григорій Орловъ, Скавронскую? Это съ какого чорта? Она-то тутъ при чемъ же? Вотъ и вышелъ нѣмецъ, дубина. Мы ужъ и дѣдушку ее, и Разумовскихъ, и саму Воронцову просили, а по его, ступай къ Скавронской!

— Стало быть, такъ надо! возразилъ старикъ досадливо. Это онъ самъ сказалъ, да еще прибавилъ: и непремѣнно пошли ты господъ къ графинѣ; коли не повѣрятъ, такъ скажи, что я имъ такъ сказываю. Я дѣло, молъ, свое портить самъ не стану.

— Да вѣдь это тебѣ все Анчуткинъ расписывалъ?

— Вѣстимо Анчуткинъ, да вѣдь я тутъ же былъ и видѣлъ, что онъ лицомъ дѣлалъ и руками. И опять таки, Григорій Григоричъ, сами знаете, что ужъ грѣха таить, при эдакой бѣдѣ я на его нѣмецкомъ хриплюнѣ много понялъ. Не даромъ столько времени выжилъ съ вами на войнѣ.

Григорій Орловъ дѣйствительно вспомнилъ, что Агаѳонъ изъ ненависти къ Германіи больше притворялся, что не выучился нѣмецкому языку, а въ сущности понималъ очень много.

Молодежь стояла вкругъ старика и раздумывала. Все дѣло, которое сначала показалось очень просто и умно придумано дядькой, теперь оказалось будто испорченнымъ.

— Что тутъ Скабронская, причемъ она тутъ! Она, знай, по баламъ, да по вечеринкамъ летаетъ. Все вранье одно.

— Ну, какъ знаете, почти обидѣлся Агаѳонъ. Я для васъ стараюсь, моя совѣсть, значитъ, передъ Господомъ Богомъ и передъ вашимъ покойнымъ родителемъ видна, вся на ладони, ни соринки въ ней. А коли слушаться не хотите, ваше дѣло. Поѣдемъ вмѣстѣ въ Рогервикъ, а то и къ самоѣдамъ, тамъ насъ и съѣдятъ. А не съѣдятъ, такъ самихъ заставятъ людей ѣсть.

Агафонъ, разсердившись, повернулся и ушелъ къ себѣ въ прихожую.

Офицеры, оставшись одни, долго совѣщались обо всемъ, что слышали отъ дядьки. Къ вечеру было рѣшено однако не поступать согласно съ тѣмъ, чему научилъ Котцау—осрамитъ подлецъ. Оплюетъ только! говорилъ Григорій Орловъ. Заподозрить что либо во всемъ разсказѣ старика, было немыслимо. Григорій хорошо зналъ правдивость своего дядьки, а подъ часъ и удивительную находчивость и хитрость. Но вся исторія казалась сомнительной.

Среди общаго унылаго молчанія снова появился старикъ въ горницѣ и выговорилъ упавшимъ отъ чувства голосомъ.

— Коли вы мнѣ не вѣрите, считаете меня за пустоплёта, за предателя, и не хотите дѣлать то, что вамъ говорятъ, то увольте меня, отпустите въ Москву къ Ивану Григоричу, ему служить буду.

И Агаѳонъ, стоя въ торжественной позѣ, съ поднятой рукой на Григорія Орлова, вдругъ весь сморщился и слезы въ три ручья полились у него изъ глазъ. Не прошло секунды, какъ старикъ уже рыдалъ, едва держась на ногахъ.

Разумѣется, Орловы тотчасъ же бросились къ дядькѣ и стали всячески утѣшать его.

Агаѳонъ долго не могъ выговорить ни слова и, наконецъ, проговорилъ:

— Коли вѣрите, сдѣлайте все, какъ я сказываю. Смотрите, все устроится. Мнѣ тоже и Анчуткинъ про эту графиню сказывалъ, что она въ этомъ дѣлѣ помочь можетъ. А почему собственно? Ни за что не хотѣлъ, подлецъ, сказать: говоритъ нельзя, родимый, проболтаешься ты, въ Сибирь я улечу.

Послѣднія слова подѣйствовали на всѣхъ. Времена были такія, что именно все странное, таинственное, непонятное, даже повидимому безсмысленное имѣло значеніе и всякій день случа-

лось услыхать, узнать или увидѣть въ столицѣ диво дивное невѣроятности и неожиданности.

— А кто жъ его знаетъ, рѣшилъ вдругъ Григорій Орловъ. Немудренное, вѣдь, дѣло и къ графинѣ съѣздить. Она же пріятельница съ моей Парашей.

— Конечно, не мудреное дѣло!

— Поѣду, Ѳеѳоша! завтра же поѣду, сегодня поздно.

— Ну спасибо! поцѣлуйте меня, выговорилъ Агаѳонъ.

Григорій Орловъ быстрымъ искреннимъ движеніемъ обхватилъ старика, взялъ въ свою богатырскую охабку и невольно поднявъ его съ полу, разцѣловалъ въ обѣ морщинистыя щеки. Въ этомъ движеньи сказалось должно быть что-нибудь особенное, незаурядное, потому что кружокъ товарищей, обступившій ихъ двухъ, вдругъ смолкъ и всѣ лица стали добродушно-серьезны, почти торжественны.

Когда Григорій выпустилъ старика изъ рукъ, черты лица его выдали внутреннее волненіе.

— Ну, а меня-то?... Ахъ ты Кащей эдакій!... Меня-то не надо? воскликнулъ Алексѣй, протягивая руки къ старику.

— Ни, ни, ни.... Уморился, ѣздилъ. Какъ святъ Богъ, не до баловства.... серьезно выговорилъ Агаѳонъ.

— Да не стану. Ей-ей! Только поцѣлуемся. Ей-ей!

Старикъ по голосу Алексѣя понялъ, что тотъ никакой штуки не сдѣлаетъ съ нимъ и позволилъ себя обнять и поцѣловать.

Но не утерпѣлъ молодецъ и цѣлуя старика все таки слегка ущипнулъ его сзади.

— Эка, вѣдь, озорной! проворчалъ старикъ, почесываясь.

XXIV.

Старикъ Скабронскій былъ не одинъ въ своемъ родѣ, былъ на свѣтѣ другой графъ Скабронскій, Кирилла Петровичъ, приходившійся ему внукомъ.

Единственный братъ Іоанна Іоанновича, давно умершій, имѣлъ сына Петра, который за все царствованіе Елизаветы Петровны и Анны Іоановны жилъ за-границей, находясь при посольствѣ у Кесаря, затѣмъ онъ женился, вскорѣ потерялъ жену и перешелъ на службу ко двору короля Людовика XV, гдѣ и самъ умеръ, болѣе десяти лѣтъ не видавши родины.

Себялюбивый Іоаннъ Іоанновичъ вообще мало интересовался судьбой племянника, его бракомъ, жизнью за-границей и его се-

мействомъ. Вдругъ, лѣтъ съ восемь тому назадъ, увидѣлъ онъ внезапно у себя въ домѣ цѣлую пріѣзжую «араву». Во дворъ въѣхала великолѣпная и громадная карета, за ней какой-то фургонъ и затѣмъ, совершенно незнакомыя фигуры и физіономіи, пестрыя и голосистыя, появились въ домѣ брюзгливаго старика. Оказалось, что по желанію давнымъ давно невиданнаго имъ племянника, умершаго на чужбинѣ, выраженному имъ передъ кончиной, въ домъ дяди былъ привезенъ его собственный внукъ, шестнадцатилѣтній красивый мальчикъ, не говорившій ни слова по русски. Съ нимъ вмѣстѣ появилась цѣлая свита: дядька французъ, очень приличный, другой дядька неизвѣстной національности и съ прескверной физіономіей и затѣмъ камердинеры, гардеробъ-мейстеры и съ десятокъ какихъ-то иностранныхъ гайдуковъ и казачковъ.

Старый холостякъ мелькомъ слышалъ о женитьбѣ племянника Петра на какой-то богатѣйшей княжнѣ, дочери какого-то польскаго магната, о покупкѣ имѣній и домовъ, но никогда своей племянницы не видалъ, о ея смерти не слыхалъ—а тутъ вдругъ является внукъ сирота.

— Вотъ такъ машкерадъ! встрѣтилъ дѣдушка внучка со свитой и разсмѣялся досадливо и презрительно. Бѣсово навожденіе!—По каковскому же я буду теперь бесѣдовать съ внученкомъ? И почему собственно ко мнѣ-то прямо вся арава пожаловала! Нешто по матерной сторонѣ пѣтъ родни?

Тотчасъ же былъ найденъ переводчикъ французъ и Іоаннъ Іоанновичъ вступилъ въ переговоры съ французскимъ внучкомъ и съ его свитой.

Оказалось, что покойный племянникъ направилъ своего сына и завѣщаньемъ перевелъ чрезъ банкира все состояніе его къ дядѣ съ просьбой быть опекуномъ и покровителемъ, ибо богатый мальчикъ оставался круглымъ сиротой. Дѣлать было нечего и Іоаннъ Іонновичъ прибралъ большія деньги къ рукамъ и оставилъ у себя въ домѣ внука, но всю его свиту мгновенно спровадилъ со двора. Какъ несчастные французы, дядьки и лакеи, вернулись въ свое отечество, одному Богу извѣстно. Іоаннъ Іоанновичъ не далъ имъ ни гроша на обратный путь, а одного изъ нихъ, *«мусью Шарла»*, который сталъ было прекословить, тотчасъ уняли на конюшнѣ.

Разумѣется, не успѣли дать *мусьѣ* пяти розогъ, какъ отъ его воплей всѣ его товарищи добровольно разсыпались со двора

графа Скабронскаго по незнакомой столицѣ, кто куда попало. Одинъ, говорятъ, со страху бросился прямо въ Невку и ушелъ вплавь. Затѣмъ нѣкоторые изъ нихъ нашли себѣ отличныя мѣста въ городѣ и остались въ хлѣбосольной странѣ.

Найденный въ Петербургѣ переводчикъ женевецъ, подмастерье часовщика, былъ оставленъ въ домѣ, чтобы служить помощникомъ въ бесѣдѣ дѣда со внучкомъ и для того, чтобы развлекать юношу, которому онъ былъ ровесникъ. Большіе капиталы, полученные понемногу съ голландскаго банкира графъ не оставилъ дома, а тотчасъ же купилъ на имя внука, въ качествѣ опекуна, нѣсколько вотчинъ и отличный домъ въ Петербургѣ, полный, какъ чаша.

— Живетъ-то пущай все-таки у меня, рѣшилъ Іоаннъ Іоанновичъ, а то вѣдь мальчуганъ взбѣсится одинъ, слова не съ кѣмъ сказать. Да подъ моимъ призоромъ дѣло вѣрнѣе будетъ. Положеніе юноши Кирилла стало незавидное. Онъ родился въ Вѣнѣ, затѣмъ воспитывался и учился въ Парижѣ и былъ образованнѣе своихъ ровестниковъ, россійскихъ недорослей. Онъ былъ очень недуренъ собой, стройный, даже граціозный въ походкѣ и движеніяхъ. Отецъ обожалъ его, потерявъ жену и конечно ужасно баловалъ, и онъ въ Парижѣ привыкъ къ такой обстановкѣ, о которой и помину не было, конечно, въ Петербургѣ. Дѣдушка вдобавокъ сразу нагналъ на него такого страху, что онъ безъ дрожи въ тѣлѣ не могъ видѣть его.

Но, помимо этого, и всѣ впечатлѣнія юноши въ Россіи были тяжелыя. Все испугало его и все привело въ ужасъ: и снѣжные сугробы по равнинамъ, и грязные рваные тулупы простонародья, и грязь заѣзжихъ дворовъ по дорогѣ, которые были всѣ — tout pleins de bêtes et d'animaux.

И въ дорогѣ всплакнулъ нѣсколько разъ юноша, да и теперь, сидя чуть не взаперти въ домѣ дѣда, случалось ему плакать. Къ довершенію всего, юноша, не зная ни слова по-русски, не могъ говорить ни съ кѣмъ. Русская рѣчь, звучавшая крутомъ надъ его ушами, казалась ему какимъ-то дикимъ рыканьемъ и ласмъ.

— Mais ce n'est pas une langue! восклицалъ онъ, жалуясь своему новому товарищу, по имени Эмилю. Ce n'est pas une langue, c'est un aboyement de chien!

Эмиль утѣшалъ юношу, говоря, что ему прежде русскій языкъ тоже казался лаемъ собачьимъ, но что теперь за два года жизни въ Петербургѣ онъ уже сталъ мороковать и понималъ все.

— Языкъ варварскій, конечно, говорилъ Эмиль; похожъ, дѣйствительно, на лай, но въ немъ есть отдѣльныя слова для обозначенія всякаго предмета, также какъ и по-французски. Что хотите можно сказать на ихъ языкѣ, увѣрялъ онъ.

Но юноша почти не вѣрилъ этому, даже требовалъ доказательствъ и, указывая на разные предметы, спрашивалъ у Эмиля, какъ назвать это по-русски. Эмиль иногда зналъ и, исковеркавъ русское слово, называлъ его, выговаривая на свой ладъ, отчего слово русское еще болѣе удивляло Кирилла. Иногда же Эмиль не зналъ вовсе спрашиваемаго и, чтобы не ударить лицомъ въ грязь, самъ сочинялъ, или называлъ предметъ на мѣстномъ горномъ нарѣчіи окрестностей Женевы.

Такимъ образомъ, привезенный изъ своей второй родины Франціи, въ свое настоящее отечество, котораго онъ не зналъ, юноша Кириллъ, избалованный отцемъ, вдругъ сдѣлался самымъ несчастнымъ существомъ. Дѣда своего онъ видалъ только за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ и то только вначалѣ; вскорѣ же ему стали подавать пищу къ нему въ комнату, по приказанію дѣда, потому что брюзгливому графу Іоанну Іоанновичу, прожившему весь свой вѣкъ одиноко, было непривычно и скоро надоѣло имѣть вѣчно передъ глазами молчаливаго и печальнаго юношу.

Съ перваго же мѣсяца жизни внука въ домѣ, онъ далъ ему до сотни прозвищъ. Никогда не называя его по имени, онъ обращался къ нему со словами:

— Ну, ты! фертикъ! финтикъ! парижанская мусья!!

Затѣмъ онъ долго звалъ его, неизвѣстно почему, «ладеколонъ» и это прозвище всякій разъ заставляло его самого смѣяться до слезъ. Юноша только робѣлъ, краснѣлъ отъ всѣхъ прозвищъ и даже на послѣднее «ладеколонъ» отзывался, какъ если бы оно было имя, данное ему при крещеніи.

Наконецъ, однажды, спросивъ у Эмиля, допущеннаго стоять за столомъ у кресла внучка, графъ узналъ, какъ сказать внукъ по-французски, т. е. «petit fils» и съ этого дня у Кирилла было новое прозвище, которое, однако, менѣе обижало его.

— А! такъ вотъ что? воскликнулъ Іоаннъ Іоанновичъ, такъ ты, фертикъ, выходишь мнѣ по вашему: путифицъ! Ну, такъ тебя путифицемъ и звать будемъ.

Смѣшное и грустное положеніе Кирилла или, какъ звали его въ домѣ всѣ люди, графчёнка, увеличивалось, конечно, сначала его

незнаніемъ русскаго языка, а затѣмъ, послѣ упорнаго прилежанія съ его стороны, его нелѣпымъ и дикимъ русскимъ языкомъ, пріобрѣтеннымъ благодаря урокамъ Эмиля. Брюзгливый дѣдушка не позаботился доставить внуку настоящаго русскаго учителя. Эмиль скверно говорилъ по-русски, а ужъ ученикъ его иногда такія русскія слова произносилъ, что графъ Іоаннъ Іоанновичъ хохоталъ до слезъ и до колики.

Такимъ образомъ, въ однообразной жизни старика, внучекъ изъ Парижа или «путифицъ» сдѣлался незамѣтно домашнимъ скоморохомъ, забавой и шуткой. За столомъ, вкругъ котораго стояло всегда десятка два крѣпостныхъ офиціантовъ съ тарелками, графъ заговаривалъ нарочно и заставлялъ говорить путифица только на потѣху. И самъ каждый разъ хохоталъ онъ безъ конца, иногда болѣзненно желчно и притворно, и своимъ крѣпостнымъ офиціантамъ позволялъ фыркать въ руку отъ русскихъ словъ графчёнка.

Немудрено, что черезъ полгода затворнической жизни, при отсутствіи кого-либо, съ кѣмъ душу отвести, помимо Эмиля, который сталъ вдругъ запибать, полюбивъ россійскую водку, наконецъ при постоянномъ непріязненномъ отношеніи къ нему дѣда, оскорбляемый и скучающій, бѣдный путифицъ сталъ чахнуть. Онъ, вѣроятно, и умеръ бы, если бъ случайно его судьбой не поинтересовалась старушка, дальняя родственница Снабронскихъ, пріѣхавшая изъ Курска въ Петербургъ по дѣлу тяжебному и навѣстившая своего важнаго родственника.

Старушка эта была полусвятая жизнью и, конечно, добрѣйшей души женщина, но хитрая на добро. Она въ одинъ мѣсяцъ поддѣлалась къ старику графу, хотя это было трудно и убѣдила его призвать докторовъ освидѣтельствовать внучка, и докторовъ не русскихъ, а нѣмецкихъ, которыхъ въ Петербургѣ было не мало. Старушка объяснила это тѣмъ, что такъ какъ ребенокъ родился за-границей, то и тѣльцо его на половину нерусское, стало-быть и болѣзни у него должны быть иноземныя, стало-быть и докторовъ надо чужестранныхъ.

Разумѣется, старикъ не послушался бы родственницы, но вслѣдствіи одного новаго обстоятельства Іоанну Іоанновичу самому хотѣлось совсѣмъ отдѣлаться отъ путифица. Онъ вдругъ приревновалъ къ нему, красивому юношѣ свою, вновь заведенную «вольную женку», жившую въ домѣ. Докторовъ позвали, юношу осмотрѣли, нашли въ немъ признаки начинающейся ча-

хотки и рѣшили, что его надо отправить жить въ такую землю, гдѣ не бываетъ снѣговъ и морозовъ.

— И прекрасное дѣло! воскликнулъ Іоаннъ Іоанновичъ, узнавъ это, пущай гдѣ родился туда и уѣзжаетъ. Тотчасъ же Іоаннъ Іоанновичъ снарядилъ своего внука, приставилъ къ нему двухъ дядекъ, одного русскаго изъ своей дворни, другаго француза, взятаго изъ магазина съ Большой Морской. Присоединить къ нимъ глуповатаго, но добраго Эмиля было нельзя, такъ какъ онъ окончательно спился съ кругу за послѣднее время.

Юноша собрался въ дорогу. За два часа до его выѣзда со двора въ дальній путь, во Францію, графъ Іоаннъ Іоанновичъ позвалъ къ себѣ семнадцатилѣтняго внука и сказалъ ему длинное нравоученіе: какъ себя вести за-границей, слушаться дядекъ во всемъ и отписывать ему аккуратно каждый мѣсяцъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Нравоученіе это сводилось къ тремъ главнымъ пунктамъ: молись чаще Богу, трать меньше денегъ и сторонись отъ женскаго пола.

Разумѣется, Кириллъ самъ себя не помнилъ отъ радости, что ссылкѣ его и затворничеству конецъ. Старушку, вступившуюся за него, онъ боготворилъ и даже звалъ съ собой тайкомъ заграницу. Но она только руками замахала и объяснила, что коли онъ, паренекъ, чуть не померъ въ Россіи, такъ она во Франціи тотчасъ помретъ.

— Всякій живи, гдѣ родился, сказала она, во всемъ Божьемъ міру такъ, соколикъ мой. На звѣрьяхъ и на деревцахъ тоже видно. Былъ у меня подаренный мнѣ графомъ Разумовскимъ гишпанскій котъ, года не выжилъ въ Россіи. Посадила я у себя въ вотчинѣ перламутровую грушу римскую, за одну зиму всѣ высадки пропали.

Упрашивая старуху ѣхать съ собой, Кириллъ немного хитрилъ,—онъ боялся дѣда, ненавидѣлъ его, какъ и всю Россію, но теперь онъ боялся тоже своихъ двухъ дядекъ, какъ русскаго, довольно глуповатаго лакея Спиридона, такъ и вновь нанятаго француза Жоли, фамилія котораго далеко не шла къ его жирному красному лицу. Юноша понялъ, что эти два человѣка, ему совершенно незнакомые, по приказанію дѣда, будутъ имъ распоряжаться, какъ вздумается на далекой чужбинѣ. Права и полномочія ихъ надъ нимъ были даны дѣдомъ полныя и строжайшія, особенно относительно главныхъ трехъ пунктовъ.

А эти пункты было не равно легко исполнить.

Молиться Богу Кириллѣ было немудрено, онъ и самъ привыкъ это часто дѣлать съ горя и тоски въ домѣ дѣда, хотя тайкомъ отъ дѣда читалъ не «Отче нашъ» или «Вѣрую», которые и мысленно произносилъ съ трудомъ, а болѣе близкіе, даже отчасти родные «Pater Noster» и «Credo». Латинскія слова этихъ молитвъ онъ понималъ не болѣе, чѣмъ русскія, но привыкъ къ нимъ.

Затѣмъ—тратить много денегъ онъ не могъ, такъ какъ деньги были поручены Спиридону. Что же касается до третьяго пункта, то онъ былъ юношѣ совершенно не ясенъ, потому что приказаніе дѣда сторониться отъ женскаго пола Эмиль, по глупости, перевелъ такъ, какъ самъ понялъ, т.-е. совсѣмъ иначе. Эмиль сказалъ, переведя слова графа Іоанна Іоанновича съ русскаго на французскій:

— Ne touchez jamais le-plancher.

Дѣдъ, не понимавшій ни слова по французски, не исправилъ перевода. Вновь же нанятый французъ Жоли понялъ и перевелъ третью заповѣдь дѣдушки:

— Eviter la societé des grandes dames!

Оба варіанта Эмиля и Жоли перепутались въ головѣ Кириллы и онъ самъ не зналъ, какъ выпутаться изъ бѣды, чтобы исполнить третью мудреную заповѣдь.

XXV.

Переѣхавъ русскую границу и очутившись въ Польскомъ королевствѣ, а затѣмъ въ веселой, пышной, красивой Варшавѣ, Кириллъ, какъ будто почуялъ вдругъ всѣми нервами своего существа иной духъ, потянулъ въ себя полною грудью иной, уже болѣе теплый, почти весенній воздухъ и сразу ожилъ, сразу щеки его зарумянились, глаза заблестѣли.

— C'est un petit Paris!—воскликнулъ онъ, прогуливаясь по Краковскому предмѣстью и по Саксонскому саду. Вдобавокъ, теперь юноша былъ не «фертикъ» и не «путифицъ», а по дорогѣ величали его титуломъ и называли внукомъ русскаго магната, родственникомъ фаворита россійской императрицы. Самъ Кириллъ не отказывался отъ этого.

Черезъ полтора мѣсяца пути, будучи въ Парижѣ, юноша не только окрѣпъ, поздоровѣлъ, развернулся, какъ бы нечаянно для самаго себя, не только вышелъ изъ-подъ вліянія и повиновенія своихъ двухъ менторовъ, но даже пріобрѣлъ вдругъ нѣкоторое вліяніе надъ ними. Случилось это очень просто.

Жоли былъ жирный и добрый французъ, у котораго была только одна страсть—спать. Всю дорогу, а затѣмъ и по пріѣздѣ въ Парижъ, Жоли спалъ и спалъ безъ просыпа. И, вѣроятно, отъ этого постояннаго сна или отъ праздности и сытной пищи, онъ окончательно отупѣлъ и соглашался на все, что дѣлалъ и предлагалъ «Monsieur le vicomte», какъ сталъ онъ звать питомца; соглашался онъ на все, вѣроятно, потому, чтобы не тревожить и не безпокоить своей лѣни отказомъ или споромъ.

Упрямый, глуповатый, но и грубоватый Спиридонъ, неограниченно и крупно повелѣвавшій и распоряжавшійся всѣмъ отъ графчика ему ввѣреннаго и до послѣдняго винта въ экипажѣ, притихъ вдругъ, даже пріунылъ, даже какъ будто струсилъ. Тотчасъ по переѣздѣ границы Россійско-Польской, во время двухъдневнаго пребыванія въ Варшавѣ, холопская важность и хамово упрямство Спиридона много поубавились. Онъ все оглядывался, озирался кругомъ себя, и дико прислушивался къ полу-родной польской рѣчи. И, какъ собака, хотя злая, но попавшая нечаянно въ чужой домъ, обнюхивается поджимая хвостъ и косится злыми, но боязливыми глазами, такъ и Спиридонъ, ворчалъ, бранился, нападалъ на графчика, привязывался къ Жоли, но однако, тотчасъ же приходилъ къ обоимъ съ просьбой по поводу всякаго пустяка.

— Не понимаютъ, дьяволы!—говорилъ онъ, тридцать разъ повторилъ, балуются, будто не смыслятъ, подите, скажите!

Но если въ Польшѣ Спиридонъ иногда вывертывался безъ помощи спутниковъ, то, попавъ въ Германію, а затѣмъ во Францію, онъ окончательно примолкъ и только неодобрительно покачивалъ головой, почесывалъ за ухомъ и думалъ про себя:

— Вотъ зажора то! Покомандуй-ка поди! Заслалъ бы я тебя, обращался онъ мысленно къ барину, графу Іоанну Іоанновичу. Заслалъ бы тебя сюда, — и ты бы тутъ покаяннаго грѣшника изобразилъ!

Такимъ образомъ, юноша, благодаря обстоятельствамъ и обстановкѣ, благодаря безпробудному сну Жоли и безпомощному состоянію Спиридона на чужой сторонѣ, среди чуждыхъ ему людей, обычаевъ и языка, сразу, сталъ независимъ. Кромѣ того, онъ нравственно встрепенулся, ожилъ, воскресъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ родился, провелъ все дѣтство, воспитывался и сталъ юношей и гдѣ, наконецъ, имѣлъ пропасть знакомыхъ и друзей покойнаго отца.

Одно только ярмо и было теперь — зависимость денежныхъ средствъ отъ дѣда, оставшагося тамъ, гдѣ-то далеко среди огромныхъ сугробовъ и страшныхъ морозовъ. Надо было кое-какъ прожить еще нѣсколько лѣтъ подъ попечительствомъ этого злаго дѣда и жить на гроши, которые онъ высылалъ.

— Когда буду совершеннолѣтнимъ, мечталъ Кирилла, выйду изъ опеки, продамъ заглазно все, что есть въ Россіи и переведу все состояніе во Францію. Тоже самое, конечно, совѣтовали ему здѣсь и друзья покойнаго отца. Нѣкоторые полагали даже начать процессъ, тотчасъ же освободить юношу изъ-подъ опеки стараго тирана, изверга, «l'ours de la Neva», какъ прозвали они теперь Іоанна Іоанновича. И какъ еще недавно Кирилла былъ щедро награждаемъ дѣдушкой всякими прозвищами смѣшными и дурацкими, такъ теперь юноша и его парижскіе знакомые, въ свою очередь, изощрялись въ прозвищахъ и названьяхъ петербургскому дѣду, который былъ теперь «l'ours blanc, le vampire, le cyclope, le grand ogre»....

Съ самаго пріѣзда Кирилла на свою родину, т. е. въ Версаль, онъ поселился на томъ же бульварѣ, гдѣ былъ домъ, въ которомъ онъ родился, но котораго теперь, конечно, не могъ нанять, не имѣя средствъ своего отца. Обстоятельства особенно благопріятствовали и петербургскій узникъ, скоморохъ за столомъ дѣда, сталъ здѣсь сразу предметомъ всеобщаго вниманія и любезнаго обращенія. Король зналъ его въ лицо и при встрѣчѣ милостиво кивалъ головой au jeune russe-versailler. Герцогини и маркизы тоже милостиво улыбались ему при встрѣчахъ. Вскорѣ, наконецъ, одна изъ нихъ, очень веселаго поведенія, приблизила къ себѣ красиваго юношу, какъ мимолетный капризъ, и перезнакомила его совершенно съ придворнымъ кругомъ, какъ сына всѣмъ знакомаго, недавно еще умершаго дипломата. Трудно было Спиридону перечить питомцу и обругать его здорово за то, что онъ напримѣръ засидѣлся гдѣ-нибудь на вечеринкѣ, когда онъ самъ видѣлъ, что французскій царь кланялся его графчику.

— Нагрубить ему, разсуждалъ Спиридонъ, нажалуется онъ на тебя здѣшнимъ генераламъ, и что будетъ? Тебя жъ и выпорятъ. Говоритъ, анаѳемы, что здѣсь вишь не порятъ! Враки! Вѣрно знаю, что у нихъ есть эдакое мѣсто за нѣсколько верстъ отъ эвтой Версальи, куда ни кого не пущаютъ и гдѣ всѣхъ генераловъ, и дворянъ, и нашего брата лакея не токмо страшнѣ-

ющe порятъ розгами, а и головы снимаютъ, четвертуютъ на десять частей.

Но каково соображеніе было у Спиридона о четвертованіи на десять частей, таково же было его составившееся понятіе о Франціи, Парижѣ, Версали и королевскомъ дворѣ. Онъ сталъ не на шутку бояться своего графчика и ожидать, что онъ какъ-нибудь нажалуется, и его, не говоря худаго слова, обезглавятъ или сошлютъ въ какую-нибудь французскую Сибирь на вѣчныя времена.

И Спиридонъ, чтобы ужиться и не пропасть, сталъ, на сколько умѣлъ, ласковъ съ графчикомъ. Но и это продолжалось не долго. Какъ Кириллъ чахъ въ Петербургѣ въ домѣ дѣда, такъ и Спиридонъ, хотя здоровенный, сталъ чахнуть въ Версалѣ. Да и мудрено было, конечно, безвыходно и невозможно положеніе русскаго хама, костромича по происхожденію, уроженца деревни Степкиной Овражки, сотни разъ битаго и дранаго на всѣ лады, занесеннаго судьбой мачихой.... Куда же? За нѣсколько шаговъ отъ блестящаго, пышнаго, сказочно великолѣпнаго двора короля, перваго щеголя своего вѣка, гуляющаго среди стриженныхъ аллей, бассейновъ, фонтановъ, среди цѣлой толпы бѣломраморныхъ статуй, цѣлой сіяющей толпы придворныхъ. Положеніе Спиридона, разумѣется, было такое же, каково положеніе таракана пруссака, волею судебъ очутившагося въ изящной бонбоньеркѣ, переполненной разными чудными и душистыми конфектами.

Такъ или иначе, но Спиридонъ началъ чахнуть и слезно началъ просить своего графчика проставить въ цидулякъ, которыя онъ отписывалъ аккуратно дѣду, чтобы его, раба, помиловали, простили и вернули на родимую сторону. Кириллъ изъ жалости два раза написалъ дѣду, что Спиридонъ изнываетъ по отечеству и сталъ неузнаваемъ и жалокъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ пріѣхалъ въ Версаль, довезенный какимъ-то русскимъ, другой дядька, имя котораго юноша Кириллъ сразу и выговорить не могъ. Новый дядька былъ молодой, умный и расторопный парень, показавшійся ему даже очень добрымъ малымъ; онъ былъ тоже съ большущими, грубыми и красными руками, съ особымъ запахомъ чего-то жирногорькаго какъ и Спиридонъ, а назывался по имени Агафаиллей.

— Oh, mon Dieu! воскликнулъ на это Кириллъ A-ga-fa-cley!! Это ужасно! C'est terrible. Надо будетъ перемѣнить это имя, pour ne pas aboyer, когда придется называть. А то вѣдь всѣ смѣятся будутъ надо мной.

Агафаклей привезъ отъ Іоанна Іоанновича грозное посланіе на счетъ Спиридона и хотя дозволявшее ему вернуться въ Петербургъ, но обѣщавшее судъ и расправу. Агафаклей на словахъ передалъ Спиридону Ефимычу, что ему: «хоть и не ѣзди въ Рассею! Сказывали во двору, что какъ онъ пріѣдетъ, такъ его выпорятъ и въ степную вотчину на скотный дворъ сошлютъ».

Но Спиридонъ, услыша это, возликовалъ.

— Пусть хоть въ Сибирь сошлютъ! На скотный дворъ?! Да ты вотъ, Агафаклеюшка, поживешь тутъ малость, такъ увидишь. Это тебѣ такъ вновѣ повадливо кажетъ. Тутъ жисть окаянная, поскудная, каторжная, пуще всякой Сибири. Слова сказать не съ кѣмъ, лба перекрестить негдѣ, ни одного храма. У нихъ, подлецовъ, церквей и въ заводѣ нѣтъ, а вишь леглизы свои. Захочешь коли молиться, такъ дома молись. Не идти-жъ въ ихній леглизъ. А то скотный дворъ! Да я хоть сотню коровъ на себя возьму, чѣмъ съ здѣшнимъ скотомъ расправляться.

При первой же случившейся оказіи, состоящій при польскомъ посольствѣ въ Версали магнатъ, уѣзжая на родину, по просьбѣ Кирилла захватилъ съ собой Спиридона, съ обѣщаніемъ изъ Кракова доставить его какъ-нибудь въ Петербургъ. Кирилла послалъ съ Спиридономъ дѣду письмо, пространное и написанное въ сообщничествѣ съ своими друзьями въ довольно рѣшительномъ тонѣ. Онъ говорилъ, что при скудныхъ посылкахъ денегъ онъ при французскомъ дворѣ срамитъ имя графовъ Скабронскихъ и что самъ король удивляется, какъ ему высылаютъ на прожитокъ такъ мало средствъ. Кириллъ въ этомъ письмѣ кончалъ угрозой дѣду, что если онъ не будетъ высылать ему по крайней мѣрѣ пятьсотъ червонцевъ въ годъ на жизнь, то онъ, по совѣту здѣшнихъ министровъ и по желанію даже самого короля, перейдетъ во французское подданство и законнымъ порядкомъ вытребуетъ все свое состояніе.

Спиридонъ, три мѣсяца пробывъ въ пути отъ Avenue du Roi до Васильевскаго острова, сіяющій, счастливый и поздоровѣвшій по вступленіи на русскую землю, явился передъ ясныя очи Іоанна Іоанновича. Въ тотъ же вечеръ, графъ, прочитавъ привезенное ему французское и дерзкое посланіе внучка, велѣлъ Спиридона заковать въ кандалы. И плохо пришлось-бы Спиридону, если-бъ не случилось казуса.

Іоаннъ Іоанновичъ справился черезъ день.

— Что Спирька присмирѣлъ въ цѣпяхъ-то? Но графу доложили, что Спиридонъ ликуетъ и, сидя въ сараѣ скованный, радуется, все крестится, Господа Бога благодаритъ, да сказываетъ, пущай его въ кандалахъ въ старый высохнувшій колодецъ посадитъ графъ и то будетъ Бога благодарить.

Вслѣдствіе этого Іоаннъ Іоанновичъ призвалъ къ себѣ Спиридона и, бесѣдуя съ нимъ, велѣлъ снять съ него кандалы.

Спиридонъ объяснилъ, что предпочтетъ быть живымъ зарытому въ землю, только въ матушку русскую — сыру землю. И затѣмъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ Іоаннъ Іоановичъ распрашивалъ Спиридона обо всемъ: о внукѣ, о Версалѣ, о королѣ, о житьѣ-бытьѣ за границами государства. И, наконецъ, Іоаннъ Іоанновичъ, вдругъ, самъ удивился тому, что оказалось само собой.

Оказалось, что Спиридонъ такой любопытный собесѣдникъ, такъ много видѣлъ и знаетъ, такъ рѣчисто все описуетъ, такъ ненавидитъ и злобствуетъ на все заморское и такъ радъ вернуться къ нему, старому барину въ услуженіе, что этакого человѣка не только грѣхъ, а глупость несообразная въ степную деревню сослать или въ Сибирь въ кандалахъ угнать.

Черезъ мѣсяцъ Спиридонъ, вмѣсто того, чтобы быть острожникомъ или ссыльнымъ, сдѣлался въ палатахъ Іоанна Іоанновича не болѣе не менѣе, какъ главнымъ заправилой и самымъ приближеннымъ лицемъ къ барину.

Что касается до письма, привезеннаго отъ внука, Іоаннъ Іоанновичъ изорвалъ его въ клочки и только изрѣдка, вспоминая окончаніе письма, угрозы молокососа и разхрабрившагося издали «путифица», качалъ головой и бормоталъ:

— Подростешь, вѣстимое дѣло, все твое имѣніе и иждивеніе тебѣ въ цѣлости и сохранности передамъ. А покуда, извини, путифицушка, посидишь у меня въ энтой Версали и на сто червончиковъ въ годъ.

Черезъ шесть лѣтъ по возвращеніи Спиридона возвратился въ Петербургъ и самъ молодой графъ Кириллъ Петровичъ Скабронскій и прямо остановился у дѣда.

Но съ нимъ случилось такое удивительное превращаніе, что Іоаннъ Іоанновичъ диву дался. Черты лица были, конечно, тѣ же, но двадцати-трехъ лѣтній молодой человѣкъ такъ себя велъ и держалъ, такъ говорилъ, что ужъ его теперь мудрено было скоморохомъ поставить. Обозвать его путифицемъ, онъ самъ какимъ

нибудь дурацкимъ прозвищемъ сдачи дастъ, и чего добраго, дѣдушку Кащеемъ безсмертнымъ назоветъ. Графъ Кириллъ сталъ совсѣмъ французъ и даже парижанинъ, былъ другъ и пріятель придворнаго кружка въ Версали и жилъ за послѣднее время при дворѣ очень широко, бросая золото чуть не за окошки своего великолѣпнаго отеля; но это дѣлалось, конечно, въ долгъ, за страшные проценты, въ ожиданіи полученія отъ дѣда своего состоянія, за которымъ онъ и пріѣхалъ теперь.

И дѣдъ Іоаннъ Іоанновичъ безпрекословно, по толстымъ книгамъ, реестрамъ и записямъ передалъ внуку все, начиная съ большихъ вотчинъ въ разныхъ губерніяхъ и кончая камзолами, шубами, галунами и всякой рухлядью, которая нашлась въ огромныхъ кладовыхъ того богатаго дома, который онъ же Іоаннъ Іоанновичъ купилъ когда-то на имя внука.

— Захочу, ничего тебѣ не дамъ. Все мое. И ходовъ на меня къ Государынѣ не найдешь. Все мое! грозился Іоаннъ Іоанновичъ, отдавая все до послѣдней тряпки.

Въ два мѣсяца времени, проведеннаго на берегахъ Невы, графъ Кириллъ Петровичъ обворожилъ всѣхъ придворныхъ императрицы Елизаветы Петровны, и Шуваловыхъ, и Разумовскихъ; обворожилъ и малый дворъ великаго князя Петра Ѳедоровича. Но, не смотря ни на какія просьбы и убѣжденія, онъ все-таки тайкомъ, черезъ двухъ евреевъ банкировъ, быстро распродалъ всѣ свои вотчины, все до послѣдней ложки и плошки и, простясь съ негодующимъ дѣдомъ Іоанномъ Іоанновичемъ, уѣхалъ снова въ свое истинное отечество.

XXVI.

Графъ Кириллъ Петровичъ вернулся въ Версаль и тотчасъ началъ расплачиваться съ долгами. Цифра вышла очень значительная, такъ какъ ему теперь пришлось заплатить втрое болѣе того, что онъ когда-то бралъ, будучи подъ опекой дѣда. Треть суммы, вырученной чрезъ продажу русскихъ имѣній, пошла на уплату.

На этотъ разъ Кирилла Петровичъ не долго остался во Франціи. Въ то же лѣто онъ отправился въ Вѣну, о которой много слышалъ съ дѣтства, какъ о самомъ веселомъ городѣ послѣ Парижа. Однако Кесарская столица ему не понравилась, тѣмъ болѣе, что онъ не зналъ ни слова по нѣмецки.

Между тѣмъ, вся его недавняя жизнь въ Версалѣ, безпорядочная и распущенная, благодаря распущенности нравовъ двора короля Донъ-Жуана, теперь начинала сказываться. Кириллъ Петровичъ, будучи только двадцати-четырехъ лѣтъ, сталъ сильно прихварывать и на видъ ему казалось уже за тридцать лѣтъ. Особенно дурно вдругъ почувствовалъ онъ себя въ Вѣнѣ и, посовѣтовавшись съ докторами, воспользовался лѣтними мѣсяцами, чтобы полечиться водами въ красивомъ, и уже знаменитомъ мѣстечкѣ, Карлсбадъ.

Здѣсь-то неожиданно долженствовала рѣшиться его участь, здѣсь простой случай долженъ былъ имѣть вліяніе на всю его жизнь. Въ числѣ немногочисленныхъ посѣтителей водъ, онъ встрѣтилъ еще очень молоденькую женщину, которая даже его, избалованнаго красавицами Версаля, поразила своей замѣчательною красотой, благородствомъ и граціей въ малѣйшемъ движеніи. Ко всѣмъ прелестямъ незнакомки присоединялась еще одна, имѣвшая высокую цѣну въ глазахъ графа Кирилла, какъ всякаго праздnаго волокиты. Красавица, которая не могла имѣть болѣе девятнадцати лѣтъ, была вдовой.

Графъ тотчасъ-же познакомился съ своей очаровательницей. Она оказалась нѣмка, уроженка Баваріи, по мужу баронесса Луиза фонъ-Пфальцъ. Она, по словамъ ее, будучи круглой сиротой, выдана была насильно замужъ за богатаго старика барона и тотчасъ овдовѣла.

Кирила Петровичъ, привыкшій къ легкимъ побѣдамъ при версальскомъ дворѣ, тотчасъ-же мысленно рѣшилъ покорить себѣ сердце красавицы баронессы. Однако черезъ мѣсяцъ, вдова кокетка, очень умная и тонкая, но и съ замѣчательнымъ характеромъ, не только не была побѣждена версальскимъ Ловеласомъ, но напротивъ того относилась къ нему хотя мило, но холодно и сдержанно. Онъ-же наоборотъ—безъ ума влюбился въ нее. Первая въ жизни неудача въ ухаживаніи превратила простую влюбленность въ серьезное чувство.

Видались они всякій день, вмѣстѣ гуляли, вмѣстѣ объѣздили всѣ окрестности Карлсбада и, наконецъ, однажды послѣ страстнаго искренняго объясненія въ любви со стороны графа и его оскорбительнаго предложенія сердца безъ руки, баронесса попросила его прекратить свои посѣщенія.

На другое утро графъ получилъ письмо на плохомъ французскомъ языкѣ. Это былъ единственный языкъ, на которомъ

они могли объясняться. Баронесса говорила въ письмѣ, что она отлично понимаетъ его положеніе, что онъ знатный русскій вельможа не можетъ жениться на бѣдной вдовѣ, хотя и стариннаго рода. Но такъ какъ она сама глубоко привязалась къ нему и теперь считаетъ всю свою жизнь разбитой, то надо скорѣе положить всему конецъ и разъѣхаться, чтобы никогда не видаться. Она прибавляла, что, конечно, никогда теперь не выйдетъ снова замужъ ни за кого, а, всего вѣроятнѣе, поступитъ въ монастырь, гдѣ одна ея тетка по матери уже давно абатиссой.

Конечно, Кирила Петровичъ все принялъ за чистую монету и, влюбленный до безумія, черезъ нѣсколько дней сталъ женихомъ баронессы. Графъ хотѣлъ вѣнчаться тотчасъ-же, но красавица объявила, что это невозможно, что нужно будетъ послать повѣреннаго въ Баварію, дабы выправить разные необходимые документы. И дѣйствительно она нашла ходатая по дѣламъ и, по совѣщаніи съ нимъ, отправила его въ Аугсбургъ.

Въ ожиданіи возвращенія повѣреннаго прошло два мѣсяца, а женихъ и невѣста продолжали, уже въ ненастную осень, жить въ томъ же совершенно опустѣвшемъ Карлсбадѣ. Баронесса ни за что не хотѣла ѣхать въ Вѣну, гдѣ было у нее, какъ говорила она, много родственниковъ покойнаго мужа, которымъ ея вторичный бракъ могъ не понравиться.

За это время Кириллъ Петровичъ окончательно сдѣлался полнымъ рабомъ своей невѣсты. Она была вдесятеро умнѣе его, кромѣ того, слишкомъ хороша и кокетлива, чтобы не завладѣть имъ совершенно. Вдобавокъ, при скучной и однообразной обстановкѣ маленькаго городка, они видались всякій день и были наединѣ въ полномъ смыслѣ отъ зари до зари, а, между тѣмъ, баронесса вела себя съ своимъ женихомъ, какъ пуританка и тѣмъ болѣе разгаралась страсть Кириллы Петровича. За все это время, она только утромъ и вечеромъ, здороваясь съ нимъ и прощаясь, снимала непокидаемыя никогда душистыя перчатки и затѣмъ позволяла будущему мужу поцѣловать свои красивыя ручки съ тонкими пальцами, будто выточенными изъ слоновой кости.

Ходатай не писалъ и не ворочался. Однажды показалось графу, что онъ въ сумерки встрѣтилъ на противоположномъ концѣ Карлсбада фигуру, очень похожую на этого ходатая, который предполагался теперь въ Аугсбургѣ. Но баронесса только разсмѣялась надъ этимъ, называя его шутя иллюминатомъ и духовидцемъ.

Наконецъ, однажды въ одинъ очень тихій, теплый осенній день, когда царствовали полный миръ, тишь и гладь, и въ маленькомъ городишкѣ, и въ синихъ небесахъ ясныхъ и глубокихъ, а равно и въ сердцѣ влюбленнаго жениха, по сосѣдству, на одномъ дворѣ съ ними разыгралась трагедія. Была зарѣзана неизвѣстными людьми старушка, хозяйка дома. Тотчасъ же явилась полиція. Убійцы не оказалось на лицо, но за то громовой ударъ разразился надъ Кирилломъ Петровичемъ.

Полиція, производя слѣдствіе, опрашивала всѣхъ жильцовъ, и извиняясь передъ именитыми аристократами, попросила и ихъ къ дачѣ показаній, попросила и у нихъ ихъ паспорты. Кирилла Петровичъ тотчасъ же предложилъ всѣ документы, какіе только у него были и ихъ переводъ на нѣмецкій языкъ. Баронесса тоже передала свой паспортъ, настоящій нѣмецкій, хотя помѣченный не мюнхенской королевской печатью, а выданный ей въ Букурештѣ.

Въ тотъ же самый вечеръ баронесса была видимо взволнована, вѣроятно потрясена убійствомъ, которое совершилось рядомъ съ ихъ квартирой. Весь вечеръ и всю ночь до утра не отпускала она отъ себя ни на шагъ своего жениха. И теперь, въ эту страшную ночь, въ первый разъ, она особенно и безъ конца увѣряла его въ своей глубокой страсти, въ вѣчномъ беззавѣтномъ чувствѣ къ нему, съ которымъ сойдетъ въ могилу. Графъ чуть не потерялъ разсудокъ въ эту безумно чудную ночь, подъ ея лаской, подъ ея жгучими поцѣлуями.

На утро двое полицейскихъ чиновъ появились въ домѣ, въ той половинѣ, которую занималъ графъ и стали снова допрашивать его. Но дѣло шло уже не объ убійствѣ старушки хозяйки, а о томъ, что знаетъ онъ о баронессѣ? Кириллъ Петровичъ, изумляясь, отвѣчалъ все, что было ему извѣстно и прибавилъ, что она его невѣста.

Одинъ изъ полицейскихъ счелъ, однако, своимъ долгомъ поставить его въ извѣстность, что паспортъ выданный баронессою, фальшивый и что, въ виду совершившагося на дворѣ событія, всякое сомнительное лицо дѣлается еще болѣе сомнительнымъ. Однимъ словомъ, полицейскій объявилъ, что если черезъ часъ времени онъ не получитъ отъ дамы, именующей себя баронессой фонъ-Пфальцъ, настоящаго неподдѣльнаго паспорта, хотя бы и съ другимъ именемъ, то она будетъ арестована и отвезена въ тюрьму.

Кирилла Петровичъ, вполнѣ убѣжденный въ какомъ-то глупомъ недоразумѣніи, попросилъ дождаться полицейскихъ у себя, а самъ направился въ половину дома, гдѣ жила баронесса Луиза. Онъ нашелъ ее на томъ же мѣстѣ, гдѣ оставилъ на зарѣ, въ неньюарѣ, въ креслѣ у открытаго окна съ головой, опущенной на руки. Графу показалось, что она плачетъ. Онъ подошелъ къ ней, назвалъ её, наконецъ, отнялъ руки отъ лица. Красавица вздрогнула, лицо ее было страшно блѣдно, глаза горѣли страннымъ лихорадочнымъ огнемъ, но были сухи. Даже какая-то злая усмѣшка пробѣжала по красивому лицу. Приходилось тотчасъ же сказать ей правду, хотя бы и оскорбить недовѣріемъ.

— Здѣсь у меня полиція опять, началъ Кириллъ Петровичъ Они говорятъ.... Право, не знаю что такое.... Говорятъ про вашъ документъ.... И графъ запнулся, не зная какъ выразиться.

— Что? выговорила красавица рѣзко, звонко и съ презрительной усмѣшкой. Что они говорятъ? Они говорятъ, что видъ мой фальшивый? Не такъ ли?

— Да... какъ-то даже оробѣлъ Кириллъ Петровичъ.

— Ну, что жъ? Мнѣ это не новость. Я это давно знаю. Я сама помогала его поддѣлывать!...

И тутъ произошла между женихомъ и невѣстой такая сцена, отъ которой Кириллъ Петровичъ едва окончательно не потерялъ разсудокъ.

Красавица невѣста, которую онъ теперь уже давно боготворилъ, созналась во всемъ, разсказала цѣлую исторію, гдѣ было, быть можетъ, много и правды, горькой, ужасной, но было, быть можетъ, и много новой лжи. Она объяснила, что видѣла его мелькомъ еще въ Вѣнѣ, подкупила людей, чтобы знать куда онъ поѣдетъ и выѣхала за нимъ, чтобы имѣть случай, при болѣе скучной и скромной обстановкѣ Карлсбада, ближе познакомиться съ нимъ. Затѣмъ, чтобы заставить его сильнѣе и глубже привязаться къ ней, она придумала оттянуть время и сочинила посылку ходатая въ Аугсбургъ. Но, вмѣстѣ съ этой исповѣдью, красавица исповѣдалась въ страстной любви къ нему и просила лучше сейчасъ убить ее, чѣмъ бросать на произволъ судьбы.

Эта смутная, неожиданная и бурная бесѣда, со слезами, обморокомъ, чуть не съ конвульсіями окончилась тѣмъ, что графъ попросилъ у нее хотя какой-либо видъ, настоящій, чтобы представить его немедленно полицейскимъ.

Видъ по счастію нашелся и нѣвѣста Кириллы Петровича оказалась мѣщанкой мѣстечка Теченъ, на границѣ Саксоніи и Богеміи, оказалась по происхожденію даже не нѣмка, а чешка, Маркета Гинекъ. Чешскій языкъ болѣе нѣмецкаго, близкій ей и родной, сразу объяснилъ графу, какимъ образомъ она такъ легко училась у него русскимъ словамъ и быстро усвоивала себѣ самыя изъ нихъ трудныя по произношенію. Въ дѣйствительности самозванка могла выговаривать русскія слова, конечно, лучше самого Кирилла Петровича, прожившаго всю жизнь во Франціи.

Разумѣется, когда разразился этотъ громовой ударъ, уже было слишкомъ поздно вернуться назадъ. Три дня сряду Кириллъ Петровичъ просидѣлъ безвыходно въ своихъ горницахъ и, не видаясь съ самозванкой, повторялъ въ ужасѣ:

— Баронесса Луиза фонъ-Пфальцъ — мѣщанка Маркета Гинекъ!!

И наконецъ, эта мѣщанка Течена осталась все-таки невѣстой его и черезъ нѣсколько времени въ одной изъ церквей Праги сдѣлалась графиней Скабронской. И только одно пожелалъ измѣнить графъ; узнавъ, что Маркета по чешски, значитъ Маргарита, онъ попросилъ жену отнынѣ называтся нѣмецкимъ именемъ. Страсть Кириллы Петровича къ авантюристкѣ зашла такъ далеко, что этотъ ,бракъ состоялся самъ собой. Окажись Маркета или Маргарита не только простой мѣщанкой чешкой, но даже простой жидовкой или хоть настоящей, неподдѣльной вѣдьмой съ Карпатъ, то и тогда бы капризный, праздный и легкомысленный бояринъ не поколебался бы ни минуты и назвалъ бы ее графиней Скабронской.

Тотчасъ послѣ свадьбы молодая пожелала повеселиться и объѣхать разныя европейскія столицы. Зиму провели они въ Парижѣ и въ Версали, гдѣ графиня Маргарита познакомилась съ нѣкоторыми изъ придворныхъ и, благодаря своей замѣчательной красотѣ и уму, не ударила лицомъ въ грязь. Она даже удостоилась быть замѣченной первѣйшимъ, но уже и дряхлѣйшимъ волокитой всей Европы, самимъ Людовикомъ XV.

Между тѣмъ, состояніе графа Кирилы Петровича таяло не по днямъ, а по часамъ. Онъ начиналъ задумываться на этотъ счетъ, жена его тоже, и затѣмъ, вдвоемъ они рѣшились на предпріятіе многотрудное, почти безнадежное, но предпріимчивая и ловкая красавица не отчаявалась въ успѣхѣ. Было рѣшено

ѣхать въ Петербургъ и поселиться тамъ, чтобы сойтись и обворожить богатаго и бездѣтнаго дѣда, который можетъ, даже долженъ не нынче-завтра умереть.

— Все его состоянье будетъ наше! говорила Маргарита, я за это берусь.

Кириллъ Петровичъ меньше надѣялся на успѣхъ и, кромѣ того, боялся теперь ѣхать въ страну снѣговъ и морозовъ, такъ какъ здоровье его окончательно пошатнулось и ему слѣдовало бы теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, поселиться на югѣ. Къ тому же, доктора, къ которымъ графъ обратился за совѣтомъ, объявили, что онъ можетъ убить себя, если при настоящемъ слабомъ здоровьи поѣдетъ на дальній сѣверъ; но Маргарита рѣшила, что мужъ все-таки поѣдетъ съ ней, познакомитъ ее съ дѣдомъ, а затѣмъ оставитъ ее въ Петербургѣ одну и вернется на югъ.

— За одну зиму, говорила она, что ты проведешь хотя бы въ Италіи, а я на берегахъ Невы, старикъ очутится у меня въ рукахъ и состояніе его наше.

И, въ самое дурное и опасное время для слабогрудаго графа, въ самые крещенскіе морозы, пріѣхали они съ женой и поселились въ Петербургѣ.

Старый холостякъ-брюзга принялъ внука и красавицу внучку довольно равнодушно и поселиться у себя въ громадныхъ палатахъ не пригласилъ. Черезъ нѣсколько времени, по распросамъ объ ихъ заграничномъ житьѣ-бытьѣ, по нѣкоторымъ обмолвкамъ внука, по преувеличенной ласковости и вниманію къ себѣ ловкой красавицы внучки, старый дѣдъ, самъ хитрый и тонкій, тотчасъ пронюхалъ въ чемъ дѣло.

— Разэтранжирили все мои этранжиры, догадался Іоаннъ Іоанновичъ, вотъ и пріѣхали мои карманы попробовать расправить, да лапочки запустить. Да не первые вы и не послѣдніе россійскіе бояре, что разэтранжириваетесь въ заморскихъ земляхъ.

И Іоаннъ Іоанновичъ сталъ теперь, думая про внуковъ своихъ, повторять часто и ехидно это новое, недавно появившееся слово, которое означало истратиться и промотаться заграницей.

И слово осталось въ новѣйшее время въ русскомъ языкѣ, хотя въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, т. е. «разтранжирить».

Но какъ только Іоаннъ Іоанновичъ вполнѣ смекнулъ, что внучекъ, послѣ своихъ скитаній въ «этранже», раззорился и при помощи красивой жены закидываетъ удочку на его огромное со-

стояніе, старикъ сразу перемѣнилъ свое обращеніе съ молодыми супругами и сдѣлался съ ними особенно холоденъ.

Тонкая Маргарита однако разочла, что средствъ ихъ еще хватитъ для жизни въ Петербургѣ по крайней мѣрѣ на годъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она сообразила тотчасъ, что ради будущаго успѣха, надо съ своей стороны тоже рѣзко и дерзко отнестись къ дальновидному старику дѣду, чтобы этимъ сбить его съ толку. Она заставила мужа обращаться съ дѣдомъ самымъ высокомѣрнымъ образомъ, а равно и обмануть его роскошью обстановки ихъ дома.

— Я увѣрена, что все удастся — говорила спокойно Маргарита, я только одного боюсь, чтобы онъ за это время не умеръ.

Поселившись въ столицѣ, заведя великолѣпную обстановку на послѣднія сотни червонцевъ, остававшіяся въ кошелькѣ, Маргарита перезнакомилась со всѣмъ высшимъ обществомъ и тотчасъ стала положительно сводить всѣхъ съ ума, и мужчинъ и женщинъ, и старыхъ и молодежь.

Государыня за это время все хворала, поэтому баловъ и маскарадовъ и всякаго рода увеселеній было въ Петербургѣ очень мало. Тѣмъ не менѣе Маргарита веселилась всячески, такъ какъ не останавливалась ни передъ чѣмъ, чтобы провести день шумно и беззаботно.

Тотчасъ по пріѣздѣ она начала усердно учиться по русски и, разумѣется, языкъ этотъ, на половину родной, дался ей очень быстро. Только ее русскій языкъ, хотя правильный, имѣлъ какой-то особеный оттѣнокъ въ выговорѣ, и именно это крайне нравилось всѣмъ.

Кириллъ Петровичъ только первое время появлялся въ обществѣ. Зимой онъ почувствовалъ себя плохо, лѣтомъ немного было поправился, но затѣмъ осенью сталъ чувствовать себя особенно нехорошо, а когда настала вторая зима, онъ уже не выходилъ изъ дому. Когда же въ декабрѣ скончалась императрица, Кириллъ Петровичъ не только не выходилъ, но уже лежалъ въ постели, осужденный нѣмцемъ докторомъ на смерть. У него развилась злая чахотка и надо было ожидать, что весенній невскій ледъ унесетъ и его.

Съ новаго 1762 года, когда графиня Маргарита ждала смерти мужа ежедневно, денегъ въ домѣ не было почти ни гроша. Съ дѣдомъ отношенія немного снова завязались, но дѣло не лади-

лось, старикъ при встрѣчѣ былъ довольно ласковъ съ внучкой, но въ домъ къ нимъ не ѣздилъ и денегъ не предлагалъ. И Маргаритѣ приходилось доставать денегъ всячески даже, съ ущербомъ дотолѣ честному имени Скабронскихъ. Со времени ихъ переѣзда въ Петербургъ Маргарита стала самостоятельнѣе, рѣзче съ мужемъ и, наконецъ, совершенно, хотя исподволь, завоевала полную независимость.

XXVII.

Орловы, конечно, рѣшились тотчасъ же дѣйствовать, не откладывая въ дальній ящикъ. Младшій отправился снова къ старику Скабронскому, но просить на этотъ разъ похлопотать уже не у графовъ Разумовскихъ, а у своей собственной внучки-иноземки. Григорій, прежде чѣмъ ѣхать къ молодой графинѣ Скабронской, которую онъ лично не зналъ, отправился къ извѣстной въ Петербургѣ княгинѣ Апраксиной.

Это была женщина уже не молодая, но очень красивая, когда-то замѣчательная красавица. Она играла большую роль подъ конецъ царствованія покойной императрицы, потому что сдѣлалась предметомъ страсти старшаго Шувалова. Орловъ, будучи чѣмъ-то въ родѣ адъютанта у него, побѣдилъ его красавицу и уже два года былъ съ ней въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ.

Исторія его съ ней надѣлала, конечно, очень много шума въ столицѣ и, быть можетъ, отчасти ускорила даже и смерть Петра Иваныча Шувалова. Теперь, при новомъ царствованіи, Апраксина не играла никакой роли, но у ней по прежнему сохранилось много друзей въ городѣ и вообще у ней были большія связи.

Алексѣй Орловъ былъ тотчасъ же принятъ Іоанномъ Іоанновичемъ и старикъ былъ крайне удивленъ открытіемъ, что его просятъ ѣхать хлопотать къ его собственной внучкѣ, къ которой онъ относился теперь нѣсколько лучше, но все же высокомѣрно и подозрительно.

— Просить за васъ у Маргаритки? Все можетъ! Сила!? Вонъ она какова цыганка-то! воскликнулъ Іоаннъ Іоанновичъ, въ изумленіи.

Старикъ, разумѣется, рѣшилъ, что чешка и цыганка одно и тоже.

— Сдѣлайте милость, говорилъ Алексѣй Орловъ, заступитесь; ваша внучка многое можетъ сдѣлать, а вамъ она, конечно, не откажетъ.

Іоаннъ Іоанновичъ объяснилъ, что онъ давно не былъ у внука, своей внучки недолюбливаетъ, смазливой рожи ея видѣть безъ досады не можетъ, но что ради сыновей стараго доброжелателя Григорія Иваныча Орлова поѣдетъ къ внучкѣ и попроситъ.

— Токмо одно мнѣ удивительно, отозвался онъ. Маргарита коимъ бѣсомъ въ случаѣ? Что она можетъ? Неужто она такой вьюнъ, что успѣла при новомъ дворѣ ходы завести и теперь, вдругъ, къ ней надо за милостями забѣгать? Вотъ такъ финтъ! Удивительно!

Когда Орловъ уѣхалъ, Іоаннъ Іоанновичъ долго сидѣлъ и соображалъ, долго обдумывалъ новое чрезвычайное открытіе. Эта Кирилкина женка удивительная красавица, но лиса, плутъ, заморская шельма, которая и нравилась ему и отталкивала его своей темной душенкой, вдругъ оказывается, неизвѣстно съ какихъ поръ и неизвѣстно почему, сильною личностью при новомъ дворѣ. Офицеръ гвардіи проситъ заступиться и ѣхать къ ней. Іоаннъ Іоанновичъ рѣшилъ ѣхать немедленно къ внучкѣ, если не ради Орловыхъ, то ради себя самого.

— Мало ли что можетъ на башку свалиться, думалъ онъ; не только мое положеніе при новомъ государѣ стало неизвѣстно и темно, но даже Разумовскіе не твердо сидятъ въ своихъ дворцахъ. А тутъ вдругъ эта цыганка оказывается силой великой.

Въ это же время Григорій Орловъ побывалъ у своей пріятельницы Апраксиной и удивилъ и ее, какъ братъ удивилъ старика Скабронскаго. Она убѣдила друга, что Маргариту очень любитъ, что онѣ тайнъ не имѣютъ другъ отъ друга, и что подобное значеніе иноземки есть досужій вздоръ и выдумка Котцау. Григорій унылый поѣхалъ къ князю Тюфякину требовать уплаты давнишняго карточнаго долга, ради того, чтобы имѣть хоть деньги на лицо въ случаѣ возможности примиренія.

Князь Глѣбъ Тюфякинъ жилъ въ небольшой квартирѣ на Морской, недалеко отъ Орловыхъ. Онъ пользовался самой плохой репутаціей. Все, что могъ сдѣлать петербургскій франтъ-офицеръ сомнительнаго, князь Тюфякинъ продѣлалъ все. На сколько Григорій Орловъ былъ извѣстенъ своими любовными похожденіями, на столько былъ извѣстенъ и князь Тюфякинъ, но съ тою огромною разницею, что Орловъ былъ героемъ въ воображеніи многихъ столичныхъ молодыхъ красавицъ, а князь Тюфякинъ былъ ге-

роемъ пожилыхъ женщинъ, преимущественно богатыхъ и во всѣхъ своихъ похожденіяхъ являлся темною личностью. Во всякую исторію, передаваемую о немъ, примѣнивалась всегда какая-нибудь не вполнѣ чистая выходка.

Хотя его и звали въ столицѣ «фаворитъ фаворита фаворитки», но порядочные офицеры гвардіи сторонились отъ князя Тюфякина, какъ отъ личности, съ которой наживешь какое-нибудь срамное дѣло. Какимъ образомъ съумѣлъ князь Глѣбъ пролѣзть въ дружбу съ любимцемъ государя и Воронцовой—Гудовичемъ, всѣмъ было почти непонятно. Пользовался онъ этой дружбой тоже для многихъ темныхъ дѣлъ. Онъ близко зналъ въ столицѣ и былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ тоже съ разнообразными темными личностями. Между прочимъ, его главный помощникъ во многихъ дѣлахъ былъ довольно извѣстный въ городѣ еврей Лейба.

Долговъ было у Тюфякина безъ числа, а жилъ онъ широко. Онъ многихъ увѣрилъ, что получаетъ черезъ своихъ сестеръ княженъ отъ ихъ тётки опекунши до тысячи червонцевъ въ годъ, но это была выдумка и какія деньги тратилъ Тюфякинъ было совершенно неизвѣстно.

За нѣсколько времени передъ тѣмъ онъ часто бывалъ у Орловыхъ и постоянно велъ крупную игру въ карты. Князь не очень нравился кружку Орловыхъ и его собирались уже въ началѣ зимы перестать пускать, но въ то же самое время князь вдругъ проигралъ пятьсотъ червонцевъ Григорію Орлову и, не уплативъ, пересталъ бывать самъ. Прежде, выигрывая тоже крупныя суммы, онъ всегда аккуратно получалъ ихъ и теперь всю компанію сердило то обстоятельство, что ихъ-же, частію отыгранныя деньги князь повидимому не намѣревался возвращать, ибо ноги не ставилъ. Орловы около святокъ, и стало быть въ началѣ новаго царствованія, собрались было потребовать деньги съ князя, припугнуть его и заставить заплатить, но въ то же время они узнали, что ловкій Тюфякинъ съумѣлъ вдругъ изъ русскаго офицера сдѣлаться голштинскимъ офицеромъ. Изъ своего полка, Преображенскаго, онъ вдругъ перешелъ въ любимый государевъ полкъ. Это былъ первый примѣръ, которому затѣмъ послѣдовали и другіе русскіе офицеры, но всѣ они были на подборъ съ дурными репутаціями.

Тюфякинъ, какъ первый поступившій въ голштинцы, былъ отличенъ государемъ и трогать его становилось опаснымъ, но Орлову были теперь по-зарѣзъ нужны деньги и онъ рѣшился. Явив-

шись на квартиру Тюфякина, онъ нашелъ его дома, но произвелъ нѣкотораго рода переполохъ.

Тюфякинъ, принявъ его, скрылъ въ сосѣдней комнатѣ двухъ лицъ, бывшихъ у него. Одна изъ этихъ личностей былъ еврей Лейба, присутствіе котораго въ квартирѣ офицера имѣло довольно дурное значеніе. Григорій Орловъ не преминулъ-бы сказать всѣмъ, что видѣлъ Лейбу, самаго отчаяннаго мошенника и ростовщика, въ квартирѣ Тюфякина. Другая личность, которую князь Глѣбъ поневолѣ долженъ былъ спрятать, была его сестра княжна Настасья, которая тайкомъ отъ сестры и тетки иногда стала, при поѣздкахъ съ нимъ въ городъ, заѣзжать къ нему на квартиру. Подъ предлогомъ какого-нибудь званаго вечера въ городѣ, Настя теперь оставалась у брата иногда до ночи и онъ отвозилъ ее самъ домой къ теткѣ-опекуншѣ.

Князь Глѣбъ, тотчасъ догадавшись при появленіи Орлова въ чемъ дѣло, принялъ его крайне любезно.

— Давно я у васъ не былъ, Григорій Григорьичъ, время не было. У насъ въ Рамбовскомъ полку теперь все ученія, да экзерциціи, не то, что бывало въ преображенцахъ.

— Коли тяжело тамо служить, не надо было туда переходить, сурово выговорилъ Орловъ. Никто васъ въ голштинцы не гналъ. А я къ вамъ по дѣлу, князь. Чаю, ужъ смекнули?

Князь сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ.

— На свои долги память коротка, буркнулъ Орловъ.

— Да, да, какъ же, помню, всякій день собираюсь, замѣтилъ князь. Экая досада, что вы вчера не пріѣхали, вчера вотъ были деньги, и большія деньги, да все разошлось. Сегодня ни гроша нѣтъ, ей-Богу.

При этомъ князь Глѣбъ живо размахивалъ руками, а глаза его бѣгали по всей комнатѣ и по Григорью Орлову, не останавливаясь ни на секунду ни на чемъ.

— Экая досада, чтобы вамъ вчера-то! Вѣдь вотъ, какъ насмѣхъ.

Орловъ понялъ, конечно, что сказанное выдумка и болтовня.

— Это, какъ въ Нѣмеціи, въ одномъ городѣ былъ трактиръ съ вывѣской: «Сегодня здѣсь постой и столъ за деньги, а завтра даромъ»! Были молодцы, что на утро заходили прочесть вывѣску и за ухомъ почесать.... Ну, я бы не пошелъ, князь. Себя въ дурани рядить не дамъ. Такъ вотъ что.... Денежки пожалуй, нужда крайняя.

— Да право жъ не могу. Вотъ на дняхъ, какъ-нибудь заѣду и привезу. Безпремѣнно! жалобно выговорилъ князь.

Григорій Орловъ посидѣлъ нѣсколько минутъ молча, опустивъ глаза въ землю, потомъ вдругъ началъ сильно и громко сопѣть, какъ бы отдуваясь отъ усталости. Въ то же время его большая рука поднялась и онъ началъ медленно гладить себя по щекѣ и проводилъ ладонью по губамъ.

Князь Тюфякинъ смутился. Онъ зналъ давно и близко этого силача и зналъ, что это сопѣніе и это поглаживаніе себя по щекѣ означало въ Орловѣ гнѣвъ, который подступаетъ къ сердцу.

Загребетъ вотъ сейчасъ и убьетъ съ дуру, невольно подумалъ Тюфякинъ, вспоминая, какъ разъ, подобное случилось у него на глазахъ въ одномъ трактирѣ. Разсерженный Орловъ, посопѣвши немножко, взялъ одного офицерика за шиворотъ, протискалъ его, Богъ вѣсть какъ, въ печку, гдѣ еще дымилась головешка и заперъ заслонку. Послѣ этого Орловъ тотчасъ же уѣхалъ изъ трактира, а офицеръ изъ печки обратно, хотя уже и добровольно, вылѣзть все-таки не смогъ и пришлось выламывать кирпичи, чтобы его освободить.

— Клянусь вамъ, Григорій Григоричъ, завопилъ Тюфякинъ, увидя знакомый жестъ, завтра или послѣ-завтра непремѣнно постараюсь, хоть себя заложу, а достану. Пожалуйста, не пеняйте, всего денекъ, другой....

— Да васъ, батенька, въ закладъ кто же возметъ? пошутилъ Григорій.

— Такъ сказывается, кисло ухмыльнулся Тюфякинъ.

— Хорошо, проговорилъ Орловъ серьезно. Только помни, Глѣбъ Андреевичъ, свое слово. Я вѣдь не затѣмъ пріѣхалъ просить отдать мнѣ деньги, что мнѣ нужно ихъ въ карты спустить. У меня на шеѣ дѣло пагубное. Если вы отдадите мнѣ завтра деньги, онѣ меня изъ бѣды выручатъ. Не отдадите, то не пеняй, я васъ только гдѣ повстрѣчаю, то и поломаю малость! И Шванвичъ вамъ не поможетъ. Вмѣстѣ съ братомъ Алеханомъ за васъ примемся.

Послѣднее Орловъ сказалъ умышленно; онъ узналъ, что Тюфякинъ со времени проигрыша ему денегъ, подружился съ первымъ силачемъ, извѣстнымъ на весь Петербургъ и даже на всю Россію, какъ бы предвидя, къ чему поведетъ неуплата денегъ. Василій Игнатьичъ Шванвичъ былъ еще сильнѣе обоихъ братьевъ Орловыхъ и они, каждый въ отдѣльности, избѣгали его.

— Да какое у васъ дѣло? заговорилъ Тюфякинъ. Не могу-ли я вамъ кромѣ денегъ, помочь чѣмъ? Деньги сами собой, постараюсь непремѣнно. Но могу вѣдь я тоже и въ дѣлѣ вашемъ вамъ пособить?

Орловъ подумалъ и сообразивъ, что Тюфякинъ и безъ того не можетъ не знать его исторіи съ Котцау, а только прикидывается, рѣшилъ подробно все разсказать ему, за исключеніемъ конечно того, что Котцау проситъ денегъ за обиду.

— Деньги-то тутъ при чемъ же? спросилъ Тюфякинъ.

— А вѣдь арестуютъ, потомъ сошлютъ, нужны деньги на дорогу. Шутите что ли, безъ гроша къ примѣру въ Бѣлозерскъ ѣхать...

Тюфякинъ подумалъ и обѣщалъ употребить все свое вліяніе на Гудовича и Воронцову, чтобы устроить дѣло и тѣмъ оттянуть уплату долга.

— Котцау я знаю, онъ вѣдь насъ обучаетъ экзерциціи, сказалъ князь. Я къ нему съѣзжу и, надѣюсь, все устрою; не посмѣетъ онъ артачиться. Я ужъ такъ подстрою, что онъ проститъ обиду... А вы, Григорій Григоричъ, сами тоже сдѣлайте дѣльце, ступайте къ одной красавицѣ писанной, графинѣ Скабронской. Знаете, что недавно въ Петербургѣ, съ годъ, что-ли. Её попросите вы за васъ словечко замолвить.

Григорій Орловъ во второй разъ, отъ другаго лица, услыхавъ то же самое, т. е. о таинственномъ значеніи иностранки-графини, невольно вытаращилъ глаза на Тюфякина. Котцау, Агафонъ и Тюфякинъ предлагаютъ то же?..

— Чему удивились? Вѣрно вамъ говорю. Въ чемъ тутъ сила, сказать вамъ не могу. А только вѣрно говорю. Поѣзжайте къ ней и попросите ее за васъ похлопотать.

— Да нѣшто она... заговорилъ Орловъ и запнулся. Нѣшто она пользуется благорасположеніемъ... Ну, государя что ли?

Тюфякинъ сталъ хохотать.

— Что вы, помилуйте! Государь её въ глаза не видалъ никогда. Вы думаете, я вамъ сказать не хочу, боюсь что ли? Вотъ побожусь на образъ, совсѣмъ не то. Тутъ дѣло не въ государѣ. Вы знаете, сказываютъ, что когда подрядчикъ какой изъ купцовъ хочетъ дѣло сдѣлать, такъ не къ барину идетъ, а къ его управителю, вотъ такъ и тутъ. Графиня Скабронская государю совсѣмъ неизвѣстна. Ну, а все-таки... какъ бы вамъ ска-

зать... Вы все-таки, познайте къ ней. Многое она можетъ. А какъ собственно и почему можетъ... Увольте, не скажу!

— Чудное дѣло, пожалъ плечами Орловъ. Познакомлюсь, поѣду, попрошу. Чудное дѣло! Ну, а деньги, князь, какъ хотите, а получить позвольте. Вы сколько разъ выигрывали у меня и въ тотъ же вечеръ ихъ въ карманъ клали и увозили. Много червонцевъ перешло къ вамъ Орловскихъ, позвольте разочекъ и намъ вашихъ отвѣдать, Тюфякинскихъ. А еще вѣрнѣе молвить, позвольте мнѣ, князь, свои обратно получить.

— Непремѣнно, непремѣнно, зачастилъ Тюфякинъ. Только все-таки, если я усовѣщу бранденбурца и проститъ онъ васъ, а графиня тоже поможетъ, то вы обѣщаетесь меня уже не прижимать. Обѣщаетесь?

Орловъ подумалъ и вымолвилъ:

— Ладно! Даже вотъ что скажу: мнѣ вѣдь все равно, что вамъ подарить, что на дорогу истратить. Если эта бѣда уляжется и мы съ Алеханомъ останемся цѣлы, то, пожалуй, вовсе я съ васъ взыскивать не стану, оставляйте ихъ себѣ на разживу.

Тюфякинъ засіялъ лицемъ, даже голосъ его какъ-то измѣнился.

Когда Григорій Орловъ вышелъ на улицу, появившіеся по очереди изъ засады гости все-таки нашли князя въ нѣкоторомъ смущеніи, онъ думалъ: ну, а если Котцау заупрямится? Придется платить?!

Первый появился изъ сосѣдней горницы, куда дверь была пріотворена, еврей Лейба. Это былъ сухопарый, на кривыхъ ногахъ, съ рѣзкими чертами лица, сынъ Израиля, жидъ съ головы до пятъ, но еще молодой и даже, пожалуй, красивый, онъ сталъ и впился въ князя безпокойными глазами. Новый долгъ и новая уплата князя должна была болѣе всего потревожить Лейбу. И такъ ужъ много денегъ пропадало за Тюфякинымъ, а теперь, очевидно, онъ будетъ просить опять новаго займа.

— Ну что, Іуда, слышалъ? выговорилъ грубо князь.

— Все слышалъ, отозвался Лейба. И какъ зе не слышать! Но.... и онъ растопырилъ руками въ воздухѣ, какъ бы заранѣе заявляя, что въ данномъ случаѣ, что касается до него, онъ ничего сдѣлать не можетъ.

— Ну, ты казанскую сироту не изображай! Нужно будетъ— такъ тебя же за бока! гнѣвно выговорилъ Тюфякинъ. Самъ

слышалъ. Что жъ я вру, что ли? Понялъ ты? Нужно коли платить, такъ кто же доставать будетъ, коли не ты!... Нечего разводить руками.

Княжна Настя, услыхавшая изъ другой дальней комнаты голоса Лейбы и Глѣба, догадалась, что офицеръ Орловъ уѣхалъ и вышла тоже.

— Что такое? За чѣмъ онъ пріѣзжалъ? спросила она, выходя.

Тюфякинъ объяснился.

— Такъ поѣзжай къ Котцау сейчасъ же, уговори его. Гдѣ-жъ такія деньги достать! И сколько ихъ?

— И не помню! злобно выговорилъ князь Тюфякинъ. Чортъ ихъ упомнитъ! Триста ли червонцевъ, пятьсотъ ли, я почемъ знаю! И проигралъ-то въ пьяномъ видѣ, сто лѣтъ тому назадъ.

— Такъ ступай скорѣе въ Рамбовъ. А тамъ и Елизавету Романовну попроси.... Или пускай простятъ, или пускай прикажутъ скорѣе ихъ засадить и выслать. Хоть бы нынѣ вечеромъ. Приказать засадить не долго! выговорила княжна быстро и горячо.

— Зачѣмъ же это я буду просить засадить? Мнѣ какое дѣло, угрюмо отозвался Тюфякинъ.

— Ахъ, Господи! Да вѣдь изъ острога онъ тебя не достанетъ, будетъ чрезъ пріятелей денегъ просить, а самъ-то вѣдь на запорѣ будетъ. Драться-то вѣдь ужъ нельзя ему будетъ....

Князь поднялъ голову, посмотрѣлъ на сестру и вдругъ вскочилъ со своего мѣста.

— Ахъ, Настенька. Умница! Соломонъ, ей-богу! Слышь ты, Іуда, вашъ только царь Соломонъ эдакъ-то вотъ разсуждалъ.

Князь разцѣловалъ сестру, повеселѣлъ и воскликнулъ:

— Такъ! Истинно! Вѣрно! Ловко! Зеръ гутъ! Или прощенье полное, или чтобы тотчасъ на цѣпь и въ Бѣлозерскъ!! Ѣду къ Котцау, а отъ него къ «Романовнѣ» нашей!

Но прежде, чѣмъ отправляться по дѣламъ, князь долженъ былъ отвезти сестру домой.

Настя, вернувшись къ себѣ, самоувѣренно и спокойно разсказала теткѣ и сестрѣ подробности своихъ визитовъ по городу, кого она видѣла и что говорила и что слышала. Все это было выдумкой, она все время своего отсутствія просидѣла у князя Глѣба. Но лгать на этотъ ладъ Настѣ приходилось уже не въ первый разъ. И эта ложь не только не смущала ее, не только не была ей въ тягость, но, видя какъ довѣрчиво и опекунша

и Василекъ выслушиваютъ ея выдумки, Настя становилась съ каждымъ днемъ смѣлѣе и съ каждымъ днемъ относилась къ обѣимъ съ бо́льшимъ пренебреженіемъ. Она начинала считать себя неизмѣримо выше ихъ разумомъ и способностями.

— Онѣ вѣдь дуры, поневолѣ, мысленно разсуждала она.

Между тѣмъ, за послѣднее время, бесѣды съ братомъ наединѣ приносили свои плоды. Онъ поучалъ сестру и готовилъ ее на самую распущенную жизнь, въ виду своей личной пользы.

Гр. Саліасъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

МЕЖДУ ВѢЧНОСТЬЮ И МИНУТОЙ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ III.

Глава IV.

Всякому возрасту свой законъ, свои права и обязанности. Это именно тѣ непоколебимыя, коренныя начала, которымъ одинаково подвластны, какъ люди съ устойчивою волею и сильнымъ характеромъ, такъ равно и люди минуты. Вся разница между ними лишь въ томъ, что первые, переходя изъ возраста въ возрастъ, устанавливаютъ болѣе или менѣе тѣсную связь послѣдующаго съ предшествующимъ и, такимъ образомъ, отчетливо, сознательно относясь къ себѣ и своимъ цѣлямъ, своему будущему, какъ непремѣнному послѣдствію своего прошлаго, всѣми силами души своей борятся съ случаемъ и необходимостью, упорно отклоняющими ихъ отъ разъ принятаго направленія, тогда какъ вторые, безотчетно, слѣпо отдаются во власть волнующихъ ихъ въ данный моментъ увлеченій и склонностей, весьма часто вызываемыхъ въ нихъ тѣмъ или другимъ совершенно случайнымъ явленіемъ. Это уже ненормальное состояніе, это лихорадка, это именно то напряженное быть или не быть, при которомъ міръ неожиданностей есть непремѣнный рѣшитель судебъ и отдѣльнаго лица, и цѣлыхъ обществъ.... Таково именно было настроеніе Васи Бояринова за эти послѣдніе два, три мѣсяца.... Онъ совершенно оторвался отъ своего прошлаго. Ради улыбки княгини, ради ея ласковаго слова, ради поцѣлуя, всегда внезапнаго, всегда какъ-бы невольнаго, онъ уже и безъ того игнорировалъ будущее, а тутъ еще балъ....

Глава V.

Наступилъ давно желанный вторникъ. Всего нѣсколько часовъ оставалось до бала.... Княгиня, еще наканунѣ, оправдывая свою просьбу скорымъ отъѣздомъ изъ Москвы и обѣщаніемъ Васи болѣе добросовѣстно и серьезно отнестись къ своему будущему, исходатайствовала у Андрея Петровича разрѣшеніе на полное освобожденіе его отъ занятій на этотъ вторникъ и среду. И оба были правы: и княгиня, и Вася. Этотъ первый балъ, первый и, быть можетъ, послѣдній, по крайней мѣрѣ, на долго-долго, который она рѣшилась дать въ Москвѣ, въ качествѣ губернаторши, составлялъ эпоху въ ея жизни.... И все улыбалось ей въ немъ.... И высота ея положенія, и изящество туалета, и роскошь обстановки, и общее изумленье, и радость друзей, и тайная, безсильная злоба-зависть Мясоѣдовыхъ и другихъ, подобно имъ, обездоленныхъ фамилій, такъ нерѣдко позволявшихъ себѣ въ еще столь недавнемъ прошломъ не только считать себя въ душѣ, но даже и высказываться ровнею ей.... Вѣдь она этой мысли не выносила спокойно и тогда, когда была скромною, Щебринскою сиротою, «дочерью оригинала отца и вовсе неизвѣстной свѣту матери,» такъ могла-ли теперь не насладиться вполнѣ своею по отношенію къ нимъ недосягаемостью.... Да!... Ослѣпить ихъ блескомъ, положить къ ногамъ своимъ, разъ навсегда заставить забыть, что когда-нибудь осмѣливались ставить себя на одну съ нею доску—вотъ что заставило княгиню встать въ 8 часовъ въ этотъ день, вотъ что волновало и заботило ее теперь до такой степени, что малѣйшій недосмотръ, самая ничтожная погрѣшность въ обстановкѣ наступающаго бала, уже раздражали ее до гнѣва.... И могла-ли она при такихъ условіяхъ обойтись безъ Васи, и ктоже бы исполнилъ съ такою охотою, съ такою лихорадочною поспѣшностью всѣ мельчайшія ея прихоти и капризы, какъ не онъ, Вася, всегда готовый за нее и въ огонь, и въ воду?! Въ тотъ день княгиня отчетливо сознавала это, и со всею искренностью обѣщала по окончаніи бала 10, 20, 30 разъ поцѣловать его за помощь и хлопоты. Да!... Княгиня была права!... Но не менѣе ея былъ искрененъ, чистосердеченъ и Вася въ данномъ имъ отцу словѣ, съ этогоже наступающаго четверга, забывъ всѣ свои глупости, отдаться дѣлу и только дѣлу.... Вѣдь у него въ тѣ минуты, минуты невыно-

симаго для него колебанія отца надъ вопросомъ,—разрѣшить или нѣтъ,—такъ сильно кружилась голова, такъ путались, переплелись мысли; такъ холодны были руки, такъ билось сердце, что онъ не только готовъ былъ подчинить себя необходимости отказаться на долгое время отъ развлеченій, но даже и разъ на всю жизнь отречься отъ всѣхъ возможныхъ удовольствій, лишьбы помочь Наташѣ, лишь бы пробыть съ нею эти два дня, лишь-бы заслужить ея нѣжную ласку, и столь отрадное ему вниманье.— Да и что такое будущее?... Что такое прошлое?... Что такое вся жизнь?... Какіе-то звуки безъ представленія, какія-то формы безъ содержанія, что-то туманное, тоскливое, лишенное какого быто ни было смысла и значенья!... Жизнь — это Наташа!... Тамъ гдѣ она, и радость, и горе, тамъ и надежда, и отчаянье!... Гдѣ ея нѣтъ, тамъ пусто, совсѣмъ пусто, и холодно, и жутко, какъ въ зимнюю, непроглядную ночь, подъ свистомъ, подъ стономъ злобнаго вихря, надъ степью безлюдною.... Да и на что ему было возвращаться въ это безцвѣтное прошлое, зачѣмъ сталъ бы засматривать въ туманную даль невѣдомаго будущаго, когда такою живою радостью билось его сердце, когда такъ легко дышалось, когда такъ весело было ему, когда во всемъ и отовсюду улыбалась Наташа, звала къ себѣ, манила, то какъ будто смѣялась, то, съ мига на мигъ готовая поцѣловать, играла у его лица своими тонкими, нѣжно-алыми губами.... И это-ли не море наслажденій?... Это-ли не счастье?... И все сильнѣе, и сильнѣе кружилась у него голова. Онъ всталъ въ 7 часовъ утра, наскоро напился чаю, самъ, чуть-ли не десять разъ перечистилъ свою новую, всего нѣсколько разъ въ жизни надѣванную фрачную пару, вычистилъ мѣломъ съ суконкой свою золотую отъ часовъ цѣпочку и съ 8, уже нетерпѣливо потирая рука объ руку, дожидалъ княгиню у дверей будуара.

Но не одну княгиню и не одного Васю такъ волновалъ и заботилъ готовившійся балъ....

Всколыхался, задвигался, засуетился весь маленькій міръ родныхъ и близкихъ, и прежнихъ знакомыхъ княгини.

Александра Игнатьева Бояринова еще за два дня вывѣсила свое темнозеленое, бархатное, всего лишь только разъ 20 надѣтое платье. При себѣ и аккуратнѣйшимъ манеромъ приказала она загладить на немъ ласы и, принявъ къ соображенію, что въ такомъ большомъ домѣ непремѣнно составится партія по большой,— по полъ, а пожалуй и по копѣйкѣ, еще наканунѣ, въ поне-

дѣльникъ, чтобы, невзначай, второпяхъ, не забыть, положила въ портмонэ орѣхъ-двоёшку, уже ни разъ приносившій ей многое счастье....

Марья Кондратьевна, не взирая на всѣ доводы Натальи Игнатьевны, что къ темно-зеленому, шелковому ея фаю вовсе не идетъ палевый цвѣтъ, купила себѣ именно изъ палевыхъ и черныхъ бархатныхъ лентъ наколку съ длинными предлинными концами.

Наталья Игнатьевна еще за два дня воспретила себѣ именнымъ указомъ облизываться, дабы, невзначай, и въ домѣ княгини, не проявилась сія пагубная привычка.

Мясоѣдовъ, дознавъ, что на балу будутъ княжны Гордѣевы-Узловы, княжна Одоленская, княжны Щербинины и другія не менѣе видныя и по положенію, и по образованію особы, стоя битыхъ два часа передъ зеркаломъ, до красныхъ пятенъ ободралъ свой несчастный носъ, тщетно силясь найдти на немъ ту центральную точку, на которойбы pince-nez сидѣло устойчиво, а не плясало—такъ, какъ онъ въ сѣдлѣ своего рыжаго Философа.

Елена Александровна, въ свою очередь, дознавъ, что у Долиныхъ будетъ первый красавецъ князь Гордѣевъ-Узловъ, князь Одоленскій и другіе, не менѣе пріятные представители во всѣхъ отношеніяхъ соблазнительныхъ партій, чуть не выцарапала съ досады глаза Марьѣ Александровнѣ, за то, что у нея, Елены Александровны, не удались на лбу завитки.

М-ме Мясоѣдова уже съ самаго утра начала всхлипывать и ухмыляться.

Николай Ермолаевичъ Неволинъ, чтобъ, неровенъ случай, не опоздать, съ 12 часовъ завился у Теодора и, опасаясь испортить прическу, строжайше воспретилъ Юліи Игнатьевнѣ приближаться къ себѣ иначе, какъ въ двухъ, трехъ шагахъ разстоянія.

Но Юліи Игнатьевнѣ было не до того. Желая быть блѣдною и даже томною, она обратилась къ какому-то самому рѣшительному средству, благодаря чему даже отчаялась попасть на балъ.

Глава VI.

Въ гостинной подъ зеркальнымъ колпакомъ, большіе, массивные, бронзовые часы, мѣрно, густымъ, пріятнымъ басомъ пробили семь....

Безъ малѣйшаго шороха, разставляя по ковру кресла, стулья, столики, суетились въ ней лакеи.... Въ полуосвѣщенномъ залѣ, точно заигрывая, точно на конькахъ обгоняя другъ друга, въ послѣдній разъ скользили по блестящему паркету нѣсколько человѣкъ полотеровъ.

Въ кабинетѣ, за плотно закрытыми дверями, князь неслышно разговаривалъ съ секретаремъ Губернскаго Правленія о предстоявшей ему на слѣдующее утро сдачѣ дѣлъ....

Княгиня, утомленная суетою дня, отдыхала на козеткѣ aux pieds de ma belle и, замирая въ сладостномъ предощущеніи ожидавшихъ ея волненій, то уносилась въ прошлое, то радостно засматривала въ свое свѣтлое, гордое будущее....

Она и слышала какъ будто малѣйшій внѣшній шорохъ, и не могла отдать себѣ отчета въ немъ.... Она чувствовала себя, она волновалась, она ставила себѣ вопросы и сама же давала на нихъ отвѣты, но что-то непонятное обособляло ее отъ этого внѣшняго міра.... обособляло, носилось надъ нею, непреодолимою нѣгою сковывало ей и руки, и ноги.... Милліардами огней блеснулъ залъ Благороднаго Собранія.... Полились стройные звуки вальса.... Взволновалась толпа.... Замелькали пары.... Пара за парой.... Точно волна за волной.... Закружилась голова, забилось сердце. «Туръ вальса mademoiselle» какъ бы втягивая въ себя звуки голоса, отчетливо пригласилъ баронъ и какъ хорошъ.... какъ хорошъ онъ былъ въ тѣ минуты.... Какой чудный взглядъ у него.... То гордый, холодный, полный сознанія себя; то освѣщенный какимъ-то внутреннимъ дивнымъ блескомъ. Бѣдный баронъ.... Вотъ, опять все спуталось, смѣшалось.... Темно, совсѣмъ темно, и снова что-то блеснуло трепетнымъ, слабымъ свѣтомъ.... все отчетливѣе, все яснѣе.... Жнива.... Жнива на лѣво, жнива на право.... Высоко надъ жнивой, точно въ морѣ свѣта, тонула въ поднебесной выси красавица луна. И опять все спуталось, и снова картина: Большой ярко освѣщенный, губернаторскій залъ. Толпа окружаетъ ее.... Она идетъ.... Толпа разступается.... Мужчины и женщины почтительно склоняютъ передъ нею головы.—«Какъ хороша!... Какъ величественна!... Какимъ холодомъ, какимъ сознаніемъ красоты и силы дышетъ ея спокойный взглядъ....» слышится ей отовсюду.—И что за особенная фигура?!.. Помпадурша!... И все тутъ!... Велика птица!.. раздалося въ толпѣ, не то женскій, не то мужской, непріятный, какъ рѣзкій звонокъ, голосъ. Княгиня сдвинула брови, и снова, какъ не бывало губернаторской пріемной. Княгиня полу-

открыла свои нервныя, трепетныя губы, сжалась и, слегка вздохнувъ, вытянулась во всю длину козетки....

Безъ малѣйшаго шороха открылась дверь изъ гостинной въ будуаръ.... Вошелъ Вася.—Онъ былъ совершенно готовъ къ балу.... Тонкаго сукна фракъ ёмко охватывалъ его худощавую, средняго роста, стройную фигуру.... Подъ лѣвою рукою шапо-клякъ, съ нашивными на черномъ ея атласѣ, рельефными, золотыми буквами «В.» «Б.» и короною. На жилетѣ, слегка позвякивая о золотую отъ часовъ цѣпочку, болталось pince-nez изъ синихъ стеколъ въ золотой оправѣ.... Это былъ не прежній, равнодушный, даже невнимательный къ своей одеждѣ Вася... Все предусмотрѣно, все какъ будто бы разсчитано, на блескъ, на эффектъ.... Отъ слабо мерцавшаго въ будуарѣ нѣжноголубаго свѣта, онъ казался еще болѣе блѣднымъ.... Во всей его фигурѣ, во всѣхъ движеньяхъ замѣчалась лихорадочная подвижность, какъ будто что-то чрезвычайное волновало его въ эти минуты.... Онъ обогнулъ козетку и въ тотъ же мигъ какъ бы сдержанный непреодолимою силою, остановился въ двухъ, трехъ шагахъ отъ нея.... Слегка запрокинувъ голову на мягкую, отлогую спинку козетки, дремала княгиня.... Разсыпалась пышная коса и, лаская ей и грудь, и плечи, волною упадала на коверъ; отъ синевы ея долгихъ рѣсницъ еще нѣжнѣе казался тонко-рдѣющій на лицѣ румянецъ; на полуоткрытыхъ губахъ полная нѣги, полная страсти улыбка....

Вася забылся.... Новое, неизвѣданное имъ, могучее чувство охватило его. Какъ будто электрическій токъ привелъ въ движеніе его нервы, его кровь. Онъ весь, всецѣло отдался своему чувству. Какая-то сила, хотя дѣйствующая въ немъ самомъ, но въ своей дѣятельности независящая отъ него, — отъ его воли, отъ его разума, непреодолимо влекла его къ ней. Внѣ ея для него не существовало въ этотъ мигъ ничего другаго. Онъ самъ, и даже все существующее, весь міръ заключался въ этотъ мигъ въ ней одной, и потому-то, должно быть, такъ тянуло его къ ней, такъ неудержимо было стремленіе отдаться овладѣвшему чувству для того, чтобы забыть не только себя, весь міръ, но даже и ее.... Все ближе и ближе подходилъ онъ къ ней.... Вотъ уже онъ чувствуетъ ея дыханіе. Трепетными, горячими струйками пробѣгаетъ оно по немъ. Вотъ ужъ его губы почти коснулись ея губъ.... Но вдругъ что-то упало.... тамъ, за дверью, въ спальнѣ, и такъ громко стукнуло объ полъ....

Княгиня сладко потянулась и, тихо приподнявъ правую руку, медленно открыла глаза....

Въ передней раздался громкій звонокъ.

— А! Вася!... Все сдѣлалъ?

— Все, Наташа, дрогнувшимъ голосомъ, чуть слышно отозвался онъ.

— Музыкантамъ велѣлъ быть въ 9-ть?

— Велѣлъ, Наташа.

— Да что съ тобою?... Тебѣ холодно?

— Нѣтъ!... Я такъ!... Самъ не знаю, запинаясь, точно оправдывался онъ.

Княгиня внимательно посмотрѣла. Вася потупился, вспыхнулъ.

— Вася.... Сейчасъ же говори, что съ тобой? быстро поднимаясь съ козетки, напала она.

— Ничего, право ничего, Наташа.

— Терпѣть не могу, когда ты вертишься, Вася.... Развѣ я не вижу, что тебя бьетъ точно въ лихорадкѣ.... ну, говори правду! полушутя, полусерьезно настаивала княгиня.

— Ты такъ.... такъ хорошо отдыхала, Наташа, красный по самыя уши, прошепталъ онъ.

— Ну? и губы княгини чуть-чуть дрогнули.

Онъ, молча, ломалъ себѣ пальцы.

— Тебѣ опять хотѣлось испугать меня твоимъ непрошеннымъ поцѣлуемъ, какъ въ тотъ разъ? и она разсмѣялась весело, звонко.

Въ передней снова звонокъ.

Вася молчалъ.... Онъ не смѣлъ даже поднять глазъ на нее.

— А я тебя сейчасъ видѣла во снѣ, Вася.... Ты опять подавалъ мнѣ на меня же жалобу въ томъ, что я будто бы тебя мучаю?...

Вася только еще ниже опустилъ голову.

— Comprend-il quelque chose?

Мелькнуло княгинѣ и ея лице въ тотъ же мигъ освѣтилось игривою усмѣшкой.

— Вася?

— Что?

— Посмотри на меня!

Вася быстро поднялъ голову, взглянулъ и, весь красный, поникъ опять.

— Какой ты хорошій сегодня!... Точно, въ самомъ дѣлѣ, большой!... Такъ идетъ къ тебѣ фракъ!... Такъ хорошо, въ

такихъ густыхъ, густыхъ локонахъ лежатъ волоса.... Ты не завивался, Вася?

— Нѣтъ!

— Славный! поднимая ему голову рукою, прошептала княгиня. Ну посмотри же на меня.... Что ты прячешься?! У какіе.... Синіе, синіе.... Вотъ тебѣ за это! и, всѣмъ станомъ склонившись къ нему, княгиня поцѣловала его. Поцѣловала, откинулась, слегка вздохнула, и даже, не взглянувъ, быстро отошла къ туалетному столику....

Въ залѣ слышались чьи-то быстрые шаги....

— Госпожа Щебринская, доложилъ лакей.

— La voila!..... Уже! Проси! спѣшно выходя изъ будуара, приказала она.

Вася какъ будто потерялъ сознаніе.... Что-то мелькнуло,— вотъ тутъ, почти совсѣмъ возлѣ него.... Чей-то голосъ прозвучалъ такъ близко.... И снова все смѣшалось.... Только все горѣлъ еще на его губахъ поцѣлуй Наташи.

— Что ты это, мать моя, помилосердуй.... Восемь ужь скоро.... А ты еще даже и не одѣвалась?!

— Ахъ!... Это бабушка, сообразилъ онъ, наконецъ, и покраснѣлъ отъ досады.

Марья Кондратьевна, громко, на всѣ комнаты, шурша своими перекрахмаленными юпками, слегка откинувъ голову, съ какою-то, несвойственною ей важностью, плавно внесла себя въ будуаръ. Княгиня, съ трудомъ сдерживая улыбку, слѣдовала за нею....

«А!... Чтобъ ты провалилась, глыба несносная!» подумалъ Вася, неохотно подходя къ ея рукѣ.

— Васюта!... Ты здѣсь? милостиво сообразила Марія Кондратьевна.

— Какъ видите, бабушка!

— Вижу, вижу, мой дружекъ, вижу!

— Ну теперь я, бабушка, произведу строжайшую ревизію вашему туалету, перебила княгиня, перегоняя Марью Кондратьевну и останавливаясь противъ нея.

— Ахъ, бабушка!... Помилуйте!... Да что это вы такое навинтили себѣ на голову?

— Чепецъ, мать моя! съ достоинствомъ отвѣтила Марья Кондратьевна.

— Я сама вижу, что чепецъ, бабушка!... Кто же это надѣваетъ палевое къ зеленому?... И притомъ зачѣмъ же вы надвинули его на самый лобъ?... Вѣдь у васъ ленты чуть-чуть что не закрываютъ глаза, говорила княгиня сквозь смѣхъ.

— Не бось, мать моя!... Яйцы курицу не учатъ!... Не хуже тебя туалеты знаю, обидчиво возражала Марья Кондратьевна.

— Нѣтъ, какъ вамъ угодно, бабушка, но это невозможно.... Я не могу оставить васъ въ такомъ видѣ.... Лиза, Лиза! и княгиня уже волновалась.

— Да что ты хочешь, мать моя?

— Подобрать вамъ другую наколку!

— Другую?! туго сообразила Марья Кондратьевна. Не надѣну! и она рѣшительно тряхнула головою. Я три съ полтиной заплатила.

— Да хотя-бы десять и все-таки я не оставлю васъ въ ней, бабушка.

Теперь Марья Кондратьевна видимо растерялась и, стоя передъ княгинею, старательно перебрасывала изъ руки въ руку свою знаменитую табакерку въ четыре мордашки.

— Лиза, принеси всѣ мои наколки! приказала княгиня.

Глава VII.

Она и жила, и нѣтъ!
Ее и знали, и не знали.

Въ числѣ приглашенныхъ на балъ Долиныхъ значились и княжны Гордѣевы-Узловы, — Софья и Елена. Елену, младшую изъ нихъ, мало зналъ свѣтъ. Она очень мало выѣзжала, а когда и бывала на балахъ, старалась теряться въ толпѣ. Княжна Елена, прелестная дикарка, какъ звали ее въ обществѣ, была та самая русая дѣвочка, что давно-давно, лѣтъ семь тому назадъ, такъ оживленно, такъ внимательно-радостно слѣдила за группою рѣзвившихся по холму Андреяновскому кузинокъ Васи!... Вспомните же ее, вспомните въ ту глубокую, ночную пору, пору тихаго, спокойнаго сна всѣхъ и каждаго въ домѣ Роденъ, кромѣ ее, этой странной, русой дѣвочки!... Вспомните, какъ точно тѣнь себя самой, затаивъ дыханье, вся тишина, вся младенческая дума, въ бѣлой, какъ воздухъ, лег-

кой рубашечкѣ, опершись на рѣзномъ подоконникѣ, замерла она во взглядѣ не то на холмъ Андреяновскій, не то на ту звѣздочку, что такъ ярко горѣла на высокомъ горизонтѣ.... Теперь вспомнили?!.. Такъ никогда же болѣе не забывайте «русую дѣвочку», если только въ часы горя, въ минуты разочарованій вамъ, какъ мнѣ и легко, и отрадно будетъ сознать въ ней, что на ряду съ злымъ есть и доброе на землѣ.... И жила и нѣтъ!... Ея и знали, и не знали!... Но, жила или нѣтъ, живетъ теперь или же жила еще въ недавнемъ прошломъ, я все-жъ таки увѣренъ, что оживится въ васъ, хотя на мигъ содрогнется въ сердцѣ вашемъ, какъ живетъ, какъ вѣчно будетъ жить въ моемъ, отрадой и надеждой, источникомъ и теплоты, и свѣта...

Русая дѣвочка скорѣе была чувство, чѣмъ мысль.

Ее звали Линой.... У нея была большая семья. Отецъ, отставной генералъ-маіоръ князь Гордѣевъ-Узловъ, мать, шесть братьевъ, пять сестеръ. Въ ту пору, пору дѣтства и юности русой дѣвочки, они жили богато, занимали на большой Никитской домъ въ 26 комнатъ, держали, по старинному, дворню, чуть-ли не въ 40 человѣкъ. — Русую дѣвочку всѣ любили, — и отецъ, и мать, въ особенности мать, и сестры, и даже братья, когда чрезъ нее отъ родителей имъ приходилось получать деньги.... А вѣдь это было нерѣдко...

Тихо росла русая дѣвочка. — Ее и неслышно было въ домѣ, какъ будто и не было.... Она говорила мало, рѣдко, очень рѣдко смѣялась, почти никогда; но за то часто улыбалась.... И что это была за улыбка!... Полная, все лицо освѣщающая, кроткая, добрая.... Мать въ особенности любила ее за нѣжность, за простоту, за ласку и готовность помочь, съ которыми она всегда относилась къ бѣднымъ.... И нерѣдко русая дѣвочка, отдавъ, въ порывѣ простосердечной склонности къ добру, первой, встрѣчной, бѣдной дѣвочкѣ свое самое дорогое, самое нарядное, праздничное платье, скорѣе любовь, чѣмъ досаду, скорѣе изумленье, чѣмъ упрекъ, читала въ улыбкѣ выговаривавшей ей матери.... Всякій праздничный день запечатлѣвался въ душѣ русой дѣвочки какъ свѣтлый, радостный день.... Она получала отъ матери пять рублей, всѣ, до гроша, отдавала бѣднымъ, и отъ праздника до праздника живы были въ ней ихъ радостныя слезы, ихъ благословляющія улыбки. Русая дѣвочка любила не только человѣка, она любила и животныхъ, и все, что дышало въ природѣ.... Какъ-то подъ вечеръ братъ Михаилъ, любимый

братъ, нашелъ на улицѣ издыхающаго, еще не видѣвшаго свѣта щенка.... Онъ принесъ его, конечно, къ ней.... Она выкормила его на рожкѣ, назвала Нерономъ, и такъ привязалась къ нему, что никогда и ни при какихъ условіяхъ жизни не разставалась уже съ нимъ.... Еще русая дѣвочка любила день Благовѣщенья.... Десятками покупала она тогда птицъ и тутъ же выпускала ихъ на свободу.... И долго, долго потомъ, и во снѣ и на яву, все неслись онѣ у ней передъ глазами, и свободныя, и радостныя, чтобы слова два сказать объ ней въ поднебесной выси.... Русая дѣвочка скорѣе была чувство, чѣмъ мысль....

Русая дѣвочка перестала быть дѣвочкой.... Она стала княжною Еленою Гордѣевою-Узловою.... стала выѣзжать съ матерью и старшею сестрою, Софьею. — Нельзя сказать, чтобы она не любила выѣздовъ, чтобы она не веселилась на балахъ, чтобы не улыбалась въ отвѣтъ такъ много пріятнаго говорившимъ ей людямъ.... Но она и веселилась какъ-то особенно, не какъ всѣ остальные.... не порывисто, не жадно, а тихо, спокойно, какъ можетъ только веселиться и улыбаться дѣвушка восемнадцати лѣтъ, счастливая положеньемъ своимъ, свѣтлая совѣстью своею.... Хотя и стала она взрослою, стала княжною, но не перестала по прежнему быть русою дѣвочкою.... Княжна Софья часто ссорилась съ нею, часто упрекала ее за простоту, даже за наивность обращенія, равнаго ко всѣмъ безъ различія положеній.... Но русая дѣвочка въ княжнѣ ни какъ все-жъ таки не могла сообразить,—чѣмъ это она, русая дѣвочка, выше другихъ дѣвушекъ, лишь потому что родилась княжною, а онѣ «простыми смертными», какъ называла ихъ Софья.

И что это такое,—простые смертные? мѣшалось въ ея головѣ.... Вѣдь она давно знала, что сестра Софья и старше, и умнѣе, и опытнѣе ея, она только не знала, что сама была не измѣримо выше, что ея сфера не мысль, а чувство.... Музыка громче словъ говорила ей.... Никакое литературное произведеніе, хотя бы и самое рельефное, сильное, не производило на нее такого впечатлѣнія, какъ музыка....

Она хорошо владѣла англійскимъ, нѣмецкимъ, французскимъ языками, бойко говорила на нихъ, правильно писала, читала много, но все это проходило въ ней какъ-то скользя, какъ будто вовсе не задѣвая ее, не оставляя въ душѣ ея никакого слѣда, не возбуждая никакихъ, рѣшительно никакихъ новыхъ мыслей въ

ней.... Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось, и такъ было, если только она не намѣренно скрывала въ себѣ свои впечатлѣнія.... Княжна при томъ не любила дѣлиться своими мыслями съ окружающими, какъ будто стыдилась ихъ высказывать, какъ будто опасалась, что надъ ними, этими мыслями, и Софья, и другіе неменѣе близкіе ей люди, посмѣются точно также, какъ смѣялись надъ нею и она, Софья, и всѣ сестры, когда въ порывѣ состраданья къ какой-нибудь не имѣющей куска хлѣба дѣвочкѣ, отдавала скрытно одно изъ самыхъ нарядныхъ, самыхъ дорогихъ и любимыхъ платьевъ.... Но, въ музыкѣ, чтобы она не сказала, какъ бы глубоко не чувствовала, никто не посмѣется надъ нею, и вотъ, она любила играть, любила забываться въ стройныхъ, то какъ бы замирающихъ, то оживляющихся, все съ новою и новою энергіею, звукахъ. И отчего такъ вся даже въ лицѣ измѣнялась она въ тѣ минуты?... И откуда бралась эта бѣглость, эта сила въ ея маленькихъ, слабыхъ рукахъ?

Какъ тихій, свѣтлый сонъ мелькнули въ ея жизни и младенчество, и юность.... Недолго такъ легко, такъ свободно дышалось ей!... Братья раззорялись, отца раззоряли!... Содрогнулся старикъ-отецъ, содрогнулся за будущность всей семьи, за младенца-сына, за малютокъ-дочерей!... Ужъ не разъ княжна, пользуясь его слабостью къ ней, отъ долговъ, отъ жидовъ-кредиторовъ спасала брата Михаила.... Спасала и могла спасать лишь до той поры, пока не объявилъ ей отецъ, что онъ не въ силахъ болѣе поддерживать его, и не дастъ ни гроша! Княжна просила брата, княжна каждую ночь молилась за него!... Увлеченный порывомъ безумной молодости, все моталъ и моталъ князь Михаилъ, и съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе запутывался онъ.... Княжна перестала играть, какъ будто навсегда разлюбила музыку.... Съ каждымъ днемъ все рѣже улыбалась она, все меньше говорила, блѣднѣла, худѣла.... Все чаще и чаще замѣчала мать красноту въ ея глазахъ, непонятную опухоль вѣкъ.

— Я много по ночамъ читаю, мамаша, успокоивала ее княжна, въ отвѣтъ на тревожные разспросы.

Глава VIII.

Княжны Гордѣевы-Узловы имѣли обыкновеніе всегда пріѣзжать позже другихъ.

Въ этомъ, впрочемъ, не была виновата княжна Елена. Ей совершенно безразлично было, въ которомъ часу ѣхать. Она только всегда одинаково торопилась домой. Какъ мы уже знаемъ, неособенно даже и любила выѣзды, а если и ѣздила, то собственно потому, что это признавали необходимымъ мать и сестра Софья. Почему?—княжна не задавалась.... Надо—и она ѣхала. Княжна же Софья, напротивъ, до лихорадки любила выѣзжать, любила и свѣтъ, и блескъ, и роскошь; волновалась всѣми и каждымъ, и, въ особенности, мнѣніемъ о себѣ. Ранній пріѣздъ она считала несоотвѣтственнымъ своему положенію, и если даже совершенно готова была въ 10, никогда не позволяла себѣ раньше трехъ четвертей одиннадцатаго войдти въ переднюю.

Уже почти всѣ съѣхались, когда ихъ карета остановилась у дверей Долиныхъ. Яркимъ потокомъ лился на улицу свѣтъ изъ большихъ оконъ до блеска освѣщеннаго зала.

Направо и налѣво рядами стояли экипажи. Изъ полуоткрытой двери швейцарской столбомъ валилъ паръ. Шумный говоръ доносился оттуда. Толпа лакеевъ вела въ ней свою нескончаемую, оживленную бесѣду о господахъ и про господъ....

— Тсс! обѣгая карету, цикнулъ на нихъ высокій, молодцоватый выѣздной лакей Гордѣевыхъ.... Все стихло, встало, выпрямилось....

— Платонъ,—легко спорхнувъ со ступеньки кареты, обратилась къ кучеру княжна Елена,—пожалуйста поѣзжай шагомъ. Иванъ велѣла посмотрѣть лошадей. Если отъ нихъ будетъ идти паръ—ты виноватъ!... Чтобы совсѣмъ остыли. Тогда дай имъ овса.

— Eh bien! нетерпѣливо сдвинувъ широкія, густыя, черныя, какъ смоль, брови, прикрикнула на нее княжна Софья.

— Напои и пріѣзжай.... Слышишь! бѣгло договорила княжна Елена и, быстро повернувшись, уже на первыхъ ступенькахъ лѣстницы настигла сестру.

— Какъ ты всегда надоѣдаешь мнѣ съ твоими лошадиными рецептами.

— Все, что хочешь, кромѣ этого!... Лошади не должны терпѣть отъ того, что намъ по три раза на недѣлю понадобилось выѣзжать! вспыхнувъ, возразила княжна Елена.

— Ну, довольно! рѣзко замѣтила Софья.

Изъ зала неслись звуки вальса.... Сначала слабо.... Затѣмъ все громче, шире и полнѣй.

— Первая кадриль была? обратилась княжна Софья къ подошедшему снять съ нея шубку лакею.

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство!

— Vois-tu, tu me fais faire toujours une maladresse avec ton bête d'amour pour les chevaux, и она опять сурово сдвинула на нее брови.

Княжна Елена молча пожала плечами и, оставивъ сестру въ передней, вошла въ пріемную.

— Attends donc!

— J'attends, подходя къ трюмо и, примѣтно дрогнувшею рукою, оправляя свои свѣтлорусые, пепельнаго отлива, шелковистые локоны, едва слышно отозвалась она.

Княжна Елена Алексѣевна Гордѣева-Узлова не была красавицей. Она своею внѣшностью не выдѣлялась даже и изъ толпы, но кто хотя однажды внимательно отнесся къ ней, во всю жизнь не забывалъ того отраднаго впечатлѣнія, какое она оставляла тихою, свѣтлою улыбкою своихъ полныхъ, алыхъ губъ, всегда спокойнымъ и внимательнымъ, ласковымъ взглядомъ глубокихъ, темно-голубыхъ глазъ, нѣжностью формъ, простотою и естественною граціею движеній.... Въ этотъ вечеръ княжна была особенно и оживлена, и интересна.

Серебристаго газа платье, оставляя открытыми нѣжныя, цвѣта блѣдной розы, только-что только сложившіяся плечи, ёмко охватывало тонкую талію ея высокаго, гибкаго стана.... Бѣлая лилія, точно живая ея эмблема, скромно терялась въ густыхъ локонахъ высокимъ валомъ взбитыхъ волосъ. Живымъ румянцемъ рдѣлась въ лицѣ взволнованная кровь. Какъ-то особенно трепетно перебиралъ ноздрями ея маленькій, мягкій, неправильной формы, слегка вздернутый носъ.... Что-то видимо не то тревожило, не то исключительно интересовало ее тамъ, въ этомъ, такъ ярко, до ослѣпляющаго блеска, освѣщенномъ залѣ.

Милліардами огней во всѣхъ переливахъ и оттѣнкахъ, отъ блѣдно-зеленаго до ярко-оранжеваго, играла въ залѣ огромная, залитая свѣтомъ, хрустальная люстра.... Вотъ мелькнула пара.... Другая, третья. Вотъ пронесся красивый, ловкій князь Одоленскій съ княгинею-хозяйкою.... Вотъ столпились разомъ нѣсколько паръ и изъ среды ихъ, крутясь, точно въ вихрѣ, выдѣлился со своею

дамою, рѣзкою брюнеткою, высокій блондинъ уланъ—товарищъ князя, ея брата Михаила Гордѣева-Узлова, Гирѣевскій. Княжна улыбнулась. Она вѣдь такъ любила все, что касалось брата ея Михаила....

— Remets-toi! отчетливо проговорила за нею Софья.

Легкій нервный трепетъ пробѣжалъ по плечамъ княжны Елены.... Она чуть-чуть вздохнула и, слегка откинувъ голову, первою вошла въ залъ.... Все шире, все свободнѣй, все быстрѣе кружились пары.... То вправо, то влѣво, лавируя между ними, едва касаясь паркета тонкими носками своихъ бѣлыхъ атласныхъ полусапожекъ, мелькала княжна....

— Pourquoi cours-tu ainsi? едва поспѣвая за нею, сдержала княжна Софья.

— Mais doucement, doucement donc! долетѣло до Вѣры Павловны. Она быстро взглянула по голосу и не сдержалась, улыбнулась.... Такъ граціозна, такъ мила была раскраснѣвшаяся княжна въ своемъ лихорадочномъ спѣхѣ....

— A, princesse Hélene, оставляя руку Мясоѣдова, улыбнулась ей на встрѣчу княгиня.

— Et madame votre mère?

— Elle ne viendra pas.... depuis le matin elle se sent indisposée, princesse! оттягивая слова, отвѣтила княжна Софья.

Гирѣевскій, едва вошли княжны, быстро поблагодарилъ свою даму, высокую, не по лѣтамъ полную, княжну Щербинину, и, не спуская глазъ съ княжны Елены, несся теперь черезъ весь залъ прямо къ ней....

— Да здравствуетъ Аллахъ!... Это послѣдній вечеръ, въ который я рисковалъ проиграть пари, княжна.

— Ну и пусть здравствуетъ вашъ Аллахъ.—Княжна весело разсмѣялась. А пари вы все-таки проиграли.

— Какъ такъ? отступая, изумился Гирѣевскій.

— Да я ужъ танцовала!

— Вотъ и неправда!... Съ кѣмъ же?

— Съ кѣмъ?! затруднилась княжна и, сама не отдавая себѣ отчета, вспыхнула.

— Вотъ видите.... И зачѣмъ ужъ вы беретесь не за свое дѣло.... Вѣдь вамъ и въ шутку никогда не удастся сказать неправду,—и Гирѣевскій улыбнулся на нее своею открытою, широкою улыбкою.—За это вы должны идти со мною безотлагательно.

Княжна молча кивнула головою. Вѣра Павловна не сводила съ нея глазъ.... Гирѣевскій охватилъ тонкую талію княжны своею сильною рукою такъ крѣпко, что Вѣрѣ Павловнѣ даже стало жаль ее. «Бурбонъ», подумала она. Вотъ, ея рука чуть-чуть примѣтно дрогнула на его плечѣ.... Вотъ выступили разомкнутою парою.... Легко, плавно, чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣй и быстрѣй сомкнулись руки. Точно въ вихрѣ неслись теперь.... Вотъ мелькнули мимо.... Вотъ, опять дальше и дальше....

— Да что вы, матушка, влюбились что ли въ эту пару? громко проговорилъ за нею Петръ Игнатьевичъ.

— Вовсе не въ пару!... Ужъ, конечно, нѣтъ!... А въ княжну Гордѣеву.... Ну, посмотрите сами, что за чудный ребенокъ?! вслухъ восхищалась она.

— Удивительная это у васъ, матушка, способность увлекаться. Что жъ въ ней такого необычайнаго?... И во-первыхъ, не ребенокъ, а дѣва, какъ надлежитъ быть дѣвѣ, а во-вторыхъ, жидковата, совсѣмъ жидковата.

— Генералъ! вспыхнувъ, тревожно оглянувшись, перебила Вѣра Павловна.

— Сердитесь, не сердитесь, а по разуму такъ.

— Она эстетически хороша.... Вы посмотрите, какъ нѣжны, гибки ея формы.... Мнѣ даже страшно за нее.... Такъ вотъ-вотъ и кажется, что малѣйшаго препятствія достаточно, чтобы сбить ее съ ногъ, малѣйшей неловкости, чтобъ испугать, смутить, заставить потеряться.

— Ну и что жъ въ томъ хорошаго?! Тѣмъ хуже для нея.

— Ну, да съ вами не столкуешь! и Вѣра Павловна досадливо отвернулась отъ него.

Теперь княгиня неслась въ парѣ съ маленькимъ, полнымъ брюнетомъ, княземъ Щербининымъ....

— Mercі bien! съ трудомъ переводя духъ, сдержала она его подлѣ Вѣры Павловны.

— Un tour de valse, s'il vous plait, princesse! пригласилъ Одоленскій.

Глава IX.

Вася не танцовалъ вальса.... Скрестивъ руки на груди, опершись лѣвымъ плечомъ о притолку, стоялъ онъ у открытыхъ изъ кабинета въ залъ дверей.

Онъ видѣлъ всѣхъ и никого.... Отъ времени до времени до него долетали какіе-то глухіе, отдаленные звуки, но въ нихъ какъ будто не было никакой мелодіи.... То содрогнутся въ немъ съ необыкновенною силою, то опять замрутъ до полнаго исчезновенія.... Только одинъ образъ и живъ, и свѣтелъ, и рельефенъ.... образъ княгини.... И сколько, сколько разъ мелькнула она мимо него, да только ни разу не взглянула въ его сторону.... какъ будто совсѣмъ забыла объ немъ!... Ему такъ хотѣлось подойти къ ней.... такъ лихорадочно тянуло.... Но.... зачѣмъ?!.. Развѣ онъ нуженъ ей теперь!... Конечно нѣтъ!... Она даже забыла думать о немъ въ толпѣ этихъ полотеровъ!... Да и вообще, развѣ онъ можетъ занимать ее серьезно. Вѣдь онъ же мальчикъ!... Вѣдь она еще сегодня сказала ему это. Замерли звуки вальса. Изъ гостинной донесся серебристый смѣхъ княгини.... Вася быстро поднялъ голову, прислушался.

— Кто такъ говоритъ, князь, тотъ обманываетъ, а кто такъ только думаетъ, тотъ обманывается!...

— А если и говоритъ, и думаетъ?... улыбаясь, словилъ ее Одоленскій.

— То вдвойнѣ виноватъ и противъ себя, и еще болѣе противъ той, которую за-одно съ собою завлекаетъ въ заблужденіе! и княгиня разсмѣялась, тихо, сдержанно, точно сама въ себя.—Кто серьезно хочетъ словить, князь, тотъ всегда и прежде всего принимаетъ на себя видъ человѣка, потерявшаго самую надежду поймать когда либо свою жертву.... Это даже не дѣло разсудка, ни разума тѣмъ болѣе, это дѣло простаго инстинкта,— и, отбросивъ шлейфъ чуть примѣтнымъ движеніемъ ноги, она вышла изъ гостиной.

— Я съ тобою первую танцую, Вася? быстро проходя въ кабинетъ, спросила она такимъ холоднымъ, безучастнымъ голосомъ, какъ будто вовсе не думала о томъ, что говорила.

— Со мною, Наташа.

Точно звѣзды въ туманѣ, въ густыхъ облакахъ дыма обширнаго кабинета князя, на карточныхъ столикахъ, слабо, тускло мерцали свѣчи.... Все тише, все дальше шелестилъ шлейфъ свѣтлоголубаго платья.... Вонъ, въ глубинѣ кабинета, освѣтилась между ними ея стройная, высокая фигура.... Подошла къ князю.... положила ему руку на плечо, тихо спросила о чемъ-то, заглянула, улыбнулась.... «Счастливецъ!» подумалъ Вася, и его

сердце сжалось. Опять освѣтилась у другаго стола подошла къ Натальѣ Игнатьевнѣ, чему-то разсмѣялась, дала ей руку.—«Должно быть на счастье». Вотъ мелькнула подлѣ Неволина, что-то тихо сказала ему.... Вспыхнулъ весь, по самыя уши.... Юлія Игнатьевна такъ зло посмотрѣла на нее.—Теперь подошла къ какой-то отвратительной, старой, скуластой обезьянѣ со звѣздою на лѣвомъ бортѣ фрака.... «И его даже не забыла!...» и глубоко, во всю ширь груди вздохнулъ Вася. Онъ страшенъ былъ въ эту минуту; онъ казался по крайней мѣрѣ на десять лѣтъ старше того, чѣмъ былъ. Нервно вздрагивали побѣднѣвшія губы, на лбу обозначились двѣ тонкія, изгибистыя складки.... Совсѣмъ близко, точно стиснутыя невыносимымъ, судорожнымъ страданьемъ, сошлись брови устремленнаго имъ въ глубину кабинета взгляда.... Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него съ лихорадочнымъ волненіемъ слѣдила Вѣра Павловна за малѣйшею перемѣною въ немъ. И не одна она!... Княжна Елена, оживленно разговаривая съ Гирѣевскимъ у противоположной стѣны зала, все чаще, все внимательнѣе смотрѣла въ его сторону.

— Вы не знаете, кто этотъ мальчикъ? живо обратилась она къ Гирѣевскому.

— Нѣтъ, не знаю, княжна.... А что?

— Да неужели вы не замѣтили его?

— Это, что стоитъ у дверей кабинета?

— Да!

— Замѣтилъ.... Онъ давно уже тутъ. Онъ и не танцовалъ даже. Должно быть, больной.

— Больной?! вдумываясь, медленно повторила княжна. Нѣтъ не похоже!... Но онъ страдаетъ, ужасно страдаетъ!... Это видно по всему.... И эта дама въ черномъ.... Посмотрите, какъ она слѣдитъ за нимъ.... Я увѣрена, что она никого не видитъ, кромѣ него.... Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось помочь ему!... Бѣдный мальчикъ!..и княжна вздохнула.

— Вамъ жаль его, княжна?

— Вотъ дикій вопросъ!... Конечно!... Неужели вамъ самимъ не жаль?

— Ни чуть!... Я его вовсе даже не знаю!

Княжна выпрямилась.

— Нѣтъ!... Вы шутите, Гирѣевскій!... Я никогда не повѣрю вамъ въ этомъ! горячо возразила она.

— А, между тѣмъ, это такъ!... Я даю въ этомъ слово, княжна.... Да и было бы странно иначе.... Сожалѣть о другихъ значитъ никогда не знать себѣ покоя.... Мнѣ вовсе это не по вкусу.

— Да развѣ я могу думать о себѣ, когда вижу страданіе другаго?!

— Конечно!

— Такъ вы злой! рѣшила княжна, и ея лицо покрылось густымъ румянцемъ.

Раздался ритурнель первой кадрили.

Глава X.

Княгиня быстро вошла въ залъ.

— Наташа, ты гдѣ хочешь стать? Спросилъ Вася.

— Конечно, въ длину!...

— Съ кѣмъ?

— Съ Одоленскимъ.

— Всѣ-ли танцуютъ? и, обѣжавъ залъ внимательнымъ взглядомъ, она подошла къ княжнѣ Щербининой..

— Avec qui dansez vous, mademoiselle la princesse?

— Avec m-r Гирѣевскій, princesse.

— А вы, Марфа Александровна?

— Вонъ съ тѣмъ уланомъ, что говоритъ съ княземъ Щербининымъ.

— Et vous, princesse Sophie? и она улыбнулась княжнѣ Гордѣевой.

— Ни съ кѣмъ еще, покраснѣвъ, отвѣтила княжна.

— Вы, вѣроятно, не со всѣми знакомы, княжна?... Это моя ошибка,—попыталась изъ неловкаго положенія вывести ее княгиня и, улыбнувшись ей опять, быстро подошла къ обособившейся группѣ кавалеровъ.

— Вы всѣ танцуете, господа?

— Всѣ, отвѣтилъ Одоленскій. Неловкость осложнялась. Княгиня едва примѣтнымъ движеніемъ вѣера отозвала Васю отъ Вѣры Павловны.

— Вася.... Танцуй, голубчикъ, эту кадриль съ княжною Гордѣевою.

— Да я же съ тобою!

— А если я тебя прошу?

— Ну, тогда дай мнѣ другую!

— У меня уже всѣ разобраны. Пожалуйста, Вася! А то такъ неловко, что она не танцуетъ.

— Нѣтъ, Наташа.... Я буду съ тобою.

— Какъ это глупо! вспыхнувъ, рѣзко проговорила княгиня.

Вася покраснѣлъ....

— Что? Еще новое горе, Вася?...

— Да какъ же, Вѣра Павловна.... Обѣщала двѣ недѣли тому назадъ первую кадриль, и вдругъ теперь ни съ того, ни съ сего танцуй съ какою-то княжною Гордѣевою,—и на глазахъ его сверкнули слезы.

— Полноте ребячиться, Вася.... Я не узнаю васъ. Какъ вамъ не стыдно огорчаться всякою глупостью?!

— Да это вовсе не глупость, Вѣра Павловна.... Мнѣ такою радостною представлялась эта кадриль.... и вдругъ.... и онъ не кончилъ.... Ему какъ будто что-то помѣшало въ горлѣ....

— Вася!... Да будьте жъ взрослымъ! едва слышно прошептала Вѣра Павловна.

— Извините, князь.... Я васъ оставлю на минуту,—пронесся подлѣ Вѣры Павловны, точно бархатный, и густой, и мягкій женскій голосъ. Вѣра Павловна невольно обернулась. Подлѣ Одоленскаго стоялъ пустой стулъ. Въ дверяхъ кабинета мелькнула стройная, гибкая фигура княжны Елены.

— Неужели она слышала?

— Кто?... Наташа?

— Нѣтъ! Княжна Гордѣева, сестра той, съ которою Наташа хотѣла заставить васъ танцовать.... Такъ и есть.... Смотрите.... Она ведетъ вамъ выручку! и чуть примѣтнымъ движеніемъ головы она указала на княжну Елену, подходившую подъ руку съ высокимъ, полнымъ, красивымъ брюнетомъ-полковникомъ къ княжнѣ Софьѣ.... Ну что за милая!

— Да, да!... Слава Богу! И онъ, обрадовавшись, смѣло подошелъ къ княгинѣ, уже занявшей свое мѣсто противъ Одоленскаго.

Князь подалъ знакъ.... Стройные, веселые звуки кадрили изъ попури народныхъ пѣсенъ огласили залъ. Пары выдвинулись, смѣшались. Холодно, спокойно проходила залъ княгиня.... Она не взглянула ни разу ни на Васю, ни на кого опредѣленно. Замѣтно конфузясь, ни то боясь опоздать, ни то опасаясь столкнуться, торопилась княжна. Вѣра Павловна опять любовалась ею, опять не могла оторвать отъ нея глазъ: такъ пріятно

ятно противорѣчила ея скромная, изъ мига въ мигъ теряющаяся, точно самой себя робѣющая красота гордой, самоувѣренной, холодной и неподвижной въ ту минуту красотѣ княгини.... Княгиня заняла свое мѣсто. Оживленно выступили пары въ ширину зала.

— Наташа! робко, чуть слышно обратился Бояриновъ.

Княгиня медленно остановила на немъ свой взглядъ. Ни участія, ни гнѣва въ немъ,—холоденъ какъ ледъ.

— Боже мой!... Наташа!... Да чѣмъ же я виноватъ передъ тобою?... За что ты мучишь меня?... Неужели нѣтъ въ тебѣ сердца?... Вѣдь для меня твоя улыбка, твое слово, твой ласковый взглядъ—и жизнь и отрада.... А твое равнодушіе—смерть.... Нѣтъ, хуже смерти — пытка!!.. Точно кто-то холодными, какъ ледъ, клещами сжимаетъ мнѣ сердце,—горячо порываясь на каждомъ словѣ, высказался онъ....

Чуть чуть примѣтная краска покрыла блѣдныя щеки княгини.... Началась вторая фигура.... Бояриновъ выпрямился, вздохнулъ и, скрестивъ руки, громко хрустнулъ палецъ о палецъ.... Опять стиснулись брови, онять на лбу набѣжали складки, выражающія тупое, отчаянное страданье.

— Да начинай же, Вася! нетерпѣливо напомнила княгиня. Фу, какая рохля!

Вася выступилъ, протянулъ княжнѣ лѣвую руку.

— Это вторая,—улыбаясь, напомнила ему княжна.

— Вася!... Если ты будешь такъ продолжать, я даю тебѣ слово никогда больше не танцовать съ тобою.... Вѣдь это скандалъ!... Мало ли что бываетъ, но изъ того, что я волнуюсь или огорчена, никакъ не слѣдуетъ, что должна быть общимъ посмѣшищемъ,—съ яркимъ румянцемъ, вся негодованье проговорила княгиня.

— Но, Наташа!...

— Но, Наташа.... Да не мучь, Наташа!... Да умоляю тебя, Наташа!... Вѣдь это противно, наконецъ!... Если ты такъ взрослымъ будешь продолжать любить, то поздравляю тебя заранѣе! все болѣе и болѣе горячилась княгиня.

Блѣдный, какъ смерть, съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ, слушалъ ее Бояриновъ....

— Ни отъ одной женщины не дождешься ничего, кромѣ.... кромѣ насмѣшки!

— Какъ отъ тебя?!

— Да, вотъ именно!

Княгиня начала третью....

Холоднымъ, ѣдкимъ чувствомъ раздражающей нервной зыби прошелъ по Васѣ голосъ княгини. Никогда еще ничего подобнаго не испытывалъ онъ.... Ему досадно, больно было смотрѣть на нее въ эту минуту.... Отъ колыбели зналъ онъ ласку, зналъ доброе слово и вниманіе.... Никогда и ни надъ чѣмъ не смѣялся онъ, не глумился.... Вѣдь смѣяться, глумиться можетъ только ненавистная ему, по безсознательнымъ и въ то же время всегда живымъ въ немъ преданіямъ младенчества, злоба-мачиха, Юлія Игнатьевна, да костлявая, отвратительная баба-яга костяная нога.... И всѣ эти образы однимъ мигомъ оживились въ немъ, сцѣпились, замерли въ одномъ моментѣ отталкивающаго къ княгинѣ чувства.

— Тебѣ начинать! опять напомнила она.

Вася протянулъ княгинѣ руку....

Теперь она чувствовала, какъ въ ея рукѣ, точно въ нервномъ трепетѣ дрожала его рука.... Онъ во все продолженіе третьей фигуры ни разу не взглянулъ на княгиню, ни съ однимъ словомъ не обратился къ ней....

— Васъ, княжна, мнѣ кажется, очень занимаетъ нашъ vis-à-vis, улыбаясь, обратился къ ней Одоленскій.

— Да!... Я уже давно слѣжу за нимъ,—живо отозвалась княжна.

— За кѣмъ?... за Бояриновымъ?

— А онъ — Бояриновъ? легкимъ движеніемъ бровей указывая на Васю, переспросила княжна.

— Да.... кузенъ княгини.

— Тѣмъ болѣе непростительно ей!

— Да въ чемъ же вы ее вините, княжна?

— Какъ въ чемъ?—горячо спросила княжна и опять, какъ въ спорѣ съ Гирѣевскимъ, густымъ, сплошнымъ румянцемъ покрылось ея лице.—Во всемъ, рѣшительно во всемъ!

— Намъ начинать! напомнилъ Одоленскій.

— Вашъ братъ должно быть не будетъ,—княжна? поровнявшись въ четвертой фигурѣ, бѣгло спросила княгиня.

— Онъ сказалъ, что будетъ,—избѣгая ея взгляда, отвѣтила Гордѣева.

«Мститъ за Бояринова», подумалъ и невольно улыбнулся Одоленскій.

Княгиня внимательно оглянула княжну. Она слишкомъ чутко относилась къ окружающему, слишкомъ высоко цѣнила требованія приличія для того, чтобъ не замѣтить, что княжна за что-то была недовольна ею. «Или это просто дерзко?... Или за что?...» съ оттѣнкомъ легкой досады задалась она.

— И такъ... она виновата рѣшительно во всемъ?! возвращаясь, напомнилъ Одоленскій. Его очевидно забавлялъ этотъ наивный, безсильный гнѣвъ княжны на Долину.

— Во-первыхъ, она его увлекла, это очевидно! Во-вторыхъ— мучитъ!... Если бъ вы видѣли, князь, съ какимъ отчаяніемъ слѣдилъ онъ за нею во время вальса!... Бѣдный мальчикъ.... У меня сердце кровью обливалось, когда я смотрѣла на него! Развѣ онъ ей ровня, развѣ онъ можетъ бороться съ нею?!—И княжна горячилась съ каждымъ словомъ все болѣе и болѣе. Нѣтъ, это не честно!... Или оттолкни, или перестань мучить!... Я готова сказать ей это прямо въ глаза, князь!

— Ну вы, положимъ, не скажете, княжна,—тихо возразилъ Одоленскій.

— Почему?

— Хотя бы потому, что вы пріобрѣтете въ ней врага, и врага сильнаго, опаснаго, а пользы никакой.

— Нѣтъ, скажу!... Я всегда говорю то, что думаю.—И самыя уши зардѣлись у княжны: такъ взволновалась она.

Одоленскій тихо любовался ею.

— И при томъ.... она вообще дурная!... Я не знаю, чѣмъ восторгаются ею?

— Это почему?

— А исторія барона Бернсдорфа.... развѣ не возмутительна?! едва слышно прошептала княжна и по ея закругленнымъ нѣжною, юною полнотою плечамъ такъ отчетливо пробѣжалъ нервный трепетъ. Князь вспыхнулъ.

Княжна потупилась.... замолка, смѣшалась....

— Князь, вамъ начинать! напомнилъ ему Щербининъ.

— Чѣмъ это вы такъ заинтересовали князя, княжна, что онъ даже забылъ свою очередь? обратилась къ ней княгиня въ пятой.

— Право не знаю чѣмъ особеннымъ! смущенно отозвалась Гордѣева.

— Такъ ты мнѣ теперь, Вася, врагъ на всю жизнь? окончивъ пятую и улыбаясь на него своею капризною, заигрывающею улыбкою, тихо спросила княгиня.

— Врагомъ никогда не былъ и никогда не буду тебѣ, Наташа.... Но не желалъ бы быть и твоимъ посмѣшищемъ!

— Но какой же ты странный мальчикъ, Вася!

— Мальчикъ! сверкнувъ на нее, перебилъ Вася.—Вотъ именно я тебѣ и докажу теперь, что я не мальчикъ!... Ты до сихъ поръ считала меня мальчикомъ и такъ обращалась со мною!... Но ты ошибалась, Наташа!

— Будто! и княгиня насмѣшливо посмотрѣла ему въ глаза.

— Les cavaliers à droite, les dames á gauche! командовалъ Одоленскій....

У Васи кружилась голова.... Онъ непрерывно мѣшалъ лѣвую съ правою.... Краснѣлъ, извинялся.... Кто-то тихо пожалъ ему руку.... Онъ быстро оглянулся.... Около него мелькнуло легкое, серебристаго газа платье княжны Елены....

Глава XI.

Танцовали вальсъ. Изъ гостинной выползли и рельефно очертились неуклюжія фигуры Марьи Кондратьевны и старухи Мясоѣдовой. Обѣ были довольны, обѣ улыбались, обѣ, повидимому, съ совершенно равнымъ наслажденіемъ утопали въ оживленномъ вихрѣ веселящейся молодежи. Мясоѣдова ни съ того, ни съ сего всхлипнула, умилилась и нашла, что княгиня восхитительна. Марья Кондратьевна, снисходительно улыбнувшись на заявленіе Мясоѣдовой, какъ на самую законную дань ея полунеземной Наташѣ, медленно приподняла носъ вверхъ и, съ торжествующимъ видомъ запустивъ всѣ три пальца въ табатерку, съ истиннымъ наслажденіемъ втянула въ себя «цѣльную» щепотку.

Вася, то слѣдя за княгиней, когда она уносилась отъ него, то дѣлая видъ, что не замѣчаетъ ее, когда она мелькала мимо, горячо говорилъ съ Мясоѣдовымъ....

Вѣра Павловна, время отъ времени взглядывая на Васю, тихо разговаривала съ Коваленко.... Княжна Софья бѣсилась, что Елена танцуетъ безъ устали, тогда какъ ее приглашаютъ только изъ милости. Мясоѣдова Елена готова была съѣсть бѣдную Марфиньку за очевидное къ ней предпочтеніе, и все это объясняла неудавшимися букль-амурами.... Черезчуръ полная княжна Щербинина, бѣдняжка, съ трудомъ переводила духъ: такъ затаскали ее, благодаря ста тысячамъ приданнаго.

Наталья Игнатьевна, вопреки именному указу, старательно облизываясь у дверей кабинета, что-то торопливо объясняла красному по самыя уши Неволину.... Словомъ, всѣ дышали полною грудью, всѣ были оживлены, всѣ волновались.... Волновалась и княжна Елена, но совершенно особымъ, совсѣмъ независимымъ и отъ вальса, и отъ своего успѣха, настроеніемъ. Княжна была нервна, малокровна, впечатлительна... Она легко раздражалась, на столько же легко, на сколько быстро подпадала вліянію чувства пріязни. Непримѣтно для нея самой вкрадывалось впечатлѣніе и, разростаясь съ быстротою электричества, охватывало ее всю.... Княжна въ него не вдумывалась, его не разлагала, съ нимъ не боролась.... Она слѣпо подчинялась ему, какъ безотчетно отдалась и теперь чувству состраданія, чувству живаго участія къ Бояринову.... Она его не знала, никогда не видѣла прежде, только слыхала о немъ; но ей уже казалось, что она давно его знаетъ, давно сочувствуетъ ему, и чѣмъ чаще падалъ на него ея взглядъ, тѣмъ отчетливѣе, полнѣе, нагляднѣе оживлялся онъ. И съ каждою новою минутою все лихорадочнѣе, все порывистѣе разгоралось въ ней желаніе подойти къ нему, ободрить его улыбкой, взглядомъ, словомъ, такъ много, много сказать ему.... Переходя съ руки на руку въ вихрѣ безумнаго вальса, непрерывно мелькала она то въ томъ, то въ другомъ концѣ зала.... Ей такъ много говорили, такъ часто улыбались.... Но о чемъ, чему?... Кто только-что оставилъ ея талію, съ кѣмъ пошла опять — не отдавала и не могла отдать себѣ отчета. Замирало сердце, кружилась голова, туманомъ былъ подернутъ залъ....

— Мегсі bien! съ трудомъ переводя духъ, поблагодарила она князя Одоленскаго. Быстро снявъ руку съ его плеча, отшатнулась, заколебалась....

— У васъ кружится голова, княжна?

— Да.... да.... немножко.

— Не хотите ли воды?

— О, нѣтъ, нѣтъ!

Она терпѣть не могла обращать на себя чѣмъ бы то ни было общее вниманіе.

Одоленскій поклонился, отошелъ и тутъ же пригласилъ княжну Софью.... Княжна взглянула на Бояринова и въ тотъ же мигъ, выпрямившись точно отъ укола, нервно отвернулась отъ него. Опять одинъ, и блѣденъ, и унылъ!... Все съ тѣмъ же

напряженнымъ вниманіемъ, зорко, лихорадочно слѣдилъ онъ за мелькавшею въ противоположномъ концѣ зала съ Гирѣевскимъ княгинею. Глупый!... право глупый! Какъ онъ волнуется?! Какъ страдаетъ?! И чего это черная дама?! Какая она странная!... Неужели ей интереснѣе съ этимъ старымъ, отставнымъ генераломъ?! Неужели не замѣчаетъ, что онъ, если оставить его такъ, не поддержать, погибнетъ, какъ погибъ несчастный баронъ?!.. И все чаще, все порывистѣе колебались на груди, точно изъ серебристаго дыма сотканныя газоваго платья легкія складки....

— Un tour de valse, s'il vous plait, princesse? пригласилъ кто-то.... Княжна оглянулась.... Это былъ Щербининъ.... Она хотѣла отказаться, но уже поздно: рука князя обвивала ея талію. Она даже сама не могла дать себѣ отчета, какимъ образомъ ея рука оказалась на его плечѣ.

— Vous êtes sublime, princesse!... едва слышно проговорилъ Щербининъ. Княжна не разслыхала, но она почувствовала, смутилась, покраснѣла.... Щербининъ вздохнулъ и, не отрывая глазъ отъ ея лица, тихо пожалъ ей руку.

— Чего онъ?... Какъ это пошло! подумала она, уже кружась въ безумномъ вихрѣ вальса....—А онъ все тамъ, все одинъ!... Бѣдный!... Развѣ подойти, пригласить?... Ахъ нѣтъ, нѣтъ, какъ можно!... Но вѣдь онъ мальчикъ!... А что скажетъ Софья? Да что же мнѣ за дѣло до Софьи!... Вотъ, вотъ.... Вотъ опять мелькнуло его блѣдное, выразительное лице; чего-то какъ будто содрогнулся, выпрямился, точно выросъ.... Княжна хотѣла остановиться, поблагодарить, и опять опоздала, и снова, кружась съ Щербининымъ, все дальше и дальше уносилась отъ него.... Что-то попало ей подъ ноги, пошатнулась.... «Мегсі», точно сквозь сонъ разслышала она чей-то голосъ.... Осмотрѣлась.... Теперь опять стояла въ двухъ-трехъ шагахъ отъ него. «Подойти или нѣтъ?» и такъ часто, такъ тревожно билось сердце.... Княжна вздохнула и, легкимъ движеніемъ головы откинувъ за плечи разметавшіеся локоны, быстро подошла къ Васѣ... Вася отстронился. Онъ подумалъ, что мѣшаетъ княжнѣ пройти въ кабинетъ...

— Хо...тите туръ вальса? то собирая, то распуская вѣеръ, какъ бы сосредоточивъ на немъ все свое вниманіе, едва слышно предложила княжна.

— Какъ-съ? смущенно спросилъ онъ.

— Хотите танцовать со мною вальсъ?... уже смѣлѣе, отчетливѣе повторила княжна, быстро взглянувъ на него. Щеки ея покрылись сплошнымъ румянцемъ.

— Извините, краснѣя по самыя уши, отказался онъ.—Я не танцую вальса.

— Ну, такъ слѣдующую кадриль? улыбаясь, настаивала княжна.

— Слѣдующую кадриль? вслухъ сообразилъ Вася.—Съ удовольствіемъ.

Разрѣжаясь, медленно стихая, замерли звуки вальса....

— Княжна!

Княжна быстро оглянулась. Это была черная дама.... Она привѣтливо посмотрѣла на нее своими глубокими свѣтло-сѣрыми глазами и крѣпко пожала руку.

«Ну какая же она милая!» понялъ Вѣру Павловну Вася....

Глава XJJ.

Балъ оживлялся съ минуты на минуту. У всѣхъ болѣе или менѣе кружились головы. Всѣ, или почти всѣ, были заинтересованы,—всѣ чего-то ждали, на что-то надѣялись, за что-то боролись. Въ залѣ, точно рой жужжащихъ мухъ, носился общій и веселый, и сдержанный говоръ. Непрерывно мелькали улыбки, изрѣдка подымался смѣхъ или чей-нибудь голосъ вдругъ вырывался, на одинъ мигъ покрывалъ собою всѣ остальные голоса и тутъ же опять стихалъ, какъ бы смущенный своею смѣлостью.

Пріѣхало еще трое офицеровъ-улановъ и княгиня Дивена съ двумя дочерями, рѣзкими брюнетками. Княжны, очевидно, изображали изъ себя что-то не совсѣмъ обыкновенное. Онѣ выступали плавно, медленно, какъ будто имъ было въ высшей степени тяжело носить самихъ себя. Онѣ были знакомы только съ княжнами Щербиниными, только съ ними говорили, и при томъ такъ тихо, точно сообщали имъ о какомъ-нибудь только-что открытомъ и имъ подъ большимъ секретомъ переданномъ государственномъ переворотѣ. Стараясь дѣлать видъ, что не замѣчаютъ никого и ничего, онѣ при ближайшемъ столкновеніи съ кѣмъ-нибудь тонко щурились. Словомъ, княжны Дивены были, очевидно, черезъчуръ высокаго мнѣнія о себѣ и своемъ превосходствѣ надъ всѣми остальными, простыми и даже непростыми смертными. Княжна

Софья Гордѣева, видимо раздраженная, съ яркою краскою въ лицѣ, чутко вслушиваясь, слѣдила за малѣйшею перемѣною въ выраженіи лицъ княженъ Дивеныхъ. Ей не рѣдко приходилось встрѣчаться съ ними, но онѣ еще ни разу не снизошли до нея своимъ вниманіемъ. Это и бѣсило ее, и еще болѣе раздражало въ ней желаніе познакомиться съ ними и тѣмъ самымъ доказать этимъ всѣмъ остальнымъ, что она, княжна Гордѣева-Узлова, нисколько не ниже въ сущности противныхъ ей княженъ Дивеныхъ. И вотъ, едва только подходили княжны, княжна Софья принимала улыбающійся видъ, но.... увы, княжны опять не замѣчали ее. Что до княжны Елены, она забыла о ихъ существованіи. Ее такъ интересовала эта наступавшая съ блѣднымъ мальчикомъ кадриль, и такъ безотчетно пріятно было говорить о немъ съ Вѣрою Павловною.

— Мнѣ онъ ужасно понравился!... Такой смѣшной!

— Кто, княжна?

— Вашъ генералъ.

Вѣра Павловна весело разсмѣялась.

— Почему же онъ мой, княжна?

Княжна поняла свой промахъ, смѣшалась, покраснѣла.

— Да такъ!... Вы все говорите съ нимъ.... Вотъ я и подумала, что онъ вашъ,—чуть слышно объяснила она.

— А я на него сердилась сначала,—сближая брови въ выраженіе своего гнѣва, нѣсколько громче высказалась она.

— За что?

— Мнѣ казалось, что это онъ виноватъ, что вы забыли Бояринова.

— Я вовсе его не забыла, а только оставила его въ покоѣ. Я его давно знаю. Съ нимъ нужно говорить послѣ, а въ такія минуты это его только раздражило бы еще сильнѣе.

— Ну вотъ видите, а я винила и его, и васъ. Княжна задумалась. Раздался первый сигналъ кадрили.

— Что же, Вѣра Павловна, будете танцовать съ нами?

— Я бы, пожалуй... Да не съ кѣмъ!... Никого не знаю.

— Какъ не съ кѣмъ?—А съ генераломъ?

— Я его приглашала,—не хочетъ.... упирается! и Вѣра Павловна улыбнулась.

— Вотъ вздоръ какой!... Долженъ.

— Да вы попросите его, княжна.

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ!... Что вы, Вѣра Павловна.... Вы сами.

— Что матушка? отозвался Коваленко.

— Княжна имѣетъ до васъ какую-то большую просьбу.

— Просьбу?... Какую просьбу?! и генералъ сощурился прямо на княжну.

— Я хочу, чтобы вы танцовали эту кадриль съ Вѣрою Павловною, генералъ!

— И, что вы это, княжна? дѣлая особое удареніе на буквѣ *я*, засуетился Коваленко.—Уже прошелъ добрый десятокъ лѣтъ, какъ я сказалъ мое послѣднее прости этому сердцещипательному дѣлу!... А теперь на старости-то лѣтъ, да вдругъ и опять!... Нѣтъ, княжна, простите!... По разуму не могу!... И не могу, и не хочу!

— Я хочу! коротко объяснила княжна, и такъ мило сошлись ея брови, такъ капризно-настойчиво заигралъ ея маленькій, слегка вздернутый носъ своими розовато-прозрачными ноздрями, что Вѣра Павловна невольно улыбнулась на нее.

— Ну, Петръ Игнатьевичъ, это ужъ слишкомъ эгоистично!... Княжна такъ желаетъ и я.... А вѣдь я такъ рѣдко прошу васъ,— какимъ-то особеннымъ голосомъ сказала она.

Петръ Игнатьевичъ молча, усиленно замигалъ. Онъ видимо терялся.

— Генералъ! опять и еще оживленнѣе напала княжна.

— Что, княжна?

— Говорите откровенно, что вы любите—доброе или злое?

— Конечно доброе, только въ мѣру.

— Ну, вотъ видите, а я добрая теперь, и въ мѣру, а если вы откажетесь, то я буду злая! и княжна сдѣлала такую гримасу, что Вѣра Павловна и даже Коваленко дружно разсмѣялись.

— Ну и что же? медленно спросила княжна, и опять ея лице приняло столь своеобразное, капризно-настойчивое выраженіе.

— Да ну же, Петръ Игнатьевичъ! подтолкнула Вѣра Павловна.

— Ну такъ берите на свою душу грѣхъ, княжна! сдался Коваленко.

— Вотъ merci!... За это, что бъ вы у меня ни попросили, генералъ, всегда исполню.

Въ залъ вошелъ молодой уланъ-поручикъ, блондинъ, средняго роста, крѣпко сложенный, съ мягкимъ взглядомъ большихъ темно-голубыхъ глазъ и маленькими только-что пробивающимися усами....

— Миша! радостно вскрикнула княжна.

Княжна Софья строго посмотрѣла на нее.

Обѣ княжны Дивены и княжна Щербинина иронически улыбнулись въ ея сторону. Самыя уши зардѣлись у княжны Елены: такъ неловко, такъ совѣстно было ей теперь.

— Я совсѣмъ забыла, что я не дома,—точно ища защиты у Вѣры Павловны, чуть слышно оправдывалась она.

— Вотъ я за то-то и не люблю эту приличную выставку, горячо вступался Коваленко,—что тутъ нельзя ни чихнуть, ни кашлянуть!... Все мѣрно, все чопорно, все расчитано!... Двигаются точно куклы на пружинахъ.... Никогда не подчинялся и никогда не подчинюсь! О!

Княжна разсѣянно улыбнулась. Ей такъ хотѣлось подойти къ брату, узнать отчего онъ такъ опоздалъ, высказать свое мнѣніе о княжнѣ Щербининой, на которую ему давно уже указывала сестра Софья, какъ на весьма выгодную невѣсту, но она не смѣла и думать объ этомъ. Княжна Софья еще упорнѣе держала ее подъ огнемъ своихъ острыхъ, живыхъ глазъ.... Князь быстро подошелъ къ княгинѣ. Княгиня холодно протянула ему руку. Онъ, очевидно, извинился передъ нею.

— Этотъ молодой офицеръ, вѣроятно, вашъ братъ, княжна? тихо спросила Вѣра Павловна.

— Да, Миша.

— Какой онъ ловкій, красивый!

Княжна вспыхнула. Ничѣмъ нельзя было ей доставить такого удовольствія, какъ похвалить ея брата, Михаила. «Онъ такой славный!... Онъ не можетъ не нравиться!» разъ навсегда рѣшила она, и кто позволялъ себѣ условно отнестить объ немъ, тотъ былъ ея непримиримымъ врагомъ, какъ бы не заискивалъ въ ней самой. Княжна сама не могла отдать себѣ отчета, за что такъ любила брата.... Но она любила—и довольно, и всѣ должны были любить и никто не долженъ былъ смѣть говорить объ немъ дурно.—«Какъ это глупо!... Краснѣетъ, блѣднѣетъ!... Стоитъ извиниться передъ такою мраморною красавицею.... Черезъ минуту по слову!... Точно изъ милости!... Терпѣть не могу такихъ привлякъ!» и княжна дѣйствительно терпѣть не могла въ эту минуту княгиню. Она оскорбилась за брата.

— Что съ вами, княжна?

— Мнѣ досадно за брата, Вѣра Павловна.

— Чего?

— Онъ такъ извиняется передъ княгинею.... Точно, въ самомъ дѣлѣ, виноватъ! Опоздалъ, такъ опоздалъ!... Стоитъ чего извиняться.

Раздался второй сигналъ. Князь Одоленскій поставилъ стулья. Все оживилось, задвигалось. Княгиня быстро подошла съ княземъ Гордѣевымъ къ одной изъ княженъ Дивеныхъ. Княжна еще зорче слѣдила за ними. Дивена старшая сощурилась и, не протягивая руки, чуть-чуть наклонила голову. «И неужели онъ будетъ танцовать съ нею?» окончательно вышла изъ себя княжна Елена. Она какъ будто бы забыла и о блѣдномъ мальчикѣ, и о кадрили съ нимъ. Но князь уже ставилъ стулья.

— Что же, княжна? Гдѣ мы станемъ?

— Гдѣ хотите, Вѣра Павловна, мнѣ все равно!

— Станемте, матушка, въ ширину, по крайней мѣрѣ меньше придется дрыгаться.

— Да гдѣ же Вася?

— Я здѣсь, Вѣра Павловна.

— Ахъ, я васъ и не видѣла.

— Я все время здѣсь!

— Такъ что же вы не предложите руку княжнѣ?

— Онъ ждетъ, чтобъ я ему предложила. Вѣдь я сама пригласила его,—и губы княжны усмѣхнулись.

— Миша! окликнула она брата.

— Здравствуй, Лёля!... Ну что, весело?

— Съ кѣмъ ты танцуешь?

— Съ княжною Дивеной!

— Вотъ охота!... Устроилъ дѣло?

— Устроилъ и очень хорошо, такъ хорошо, что не ожидалъ даже!... Ты рада?

— Еще бы!

Князь быстро отошелъ.

— Пойдемте же, княжна!... Всѣ уже стали! напомнилъ Вася. Пронесся легкій шорохъ и все разомъ стихло. Въ залъ вошелъ высокій, стройный, слегка сутуловатый въ плечахъ, генералъ-адъютантъ въ свободномъ сюртукѣ при эполетахъ и съ двумя звѣздами.

Княгиня вспыхнула, быстро пошла къ нему на встрѣчу. Мужчины почтительно склонили головы. Княжны Дивены и Щербинина сдѣлали глубокіе реверансы. Генералъ улыбнулся, при-

вѣтливо поклонился направо и налѣво, пожалъ руку княгини и, что-то тихо говоря съ нею, прошелъ въ гостинную....

Въ кабинетѣ громко застукали костыли Долина. Онъ торопливо прошелъ черезъ залъ.

Кадриль, наконецъ, началась.... Вася отчетливо сознавалъ, что онъ на балѣ, что съ минуты на минуту долженъ начать фигуру съ княжною, что онъ долженъ занимать ее, быть или, по крайней мѣрѣ, казаться и внимательнымъ, и веселымъ, но какой-то гнетъ залегъ ему на сердцѣ, точно сковалъ языкъ, смѣшалъ, перепуталъ мысли....

«И что бы онъ могъ ей сказать, и зачѣмъ она его пригласила, и что общаго у него съ нею?» Онъ вздохнулъ.... Княжна робко взглянула на него.... Та же мертвенная блѣдность, то же тоскливое выраженіе и въ сдвинутыхъ бровяхъ, и въ тонкихъ изгибистыхъ складкахъ лба.... Ею овладѣло непонятное чувство.... ни то страха, ни то смущенія.... Она какъ будто въ чемъ-то была виновата передъ этимъ страннымъ, такъ сильно страдающимъ мальчикомъ....

— Вы любите балы? смотря въ вѣеръ, едва слышно спросила она.

— Нѣтъ!

— А оперу, театръ?

— Тоже нѣтъ! какъ-то совсѣмъ беззвучно отвѣтилъ онъ и принужденно улыбнулся.

— Намъ начинать.

— Ахъ, да!

— Вася!... да будьте поживѣе!... Княжна такая милая.... Что это, васъ точно къ смерти приговорили сегодня? переходя къ нему, упрекнула Вѣра Павловна.

— Ну такъ что же вы любите?

— Ничего.

— Такъ таки ровно ничего?

— Ровно ничего.

— Да вѣдь у васъ же есть мать, отецъ?

— Есть.

— И ихъ не любите?

— Нѣтъ, люблю!... Но, знаете, такъ, глухо.... Какъ будто люблю и не люблю!

— Этого не можетъ быть. Это неправда!... Вы любите и отца и мать.... Вы не можете ихъ не любить! горячо возразила княжна.

— Почему?

— Да потому, что у васъ есть сердце и.... хорошее!!

— А, можетъ, вы ошибаетесь, княжна? и онъ невольно улыбнулся.

— Никогда!... Я слѣдила за вами.... Вы такъ страдали!... Мнѣ даже стало жаль васъ!

Онъ быстро опустилъ голову. Сплошнымъ, живымъ румянцемъ покрылось его блѣдное лицо.

«И зачѣмъ я ему напомнила?!» раскаялась княжна,—и такою живою, щемящею болью стиснулось въ ней сердце.... Она не имѣла силы теперь даже взглянуть на него.

— Э-э, княжна!... Да что жъ вы это?... Вѣдь мы танцуемъ! и, вытянувшись на правомъ носкѣ, всею фигурою склонившись впередъ, точно готовая броситься въ воду грація, подступилъ къ ней Коваленко.

— Ахъ, виновата, генералъ! совсѣмъ смутилась княжна.

— Такъ вы потому и подошли ко мнѣ, княжна? окончивъ вторую фигуру, спросилъ Вася. Онъ видимо оживлялся.

— То есть почему—потому? ни то уклонилась, ни то дѣйствительно не поняла княжна.

— Да потому, что вамъ стало меня жаль! «Какой бѣдный мальчикъ», подумали вы и подошли.

У княжны зардѣлись самыя уши. Она такъ не терпѣла лжи и въ то же время ей такъ тяжко было теперь сознаться ему въ глаза, что дѣйствительно одно только состраданіе руководило ею.

— Вотъ видите!... Вы молчите!... А молчаніе всегда знакъ согласія.... Ну, сознайтесь же, княжна, подумали?

— Подумала,—не спуская глазъ съ вѣера, созналась княжна.

Вася вспыхнулъ опять.

— Вамъ начинать третью, напомнилъ онъ.

— Вольтъ на лѣ-во! весь сощурившись на княжну и медленно протягивая ей лѣвую руку, тихо, но строго скомандовалъ Коваленко.

Княжна смѣшалась, запнулась, протянула правую.

— Эхе!... Да вы, я вижу, совсѣмъ не отъ сихъ дѣлъ, княжна! рѣшилъ Коваленко и, оставивъ безъ вниманія протянутую правую, самъ распорядился ея лѣвою рукою.

«Такъ и она считаетъ меня мальчикомъ!... А сама-то что же больше послѣ этого, какъ не наивнѣйшая изъ дѣвочекъ», сообразилъ Бояриновъ. Княжна совершенно безсознательно затронула въ немъ самую больную струнку. Теперь онъ самъ спѣшилъ окончить несносную фигуру.

— И такъ, по вашему я тоже мальчикъ, княжна?

— А то развѣ большой? даже удивилась княжна и такъ широко посмотрѣла на Васю своими спокойными, точно бархатными, темно-голубыми глазами. Вася нервно разсмѣялся.

— Да когда же мальчикъ перестаетъ быть мальчикомъ, княжна?

— Когда онъ становится большимъ,—бойко отвѣтила княжна и даже пожала плечами, такъ страннымъ показался ей его вопросъ.

— А когда онъ становится большимъ? тономъ авторитета, съ яркою краскою въ лицѣ, спросилъ Вася.

— Когда? повторила княжна и смѣшалась. «А въ самомъ дѣлѣ,—когда онъ становится большимъ?» невольно задумалась она.

— Вотъ видите, княжна!... Вотъ вы сами не знаете, когда мальчикъ становится большимъ, такъ почему же знаете, что я мальчикъ?

— Чего вы такъ горячитесь, Вася? подходя въ четвертой, быстро спросила Вѣра Павловна.

— Разсердился на меня, что я назвала его мальчикомъ! тихо, сдвинувъ брови, точно пожаловалась княжна.

— А то что же онъ? вмѣшался Коваленко.... Вася не разслышалъ.

— Вотъ видите! улыбаясь, обратилась къ нему княжна.

— Что вижу?

— И генералъ говоритъ, что вы мальчикъ.... Правда, генералъ?

— Признаю взрослымъ, когда дѣйствія его будутъ дѣйствіями взрослаго.

— Аха! окончивъ четвертую, словила княжна.

— Нѣтъ, княжна, я не мальчикъ.... Давно уже не мальчикъ.... Мнѣ 17, а я въ 14 уже пересталъ быть имъ, какимъ-то глухимъ, подавленнымъ голосомъ, какъ бы врѣзая каждое слово съ особою силою въ княжну, тихо и внятно проговорилъ онъ.

Княжна содрогнулась, взглянула на него. Онъ опять былъ блѣденъ.... чего-то вздохнулъ и какъ-бы пронизанный острою, нестерпимою болью, быстро поднялъ на нее лихорадочный до блеска взглядъ.

— Я слишкомъ много перестрадалъ, княжна, въ мое младенчество, въ мою юность!... Страданія раньше времени сдѣлали меня взрослымъ, а она.... она не поняла этого!... Она играетъ со мною, какъ съ мальчикомъ, а губитъ меня, какъ взрослаго! порвался, точно замеръ въ княжнѣ его голосъ. Нервный трепетъ пронизалъ ее всю, страннымъ холодомъ обдалъ ей плечи.

— Что съ нимъ опять? оставляя руку Коваленко, обратилась къ княжнѣ Вѣра Павловна.

Княжна не отвѣтила.... Она только тихо вздохнула и Вася теперь отчетливо почувствовалъ, какъ въ его рукѣ сжалась, содрогнулась ея маленькая, сквозь перчатку, холодная ручка. Онъ инстинктивно сжалъ ее, эту хорошую, за него дрогнувшую руку.... Пятая фигура кончилась.

— И что же вы намѣрены дѣлать? примѣтно дрогнувшимъ голосомъ обратилась къ Васѣ княжна. Если вы видите, если вы увѣрены, что она только играетъ съ вами.... то она не стоитъ васъ!!.. Отойдите отъ нея, забудьте о ней!...

— Забудьте?! нервно усмѣхнувшись, перебилъ Вася. А если не могу!...

— Вздоръ! горячо перебила княжна.

— И пусть! поникнувъ, совсѣмъ тихо проговорилъ онъ.

— Что?... И пусть?...

— И пусть погибну.... Какъ погибъ баронъ Бернсдорфъ.... Но, погибну, какъ взрослый, а не какъ мальчикъ!

Вся кровь бросилась въ голову княжны.

— Нѣтъ!... Этого никогда не будетъ.... Вы не погибнете!... Слышите!... Не погибнете.... Васъ никто не допуститъ до этого.... Ни мать, ни отецъ, ни Вѣра Павловна, ни.... княжна запнулась. Самыя плечи зардѣлись теперь у нея.

— Grand rond, возвышеннымъ голосомъ провозгласилъ Одоленскій.

Глава XIII.

Для людей, легко подпадающихъ вліянію минуты, балъ—это міръ неожиданностей, это—широчайшая сфера самой живой игры страстей, ихъ антагонизма, ихъ борьбы, тайной и явной, глухихъ интригъ, намѣренныхъ уколовъ и скрытыхъ насмѣшекъ. Если бъ князь Александръ Петровичъ не игралъ теперь въ карты, а былъ бы въ залѣ, онъ неизбѣжно ужаснулся бы, глядя на княгиню-жену, его бы оставила тихая увѣренность въ нее, въ ея любовь, въ ея устойчивость, увѣренность, на которой такъ твердо, такъ непоколебимо покоилось его личное счастье....

Балъ былъ дѣйствительно ея ареной. Она дышала полною грудью, она вся была въ немъ. Она разжигала страсти и, приводя ихъ въ столкновеніе, вся трепетъ, вся лихорадка, нервно, безумно играла ими. И всѣ это чувствовали, всѣ были въ высшей степени возбуждены. Большинство мужчинъ безотчетно восторгалось ею, большинство женщинъ ненавидѣло ее.... Княгиня это чувствовала, княгиня наслаждалась, и съ каждою новою фигурою, съ каждымъ новымъ туромъ вальса, съ каждою новою, такъ пріятно кружившею ей голову, и сдержанною, и изысканною лестью, все лихорадочнѣе и лихорадочнѣе горѣли ея большіе темные глаза. Князья Одоленскій, Щербининъ, Гордѣевъ-Узловъ, и ловкій, и красивый корнетъ-кавалергардъ Спиридоновъ, въ званіи камеръ-юнкера кандидатъ правъ Павловъ, почти не спускали съ нея глазъ, точно тѣни, то группами, то въ разсыпную преслѣдовали ее.... А вѣдь это все болѣе или менѣе завидныя партіи, это та блестящая молодежь, о которой еще за-долго до бала мечтали и Елена Мясоѣдова, и Софья Гордѣева, и княжны Щербинины.... Младшая изъ нихъ въ особенности интересовалась Гордѣевымъ. Она бы даже не поѣхала на балъ, если бъ навѣрное не знала, что онъ будетъ.... Княжна Дивена старшая интересовалась Одоленскимъ. И многія другія барышни, хотя съ меньшимъ правомъ, имѣли свои виды на этихъ блестящихъ молодыхъ людей.... И все это пало!... пало, благодаря какому-то, необъяснимому, точно магическому вліянію надъ ними княгини-хозяйки.... Глухая, глубоко-затаенная ненависть кипѣла теперь въ залѣ.... Княгиню это радовало, и смѣшило, и раздражало.... Даже княжны Дивены утратили маски своей холодной сдержанности.... Обѣ взволновались, раскрас-

нѣлись; обѣ и зорко, и лихорадочно слѣдили за княгинею.... Но, напрасно!... Не смотря на всю свою бдительность, старшая изъ нихъ, Елизавета, никакъ не могла понять интересуется ли княгиня Одоленскимъ, или же кѣмъ другимъ изъ окружавшей ея молодежи? Княгиня была неуловима!... И это еще болѣе мучило княжну Елизавету. Вѣдь князь Одоленскій ухаживалъ за нею, не спускалъ съ нея глазъ, онъ имѣлъ свои шансы? Вѣдь не можетъ же быть, чтобы князь Одоленскій, человѣкъ серьезный, человѣкъ такъ солидно поставленный, подобно мальчишкѣ, подобно этому блѣдному, очевидно по ней страдающему юношѣ, совершенно безотчетно отдался своему увлеченію ею?... И безпокойство княжны осложнялось,—и еще чаще, и еще порывистѣе взглядывала она теперь то на княгиню, то на Одоленскаго.... Дивена младшая, княжна Наталья, не менѣе сестры бѣсилась за Павлова.... Всю предшествующую ночь такъ ласково смотрѣлъ онъ на нее своими черными, выразительными глазами, такъ много подалъ надежды, такъ улыбалось ей и его громадное состояніе, о которомъ ходили цѣлыя легенды, и камеръ-юнкерскій мундиръ.... Но больше всѣхъ хлопотала Елена Александровна Мясоѣдова.... Она обкусала себѣ губы съ досады отъ невозможности разгадать, кѣмъ въ сущности интересовалась княгиня.... А вѣдь это было такъ необходимо, такъ неотложно! О!... Она бы тогда нашла къ ней доступъ!! Она бы держала ее въ рукахъ.... Она бы съумѣла мѣткимъ словомъ нарушить покой князя-мужа и ни однимъ десяткомъ, ѣдкихъ, какъ бы случайныхъ, остротъ и шутокъ, брошенныхъ то тамъ, то сямъ, заставить и краснѣть, и блѣднѣть эту мнимую королеву красоты и власти, эту выскочку.

— Я очень рада, по старой дружбѣ, ввести васъ въ свѣтъ! вспомнилось ей приглашеніе княгини на балъ. Какова фамильярность!... Сколько покровительства!... по старой дружбѣ!... А! Изъ милости при кухнѣ. «Ввести»! Точно я слонъ персидскій, котораго еще на дняхъ напоказъ водили подъ Новинскимъ! Елена Александровна краснѣла, и еще лихорадочнѣе, еще зорче, точно мышь подъ лапой у кошки, то ища, то преслѣдуя княгиню, метались ея маленькіе, черные глазки.... Но, увы!... Княгиня была со всѣми ровна, ко всѣмъ одинаково внимательна, кромѣ.... кромѣ князя Михаила Гордѣева-Узлова. Особенная холодность отличала ея обращеніе къ нему.... Всѣ это замѣтили; всѣмъ бросилось въ глаза, и въ особенности страннымъ казалось потому, что еще за нѣсколько дней, на балу Дворянскаго клуба,

княгиня такъ исключительно была внимательна къ Гордѣеву. А теперь.... она приняла его такъ сухо, такъ рѣзко, не смотря на все его заискиванье, какъ бы изъ снисхожденія лишь обращала къ нему свою сдержанную, холодную улыбку. Съ каждою минутою все глубже и глубже возмущалась княжна Софья. Она видѣла въ этомъ, какъ бы прямое презрѣніе къ самому роду Гордѣевыхъ-Узловыхъ; она стыдилась смотрѣть въ глаза окружающему, кипѣла противъ брата за это постыдное самоуниженіе передъ княгинею, и при малѣйшемъ поводѣ готова была наговорить кучу дерзостей ей самой.... Но князь не замѣчалъ ни ея молніеносныхъ взглядовъ, ни намековъ движеніями!... Онъ весь былъ въ княгинѣ!... Нельзя быть дальше, какъ была княжна Елена отъ мысли, что княгиня Долина, по высотѣ своего положенія, своимъ небрежнымъ полувниманіемъ къ брату, могла унизить его въ общественномъ мнѣніи.... Она даже забыла, что Долина, и княгиня, и губернаторша, она лишь чувствовала въ ней холодную, бездушную эгоистку, ненавидѣла ее за Бояринова, за барона Бернсдорфа и, инстинктивно избѣгая ея даже случайнаго взгляда, ея мелькающей, то гордой, то полной игры улыбки, безотчетно страшилась за брата.—Онъ почти не отходилъ отъ княгини, онъ видимо все болѣе и болѣе увлекался ею.... Онъ танцовалъ съ нею третью кадриль и теперь лихорадочно ожидалъ тура вальса,—и княжнѣ Еленѣ уже казалось, что онъ погибнетъ отъ нея также, какъ погибъ баронъ, какъ погибалъ, изпывая въ нѣмомъ страданьи, несчастный Бояриновъ....

— И пусть погибну, какъ погибъ баронъ Бернсдорфъ!... Но, погибну какъ взрослый, а не какъ мальчикъ!... глухимъ, подавленнымъ шопотомъ, точно изъ-подъ спуда, все чаще и чаще слышался ей голосъ Васи.... Княжна дрожала.... Дрожала и за брата, и за Бояринова.... Она протягиваетъ имъ руку, она молча молитъ ихъ опереться на нее, спастись.... Но, увы!... Они не замѣчаютъ ея руки; они какъ будто не хотятъ, потому что сами не сознаютъ опасности своего положенія и.... гибнутъ, гибнутъ разомъ при ней, на ея же глазахъ.... Опять лились стройные звуки нѣжнаго вальса, опять кружились въ залѣ всѣ, рѣшительно всѣ и все.... И люстра, и лампы, и стулья, и свѣчи въ канделябрахъ.... И она сама.... Чего ради?... Зачѣмъ пріѣхалъ Миша?... Гдѣ Бояриновъ?... Ахъ, Боже мой, Боже, когда жъ кончится эта пытка, когда, наконецъ, перестанутъ ее кружить.... Такъ душитъ что-то въ горлѣ, такъ

тяжело, тяжело на сердцѣ. — Стали.... Кто-то поблагодарилъ, кто-то отошелъ.... Кто?... Гирѣевскій!... Нѣтъ, кажется, Щербининъ.

— Что съ вами, княжна?... На васъ лица нѣтъ?... Вы падаете! и Вѣра Павловна поддержала ее....

Глава XJУ.

Дурнота княжны была довольно интересною новостью минуты. Она дала богатую пищу толкамъ и предположеніямъ. Она обособила мужчинъ отъ женщинъ, и послѣднихъ въ свою очередь разбила на нѣсколько отдѣльныхъ группъ. Оживленный, веселый говоръ стихъ почти до полушопота. Никто отчетливо не сознавалъ повода обморока княжны и каждый по своему пытался объяснить его. Въ особенности заботилась объ этомъ, какъ и слѣдовало ожидать, Елена Александровна Мясоѣдова. Съ трудомъ сдерживая овладѣвшее ею чувство радости, она въ кружкѣ двухъ, трехъ барышень, сосѣдокъ по имѣнію, громче и авторитетнѣе всѣхъ разрѣшала этотъ вопросъ. Къ ея голосу, непрерывно мелькая мимо, чутко прислушивались и княжны Щербинины, и княжны Дивены, и княжна Одоленская, и другія, не болѣе знакомыя ей особы....

— Le voila!... Драма началась не на шутку! оживленно обратилась она къ m-elle Шилковой, маленькой, полной блондинкѣ, съ мягкими, расплывчатыми чертами лица.... Княжны Щербинины сократили шагъ, прислушались.

— Я бъ желала знать,—бойко продолжала Елена Александровна,—перейдетъ ли она въ комедію, или же разыграется въ трагикомедію à la баронъ Бернсдорфъ? и чуть примѣтная, насмѣшливая улыбка, передернула ея губы.

— Вы замѣтили, какъ княгиня поперхнулась дурнотою княжны? отнеслась она опять къ Шилковой.

— Какъ это поперхнулась? застѣнчиво осматриваясь, видимо потерялась Шилкова.

Къ нимъ подходили и Дивена, и Щербинины.

— Вспыхнула, потеряла голосъ!... Я ее давно знаю.... съ дѣтства!... Но я никогда еще не видывала ее въ такомъ замѣшательствѣ.... Во всемъ этомъ ей, вѣроятно, что либо напомнило барона Бернсдорфа,—и Елена Александровна вздохнула.

— Вы его знавали?

— Нѣтъ!... Никогда не видѣла.

— О!... Онъ былъ уменъ, красивъ, ловокъ, прекрасно образованъ.

— Dites moi, quelle est cette histoire?... J'ai tant entendu, mais rien de certain! оживленно обратилась Дивена старшая къ Щербининой.

— C'est un terrible fait,—движеніемъ бровей, какъ бы указывая на тяготу воспоминанья, вызваннаго въ ней этимъ вопросомъ, отозвалась Щербинина.

— Racontez donc, racontez... заинтересовалась Дивена младшая.

— Il etait très beau, fier, confiant.... La princesse, étant encore jeune fille.... lui a donnè de l'espoir et elle a fini par èpouser le prince, и, вздохнувъ, Щербинина опустила голову.

— Ну и что же онъ? горячо встрѣтила Дивена.

— Застрѣлился, едва слышно проговорила Щербинина.

— Но, она ужасная женщина! почти вскрикнула, точно ужаленная, княжна Дивена младшая.

Княжна Елизавета строго посмотрѣла на нее.

Въ залъ вошла княгиня. Она, повидимому, была совершенно спокойна. Та же матовая, ровная блѣдность, та же легкость и мѣрность движеній, то же веселое настроеніе, готовое перейти въ игривую улыбку. Одоленскій, Гордѣевъ, Щербининъ, Павловъ, Гирѣевскій, Шилковъ и другіе быстро вышли изъ столовой къ ней на встрѣчу. Впереди всѣхъ шелъ Вася....

— Я падѣюсь, господа, что вы и накурились, и отдохнули на столько, что мы можемъ опять взять васъ въ свою власть, улыбаясь, обратилась она къ нимъ.

— Quand ne sommes nous donc pas à vos ordres, princesse? и, улыбнувшись, Одоленскій склонился.

— Наташа, что княжна? спросила Вѣра Павловна.

— Княжна? полуразсѣянно повторила княгиня.

— Ахъ да, князь, живо обратилась она къ Гордѣеву.—Вы должны исполнить два приказанія княжны.... Первое — вызвать на дуэль М-г Гирѣевскаго и князя,—указала она глазами на Щербинина,—за то, что они позволили себѣ до дурноты утомить ее своими безконечными: un tour de valse, princesse. И во-вторыхъ, и даже сію же минуту пройти къ ней въ мой будуаръ.

— О, княгиня! Вы говорите противъ себя!... или, по крайней мѣрѣ, противъ вашего мужа. Ему, при вашемъ законѣ, пришлось бы выдержать, по крайней мѣрѣ, двѣнадцать дуэлей за одинъ сегодняшній вечеръ, нашелся Щербининъ.

— Идите же, князь! серьезно напомнила княгиня Гордѣеву. Вотъ видите, прямо въ эту черную дверь.

Князь молча поклонился и быстро вышелъ изъ зала.

— Скажите вашей сестрѣ, что я очень, очень жалѣю, что ей дурно,—нагоняя, торопливо передалъ ему Вася.

Князь исчезъ за дверью.—Въ залѣ, какъ-то особенно оживленно, и бойко, и весело разнеслись вызывающіе звуки сигнала мазурки.

— И что вы такъ призадумались, безхарактерный вы юноша? обратился къ Васѣ Коваленко, покачивая на него головою.

— Призадумался, Петръ Игнатьевичъ.

— Да чего? усиленно мигая, настаивалъ онъ.

— Все это какъ-то ужасно странно, Петръ Игнатьевичъ!

— Да что странно-то?

— Да вотъ напримѣръ!... Княжнѣ было такъ дурно.... Всѣ это видѣли.... И какъ будто никому и дѣла до нея нѣтъ!... Какъ будто ее и не было между нами. Смѣются, острятъ, веселятся.... Странно, ужасно странно.

— Такъ что жъ имъ, по вашему, плакать?

— Плакать не плакать.... А все жаль! И я никогда не пойму ихъ.

— Да, потому что вы еще не понимаете и самой жизни, даже и первой ея буквы, что каждый для себя, и только Богъ одинъ для всѣхъ.... Такъ по разуму, такъ въ порядкѣ вещей, такъ есть и никогда не можетъ быть иначе!

Вася вздохнулъ. Онъ и самъ въ эту минуту не могъ дать себѣ отчета, почему такъ тяжело стало у него на сердцѣ, какъ будто Коваленко однимъ мигомъ отнялъ у него что-то, что ему дороже всего было на свѣтѣ.

— Dis-moi en grâce, quand finiras-tu de grimacier envers la princesse?! раздраженно встрѣтила князя Михаила у самой двери будуара княжна Софья.

— Ахъ, Миша! обрадовалась княжна Елена и, опершись локтемъ объ отлогую спинку козетки, полуприподнялась, всею грудью повернулась въ его сторону.

— C'est insuportable.... Et quel droit as-tu de nous blesser ainsi par ta conduite?! съ яркою краскою въ лицѣ, съ сосредоточеннымъ надъ нимъ блескомъ въ глазахъ, наступала на него все болѣе и болѣе горячившаяся княжна Софья. Князь видимо терялся....

— Какъ?!.. Она не обращаетъ на тебя ни малѣйшаго вниманія, она брюскируетъ, она показываетъ всѣмъ, что ты надоѣлъ ей твоею навязчивостью, а ты все подлѣ, все ни на шагъ отъ нея!... Точно молишь о пощадѣ!... Стыдись!... Вѣдь этотъ блѣдный мальчикъ, ея кузенъ, и то ведетъ себя несравненно больше съ достоинствомъ, чѣмъ ты.... князь Гордѣевъ-Узловъ!... Ужъ, кажется, и того довольно, быть сестрою армейскаго офицера! и презрительно усмѣхнувшись, она откинула за плечи разметавшіеся локоны.

— Сдѣлай мнѣ Божескую милость, Софья!... отвяжись ты разъ навсегда отъ меня съ твоими глупыми достоинствами! вспыльчиво возразилъ ей князь Михаилъ.—Вѣдь мой армейскій мундиръ вовсе невиноватъ, что всѣ танцуютъ безъ устали, а тебя берутъ чрезъ полчаса по приличію.

— Мальчишка! внѣ себя взвизгнула княжна Софья. Князь выпрямился, поблѣднѣлъ.

— Полно, полно, Миша! сдержала княжна Елена.

— И то правда! и онъ рѣзко повернулся къ княжнѣ Софьѣ спиною.

— Что съ тобою, Леля?

— Такъ!... Ничего особеннаго, закружилась голова.

— Ну теперь лучше?

— Прошло.... Сядь здѣсь, Миша! и, улыбаясь, она указала ему мѣсто подлѣ себя.

— Противно смотрѣть даже!... Точно влюбленные! опять оборвала княжна Софья и въ тотъ же мигъ вышла изъ будуара.

— Слава Богу!

— Ты ее очень не любишь, Миша?

— На столько же, на сколько люблю тебя, Леля! ласково смотря ей въ глаза, едва слышно отвѣтилъ онъ.—Княжна улыбнулась.

— А вотъ докажи, что любишь! и она поникла, опустила рѣсницы.

— Чѣмъ?

— Дай мнѣ слово.

— Какое слово, Леля?

— Что ты не влюбишься въ княгиню.

Князь громко, весело разсмѣялся.

— Не смѣйся, Миша! Я сама не знаю.... Но, знаешь.... Я никогда не ошибалась въ предчувствіи.... А мнѣ такъ страшно чего-то, такъ непріятно смотрѣть на нее.

— Какая ты странная, Лелька! Совсѣмъ ребенокъ!... Да развѣ отъ меня зависитъ влюбиться или не влюбиться?

— Ну, ужъ этого я не знаю!... Только если ты меня любишь, Миша, хоть на столько,—указала она на ноготь своего маленькаго, розоваго мизинца,—ты дашь мнѣ слово, что не влюбишься.

— А если ужъ влюбился?

Княжна вспыхнула, широко взглянула на него. Она ни то испугалась, ни то хотѣла убѣдиться, не вѣрила ему.

— Я пошутилъ, милая ты моя дѣвочка.... Ну успокойся!— Даю слово.

— По правдѣ!

— По правдѣ, Леля!... Когда же я тебя обманывалъ?!

Теперь княжна улыбнулась безпечною, тихою, свѣтлою улыбкою.

Кто-то отчетливо стукнулъ въ дверь.

— Можно?

— Ахъ, нѣтъ, нельзя, нельзя.... У меня лифъ растегнутъ, почти вскрикнула княжна Елена, за руку удерживая князя.

— Такъ пусти же!... Я спрошу, что надо.

Это былъ Вася.

— Князь, васъ ждетъ княгиня. Мазурка началась.

— Ахъ сейчасъ, сейчасъ!

— Ты съ княгинею, Миша?

— Да!... А ты?

— Съ Гирѣевскимъ!

— И будешь?

— Конечно, буду!

— Такъ я скажу ему.

— Такъ скажи!

Князь вышелъ.

— Какой онъ милый! тихо вздохнувъ, подумала ему вслѣдъ княжна.

— И за что онъ такъ не любитъ Софью.... Впрочемъ.... Вѣдь и я ее не люблю.... А съ нимъ она совсѣмъ не умѣетъ обращаться.... Всегда такая грубая.

— Что отдохнули, княжна?... Простите!... Я совсѣмъ замѣшкалась.... Все по хозяйству!... Нельзя же не помочь княгинѣ, входя изъ спальни въ будуаръ, обратилась Вѣра Павловна. Вы будете танцовать мазурку?

— Буду, Вѣра Павловна.

— Смотрите, княжна, чтобы опять вамъ не стало дурно!.... Лучше не танцуйте!

— Ахъ, нѣтъ!... Я не могу не танцовать.

— Отчего?

— Я съ Гирѣевскимъ.

— Ну такъ что же изъ этого?... Вѣдь онъ же пойметъ, что вы не совсѣмъ здоровы.

Княжна задумалась.

— Право лучше не танцуйте!...

— Нѣтъ, нельзя, Вѣра Павловна. Онъ завтра уѣзжаетъ. Это можетъ огорчить его.... А онъ такъ любитъ брата и такой хорошій товарищъ ему.... Нѣтъ, нѣтъ!... только позовите кого-нибудь, чтобы меня поскорѣе зашнуровали.

— Ну въ этомъ не забота!... Это положимъ я сдѣлаю сама.

— Какъ можно, Вѣра Павловна,

— Разсуждайте послѣ, княжна.... А теперь станьте, какъ слѣдуетъ.... Зашнурую въ двѣ минуты.

Княжна подчинилась. Но ей видимо было неловко. Что-то какъ будто мѣшало ей взглянуть на Вѣру Павловну.

— Вѣра Павловна?

— Что, княжна?

— Ну что Вася?

— Теперь нѣсколько успокоился.... Вы видимо повліяли на него.

— Если бъ вы знали какъ я рада, Вѣра Павловна.... И еще рада!

— Чему?

— Братъ далъ мнѣ слово, что онъ не влюбится въ княгиню.

Вѣра Павловна весело разсмѣялась. Княжна покраснѣла.

— Вѣдь вы сами сказали мнѣ, что она опасная.

— Какая вы милая, княжна! и Вѣра Павловна, бросивъ шнуръ, обняла ее и поцѣловала.

Мазурка началась. Въ первой парѣ танцовалъ князь Одоленскій съ княжною Дивеною старшею. Во второй—князь Гордѣевъ-Узловъ съ княгинею. Въ третьей Павловъ съ княжною

Дивеною младшею. Въ четвертой—Елена Мясоѣдова съ высокимъ, полнымъ брюнетомъ, маіоромъ-уланомъ. Въ пятой, Гирѣевскій, время отъ времени, нетерпѣливо поглядывая на двери гостинной, все еще ожидалъ княжну.... Въ дверяхъ кабинета довольно многочисленною группою расположились окончившіе игру. Тутъ были и Неволина, и Бояринова, и Наталья Игнатьевна и возмутившая Васю старая, скуластая обезьяна со звѣздою на лѣвомъ бортѣ фрака. Съ нею, слегка склонивъ голову, разговаривалъ, къ ней подыгрывался маленькій, полный, цвѣтущій здоровьемъ юноша, лѣтъ 18, Александръ Шилковъ.

Обезьяна, хотя и изрѣдка, но довольно снисходительно отвѣчала фразами и полуфразами на цѣлый потокъ словъ видимо гордившагося бесѣдою съ нимъ юноши. И при каждомъ отвѣтѣ подававшій большія надежды юноша, почтительно осклаблясь, зорко осматривалъ окружающихъ.... «Замѣчаютъ ли, молъ, какъ коротокъ я съ его превосходительствомъ?» спрашивала его горѣвшее отъ удовольствія, круглое, полное, какъ налитое и разрумяненное яблоко, лице.... У дверей гостиниой княгини Одоѣенская, Дивена и Щербинина, внимательно слѣдя за своими дочками и общимъ движеніемъ, изрѣдка перебрасывались незначущими фразами. Мясоѣдова-старуха и Марья Кондратьевна буквально насѣдали съ своими глупыми замѣчаніями и вопросами на очевидно начинавшаго терять терпѣніе Коваленко.

— Tout le monde! вставая, крикнулъ Одоленскій.... И, отскользнувъ отъ княжны, полуоборотомъ къ ней, и легко, и быстро, со всею плавностію отчетливыхъ и неуловимыхъ въ то же время движеній, понесся съ нею въ противоположный конецъ зала.... За нимъ вторая, третья, десятая.... Зазвякали шпоры, замелькали платья. Точно вихрь поднялся въ залѣ.... Вотъ сбились, столкнувшись нара съ парой, смѣшались тамъ, какъ разъ противъ дверей гостинной.... Вотъ, бойко пристукнувъ шпорами, выдѣлился маіоръ съ Мясоѣдовой; за нимъ, точно заигрывая съ княгинею, всею грудью къ ней,—князь Гордѣевъ-Узловъ. Князь красивъ былъ въ эту минуту. Живымъ, сплошнымъ румянцемъ горѣло нѣсколько женственное овальное лице его, глаза были устремлены на княгиню и свѣтились яркимъ, какъ бы фосфорическимъ блескомъ....

— Ахъ, кто это? быстро обратилась княгиня Дивена къ Щербининой.

— Это князь Гордѣевъ-Узловъ.

— Какой красавецъ!... Ну такъ бы и расцѣловала его,—не отводя лорнетки, восторгалась княгиня,

— Да!... Онъ очень хорошъ!... Mais votre belle fille c'est la véritable reine du bal! съ томной улыбочкой обратилась Щербинина къ Долиной.—Какъ стройна!... Какъ плавны, спокойны, величественны ея движенія.... И она это чувствуетъ!... Она выше всего.... Выше самаго увлеченія!... Она холодна ко всему и ко всѣмъ!... Прелесть! восторгалась княгиня.

— Oh, oui, elle est ravissante! охотно согласилась уже давно влюбленная въ нее княгиня Долина.

— Мы любуемся вашею внучкою, Марья Кондратьевна! возвышеннымъ голосомъ обратилась Дивена.

Марья Кондратьевна медленно приподняла носъ вверхъ.

— Покойная Машенька,—ея мать,—была красавица!... За нею ухаживалъ *самъ* генералъ-губернаторъ,— особенно ударивъ на выраженіе «самъ», высказалась Марья Кондратьевна. Княгиня Дивена быстро опустила голову. Щербинина отвернулась. По губамъ Дивиной скользнула едва примѣтная, тонкая усмѣшка.

— Ахъ ты сорока-ворона! какъ бы сказалъ Коваленко, нѣсколько разъ подъ рядъ качнувъ головою надъ Марьею Кондратьевною.

— Pardon, генералъ.... Пропустите!

— Княжна! быстро отступивъ, видимо обрадовался Коваленко. Совсѣмъ поправились?

— Совсѣмъ!

— Ну, слава Богу, а то я какъ боялся! громко, такъ громко, что разслышала даже Марья Кондратьевна, проговорилъ кто-то за княжною. Княжна быстро оглянулась. Это былъ Вася. Онъ привѣтливо глядѣлъ на нее.

— Чего жъ вы боялись?

— Да что вы расхвораетесь!... Вы такая добрая, княжна!

Княжна отвернулась.

— Берегите себя! едва разслышалъ онъ.

Глава XV.

Начиналась фигура троекъ.... Даже Вѣра Павловна и Коваленко, обособившись, какъ бы намѣренно скрывшись отъ окружавшихъ ихъ группъ за зеленью цвѣтовъ на двухъ сосѣднихъ стульяхъ у окна, молчали теперь, съ такимъ напряженнымъ,

...ніемъ слѣдили всѣ за танцующими. Изъ ...на крестъ зала двѣ исключительно сосредото... десятки любующихся глазъ.... Совсѣмъ почти ...нѣтъ, стояли онѣ одна противъ другой. Въ первой ... княгиня, на право—княжна Щербинина старшая, ...лена младшая. Управлялъ князь Гордѣевъ. Во второй ...на въ центрѣ, княжна Софья и Мясоѣдова по бокамъ. ...ялъ молодцоватый, ловкій Гирѣевскій.... Князь пе...ся съ нимъ.

Готовы ль вы? напомнилъ онъ княгинѣ, чуть-чуть пере...въ ленты у княженъ.... Легкій румянецъ отчетливо вспых...ъ на блѣдно-матовомъ лицѣ княгини.... Едва примѣтный тре...ъ прошелъ по ея плечамъ.... Вася забылся.... Вася не сво...илъ съ нея глазъ.... Онъ стоялъ опять одинъ, но теперь всего ...въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, жадно улавливая каждый ея взглядъ, каждую улыбку, каждое движеніе.... Княгиня выдвинулась, на полъ-шага за собою оставила княженъ, мелькомъ глянула въ глаза нервно ожидавшей княжны Елены, скользнула, понеслась.... Тройки встрѣтились, переглянулись и, какъ бы смущенныя другъ другомъ, съ быстротою молніи разошлись опять.

— Браво, браво! не выдержалъ Долинъ. Княжна вздохнула; густымъ, живымъ румянцемъ рдѣлось ея лице; беззаботно весело изъ-подъ долгихъ рѣсницъ смотрѣла она своими оживленными, темно-голубыми глазами на встрѣтившіяся сосѣднія тройки.... Тройки перемѣнили мѣста, и опять, и еще оживленнѣе, еще задорнѣе на этотъ разъ, встрѣтились съ противоположныхъ концовъ зала....

— Я рѣшительно теряюсь опредѣлить, которая изъ нихъ лучше: до такой степени очаровательна княжна! не отрывая отъ нея глазъ, обратилась къ Коваленко Вѣра Павловна.

— Вотъ чего еще захотѣли, матушка! и Коваленко сощурился. Да развѣ ихъ можно сопоставлять другъ съ другомъ. Княгиня брюнетка.... Княжна скорѣй блондинка.... Совершенно различны и профили, и характеры. Достаточно самаго поверхностнаго взгляда на нихъ, чтобъ это бросилось въ глаза.... Вы посмотрите только на ихъ движенія. Княгиня холодна, спокойна; каждый шагъ разсчитанъ въ ней; княжна порывиста, все волнуется, все чего-то спѣшитъ и съ каждымъ новымъ порывомъ теряется все болѣе и болѣе. Княгиня вызываетъ изумленіе своею холодностью, сознаніемъ своей силы въ своей красотѣ,

она можетъ увлечь до сумасшествія, до обожанія.... Княжна, напротивъ!.... Она какъ бы смущается своей же красоты.... Она робѣетъ ея.... Она внушаетъ невольное сочувствіе, но въ немъ, въ этомъ сочувствіи, больше сожалѣнія, состраданія къ ней, чѣмъ стремленія во что бы то ни стало овладѣть ею.

— Почему же состраданіе, Петръ Игнатьевичъ?

— Такъ!... такъ есть!... Быть можетъ, я и ошибаюсь.... Но.... по крайней мѣрѣ, таково мое личное впечатлѣніе.

Вѣра Павловна задумалась.

— То-есть ни то что состраданіе, а участіе къ ней, вы хотите сказать?

— А участіе что же это такое, какъ не видъ состраданія?... Вы обратите вниманіе, какъ теряется она въ своихъ движеньяхъ.... Она вызываетъ какой-то невольный, инстинктивный страхъ за себя.... Она какъ бы самой себѣ пророчитъ гибель!... До такой степени мало силы и увѣренности въ ней.... И....

— Что и? уже теперь горячо перебила Вѣра Павловна.

— И вотъ увидите, что она погибнетъ, если не подпадетъ со временемъ подъ честную, руководящую руку.

— Tout le monde! отчетливо крикнулъ Одоленскій.

— Честная, руководящая рука? тихо проговорила Вѣра Павловна такимъ подавленнымъ, глухимъ голосомъ, какъ будто ей и смѣшна, и досадна была самая мысль о честной, руководящей рукѣ.

Коваленко внимательно посмотрѣлъ на нее.

— Гдѣ онѣ... Гдѣ? Эти честныя руководящія руки?... и ея лице покрылось густымъ, сплошнымъ румянцемъ. Мужчина—воръ!

— Ну, не всякій, матушка, увлекаетесь!... Вотъ, напримѣръ, я....

— Вы, дѣло другое, Петръ Игнатьевичъ. Вы — исключеніе, а исключенія только подтверждаютъ общія правила.... Вы думаете, мнѣ особенно весело сегодня? Быть можетъ, вы полагаете, что этотъ балъ забавляетъ меня?... Далеко до того! все болѣе и болѣе увлекаясь, говорила она. Я вообще рѣдко выѣзжала, но еще ни одинъ балъ не производилъ на меня столь тяжелаго впечатлѣнія.... Мнѣ и горько, и досадно смотрѣть на нихъ. Точно вся жизнь ихъ здѣсь, въ этой залѣ. Такъ горячатся, такъ бьются во что бы то ни стало погубить другъ друга. И все это шутя, играя, не отдавая себѣ ни малѣйшаго отчета, точно дѣти въ жмуркахъ!

— И вы правы, матушка!... Но это нисколько не отрицаетъ моей мысли, что и между ними есть люди честные, но.... въ нихъ нѣтъ характера.... Они страдаютъ однимъ общимъ недугомъ нашего времени, они—люди минуты!

— То-есть, какъ это люди минуты?

— Характеръ, это—логика дѣйствій, вытекающихъ изъ одного стремленія.... Въ комъ нѣтъ этого общаго стремленія, кто не сознаетъ цѣли своего существованія, не преслѣдуетъ ее со всею энергіею, не борется, не отстаиваетъ, тотъ легко подпадаетъ вліянію случайныхъ обстоятельствъ, разбрасывается, гибнетъ и губитъ.... И все это, точно шутитъ, потому что играетъ жизнію, потому что самъ не вѣдаетъ, что творитъ.

Вѣра Павловна глубоко задумалась.

— Вотъ и вы тоже, тихо проговорилъ Коваленко.

— Что я тоже?

— Тоже не вполнѣ отчетливо сознаете, чего хотите.... ибо!... и онъ замялся.

— Что ибо? оживленно перехватила она.

— Ибо.... Если бъ сознавали себя такъ отчетливо, какъ я сознаю васъ, приняли бы тотъ строй жизни, который предлагалъ я вамъ.

— А если не могу? опять избѣгая его взгляда, едва слышно отозвалась она теперь.

— Почему?

— Всякій имѣетъ свое прошлое.

— А я его не имѣю? съ оттѣнкомъ легкой досады проговорилъ онъ.

Вѣра Павловна молчала. Она только еще ниже опустила голову.

— Поймите, матушка!... Все это вздоръ.... Оставьте прошлое—прошлому, а будущее—будущему!

Вѣра Павловна встала и, не взглянувъ даже на него, быстро оставила залъ. Коваленко вздохнулъ, посмотрѣлъ ей вслѣдъ; нѣсколько разъ подрядъ качнулъ головою и, весь сощурившись, какъ бы не хотя осмотрѣлся.

Фигура троекъ продолжалась. Промелькнула княжна.... Она подошла къ Васѣ и молча протянула ему руку.

Вася покраснѣлъ, смѣшался.

— Извините, княжна.... я не танцую.

— Отчего?

— Не умѣю.

— Вотъ вздоръ!

— Право не умѣю.

— Ну, такъ я васъ выучу! настаивала княжна, все еще не отводя руки.—Фу, какой упрямый! И она отошла отъ него съ гримаской легкой досады.

Вася точно сбросилъ съ себя бремя и опять съ лихорадочнымъ вниманіемъ сосредоточился на княгинѣ. Она все чаще и чаще улыбалась Гордѣеву-Узлову, все продолжительнѣе останавливала на немъ свой взглядъ.... Темные глаза ея казались синими: до такой степени была она оживлена теперь.

— Что ты такъ киснешь, Вася? тихо тронувъ его за плечо, обратился Шилковъ.

Вася судорожно разсмѣялся.

— Э, братъ!... Да, я вижу, ты совсѣмъ того.... Хочешь я тебя вылечу?

— Вылечишь?

— Вылечу.... Даю слово, что вылечу!

— Чѣмъ?

— А вотъ пойдемъ въ столовую.

— Ну!

— Выпьемъ по рюмкѣ коньяку... Все какъ рукой сниметъ.

— Это что за вино?

— Это не вино, а водка.

— Я водки никогда не пилъ, Саша.

— Мало ли чего никогда не дѣлалъ, а кончишь тѣмъ, что станешь дѣлать.

— Нѣтъ, не стану!

— А еще хочешь казаться большимъ!... Ну какой ты большой послѣ этого!... Мальчикъ и есть мальчикъ!

— А если мнѣ станетъ дурно.... Вѣдь это еще хуже!

— Дурно?... Съ чего ты это взялъ? Напротивъ!... тебѣ станетъ такъ легко, такъ весело!... А потомъ.... Поѣдемъ! и Шилковъ, осклабившись, выразительно сощурилъ правый глазъ....

— Куда?

— Куда?! Вотъ дурень! и, разсмѣявшись, онъ пустилъ въ него съ своихъ отвислыхъ, полныхъ губъ цѣлымъ фонтаномъ слюни.

Вася колебался....

— Да ну же, братецъ!... что ты за баба, въ самомъ дѣлѣ!... Будь мужчиной!... Вѣдь противно смотрѣть!

— Ну, пойдемъ! не хотя согласился Вася.

— Куда вы? встрѣтивъ у дверей, остановила ихъ Вѣра Павловна.

— Сельтерской воды выпить, быстро отвѣтилъ Шилковъ.

«Какой онъ противный.... этотъ Шилковъ», отходя, подумала она.

Княжна Елена до порога столовой прослѣдила Васю долгимъ, тревожнымъ взглядомъ.

— Намъ начинать! вставая, напомнилъ Гирѣевскій.

— Ахъ, да!

— Какъ вы разсѣянны сегодня, княжна! и, чуть-чуть отстранивъ ее, отчетливо пристукнувъ шпорою о шпору, то всею грудью къ ней, то правымъ плечомъ, едва касаясь носками сапогъ скользкаго паркета, понесся съ нею въ противоположный конецъ.... Княжна напряженно слѣдила за нимъ, за каждымъ его движеніемъ, за каждымъ новымъ пріемомъ. Съ едва уловимою быстротою мелькали изъ-подъ дымчатыхъ складокъ платья тонкіе, голубые носки ея крохотныхъ, атласныхъ полусапожекъ....

— Вамъ выбирать!

Толпа молодежи оживленно окружила княжну. Всѣ заискивали, всѣ улыбались, всѣ засматривали ей въ глаза; казалось, каждый считалъ бы себя самымъ счастливымъ въ эту минуту, если бъ ея выборъ палъ именно на него....

У княжны чуть-чуть закружилась голова. Но вотъ она быстро встала и смѣло протянула руку брату.

Одоленскій насмѣшливо посмотрѣлъ на Щербинина. Князь вспыхнулъ и стушевался.... Отъ зоркаго вниманія княжны Софьи не ускользнуло и это движеніе.

— Не такъ скоро, Миша.... Я устала!

Князь пошелъ нѣсколько тише.

— Миша.... ты помнишь?! останавливаясь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своего стула, едва слышно обратилась она.

— Что, Лёля?

— Что ты далъ мнѣ слово!

— Не влюбиться?

— Ну, да! нетерпѣливо удостовѣрила княжна.

— Помню, помню, милая! и князь, улыбнувшись, пожалъ ей руку. Княжна сѣла.

— Hélène! подозвала её княжна Софья. Княжна подошла. Густымъ румянцемъ горѣло лице княжны Софьи, сурово смо-

трѣла она на нее изъ-подъ стиснутыхъ, тонкихъ бровей.... Что-то сказала, отошла.... Княжна Елена видимо смѣшалась....

— Ваша сестра опять, вѣроятно, обвинила васъ въ какомъ-нибудь новомъ преступленіи, княжна?

— Нашла, что я очень глупо поступила, не выбравъ князя Щербинина, и что я должна его выбрать въ слѣдующую фигуру.

— И вы выберете? насмѣшливо улыбаясь, спросилъ Гирѣевскій.

— Нѣтъ, не выберу! задорно отвѣтила княжна.

— И прекрасно. Надо быть болѣе самостоятельной, тогда она менѣе будетъ надоѣдать вамъ. Покажите ей, наконецъ, что вы имѣете свою волю!... Нельзя же такъ!... Я не разъ удивлялся вашему ангельскому терпѣнію.... Вы простите мнѣ, княжна! Быть можетъ, она и умна, и тактична, но ужъ слишкомъ навязчива въ своихъ взглядахъ.... слишкомъ много думаетъ о себѣ, горячо высказался Гирѣевскій.

— Нѣтъ, вовсе не потому!... А потому, что я не хочу выбрать Щербинина и не выберу! По моему, дѣлать то, чего не хочешь,—противно.... и даже гадко!

— Ну, теперь я понялъ!

— Что поняли?

— Понялъ, почему вы мнѣ не отдаете проиграннаго вами пари!

— Почему же?

— Да потому, что не хотите, и вамъ это даже гадко.

— Ахъ, какъ вы мнѣ надоѣли сегодняшній вечеръ съ вашимъ пари, Гирѣевскій! Вѣдь не могу же я вамъ при всѣхъ дать поцѣловать ее,—и, слегка вспыхнувъ, она указала ему на свою правую руку.

— Ну такъ ту дайте! взглянувъ на лѣвую, настаивалъ Гирѣевскій.

— И притомъ....

— Что притомъ?

— Я рѣшительно не понимаю, что вамъ, мужчинамъ, за удовольствіе цѣловать руку?! Вѣдь это не вы одинъ!... У меня многіе просили,—точно пожаловалась княжна.

— И вы давали? улыбаясь на нее, любуясь ею, тихо спросилъ Гирѣевскій. У него съ каждою минутою все сильнѣе и сильнѣе кружилась голова.

— Нѣтъ!... никому! рѣзко качая головою, быстро отвѣтила княжна.—Вотъ почему я и люблю брата Мишу!... Никогда не

надоѣлась!... Терпѣть не можетъ самъ этихъ поцѣлуевъ.... А Жоржъ! О!... это такой лизунъ, что я отъ него часто убѣгаю даже.

— Ну, а мнѣ вы обѣщали.... Значитъ.... хотѣли! поникая, совсѣмъ тихо проговорилъ Гирѣевскій.

— Вовсе нѣтъ!... Вотъ ужъ вовсе нѣтъ! и княжна точно выросла, такъ выпрямилась на Гирѣевскаго.—Я?!... хотѣла?... это мило!... Да что съ вами, Гирѣевскій?!... Развѣ вы не помните?... Вы такъ привязались ко мнѣ съ вашимъ пари, что я не знала, какъ и отвязаться.

— Положимъ!... А теперь уже должны!...

— Почему должна?

— Да вѣдь проиграли.

— Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ проиграла,—вслухъ сообразила княжна.—Ну, такъ послѣ! быстро рѣшила она.

— Да когда же будетъ это послѣ, княжна? громко крикнулъ Одоленскій.

— Ну вотъ, слава Богу! обрадовалась княжна.

Въ залъ вошли Бояриновъ и Шилковъ.

Точно въ огнѣ горѣло полное, цвѣтущее здоровьемъ, лице Шилкова.... Бояриновъ казался еще блѣднѣй прежняго....

— Да когда же это послѣ, княжна? Вѣдь я завтра уѣзжаю,— окончивъ фигуру, настаивалъ Гирѣевскій.

— Ну, когда вернетесь.

Гирѣевскій быстро опустилъ голову. Княжна внимательно посмотрѣла на него.

— Я никогда не думалъ, чтобъ вы были способны, княжна, такъ настойчиво мучить,—чуть слышно упрекнулъ онъ....

Княжна нервно сжала вѣеръ. Ей теперь было, очевидно, жаль Гирѣевскаго. Она даже не смѣла смотрѣть на него, какъ будто въ чемъ-то особенномъ провинилась передъ нимъ: такъ поразилъ ее этотъ серьезный, подавленный голосъ, такъ томило теперь послѣдовавшее за нимъ невыносимое, угрюмое затишье.

— Гирѣевскій! не отводя глазъ отъ вѣера, чуть слышно прошептала она.

Гирѣевскій быстро взглянулъ на нее. Она еще ниже опустила голову. У нея зардѣлись самыя уши.... Онъ теперь понялъ, что княжна сдалась.

— М-г Гирѣевскій! проговорилъ женскій голосъ. Гирѣевскій очнулся. Это была Мясоѣдова Елена. Она его выбирала на предстоящую фигуру.

— Pardon! извинился онъ.

— О, любовь, любовь!... Гдѣ не найдешь ты пріютъ?! И царицы, и пастушки равно подвластны тебѣ,—кольнула княжну Мясоѣдова, едва только на нѣсколько шаговъ отошла отъ нея съ Гирѣевскимъ.

— Вы правы!... Всѣ одинаково этому благородному чувству даютъ радушный пріютъ, но не всѣхъ только посѣщаетъ оно,— измѣнившись въ лицѣ, въ тотъ же мигъ отмстилъ Гирѣевскій. Мясоѣдова поблѣднѣла.... У нея задрожали самыя губы. Княжна ничего не слышала, ничего не замѣтила.... Она слишкомъ далека была отъ окружающаго.

«Какой смѣшной этотъ Гирѣевскій! И чего ему такъ захотѣлось поцѣловать мою руку?» все ни какъ не могла уяснить она себѣ.

— И пусть погибну, проговорилъ опять за нею Бояриновъ, блѣдный, съ блуждающимъ взглядомъ.

— Grand rond! громко крикнулъ Одоленскій. Гирѣевскій протянулъ ей руку.

— Да что съ вами, княжна? Вы блѣдны, вы дрожите!

— Нѣтъ!... это такъ!... Право, не знаю, что это такое! не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что говоритъ, отрывочно произносила княжна. И все сильнѣе и сильнѣе, точно въ лихорадкѣ, дрожала ея рука въ рукѣ Гирѣевскаго. Одоленскій подалъ знакъ. Мазурка кончилась. Въ гостинной пробило три. Разомъ открылись двери въ столовую.... И серебромъ и золотомъ засверкалъ роскошно убранный столъ.

Глава XVI.

Ужинъ кончился. Все общество, за исключеніемъ немногихъ лицъ, сосредоточившись въ залѣ, разбилось на нѣсколько отдѣльныхъ группъ. Шелъ болѣе или менѣе общій, громкій, оживленный говоръ. Всѣ, видимо, были довольны; всѣмъ одинаково непримѣтно, все еще кружа голову, промелькнулъ, какъ вихрь, какъ взрывъ беззаботнаго веселья, этотъ полный и жизни, и игры балъ. Центръ главной, наиболѣе многочисленной группы точно осаждалъ княгиню: такъ тѣснился онъ вокругъ нея. Одоленская, Дивена, Щербинина, медленно подвигаясь къ порогу пріемной, одна передъ другой осыпали княгиню пышнымъ фонтаномъ блестящихъ, полныхъ лести фразъ. М-me Мясоѣдова не находила даже словъ; она только всхлипывала и умилялась.

Толпа молодежи, дожидаясь своей очереди, нетерпѣливо переносила взгляды съ Одоленской на Дивену, съ Дивеной на Щербинину, какъ бы спрашивая ихъ поочередно: и когда, молъ, вы прекратите вашу трескотню?.. Долинъ что-то убѣдительно доказывалъ скуластой обезьянѣ во фракѣ со звѣздою и еще двумъ, тремъ на столько же солидно поставленнымъ лицамъ.... Уланы замкнулись въ свой кружекъ.... Изъ нихъ только князь Гордѣевъ былъ въ окружавшей княгиню-хозяйку толпѣ. То собирая, то опять распуская ея вѣеръ, онъ, досадливо смотрѣлъ на осаждавшую ее группу дамъ.... Елена Мясоѣдова опять предсѣдательствовала въ кружкѣ болѣе скромныхъ барышень-помѣщицъ.... Къ нимъ, волею-неволею, примкнула и княжна Софья.

— Нѣтъ!... Я люблю балъ, но ни за мазурку, ни за польку, ни за вальсъ, а за то, что онъ кружитъ голову, увлекаетъ, и тѣмъ даетъ возможность видѣть всѣхъ такими, какъ они есть, а не такими, какъ хотятъ казаться и дѣйствительно кажутся въ спокойную минуту! оживленно говорила Елена Александровна, зорко всматриваясь въ окружавшую княгиню группу. И улыбки, и насмѣшки, и пошлая лесть, и тонкіе уколы!... И развѣ не смѣшно, не забавно видѣть, когда десятки серьезныхъ людей, такъ вѣско, краснорѣчиво трактующихъ о волѣ, о характерѣ, точно послушные инстинкту своему бараны, тянутся одинъ передъ другимъ сорвать хотя бы самое заурядное, доморощенное яблоко только потому, что оно случайно попало въ роскошную оболочку изысканнаго фрукта!... И жалко ихъ, и досадно! закончила Елена Александровна и всѣ ее поняли. Болѣе скромныя, или желавшія казаться такими, потупились; другія усмѣхнулись. По губамъ княжны Софьи скользнула тонкая, злая усмѣшка.... Она въ душѣ на столько же ненавидѣла княгиню, на сколько всегда была внимательна къ ней.

— Знаете, Вѣра Павловна, я даже забыла, что я ужинаю, я была какъ въ чаду, до такой степени много, много говорилъ онъ.... И такъ перескакивалъ, что трудно было слѣдить за нимъ.... Я скорѣе чувствовала, чѣмъ понимала, что онъ говорилъ. Но, только не какъ мальчикъ, а какъ взрослый, совсѣмъ, какъ взрослый! Даже отъ большихъ мнѣ не приходилось никогда слышать ничего подобнаго!... Вѣдь вотъ я часто говорю съ братомъ Мишей, съ Гирѣевскимъ.... Но, они говорятъ.... знаете, объ обыкновенномъ.... А, онъ?... Я вамъ повторяю, что

даже не совсѣмъ понимала его! въ полуосвѣщенной одною столовою лампою гостинной, нервно, непрерывно осматриваясь, говорила, между тѣмъ, княжна Елена.

— Но, хотя въ общихъ чертахъ, княжна, какъ вы его поняли?

— Какъ это въ общихъ чертахъ? тихо сводя брови, переспросила княжна.

— Ну вообще о чемъ онъ говорилъ?

— Вообще, такъ много, такъ быстро, что трудно даже вспомнить.... Онъ.... Онъ говорилъ о Русланѣ, о Людмилѣ, что Наташа всегда была его Людмилой, что Людмила должна быть не лучше ея, потому что за нее убитъ несчастный Рогдай! О какихъ-то колыбельныхъ грезахъ, о тѣняхъ.... Тутъ онъ точно бредилъ.... О бонбоньеркѣ, о баронѣ Бернсдорфѣ, что баронъ при жизни былъ его врагомъ, а теперь первый другъ ему, что барона ему теперь жаль, также жаль, какъ самого себя.... О Шилковѣ, что Шилковъ правъ, что женщина, это—змѣя! Ахъ, какой противный этотъ Шилковъ, Вѣра Павловна!... Я просто не могу его видѣть.... Потомъ.... и княжна затруднилась, слегка вспыхнула, поникла.

— Что же потомъ? улыбнулась на нее Вѣра Павловна своею ободряющею свѣтлою улыбкою.

— Что вотъ я.... княжна опять замялась.

— Правдивая, добрая, хорошая! быстро договорила она....— Да! Потомъ я все его останавливала, чтобы онъ не пилъ, но онъ говорилъ, что ему становится весело, когда онъ пьетъ, и что онъ себѣ, не врагъ, будетъ пить, и что если бы баронъ пилъ, то не умеръ бы за нее, потому что она не стоитъ.... Что онъ самъ еще вчера, еще сегодня готовъ былъ умереть за нее, но что теперь онъ ей ни въ чемъ не вѣритъ, потому что она надъ всѣми смѣется и всѣхъ обманываетъ, и при этомъ онъ захохоталъ такъ громко, такъ дико.... Помните, вы еще посмотрѣли на него.... Мнѣ страшно, мнѣ холодно было, Вѣра Павловна: такой странный былъ этотъ смѣхъ.... Я чувствовала, что онъ смѣялся вовсе не отъ того, что ему было весело, а отъ того, что хотѣлъ передо мною казаться веселымъ, и мнѣ такъ жаль было его въ тѣ минуты.... Нѣтъ, Вѣра Павловна! вдругъ быстро поднимая на нее глаза, какъ-то особенно взволнованно проговорила княжна. У нея, у княгини... нѣтъ сердца, Вѣра Павловна!

— А, вотъ вы гдѣ!... А я васъ искалъ, искалъ! — и, споткнувшись въ дверяхъ гостинной, Бояриновъ пріостановился; сдѣлавъ надъ собою видимое усиліе, слегка пошатываясь изъ стороны въ сторону, развязно подошелъ къ княжнѣ. Ни кровинки въ лицѣ. Спали на лобъ сбившіяся на головѣ густыя, долгія, волнистыя пряди. Помята грудь рубашки. Еще глубже синѣли теперь его до блеска освѣщенные лихорадочнымъ огнемъ глаза.

— Прощайте, княжна!... Не поминайте лихомъ.... Прощайте! Баронъ жилъ взрослымъ, но умеръ, какъ нуль, я живу ребенкомъ, по вашему.... Ха, ха, ха.... Да, Вѣра Павловна!... Ребенкомъ?!.. Но... умру, какъ взрослый. Вѣра Павловна поблѣднѣла. Нервный трепетъ отчетливо пробѣжалъ по княжнѣ.

— Вы вздоръ городите, Вася!

— Я? и онъ отшатнулся. Увидитъ тотъ, кто будетъ жить.— Прощайте, княжна! и протянутая имъ рука примѣтно дрогнула въ воздухѣ.

— Нѣтъ!... Я не дамъ вамъ руки!... Вы должны... вы должны сказать, куда вы ѣдете!... Что вы хотите? перебивая слово словомъ, точно въ лихорадкѣ, дрожала теперь княжна.

— Я.... туда... туда, гдѣ все весельемъ дышетъ, гдѣ пѣнится вино, гдѣ.... какъ въ туманѣ, въ чаду безумныхъ наслажденій обнаженныя мелькаютъ плечи.... Гдѣ... и онъ порывисто вздохнулъ.... Такъ.... Что жъ княжна?... Прощайте!

— Нѣтъ вы этого не сдѣлаете!... Вѣра Павловна, вы не допустите этого, правда?.. Ни я, ни вы?

— Вы.... Она! и, осмотрѣвъ ихъ съ ногъ до головы, онъ захохоталъ громкимъ, напряженнымъ смѣхомъ, такимъ смѣхомъ, какъ будто что-то порывалось въ немъ, именно то, надъ чѣмъ смѣялся. Княжна и Вѣра Павловна робко переглянулись.

— Не...хо...ти...те? съ трудомъ владѣя языкомъ, настаивалъ онъ.

— Вася, поѣдемте лучше со мной!

— Съ вами? и снова смѣхъ.

— Folichon, folichonette, en avant les folichons!.. весело запѣлъ онъ, направляясь къ дверямъ зала.

— О Боже мой, Боже! растерянно шептала княжна, безотчетно слѣдуя за нимъ.

— Останьтесь, княжна! Успокойтесь!... Останьтесь здѣсь пока!... На васъ лица нѣтъ.... Всѣ замѣтятъ! Даю вамъ слово, что не пущу его.

— Шилковъ, на лѣво кругомъ-маршъ! —донесся уже изъ зала его голосъ.

Княжна быстро подняла голову.

— Я съ вами, Вѣра Павловна!

— Нѣтъ, нѣтъ, княжна! твердо настояла Вѣра Павловна.

Княжна вздохнула, медленно поникла; на долгихъ ея рѣсницахъ отчетливо задрожали слезы. —Вѣра Павловна быстро вышла изъ гостинной.

Глава XVII.

Передъ высокою образницею, въ граненой разноцвѣтнаго стекла лампадѣ спокойно, ровно теплился небольшой огонекъ.... Темно у двери, полусвѣтъ надъ кроватью.... Диванъ; столъ, накрытый скатертью; на немъ еще съ вечера забытый самоваръ, съ разбитымъ кончикомъ чайникъ, полоскательница, чашка, да бѣлое, какъ снѣгъ, полотенце на креслѣ съ надломленною ножкой.... Видно душно было въ комнатѣ. По талію сброшено розовое, легкое, байковое одѣяло.... Твердо опиралась носкомъ согнутая въ колѣнѣ нога правая о колѣно вытянутой, лѣвой.... По самый локоть спустился, плечо, лѣвую грудь обнажилъ широкій, на одну пуговицу застегнутый воротъ ночной рубашки, и какъ-бы дѣвичій стыдъ охраняя, покрыла ихъ сплошными волнами густая коса..... Чуть примѣтно золотился низко свѣсившійся, массивный медальонъ....

Что-то стукнуло.... Должно быть тамъ.... въ корридорѣ. Вѣра Павловна чуть дрогнула, откинула голову, вытянула шею, правою рукою крѣпко обняла подушку.... Стукъ повторился.... и ближе, и еще глуше, еще отрывочнѣе.... Щелкнула ручка въ двери.... И опять все тихо.... Еще минута, двѣ.... Безъ малѣйшаго уже шума отворилась дверь и въ тотъ же мигъ въ полумракѣ комнаты отчетливо очертилась рослая, широкоплечая, слегка согнутая у шеи фигура окутаннаго съ ногъ до головы темносѣрымъ пледомъ человѣка.... Онъ былъ видимо взволнованъ.... Мужественное, выразительное, блѣдное лицо его, казалось еще блѣднѣе отъ синевы окладистой, красивой, отлива воронова крыла, бороды.... Густыя, широкія брови были напряженно сдвинуты.... Осторожно, безъ малѣйшаго шороха переступая съ половицы на половицу медленно, точно впившись своими черными, лихорадоч-

нымъ, острымъ огнемъ освѣщенными глазами, въ лицо Вѣры Павловны, приближался онъ къ кровати.... Вѣра Павловна онѣмѣла.... Боясь дышать, не смѣя шелохнуться, нервно слѣдила она за каждымъ его движеніемъ. Подошелъ... опустился на колѣна, ожегъ ее своимъ порывистымъ, горячимъ дыханіемъ....

— Александръ!... Что ты? Какъ рѣшился придти сюда! сквозь сонъ шептала она.

— Ты не спишь, Вѣра!... Вѣра—счастье мое, радость моя, и, мигомъ поднявшись, онъ отбросилъ косу, и горячими, какъ огонь, поцѣлуями, осыпалъ ей и грудь, и плечи, и по локоть обнаженную руку.

— Александръ.... Алекс.... умоляю тебя!... Уйди, умоляю!... Услышитъ мать.... Охъ, уйди, Александръ!. точно въ бреду, тревожно металась Вѣра Павловна на кровати.... Но, онъ видно не слышалъ ее, не слышалъ этой тихой, безпомощной, робкой мольбы, мольбы и страха, и смущенія. Его сильная правая рука охватила уже ея нѣжный гибкій станъ, лѣвая налегла на самый ротъ, связала губы.... Вѣра Павловна судорожно отбросилась къ стѣнѣ.

— Бога ради.... Всѣми святыми.... умо....

Она замолкла.... Мигъ... другой, третій.... Туманъ вокругъ, немочь въ рукахъ, въ ногахъ, во всемъ тѣлѣ....

— Ахъ! дико вскрикнула, дрогнула, вытянулась, крѣпко, точно отъ нестерпимой боли, стиснула поблѣднѣвшія губы . . . .

. . . . . .

Онъ опять на колѣнахъ стоялъ подлѣ нея и, тихо улыбаясь, такъ нѣжно засматривалъ ей въ глаза своими большими, черными, мягкими, какъ бархатъ главами.

— Полно, перестань моя прелесть, перестань, моя милая кисынька.... Перестань же плакать, Вѣра.... Вѣдь это просто глупо, рябячески глупо! Развѣ можетъ быть преступно то, что внушено самой природой? А я тебя люблю.... И вѣчно, вѣчно, клянусь Богомъ, клянусь прахомъ отца моего, буду любить тебя, тебя одну, моя дорогая, славная кисынька!

Вѣра Павловна улыбнулась, протянула ему руку и, въ тотъ же мигъ охваченная ужасомъ, опять отбросилась въ глубину кровати.—На полу извивался осклизлый, чешуйчатый удавъ и такъ горѣли на нее, такимъ зеленоватымъ огнемъ свѣтились, такъ отвратительно вращались круглые, выпуклые глаза.... Она дрожала, она чувствовала, какъ волосъ отъ волоса лихорадоч-

нымъ холодомъ отдѣлялся у нея на головѣ.... Она хотѣла подняться.... Онѣмѣли ноги, точно оковами стиснуты руки.... Но, вотъ онъ вдругъ собрался.... Что-то упругое какъ будто надтреснуло совсѣмъ подлѣ нея, и въ тотъ же мигъ его отвратительное, чешуйчатое тѣло заскользило снова, то корчась, то растягиваясь, въ травѣ, подъ зеленью раскидистаго дуба. Вдали показался Коваленко. И смѣло, и спокойно, съ доброю улыбкою на лицѣ, какъ бы желая сообщить ей что-то очень пріятное, чѣмъ-то порадовать, прямо на удава шелъ онъ.... Вѣра Павловна правымъ, къ подушкѣ обращеннымъ ухомъ, слышала лихорадочные удары сердца.... Она крикнула.... Голосъ замеръ, порвался въ груди.... Она знакомъ хотѣла предупредить.... Та же тяжесть въ рукахъ. Вотъ, ужъ близко.... Вотъ, прямо на него, на Коваленко, на вѣрную свою жертву зеленѣлъ кровь холодившій въ ней огонь круглыхъ глазъ.... Вотъ, скорчился, вотъ, готовится броситься. Вѣра Павловна конвульсивно содрогнулась, испуганно открыла глаза. Тихо теплился огонекъ у образницы.... Вдали комнаты на креслѣ бѣлѣло полотенце; сбитая подушка валялась у постели; сквозь спущенныя шторы слабо пробивался ранняго утра полусвѣтъ.... Не было ни удава, ни раскидистаго одинокаго дуба, ни Коваленко подъ нимъ.... Она приподнялась, порывисто вздрогнула, наложила руку на лобъ. Голова горѣла, какъ въ огнѣ, все также билось сердце.—И сознавала себя въ этой, окружавшей ее обстановкѣ, и все по прежнему корчился предъ глазами удавъ, все съ тою же ехидностью поджидалъ онъ свою жертву, безпечнаго, спокойнаго Коваленко.

«Нѣтъ!... Это не удавъ! Это человѣкъ!... Съ ногъ до головы сѣрымъ пледомъ окутанный человѣкъ.... Съ его блѣдноматовымъ лицемъ, съ красивою, синяго отлива бородою, со взглядомъ, то столь дорогихъ, въ душу западающихъ, и нѣжныхъ и глубокихъ, то страшныхъ, кровь въ ней холодящихъ, ненавистныхъ, какимъ-то дикимъ огнемъ освѣщенныхъ большихъ черныхъ глазъ.... Да!... Это удавъ.... Это онъ.... Несомнѣнно онъ.... Александръ!... Онъ.... Другъ ея дѣтства, надежда ея матери, идеалъ юныхъ грезъ ея безсонныхъ, дѣвичьихъ ночей».

«И вѣчно, вѣчно, клянусь Богомъ, клянусь прахомъ отца моего, буду любить тебя, тебя одну....» опять и еще отчетливѣе проговорилъ онъ теперь. Вѣра Павловна громко разсмѣялась, и какъ-бы испугавшись своего же смѣха, стихла въ тотъ же мигъ.—И гдѣ же онъ?... Гдѣ?.... Онъ—удавъ! Онъ и былъ имъ....

Онъ только прикидывался человѣкомъ. Онъ высосалъ изъ ея груди лучшія силы, онъ умертвилъ въ ней свѣтлыя надежды, онъ похитилъ у нея самое право на счастье!... Онъ—ея удавъ!

Вѣра Павловна крѣпко стиснула виски правою рукою.... Какъ въ огнѣ горѣла голова, кипѣли мысли, одна за другою, все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ освѣщеніемъ поднимались въ ней мельчайшія подробности пережитаго.... То окутанный сѣрымъ пледомъ человѣкъ съ его тихимъ, вкрадчивымъ, любовью дышавшимъ голосомъ; то подъ бѣлымъ покрываломъ исхудалая страдалица покойная мать, то церковь.... То черная женщина съ чернымъ крестомъ на груди.... То.... И опять все путалось, переплеталось, какъ тѣни въ туманѣ, блѣдны становились только-что дышавшіе на нее и живые, и отчетливые образы.

«Баронъ жилъ взрослымъ, но умеръ, какъ дитя.... Я живу ребенкомъ, по вашему,—надрывая сердце смѣхомъ, говорилъ блѣдный Вася.—Но.... умру, какъ взрослый!» совсѣмъ тихо добавлялъ онъ.

— И неужели она, Наташа, она, мечта ея лучшихъ надеждъ—удавъ?!... Удавъ барона, удавъ Васи! ужаснулась Вѣра Павловна и ей вспомнилась та же Наташа въ квартирѣ Коваленко, когда движимая искреннимъ, живымъ, глубокимъ сочувствіемъ къ ней, такъ обняла ее, такъ горячо поцѣловала.

— Ну, полно объ этомъ! движеніемъ головы, какъ будто что-то съ себя стряхивая, громкимъ голосомъ проговорилъ Коваленко.—Я вамъ, матушка, сегодня приготовилъ двѣ маленькія диковинки,—и опять все смѣшалось, туманомъ подернулись глаза.

— Матуська, баисня, радимая наша, встрепенулись дѣвочки. Вѣдь это все онъ.... Онъ, этотъ странный человѣкъ, человѣкъ никогда и никого не любившій, и въ то же время только и думавшій объ ея довольствѣ чуть ли не съ того же дня, когда такъ неожиданно, такъ безпричинно оттолкнула его отъ себя.... Вѣдь онъ же дубъ.... Сирый, одинокій дубъ!... Его сорветъ буря и ничто, ничто не напомнитъ объ немъ.... Какъ это все странно?! Дубъ, удавъ, Коваленко, Александръ!... Такъ не я же удавъ его, какъ Александръ—мой, какъ Наташа—удавъ барона, удавъ Васи,—и, громко хрустнувъ пальцъ о пальцъ, Вѣра Павловна выпрямилась.

— Оставьте, матушка, прошлое прошлому, а будущее намъ! явился передъ ней Коваленко въ ярко освѣщенномъ залѣ, почти рука объ руку съ нею, за зеленью, на стулѣ.

— Будущее?! глухо прошептала она.—Да развѣ у нея есть будущее, развѣ можетъ она отдаться этому правдивому человѣку и, разъ отдавшись, не оскорбитъ еще глубже, чѣмъ самымъ отказомъ, его честное прошлое?!... О! Никогда, ничто въ свѣтѣ не заставитъ ее рѣшиться на это! и рѣзкимъ движеніемъ головы отбросивъ косу за плечи, она быстро сошла съ кровати, провела рукою по глазамъ, осмотрѣлась — посинѣлъ у лампады золотистый огонекъ, день смотрѣлъ ужъ въ окна.

— И неужели онъ не понялъ, не додумался? и, сдѣлавъ отъ кровати къ дивану нѣсколько шаговъ, она пріостановилась, глубоко задумалась.—А если.... если нѣтъ?... Если думаетъ, что не сочувствую.... что старъ.... что... гадокъ? подшепнулъ какой-то внутренній голосъ. Какъ страдаетъ тогда! Какъ должна томить, угнетать его эта невыносимая мысль! И за что же?! За вниманіе, за сочувствіе?! опять и съ новою силою ужаснулась Вѣра Павловна.

— О, нѣтъ, нѣтъ!... Развѣ въ такомъ случаѣ можно щадить себя!... Пусть осудитъ, пусть оттолкнетъ, пусть въ глаза скажетъ, что не стою его.... Пусть.... Развѣ не всю жизнь страдала, развѣ страданіе страшно мнѣ, ново?!

— Андрей!... Самоваръ въ третій номеръ! тоненькимъ голоскомъ проговорила, у самой двери, горничная.

Вѣра Павловна вздрогнула, подошла къ окну, быстро подняла штору.... Морознаго утра солнце весело заглянуло ей въ лицо....

Черезъ улицу, на крышѣ, точно умываясь въ снѣгу, длиннымъ чернымъ носомъ хлопотала галка. Съ окномъ поровнялся *ванька*.... Стоя въ саняхъ, онъ усердно нахлестывалъ свою рыжую, истощенную лошаденку.... Вѣра Павловна открыла форточку и, слегка поддавшись къ ней всею грудью, жадно потянула въ себя, такъ пріятно пахнувшую ей прямо въ лицо, холодную струю. Она какъ будто теперь только сознала, теперь только почувствовала, какою слабостью въ рукахъ, въ ногахъ сказалась эта тревожная, лихорадочная, полусна, полубреда, ночь.

М. Іогель.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Надъ могилою падшей женщины.

Спи, многогрѣшная, горемъ богатая!
Смерти холодной объятья теплѣй,
Мягче, любовнѣй, чѣмъ ласка проклятая
Душу твою истерзавшихъ людей.

Спи, отдыхай и не рвися, безумная,
Къ солнцу и радостямъ юной весны:
Цвѣтики алые, ноченька лунная—
Жизни печальной красивые сны.

Счастье обманетъ тебя одинокую,
Встрѣтитъ ударами слабую грудь;
Снова запросишься въ яму глубокую,
Снова захочется въ ней отдохнуть,

Снова придется въ рыданьяхъ измаяться....
Міръ, что и прежде тебя развратилъ,
Міръ плотоядный, опять надругается,
Сломитъ остатокъ загубленныхъ силъ....

Та же борьба нищеты и желанія,
Тѣ же соблазны голодной красы,
Льстивыя рѣчи, обманъ, и страданія
Травки, подкошенной взмахомъ косы.

Жерновъ завертится, сердце терзающій
Въ мелкіе клочья и ночью, и днемъ,—
Въ вихрѣ сольются—твой плачъ надрывающій,
Гомонъ и хохотъ, кутежъ и содомъ.

Не искушай эту силу могучую,
Слезы изъ глазъ омертвѣвшихъ не лей....
Я посажу тебѣ иву плакучую,
Станетъ тебя навѣщать соловей;

Будетъ онъ пѣть про любовь и страданія,
Въ сердцѣ разбитомъ созвучья искать,
Пѣснею, полной тоски и рыданія,
Цѣлыя ночи томить и ласкать.

А. О.....ъ.

Очерки изъ исторіи крѣпостнаго права въ Великороссіи во второй половинѣ XVIII в.

VII.

Управленіе имѣніями. — Власти, назначаемыя помѣщикомъ и выбираемыя крестьянскимъ міромъ.—Правила относительно вотчиннаго управленія. — Обязанность помѣщика заботиться о прокормленіи крестьянъ.— Вопросъ о распространеніи грамотности среди крѣпостныхъ.—Ничтожное число школъ, устроенныхъ помѣщиками.—Значеніе и дѣятельность крестьянскаго схода въ помѣщичьихъ вотчинахъ.

Въ предыдущей главѣ мы разсмотрѣли, какимъ наказаніямъ могли помѣщики подвергать своихъ дворовыхъ и крестьянъ, указали и на многіе случаи злоупотребленія этою властію. Было бы однако большою ошибкою думать, что крестьяне за всѣ свои проступки всегда подлежали суду самого помѣщика: нужно обратить вниманіе на ту роль, какую играли въ отправленіи правосудія, а также и въ управленіи имѣніемъ мѣстныя вотчинныя власти, назначаемыя помѣщикомъ или выборныя, а также весь крестьянскій міръ. Помѣщики, въ большинствѣ случаевъ, уже потому лично не могли исполнять обязанности судьи, что бо̀льшая часть ихъ не жила въ своихъ имѣніяхъ *). Въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщикъ жилъ въ своей вотчинѣ, крестьяне обыкновенно состояли на барщинѣ и господинъ непосредственно руководилъ работами, творилъ судъ и расправу. Но нужно замѣтить, что почти всѣ помѣщики признавали значеніе крестьянскаго міра, совѣтовались съ нимъ о дѣлахъ, раздѣляли съ нимъ свою административную и судебную власть, вступая въ непосредственное управленіе своими крестьянами. Извѣстный уже намъ Лунинъ занесъ такія пожеланія въ свои записки: «желаю распорядить

*) Это видно изъ списковъ дворянъ, составленныхъ въ 1777 г.

такъ, дабы крестьянинъ не былъ отягощенъ, ни доходъ мой уменьшенъ, и для того всегдашніе мои совѣтники будутъ безкорыстіе и человѣколюбіе, а какъ въ хозяйствѣ не имѣю я довольно практическихъ опытовъ, то да будетъ мнѣ правиломъ слѣдующее: 1) стараться узнать наиточнѣе наблюдаемый порядокъ и, оставя его въ своемъ теченіи, смотрѣть, что и какъ дѣлается, и тогда 2) буде бъ что не нравилось, или бъ не согласовалось съ лучшимъ опытомъ, тогда перемѣнить, но не прежде однакожъ, какъ поговоря съ умными изъ крестьянъ и хозяевами о томъ, какъ есть и какъ бы быть должно, и внушить имъ намѣремую (предполагаемую) перемѣну способомъ не самовластнымъ, но снисходительнымъ; 3) во всѣхъ по хозяйству заведеніяхъ вообще поступать безъ торопливости, съ крайней осторожностію, слѣдовательно опыты производить не надъ цѣлымъ, а надъ частью, и тѣмъ себя и моихъ хлѣбопашцевъ лучше удостовѣрить; 4) стараться по всей возможности, чтобъ принадлежащіе мнѣ меня болѣе любили, нежели боялись, и всякій бы исполнялъ свое дѣло съ усердіемъ и съ исправностію.»

Управленіе всѣми имѣніями богатаго помѣщика обыкновенно сосредоточивалось въ одномъ учрежденіи, изъ котораго разсылались указы къ мѣстнымъ вотчиннымъ властямъ и куда присылались донесенія изъ вотчинъ: у Румянцева оно называлось «домовою канцеляріею», у Суворова «оберъ-конторою».

По словамъ біографа В. Г. Орлова, въ его главной конторѣ «начальствовавшіе были въ миніатюрѣ скорѣе государственными людьми, нежели агрономами и спеціалистами. Они докладывали о дѣлѣ вмѣстѣ со своимъ проектомъ резолюціи, подписаннымъ ими единогласно, или съ мнѣніями и представленіями, а графъ, по разсмотрѣніи всего дѣла и мнѣнія конторы, возвращалъ ихъ въ контору съ своимъ утвержденіемъ или съ измѣненными приказами». Должность конторщиковъ В. Г. Орлова, не смотря на незначительное жалованье, была очень выгодна: одинъ изъ нихъ оставилъ по смерти своей женѣ 25.000 руб.; само собою разумѣется, что деньги эти были скоплены съ помощію взятокъ съ крестьянъ, имѣвшихъ дѣло въ главной конторѣ *). Въ ухо-

*) Что взятки обыкновенно брались людьми, приближенными къ помѣщику, видно изъ слѣдующаго предписанія Суворова въ одну изъ вотчинъ: „моимъ дворовымъ людямъ никакихъ посуловъ давать не дерзать..., а кто изъ нихъ отважится оныхъ посуловъ требовать, то значать его имя ко мнѣ прямо въ отпискахъ“.

женіи В. Г. Орлова предписано представлять въ контору донесенія о дѣлахъ по проступкамъ крестьянъ, которыя мѣстныя власти не могли по чему либо рѣшить, о тяжебныхъ дѣлахъ съ сосѣдями и денежные отчеты. Въ дѣлахъ перваго рода судившіе должны были прилагать свое мнѣніе о томъ, кто правъ, кто виноватъ и какому наказанію подлежитъ виновный; по спорнымъ дѣламъ между крестьянами, доходящимъ до разсмотрѣнія конторы, изъ вотчины должно было доставлять свѣдѣнія о нравственности каждаго изъ тяжущихся. Крестьянамъ было запрещено подавать просьбы прямо въ главную контору, мимо бурмистра.

Не рѣдко помѣщики не назначали въ деревни, гдѣ они не жили сами, никакого управителя, оставивъ все хозяйство на попеченіе бурмистра или старосты, а въ экстренныхъ случаяхъ обращались за помощію къ какому-нибудь поселившемуся въ деревнѣ сосѣду. Но если крестьяне состояли на барщинѣ, то въ такую вотчину обыкновенно назначался управитель изъ вольнонаемныхъ, а не рѣдко и изъ крѣпостныхъ.

Такъ какъ землевладѣльцамъ приходилось составлять подробныя наставленія для своихъ управляющихъ, то вольное экономическое общество вздумало помочь имъ въ этомъ, сочинивъ, такъ сказать, нормальную инструкцію. Въ 1768 г. была объявлена, по предложенію гр. А. С. Строгонова, конкурсная задача (на медаль въ 35 червонцевъ, а черезъ годъ — въ 70 червонцевъ): составить «наказъ управителю». Въ 1770 г. получили по золотой медали, каждая въ 35 червонцевъ, извѣстные агрономы того времени — Рычковъ и Болотовъ, а въ 1769 г. было признано достойнымъ награды сочиненіе бар. Вольфа.

По наказу бар. Вольфа, обязанности управителя состояли во-первыхъ въ надзорѣ за работами, содержаніи скота, разведеніи садовъ, продажѣ собранныхъ продуктовъ; затѣмъ онъ долженъ былъ наблюдать порядокъ при отдачѣ въ рекруты (причемъ сдавать прежде всего лѣнивыхъ и праздношатающихся), собирать по третямъ подушныя деньги, выслушивать крестьянскія жалобы, судить и наказывать, смотря по винѣ. Съ этою цѣлію бар. Вольфъ совѣтовалъ «каждый понедѣльникъ созывать на господскій дворъ старостъ и работниковъ для рѣшенія жалобъ, для наказанія виноватыхъ и для оказанія всякому правосудія»; къ этому онъ добавляетъ такое предписаніе управителю: «при себѣ одномъ не наказывать никого на тѣлѣ, но при старостахъ». Въ болѣе важныхъ случаяхъ Вольфъ рекомендовалъ наказаніе и при

всемъ крестьянскомъ сходѣ: «если кто изъ крестьянъ убѣжитъ съ мотовства, или будетъ держать у себя пришлыхъ людей, того, въ примѣръ другимъ, наказывать при всѣхъ мірянахъ»; точно также при сходѣ слѣдуетъ наказывать сельскихъ властей, виновныхъ во взяткахъ. Управитель долженъ былъ еще наблюдать за тѣмъ, чтобы крестьяне исполняли религіозныя обязанности. Авторы другихъ наставленій обращали вниманіе и на иныя обязанности управителя: такъ Рычковъ настаивалъ на важности ежегодной разверсти тяголъ. Воронцовъ, въ статьѣ «о способахъ къ исправленію сельскаго домостроительства», высказывалъ справедливую мысль, что отправленіе правосудія въ дѣлахъ между крестьянами одной вотчины слѣдуетъ довѣрить суду, составленному изъ выборныхъ, запретивъ управителямъ и прикащикамъ мѣшаться въ это дѣло; обязанность же послѣднихъ должна ограничиваться тѣмъ, чтобы они распоряжались барщинными работами, не допускали обремененія одного крестьянина болѣе другаго, наблюдали, чтобы крестьяне никуда не уходили безъ ихъ вѣдома.

Составители печатныхъ наказовъ, разумѣется, не могли предусмотрѣть всего необходимаго для каждаго отдѣльнаго владѣльца и потому, и послѣ изданія наказовъ, помѣщики составляли свои инструкціи. Болѣе обстоятельныя наставленія переписывались и другими помѣщиками для разсылки по ихъ вотчинамъ: такъ мы знаемъ, что подробное «уложеніе», составленное гр. В. Орловымъ, было почти безъ измѣненія заимствовано его знакомымъ, кн. Оболенскимъ. Нѣкоторые владѣльцы, желавшіе добра своимъ крѣпостнымъ, присылали самыя гуманныя наставленія управляющимъ, но въ томъ-то и бѣда, что какъ ни подробны были иной разъ инструкціи, онѣ не гарантировали крестьянъ отъ всевозможныхъ злоупотребленій поставленнаго надъ ними начальства: управители сплошь и рядомъ не довольствовались опредѣленнымъ жалованьемъ и вынуждали у крестьянъ взятки.

Въ однѣхъ вотчинахъ были управители, въ другихъ прикащики, но, какъ тѣ, такъ и другіе одинаково назначались помѣщиками; обязанности ихъ были также однѣ и тѣ же, только титулъ управителя былъ почетнѣе, и потому лица дворянскаго сословія, которымъ ввѣрялось управленіе имѣніемъ, назывались всегда не прикащиками, а управителями; прикащиками же сплошь и рядомъ были крѣпостные. Управители и прикащики получали опредѣленное годовое жалованье, кромѣ того имъ давали разные

припасы натурою и позволяли содержать на счетъ помѣщика опредѣленное количество скота. Татищевъ въ своихъ «экономическихъ запискахъ» говоритъ: «прикащикъ ни подъ какимъ видомъ не долженъ имѣть присѣвокъ или пашню кромѣ своего дохода, положеннаго отъ помѣщика, а можетъ держать скотъ на барскомъ корму, сколько ему позволено будетъ»; но всего лучше давать прикащику денежное жалованье. У Румянцева управители могли содержать на помѣщичьемъ корму по 3 коровы, по 6 овецъ, гусей, индѣекъ и куръ по 4; прикащики — по 2 коровы, а овецъ и птицъ въ половину противъ управителя. Кромѣ того, управители и прикащики для своего продовольствія пользовались одною дойною коровою изъ помѣщичьяго скота; для услуженія этимъ вотчиннымъ начальникамъ назначалось по одной женщинѣ. Одинъ помѣщикъ писалъ въ 1806 г.: «за всѣмъ хозяйствомъ другого смотрителя не потребно, какъ русскій прикащикъ изъ холопей, или той же деревни изъ крестьянъ староста, который будетъ весьма доволенъ, живучи въ своемъ домѣ, если господинъ ему пожалуетъ въ годъ 20 руб. деньгами, синій кафтанъ и красную шапку». Обычныя злоупотребленія и нечестность прикащиковъ заставили Татищева сказать, что если «помѣщикъ самъ своей экономіи видѣть за отлучкою не можетъ, то, отдавъ всю землю и всякія угодья крестьянамъ», получитъ гораздо бо́льшую пользу, чѣмъ заочно содержа прикащика или старосту.

У нѣкоторыхъ помѣщиковъ были изъ крѣпостныхъ людей не только прикащики, но и ходатаи по разнымъ дѣламъ въ различныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Такъ у Суворова одинъ крестьянинъ, бывшій въ молодости писаремъ при вотчинѣ, отлично понималъ дѣла по генеральному размежеванію и разверстанію угодій съ сосѣдними помѣщиками. Ему удавалось заключать съ ними сдѣлки, весьма выгодныя для господина, и потому Суворовъ относился къ нему самымъ дружескимъ образомъ, хвалилъ и награждалъ его. Сосѣдній помѣщикъ, присматривавшій за новгородскими вотчинами Суворова, посовѣтовалъ ему назначить этому крѣпостному ходатаю по дѣламъ по 120 руб. жалованья въ годъ, такъ какъ порученія помѣщика мѣшали ему какъ слѣдуетъ вести собственное хозяйство; онъ предлагалъ также, чтобъ этому крестьянину «запашку имѣть прежнюю и косить прежніе участки», т. е. чтобъ его не касались передѣлы земель; во время жатвы брать на работу бабъ, держать лоша-

дей и скота сколько захочетъ. Эти совѣты были, вѣроятно, исполнены Суворовымъ.

Управители и прикащики всегда назначались помѣщикомъ; бурмистры и старосты то выбирались крестьянскимъ міромъ, то назначались господиномъ. Въ вотчинахъ Орловыхъ бурмистры были выборные; по уложенію гр. В. Орлова, крестьяне не могли только смѣнять ихъ безъ согласія помѣщика; въ случаѣ временнаго отсутствія бурмистра, его замѣнялъ другой крестьянинъ, тоже выборный на мірской сходкѣ. Въ помощь бурмистру выбирались въ имѣніяхъ Орлова ежегодно 2 человѣка, а если міръ находитъ нужнымъ, то и болѣе. Въ ярославской вотчинѣ Яковлева, бурмистръ, предложившій своимъ товарищамъ устроить кассу для взаимнаго вспомоществованія (см. выше), былъ также выбранъ міромъ. Авторъ книги «Плугъ и соха» говоритъ: «смотрѣніе за деревнями имѣетъ или отъ господина опредѣленный, или самими крестьянами избранный староста». Помѣщикъ Лунинъ предоставилъ назначеніе и смѣну старостъ своему управляющему.

Сельскія власти изъ крестьянъ пользовались нѣкоторыми льготами. Суворовъ, назначая одного старосту, писалъ, что если онъ будетъ хорошо исполнять свои обязанности, то «въ работахъ ему будетъ помощь отъ міра.»

В. Орловъ установилъ такія правила относительно обязанностей бурмистра и его помощниковъ «выборныхъ». Бурмистру принадлежитъ главное начальство въ вотчинѣ и всѣ крестьяне должны быть у него въ полномъ послушаніи; въ помощь ему ежегодно выбираются два человѣка или, по усмотрѣнію міра, и болѣе. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ бурмистръ долженъ былъ совѣтоваться съ выборными и другими «лучшими» людьми, а если нужно, то и со всѣмъ міромъ; вмѣстѣ же съ выборными онъ чинитъ судъ и расправу, хотя опять-таки есть дѣла, поступающія на разсмотрѣніе всего міра. Мірской сходъ собирается не иначе, какъ по повѣсткѣ бурмистра; мірскія деньги выдаются хранящимъ ихъ только по приказанію бурмистра и съ согласія выборныхъ; они же повѣряютъ цѣлость мірской кассы. Бурмистръ долженъ былъ писать въ главную контору о томъ, кто заслуживаетъ быть сданнымъ въ рекруты; тѣхъ, кто укрывается во время рекрутчины и явится по окончаніи набора, онъ долженъ былъ отдавать въ солдаты немедленно. Бурмистръ съ выборными лучшими крестьянами и ближайшими родственниками долженъ

былъ назначать опекуна не только надъ малолѣтными, но и надъ взрослыми, неспособными къ управленію своимъ домомъ,—сумасшедшими, дураками и людьми расточительными, и потомъ присматривать за опекунами, чтобы интересы опекаемыхъ не пострадали. Бурмистръ съ выборными и «лучшими стариками» должны были пріискивать жениховъ дѣвушкамъ, обращая вниманіе на то, чтобы браки были равные, какъ по личнымъ достоинствамъ, такъ и по состоянію. На бурмистра возлагались еще болѣе щекотливыя обязанности: онъ и другія начальствующія лица должны были «унимать впадшихъ въ прелюбодѣяніе», а также заботиться о призрѣніи незаконно-рожденныхъ подкидышей. Мы увидимъ ниже, что крѣпостные крестьяне В. Орлова имѣли, въ свою очередь, купленныхъ слугъ; на пріобрѣтеніе такихъ работниковъ или работницъ слѣдовало испросить разрѣшеніе у бурмистра и оно давалось только людямъ хорошаго поведенія; бурмистръ же долженъ былъ наблюдать, чтобы хозяева не обременяли этихъ «покупныхъ людей» излишнею работою и не наказывали ихъ безъ уважительной причины, въ противномъ случаѣ онъ могъ отбирать ихъ (конечно, въ пользу помѣщика) безъ всякаго вознагражденія. Бурмистръ выдавалъ крестьянамъ для отлучки въ неотдаленныя мѣста письменные виды за своею подписью и присматривалъ, чтобы въ вотчинѣ никто не держалъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ. Наконецъ, крестьяне не могли отдавать въ наемъ своихъ поземельныхъ участковъ безъ согласія бурмистра. Жалованье бурмистру назначалъ міръ въ томъ размѣрѣ, какой находилъ нужнымъ; отъ міра также зависѣло дать или не дать жалованье выборнымъ.

Въ одномъ значеніи со словомъ бурмистръ употреблялись иногда и термины—староста и выборный, т. е. въ смыслѣ главнаго начальника надъ вотчиною въ отсутствіе барина; но эти должности чаще имѣли второстепенное значеніе. Рычковъ въ своемъ «Наказѣ для прикащика» говоритъ: «что надлежитъ до опредѣленія крестьянъ въ выборные, въ старосты, въ цѣловальники къ приходамъ и расходамъ и въ другія волостныя, сельскія и деревенскія надобности, то въ большихъ вотчинахъ можно сіе оставить на выборъ и усмотрѣніе прикащиковъ и выборныхъ, развѣ самъ помѣщикъ по знаемости и довѣренности захочетъ когонибудь изъ крестьянъ своихъ въ ту или другую должность употребить, что всегда можетъ оставаться въ его волѣ; а когда оные люди по мірскому выбору и по усмотрѣнію самихъ упра-

вителей и прикащиковъ будутъ въ тѣ должности опредѣлены, то, въ случаѣ неисправности ихъ, должны они за нихъ и отвѣтствовать. А въ небольшихъ и въ малыхъ деревняхъ выборные и старосты *опредѣляются по выбору мірскихъ людей*, за которыхъ также всѣмъ міромъ надлежитъ и отвѣтствовать.» Тутъ, слѣдовательно, по мысли Рычкова, прикащикъ оказывается ненужнымъ и выборныя мірскія власти сохраняютъ свое полное значеніе.

Кромѣ бурмистровъ, старостъ и выборныхъ были еще цѣловальники, выбиравшіеся крестьянскимъ міромъ для храненія денежной казны помѣщика.—Въ вотчинахъ В. Орлова были еще особые сборщики оброка и затѣмъ, для провѣрки мірскихъ суммъ, ежегодно выбирались счетчики.—Для веденія всего письмоводства въ помѣщичьихъ имѣніяхъ (точно также, какъ и въ волостяхъ государственныхъ крестьянъ) были *земскіе* (т. е. земскіе дьяки или дьячки, писаря). Уложеніе Орлова такимъ образомъ опредѣляетъ его обязанности: онъ долженъ былъ содержать въ порядкѣ всѣ письменные дѣла и счеты, посылать дѣла въ главную контору, доставлять туда же чрезъ извѣстные сроки роспись нерѣшенныхъ дѣлъ, заносить въ журналъ всѣ приказы изъ главной конторы, хранить мірскіе приговоры и записывать ихъ въ книгу. Земскій, по уложенію Орлова, долженъ быть въ полномъ послушаніи у бурмистра, который могъ не только наказывать его, но даже отрѣшить отъ должности.

Помѣщики подвергали иногда своихъ прикащиковъ тяжелымъ наказаніямъ за разныя провинности; не избѣгали въ извѣстныхъ случаяхъ кары и другія вотчинныя власти. Главнымъ преступленіемъ ихъ была неаккуратная доставка оброка; за эту вину помѣщикъ, которому Суворовъ поручилъ присмотръ за своими вотчинами, приказываетъ держать старосту въ оковахъ, пока тотъ не внесетъ оброчныхъ денегъ сполна *).

У Румянцева, за нарушеніе правилъ данной имъ инструкціи, полагалось: управителей и прикащиковъ лишать годоваго жалованья и, кромѣ того, причиненный убытокъ взыскать съ нихъ втрое, а если сдѣлаетъ это бурмистръ, староста или цѣловальники, то съ нихъ брать штрафъ по 10 руб. и взыскать убытки, а ихъ самихъ, или за негодностію—ихъ дѣтей, сдавать въ рекруты безъ жребія.

---

*) Впрочемъ Суворовъ предписалъ не обращаться впредь къ подобнымъ мѣрамъ.

Румянцевъ въ своей инструкціи далъ подробныя правила о томъ, какому наказанію слѣдуетъ подвергать крестьянъ за каждое преступленіе; такимъ образомъ въ его вотчинахъ, даже и при отсутствіи помѣщика, дѣйствовала барская воля: господинъ какъ бы заочно произносилъ приговоръ, мѣстнымъ властямъ приходилось только подвести преступленіе подъ тотъ или другой параграфъ правилъ, составленныхъ господиномъ. Другіе помѣщики предоставляли въ этомъ отношеніи больше свободы мѣстнымъ властямъ. В. Орловъ требуетъ, чтобы его утвержденію подлежали только два вида наказанія: ссылка на поселеніе въ Сибирь и отдача въ рекруты. «Ежели начальство усмотритъ», сказано въ его «уложеніи», «что, не смотря на всѣ увѣщанія и сдѣланныя наказанія, порочный не исправляется, тогда *совѣтуется съ міромъ* и представляетъ въ контору мою, отдать ли въ рекруты, или за негодностію продать, или удалить на поселеніе и ожидать рѣшенія. Порочныхъ отдавать въ рекруты и тѣхъ, которые отправили свою очередь, а негодныхъ отлучать отъ вотчины, разумѣется когда они сіе заслуживаютъ. На пороки ихъ дѣлать мірскіе приговоры, прописывая именно, въ чемъ состоятъ и что къ поправленію ихъ нѣтъ надежды. Сіи приговоры доставлять въ контору мою и ожидать рѣшенія. Безъ воли же моей никакого порочнаго въ рекруты не отдавать и отъ вотчины не отлучать.» Такимъ образомъ и въ этихъ дѣлахъ инициатива принадлежала мѣстнымъ властямъ и крестьянскому міру, а господинъ только утверждалъ или отвергалъ приговоръ *). Если господинъ самъ жилъ въ вотчинѣ, то, конечно, онъ могъ сдавать въ рекруты въ видѣ наказанія и безъ совѣщанія съ міромъ.—Посмотримъ теперь къ какимъ наказаніямъ и за что могли присуждать мѣстныя власти по уложенію В. Орлова. Къ тѣлесному наказанію приговаривались по усмотрѣнію бурмистра и выборныхъ во-первыхъ укрывавшіеся отъ рекрутчины (не рѣдко за эту вину явившихся немедленно сдавали въ рекруты, не дожидаясь другого набора), произведшіе семейный раздѣлъ безъ дозволенія бурмистра, выборныхъ и лучшихъ людей, за небереженіе отъ огня и, разумѣется, многія другія провинности. Наказывать слѣдовало розгами и ба-

*) Рычковъ въ „Наказѣ для прикащика“ совѣтуетъ порочныхъ людей помоложе отдавать въ солдаты, а стариковъ ссылать на поселеніе съ зачетомъ въ рекруты, но только испросивъ на то согласіе помѣщиковъ; „въ случаѣ жъ отдаленныхъ ихъ отлучекъ поступать съ согласія выборныхъ старостъ и лучшихъ крестьянъ, а не собою.“

тогами, но не плетьми *). Для разбогатѣвшихъ мужиковъ тѣлесное наказаніе, по крайней мѣрѣ при первыхъ проступкахъ, замѣнялось денежнымъ штрафомъ. За невыдачу замужъ дѣвушки, достигшей 20 лѣтъ, велѣно было «взыскивать ежегодно съ средняго дома 25 руб., съ богатаго 50 руб.», бѣдныхъ же наказывать тѣлесно.

Татищевъ, въ своихъ «экономическихъ запискахъ» предписывалъ завести тюрьму, сажать туда провинившихся и не давать имъ хлѣба по двое и по трое сутокъ. Въ дѣлахъ екатерининскаго времени мы не нашли указаній на особыя тюрьмы въ помѣщичьихъ вотчинахъ; ихъ замѣняли, въ случаѣ надобности, амбары и сараи, и только у помѣщика Карташева мы встрѣчаемъ нѣчто въ родѣ тюрьмы (особая изба съ заколоченными окнами).

Спорныя дѣла между крестьянами одной вотчины рѣшались, по уложенію Орлова, бурмистромъ и выборными; если при этомъ «между тяжущимися никакими способами до истины дойти невозможно» и примиреніе не состоится, то «по законамъ гражданскимъ должно рознять вѣрою (т. е. присягою), и отдается на волю отвѣтчика, самъ ли онъ пожелаетъ очиститься присягою, или истцу отдаетъ на душу, чѣмъ и тяжба рѣшится.» Съ посторонними же людьми всѣмъ «рядовымъ» крестьянамъ запрещалось входить въ тяжбы, а слѣдовало представлять вотчинному начальству, которое, въ свою очередь, доноситъ въ главную контору.

Оброкъ доставлялся крестьянами господину обыкновенно въ два срока; въ случаѣ неисправности нѣкоторыхъ крестьянъ, имъ дѣлалась иногда отсрочка отъ полугода до трехъ лѣтъ. Въ случаѣ какого нибудь несчастія—особеннаго неурожая или пожара, нѣкоторые помѣщики на время освобождали своихъ крестьянъ отъ оброка, или, по крайней мѣрѣ, уменьшали его: такъ поступилъ по случаю пожара Лунинъ. Бывало все-таки, что на оброчной вотчинѣ накапливалась недоимка; В. Орловъ, требуя ея пополненія, грозилъ въ противномъ случаѣ перевести оброчныхъ крестьянъ на барщину, а Суворовъ послалъ своей пензенской вотчинѣ такой приказъ: «вы по сіе время достальной оброкъ мнѣ не высылаете. Я за долгъ мой очень дорого плачу, и все то на васъ положу въ штрафъ. Еще мало пожду и принужденъ буду

*) Лунинъ предписывалъ своему управляющему наказывать крестьянъ при сходѣ только розгами.

къ вамъ послать нарочнаго на вашъ счетъ по почтѣ, который все сполна съ васъ взыщетъ со всѣми моими отъ васъ убытками, да еще, думаю, въ удовольствіе ваше, накажетъ тѣлесно всѣхъ первостепенныхъ крестьянъ, хотя того у меня и не водится.»

При взысканіи оброка примѣнялась круговая порука: зажиточные отвѣчали за бѣдныхъ. Орловъ предписываетъ въ своемъ уложеніи снимать съ бѣдныхъ и малолѣтныхъ извѣстное число душъ, не лишая ихъ въ то же время земли, и накладывать эти души на зажиточныхъ. Воронцовъ въ своей статьѣ говоритъ: «обыкновенно у насъ нынѣ прямые хлѣбопашцы и добрые хозяева многимъ отягощаются предъ лѣнивцами, что весьма несправедливо и со вредомъ великимъ, какъ-то: когда бѣдные, или, справедливо назвать, лѣнивые, не заплатятъ государственную подать или владѣльческую, то оную сбираютъ съ исправныхъ и тѣмъ самые добрые поселяне огорчаются, а лѣнивымъ даютъ поводъ больше лѣниться.» Воронцовъ находилъ необходимымъ, чтобы бѣдные заработывали зажиточнымъ по установленнымъ цѣнамъ то, что послѣдніе за нихъ заплатятъ. Въ оброчныхъ вотчинахъ такъ, по всей вѣроятности, и дѣлалось.

Вліяніе помѣщика не ограничивалось только требованіемъ извѣстныхъ повинностей или взиманіемъ оброка; оно обнимало всѣ стороны жизни крестьянъ и непосредственно или при помощи вотчинныхъ властей и крестьянскаго міра подчиняло крестьянъ извѣстнымъ установленнымъ помѣщикомъ правиламъ: мы встрѣтимъ тутъ и нѣкоторыя ограниченія личныхъ правъ, и предписанія полицейскія, и иной разъ попытку регламентировать почти всю жизнь крестьянина. Всего непріятнѣе для него, конечно, было вмѣшательство самого помѣщика, или, по барскому приказанію, всего міра, въ его семейную жизнь: крестьянинъ не былъ вполнѣ увѣренъ, что ему удастся женить сына или выдать замужъ дочь по собственному усмотрѣнію; особенно, если онъ не успѣвалъ сдѣлать этого до достиженія его дѣтьми извѣстнаго возраста, то вызывалъ такою медлительностію внѣшнее понужденіе; точно также не были властны члены одной семьи произвести раздѣлъ исключительно по своему желанію. Наконецъ крестьянинъ не могъ ступить шагу изъ вотчины безъ согласія барина, или разрѣшенія мѣстныхъ властей. Но объ этихъ ограниченіяхъ личныхъ правъ крестьянина мы будемъ еще говорить подробно, теперь же остановимся на нѣкоторыхъ пра-

вилахъ благоустройства и благочинія, установленныхъ помѣщиками.

Извѣстно, какъ часто и въ настоящее время крестьяне страдаютъ отъ пожаровъ; естественно, что помѣщики обращали на это зло серьезное вниманіе и старались подробными правилами о различныхъ предосторожностяхъ предупредить несчастія. Еще Волынскій, въ инструкціи дворецкаго, внимательно останавливается на этомъ вопросѣ и предписываетъ завести въ деревняхъ лѣстницы, крючья и вилы; онъ желалъ даже, чтобъ въ каждой деревнѣ были поставлены высокія караульни съ колоколомъ, гдѣ долженъ былъ постоянно находиться часовой. Татищевъ совѣтовалъ не дозволять крыть избы соломою, класть печи непремѣнно съ трубами, лѣтомъ во дворахъ не топить, а готовить кушанье въ особыхъ печахъ, не сушить въ избахъ льну, не ходить по дворамъ съ зажженною лучиною. На этотъ предметъ обращаетъ большое вниманіе и Орловъ въ своемъ уложеніи; онъ предписываетъ крестьянамъ опредѣлить на сходѣ, кому обзавестись тѣмъ или другимъ пожарнымъ инструментомъ, съ которымъ и являться въ случаѣ несчастія, а также даетъ, подобно Татищеву, и другія наставленія.

Въ случаѣ особенной тѣсноты жилищъ помѣщикъ переселялъ крестьянъ на новое мѣсто. Лунинъ въ 1793 г. далъ такой приказъ въ домовое правленіе одной изъ своихъ вотчинъ. Тамошніе крестьяне жили такъ тѣсно, что нѣкоторые на два тягла имѣли подъ своими дворами не болѣе 6 сажень въ ширину и 8 въ глубину; по этому, *согласно съ желаніемъ крестьянъ,* помѣщикъ предписалъ перенести 9 дворовъ на новое мѣсто, гдѣ и селиться въ томъ порядкѣ, какъ «досталось по жребію, произведенному между собою ими самими». Для облегченія переселяющихся, имъ даны были нѣкоторыя льготы въ повинностяхъ. Кромѣ того, на каждую избу велѣно было дать готовыя рамы со стеклами, а для печей по 250 штукъ обожженнаго кирпича. Остававшіеся на прежнемъ мѣстѣ должны были немедленно перенести сараи подальше отъ гуменъ.

Во время заразительныхъ болѣзней, какъ на людей, такъ и на скотъ, Орловъ совѣтовалъ въ своемъ уложеніи предпринимать извѣстныя предохранительныя мѣры. Суворовъ, по случаю сильнаго заболѣванія дѣтей оспою и корью въ одной изъ его вотчинъ, обратилъ вниманіе на то, что это отчасти происходитъ отъ постоя проѣзжающихъ въ домахъ, гдѣ есть больныя дѣти,

и потому предписалъ смотрѣть, чтобъ этого не было. — Помѣщики настоятельно требовали также, чтобы въ ихъ вотчинѣ не было тайной продажи винà. Суворовъ запрещалъ даже своимъ крестьянамъ варить пиво. На старостъ и выборныхъ между прочимъ возлагалась обязанность смотрѣть, чтобы среди крестьянъ не было праздношатающихся и пьяницъ, и такихъ «съ совѣта» или «съ согласія» схода наказывать, смотря по винѣ.

Заботливые помѣщики обращали вниманіе на всякую мелочь въ крестьянскомъ быту и наказывали крестьянъ за малѣйшую неисправность. Вообще желаніе регламентировать жизнь крестьянъ во всѣхъ подробностяхъ было совершенно въ духѣ того времени и такія стремленія не оставались одною теоріей *). Суворовъ, когда жилъ въ деревнѣ, вставалъ ранѣе всѣхъ и самъ будилъ мужиковъ на работу, наставительно объясняя, что «нельзя мужику спать долго: поле проспитъ, покосъ проспитъ и все имѣнье потеряетъ.... Коли хочешь жить и хлѣбъ имѣть, работай проворно, заботу имѣй большую и время береги». Объясняя въ одной изъ своихъ записокъ необходимость унавоживанія земли, Суворовъ говоритъ: «Я наистрожайше настаивать буду о разиноженіи рогатаго скота и за нерадѣніе о томъ жестоко въ началѣ старосту, а потомъ всѣхъ наказывать буду. Единожды разиноженную скотину отнюдь не продавать и не рѣзать, и только бычковъ промѣнивать на телушекъ съ придачею. Самимъ же вамъ лучше быть пока безъ мяса, но съ хлѣбомъ и молокомъ». Одинъ помѣщикъ такъ описываетъ свои заботы о крестьянскомъ житьѣ-бытьѣ и мѣры, которыя онъ принималъ для исправленія нерадивыхъ: по пріѣздѣ въ деревню, онъ отвѣдывалъ въ каждой избѣ хлѣбъ, щи и квасъ; крестьянъ, у которыхъ находилъ все въ порядкѣ, благодарилъ «и по просьбамъ ихъ дѣлалъ удовольствіе, а которые нашлись неисправны, отказывалъ во всемъ, какія они имѣли нужды, но безъ всякаго тѣлеснаго наказанія и безъ злобы, съ такою еще притомъ разностію, что добропорядочный крестьянинъ имѣетъ волю входить

*) Нужно замѣтить впрочемъ, что въ Германіи, Остзейскомъ краѣ и Польшѣ помѣщики производили гораздо большее давленіе на всю жизнь крестьянъ. Для характеристики германскихъ и остзейскихъ порядковъ стоитъ только упомянуть о правѣ землевладѣльца распредѣлять по дворамъ, какъ ему вздумается, лишнихъ работниковъ. Въ Польшѣ все хозяйство крестьянина было опредѣлено: ему дозволялось держать лишь опредѣленное количество скота, выдѣлывать столько-то сукна и пр.

въ переднюю безъ доклада, а лѣнивымъ должно дождаться въ сѣняхъ.» Такія преимущества, если вѣрить автору, невѣроятное дѣлали поправленіе.

Помѣщики дѣйствительно должны были бы обращать большое вниманіе на благосостояніе крестьянъ, потому что законъ обязывалъ заботиться объ прокормленіи своихъ крѣпостныхъ во время неурожаевъ и не допускать ихъ до нищенства. Нужно замѣтить, что это была единственная обязанность помѣщика относительно его крестьянъ, установленная закономъ. Однако многіе помѣщики не радѣли о продовольствіи крестьянъ и допускали ихъ ходить по міру. Въ 1750 г., по случаю голода, помѣщикамъ было запрещено винокуреніе и велѣно было понуждать ихъ доставлять крестьянамъ пропитаніе и сѣмена на посѣвъ. Въ 1761 г. было предписано, чтобы помѣщики имѣли для своихъ крѣпостныхъ годовой запасъ хлѣба, а иначе, въ случаѣ неурожая, они должны были покупать для крестьянъ хлѣбъ, хотя бы по самой дорогой цѣнѣ. Но помѣщики иногда прямо заявляли, что не въ состояніи прокормить своихъ людей; такъ сдѣлали можайскіе дворяне въ 60-хъ годахъ, во время трехлѣтняго неурожая. Съ другой стороны, крестьяне не знали, что помѣщики должны заботиться объ ихъ пропитаніи, и потому въ петербургской губерніи среди народа ходили только слухи объ изданіи указа, обязывавшаго помѣщика кормить своихъ крестьянъ.

Со вступленіемъ на престолъ Екатерины II, правительство стало заботиться объ устройствѣ запасныхъ магазиновъ для обезпеченія народнаго продовольствія (эта мысль приходила въ голову еще Петру Великому, но она не была приведена въ исполненіе). На помощь правительству пришло въ этомъ дѣлѣ и Вольное Экономическое Общество. Въ трудахъ его появилась статья гр. Воронцова, въ которой, отчасти, сказывается желаніе свалить на самихъ крестьянъ тяжесть единственнаго обязательства помѣщиковъ относительно крѣпостныхъ,—заботу объ обезпеченіи ихъ продовольствія.

Упомянувъ о томъ, что, въ случаѣ неурожая, крестьяне иногда покидаютъ свои жилища и переселяются въ болѣе плодородныя мѣста, гр. Воронцовъ говоритъ, что эти переселенія, вызываемыя нуждою, можно остановить заботливостію помѣщиковъ или управляющихъ имѣніями. Онъ предлагалъ для этого слѣдующія мѣры: 1) въ деревняхъ, состоящихъ на барщинѣ, помѣщикъ долженъ назначить по одной десятинѣ въ полѣ на 10 сохъ, или на 6

плуговъ; эту землю они должны вспахать, засѣять и сбираемый съ нея хлѣбъ ссыпать въ особыя житницы до тѣхъ поръ, пока не накопится запасъ, необходимый для полнаго годового продовольствія всѣхъ жителей; 2) въ оброчныхъ деревняхъ сдѣлать тоже самое, *сбавивъ нѣсколько оброкъ*; 3) такъ какъ въ Россіи есть села и деревни «весьма малоземельныя, такъ что, кромѣ огородовъ, пашенной земли вовсе не имѣютъ» (дѣло вѣроятно идетъ о ростовскихъ огородникахъ и т. п.), то въ такихъ мѣстахъ можно пріобрѣсти запасный хлѣбъ покупкою. Когда хлѣба накопится достаточно, владѣлецъ не долженъ употреблять его на собственныя потребности, а сохранять для нуждъ крестьянъ. Слѣдовательно въ пашенныхъ деревняхъ дѣло устроилось бы такимъ образомъ, что, послѣ того какъ разъ помѣщикъ далъ сѣмена на посѣвъ, сами крестьяне обязаны были ежегодно работать для наполненія запаснаго магазина; между тѣмъ, по закону, помѣщикъ, въ случаѣ неурожая, обязанъ былъ продовольствовать ихъ изъ собственнаго хлѣба; въ оброчныхъ имѣніяхъ предполагалась только *единовременная* сбавка оброка. Р. Воронцовъ убѣждалъ крестьянъ и помѣщиковъ, какъ важно для обѣихъ сторонъ соединить трудъ первыхъ съ капиталомъ вторыхъ. — Послѣ этой статьи помѣщено было еще объявленіе отъ Вольнаго Экономическаго Общества, что оно назначаетъ золотую медаль въ 25 червонцевъ тому изъ помѣщиковъ каждаго уѣзда, кто первый въ теченіи 10 лѣтъ успѣетъ, согласно съ предложеніемъ Воронцова, наполнить свои запасные магазины такимъ количествомъ хлѣба, какое необходимо для годового пропитанія его крестьянъ.

Рычковъ, подобно Воронцову, также считалъ болѣе удобнымъ свалить на самихъ крѣпостныхъ заботу объ обезпеченіи ихъ продовольствія: онъ не упоминаетъ къ тому же ни о какомъ пожертвованіи со стороны помѣщика, а предлагаетъ ежегодно, по окончаніи помѣщичьихъ работъ, заставлять крестьянъ работать на барщинѣ по одному дню — пахать, сѣять, жать и убирать; такимъ образомъ составится въ нѣсколько лѣтъ «нечувствительнымъ и для крестьянъ неотяготительнымъ образомъ» достаточный запасъ хлѣба.

Неизвѣстный, приславшій въ Вольное Экономическое Общество замѣтку «о полезномъ учрежденіи при вотчинахъ мірскихъ магазиновъ» безъ всякой мірской запашки и слѣдовательно безъ содѣйствія со стороны помѣщика даже сѣменами на первый случай,

предлагалъ просто начать сборъ хлѣба съ каждаго тягла по 3 четверти пшеницы, ржи и овса, и по прошествіи 8 лѣтъ, когда на каждую душу накопится по 3 четверти, начать выдачу ссудъ неимущимъ. Авторъ не остановился при этомъ на вопросѣ, могли ли крестьяне ежегодно удѣлять по 9 четвериковъ разнаго хлѣба съ тягла безъ ущерба для своего пропитанія; но онъ намекаетъ на гораздо болѣе неблагопріятное для крестьянъ обстоятельство: авторъ, какъ видно, далеко не вполнѣ увѣренъ въ томъ, что такой запасный магазинъ не подвергнется расхищенію со стороны помѣщика. «Въ распоряженіи сего ихъ магазейна», говоритъ онъ, «не только прикащику, но и самому помѣщику входить не должно.... *дабы сей капиталъ помѣщичьимъ повелѣніемъ не былъ расхищенію подверженъ,* а отдать на точное полномочіе самихъ крестьянъ, и тому помѣщику свято утвердить, дабы сей мірской сборъ хлѣба ни подъ какимъ видомъ по могущей власти за свой не почитать, а единственно за ихъ.... крестьянскую собственность». Весьма возможно, что такія расхищенія и дѣлались иногда всесильнымъ помѣщикомъ, если даже люди, завѣдывавшіе государевыми вотчинами, позволяли себѣ совершенно произвольно распоряжаться запаснымъ крестьянскимъ хлѣбомъ.

Однако дворянамъ было тяжело позаботиться о продовольствіи крестьянъ даже и такимъ способомъ, какъ это предлагалъ сдѣлать Р. Воронцовъ. Они находили для себя всего удобнѣе, чтобы правительство само устроило запасные магазины; въ каждомъ почти дворянскомъ наказѣ мы находимъ просьбу объ устройствѣ на счетъ казны хлѣбныхъ магазиновъ съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ раздавался крестьянамъ хлѣбъ съ надбавкою восьмой или десятой доли взятаго количества (слѣдовательно 10—12½%); нѣкоторые, для постояннаго обновленія запаса, предлагали раздавать его крестьянамъ и въ томъ случаѣ, еслибы крестьяне вовсе не нуждались въ ссудѣ, а между тѣмъ возвращенія требовать все-таки съ извѣстною надбавкою. Кашинскіе дворяне надѣялись даже при этихъ магазинахъ устроить себѣ тепленькія мѣстечки: они предлагали поручить завѣдываніе ими избираемымъ изъ дворянъ земскимъ коммиссарамъ съ жалованьемъ по 150 руб., которое въ то время могло служить недурнымъ дополненіемъ къ помѣщичьему бюджету. Депутатъ отъ трубчевскаго дворянства, кромѣ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, настаивалъ еще на закупкѣ казною при большихъ пристаняхъ хлѣба, чтобы мож-

но было помѣшать купцамъ и разнымъ перекупщикамъ притѣснять крестьянъ чрезмѣрнымъ пониженіямъ цѣны хлѣба.

Желая доказать необходимость запасныхъ магазиновъ, дворяне указывали на то, какія бѣдствіи терпятъ крестьяне вслѣдствіи неурожаевъ послѣднихъ годовъ. Какъ бы въ отвѣтъ на желаніе дворянъ свалить исполненіе своихъ собственныхъ обязанностей на казну, правительство, въ концѣ 1767 г., нашло нужнымъ подтвердить указъ 1761 г., обязывавшій всѣхъ помѣщиковъ заботиться о продовольствіи своихъ крестьянъ, а черезъ 5 лѣтъ оно вновь приказало, чтобы помѣщики не допускали своихъ крѣпостныхъ просить милостыню, грозя въ противномъ случаѣ, кромѣ штрафа по 5 руб. за каждаго человѣка, строго наказывать виновныхъ. Однако нѣкоторые помѣщики продолжали неисполнять это требованіе.

Что же дѣлали дворяне, до нѣкоторой степени заботившіеся о крестьянахъ? Прежде всего, изъ опасенія штрафа, они запрещали крестьянамъ нищенствовать. Ярославскій помѣщикъ, Карновичъ, приказалъ въ 1765 г. отдать убогихъ крестьянъ батраками къ болѣе зажиточнымъ хозяевамъ; старые же и больные могутъ просить милостыню, но только въ вотчинѣ своего помѣщика. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предписалъ взять одного крестьянина и двухъ женщинъ, занимавшихся прошеніемъ милостыни въ Ярославлѣ, и отдать ихъ хотя бы силою въ работники. Суворовъ также строго запрещалъ нищенство. Разница лишь въ томъ, что Карновичъ только собирался построить богадѣльню, и Богъ знаетъ, выполнилъ ли онъ это намѣреніе, а Суворовъ дѣйствительно принималъ мѣры для обезпеченія продовольствія крестьянъ. Правда, его распоряженія были иногда слишкомъ незамысловаты: онъ просто сваливалъ иной разъ свою обязанность на мужиковъ. «Въ неурожаѣ», писалъ онъ въ одномъ приказѣ, «крестьянину пособить всѣмъ міромъ заимообразно, безъ всякихъ заработокъ, чиня раскладку на прочія семьи... симъ можно избѣжать запаснаго магазина.» Послѣднее предположеніе было неосновательно, такъ какъ неурожай могъ случиться не у одного крестьянина, а у всѣхъ, или очень многихъ заразъ, и потому въ слѣдующемъ году Суворовъ устроилъ запасный магазинъ, пожертвовавъ съ этою цѣлію 150 руб. изъ оброчныхъ денегъ.

Едва ли не ранѣе всѣхъ помѣщиковъ учредилъ запасный магазинъ въ своихъ имѣніяхъ Р. Воронцовъ, что онъ и описалъ въ вышеупомянутой статьѣ. Нѣкоторые землевладѣльцы ссужа-

ли крестьянъ хлѣбомъ, иногда и безвозвратно, не устраивая никакого запаснаго магазина, т. е. дѣйствительно исполняли предписаніе закона. Другіе же въ это время сплошь и рядомъ ограничивались тѣмъ, что запрещали крестьянамъ продавать хлѣбъ, нужный на сѣмена, и для этого даже отбирали его въ господскій закромъ для сохраненія до посѣва. Были и такіе землевладѣльцы, что ссужали крестьянъ хлѣбомъ не иначе, какъ за извѣстный процентъ. Такъ одинъ помѣщикъ, сосѣдъ Суворова по имѣнію, совѣтовалъ послѣднему устроить «хлѣбный банкъ» для бѣдныхъ крестьянъ, которыхъ обираютъ богатые мужики: за всякій четверикъ хлѣба, занятый у богача, бѣднякъ принужденъ работать на кредитора въ самое страдное время по одному дню вмѣсто процентовъ, и кромѣ того хлѣбъ возвратитъ сполна. Вмѣсто того, чтобы давать наживаться богатымъ крестьянамъ, лучше самому получать барыши, — рѣшилъ этотъ помѣщикъ, и сталъ давать хлѣбъ въ долгъ съ тѣмъ, чтобы за четверикъ, насыпанный до краевъ, возвращать четверикъ «верхомъ». Онъ хвасталъ Суворову, что такимъ образомъ, съ 10 четвериковъ ему придется четверикъ прибыли (слѣдовательно 10%) и что, раздавъ болѣе тысячи четвертей, онъ получитъ такимъ образомъ порядочный барышъ, не смотря на нѣкоторую уступку вдовамъ-крестьянкамъ и пострадавшимъ отъ пожара. Суворовъ не послѣдовалъ этому примѣру, а просто устроилъ общественный запасный магазинъ.

И такъ весьма многіе помѣщики сваливали на своихъ крѣпостныхъ обязанность заботиться объ ихъ пропитаніи; относительно крестьянъ это имъ и удавалось. Но что дѣлать со стариками-дворовыми, уже неимѣющими силъ работать? Хорошіе, заботливые помѣщики, разумѣется, продолжали кормить ихъ на свой счетъ, а дурные припомнили старое средство сбывать съ своихъ рукъ калѣкъ и стариковъ: передъ ревизіею 1782 г. они стали отпускать ихъ на волю, удерживая однако за собой ихъ семейства.

Нѣкоторые помѣщики ссужали крестьянъ не только хлѣбомъ, но и скотомъ. Кн. Щербатовъ, возражая Коробьину, сказалъ, что помѣщики давали крестьянамъ скотъ и лошадей безъ всякой платы; авторъ статьи «Дружескіе совѣты благороднымъ сельскимъ жителямъ», указывая на то, какъ скоро изнуряется лошадь, если крестьянинъ дурно устанавливаетъ соху, говоритъ: «многихъ бы я здѣсь въ свидѣтельство представилъ помѣщиковъ,

что они въ одинъ годъ по двѣ и по три лошади собственныхъ своихъ давать принуждены были такимъ негоднымъ пахарямъ, а уже совсѣмъ или многимъ невѣроятно и можетъ... за вымышленный мой примѣръ почтутъ, что я въ одинъ годъ одному мужику семь лошадей дать принужденъ былъ, которыя въ рукахъ его одна за другою пропали.» Мы охотно вѣримъ тароватости помѣщиковъ помогать крестьянамъ въ барщиныхъ вотчинахъ: безъ лошади крестьянинъ не могъ исполнять не только своей, но и господской работы; относительно же другаго скота, надо полагать, они были не такъ щедры: давъ по одной штукѣ различнаго домашняго скота и птицъ на племя, помѣщикъ наровилъ взять за это ежегодно извѣстное количество мяса, масла или денегъ *), а не то предоставлялъ крестьянскому обществу честь оказанія помощи бѣдному сочлену. «Неимущимъ крестьянамъ», приказывалъ Суворовъ въ своей суздальской вотчинѣ, «пособить міромъ во всѣхъ недостаткахъ, кому въ чемъ будетъ нужда: лошадь, корову, овцу или птицу, разсматривая дѣла міромъ при священникѣ. При исправленіи же ихъ чрезъ годъ или болѣе они должны уплатить за эту помощь по цѣнѣ деньгами (но не работою), или натурою возвратить, а такъ не дарить.» Иногда Суворовъ и самъ оказывалъ помощь крестьянамъ. «У крестьянина Михайла Иванова одна корова», писалъ онъ однажды, «слѣдовало бы старосту и весь міръ оштрафовать за то, что допустили они Михайлу Иванова дожить до одной коровы, но на сей разъ впервые и въ послѣдніе прощается. Купить Иванову другую корову *изъ оброчныхъ моихъ денегъ*. Сіе дѣлаю не въ потворство и объявляю, чтобы впредь на то же никому не надѣятся.» Изъ самаго этого распоряженія видно, что содѣйствіе помѣщика было исключеніемъ, а правиломъ тутъ была все-таки мірская помощь. Любопытно, что въ то время хорошій хозяинъ ужасался, если у крестьянина была одна корова! Тутъ можно припомнить слова Татищева въ его экономическихъ запискахъ: «каждый крестьянинъ долженъ имѣть у себя пару лошадей, 2 вола, 5 коровъ, 10 овецъ, 2 свиньи, гусей старыхъ двѣ пары, куръ старыхъ 10,—кто пожелаетъ имѣть больше, дозволяется, а меньше вышеписаннаго положенія отнюдь не имѣть.»

Хорошій помѣщикъ обращалъ вниманіе и на санитарное состояніе своихъ подданныхъ: это было прямо въ его расчетѣ. У

*) Такъ совѣтуетъ дѣлать Татищевъ.

Суворова мы находимъ и фельдшера, и домашнюю аптеку съ простыми лекарствами; онъ заботился также объ излѣченіи нѣкоторыхъ крестьянъ отъ сифилиса и платилъ для этого доктору и за лекарство. Въ обширной вотчинѣ Орловыхъ (Усолье) была больница на 60 кроватей и при ней лекарь *). Помѣщицы иногда сами занимались леченіемъ, на сколько удачно — это другой вопросъ. Суворовъ обращалъ вниманіе и на то, чтобы крестьянки какъ слѣдуетъ заботились о своихъ дѣтяхъ, грозя, въ противномъ случаѣ, высѣчь нещадно ихъ мужей, а тѣ «съ женами управятся сами»; въ подмосковной вотчинѣ онъ не позволялъ брать дѣтей изъ воспитательнаго дома.

Суворовъ заботился также о призрѣніи стариковъ солдатъ, вѣроятно изъ бывшихъ его крѣпостныхъ. Въ Новгородской его вотчинѣ такихъ инвалидовъ было 6 человѣкъ; они получали жалованье по 10 руб. въ годъ, платье изъ простаго сукна и готовую пищу. Если кто изъ нихъ самъ желалъ обрабатывать землю, то велѣно было отводить имъ участокъ. В. Орловъ возлагалъ заботу о нуждающихся въ помощи на крестьянскій міръ. Его крестьяне должны были давать пропитаніе бѣднымъ вдовамъ; бурмистру, выборнымъ и лучшимъ крестьянамъ велѣно было позаботиться, чтобы незаконно-рожденные подкидыши «имѣли призрѣніе и не погибли бы отъ недостатку въ помощи», владѣлецъ же хлопоталъ главнымъ образомъ о томъ, чтобы на подкидышей изъ чужихъ селеній брать владѣнные указы отъ уѣзднаго или нижняго земскаго суда, а иначе, со временемъ могли бы выйти пререканія, кому они принадлежатъ.

Забота объ исполненіи крестьянами религіозныхъ обязанностей ничего не стоила помѣщику и потому, въ этомъ отношеніи, всѣ они выказываютъ большую ревность, понуждая крестьянъ ходить въ церковь даже тяжелыми наказаніями: это не то, что помочь голодающему своимъ хлѣбомъ. Мы находимъ предписанія вотчинному начальству объ аккуратномъ посѣщеніи крестьянами церкви и бытіи у исповѣди—какъ печатныхъ наставленіяхъ управителямъ и прикащикамъ, такъ и въ приказахъ помѣщиковъ **).

Помѣщики брали даже на себя смѣлость «вязать и рѣшить» въ дѣлахъ религіозныхъ и иногда подвергали тяжелымъ карамъ

*) Впрочемъ это, кажется, было уже въ первые годы XIX в.

**) Въ Польшѣ помѣщики также принуждали крестьянъ ходить въ костелъ и бывать у исповѣди подъ страхомъ денежнаго штафа или тѣлеснаго наказанія.

своихъ крестьянъ, перешедшихъ въ расколъ. Ярославскій помѣщикъ, Карновичъ, въ 1765 г. двухъ своихъ крѣпостныхъ за переходъ въ расколъ приказалъ «ни въ какіе по вотчинѣ совѣты, мірскіе сходы и ни въ какіе повѣренности не принимать, и дѣтямъ ихъ обоего полу, тако жъ и сродственникамъ и всѣмъ вотчины моей крестьянамъ въ ихъ домы не входить и ихъ въ свои домы не пущать, и на улицѣ и въ другихъ мѣстахъ съ ними разговоровъ не имѣть». Женѣ одного изъ нихъ, не вступившей въ расколъ, помѣщикъ велѣлъ отдать домъ мужа въ вѣчное владѣніе ея и дѣтей. Все имущество новообращенныхъ велѣно было описать и недозволять имъ ничего продавать; кромѣ того, помѣщикъ грозилъ представить о совратившихся въ расколъ святѣйшему синоду.—Напротивъ того, люди воспитанные въ вѣкъ Екатерины, отличались гораздо большею терпимостію въ религіозныхъ дѣлахъ. В. Орловъ полагалъ, что «для обращенія раскольниковъ къ церкви, кроткіе способы гораздо надежнѣе и дѣйствительнѣе»; поэтому онъ предписалъ «оставить раскольниковъ въ покоѣ и не принуждать къ обращенію къ церкви», а лишь увѣщать ихъ соединиться съ православными. Онъ запрещалъ только раскольникамъ распространять свое ученіе, и потому имъ не дозволено было учить дѣтей православныхъ; кромѣ того ихъ слѣдовало хоронить ночью, или очень рано поутру, безъ всякаго пѣнія.

Гораздо менѣе заботились помѣщики о распространеніи грамотности среди своихъ крѣпостныхъ; громадное большинство изъ нихъ считало полезнымъ имѣть только грамотныхъ слугъ, а о обученіи крестьянскихъ дѣтей и не думало.

Впрочемъ начинали уже высказываться мнѣнія о томъ, что грамотность необходима для всего народа. Еще Татищевъ писалъ: «крестьянскихъ ребятъ отъ 5 до 10 лѣтъ учить грамотѣ и писать какъ мужескъ, такъ и женскъ полъ, чрезъ что оные придутъ въ познаніе закона». Въ нѣсколькихъ дворянскихъ наказахъ также высказывалась мысль о необходимости распространенія грамотности. Крапивенское дворянство писало: «дьячкамъ и пономарямъ обучать крестьянскихъ мужескаго пола дѣтей отъ 7 лѣтъ грамотѣ и писать на содержаніи отцовъ ихъ; отчего впредь уповательно подлый народъ просвѣщенный разумъ имѣть будетъ.» Дворяне капорскаго уѣзда, петербургской губерніи, заявляли, что они находятъ нужнымъ завести училища какъ для русскихъ, такъ и для чухонскихъ

дѣтей, «дабы знаніемъ закона хотя мало поправить нравы ихъ»; для этого можно устроить школы при церквахъ, гдѣ дѣти отъ 7 до 12 лѣтъ будутъ въ зимнее время, за умѣренную плату, обучаться грамотѣ и первымъ основаніямъ закона Божія. Повторяя почти тоже самое, ямбургскіе дворяне предполагали для содержанія школы и учителя назначить умѣренный сборъ съ каждой души, и вручать эти деньги священнику, который долженъ давать въ нихъ отчетъ правительству. Дворяне псковскаго уѣзда расчитывали сдѣлать учителями болѣе грамотныхъ изъ дьячковъ и пономарей; при этомъ они находили нужнымъ, чтобы обученіе грамотѣ не зависѣло отъ одного желанія самихъ крестьянъ: въ школы слѣдовало принимать всѣхъ желающихъ, но въ тоже время помѣщики должны были наблюдать, чтобы извѣстный процентъ крестьянскихъ дѣтей (хотя бы по одному со ста) посѣщали школу; выучивъ грамотѣ однихъ, слѣдовало дѣлать новый наборъ. Во всѣхъ этихъ предложеніяхъ народное образованіе отдавалось въ руки духовенства, и расходы на него (по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ затрогивался этотъ вопросъ) возлагались на самихъ крестьянъ. Разумнѣе всѣхъ смотрѣли на дѣло дворяне дмитровскаго уѣзда, московской губерніи. «Уговаривать надлежитъ каждаго и въ томъ», писали они въ своемъ наказѣ, «чтобы дворовъ на сто въ иномъ мѣстѣ одинъ помѣщикъ, въ другомъ разные помѣщики, сложась, содержали *искуснаго учителя* для обученія крестьянскихъ дѣтей грамотѣ и простымъ ариѳметическимъ правиламъ. Къ сему весьма склонять надлежитъ каждаго помѣщика, толкуя всякому, сколько больше пользы онъ можетъ надѣяться отъ грамотнаго крестьянина. Не для одной сохи крестьянинъ надобенъ государству, но и для разныхъ другихъ упражненій; грамота же пахать не помѣшаетъ, тѣмъ паче что тѣ лѣта, въ которые ребятъ можно грамотѣ обучать, пропадаютъ почти безъ всякой пользы». Такимъ образомъ тутъ нѣтъ и рѣчи о дьячкахъ и пономаряхъ; жаль только, что дмитровскіе дворяне возлагали всю надежду на добровольное рѣшеніе помѣщиковъ, между тѣмъ какъ псковскіе были не прочь отъ нѣкоторой обязательности въ этомъ отношеніи. Иные изъ депутатовъ высказывали мысль, что распространеніе образованія должно предшествовать ихъ освобожденію. Графъ А. Строгановъ считалъ необходимымъ заведеніе училищъ для земледѣльцевъ, «ибо едино просвѣщеніе отъ скота различаетъ, едино просвѣщеніе показываетъ намъ долгъ къ Богу, къ государю и къ об-

ществу». Какъ на примѣръ того, до какихъ бѣдствій доводитъ невѣжество, Строгановъ упомянулъ о какомъ-то особенно поразившемъ общество убійствѣ помѣщика крестьянами и затѣмъ прибавилъ: «я увѣренъ, почтенное собраніе, что если бы просвѣщеннѣе сей родъ людей былъ, то, конечно бы, подобныхъ свирѣпствъ мы свидѣтелями не были бы.... Вы сами видите, сколь училища для крестьянства полезны, и *когда оные изъ тьмы невѣжества выйдутъ, тогда и достойными себя сдѣлаютъ пользоваться собственностію и вольностію.*»

Полѣновъ, въ своемъ мнѣніи по крестьянскому вопросу, представленному въ Вольное Экономическое Общество, предлагалъ, какъ и многіе дворяне въ наказахъ, поручить обученіе народа духовенству. Въ первой редакціи своего мнѣнія онъ говоритъ: «въ каждой деревнѣ, гдѣ только можно и обстоятельства дозволятъ, учредить школу для обученія россійской грамотѣ, по крайней мѣрѣ читать, и первымъ основаніямъ вѣры малолѣтныхъ крестьянскихъ дѣтей. Изъ малыхъ деревень, гдѣ то завести неможно, должны крестьяне посылать своихъ дѣтей въ самыя ближайшія школы для обученія, развѣ невозможность какая воспрепятствуетъ». Въ сокращенной редакціи онъ смягчаетъ требованіе, предлагая учредить школы только въ большихъ деревняхъ, а изъ малыхъ посылать «одного или двухъ изъ лучшихъ ребятъ, которые, тамъ научась грамотѣ, послѣ каждый въ своей деревнѣ другихъ обучать можетъ». Каждый крестьянинъ долженъ посылать въ школу дѣтей съ 10 лѣтъ только въ зимнее время. Преподавателями должны быть священники и дьячки. Что касается учебныхъ пособій, то онъ считалъ необходимымъ, чтобы правительство отправило даромъ въ церкви, при которыхъ будутъ устроены школы, по 5 книжекъ на каждыя 100 ревизскихъ душъ. Полѣновъ думалъ, что такой примѣръ вызоветъ подражаніе и въ помѣщикахъ, и что они станутъ заботиться «о просвѣщеніи и поправленіи крестьянскихъ нравовъ»; обязывать же ихъ къ этому онъ не считалъ нужнымъ.

Въ Остзейскомъ краѣ, какъ и во всѣхъ протестантскихъ странахъ, была гораздо болѣе распространена грамотность, такъ какъ нѣмцы яснѣе сознавали необходимость обученія крестьянскихъ дѣтей. Поэтому бар. Вольфъ, хотя и бывшій ямбургскимъ депутатомъ, но проникнутый уваженіемъ къ нѣмецкимъ порядкамъ, рѣшительнѣе другихъ возлагаетъ на помѣщиковъ обязанность устраивать школы въ своихъ имѣніяхъ. «Господинъ *обя-*

занъ», говоритъ онъ въ своемъ проектѣ, «для блага крестьянъ заботиться о томъ, чтобы въ большихъ деревняхъ или при церквахъ были устроены школы, чтобы крестьянинъ обучался истинному христіанству и порядочному образу жизни; дѣти должны ходить въ школу съ ноября по 1-ое апрѣля, а въ прочее время оставаться дома, чтобы не отвыкнуть отъ полевыхъ работъ; лѣтомъ учителю слѣдуетъ только по праздникамъ повторять пройденное дѣтьми.... Время школьнаго обученія—отъ 7 до 12 лѣтъ. Объ этихъ школахъ и успѣшности занятій въ нихъ священники должны ежегодно подавать донесенія уѣздному суду или предводителю дворянства, чтобы, въ случаѣ нужды, школамъ могла быть оказана помощь.»

Всѣ приведенныя мнѣнія принадлежатъ представителямъ высшаго сословія, но и изъ среды самого народа раздавались голоса о необходимости понудить дворянство къ заботливости объ образованіи крестьянъ. Въ проектѣ, поданномъ гр. Г. Орлову, неизвѣстный авторъ, принадлежавшій, по его собственнымъ словамъ, къ числу «подлыхъ людей», предлагаетъ «въ государственныхъ и прочихъ областяхъ управителямъ, а въ господскихъ — помѣщикамъ *приказать*, чтобы они сперва хоть и *съ принужденіемъ* велѣли малыхъ крестьянскихъ ребятъ имѣющимся въ деревнѣ церковникамъ, или гдѣ есть и прочіе грамотные люди, обучать грамотѣ читать и писать, также цифрамъ и выкладкѣ на счетахъ.» Система обязательнаго обученія еще опредѣленнѣе проводилась въ проектѣ частной коммиссіи, вырабатывавшей уставъ для народныхъ училищъ. Вотъ главныя основанія этого проекта. Школы должны были содержаться на средства сельскихъ обществъ. На каждыя 100—250 семей должна быть основана школа; если приходъ состоитъ изъ маленькихъ деревень, ее слѣдуетъ устроивать въ одномъ изъ селеній такъ, чтобы въ ней *могло жить* до 30 дѣтей. Всѣ дѣти отъ 8 до 12 лѣтъ непремѣнно обязаны были учиться. Норма для количества учащихся на школу — 30 человѣкъ; при большемъ числѣ учениковъ вводилась очередь посѣщенія школы по полугодіямъ и по третямъ. Предметы обученія: азбука со складами, церковная и гражданская, обыкновенное и славянское счисленіе, молитвы, катехизисъ и «христіанскія добродѣтели». Для самыхъ способныхъ дѣтей — письмо и рукописное чтеніе, но за особую плату. Учителями должны быть духовенство и вольныя лица, грамотныя и благонадежныя. Тѣлѣсныя наказанія положительно воспрещались; увольненіе не-

способныхъ учениковъ обставлялось формальностями и допускалось лишь послѣ долгаго испытанія. Начальникомъ школъ предполагалось избирать одного изъ дворянъ; *о помѣщикахъ, препятствующихъ крестьянамъ учиться, слѣдовало дѣлать особыя донесенія.* Дѣвочекъ священникъ долженъ былъ разъ въ недѣлю заставлять заучивать то, что онъ прочтетъ имъ изъ учебной книги. Проектъ этотъ, впрочемъ, не былъ выслушанъ въ общемъ собраніи коммиссіи для составленія новаго уложенія.

Обученіе въ школахъ предполагалось однако вести такимъ образомъ, чтобы среди крѣпостныхъ крестьянъ поддерживалась мысль о необходимости безропотнаго подчиненія господамъ; составители проекта заботились объ водвореніи «христіанскихъ добродѣтелей, состоящихъ въ должности подданныхъ къ государству, въ безпрекословномъ повиновеніи государственнымъ узаконеніямъ, *въ послушаніи и почитаніи господъ своихъ* и другихъ установленныхъ властей». Словомъ, они находили нужнымъ стремиться къ цѣли, очень откровенно высказанной авторомъ одной статьи въ «Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества», которая не имѣетъ, впрочемъ, прямаго отношенія къ вопросу о народномъ образованіи: «прежде всего надлежитъ стараться», сказано тамъ, «чтобы земледѣльцы и бобыли о своихъ дѣлахъ разсуждали такъ, что они не для одной только собственной пользы упражняются въ земледѣліи и въ другихъ принадлежащихъ до ихъ званія трудахъ; но тѣмъ обязаны служить во-первыхъ государю, потомъ *помѣщику* и всему обществу и быть *безпрекословными данниками, не воображая никакихъ въ своемъ званіи невозможныхъ случаевъ,* а притомъ представлять себѣ въ примѣръ военныхъ людей, которые за отечество предаются во всѣ опасности и жертвуютъ самою жизнію. Они исполняютъ по волѣ повелителя все, что до ихъ должности ни принадлежитъ, и ни въ какихъ случаяхъ невозможностію не отрекаются, и изъ сего видно, до чего можно довести людей чрезъ порядокъ и внушеніемъ приличныхъ до званія ихъ мыслей.»

Такимъ образомъ просвѣщеніе должно было предлагаться крѣпостному въ такомъ видѣ, чтобы оно не могло сдѣлаться опаснымъ для прочности помѣщичьей власти. Нѣкоторые находили даже, что грамотность лучше давать не въ полномъ объемѣ; примѣромъ этого можетъ послужить Рычковъ, не смотря на то, что онъ вполнѣ признавалъ необходимость обученія крестьянскихъ дѣтей. Упомянувъ о томъ, что не только въ малыхъ, но

и въ очень большихъ деревняхъ у насъ сплошь-и-рядомъ нѣтъ ни одного человѣка, умѣющаго читать и писать, онъ стыдитъ русскихъ примѣромъ татаръ-магометанъ, у которыхъ почти въ каждой деревнѣ есть училище для мальчиковъ и дѣвочекъ. Онъ понимаетъ всѣ дурныя послѣдствія безграмотности и потому находитъ необходимымъ, чтобы управители и прикащики, взявъ у болѣе зажиточныхъ мужиковъ мальчиковъ отъ 6 до 8 лѣтъ, велѣли бы учить ихъ грамотѣ и необходимымъ молитвамъ, а самыхъ способныхъ и письму, но послѣ всего этого онъ неожиданно оговаривается, что учить писать нужно лишь столькихъ дѣтей, чтобы въ деревнѣ, съ населеніемъ въ 100 душъ, было умѣющихъ писать не болѣе двухъ или трехъ человѣкъ, потому что такіе люди нерѣдко употребляютъ во зло свое знаніе, составляя фальшивые паспорта *). Если подобныя мысли могъ высказывать человѣкъ образованный, извѣстный агрономъ, то понятно, что масса помѣщиковъ признавала обученіе грамотѣ лишь по стольку, по сколько оно было нужно для приготовленія грамотныхъ лакеевъ и писарей. Понятно также, что не могло быть велико число школъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

Еще Волынскій, въ своей инструкціи, высказывалъ чисто утилитарный взглядъ на обученіе грамотѣ его крѣпостныхъ. Приказавъ отдать въ обученіе священнику 10 мальчиковъ, а потомъ болѣе способныхъ отправить въ Москву учиться писать, онъ прибавляетъ, что они впослѣдствіи пригодятся для письмоводства у прикащиковъ. По большой части тѣ же практическія цѣли преслѣдовали помѣщики при обученіи крѣпостныхъ и въ екатерининскую эпоху. У Суворова дворовые обучали мальчиковъ грамотѣ, для чего были куплены псалтыри; В. Орловъ отправилъ въ 1778 г. 10 псалтырей въ одно изъ своихъ селъ, а черезъ 2 года устроилъ училище на 30 мальчиковъ въ другой вотчинѣ. Многіе помѣщики московской губерніи приглашали духовныхъ лицъ, и между прочимъ отставныхъ дьячковъ, для обученія своихъ дворовыхъ чтенію, письму и пѣнію по нотамъ. Но всего чаще учителями были лакеи.

Мы привели выше мнѣніе гр. А. Строгонова о необходимости училищъ для крѣпостныхъ крестьянъ; къ нему отнесся сочувственно депутатъ отъ клинскаго дворянства, Петръ Орловъ, ко-

*) Авторъ одной замѣтки, присланной въ 1791 году въ Вольное Экономическое Общество, также совѣтуетъ не дозволять учить письму крестьянскихъ дѣтей.

торый при этомъ заявилъ, что у него въ имѣніи есть школа, гдѣ обучаются чтенію и письму дѣти крѣпостныхъ крестьянъ. «Два или три отрока изъ обучившихся», прибавилъ онъ, «показываютъ уже мнѣ, сколько они отмѣнны отъ состарившихся въ невѣжествѣ. Они уже говорятъ лучше и читаютъ письма; они сами собою изъ чтенія книгъ находятъ, чѣмъ они обязаны Богу, государю, отечеству, и *наконецъ по закону помьщику своему*. Они читаютъ дома семейству своему священныя книги, а при всемъ томъ сколько возрастъ 15—16 лѣтъ обучившихся позволяетъ, въ хлѣбопашествѣ упражняются такъ, какъ и неграмотные. Однимъ словомъ, они уже заслуживаютъ, *что можно имъ приказать, повѣрить и надѣяться*». Такимъ образомъ и тутъ въ концѣ концовъ звучитъ практическая струнка. Но что и такихъ школъ у помѣщиковъ было въ Великороссіи немного, видно изъ того, что академики, искрестившіе въ то время всю Россію, почти нигдѣ не упоминаютъ о нихъ *). Послѣ заведенія правительствомъ городскихъ училищъ нѣкоторые помѣщики отдавали туда въ обученіе своихъ дворовыхъ.

Были мѣстами школы и на частныхъ горныхъ заводахъ. У Твердышева и Мясникова на каждомъ заводѣ были устроены училища для дѣтей, откуда наиболѣе способныхъ опредѣляли въ разныя «отмѣнныя» заводскія должности; была также школа на нижнетагильскомъ заводѣ Демидова. Уже послѣ изданія устава народныхъ училищъ, гр. А. Строгановъ пожелалъ устроить малое народное училище въ селѣ Ильинскомъ (пермской губерніи), гдѣ находилось главное управленіе всѣхъ его вотчинъ и заводовъ; поэтому туда былъ отправленъ учитель, получившій образованіе въ пермскомъ главномъ народномъ училищѣ, и школа была открыта въ 1794 г.

Недостатокъ школъ не доказываетъ еще повальной безграмотности: мѣстами крестьяне, особенно въ оброчныхъ вотчинахъ, понимали важность ученья и отдавали дѣтей на выучку домашнимъ «мастерамъ». Авторъ описанія колгоривскаго уѣзда, костромской губерніи, гдѣ была особенно развита оброчная система, говоритъ: «упражненіе въ промыслахъ заставляетъ нѣкоторыхъ учить дѣтей своихъ грамотѣ, но все ученіе ихъ ограничи-

*) Лепехинъ только разъ встрѣтилъ школу для крестьянскихъ дѣтей, содержавшуюся на счетъ помѣщицы въ одномъ селѣ курмышскаго уѣзда; въ ней учили священникъ и причетники.

вается чтеніемъ и письмомъ, школъ же приходскихъ еще нѣтъ вовсе» (писано въ первые годы XIX в.).

Не смотря на то, что сама Екатерина и многіе другіе въ ея царствованіе не мало толковали о необходимости народнаго образованія,—правительство не приняло никакихъ мѣръ для распространенія грамотности среди крестьянъ. Во многихъ городахъ были дѣйствительно устроены низшія народныя училища, но ими пользовались, конечно, только городскіе жители. Ничего не было сдѣлано и для понужденія помѣщиковъ заводить школы въ ихъ имѣніяхъ; добровольно же они дѣлали это очень рѣдко *).

Мы отвлеклись однако отъ описанія порядка управленія помѣщичьею вотчиною и должны еще поговорить объ одномъ изъ важныхъ факторовъ этого управленія.—Намъ уже очень часто приходилось встрѣчать упоминанія о мірскихъ сходахъ крестьянъ, при чемъ имъ приписывалось то совѣщательное, то рѣшительное значеніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напр. въ дѣлахъ о семейныхъ раздѣлахъ, пріисканіи жениха невѣстѣ, опекѣ надъ малолѣтными и безумными, фигурируетъ не цѣлый сходъ, а выборные и «лучшіе люди», но, тѣмъ не менѣе, крестьянское общество участвуетъ прямо и непосредственно въ рѣшеніи весьма многихъ дѣлъ. Конечно, юридически власть міра была совершенно ничтожна предъ властію помѣщика; онъ могъ сдѣлать все, что ему угодно, не посовѣтовавшись съ міромъ: могъ наказывать виновныхъ, какъ ему вздумается, назначать по своему усмотрѣнію сельскихъ властей, переселять крестьянъ, соединять брачныя пары,—и весьма многіе помѣщики пользовались даже слишкомъ сурово этою властію, но тѣмъ не менѣе, за исключеніемъ выходящихъ изъ ряду самодуровъ, помѣщикъ не уничтожалъ совершенно значеніе крестьянскаго міра, а напротивъ предоставлялъ ему рѣшеніе весьма многихъ дѣлъ; такъ бывало обыкновенно даже и въ вотчинахъ, состоящихъ на барщинѣ; въ оброчныхъ же имѣніяхъ крестьянскій міръ имѣлъ еще болѣе широкое значеніе. Мы видѣли, напр., что помѣщикъ Лунинъ рѣшался дѣлать хозяйственныя перемѣны въ своемъ имѣніи не иначе, какъ поговоря «съ умными изъ крестьянъ и хозяевами»; переселеніе нѣкоторыхъ крѣпостныхъ на новое мѣсто было также произведено Луниным съ ихъ согласія, и при этомъ они

*) Въ Малороссіи грамотность была гораздо болѣе развита; тамъ обыкновенно при каждой приходской церкви была школа.

сами опредѣлили по жребію порядокъ расположенія усадебъ въ новомъ поселкѣ. Крестьянскій міръ импонировалъ даже нѣмцу: бар. Вольфъ, въ своемъ печатномъ наказѣ управителю, предписываетъ ему никого не наказывать тѣлесно «при себѣ одномъ», а дѣлать это при старостахъ, въ болѣе же важныхъ случаяхъ и при всемъ мірѣ; старосты и крестьяне, вѣроятно, должны были имѣть при этомъ совѣщательное значеніе. Нужно помнить, что это предписаніе Вольфа было высказано въ печатной инструкціи, такъ сказать при теоретическомъ обсужденіи дѣла землевладѣльцами, въ дѣйствительности же міръ или выбранныя имъ власти обыкновенно имѣли болѣе широкія права, и это хорошо сознавали русскіе помѣщики. Въ томъ же изданіи Вольнаго Экономическаго Общества, гдѣ бар. Вольфъ отводилъ такую скромную роль для крестьянскаго міра въ дѣлахъ о провинностяхъ его членовъ, гр. Воронцовъ предлагалъ совершенно запретить управителямъ и прикащикамъ отправленія правосудія, и представить это суду, составленному изъ выборныхъ, а вскорѣ затѣмъ членъ того же Вольнаго Экономическаго Общества, гр. В. Орловъ, въ своихъ приказахъ по имѣнію, хотя и предоставляетъ бурмистру (нужно замѣтить избираемому крестьянами) рѣшать безъ участія міра «маловажныя» дѣла, но дѣла «большей важности, касающіяся всего общества», приказываетъ «рѣшать при участіи выборныхъ отъ всѣхъ деревень.»

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, мы можемъ свести въ одно цѣлое разбросанныя выше указанія на дѣятельность крестьянскаго міра въ помѣщичьихъ вотчинахъ, съ добавленіемъ притомъ и нѣкоторыхъ новыхъ чертъ. Въ оброчныхъ вотчинахъ, какъ мы уже говорили, значеніе міра было гораздо обширнѣе, чѣмъ въ барщинныхъ: «деревни отсутствующихъ помѣщиковъ», говоритъ авторъ хозяйственнаго описанія солигаличскаго уѣзда, костромской губерніи, «управляются по большей части выборными и старостами, кои въ общественныхъ дѣлахъ относятся на мірскіе сходы или на собранія подвѣдомственныхъ имъ поселянъ; здѣсь же живущіе господа помѣщики вообще сами деревнями своими распоряжаются». А мы видѣли выше, что въ екатерининскую эпоху, особенно въ первую ея половину, большинство дворянъ жило внѣ своихъ помѣстій, имѣнія по большей части были на оброкѣ, слѣдовательно извѣстная степень самоуправленія крестьянскаго общества была явленіемъ гораздо болѣе частымъ, чѣмъ полная и постоянная его зависимость отъ распоряженій по-

мѣщика. Изслѣдователи крестьянской жизни въ Остзейскомъ краѣ видѣли въ этомъ обстоятельствѣ — распространенности у насъ оброчной системы—важное преимущество крѣпостныхъ крестьянъ въ Великороссіи, сравнительно съ ихъ собратьями въ западной окраинѣ Россіи, и тѣ истязанія своихъ подданныхъ, въ которыхъ оказалась повинными нѣкоторые помѣщики, совершались обыкновенно или надъ дворовыми, или надъ крестьянами такихъ имѣній, гдѣ жилъ самъ владѣлецъ и гдѣ крестьяне были на барщинѣ.

Дѣятельность крестьянскаго міра сказывалась прежде всего въ выборѣ сельскихъ властей. Лицо, начальствующее надъ всею вотчиною, не всегда было выборнымъ: мы видѣли, что управители и прикащики всегда назначались помѣщиками, бурмистры же и старосты бывали то выборные, то по назначенію отъ владѣльца; въ первомъ случаѣ они выбирались всѣмъ крестьянскимъ обществомъ. Если же лицо, стоящее во главѣ имѣнія, было назначено помѣщикомъ, то, во всякомъ случаѣ, второстепенныя власти—старосты отдѣльныхъ деревень—были всегда выборными.

Мы указали выше на отношенія выборнаго бурмистра къ мірскому сходу по уложенію В. Орлова, которое пользовалось большою популярностію и, слѣдовательно, можетъ быть признано выраженіемъ порядковъ, обыкновенно господствовавшихъ въ оброчныхъ вотчинахъ. Припомнимъ здѣсь, что бурмистръ долженъ былъ совѣтываться съ выборными и «лучшими людьми», а въ болѣе важныхъ дѣлахъ и со всѣмъ міромъ. Въ уложеніи прямо упоминается о собраніи мірскихъ сходовъ по повѣсткѣ бурмистра, въ приказахъ Суворова о «мірскомъ кругѣ». На этихъ сходахъ выбирались и помощники бурмистра. Остальныя должностныя лица—цѣловальники, сборщики оброка, счетчики, наконецъ земскіе—всегда были выборными.

Кромѣ выбора должностныхъ лицъ, дѣятельность крестьянскихъ сходовъ обнаруживалась участіемъ въ наказаніи виновныхъ. Удаленіе порочныхъ посредствомъ ссылки на поселеніе или отдачи въ рекруты хотя и зависѣло въ концѣ концовъ отъ помѣщика, но очень часто предполагало приговоръ мірскаго схода. Конечно, помѣщикъ иногда подвергалъ этимъ наказаніямъ по собственному усмотрѣнію; ссылка на поселеніе давала даже возможность нѣкоторымъ землевладѣльцамъ отправлять въ Сибирь, въ зачетъ рекрутъ, людей увѣчныхъ и дряхлыхъ стариковъ, но

въ оброчныхъ вотчинахъ, а также и въ барщинныхъ имѣніяхъ помѣщиковъ, жившихъ въ ладу съ крестьянами, дѣло не обходилось безъ мірскаго приговора. Что касается тѣлесныхъ наказаній, то авторы описанія нерехотскаго уѣзда очень мѣтко обрисовали установившіеся относительно этого обычаи, сказавъ, что старосты собираютъ крестьянъ на сходъ и «съ совѣту, а иногда и съ согласія ихъ» наказываютъ виновныхъ. Такимъ образомъ, крестьянамъ предоставлялся при этомъ то совѣщательный только, то рѣшительный голосъ. Суворовъ предписывалъ человѣка «непорядочнаго сокращать *мірскими наказаніями*». Въ его имѣніяхъ былъ заведенъ особый штрафной журналъ, копія съ котораго ежемѣсячно отправлялась къ помѣщику. Суворовъ дѣлалъ на ней свои отмѣтки, съ которыми вѣдомость снова возвращалась въ вотчину. Вотъ отрывокъ изъ подобнаго журнала съ замѣчаніями владѣльца, которыя набраны курсивомъ: «Регистръ о виновныхъ и наказанныхъ крестьянахъ 15 октября 1784 г. 1) Федоръ Кленшинъ. Въ городѣ Темниковѣ пойманъ съ краденными сапогами и топорами; за оное сѣченъ на сходѣ хорошо. Вторично.... пойманъ съ деньгами; сѣченъ такожде. — *И впредь такихъ не щадить.* — 2) Денисъ Никитинъ. Пойманъ въ полѣ съ сноповымъ хлѣбомъ; сѣченъ за оное. — *Впредь больше сѣчь.* 3) Иванъ Сидоровъ. Пойманъ съ рожью въ гумнѣ; сѣченъ же. — *Очень хорошо....* 5) Алексѣй... Медвѣдевъ. Пойманъ съ краденымъ сѣномъ и за оное сѣченъ. — *Нешто! и впредь хорошенько такихъ!*» и т. д. Въ иныхъ случаяхъ рѣшающею властью являлся не цѣлый міръ: уложеніе Орлова предписывало наказывать виновныхъ въ извѣстныхъ проступкахъ по усмотрѣнію бурмистра и выборныхъ.—На сколько силенъ былъ мірской духъ и привычка помѣщиковъ полагаться на рѣшеніе самихъ крестьянъ, видно изъ того, что иногда и дворовымъ предоставлялось рѣшать судьбу ихъ товарищей. Такъ, когда Лунину былъ возвращенъ изъ Польши одинъ его бѣглый дворовой, то онъ отдалъ его на судъ своихъ слугъ. Въ своемъ письменномъ приказѣ имъ Лунинъ писалъ: «желаю, чтобы вы сами учинили ему приговоръ, сообразный его преступленію и нашей къ милости склонности.... Готовъ.... и совсѣмъ вину его простить, но послѣднее не можетъ быть иначе, какъ по добромъ съ вашей стороны изслѣдованіи истиннаго его раскаянія». Въ послѣднемъ случаѣ дворовые должны были подписаться, что они ручаются «за истинное его раскаяніе, за будущее поведеніе и усердное стараніе о заслу-

женіи вины, что самое и онъ передъ образомъ долженъ своеручно подтвердить». Переговоривъ съ подсудимымъ, слуги Лунина не согласились поручиться за товарища, почему онъ и былъ отправленъ конюхомъ въ деревню.

Раскладка податей и оброка предоставлялась обыкновенно усмотрѣнію міра, и помѣщикъ лишь иногда вмѣшивался въ это дѣло, предписывая облегчить бѣдняковъ и наложить большій сборъ на богатыхъ, что впрочемъ, дѣлалось и безъ приказанія помѣщика. Конечно, господинъ вліялъ на распредѣленіе оброка уже тѣмъ, что накладывалъ и снималъ тягла, но, опредѣливъ ихъ количество, онъ обыкновенно предоставлялъ самимъ крестьянамъ раскладку денежныхъ и натуральныхъ повинностей въ пользу помѣщика и государства *). Вотъ, напр., какой приказъ разослалъ въ 1773 г. В. Орловъ во всѣ свои вотчины: «окончили ли вездѣ рекрутскій наборъ и когда, въ рекруты отданы изъ своихъ или куплены, и сколько именно куплено и отдано изъ своихъ, и для чего меня объ ономъ.... по сію пору не увѣдомили?» Такимъ образомъ все это было сдѣлано безъ барскаго указанія. «Увѣдомьте меня», продолжалъ Орловъ, «какимъ образомъ раскладку дѣлали въ послѣднемъ рекрутскомъ наборѣ.... созовите міръ и объявите ему моимъ именемъ, что я приказываю подумать и, согласясь, положить, какъ всегда напередъ дѣлать раскладку по крестьянамъ въ рекрутскомъ наборѣ. Я позволяю міру расположеніе сдѣлать и отписать ко мнѣ подробно о сей раскладкѣ для утвержденія. Когда въ семъ дѣлѣ (крестьяне) разобьются на двѣ части, то обѣихъ частей переслать мнѣнія, описавъ подробно причины, почему которая утверждаетъ». Въ другой разъ Орловъ предписывалъ: «пьяницъ, воровъ и гулякъ и т. п. отдавать можно безъ очереди, однако стеречься очень, чтобъ бѣднымъ добраго житья никакого притѣсненія не дѣлать». Итакъ помѣщикъ предписывалъ самимъ крестьянамъ рѣшить такой важный вопросъ, какъ раскладка рекрутской повинности, оставляя за собою только право утвердить мірское постановленіе. — Но иногда власть помѣщика шла гораздо далѣе. Мы разумѣемъ при этомъ не тѣ отдѣльные случаи, когда помѣщикъ сдавалъ въ рекруты провинившихся передъ нимъ людей, но то, что иногда онъ измѣнялъ самую форму отправленія рекрутской повинности; впрочемъ, повидимому, это было довольно рѣдко. А. В. Суворовъ,

*) Для этого выбирались особые окладчики.

руководимый желаніемъ, чтобы населеніе его вотчины не уменьшалось, совершенно воспретилъ отдавать своихъ крестьянъ въ рекруты, а приказалъ покупать для этого людей на сторонѣ, что оказывалось всегда возможнымъ, не смотря на запрещеніе торговли рекрутами *). Однако же и тутъ сказывалось значеніе всего крестьянскаго общества: деньги, истраченныя на рекрута (половину ихъ принималъ на свой счетъ помѣщикъ), велѣно было «разверстывать по имуществу каждаго всѣмъ міромъ». Точно также тамъ, гдѣ рекрутская повинность исполнялась натурою, раскладывались міромъ деньги, даваемыя на платье и въ награжденіе рекруту.

На подобные расходы, на помощь бѣднякамъ, на пріобрѣтеніе міромъ земли, наконецъ на взятки разнымъ властямъ крестьянскому міру слѣдовало имѣть свою общинную казну. И дѣйствительно мы не разъ встрѣчаемъ упоминаніе о мірскихъ деньгахъ. Такъ напр. Суворовъ пишетъ: «на приказные расходы *деньги мірскія* долженъ выдать особый повѣренный мірскій». Въ уложеніи В. Орлова есть особая глава «о сборахъ денегъ на мірскіе расходы и о дѣльномъ употребленіи оныхъ», которая начинается слѣдующими постановленіями: «Есть необходимые и чрезвычайные мірскіе расходы. Когда и сколько собирать денегъ для упомянутыхъ расходовъ отдается на волю мірскую. На сіи сборы, съ согласія общества, дѣлать мірскіе приговоры.—Начальникамъ смотрѣть, чтобы пустыхъ расходовъ и подарковъ напрасно дѣлано не было, и чрезъ то не наносилось бы міру не дѣльнаго отягощенія». Далѣе слѣдуютъ постановленія, чтобы ежегодно на сходахъ выбирались счетчики, сколько міръ найдетъ нужнымъ. «По сочтеніи счетовъ, считать ихъ на сходкахъ и подписывать, и ежели деньги употреблены дѣльно, то давать квитанціи кому слѣдуетъ». Владѣлецъ предписывалъ: «одни счеты оставлять при правленіи вашемъ, а другіе, таковые же, присылать въ контору мою. Ежели же окажутся начеты, то безъ упущенія взыскивать не дѣльно употребленныя деньги съ кого слѣдуетъ, да сверхъ того, смотря по винѣ, и наказывать потратившихъ оныя». Далѣе предписывалось хранить мірскія суммы у такъ называемаго «денежнаго старосты», причемъ бурмистръ и выборные должны были по три раза въ годъ производить повѣрку кассы **).

*) Крестьяне были недовольны этимъ нововведеніемъ.

**) Въ Малороссіи у крестьянъ также были „громадскія деньги.“

Важное значеніе мірскихъ сходовъ при передѣлахъ земли достаточно ясно изъ того, что было сказано выше въ особой главѣ о пользованіи землею крѣпостными крестьянами. — Такіе интимные вопросы, какъ соединеніе бракомъ молодыхъ паръ, если и не обсуждались на всемъ сходѣ, то все-таки, по достиженіи молодыми людьми извѣстнаго возраста, рѣшались бурмистромъ, выборными и «лучшими людьми» (уложеніе Орлова). Точно также бурмистръ, выборные, лучшіе крестьяне и ближайшіе родственники участвовали въ назначеніи опекуновъ надъ людьми неспособными управлять хозяйствомъ и несовершеннолѣтними. О мірской помощи бѣднякамъ и нѣкоторыхъ явленіяхъ крестьянской жизни, въ которыхъ сказывался общинный духъ, мы уже говорили выше.

Приступая въ 1773 году къ управленію вотчинами всѣхъ братьевъ Орловыхъ, гр. Владиміръ Григорьевичъ интересовался различными подробностями въ организаціи мірского самоуправленія. Въ приказѣ, разосланномъ тогда во всѣ вотчины, онъ спрашивалъ: «Какъ дѣлали раскладку оброка прежде, и какъ нынѣ сдѣлали, доставшись за насъ? Часто ли бываютъ мірскія сходки и по какимъ дѣламъ? Кто ихъ созываетъ? Отъ всякаго ли дома бываетъ мужикъ или болѣе? Всякому ли вольно изъ крестьянъ придти на сходку, кто только пожелаетъ? Кто смотритъ, чтобы на сходкѣ не было ссоры и безпорядковъ? Мірскіе приговоры записываютъ ли въ книгу, также и расходы? У кого сія книга въ рукахъ? Мірскіе приговоры, которые сюда ко мнѣ посылаются, всѣ ли ихъ бывшіе на сходѣ подписываютъ, или неумѣющіе грамотѣ уполномочиваютъ другихъ? Когда они не всѣ подписываютъ, то для чего? Когда на мірской сходкѣ крестьяне не всѣ согласны — одна часть одного мнѣнія, а другая другаго, то записываютъ ли оныя?... Кто отправляетъ дѣла государевы и дѣла по городу?» Эти вопросы интересны для насъ прежде всего потому, что объясняютъ намъ причину той популярности, которою пользовалось уложеніе В. Орлова: очевидно оно было составлено послѣ внимательнаго изученія, на основаніи письменныхъ донесеній и личныхъ наблюденій, тѣхъ порядковъ, какіе господствовали въ крестьянской общинѣ, пріемовъ мірскаго самоуправленія; это еще болѣе даетъ намъ право смотрѣть на него не какъ на совершенно произвольное измышленіе автора, а видѣть въ немъ добросовѣстный сводъ установившихся въ то время обычаевъ. Помѣщикамъ можно было списать его съ самыми

ничтожными измѣненіями (какъ это сдѣлалъ кн. Оболенскій), потому что оно всего болѣе соотвѣтствовало духу того времени. Что касается отвѣтовъ на эти вопросы, то, къ сожалѣнію, они намъ неизвѣстны, но содержаніе ихъ отразилось въ уложеніи В. Орлова, которое можетъ быть дополнено и другими источниками. Нѣкоторыя изъ сторонъ крестьянской жизни уже описаны нами выше.—Какъ часто бываютъ сходки?—на этотъ вопросъ едва ли можно дать общее рѣшеніе; это зависѣло отъ накопленія дѣлъ, подлежащихъ рѣшенію схода; какія дѣла подвѣдомственны сходамъ—мы уже знаемъ, точно также, какъ и то, что сходы собирались бурмистромъ, или вообще лицомъ, стоящимъ во главѣ общины. Кто участвовалъ въ сходѣ? Несомнѣнно рѣшительный голосъ на ней имѣли только люди, несшіе тягло, присутствовать же, вѣроятно, никому не возбранялось. Въ уложеніи Орлова сказано: «всѣмъ крестьянамъ приходить» на мірскія сходки. Въ приказѣ помѣщика Черемисинова (1834 г.) предписано: «на сходъ ходить всѣмъ, съ каждаго двора по человѣку, не отговариваясь работами; а если случится въ дѣльной отлучкѣ или тяжкой болѣзни, то можетъ за него придти кто у него въ домѣ еще есть, а отъ одинокихъ должна быть жена. Кто же не пойдетъ на сходъ за пустыми отговорками, то взыскивать штрафу по 2 руб. въ міръ за каждый разъ, когда не придетъ. Мною самимъ усмотрѣно, что и при мнѣ лѣниво ходятъ, не скоро соберешь, а пришедшіе дремлютъ; надобно всѣмъ подавать голосъ въ совѣщаніи мірскомъ, а не быть ротозѣями. Всякій крестьянинъ, богатый и убогій, равно за свой домъ можетъ говорить». Въ «положеніи объ управленіи вотчинъ гр. Строгановой» (1832 г.) сказано: «мірская сходка составляется изъ хозяевъ семействъ, коимъ отъ роду исполнилось 21 годъ»; въ случаѣ болѣзни или отлучки хозяина, его замѣняетъ сынъ или ближайшій родственникъ. За порядкомъ на сходѣ, по уложенію Орлова, долженъ былъ наблюдать бурмистръ. Мірскіе приговоры записывались, хотя вѣроятно это дѣлалось не во всѣхъ вотчинахъ и не по всѣмъ дѣламъ; при этомъ мнѣніе меньшинства не обозначалось, если только этого прямо не требовалъ помѣщикъ. Въ денежныхъ дѣлахъ соблюдалось строгое счетоводство. Въ сношеніяхъ съ правительственными властями представителями крестьянскаго міра являлись бурмистръ или староста.—Отмѣтимъ еще одну любопытную черту въ крестьянскомъ самоуправленіи: въ двухъ распоряженіяхъ Суворова о мірской помощи бѣднякамъ

и нуждающимся упоминается, что при раскладкѣ на весь міръ денегъ, нужныхъ для этого, долженъ присутствовать священникъ. Участіе священника оказывалось необходимымъ и во многихъ другихъ дѣлахъ крестьянскаго общества или его отдѣльныхъ членовъ. Вотъ что сказали мы объ этомъ въ особой статьѣ, посвященной очерку быта сельскаго духовенства во второй половинѣ XVIII в.: «священникъ ежеминутно соприкасался съ крестьянами.... и нерѣдко оказывался имъ полезнымъ, особенно тамъ, гдѣ требовалось содѣйствіе грамотнаго человѣка, какими не изобиловала русская деревня въ XVIII в.» Сплошь и рядомъ, напр., священникъ хлопочетъ для крестьянъ въ городѣ о паспортахъ. «Въ особенно важныхъ дѣлахъ приглашаютъ священника и на сходъ: такъ онъ идетъ туда разбирать межевые планы, привезенные изъ межевой канцеляріи» *).

Такимъ образомъ безостановочно дѣйствовалъ нехитрый механизмъ крестьянскаго самоуправленія, и чѣмъ болѣе свободы предоставлялъ ему помѣщикъ, тѣмъ довольнѣе были крестьяне. Къ сожалѣнію, крѣпостной общинѣ приходилось справляться со слишкомъ большими невзгодами: и тяжелыя повинности, и злоупотребленія какого-нибудь прикащика, и не всегда умѣлыя нововведенія землевладѣльца — все это приносило много горя крѣпостнымъ душамъ; когда же справиться съ нимъ своими домашними средствами оказывалось не въ моготу, оставалось одно — ударить челомъ господину.

Нѣсколько свѣдѣній о крестьянскихъ челобитныхъ мы находимъ въ очеркѣ жизни Суворова, составленномъ г. Рыбкинымъ. Недовольные нововведеніями помѣщика (между прочимъ его распоряженіями о рекрутчинѣ) крестьяне постоянно просили оставить все по старому, какъ было при отцѣ Суворова, если же господинъ не смилуется и не пожалуетъ, то грозили придти въ крайнее раззореніе и полный упадокъ. Суворовъ обыкновенно выражалъ свое неудовольствіе на то, что челобитные были составлены недостаточно сжато и толково. На одномъ прошеніи старосты онъ надписываетъ: «бесѣду не бесѣдуй», на другомъ: «матерія отъ матеріи не отличена»; на челобитной цѣлой вотчины пишетъ: «крестьяне меня не вразумили, и я ихъ не уразумѣлъ». Наконецъ, быть можетъ желая уменьшить количество присылае-

*) „Русская Старина“, 1877 г. № 8. „Сельскій священникъ во второй половинѣ XVIII в.“, стр. 530—531.

мыхъ прошеній, Суворовъ вздумалъ огорошить своихъ крестьянъ слѣдующими правилами, которыхъ они должны были впредь придерживаться, такъ какъ циркуляръ этотъ былъ обязателенъ для всѣхъ вотчинъ, старостъ и бурмистровъ. «Говорить должно по артикуламъ и статьямъ. Каждую вещь, каждой вещи часть подробно толковать и брать въ уваженіе, одну часть соображать съ другою; сравнивать тягость съ полезностью. Не рѣша одной части, къ другой не приступать. Ежели въ которой части найдется большое препятствіе, мнимая невозможность, непонятіе и сумнѣніе, предоставлять ее до конца. Начинать рѣшеніе частей легчайшими частьми, легкими, потомъ потяжелѣе и кончить тяжелыми... имѣя бѣлую бумагу, на одной половинѣ страницы означивать препятствія, недоразумѣнія, сумнѣнія; на другой половинѣ страницы ихъ облегчать, объяснять, опровергать и уничтожать. Сіе иногда чинится уподобленіемъ и замѣною. Соблюдать и смотрѣть на мои правила міромъ». Суворовъ, очевидно, просто потѣшался надъ неграмотностію своихъ крестьянъ, между тѣмъ какъ горю этому легко было помочь устройствомъ школъ.

В. И. Семевскій.

Изъ Мильтона.

СОННЕТЪ XIX.

(Сиріаку).

Взгляни, мои глаза, какъ будто чисты, ясны,
Ни пятнышка на нихъ; но вотъ ужъ третій годъ
Я немощный слѣпецъ: подъ бременемъ работъ
Потухъ мой свѣтлый взоръ. Ни солнца ливень страстный,
Ни звѣзды, ни луна на синевѣ прекрасной
Не усладятъ очей; незримъ и мой народъ....
Но воли Господа, подателя невзгодъ,
Не оскорблю хулой безумной и напрасной.
Я слѣпотой горжусь: надорванный трудомъ,
Я зрѣнье погубилъ, свободу защищая,
Я спавшихъ разбудилъ, и, точно божій громъ,
Глаголъ мой прогремѣлъ, Европу потрясая.
Теперь я одинокъ,—но съ совѣстью вдвоемъ,
Какъ съ вожакомъ, пройду весь міръ, не унывая.

А. О....ъ.

Вторичное правленіе Милоша Обреновича.

(1859—1860).

II *).

Открытіе засѣданій одбора Свято-Андреевской скупштины.—Обсужденіе вопроса о бѣдственномъ состоянiи сельскаго населенія и обремененіи народа большими долгами. — Рѣчь Владиміра Якшича объ экономическомъ положеніи Сербіи.—Рѣчи Дмитрія Матича, Милована Яковича и протоіерея Милутина Ванича о причинахъ народнаго оскудѣнія. — Преніи объ учрежденіи кредитныхъ установленій и о мѣрахъ противъ ростовщиковъ. — Предложеніе державному Совѣту поспѣшить исполненіемъ постановленій, принятыхъ Свято-Андреевскою скупштиною.— Общій обзоръ предложеній, принятыхъ одборомъ относительно внутреннихъ дѣлъ. — Предположенія, касавшіяся внѣшнихъ и военныхъ дѣлъ.—Закрытіе одбора.— Недовольные дѣйствіями одбора.—Газетная полемика противъ святоандреевцевъ.—Программа либеральной партіи.— Дукатовская лига и главные члены ея.—Борьба партій по поводу выбора депутатовъ на Мало-Госпожинскую скупштину.— Правительственный циркуляръ 1 августа.— Письмо Милоша отъ 17 августа къ попечителю внутреннихъ дѣлъ.—Опасенія иностранныхъ консуловъ въ виду предстоявшей скупштины.—Дѣятельность Мало-Госпожинской скупштины.—Законъ о престолонаслѣдіи и назначеніе князя Михаила верховнымъ начальникомъ войска.— Измѣненія въ законѣ о скупштинахъ. —Другіе вопросы политическаго характера. — Пересмотръ государственнаго устава особою комиссіей отъ Совѣта. — Проектъ новаго устава. — Натянутыя отношенія Милоша къ бѣлградскому пашѣ и нѣкоторымъ изъ иностранныхъ консуловъ.—Смуты среди чиновнаго сословія.— Правительственный циркуляръ 15 ноября.

Чѣмъ ближе подвигалось время созванія новой скупштины, тѣмъ сильнѣе пробуждались въ образованныхъ слояхъ сербскаго общества конституціонные инстинкты, съ такою силою проявившіеся во время переворота, низвергшаго Карагеоргіевича и возвратившаго Обреновичей. Но конституціонное движеніе еще было слишкомъ молодо въ Сербіи и неудивительно, что встрѣтило на пути своемъ множество препятствій.

Впрочемъ, ранѣе созванія Мало-Госпожинской скупштины должны были происходить совѣщанія Одбора или Комитета прежней скуп-

*) См. апрѣль, стр. 1—38.

штины *). Ихъ открылъ 2-го іюля самъ князь въ присутствіи попечителей. Указавъ въ своей рѣчи на то, что Свято-Андреевская скупштина не могла окончить всѣхъ дѣлъ, Милошъ предлагалъ Комитету обсудить ихъ и въ особенности поручалъ заботу о всеобщей бѣдности въ странѣ, которая доказывалась: тѣснотою частной и общественной жизни, застоемъ торговли, упадкомъ ремеслъ и всѣхъ отраслей народной промышленности, а всего болѣе распространеніемъ тяжкихъ долговъ, лежавшихъ не только на отдѣльныхъ домахъ и семействахъ, но даже на цѣлыхъ селахъ и общинахъ. Комитетъ отвѣчалъ князю, что ему извѣстно бѣдственное состояніе народа и что виновникомъ его было прежнее правительство: въ теченіе 16 лѣтъ оно пренебрегало развитіемъ производительныхъ силъ страны и разстроило государственные финансы. Еще Свято-Андреевская скупштина постановила пересмотрѣть государственные приходы и расходы, начиная съ 1842 г., и, такимъ образомъ, провѣрить дѣйствія предшествовавшаго правительства. Приступая къ обсужденію дѣлъ, Комитетъ рѣшилъ приглашать въ свои засѣданія спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ управленія и народнаго хозяйства съ совѣщательнымъ голосомъ, а подробно изложенные протоколы своихъ засѣданій печатать въ оффиціальной газетѣ. Пересмотрѣвъ акты Свято-Андреевской скупштины, Комитетъ нашелъ, что дѣла, оставшіяся послѣ нея неисполненными, троякаго свойства. Къ первому отдѣлу онъ отнесъ такія постановленія скупштины, которыя еще не были приведены въ исполненіе со времени ея закрытія, хотя послѣ того и прошло уже четыре мѣсяца. Рѣшено было составить выписку такихъ постановленій и просить правительство объ исполненіи ихъ, дабы слѣдующая народная скупштина не имѣла повода дѣлать запросовъ о томъ попечителямъ. Ко второму отдѣлу отнесены были такія дѣла, которыя хотя и

*) Такъ называемый Комитетъ Свято-Андреевской скупштины имѣлъ 28 засѣданія съ 1 по 29 іюля. Онъ состоялъ изъ 41 члена, т. е. въ немъ засѣдали по два депутата отъ каждаго округа и отъ бѣлградской общины, одинъ депутатъ отъ администраціи, два отъ судебнаго вѣдомства и два отъ духовнаго сословія. Предсѣдатель и секретари были избраны не изъ членовъ Комитета: первымъ былъ членъ земскаго или государственнаго совѣта Андрія Стаменковичъ, вторымъ — секретарь совѣта Панта Іовановичъ и секретарь попечительства финансовъ Владиміръ Іовановичъ. Только помощникъ предсѣдателя былъ выбранъ изъ членовъ Комитета, именно депутатъ отъ администраціи, начальникъ Валевскаго округа Аксентіе Сретьковичъ. Протоколы 23 засѣданій Комитета напечатаны въ правительственной газетѣ Сербскаго княжества за 1859 г. съ № 77 по 85.

были на предварительномъ обсужденіи разныхъ коммиссій Свято-Андреевской скупштины, но на разсмотрѣніи самой скупштины не были. Рѣшено было, составивъ списокъ такимъ дѣламъ, пересмотрѣть мнѣнія прежнихъ коммиссій о нихъ и, если встрѣтится надобность въ томъ, прибавить собственныя замѣчанія, и въ такомъ видѣ предложить эти дѣла на обсужденіе слѣдующей скупштины. Къ третьему отдѣлу отнесены были такія народныя желанія, которыя были только заявлены во время Свято-Андреевской скупштины, но не разсматривались ни ею самою, ни ея коммиссіями.

Въ ожиданіи того, пока будутъ составлены выписки изъ актовъ скупштины о всѣхъ вышепомянутыхъ дѣлахъ, Комитетъ приступилъ къ изслѣдованію причинъ, вызвавшихъ непомѣрное возрастаніе долговъ въ народѣ, въ особенности же въ сельскомъ населеніи. Изъ сельчанъ, составляющихъ $^{9}/_{10}$ всего населенія Сербіи, самая незначительная доля пользовалась нѣкотораго рода довольствомъ. Остальные жили въ плетеныхъ землянкахъ, питались постною пищею, одѣвались, едва прикрывая свою наготу, не имѣли никакихъ сколько-нибудь сносныхъ хозяйственныхъ построекъ; плоды ихъ хозяйства всѣ шли на домашнія потребности. Рѣдко, что они могли продать изъ того, еще менѣе покупали на сторонѣ необходимые имъ предметы. Все это указывало на крайній недостатокъ капиталовъ въ рукахъ сельскаго населенія. Тоже самое замѣчалось и въ городахъ, гдѣ число бѣдныхъ далеко превышало число зажиточныхъ. Въ бѣдственномъ положеніи представились членамъ Комитета и самыя общественныя учрежденія, которыя могли бы содѣйствовать нравственному и матеріальному благосостоянію народа. Пути сообщенія были въ дурномъ состояніи; сплавъ по внутреннимъ рѣкамъ ничѣмъ не обезпеченъ, никакихъ каналовъ, никакихъ преградъ наводненіямъ, никакихъ мѣръ для осушки болотъ; число больницъ, вспомогательныхъ фондовъ, церквей, школъ, читаленъ и т. п. ничтожно; всюду чувствовалась скудость капиталовъ. Въ большинствѣ случаевъ долги заключались по крайней нуждѣ и проценты были страшно высоки. Высота процентовъ прежде всего объяснялась тѣмъ, что запросъ на капиталъ превышалъ предложеніе. Но, съ другой стороны, проценты были высоки и потому еще, что кредиторъ не могъ быть увѣренъ, что капиталъ возвратится къ нему сполна: при упадкѣ торговли, промышленности и ремеслъ трудно было ожидать, чтобы должникъ точно

исполнилъ свои обязанности, а потому личный кредитъ не имѣлъ почти никакого значенія. Кромѣ того, неудовлетворительность и медленность гражданскаго и уголовнаго судопроизводства не обезпечивали правъ кредиторовъ, хотя и сопровождались большими судебными издержками. Вмѣстѣ съ тѣмъ Комитетъ призналъ, что большинство должниковъ тратитъ занятые капиталы непроизводительно. Изъ всего сказаннаго Комитетъ вывелъ такое заключеніе: для спасенія народа отъ опасностей, которыми можетъ угрожать возрастаніе долговъ, необходимо принять мѣры противъ недостатка въ капиталахъ, устранить причины, создавшія высокіе проценты, предупредить непроизводительную трату капитала и открыть возможность для вѣрнаго помѣщенія ихъ въ выгодныя предпріятія. Чтобы сдѣлать капиталы болѣе производительными признано было необходимымъ устранить прежде всего всѣ препятствія, которыя окружали тогда въ Сербіи всякій трудъ. Провозъ всякихъ сельскихъ произведеній требовалъ большихъ издержекъ за неимѣніемъ удовлетворительныхъ путей и средствъ передвиженія. Ремесла и промышленность не развивались также вслѣдствіе неумѣнья приняться за дѣло, малаго ученья мастерствамъ и совершеннаго отсутствія машиннаго производства. Къ числу причинъ, усиливавшихъ недостатокъ въ капиталахъ, отнесены были раздробленность и чрезполосность поземельной собственности, неудовлетворительность законовъ, обезпечивавшихъ успѣхи земледѣлія, ремеслъ и торговли, наконецъ, безпрерывныя сплетни и интриги правительственныхъ партій. А мѣры для устраненія вышепоказанныхъ причинъ зависѣли отъ правительственной дѣятельности. Противъ высокихъ процентовъ признано было неудобнымъ дѣйствовать посредствомъ устрашающаго законодательства, и судебное преслѣдованіе въ этомъ случаѣ предложено было направить только противъ обмана и мошенничества. Но указано было на необходимость основать въ Сербіи кредитныя учрежденія и издать законъ о кредитѣ. Что же касается предупрежденія непроизводительной растраты капиталовъ, то она, по мнѣнію членовъ Комитета, могла быть отчасти устранена правительственными мѣрами, направленными къ развитію земледѣлія, скотоводства, лѣсоводства, горнаго дѣла, ремеслъ и торговли. Но для болѣе подробнаго обсужденія всѣхъ этихъ дѣлъ рѣшено было пригласить въ засѣданіе Комитета спеціалистовъ по части политической экономіи и финансоваго права, какими считались тогда: Владиміръ Якшичъ, Милованъ Янковичъ, Дмитрій Матичъ

и Ефремъ Груичъ. Три дня было дано спеціалистамъ на приготовленіе ихъ мнѣній по вопросамъ, которые были затронуты Комитетомъ, и слѣдовавшія за тѣмъ два засѣданія, въ понедѣльникъ 7 и во вторникъ 8 іюля, были самыми интересными изъ всей дѣятельности Комитета. Призванныя къ совѣщаніямъ лица условились между собою относительно главныхъ основаній для своихъ докладовъ. Говорили въ Комитетѣ Якшичъ, Матичъ и Янковичъ.

Основатель правительственной статистики въ Сербіи, Якшичъ представилъ членамъ Комитета экономическое положеніе Сербіи какъ въ то время, такъ и въ предшествовавшіе годы. Онъ говорилъ, что земля, на которой живутъ подданные сербскаго княжества, по своей производительности и географическому положенію, имѣетъ такія преимущества, какими не можетъ похвалиться ни единый край въ Европѣ, который бы простирался, подобно Сербіи, на 1000 кв. миль. Но число всѣхъ обитателей княжества не велико: въ 1834 году ихъ было 674,000, въ 1846 г. —910,000, а въ 1856 г.—1.030,000. Стало быть, увеличеніе населенія въ промежутокъ между первыми двумя годами превышало 20,000 въ годъ, а въ промежутокъ между двумя послѣдними годами равнялось только 12,000 въ годъ на тысячу кв. миль. Такъ какъ населеніе есть главный источникъ финансовой и военной силы всякаго государства, то Якшичъ счелъ нужнымъ представить членамъ Комитета сравненіе Сербіи, по части увеличенія населенія, съ Австріей, Пруссіей и Бельгіей. По его расчету за предшествовавшія десять лѣтъ, на каждую тысячу кв. миль ежегодно возрастало населеніе: въ Австріи на 18,700 человѣкъ, въ Пруссіи на 22,600, а въ Бельгіи на 35,800. Онъ объяснялъ такую разницу, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ Сербіи на милліонъ жителей приходилось людей, состоявшихъ въ возрастѣ отъ 21 до 60 лѣтъ, только до 400,000, между тѣмъ какъ въ помянутыхъ странахъ число лицъ этого возраста доходило до 500,000. Кромѣ того, названныя Якшичемъ страны имѣли еще и то преимущество предъ Сербіей въ вопросѣ о народонаселеніи, что между ихъ жителями на каждый милліонъ считалось мужчинъ отъ 21 до 25 лѣтъ 45,000 и между ними только 2,500 женатыхъ,—таково было въ этихъ странахъ населеніе, способное къ военной службѣ; между тѣмъ какъ въ цѣлой Сербіи не насчитывалось и 10,000 неженатыхъ мужчинъ указаннаго возраста, т.-е. такихъ, которые могли бы оставить свои жилища

безъ ущерба народному хозяйству. Далѣе, по мнѣнію Якшича, въ Сербіи съ каждымъ годомъ увеличивалось число малолѣтнихъ вслѣдствіе значительнаго возрастанія бракосочетаній; а преобладаніе дѣтей въ семьяхъ надъ взрослыми должно было увеличить трудъ послѣднихъ. Въ то же время, по его расчету, государственные доходы Сербіи увеличились за 25 лѣтъ лишь пропорціонально возрастанію ея населенія, съ 938,000 талеровъ на 1.414,000, между тѣмъ, какъ въ Австріи за то же время общая сумма доходовъ удвоилась. Государственная касса Сербіи въ 1838 году, т.-е. во время введенія перваго устава, располагала фондомъ въ 1.200,000 талеровъ при меньшемъ числѣ жителей, а въ 1858 г. только въ 702,000 талеровъ при несравненно большемъ числѣ жителей; ибо статьи, требовавшія государственныхъ расходовъ, возрастали въ Сербіи быстрѣе, чѣмъ ея населеніе. И такъ, говорилъ Якшичъ: «цифрами доказана наша политическая слабость во всякаго рода населеніи и его правоспособности по возрасту, по готовности къ военной службѣ, равно какъ и по финансовымъ средствамъ. Наши сельчане, проникнутые предразсудками своихъ предковъ, жившихъ во времена варварскія, не сдѣлали никакихъ успѣховъ въ хозяйствѣ сравнительно съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ они находились за 20 лѣтъ предъ симъ; этотъ застой отражается на ихъ одѣяніи, на домашней утвари, на жилищахъ и всѣхъ постройкахъ, равно какъ и на скотѣ. Гдѣ у насъ кони хорошей породы, гдѣ сытый скотъ, гдѣ тонкорунныя овцы, какими богаты западные народы, которымъ за одну голову ихъ скота мы должны были бы дать по три изъ нашихъ стадъ, чтобы уравновѣсить цѣнность между ихъ способностью къ работѣ и получаемыми отъ нихъ сырыми произведеніями? Число нашихъ туземныхъ рукодѣльцевъ, кромѣ портныхъ, ничтожно; они, большею частію истратились на техническое образованіе въ другихъ странахъ, а потомъ, собравъ съ насъ большіе барыши или, что еще хуже, пробывъ недолго въ нашей землѣ и продавши свое право, но не оставивъ своего знанія, возвращаются домой съ своимъ имуществомъ, а мы остаемся попрежнему жить сохой и плугомъ, не возвышая чрезъ то нашихъ духовныхъ силъ. Торговля наша также двигается медленно и вмѣсто того, чтобы развить свою дѣятельность путемъ свободнаго обмѣна, находитъ въ немъ виновника своей гибели. Только при помощи привиллегій и монополій, клонящихся къ ущербу первоначальнаго производства и обработки, ищетъ

она своего обогащенія, противъ чего возстаютъ теперь уже всѣ разумные граждане. Судоходства у насъ почти нѣтъ; а изъ ремеслъ и искусствъ мы ничего не знаемъ.»

Далѣе Якшичъ доказывалъ, что вообще въ имущественномъ отношеніи жители сербскаго княжества не только бѣднѣе другихъ народовъ, но и стали бѣднѣе противъ прежняго времени. Такъ, по его расчету выходило, что имущество каждой семьи могло быть оцѣнено въ 1857 году въ 9,183 ока кукурузы, а въ 1858 г. только въ 5,557, т.-е. упало на 30%. Весь вывозъ изъ Сербіи товаровъ, отпускавшихся за-границу, въ 1858 г. былъ ниже противъ вывоза 1841 г. на 36%. Точно также упалъ ввозъ предметовъ постоянной потребности: такъ напр., различныхъ матеріаловъ для одѣяній покупалось изъ Австріи въ 1858 г. не болѣе, чѣмъ и въ 1843 г.. Тонкаго сукна только $^{2}/_{3}$ прежняго количества, а обычнаго въ народѣ головнаго убора, фесокъ, только четвертая часть, и такого паденія нельзя было объяснить усиленіемъ домашняго производства, ибо его не было. Но предметовъ потребленія не столь необходимыхъ, а удовлетворяющихъ уже нѣкоторымъ излишествамъ, покупалось гораздо болѣе, именно: кофе втрое, а сахару и табаку вчетверо противъ прежняго. Но эти расходы не были еще признакомъ роскоши. Было зло несравненно большее—необыкновенное развитіе въ народѣ сутяжничества. Такъ новыхъ исковъ, начатыхъ въ судахъ первой инстанціи, въ 1857 г. считалось въ восемь разъ болѣе, чѣмъ исковъ, возникшихъ въ тѣхъ же судахъ въ 1841 году; а судебныхъ издержекъ на милліонъ жителей приходилось въ 1841 г. только 70,000 талеровъ, между тѣмъ, какъ въ 1857 они уже дошли до 170,000 талеровъ. «Кто не признаетъ, спрашивалъ Якшичъ, что было бы полезнѣе, вмѣсто употребленія лишнихъ 100,000 на сутяжничество, обратить ихъ на народное просвѣщеніе, на сооруженіе путей, на содержаніе войска или просто на покупку одежды и фесокъ?! А чтобы кто либо изъ васъ не подумалъ, что другіе народы такіе же сутяжники, укажу на французовъ, у которыхъ на милліонъ жителей только 8,600 исковъ, а у Бельгійцевъ лишь 2,570, хотя у насъ, имѣющихъ ихъ 26,320, и нѣтъ тѣхъ разнообразныхъ поводовъ къ тяжбамъ, какія имѣются у этихъ промышленныхъ, торговыхъ и морскихъ народовъ. Но кромѣ судовъ первой инстанціи, мы таскаемся, и притомъ съ величайшей охотой, по мировымъ судамъ, которые въ 1853 г. разсмотрѣли 43,600 дѣлъ, а въ 1858 уже 68,200, хотя во

Франціи примирительные суды имѣютъ въ годъ не болѣе 12,700 дѣлъ, а въ Бельгіи только 3,380 на милліонъ жителей. А сколько еще мелкихъ тяжебъ у насъ, которыя разсматриваются сельскими властями. «Убогій человѣкъ—готовая ложь»,—говоритъ наша старая пословица; и дѣйствительно, въ нашемъ народѣ возрастаютъ годъ отъ году ссоры, кражи, убійства и другія преступленія. Въ 1853 г. у насъ подвергнуты различнымъ наказаніямъ 26,161 человѣкъ за преступленія и проступки всякаго рода, а въ 1858 г. уже 40,330 человѣкъ; между тѣмъ, какъ во Франціи на милліонъ жителей приходится 17,782 наказанія, а въ Бельгіи 12,250, хотя тамъ подвергаютъ наказанію за самое малѣйшее поврежденіе чести, а у насъ ни кому бы и на умъ не пришло жаловаться на то. На содержаніе полицейскихъ властей наше правительство должно издерживать теперь на 100,000 талеровъ болѣе, равно какъ и на содержаніе судовъ, чѣмъ за двадцать лѣтъ предъ симъ.» Наконецъ, Якшичъ постарался доказать своимъ слушателямъ, что народное обнищаніе, наклонность къ сутяжничеству и преступленіямъ отразились и на народной нравственности. Количество монастырей и церквей возросло въ несравненно меньшей пропорціи, чѣмъ населеніе страны, а число церковнослужителей даже безусловно уменьшилось и было незначительно по сравненію съ другими странами; за то дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, въ 1837 было 43, а въ 1857 уже 151; браковъ въ 1838 г. разведено было только 7, а въ 1858 уже 34.

«Братья Сербы! говорилъ Якшичъ въ заключеніе. Изъ всего сказаннаго вы видѣли, въ какихъ черныхъ краскахъ представляется наше общественное развитіе. Но мы еще должны припомнить, что наши дѣды почти всецѣло работали на своихъ немилостивыхъ владѣтелей, иновѣрцевъ; во время народной борьбы, съ 1804 по 1815 г., мы трудились для боевыхъ цѣлей; съ тѣхъ поръ до 1830 г. плоды нашего труда шли вполовину на турецкихъ спахій, вполовину на себя; съ 1830 до 1842 г. (время перваго княженія Милоша и его сына) мы трудились въ полномъ смыслѣ для самихъ себя, и это было дѣйствительно золотое время въ нашей исторіи; съ 1842 г. до послѣднихъ дней (время правленія Карагеоргіевича), вмѣсто того, чтобы успѣвать матеріально и морально, мы впадаемъ все въ большія и большія бѣдствія, коимъ и конца не видно. Кто же виноватъ въ томъ? Конечно, не народъ, а его ненародное правительство. Оно приписывало себѣ славу, когда граждане были счастливы; такъ зачѣмъ же

они не обвиняютъ его, впавъ въ бѣдствіе? Его развращающія дѣйствія отразились на народномъ характерѣ. Что такое въ концѣ концовъ всѣ указанные мною недостатки? Ничто иное, какъ послѣдствія скрытной, междоусобной борьбы, которая насъ снова привела бы къ той политической пропасти, изъ которой мы вышли только благодаря милосердію единаго изъ братьевъ нашихъ. Не будемъ же много обвинять иностранцевъ въ нашихъ бѣдствіяхъ, не будемъ и возлагать большихъ надеждъ на ихъ помощь. Въ предѣлахъ нашего прекраснаго отечества поищемъ источниковъ для нашего общественнаго развитія и, конечно, найдемъ ихъ въ изобильномъ количествѣ. Но кто изведетъ ихъ намъ изъ мрака къ свѣту? Земское правительство; ему должны мы жаловаться на бѣдствія, у него требовать изцѣленія отъ нихъ, да не впадемъ въ еще большіе грѣхи! Оно должно устроить наше народное хозяйство такъ, чтобы подорванное благосостояніе возстановилось, разлученные примирились, грѣшники покаялись, лучи просвѣщенія пали на нашу землю, а правительство окрѣпло войскомъ и финансами ко славѣ нашего народа, на радость нашихъ друзей и горе злыхъ непріятелей!»

Затѣмъ говорилъ Дм. Матичъ. Онъ сперва доказывалъ безполезность законодательныхъ мѣръ, направленныхъ противъ ростовщиковъ и лихоимцевъ: преслѣдуемое зло отыщетъ тогда для себя новые пути и еще болѣе увеличится. Но необходимо ввести перемѣны въ гражданское судопроизводство, отличающееся медленностію и дороговизною. Уже правительство имѣетъ въ виду ввести публичное судоговореніе, которое, конечно, много облегчитъ рѣшеніе гражданскихъ исковъ. Кромѣ того, въ Сербіи не было торговаго устава, составляющаго насущную потребность не только для контроля надъ торговыми дѣлами, но и для успѣха ихъ. Кромѣ того Матичъ указалъ на пользу, которую можетъ принести Сербіи открытіе въ ней кредитныхъ учрежденій. Послѣднюю мысль подробнѣе развивалъ Милованъ Янковичъ. Онъ подробно излагалъ предъ Комитетомъ значеніе и устройство сберегательныхъ и ссудныхъ кассъ, банковыхъ конторъ и кредитныхъ обществъ, страхованій противъ пожаровъ, наводненій, града, моровыхъ болѣзней и т. п., и заключилъ свою рѣчь указаніемъ на необходимость преобразовать самое управленіе народнымъ хозяйствомъ, которое зависѣло отъ попечительства внутреннихъ дѣлъ и лишь въ день созванія Комитета передано было въ по-

печительство финансовъ. Рѣчи приглашенныхъ Комитетомъ спеціалистовъ заняли все засѣданіе 6 іюля.

На слѣдующій день уже одинъ изъ членовъ Комитета, смедеревскій протоіерей Милутинъ Баничъ, оцѣнивая мѣры, предложенныя спеціалистами, коснулся практической стороны дѣла. Признавъ, что кредитныя учрежденія, о которыхъ говорилъ Янковичъ, суть единственныя средства къ поднятію матеріальнаго благосостоянія въ Сербіи, онъ замѣтилъ, что открытіе ихъ потребуетъ извѣстнаго времени, а до тѣхъ поръ надо подумать о другихъ мѣрахъ. Разбирая причины, вслѣдствіе которыхъ развелось въ Сербіи столько неоплатныхъ должниковъ, Баничъ раздѣлилъ ихъ на слѣдующіе разряды. Были люди, впавшіе въ долги по причинѣ лѣности, пьянства, скитанія по харчевнямъ и небреженія о хозяйствѣ. Были такіе, которые, отойдя отъ своего хозяина, сами завели торговлю, отчасти при помощи займа, и будучи неопытны въ торговомъ дѣлѣ, а иногда начавъ его въ тяжелый годъ, обнищали въ нѣсколько мѣсяцевъ. Были и обѣднѣвшіе отъ какихъ либо физическихъ несчастій, предупредить которыя не было возможности; но большинство неоплатныхъ должниковъ стали такими все-таки по собственной винѣ. «Я, братья,— говорилъ смедеревскій протоіерей,—живу съ народомъ; мнѣ нельзя сказать, что я не знаю и не вижу, что и какъ дѣлаетъ народъ нашъ. Бывало, молодые люди вѣнчались въ такихъ одеждахъ, которыя сработаны были ихъ собственными руками, бывало, и пріятели ходили другъ къ другу въ гости въ такихъ же платьяхъ. Тогда не было не только неоплатныхъ, но и вообще должниковъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ завелись шелковыя и бумажныя матеріи и роскошь въ одеждахъ, сталъ народъ нашъ мало-по-малу должать, и вотъ до чего дошелъ теперь. Я самъ былъ не разъ очевидцемъ тому, какъ сельская свадьба обходилась во 100 дукатовъ; только за одѣяніе молодой платилось 40 дукатовъ. Если бы всѣ эти вещи приготовлялись въ нашей землѣ, то еще куда бы ни шло: издержки на лишніе и роскошные предметы оставались бы въ нашемъ отечествѣ; но бѣда въ томъ, что всѣ эти товары приходятъ къ намъ изъ чужихъ земель, которымъ мы и платимъ за то наличными деньгами. Но есть и другія причины скудости въ нашемъ народѣ. Вы знаете, что по селамъ часто встрѣчаются и такіе люди, которымъ не хватаетъ хлѣба для домашняго хозяйства уже къ Свѣтлому Воскресенью, а многимъ и къ Великому посту. Стало быть, они заработали менѣе,

чѣмъ нужно было для дома, и еще менѣе, чѣмъ нужно было для продажи и посѣва. Гдѣ же причина, что не всякій можетъ столько напахать и заготовить, сколько ему нужно для собственнаго употребленія? На это отвѣчу вопросомъ: зачѣмъ нашъ народъ празднуетъ девять четверговъ отъ Пасхи до Спасова дня, когда самое лучшее время для сельскихъ работъ, и оканчиваетъ запашку послѣ Троицына дня, а иные и въ Петровъ постъ, когда наступаютъ уже сильныя жары? Зачѣмъ нашъ народъ празднуетъ бѣлую недѣлю предъ Великимъ постомъ, бѣлую недѣлю послѣ Свѣтлаго Воскресенья и бѣлую недѣлю послѣ Троицына дня и зачѣмъ празднуетъ многіе такіе дни, которые святая церковь не предписываетъ праздновать? Стало быть, мы не только проводимъ время въ бездѣліи, но и нарушаемъ церковный уставъ. Братья, дня по четыре и по цѣлой недѣлѣ гніютъ на землѣ скошенныя пшеница и сѣно; но вотъ прошли праздники, хочешь на другой день приняться за работу, глядишь—дождь ударилъ. Одинъ день могъ сдѣлать насъ сытыми на цѣлый годъ, одинъ же день можетъ быть и причиной голода. Зачѣмъ же было пировать по цѣлымъ днямъ, въ противность церковнымъ правиламъ? Вотъ одна изъ причинъ скудости у нашихъ сельчанъ. Оставить ли такихъ должниковъ безъ помощи? Пусть выпутываются изъ бѣды какъ могутъ! Но чувства человѣчности и христіанская обязанность заставляютъ насъ помочь и грѣшнику, извлечь его изъ пропасти и направить на истинный путь. И такъ, нѣтъ болѣе вѣрнаго средства помочь впавшимъ въ большіе долги, какъ учредить, при содѣйствіи правительства и его фондовъ, банкъ, издать обстоятельные законы о кредитѣ и торговлѣ; но ограничить взиманіе процентовъ едва ли возможно, ибо всякій—и заимодавецъ, и должникъ—вольны въ своемъ имуществѣ.»

Послѣ долгихъ преній о томъ же самомъ вопросѣ, Комитетъ пришелъ къ единогласному заключенію, что единственное средство возстановить экономическое благосостояніе въ странѣ заключается въ распространеніи легкаго, дешеваго и вѣрнаго кредита, а также въ удовлетворительныхъ законахъ о кредитѣ. А потому рѣшено было предложить слѣдующей скупштинѣ, чтобы она настаивала предъ правительствомъ на преобразованіи всего управленія народнымъ хозяйствомъ. Преобразованіе это предположено было начать съ устройства кредитнаго учрежденія, которое бы опиралось на правительственные фонды и капиталы. Но такъ какъ изъ государственныхъ фондовъ деньги раздавались взаймы,

то предоставить кредитному учрежденію выпускать облигаціи, которыми уплачивались бы долги частныхъ лицъ ихъ заимодавцамъ. Иначе говоря, предлагалось произвести выкупъ всѣхъ частныхъ долговъ при помощи правительственнаго банка и обратить частныхъ должниковъ въ заемщиковъ этого самаго банка. Облигаціи должны были имѣть стоимость денегъ, и правительство должно было принимать и выдавать ихъ наравнѣ съ металлическими деньгами. Что касается преобразованія всего экономическаго управленія въ странѣ, то предложено было, чтобы въ кругъ его входили заботы: объ умноженіи народнаго капитала, о полномъ обезпеченіи личнаго и имущественнаго права, о защитѣ частныхъ интересовъ сербскихъ подданныхъ въ другихъ земляхъ, о собираніи ежедневныхъ свѣдѣній относительно состоянія, въ коемъ находятся ремесла, промышленность и торговля въ Сербіи, о надлежащемъ управленіи государственною кассою, о введеніи справедливыхъ податей и правильной раскладкѣ ихъ, о составленіи законовъ, обезпечивающихъ развитіе земледѣлія, лѣсоводства, горнаго дѣла, фабрикъ и заводовъ, объ учрежденіи кредитныхъ и страховыхъ обществъ, улучшеніи внутреннихъ путей сообщенія и открытіи спеціальныхъ школъ по части народнаго хозяйства. Такими предположеніями не закончилось обсужденіе вопроса, на который указалъ Комитету самъ Милошъ.

Въ девятомъ засѣданіи депутаты, смедеревскій Мато Поповичъ, бѣлградскій Живко Карабиберовичъ и крагуевацкій Тодоръ Туцаковичъ, находя, что предложенныя мѣры недостаточны для того, чтобы устранить совершенно увеличеніе долговъ въ народѣ на будущее время, предложили слѣдующее: 12% считать законнымъ ростомъ, строго наказывать поступающихъ противно тому; долговые документы должны быть удостовѣряемы и подтверждаемы примирительнымъ судомъ; никто изъ сербскихъ жителей не можетъ обременять долгами имущество или землю, стоющія менѣе 40 дукатовъ, только излишекъ имѣнія сверхъ этой стоимости можетъ быть закладываемъ или продаваемъ за долгъ; обременительныя для народа обязательства, вынужденныя ростовщиками, не должны быть признаваемы по суду, и въ такихъ случаяхъ довѣритель и заемщикъ должны улаживаться, какъ знаютъ. Заемъ можетъ состоять, какъ изъ денегъ, такъ и изъ вещей, но при этомъ строго воспрещается показывать въ долговыхъ обязательствахъ высшую противъ дѣйствительной сумму займа;

что касается расписокъ, даваемыхъ содержателямъ харчевенъ и постоялыхъ дворовъ, то онѣ могутъ быть выдаваемы на сумму не свыше пяти грошей (35 копѣекъ), въ противномъ же случаѣ не должны быть признаваемы на судѣ. Къ этому предсѣдатель рудницкаго окружнаго суда, Божо Божовичъ, прибавилъ, что слѣдуетъ ввести строгія наказанія, какъ требующимъ при заключеніи займовъ, такъ и соглашающимся платить свыше 12%. Большинство членовъ Комитета согласилось съ этими предложеніями. Только предсѣдатель Комитета и оба члена отъ духовенства возражали противъ дѣйствительности предложенныхъ мѣръ; но возраженія ихъ, весьма справедливыя въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, не повліяли на мнѣніе остальныхъ членовъ. Стаменковичъ, напримѣръ, доказывалъ, что не на всемъ пространствѣ княжества земля имѣетъ одинаковую цѣнность и есть мѣста, гдѣ на 40 дукатовъ нельзя купить такого надѣла, который бы могъ обезпечивать существованіе большой семьи. Баничъ говорилъ, главнымъ образомъ, противъ требованія, чтобы долги заключались предъ примирительными судами. Всѣ эти пренія происходили въ то самое засѣданіе, въ которомъ читалось посланіе уѣзжавшаго изъ Бѣлграда Милоша, приглашавшее, между прочимъ, членовъ Комитета не терять время въ препирательствахъ. Къ тому же предмету относились и разсужденія въ четырнадцатомъ засѣданіи объ обязанностяхъ поручителя, при чемъ большинство членовъ Комитета желало оградить его отъ взысканій, пока не исчерпаны будутъ всѣ средства самого должника.

Отъ преній по вопросу о народныхъ долгахъ Комитетъ перешелъ къ разсмотрѣнію такихъ постановленій Свято-Андреевской скупштины, которыя еще оставались безъ исполненія. Такъ какъ высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ все еще былъ Совѣтъ, преобразованіе котораго ожидалось въ будущемъ, то отвѣтственность за такое невниманіе къ предложеніямъ скупштины Комитетъ возлагалъ на Совѣтъ. На этомъ основаніи рѣшено было писать Совѣту:

«1) чтобы онъ приготовилъ къ слѣдующей скупштинѣ свой отвѣтъ на слѣдующія предложенія, сдѣланныя ему предшествовавшей скупштиной: объ отмѣнѣ общинныхъ покосовъ, о введеніи устнаго и публичнаго судопроизводства въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ, объ адвокатурѣ, о сокращенномъ судопроизводствѣ по дѣламъ объ уплатѣ долговъ, основанныхъ на ка-

зенныхъ документахъ, и о законѣ касательно наслѣдія сербскаго престола;

«2) чтобы, согласно заключенію Свято-Андреевской скупштины, онъ доставилъ Комитету выписки изъ отчетовъ о государственномъ приходѣ и расходѣ, начиная съ 1842 г., и изъ отчетовъ всѣхъ попечительствъ за то же время;

«3) чтобы онъ разсмотрѣлъ предложенія Свято-Андреевской скупштины, представленныя ею бывшему княжескому намѣстничеству, и составилъ по нимъ свои отзывы, а именно: касательно закона о печати, объ отмѣнѣ § 17 Устава, въ которомъ говорилось о правахъ совѣтниковъ, о прекращеніи консульской юрисдикціи, о цѣлесообразномъ устройствѣ общинъ, объ избираніи кметовъ, о подчиненіи бракоразводныхъ дѣлъ свѣтскимъ судамъ, о должности окружныхъ медиковъ, о подтвержденіи полицейскимъ чиновникамъ, чтобы они, объѣзжая свои округи, не производили излишнихъ расходовъ.»

Далѣе Комитетъ вспомнилъ о постановленіи Свято-Андреевской скупштины объ отдачѣ подъ судъ тѣхъ членовъ Совѣта, которые 12 декабря, по сверженіи Карагеоргіевича, пытались возстановить войско противъ народа, и объ удаленіи изъ службы тѣхъ совѣтниковъ и попечителей, которые объявлены были скупштиною потерявшими народное довѣріе. По этому поводу рѣшено было отнестись къ княжескому представничеству съ приглашеніемъ, чтобы оно готово было дать слѣдующей скупштинѣ, если она того потребуетъ, объясненіе относительно такого заключенія Свято-Андреевской скупштины.

Выслушавъ затѣмъ предложенія, приготовленныя къ обсужденію коммиссіями Свято-Андреевской скупштины, но не разсмотрѣнныя ею самою, Комитетъ большинствомъ голосовъ постановилъ: представить ихъ слѣдующей скупштинѣ безъ всякихъ замѣчаній съ своей стороны.

Съ шестаго по шестнадцатое засѣданіе (съ 8 по 21 іюля), Комитетъ занимался пересмотромъ такихъ предложеній и запросовъ, которые, будучи поданы Свято-Андреевской скупштинѣ, не подвергались однако обсужденію ни въ ней самой, ни въ ея Комитетѣ. Мы, съ своей стороны, не будемъ излагать здѣсь подробно всего, что сдѣлано было Комитетомъ въ этомъ отношеніи, а упомянемъ лишь о тѣхъ рѣшеніяхъ, которыя имѣли потомъ вліяніе на законодательство княжества. Прежде всего разсмотрѣнъ былъ вопросъ о ярмаркахъ и большинствомъ голосовъ рѣшено

было сохранить лишь годовые торги отечественными произведеніями и закрыть ярмарки, существовавшія спеціально для иностранныхъ товаровъ: такою мѣрою думали пріучить народъ къ бережливости. Но меньшинство членовъ подало особое мнѣніе, утверждая, что не слѣдуетъ ни запрещать ярмарки, ни навязывать ихъ народу, ибо въ иныхъ мѣстахъ онѣ могутъ быть полезны, въ другихъ ненужны. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сербіи, гдѣ рѣдко населеніе, пути сообщенія затруднительны и торговая жизнь не развита, тамъ нужны ярмарки и туземнымъ купцамъ для взаимныхъ договоровъ, расчетовъ и заказовъ, и населенію сосѣднихъ земель, въ особенности Болгарамъ и Боснякамъ, которымъ надо облегчать торговыя сношенія съ Сербіей. Разсуждаемо было объ улучшеніи быта духовенства, но къ опредѣленному рѣшенію этого вопроса не пришли, предоставляя обсудить его подробнѣе будущей скупштинѣ, и только меньшинство высказалось за назначеніе опредѣленнаго и постояннаго содержанія духовенства, но предложено было запретить монахамъ выпрашивать у народа, ограничить монастыри доходами съ ихъ имуществъ и приписныхъ къ нимъ приходовъ, обратить монастырскія подворья въ приходскія церкви, управленіе монастырскимъ имуществомъ подвергнуть надзору выбранныхъ мірскихъ лицъ изъ мѣстныхъ общинъ и не принимать въ иноки ранѣе возраста, установленнаго церковными правилами. По вопросу о содержаніи пограничной стражи, засѣкъ и валовъ высказано было желаніе, чтобы расходы по этому предмету падали не на пограничные только округи, а на всю страну. Комитетъ коснулся также одной подробности въ дѣйствовавшемъ тогда въ Сербіи наслѣдственномъ правѣ: до этого времени, по смерти сербскаго гражданина, не имѣвшаго сыновей, а только дочерей, имущество его переходило къ племянникамъ; предложено было, чтобы въ такихъ случаяхъ и дочери имѣли право наслѣдія. Говорено было о болѣе правильномъ устройствѣ селеній, которыя въ Сербіи нерѣдко состояли изъ отдѣльныхъ усадьбъ, расположенныхъ въ различныхъ направленіяхъ, и рѣшено было не дозволять отдѣльнымъ домохозяевамъ ставить свои дворы въ отдаленіи отъ селъ. Большинство членовъ предложило ввести какой либо порядокъ въ распредѣленіи расходовъ на устройство уѣздныхъ и общинныхъ домовъ, школъ, церквей и другихъ зданій. Комитетъ высказался также противъ существованія въ княжествѣ различныхъ системъ измѣренія однихъ и тѣхъ же предметовъ, противъ низкихъ пошлинъ на предметы роскоши, приво-

зимые изъ за-границы, и высокихъ на предметы, вывозимые изъ Сербіи, противъ правительственнаго обычая перемѣщать чиновниковъ въ видѣ наказанія съ одного мѣста на другое. Въ послѣднемъ случаѣ, Комитетъ требовалъ, чтобы чиновникъ, виновный въ нарушеніи обязанностей своихъ, а въ особенности во взяточничествѣ, вовсе удаляемъ былъ изъ службы. Предсѣдатель пожаревацкаго окружнаго суда указалъ на вредныя послѣдствія, которыя проистекали для правительства и народа изъ того, что всѣ изданные до тѣхъ поръ законы и постановленія писаны не въ народномъ духѣ, въ различныхъ направленіяхъ, часто дополнялись, переиначивались и объяснялись, что иногда даже законодательные акты ограничиваемы были предписаніями попечителей, необнародованными ни въ печатномъ сборникѣ законовъ, ни инымъ какимъ либо путемъ, и что, наконецъ, по многимъ важнымъ вопросамъ чувствуются пробѣлы въ сербскихъ законахъ. По всѣмъ этимъ причинамъ Аксентіе Марковичъ предлагалъ образовать постоянную коммиссію изъ юристовъ при Совѣтѣ для составленія кодекса и продолженія изданія законовъ въ общемъ духѣ и направленіи. Комитетъ не согласился на учрежденіе коммиссіи составленія законовъ, а нашелъ достаточнымъ поручить правительству составленіе изъ существующихъ законовъ отдѣльныхъ уставовъ по всѣмъ отраслямъ управленія. Далѣе Комитетъ высказался за отмѣну давняго запрещенія, ввозить въ Сербію и распространять въ ней книги, печатанныя не тѣмъ правописаніемъ, какое принято было въ правительственныхъ актахъ и оффиціальной газетѣ (т. е. съ j и согласно народному произношенію, что въ оффиціальныхъ изданіяхъ или вовсе не допускалось, или же дозволялось съ большою осторожностью). Принято было предложеніе крушевацкаго протоіерея Іосифа Поповича, направленное, съ одной стороны, противъ народнаго обычая, позволявшаго родителямъ оцѣнивать своихъ дочерей при выдачѣ ихъ замужъ, а съ другой, требовавшее совмѣстнаго со стороны духовенства и мировыхъ судовъ разбирательства въ тѣхъ случаяхъ, когда свадьбы совершались посредствомъ побѣговъ, что еще сильно было укоренено въ народѣ. Рѣшено было выдавать жалованье сельскимъ учителямъ на мѣстѣ ихъ служенія, а не вызывать ихъ для того въ города, какъ это было прежде. Высказано было желаніе, чтобы люди, поступающіе въ гарнизонное войско, учились во время службы чтенію и письму и чрезъ то распространялась грамотность въ народѣ. Комитетъ самымъ рѣшительнымъ

образомъ высказался противъ закона, дозволявшаго уѣзднымъ полицейскимъ чиновникамъ, даже писарямъ, разбирать однолично проступки сельчанъ и назначать наказанія за нихъ; рѣшено было, чтобы такія дѣла разбирались коллегіально однимъ чиновникомъ и двумя сельскими кметами съ одинаковымъ правомъ голоса. Рѣшено было обратить вниманіе правительства на общенародное желаніе, чтобы изъ каждаго округа посылались заграницу для техническаго образованія по нѣскольку молодыхъ людей, успѣшно учившихся въ сербскихъ заведеніяхъ, чтобы вообще правительственныя стипендіи раздавались дѣтямъ природныхъ Сербовъ, притомъ наиболѣе способнымъ изъ нихъ и преимущественно недостаточнымъ. Была рѣчь о томъ, чтобы каждое попечительство представляло народнымъ скупштинамъ послужные списки всѣхъ чиновниковъ своего вѣдомства для ихъ пересмотра, но рѣшено было ограничиться отвѣтственностію попечителей за держаніе на службѣ дурныхъ чиновниковъ, возстановленіемъ во всей силѣ закона 1842 г., исполнявшагося недобросовѣстно, по которому только способные и достойные люди могли быть принимаемы на государственную службу и оставляемы на оной, равнымъ образомъ повышаемы и награждаемы только на основаніи закона и по заслугамъ; кромѣ того, предложено было въ дополненіе, чтобы въ одномъ и томъ же присутственномъ мѣстѣ, а въ особенности въ высшихъ, не могли служить два чиновника, состоявшіе въ близкомъ родствѣ. Указано было на недостатокъ почтовыхъ учрежденій въ княжествѣ. Кромѣ того, разсмотрѣно было нѣсколько предложеній объ интересахъ отдѣльныхъ мѣстностей, какъ-то: объ открытіи новыхъ прогимназій, о перенесеніи мѣстопребыванія епархіальной власти изъ одного мѣста въ другое, объ устраненіи насилій и притѣсненій, чинимыхъ арендаторами различныхъ правительственныхъ заведеній сосѣднимъ жителямъ, о возстановленіи разрушенныхъ мостовъ на Моравѣ, о лучшемъ устройствѣ нѣкоторыхъ перевозовъ и т. п.

Было нѣсколько предложеній, затрогивавшихъ съ одной стороны отношенія къ другимъ державамъ, преимущественно къ Австріи, а съ другой—произвольныя распоряженія низвергнутаго Свято-Андреевскою скупштиною правительства. Такъ, въ десятомъ засѣданіи шла рѣчь о томъ, на сколько обязательны для Сербіи торговые договоры, существовавшіе между Турціей и другими европейскими державами, въ виду того, что, по 7 статьѣ хатти-шерифа 1830 г., Сербіи предоставлялась свобода таможеннаго

управленія,—почему сербское правительство взимаетъ со ввозимыхъ въ княжество изъ Австріи товаровъ только 3% съ ихъ стоимости, въ видѣ таможеннаго налога, и не пользуется фирманомъ 1845 г., которымъ дозволено взимать еще два процента на покрытіе различныхъ расходовъ по ввозу и вывозу товаровъ, между тѣмъ, какъ Австрія обременяетъ сербскія произведенія, ввозимыя въ ея предѣлы, крайне высокими пошлинами,—почему иностранные подданные, преимущественно австрійскіе, производятъ самовластно въ княжествѣ мелкую торговлю въ ущербъ сербскимъ гражданамъ, которые не пользуются такимъ правомъ въ чужихъ земляхъ,—почему австрійское правительство взимаетъ съ сербскихъ подданныхъ высокую пошлину за визированіе паспортовъ, между тѣмъ, какъ въ Сербіи съ австрійскихъ подданныхъ берутъ за тоже ничтожную плату,—почему, вопреки существующимъ договорамъ, сербское правительство выдаетъ иногда иноземнымъ правительствамъ людей, ищущихъ въ княжествѣ прибѣжища по политическимъ причинамъ,—почему австрійское пароходное общество заняло для своихъ пароходовъ все пространство вдоль Савы предъ таможенными зданіями, назначенное подъ склады товаровъ, и тѣмъ наноситъ ущербъ сербскимъ торговцамъ. Съ другой стороны, Комитетъ потребовалъ, чтобы правительство приготовило объясненія къ слѣдующей скупштинѣ по слѣдующимъ вопросамъ: кто призывалъ въ 1858 г., въ качествѣ коммиссаровъ отъ Порты, Этемъ-пашу и Кабули-ефенди (тщетно старавшихся водворить согласіе между вліятельными кругами въ правительствѣ Карагеоргіевича за послѣднее время его существованія) и какіе расходы были по этому поводу? Почему хлѣбъ, собранный правительствомъ въ 1854 г. на чрезвычайныя земскія потребности (во время Восточной войны), не былъ употребленъ для этой цѣли, а проданъ, и вырученныя деньги обращены на учрежденіе фонда для вдовъ и сиротъ, остающихся послѣ священниковъ и учителей? Высказано было мнѣніе объ отчисленіи этихъ денегъ въ государственную кассу, въ качествѣ чрезвычайнаго прихода.

Подобное же мнѣніе принято было и относительно денегъ, собранныхъ съ народа на памятникъ Карагеоргіевичу. Высказанъ былъ запросъ правительству: для какой цѣли пріобрѣтенъ въ казну стеклянный заводъ Петроніевича, какой доходъ ежегодно приноситъ онъ и какихъ требуетъ расходовъ? Всѣ мнѣнія и

предложенія Комитета имѣли быть предложенными на окончательное рѣшеніе предстоящей скупштины.

Между разсматривавшимися въ Комитетѣ предложеніями были и такія, которыя касались военнаго устройства. Предъ разсмотрѣніемъ ихъ Комитетъ рѣшился выслушать мнѣнія спеціалистовъ. Въ одно изъ засѣданій его явились полковникъ, маіоръ и два поручика, получившіе военное образованіе за-границей. Условившись между собою въ основаніяхъ, на которыхъ слѣдовало произвести преобразованіе военнаго управленія въ Сербіи, спеціалисты поручили одному изъ своей среды, именно Іоцѣ Марковичу, изложить ихъ мнѣнія предъ Комитетомъ. Въ длинной рѣчи, которая однако жъ не приведена въ протоколѣ засѣданія, Марковичъ «краснорѣчиво представилъ великую задачу, исполнять которую вообще призвано войско, подробно изобразилъ, въ какомъ состояніи находилось военное дѣло въ Сербіи, исчислилъ средства защиты, коими обладала она, указалъ на необходимость болѣе широкаго развитія этихъ средствъ и на способъ, какимъ легче и успѣшнѣе можно достичь того, и заключилъ свою рѣчь мыслію, что изъ всѣхъ дѣлъ, подготовленныхъ доселѣ Комитетомъ, дѣло военныхъ преобразованій въ Сербіи будетъ самымъ плодотворнымъ, ибо отъ него зависитъ безопасность, а, стало быть, также счастіе и благо страны». Комитетъ, поблагодаривъ за эту рѣчь представителей войска, постановилъ предложить будущей скупштинѣ, чтобы она позаботилась о преобразованіи военнаго управленія, согласно съ успѣхами и потребностями времени, а правительству, чтобы оно изготовило проектъ такихъ преобразованій при помощи свѣдущихъ въ томъ людей.

Получивъ изъ попечительства финансовъ приходо-расходныя книги государственной кассы за все время правленія Карагеоргіевича, Комитетъ принялъ слѣдующее мнѣніе одного изъ своихъ членовъ, предсѣдателя рудницкаго окружнаго суда Божо Божовича: «такъ какъ прежнее правительство, навязанное народу силою въ 1842 году, не было народнымъ, а слѣдовательно не были законны и тѣ издержки, которыя шли изъ государственной кассы на сверженіе законнаго и на утвержденіе ненароднаго правительства, то изъ представленныхъ книгъ извлечь свѣдѣнія: а) о всѣхъ расходахъ, произведенныхъ въ 1842 году съ этою цѣлію; б) о всѣхъ расходахъ, которыми прежнее правительство обременило государственную кассу безъ всякой надобности; в) о всѣхъ незаконныхъ налогахъ, взысканіяхъ и пеняхъ, которыми

прежнее правительство незаконно обременило, какъ весь народъ, такъ и отдѣльныхъ гражданъ; г) объ общей суммѣ всѣхъ правительственныхъ доходовъ и расходовъ съ 1842 г. до послѣдняго времени, съ обозначеніемъ прежняго и теперешняго состоянія государственной кассы. Въ изготовленіи этихъ свѣдѣній принимали участіе два чиновника попечительства финансовъ, и всѣ эти работы заняли около четырехъ засѣданій.

Исчерпавъ всѣ предстоявшія ему занятія, Комитетъ составилъ краткое извѣстіе о нихъ и, вмѣстѣ съ протоколами своихъ засѣданій и всѣми актами Свято-Андреевской скупштины, отправилъ его въ совѣтъ для храненія и передачи въ свое время ближайшей скупштинѣ.

Засѣданія Комитета слѣдовало закрыть князю, но его въ то время не было уже въ Бѣлградѣ. Еще 11 іюля, предъ своимъ отъѣздомъ на минеральныя воды Сербіи, онъ обращался къ Комитету съ посланіемъ, въ которомъ между прочимъ говорилъ: «Братья, я желаю вамъ счастливаго успѣха въ вашемъ предпріятіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ поручаю вамъ скорѣе обсудить всѣ дѣла, которыя вы будете разсматривать и о которыхъ дадите свое мнѣніе, и чрезъ то приготовить ихъ для народной скупштины, безъ коей ничего не можетъ быть рѣшено; разсмотрите и разыщите, куда и на какія цѣли растрачены народныя деньги и на что онѣ теперь расходуются, а также изслѣдуйте ущербъ, который нанесли народу ростовщики и лихоимцы. Подумайте обо всемъ этомъ и поищите наиболѣе удобныхъ способовъ, коими бы могло быть исцѣлено это зло. Трудитесь сколь возможно и старайтесь не проводить въ напрасныхъ препирательствахъ свое время, назначенное для столь важнаго дѣла. Если кто изъ васъ не согласится съ мнѣніемъ и рѣшеніемъ Комитета, тотъ можетъ подать отдѣльное мнѣніе и записать таковое въ протоколъ». Въ заключительномъ засѣданіи попечитель внутреннихъ дѣлъ благодарилъ членовъ Комитета отъ имени князя за ихъ патріотическій трудъ, имѣющій принести несомнѣнную пользу народу. Распуская Комитетъ, предсѣдатель его, Андрія Стаменковичъ, произнесъ рѣчь, въ которой, вспоминая о Свято-Андреевской скупштинѣ, служившей выраженіемъ разумной воли сербскаго народа, назвалъ дѣятельность Комитета новымъ доказательствомъ того, что сербскому народу прирождены стремленія къ истинѣ и любовь къ свободной и публичной дѣятельности. Онъ благодарилъ членовъ за искреннее убѣжденіе въ томъ, что пол-

ное удовлетвореніе народныхъ потребностей нуждается въ общемъ и самостоятельномъ ихъ обсужденіи, что при разсмотрѣніи государственныхъ дѣлъ необходимы совѣты и спеціальныя свѣдѣнія людей науки. «Обнародованіе дѣйствій Комитета, говорилъ онъ, дастъ возможность всѣмъ съ бо́льшимъ спокойствіемъ обсудить вопросы, подлежащіе рѣшенію будущей скупштины: успѣхи общества достигаются путемъ гласнаго выраженія мнѣній и соглашенія между ними, а не притворнымъ ласкательствомъ и заискиваніемъ предъ простымъ народомъ».

Мы видѣли уже, при какихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ оканчивалъ свою дѣятельность «Одборъ» Свято-Андреевской скупштины. Въ совѣтѣ министровъ не только возникло разногласіе по случаю выдачи Андрича австрійскимъ властямъ, но и произошла важная перемѣна, вслѣдствіе отставки Груича и передачи внутреннихъ дѣлъ въ вѣдѣніе новаго попечителя и помощника его, что̀ усиливало бюрократическій элементъ въ министерствѣ. Со временемъ же дѣйствій Одбора совпало происшествіе, указывавшее на печальное состояніе нравственности въ сербской администраціи и безсиліе правительства въ дѣлѣ преслѣдованія безнравственныхъ явленій, находившихъ защиту въ турецкихъ властяхъ: открыто было похищеніе Стояномъ Савичемъ изъ пожаревацкой опекунской кассы 10,275 грошей и 30 паръ; назначена была слѣдственная коммиссія по этому поводу; но Савичъ успѣлъ бѣжать къ Туркамъ въ Бѣлградскую крѣпость. Въ тоже время нѣкоторые изъ арестованныхъ по розыску о предполагавшемся заговорѣ противъ Милоша и потомъ выпущенныхъ на свободу, не пользуясь расположеніемъ соотечественниковъ, предпочли подобной жизни на родинѣ пребываніе у турокъ и также удалились въ крѣпость. Паша отправилъ ихъ и Савича въ Константинополь. Все это не могло возбудить въ народѣ уваженія къ правительству и увеличивало неудовольствіе либеральной партіи. Съ другой стороны, консерваторы и примкнувшіе къ нимъ изъ другихъ партій, враждебныхъ святоандреевцамъ, нашли немало поводовъ къ нападенію на дѣятельность Одбора, напоминавшую имъ конституціонныя стремленія. Въ различныхъ статьяхъ, появлявшихся въ бѣлградскихъ «Сербскихъ Новинахъ» и въ новосадскомъ «Сербскомъ Дневникѣ», выражено было порицаніе дѣйствій Одбора, между прочимъ коснувшагося въ своихъ засѣданіяхъ и случая съ Андричемъ. «Мы спрашиваемъ,—сказано было въ № 102 «Сербскихъ Новинъ»,—по какому праву

Одборъ, призванный обсудить нерассмотрѣнные Свято-Андреевскою скупштиною вопросы и приготовить доклады о нихъ къ предстоящей скупштинѣ, могъ стать на высоту самой скупштины, пускаться въ оцѣнку текущихъ дѣйствій правительства, стать его контролемъ? Вотъ какъ у насъ понимаются опредѣленія и границы власти! Мы изумляемся предсѣдателю, который не объяснилъ Одбору такое отступленіе отъ порядка, но и удивляемся также великому терпѣнію правительства, которое не выразило Одбору строгія порицанія по этому случаю и не предложило ему возвратиться въ предѣлы своей компетенціи, вычеркнувъ изъ своего протокола незаконное упоминовеніе о сказанномъ случаѣ. Мы уже сказали однажды, что при демократической системѣ каждое наималѣйшее отступленіе отъ предѣловъ, предписанныхъ правомъ, вызываетъ собою дальнѣйшія отступленія и ведетъ къ хаосу.» Приписывая либеральный характеръ дѣйствій Одбора предсѣдателю его, противники доказывали также, что Андрія Стаменковичъ не могъ предсѣдательствовать въ немъ, ибо не былъ собственно назначенъ въ Одборъ, хотя и былъ членомъ Свято-Андреевской скупштины. Нѣкоторые указывали еще и на то, что Стаменковичъ былъ членомъ Державнаго Совѣта и что предсѣдательство въ Одборѣ ставило его въ двусмысленное положеніе къ правительству. Не излишне будетъ замѣтить, что въ самомъ Совѣтѣ значительное большинство членовъ держалось политическихъ убѣжденій, противоположныхъ убѣжденіямъ Стаменковича и его друзей. Ко времени дѣйствій Одбора слѣдуетъ отнести соглашеніе между противниками народно-либеральной партіи, выдѣленіе изъ остальныхъ партій наиболѣе способныхъ членовъ и образованіе изъ нихъ новой партіи, добивавшейся вліянія въ администраціи и проводившей свою программу при помощи усердной литературной полемики. Хотя въ послѣдней принимали участіе многіе авторы и имена ихъ болѣе или менѣе извѣстны были современникамъ, но подъ большинствомъ статей ихъ вмѣсто подписи появлялся знакъ, обыкновенно употребляемый въ торговыхъ счетахъ для обозначенія дуката; оттого вся партія, выступившая на борьбу противъ святоандреевцевъ и въ особенности противъ либеральной фракціи ихъ, получила въ сербской публицистикѣ названіе дукатовской. Поле для борьбы было обширное. Вопросовъ, возбужденныхъ либералами, было такъ много, что одни изъ нихъ вызывали противодѣйствіе со стороны умѣрен-

ныхъ, противъ иныхъ возражали консерваторы и вообще всѣмъ этимъ движеніемъ оставались крайне недовольны ретрограды.

Главное обвиненіе противъ либераловъ состояло въ томъ, что они, а также и нѣкоторые изъ сознательныхъ приверженцевъ Обреновичей, преслѣдовали будто бы или личныя, или исключительно эгоистическія цѣли. Противъ какого бы поступка либераловъ, противъ какой бы мысли ихъ ни возражали ихъ противники, вся полемика обыкновенно сводилась къ одному обвиненію, высказывавшемуся иногда прямо, иногда лишь намеками, обвиненію въ властолюбіи и желаніи овладѣть волею стараго князя. Между тѣмъ, народно-либеральная партія заботилась о внутреннихъ и внѣшнихъ успѣхахъ Сербскаго княжества и его населенія, для чего стремилась добиться всякаго рода обезпеченій. Въ этомъ направленіи она дѣйствовала во время Свято-Андреевской скупштины; въ томъ же направленіи продолжала дѣйствовать и въ первые мѣсяцы Милошева правленія *). Она дѣйствовала въ пользу народной династіи, не ради того только, чтобы послѣдняя владычествовала надъ честью, свободою и жизнію согражданъ или надъ частнымъ и земскимъ имуществомъ, по прежней своей системѣ или по примѣру людей, занимавшихъ ея мѣсто въ теченіе пятнадцати лѣтъ; но и въ надеждѣ найти въ фамиліи Обреновичей опору для преемственности верховной власти, для полнаго освобожденія Сербіи и объединенія сербскаго народа. Она хотѣла утвержденія народной скупштины, которая была бы законною представительницей народной воли, источникомъ власти и обезпеченіемъ противъ всякихъ реакціонныхъ и придворныхъ стремленій передѣлать законодательство, овладѣть всѣми отраслями управленія, подчинить себѣ судебную власть, уничтожить общинное управленіе, вообще раздвоить уставность отъ законности: попирая первую, прикрываться именемъ второй,—исполняя законы по формѣ, ограничивать ихъ при помощи министерскихъ распоряженій, канцелярскихъ предписаній и т. п. мѣропріятій. Но добившись законнаго установленія народной скупштины, либеральная партія желала, чтобы дѣйствія избирателей при выборѣ депутатовъ на скупштину, а послѣднихъ на самой скупштинѣ, были вполнѣ свободны, и чтобы сущность народнаго представительства не огра-

*) Срав. *Јеврема Грујића*, Живот Андрије Стаменковића. У Београду, 1869, стр. 61—64.

ничивалась однимъ только формальнымъ признаніемъ его. Либеральная партія требовала отвѣтственности министерства, дабы безъ него и помимо его князь не могъ отправлять обязанностей своей власти, такъ чтобы за все совершенное вопреки надобности или за все неисполненное, не смотря на надобность въ томъ, отвѣчалъ не князь, который не можетъ быть подвергаемъ осужденію безъ нарушенія общей пользы, но министры, съ обвиненіемъ противъ которыхъ выступала бы народная скупштина, а разбиралъ бы это обвиненіе судъ. Либеральная партія желала введенія гласнаго и устнаго судопроизводства какъ въ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ дѣлахъ; она хотѣла независимости судебной власти отъ исполнительной въ ея приговорахъ и введенія института присяжныхъ. Она хотѣла свободной печати, что̀ заявлено было на Свято-Андреевской скупштинѣ депутатами изъ разныхъ концевъ Сербіи и принято скупштиною. Она хотѣла свободы общиннаго управленія, которую считала опорою земской свободы вообще. По убѣжденію сербскихъ либераловъ того времени, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, наслѣдственность династіи безъ отвѣтственности министровъ, послѣдняя безъ полноправной власти народной скупштины, законодательная дѣятельность скупштины безъ свободныхъ выборовъ, эти выборы безъ свободы общиннаго управленія, суды безъ присяжныхъ, граждане безъ права ассоціацій, земскія власти и дѣла безъ публичности, публичность безъ свободной печати, — всѣ эти обезпеченія правильной гражданской жизни одно безъ другаго были бы паутиной, способной прикрывать или властолюбивыя, или реакціонныя попытки отдѣльныхъ лицъ.

Но если члены либеральной партіи питали въ себѣ подобныя желанія изъ опасенія властолюбивыхъ и эгоистическихъ расчетовъ со стороны своихъ противниковъ, то и послѣдніе относились съ неменьшими опасеніями къ планамъ и заявленіямъ либераловъ. Необыкновенная молодость политической жизни въ Сербскомъ княжествѣ, отсутствіе опытности въ выступившихъ другъ противъ друга партіяхъ, живучесть старыхъ порядковъ, создавшихся еще подъ владычествомъ турокъ, новость и даже преждевременность нѣкоторыхъ либеральныхъ начинаній, — все это дѣлало невозможнымъ соглашеніе между боровшимися и придавало борьбѣ характеръ ожесточенія, усиливавшагося еще вслѣдствіе неумѣнія одряхлѣвшаго князя отнестись безпристрастно къ происходившей предъ его глазами борьбѣ. Не говоря уже о томъ,

что Милошъ не могъ побѣдить въ себѣ нерасположенія къ прямымъ и всегда опредѣленнымъ совѣтамъ со стороны людей, принадлежавшихъ къ либеральной партіи, онъ долженъ былъ склоняться въ пользу мнѣній, высказываемыхъ противниками ихъ, уже и потому, что нѣкоторые изъ дукатовцевъ находились въ непосредственныхъ связяхъ съ его дворомъ. Руководителями этой партіи были слѣдующія лица. Впереди всѣхъ ихъ долженъ быть названъ придворный докторъ, управлявшій имѣніями молодаго князя Михаила, Пацекъ, родомъ Словакъ, но сильно помадьяренный, недолюбливавшій ни Славянъ вообще, ни Сербовъ въ особенности. При его участіи состоялся въ 1753 году бракъ Михаила съ мадьярскою графинею Гуніади; онъ былъ обвиняемъ въ 1857 году, какъ участникъ въ заговорѣ на жизнь князя Александра Карагеоргіевича посредствомъ подкуповъ, и выданъ австрійскимъ властямъ по ихъ требованію. Онъ не скрывалъ своихъ антипатій къ народно-либеральной партіи и вообще къ проявленіямъ народной самостоятельности въ Сербахъ: эта непріязнь особенно ясно выразилась въ послѣдствіи, въ первый годъ правленія князя Михаила, когда подана была жалоба въ бѣлградскій городской судъ Миливоемъ Прайзовичемъ, обвинявшая Пацека въ оскорбительныхъ для сербскаго народа выраженіяхъ, что и было засвидѣтельствовано предъ судомъ тогдашнимъ секретаремъ министерства юстиціи, Радивоемъ Милойковичемъ (министръ внутреннихъ дѣлъ во время регентства 1868—1872 гг.). За нимъ слѣдовалъ Филиппъ Христичъ, заступникъ за митрополита Петра, слывшій до Свято-Андреевской скупштины сторонникомъ Карагеоргіевича, получившій за-границею нѣкоторое образованіе и извѣстный въ послѣдствіи своими связями съ Англіей. Онъ добивался мѣста совѣтника по возвращеніи Обреновичей, но попалъ въ секретари къ Милану. Какъ человѣкъ уклончиваго характера, осторожный въ обращеніи, онъ съумѣлъ пріобрѣсти вліяніе па стараго князя, относительно котораго и игралъ такую же роль, какъ Пацекъ при дворѣ Михаила. Къ нимъ примыкалъ уже извѣстный намъ Хаджи-Дина Іовановичъ, испытавшій заточеніе въ Гургусовацкой башнѣ при Карагеоргіевичѣ, занимавшій однако жъ во время Свято-Андреевской скупштины двусмысленное положеніе между сторонниками обѣихъ династій, склонявшійся въ пользу митрополита Петра, по родству своему съ Филиппомъ Христичемъ, и дѣйствовавшій противъ либеральной партіи, которая оказывала большое довѣріе и уваженіе

къ митрополиту Михаилу. Еще при временномъ правительствѣ, въ январѣ 1859 года, онъ получилъ должность военнаго протоіерея, и, будучи назначенъ вскорѣ послѣ того въ придворные протоіереи, почти не отходилъ отъ стараго и больнаго князя. Михайло Барловацъ, принадлежавшій предъ паденіемъ Карагеоргіевича къ партіи Миши Анастасіевича, взятъ былъ Милошемъ въ адъютанты къ себѣ и вскорѣ сталъ правителемъ дворца и дворцовыхъ служителей; какъ родственникъ Филиппа Христича и Хаджи-Дины, онъ помогалъ имъ, на сколько могъ и умѣлъ, въ опороченіи въ глазахъ Милоша членовъ либеральной партіи. Младенъ Жуйговичъ, свояк Ильи Гарашанина, имѣвшій совершенно независимое отъ другихъ министерствъ главное управленіе военными дѣлами, самъ по себѣ неспособный ни на что рѣшительное, служилъ орудіемъ доктору Пацеку противъ либераловъ, въ особенности же противъ Стевчи Михайловича, Ефрема Груича и Андріи Стаменковича, которыхъ Пацекъ терпѣть не могъ. Никола Кристичъ, зять Ѳомы Вучича, смѣненный во время Свято-Андреевской скупштины съ должности городскаго правителя и получившій въ первомъ министерствѣ Милоша мѣсто помощника попечителя юстиціи, былъ противникомъ народно-либеральной партіи и по своимъ родственнымъ связямъ, и по усвоеннымъ имъ въ австрійской службѣ бюрократическимъ пріемамъ. Въ послѣдствіи, снова добившись должности городскаго управителя въ Бѣлградѣ, Никола Кристичъ не только восполнялъ своею дѣятельностію вліяніе Филиппа Христича на стараго князя, а Пацека на молодаго, но и превзошелъ ихъ въ этомъ отношеніи. Милошъ Поповичъ, редакторъ тогдашнихъ «Сербскихъ Новинъ» и корреспондентъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ газетъ въ Австріи, сперва безразлично печатавшій въ своей газетѣ статьи людей разныхъ партій, въ іюнѣ 1859 года перешелъ на сторону людей, дѣйствовавшихъ противъ либераловъ. Онъ и другой литераторъ, австріецъ по происхожденію, Матія Банъ, игравшіе немалую роль въ послѣдніе годы Карагеоргіевича, какъ руководители оффиціозной печати, оказывавшіе услуги правительству своимъ перомъ, имѣли до Свято-Андреевской скупштины связи и при дворѣ, и среди вліятельныхъ кружковъ сербскаго общества, иногда служили толкователями памѣреній сербскаго правительства предъ австрійскою и турецкою дипломатіею и печатью; а со времени Свято-Андреевской скупштины увидали себя обойденными въ этомъ дѣлѣ и отвергнутыми либеральною партіею, а потому при пер-

вомъ же походѣ противъ нея со стороны консерваторовъ примкнули къ дукатовцамъ. Какъ люди съ литературною опытностію, они принесли своей партіи значительныя услуги. Изъ нихъ особенно нелюбимъ былъ молодымъ поколѣніемъ Матія Банъ за свой гимнъ султану, напечатанный въ 1854 году, за представленіе Свято-Андреевской скупштины предъ нѣкоторыми изъ иностранныхъ консульствъ въ Бѣлградѣ чѣмъ-то въ родѣ революціоннаго конвента. Изъ такихъ народныхъ элементовъ составился кружокъ, обнаруживший въ себѣ желаніе и способность бороться съ народно-либеральной партіей. Къ этому кружку спѣшили примкнуть всѣ, чьи выгоды, надежды и помышленія такъ или иначе не были пощажены Свято-Андревскою скупштиною. Эти люди составляли ту тайную силу, которая вела борьбу за кулисами, преимущественно путемъ клеветы и сплетенъ. Большинству изъ нихъ было рѣшительно все равно, кто носитъ титулъ сербскаго князя; нѣкоторые въ глубинѣ души сердились на святоандреевцевъ за то, что тѣ предвосхитили у нихъ роль обвинителей Карагеоргіевича и возстановителей Обреновичей. Были между ними и такіе, что находили небезполезнымъ для себя восхвалять до небесъ князя Михаила, сожалѣя, что не онъ замѣнилъ собою Карагеоргіевича, а за всѣ ошибки Милоша порицали не его, а людей, принадлежавшихъ къ либеральной партіи. Главною заботою было подорвать значеніе святоандреевцевъ не только при дворѣ, но и въ народѣ, и на ихъ паденіи основать свой собственный успѣхъ.

Выборы депутатовъ на Мало-Госпожинскую скупштину послужили поводомъ къ довольно рѣзкому проявленію взаимной ненависти между партіями и къ нападенію дукатовцевъ съ ихъ союзниками на либераловъ. Впрочемъ вражда между людьми разныхъ партій была почти общимъ явленіемъ въ тогдашней Сербіи, въ особенности же среди чиновнаго сословія. Доказательствомъ тому можетъ служить циркуляръ попечительства внутреннихъ дѣлъ отъ 1 августа къ окружнымъ начальникамъ, составленный тѣмъ же лицомъ, какъ и февральскій докладъ перваго министерства князю и распоряженіе по министерству внутреннихъ дѣлъ отъ 1 марта того же года. Въ августовскомъ циркулярѣ говорилось, что съ тѣхъ поръ, какъ Милошъ путешествуетъ по Сербіи, многіе чиновники досаждаютъ его своими просьбами: то ищутъ высшихъ должностей для себя, то просятъ дозволенія замѣнить служащихъ въ ихъ канцеляріяхъ другими;

одни жалуются на людей извѣстныхъ и заслуженныхъ, другіе рекомендуютъ новыхъ. Всѣ руководятся эгоизмомъ, страстями и личными расчетами. Обходя высшую власть, они вмѣстѣ съ тѣмъ производятъ новый разладъ въ чиновномъ классѣ. Такія явленія не могутъ быть иначе названы, какъ смутами, лишающими чиновниковъ народнаго уваженія. «Свѣтлый Господарь нашъ, говорилось въ заключеніи циркуляра, отправился въ народъ, дабы видѣть его послѣ столькихъ лѣтъ разлуки и выслушать его справедливыя жалобы, а не для того, чтобы разбирать чиновничьи распри». Циркуляръ этотъ, конечно, произвелъ бы еще большее впечатлѣніе, если бы яснѣе и рѣшительнѣе указалъ, что порицаемый имъ порядокъ вещей созданъ предшествовавшими десятилѣтіями и что совершившійся въ концѣ 1858 года переворотъ имѣлъ цѣлію устранить его, а не давать ему новую пищу. А, между тѣмъ, общественный раздоръ нашелъ себѣ новый поводъ въ выборахъ на предстоявшую скупштину.

Когда, не смотря на всѣ происки противниковъ, святоандреевскіе дѣятели одержали побѣду почти во всѣхъ избирательныхъ округахъ княжества, и въ особенности блистательно оказалось торжество ихъ на выборахъ, происходившихъ 9 августа въ Бѣлградѣ, тогда реакція, уязвленная этими успѣхами, подняла страшные крики и въ газетахъ, и въ Державномъ Совѣтѣ. Послѣдній, 11 августа, постановилъ потребовать отъ подлежащей власти донесенія о безпорядкахъ, происходившихъ будто бы на бѣлградскихъ выборахъ. Но когда и сама полиція бѣлградская донесла, что такихъ безпорядковъ не было, совѣтская реакція умолкла. Однако посредствомъ интригъ придворнымъ дукатовцамъ удалось побудить попечителя внутреннихъ дѣлъ назначить новые выборы на 13-е августа. Въ этотъ день въ избирательное собраніе явились попечитель Владиславъ Вуйовичъ и начальникъ военнаго управленія Младенъ Жуйовичъ и сообщили избирателямъ, что прибыли изъ дворца наслѣдника престола, котораго надо избрать въ депутаты на скупштину отъ столицы, что молодой князь приметъ это избраніе, если остальные три депутата будутъ выбраны изъ торговаго сословія. Избиратели и послушались и не послушались такого совѣта: они стали подавать голоса за князя Михаила, а въ товарищи ему избирать Стаменковича, Груича и Карабиберовича. Между тѣмъ, молодой князь, узнавъ о безстыдствѣ реакціи, рѣшившейся воспользоваться его именемъ, послалъ своего адъютанта объявить избирателямъ, что

несправедливо, будто бы онъ желалъ быть депутатомъ на скупштинѣ. Тогда къ прежнимъ кандидатамъ избиратели присоединили четвертаго изъ купцовъ. Но Стаменковичъ уже не принялъ избранія, объявивъ, что считаетъ вторые выборы незаконными, ибо первые были отмѣнены вопреки всякой справедливости.

Реакція, не выждавъ его заявленія, поспѣшила представить самому Милошу бѣлградскіе выборы, какъ слѣдствіе безпорядковъ. Милошъ вызвалъ къ себѣ въ Крагуевацъ бѣлградскаго правителя, но и тотъ не нашелъ возможнымъ подтвердить донесенія реакціонеровъ. Тогда окружавшимъ Милоша удалось выманить у него письмо къ попечителю внутреннихъ дѣлъ отъ 17 августа, въ которомъ шла рѣчь о бѣлградскихъ выборахъ. Сославшись на дошедшіе до него слухи о безпорядкахъ и происках, происходившихъ будто бы на выборахъ, Милошъ выражалъ неудовольствіе, что въ депутаты избраны чиновники. «Мое желаніе, писалъ князь, состоитъ въ томъ, чтобы, съ одной стороны, выслушать изъ устъ самого народа представленія о его нуждахъ и тягостяхъ, а не изъ устъ чиновниковъ, а съ другой—чтобы во время скупштины государственныя дѣла шли обычнымъ порядкомъ, чего не можетъ быть, если столько чиновниковъ оставятъ свои должности и явятся на скупштину, а потому приказываю вамъ тотчасъ же назначить новые выборы и чтобы вмѣсто чиновниковъ были избраны люди изъ среды самого народа: я не хочу ни единаго чиновника видѣть депутатомъ отъ народа. Когда я давалъ согласіе на скупштинскіе выборы, то предлагалъ, чтобъ избраны были въ депутаты люди разумные и умѣренные, и этимъ я выражалъ желаніе, чтобы на скупштину не явились горячія и заносчивыя головы, или какіе-нибудь искатели приключеній, но люди, извѣстные за разумныхъ и почтенныхъ. Но такой совѣтъ мой какъ-будто не вездѣ понятъ. Между тѣмъ, я твердо рѣшился дать на предстоящей скупштинѣ торжество разсудку и умѣренности и воспрепятствовать всему, что могло бы осрамить предъ свѣтомъ и очернить наше народное имя; а потому обратите вниманіе народа на то, что всякій человѣкъ съ дурною славою, будучи избранъ въ депутаты, будетъ исключенъ изъ скупштины. Я хочу вести рѣчь и заключать договоры съ чистою и почтенною частію народа, а не съ его крайностями. Мое твердое намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы на предстоящей скупштинѣ дать свѣту доказательство сербской умѣренности и осмотрительности, нашей зрѣлости для государственной жизни; а потому желаю ви-

дѣть народными депутатами людей, имена коихъ внушатъ мнѣ увѣренность, что сказанное намѣреніе мое найдетъ въ нихъ себѣ усердныхъ исполнителей.» Не трудно было убѣдить безграмотнаго Милоша приложить къ такому предписанію штемпель своего имени: старый и вспыльчивый князь не замѣтилъ противорѣчія, заключавшагося въ его приказѣ. Если избранные въ депутаты чиновники принадлежали къ числу людей заносчивыхъ, не пользовались доброю славою и составляли менѣе почтенную часть народа; то точно также они не годились для государственной службы, какъ не годились бы, по мнѣнію окружавшихъ князя, и въ депутаты народной скупштины. Странный взглядъ имѣли ближайшіе совѣтники Милоша на условія, требовавшіяся для занятія государственныхъ должностей и оказавшіяся достаточными въ этомъ случаѣ, но недостаточными для народнаго представителя. Конечно, окружавшіе Милоша и не думали о такомъ противорѣчіи: имъ нужно было только согласіе князя на уничтоженіе прежнихъ выборовъ, а, по полученіи его, они уже не стѣснялись возникавшими оттуда противорѣчіями.

Очевидно, неловко было назначить новые выборы въ Бѣлградѣ и другихъ мѣстностяхъ, гдѣ въ число депутатовъ вошли люди чиновнаго сословія, иначе говоря — представлявшіе собою образованный классъ, а потому предоставлено было общиннымъ мировымъ судамъ замѣнить исключавшихся изъ депутатскихъ списковъ тѣми, которые получили послѣ ихъ наибольшее число голосовъ. Казалось бы, что Державный Совѣтъ, неутратившій еще законодательной власти, долженъ былъ выставить предъ княземъ всю неправильность такого вмѣшательства власти исполнительной въ дѣла общинныя, или, по крайней мѣрѣ, указать на необходимость новаго закона, который бы уполномочивалъ на это; но ничего подобнаго не послѣдовало. Въ числѣ исключенныхъ изъ списка депутатовъ былъ и Груичъ, хотя онъ уже съ конца іюля не принадлежалъ къ чиновному сословію: отказъ Стаменковича отъ депутатскаго званія и исключеніе Груича были дѣломъ крайне пріятнымъ для большинства державныхъ совѣтниковъ. Общины, непривыкшія къ самостоятельной дѣятельности, не протестовали съ своей стороны противъ министерскаго распоряженія. Печать, поддерживавшая реакціонное направленіе, стала осыпать бранью законъ о народной скупштинѣ, обнародованный по низверженіи Карагеоргіевича, и всѣ дѣйствія Свято-Андреевской скупштины. Приписывая возстановленіе Обреновичей волѣ

всего народа, писатели дукатовской партіи объявили законъ о скупштинѣ плодомъ господства демагоговъ между святоандреевцами. Особенно рѣзки были нападенія въ сербскихъ и нѣмецкихъ газетахъ противъ либеральной партіи во второй половинѣ августа, во время очищенія депутатскихъ списковъ и приготовленія правительства къ Мало-Госпожинской скупштинѣ.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что предстоявшей скупштины опасалось также и большинство иностранныхъ консуловъ, проживавшихъ въ Бѣлградѣ. Они ожидали, что новая скупштина будетъ продолженіемъ Свято-Андреевской и пойдетъ въ дѣлѣ реформъ еще далѣе по направленію, ею указанному. Особенно боялись, чтобы скупштина не приступила къ пересмотру государственнаго устава. Но у консуловъ не было возможности высказать непосредственно предъ княземъ свои опасенія и желанія, ибо Милошъ уѣхалъ изъ Бѣлграда, когда еще не было и рѣчи о скупштинѣ. Отправиться въ Крагуевацъ самимъ, не зная, какъ отнесется къ подобному дѣйствію старый Милошъ, было бы несогласно съ дипломатическими обычаями. Первый рѣшился поѣхать въ Крагуевацъ русскій консулъ, полковникъ Милошевичъ, предки коего были сербскаго происхожденія. Этого ждали, какъ примѣра, остальные консула. Милошъ былъ крайне недоволенъ поступкомъ Милошевича, и послѣдній, еще не доѣзжая до Крагуеваца, получилъ письмо отъ князя, который объяснялъ ему, что прибытіе консуловъ въ Крагуевацъ во время народной скупштины будетъ принято всѣми за желаніе отсовѣтовать измѣненіе устава. Не смотря на то, русскій консулъ явился въ Крагуевацъ, имѣлъ свиданіе съ Милошемъ, который и долженъ былъ обѣщать ему распустить скупштину, не предложивъ ей закона объ измѣненіи устава, ограничившись только обсужденіемъ законовъ о престолонаслѣдіи и улучшеніи податной системы. Другіе консулы, зная о свиданіяхъ Милошевича съ старымъ княземъ, но не догадываясь о предметѣ ихъ переговоровъ, старались сблизиться съ сыномъ Милоша. Въ ихъ глазахъ главная вина стараго князя состояла въ приверженности къ Россіи. Изъ желанія противодѣйствовать мнимому русскому вліянію французскій консулъ Дезессаръ возымѣлъ было мысль свергнуть Милоша и посадить на его мѣсто Михаила, который и по воспитанію, и по родственнымъ связямъ своимъ не заставлялъ опасаться излишняго вліянія Россіи на Сербію; но исполнить подобный замыселъ было трудно, ибо сербскій народъ уже не хотѣлъ болѣе никакихъ переворотовъ.

Менѣе самонадѣянные, англійскій и австрійскій консулы желали только назначенія Михаила регентомъ или соправителемъ Милоша. Но самъ Михаилъ Обреновичъ открыто объявлялъ, что не знаетъ, чему приписать надежды иностранныхъ консуловъ на его согласіе замѣнить собою отца еще до смерти послѣдняго, и считалъ подобные слухи оскорбительными для себя. При такомъ-то вмѣшательствѣ со стороны, при такой-то борьбѣ партій внутри открылась Мало-Госпожинская скупштина, засѣданія которой продолжались отъ 9 по 24 сентября 1859 года.

Эта скупштина нисколько не была похожа на Свято-Андреевскую. Всѣ тринадцать засѣданій ея посвящены были почти безпрекословному принятію правительственныхъ законопроектовъ и докладовъ дѣйствовавшаго въ іюлѣ Одбора, усердно потрудившагося надъ окончаніемъ дѣлъ, подлежавшихъ обсужденію Свято-Андреевской скупштины *). Предсѣдателемъ ея былъ Живко Карабиберовичъ, бѣлградскій купецъ, а помощникомъ его Тодоръ Туцаковичъ, купецъ изъ Крагуевца. Хотя въ число секретарей и избранъ былъ Ефремъ Груичъ, но дукатовская лига устроила такъ, что предъ самымъ началомъ скупштины ему дано было знать именемъ князя, чтобы онъ не принималъ подобнаго избранія; хотя въ печатныхъ протоколахъ скупштины онъ былъ поименованъ въ числѣ секретарей и нигдѣ не показано, что онъ не отправлялъ этой должности, но бо́льшая часть протоколовъ подписана была въ качествѣ секретарей скупштины Пантою Іовановичемъ, первымъ секретаремъ Державнаго Совѣта, и Яковомъ Жабарцемъ, членомъ окружнаго суда въ Крагуевцѣ, который съ 19-го сентября занялъ мѣсто Груича. Вяло отнеслась скупштина, при пересмотрѣ депутатскихъ полномочій, къ тѣмъ неправильностямъ, которыя встрѣтила въ четырехъ полномочіяхъ, носившихъ на себѣ слѣды вмѣшательства мѣстной исполнительной власти въ общинные выборы. Она удовлетворилась письменнымъ сообщеніемъ попечительства внутреннихъ дѣлъ о правильности заподозрѣнныхъ выборовъ, хотя противъ одного изъ нихъ имѣла прямой протестъ отъ одной изъ общинъ, принадлежащихъ къ избирательному округу. Милошъ въ своей рѣчи, которою открылъ дѣйствія скупштины, останавли-

*) „Протоколи Српске народне скупштине држане у месецу септембру 1859 године у Крагуевцу“ напечатаны были сперва въ оффиціальной газетѣ княжества, потомъ отдѣльною брошюрою въ 43 страницы. Они составлены кратко, безъ изложенія преній и даже мотивовъ рѣшеній.

валъ главнымъ образомъ вниманіе народныхъ представителей на отягощеніи народа излишними долгами и неумѣренными займами. Почти безъ всякихъ преній приняла скупштина отвѣтный адресъ князю, составленный шабацкимъ протоіереемъ Іованомъ Павловичемъ, тѣмъ самымъ, который привѣтствовалъ Милоша по его прибытіи въ Бѣлградъ послѣ долгаго изгнанія. Весь адресъ, впрочемъ очень краткій, состоялъ въ изліяніи радостныхъ чувствъ народныхъ представителей, удостоившихся снова зрѣть среди себя стараго князя съ его возлюбленнымъ сыномъ. Принявъ законопроектъ о гражданскомъ судопроизводствѣ съ тѣми измѣненіями въ немъ, которыя внушены были правительственною партіей, скупштина отказалась отъ разсмотрѣнія законопроекта объ административныхъ наказаніяхъ чиновниковъ; за то одобренъ былъ уголовный кодексъ, хотя и съ нѣкоторыми измѣненіями. Просьбы отдѣльныхъ округовъ объ открытіи среднихъ учебныхъ заведеній въ окружныхъ городахъ скупштина не обсуждала, а только поручала вниманію правительства. Законопроектъ объ улучшеніи быта духовенства, составленный митрополитомъ Михаиломъ и Ефремомъ Груичемъ съ согласія Милоша, но неподдержанный правительствомъ, она отложила, ссылаясь на народную скудость.

Выразивъ въ седьмомъ засѣданіи желаніе видѣть измѣненнымъ государственный уставъ Сербіи, какъ неотвѣчающій народному духу и земскимъ потребностямъ, и доведя объ этомъ желаніи до свѣдѣнія князя посредствомъ особой депутаціи, она ограничилась принятіемъ закона о престолонаслѣдіи въ фамиліи Обреновичей, который врученъ былъ княземъ скупштинской депутаціи въ отвѣтъ на ея заявленія о необходимости измѣнить уставъ. Это былъ тотъ самый законъ, который выработалъ министерскій совѣтъ въ своихъ іюньскихъ засѣданіяхъ подъ предсѣдательствомъ князя Михаила. 19 сентября скупштина съ большимъ одушевленіемъ приняла сообщеніе, что князь назначилъ своего сына верховнымъ начальникомъ надъ гарнизоннымъ и народнымъ войскомъ. Такое назначеніе было, съ одной стороны, какъ-бы отвѣтомъ на мысль иностранныхъ консуловъ о регентствѣ Михаила, а съ другой — протестомъ противъ взглядовъ Порты и Австріи на сербское войско, какъ на внутреннюю только стражу. Австрійскій консулъ нашелъ даже нужнымъ по этому поводу высказать публично такое мнѣніе: «въ Сербіи нѣтъ другихъ войскъ, кромѣ турецкихъ, и самъ князь не болѣе, какъ паша».

Въ засѣданіи 22 сентября Мало-Госпожинская скупштина приняла нѣкоторыя измѣненія въ законѣ о народныхъ скупштинахъ, отличавшіяся консервативнымъ направленіемъ. Такъ предоставлено было князю назначать городъ, въ которомъ скупштина должна была засѣдать, между тѣмъ, какъ прежнимъ закономъ мѣстомъ скупштинскихъ совѣщаній назначено было мѣстопребываніе центральнаго правительства. Назначеніе выборовъ предоставлено было попечителю внутреннихъ дѣлъ, а не всему министерству, и отвѣтственность за несозывъ скупштины въ надлежащее время должна была падать только на этого попечителя, а не на все министерство. Изъ числа избираемыхъ въ депутаты исключены были чиновники. По закону 14 января слѣдовало избирать по одному депутату на 500 гражданъ, плативших подати; по опредѣленію Мало-Госпожинской скупштины—только по одному на 1000. Прежде засѣданія скупштины предоставлялось держать и долѣе мѣсяца съ согласія князя и Державнаго Совѣта, теперь на это требовалось согласіе одного только князя. Точно также и созваніе чрезвычайныхъ и великихъ скупштинъ возложено было на волю одного князя, а согласіе на то Совѣта устранено; при этомъ уничтожено требованіе, чтобы чрезвычайныя скупштины не считались препятствіемъ для очереднаго созыва обыкновенныхъ скупштинъ и не замѣняли ихъ собою. Наконецъ, закрытіе скупштины также предоставлено одному князю безъ всякаго участія въ томъ со стороны Совѣта.

Къ числу постановленій Мало-Госпожинской скупштины, имѣвшихъ политическій оттѣнокъ, можно отнести слѣдующее: передачу въ народную кассу денегъ, полученныхъ отъ продажи съѣстныхъ припасовъ, собранныхъ во время Восточной войны на чрезвычайныя земскія потребности; передачу денегъ, собранныхъ при помощи административныхъ приказаній на памятникъ Карагеоргію, при чемъ отстраняла отъ себя оцѣнку историческихъ заслугъ Карагеоргія; рѣшеніе, принятое большинствомъ десяти округовъ противъ семи, о перенесеніи столицы въ Крагуевацъ, при чемъ меньшинство считало за лучшее предоставить рѣшеніе этого вопроса самому князю; запрещеніе въѣзда въ Сербію тѣмъ лицамъ, которыя, избѣгая наказанія за свои преступленія, бѣжали въ Турцію подъ защиту тамошнихъ властей; наконецъ, постановленіе о взысканіи денегъ, растраченныхъ изъ народной кассы въ 1842 году Вучичемъ и его единомышленниками съ цѣлію удаленія Обреновичей, съ имущества виновныхъ въ

томъ, а излишнихъ расходовъ съ того времени по 1858-й годъ—съ совѣтниковъ и попечителей, дѣйствовавшихъ при прежнемъ правительствѣ. Намъ нѣтъ надобности приводить здѣсь тѣ рѣшенія Мало-Госпожинской скупштины, которыя основывались на докладахъ іюльскаго Одбора: важнѣйшія изъ нихъ перечислены были нами въ разсказѣ о его дѣятельности.

Но если на Мало-Госпожинской скупштинѣ не подвергался обстоятельному обсужденію вопросъ объ измѣненіи государственнаго устава Сербіи, то онъ былъ подвергнутъ обсужденію въ самомъ Совѣтѣ. Еще до открытія скупштины, именно въ своемъ засѣданіи 25 августа, Державный Совѣтъ призналъ, что параграфъ 17-й устава, обнародованнаго въ 1839-мъ году, недозволявшій князю смѣнять совѣтниковъ безъ воли Порты, ограничиваетъ внутреннюю независимость княжества и не отвѣчаетъ уже потребностямъ времени, да и самый уставъ въ существенныхъ чертахъ своихъ не согласенъ съ народнымъ духомъ и пользами страны. Поэтому совѣтъ предлагалъ назначить особую комиссію для составленія новаго проекта устава изъ трехъ лицъ: совѣтника Андріи Стаменковича, члена кассаціоннаго суда Димитрія Матича и бывшаго помощника попечительства внутреннихъ дѣлъ Ефрема Груича: Тринадцать человѣкъ подписались подъ этимъ постановленіемъ *). Двое, Живко Давидовичъ и Данила Стефановичъ, остались при особомъ мнѣніи, заявивъ въ немъ, что такъ какъ уставъ считается основаніемъ всѣхъ другихъ установленій и законовъ въ землѣ и такъ какъ Свято-Андреевская скупштина выразила требованіе о перемѣнѣ только § 17-го, то вопросъ о полномъ пересмотрѣ его надо предоставить Мало-Госпожинской скупштинѣ. Мы видѣли однако жъ, какъ вмѣшательство иностранныхъ консуловъ побудило Милоша не предлагать этого вопроса скупштинѣ, которая коснулась его лишь мимоходомъ, высказавшись противъ прежняго устава въ общемъ его составѣ.

Издавъ 20 октября утвержденный скупштиною законъ о престолонаслѣдіи, приступивъ къ новой редакціи гражданскаго и

*) Подписались подъ этимъ постановленіемъ: предсѣдатель совѣта—генералъ-маіоръ Стевча Михайловичъ; члены — Стоянъ Вельковичъ, Стоянъ Лешанинъ, Илья Новаковичъ, Андрія Стаменковичъ, Станойло Петровичъ, Стефанъ Мильковичъ, Марко Дабичъ; главный секретарь—Райко Лешанинъ; попечители — иностранныхъ дѣлъ и княжескій представникъ Цвѣтко Райовичъ, внутреннихъ дѣлъ Владиславъ Вуйовичъ, правосудія и просвѣщенія Евтиміе Угричичъ, финансовъ Теодоръ Хербезъ.

уголовнаго кодексовъ, согласно замѣчаніямъ Мало-Госпожинской скупштины, а также къ изданію торговаго и другихъ уставовъ, сербское правительство возвратилось къ мысли о новомъ уставѣ. Члены коммиссіи, назначенной для этой цѣли въ августѣ, получили 28 октября предписаніе отъ самого князя немедленно приступить къ своимъ занятіямъ. Только 11 декабря былъ изготовленъ коммиссіей проектъ новаго устава и представленъ князю. Наслѣдственность княжескаго званія въ фамиліи Обреновичей, личная неприкосновенность и неотвѣтственность князя, свободное назначеніе имъ попечителей, въ числѣ шести *), и такое же увольненіе ихъ, отвѣтственность этихъ ближайшихъ къ князю органовъ правительства, отдача ихъ подъ великій судъ по рѣшенію князя или постановленію народной скупштины, признаніе существовавшаго административнаго и народнаго дѣленія Сербіи на общины, срезы и округи, съ учрежденіемъ не только общинныхъ, но срезскихъ и окружныхъ собраній, законодательная дѣятельность, раздѣленная между княземъ и скупштиной, независимость судебной власти, отмѣна конфискаціи всякаго рода имуществъ въ видѣ наказанія, вѣротерпимость, безплатное обученіе въ земскихъ школахъ, равенство сербовъ предъ закономъ, отмѣна всякой принудительной на государство народной работы,— вотъ главныя начала, легшія въ основу выработаннаго коммиссіею проекта.

Но событія еще разъ доказали, что тщетно писать законы, если людскіе нравы не привыкли подчиняться имъ. Несчастная привычка Милоша подчиняться вліянію то одной партіи, то другой, при взаимной враждѣ ихъ и при неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, мѣшала правительственнымъ и общественнымъ отношеніямъ того времени придти въ равновѣсіе; а старость и болѣзненность Милоша лишали его возможности защищать съ достаточною твердостію интересы Сербіи отъ чуждыхъ вліяній. Политическое положеніе княжества, находившагося подъ тяжелой опекой Турціи и мнимозащищаемаго покровительствомъ великихъ державъ, изъ коихъ каждая старалась лишь о томъ, чтобы наложить на все печать своего исключительнаго вліянія, заставляло Милоша по временамъ рѣзко высказываться противъ иностранныхъ интригъ. Онъ поговаривалъ иногда объ освобожденіи

*) Народное просвѣщеніе отдѣлялось отъ правосудія и управленіе военными дѣлами возлагалось на особое попечительство.

Сербіи отъ чужой опеки, что какъ-будто указывало на прежнюю энергію Милоша. Однажды, по поводу различныхъ придирокъ бѣлградскаго паши къ распоряженіямъ сербскихъ властей онъ сказалъ публично «скажите Осману-пашѣ, что Сербія, относительно внутренняго управленія своего, обезпечена хатти-шерифами султана, почему я и не считаю себя обязаннымъ давать кому-либо отчетъ въ своихъ поступкахъ, а совѣтую ему бдительнѣе охранять крѣпость.» Османъ-паша, мстя старому князю, пригласилъ консуловъ на совѣщаніе въ крѣпость, по поводу ссоры одного сербскаго купца съ мусульманиномъ, у котораго онъ нанималъ лавку въ теченіи шестнадцати лѣтъ и который отказалъ ему ранѣе срока, вслѣдствіе чего сербская полиція вмѣшалась въ это дѣло. Русскій консулъ былъ тогда въ Вѣнѣ, а секратарю его не дано было знать о совѣщаніи. Итальянскій консулъ также не получилъ приглашенія. Англійскій отказался явиться въ крѣпость по болѣзни. Были только австрійскій, французскій и прусскій консулы, да сербскій министръ иностранныхъ дѣлъ Цвѣтко Райовичъ. Османъ-паша открылъ совѣщаніе различными грубостями Райовичу. Прусскій консулъ хотѣлъ было вмѣшаться въ разговоръ, но представитель Австріи замѣтилъ ему: «Il faut toujours donner tort aux Serbes et non aux Turcs». — Но слѣдуетъ ли намъ вмѣшиваться въ такія мелочи? спросилъ пруссакъ. Австріецъ отвѣчалъ: Il le faut car alors nous serons maîtres de la situation!» Совѣщанія кончились собственно ничѣмъ и только французскій консулъ поговаривалъ въ своемъ кружкѣ: «Je vous reponds que dans quatre mois d'ici, ce prince Milosch ne sera plus en Serbie!» Османъ-паша, съ своей стороны, распорядился разставить на валу, отдѣлявшемъ турецкую часть города отъ сербской, пушки подъ охраною военнаго караула. Сербскія власти ограничились письменнымъ протестомъ, ссылаясь на то, что по хатти-шерифу 1830 года турки могли жить только въ своей части, съ обязательствомъ выселиться изъ Сербіи въ теченіе пяти лѣтъ и не могли даже носить оружіе при себѣ.

Прямаго отпора пашѣ сербское правительство дать не могло. Но оно попробовало поддержать тѣ затрудненія, которыя испытывала Порта въ Болгаріи и Босніи. Въ первой происходило броженіе еще съ 1858 г., вызванное тѣмъ, что въ Лесковацкомъ округѣ турки увели 15-лѣтнюю дочь болгарина Іова Павловича въ его отсутствіе: онъ явился уже тогда, когда турки подвергли его дочь разнымъ мученіямъ, желая обратить ее насильно въ

мусульманство. Увидавъ отца, она стала упрекать его въ томъ, что онъ не умѣлъ уберечь ее; тотъ хотѣлъ взять ее; имъ стали рубить саблями руки. Это событіе произвело возмущеніе въ населеніи, выразившееся появленіемъ гайдуцкихъ четъ вдоль балгарско-сербскихъ границъ.

Въ Босніи же происходило волненіе отъ угнетенія бегами райи. Не только славянскія, но и нѣкоторыя изъ нѣмецкихъ газетъ наполняли свои столбцы статьями объ отчаянномъ положеніи дѣлъ въ Болгаріи и Босніи. Сербское правительство рѣшилось тогда оказывать покровительство перебѣгавшимъ черезъ границы княжества отъ преслѣдованія турецкихъ войскъ и назначило 3.000 дукатовъ для выдачи пособій болгарамъ и боснякамъ, искавшимъ въ Сербіи убѣжища. Кромѣ того, помимо правительства, помогали имъ и частные люди: кто деньгами, кто оружіемъ. Въ виду такого образа дѣйствій со стороны сербовъ, Османъ-паша всячески напрашивался на ссору. Такъ, онъ хотѣлъ, чтобы турецкій чиновникъ отбиралъ на пристани у рѣки Савы паспорта отъ пріѣзжавшихъ, хотя это составляло давнее право самихъ сербовъ. Вслѣдствіе этого, у пристани доходило дѣло чуть не до драки. Наконецъ, Порта потребовала выдачи всѣхъ христіанъ, бѣжавшихъ въ Сербію. Османъ-паша самъ поѣхалъ въ Сербію съ этимъ требованіемъ. Милошъ отказался исполнить его, но прибавилъ: «Впрочемъ самъ напишу объ этомъ Дивану и изложу причины, побуждающія меня къ отказу». Но объясненія не послалъ и сталъ ухаживать за пашею. Тогда христіанскіе бѣглецы обратились съ просьбами о покровительствѣ къ разнымъ консуламъ. Представители католическихъ державъ отвѣчали имъ: «Примите нашу вѣру и тогда мы защитимъ васъ». Австрійское правительство прямо приглашало босняковъ переселяться въ его земли. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, популярность Милоша стала падать: вмѣсто любви и восторга въ народѣ замѣчалось равнодушіе.

Какъ бы то ни было, съ внѣшними бѣдствіями можно было бы еще бороться, если бы внутри сербскаго правительства, среди немногочисленной интеллигенціи и вообще въ чиновномъ сословіи было болѣе согласія и менѣе вражды, поболѣе способности служить общимъ интересамъ и не ставить выше всего личныхъ выгодъ. Но дѣло въ томъ, что начавшаяся за годъ предъ тѣмъ борьба партій была еще въ самомъ разгарѣ своемъ и не пришла ни къ какимъ прочнымъ результатамъ. Милошъ все болѣе и

болѣе отдавался въ руки дукатовской лиги. По возвращеніи съ Мало-Госпожинской скупштины, онъ назначилъ правителемъ Бѣлграда Николу Кристича, что̀ народный говоръ приписывалъ вліянію на князя русскаго консула Милошевича. Кристичъ, вѣрный пріемамъ австрійской бюрократіи, уже тогда сталъ собирать около себя людей, годныхъ къ исполненію всякихъ тайныхъ порученій и долженствовавшихъ вести негласный надзоръ за членами либеральной партіи, конечно, неодобрявшими дѣйствія послѣдней скупштины. Раздоръ между сторонниками старыхъ порядковъ въ дѣлѣ управленія и приверженцами новизны, безпрестанно сталкивавшимися другъ съ другомъ въ общей административной дѣятельности, увеличивался еще тѣмъ, что враги всякаго движенія впередъ безпрестанно сочиняли поименные списки чиновниковъ, которыхъ слѣдовало или удалить отъ должностей, или назначить на освободившіяся мѣста. Разумѣется, эти списки составлялись съ различныхъ точекъ зрѣнія: то въ нихъ вносились исключительно люди, будто бы безусловно преданные интересамъ Обреновичей, стремившіеся только къ водворенію порядка въ странѣ и готовые защищать отъ мнимыхъ опасностей, происходившихъ, будто бы, отъ происковъ либеральной партіи; то изъ этихъ списковъ исключались всѣ люди съ сколько-нибудь умѣреннымъ направленіемъ и сплошь замѣнялись святоандреевцами и близкими къ нимъ людьми. И тѣ и другіе списки, распространяясь въ обществѣ, только усиливали вражду между партіями. Люди, находившіе въ томъ выгоду, подносили эти списки самому Милошу, и тотъ выходилъ изъ себя, подозрѣвая въ составленіи ихъ людей, въ томъ неповинныхъ. Представлялась надобность снова обратиться къ чиновному сословію съ увѣщательною рѣчью, съ успокоительнымъ словомъ, и вотъ 15 ноября появился третій уже въ теченіи одного года циркуляръ попечителя внутреннихъ дѣлъ къ окружнымъ начальникамъ, изображавшій тогдашнее положеніе сербскаго общества въ неприглядныхъ краскахъ.

Ссылаясь на прокламацію Милоша, изданную при вступленіи на престолъ, и на прежніе циркуляры, приглашавшіе народъ къ успокоенію и уже имѣвшіе хорошее вліяніе на него, попечитель заявлялъ, что, къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ препятствуютъ установленію общаго порядка люди, которые, оставивъ свои дѣла, тѣмъ или другимъ образомъ, безсознательно или злонамѣренно, вмѣшиваются въ дѣла князя и его прави-

тельства. Его Свѣтлости стало извѣстно, что въ иныхъ мѣстахъ безпорядки еще не прекратились, что есть люди, полагающіе будто они пріобрѣли какое-то право разбирать всѣ поступки властей и относиться съ порицаніемъ къ дѣйствіямъ княжескихъ чиновниковъ, насмѣхаться надъ ними и подвергать оскорбленіямъ; а есть и такіе, которые осмѣливаются отзываться съ презрѣніемъ о земскихъ установленіяхъ, публично отвергая ихъ важность и значеніе. Власти же, думая, что имъ дозволено дѣлать различія между одними, будто бы заслуженными, и другими, незаслуженными, своимъ неосмотрительнымъ поведеніемъ причиняютъ то, что разнузданность все болѣе и болѣе увеличивается. Но какъ вышеупомянутыя безпокойныя головы, все порицающія, такъ и власти, оставляющія то безъ наказанія, суть одинаковые нарушители закона. Свѣтлый князь нашъ не потерпитъ ни того, ни другаго, но желаетъ, съ одной стороны, чтобы органы власти нигдѣ и не передъ кѣмъ не отказывались отъ исполненія своихъ обязанностей, а съ другой—чтобы народъ оставался въ границахъ порядка и послушанія. И тѣмъ, которые имѣли случай содѣйствовать торжеству нынѣшняго порядка вещей, и тѣмъ, которые не имѣли такого случая, князь желаетъ дать непосредственный голосъ при рѣшеніи народной судьбы. Онъ не думаетъ, чтобы обязанъ былъ кому-либо другому своимъ возвращеніемъ въ Сербію, кромѣ небеснаго Провидѣнія и цѣлаго народа своего». Далѣе уже прямо говорилось, что званіе депутата на народной скупштинѣ не есть какое-либо отличіе предъ другими, а только общественная повинность, по исполненіи которой лицо, носившее званіе депутата, становится такимъ же гражданиномъ, какъ и остальные, и не можетъ порицать дѣйствія правительства въ публичныхъ мѣстахъ, кофейняхъ и гостинницахъ. Такіе люди должны подвергаться всей отвѣтственности предъ закономъ. «Свѣтлый князь, сказано было въ заключеніи, не хочетъ знать никакихъ партій. Онъ не допускаетъ, чтобы одни могли быть *нашими*, а другіе *не нашими*, но считаетъ весь народъ домочадцами одной семьи, въ которой старѣйшина похваляетъ и отличаетъ послушныхъ, а лѣнивыхъ или бездѣльныхъ исправляетъ совѣтомъ или наказаніемъ. А потому Его Свѣтлость и не гонится за необдуманнымъ усердіемъ, которое смотритъ на все односторонними взглядомъ и все подвергаетъ несправедливой оцѣнкѣ». Подобныя наставленія и предостереженія, конечно, могли бы имѣть значеніе и вліяніе, если бы

не повторялись уже въ третій разъ и если бъ не были обращаемы исключительно къ людямъ одной только партіи, а относились и къ окружавшимъ самого князя. Не столько опасны и вредны были недоразумѣнія, возникавшія въ народной жизни и административной практикѣ внутреннихъ округовъ Сербіи, сколько интриги и вражда, господствовавшія въ придворныхъ кружкахъ, подлѣ центральнаго правительства и въ столичной печати. Онѣ не стихали и въ послѣдніе мѣсяцы склонявшейся къ могилѣ жизни Милоша.

Нилъ Поповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Слеза.

Не гляди на меня такъ уныло,
Поцѣлуи мои не зови....
Не воскреснутъ погибшія силы
Отъ волшебнаго слова любви....

* * *

Не смущай это сердце больное,
Не тревожь изнуренную грудь:
Скоро брошу я бремя земное
И покину недойденный путь....

* * *

Но когда отъ тоски и недуга
Я засну заколдованнымъ сномъ
Помолись за усопшаго друга,
Сожалѣя о счастьѣ быломъ;

* * *

Позабудь, что я грѣшенъ во многомъ;
Все прости, состраданья полна,
И слезу урони: передъ Богомъ
Мнѣ заступницей будетъ она.

П. Козловъ.

НАУКИ И ИСКУССТВА.

Соціальныя задачи христіанскаго общества.

Rudolf Todt. Der radikale deutsche Socialismus und die christliche Gesellschaft.

Много общественныхъ ужасовъ пережили мы за послѣдніе годы; много тяжкихъ преступленій совершено! И кѣмъ же? Юношествомъ, которое, по самой природѣ своей юности, наиболѣе способно къ великодушной самоотверженности во имя добра; тѣмъ самымъ юношествомъ, которое, въ иной области дѣятельности, среди страшныхъ тяжестей послѣдней нашей войны, въ больницахъ и на поляхъ битвъ, изумляло силою своей любви къ страждущему человѣчеству, силою геройскаго самопожертвованія во имя этой любви. Говоря объ нихъ, одинъ изъ свидѣтелей ихъ дѣятельности сказалъ: «я видѣлъ святыхъ въ минуты ихъ святыхъ подвиговъ». И это-то самое юношество, эти-то самые святые совершаютъ государственныя тяжкія преступленія, отвергаютъ все, что свято для народа, и думаютъ въ своемъ ослѣпленіи такимъ путемъ осчастливить народъ, одарить его всевозможными благами, которыхъ онъ лишенъ, тогда какъ самъ народъ не только не хочетъ принимать этихъ мечтательныхъ благъ, но не принялъ бы и дѣйствительныхъ подъ такими условіями, и не только отвращается отъ этихъ благъ, но даже возстаетъ на своихъ мнимыхъ и заносчивыхъ благодѣтелей. Не страшная ли трагедія разыгрывается на нашихъ глазахъ?! Гибнетъ наше молодое поколѣніе, гибнутъ живыя силы, на которыхъ по необходимости должны были бы сосредоточиться наши надежды на лучшее будущее! Сердце невольно обливается кровью, невольно содрагается душа и умъ ищетъ причинъ такому губительному ослѣпленію и средствъ противодѣйствовать ему. Здѣсь не мѣсто распространяться объ этихъ причинахъ, разсматривать этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ; да мы не имѣемъ и возможности и не почитаемъ себя въ правѣ разъяснять его въ подробности; но противодѣйствовать злу составляетъ одну изъ обязанностей каждаго. Въ борьбѣ съ этимъ бѣдствіемъ правительство сдѣлало и дѣлаетъ многое изъ того, что зависитъ отъ него и что можетъ оно дѣлать. Оно приняло административно-полицейскія и ка-

рательныя мѣры къ прекращенію преступныхъ дѣйствій, къ тому, чтобъ не могли они возобновиться; оно преобразовало и установило начальное, среднее и высшее образованіе на такихъ основаніяхъ, которыя, по его мнѣнію, наиболѣе способны поставить умственное развитіе юношества на здоровый путь, и продолжаетъ свою преобразовательную дѣятельность въ этомъ направленіи. Но административно-полицейскія и карательныя мѣры имѣютъ только отрицательное значеніе. Образованіе же въ школахъ, гимназіяхъ и университетахъ хотя и имѣетъ великое, положительное значеніе въ дѣлѣ здороваго воспитанія юношества, но не въ силахъ сдѣлать всего. Жизнь и общество суть главные факторы въ этомъ отношеніи; ибо они преимущественно воспитываютъ и направляютъ тѣ глубокіе нравственные инстинкты, которыми перерабатываются, какъ матеріалъ, свѣдѣнія, добытыя въ школѣ. Тутъ начинается область дѣятельности общественныхъ силъ, и къ нимъ-то неоднократно и было обращено призывное слово правительства. Здѣсь на первомъ планѣ стоитъ печать, какъ потому, что въ ней сосредоточиваются умственныя силы общества, такъ и потому, что, проникая въ семейства, печать преобразуетъ или создаетъ міровоззрѣнія и убѣжденія ихъ членовъ, а, воздѣйствуя на общество, возбуждаетъ въ немъ духъ самодѣятельности и даетъ ей направленіе. *Просвѣщенная* семья и живое, *самодѣятельное* общество — двѣ самыя могущественныя силы, отрезвляющія юношество отъ опьяненія неисполнимыми мечтаніями. Юношество, охваченное энергическою, мужественною силою самодѣятельности общественной, направленной къ благороднымъ цѣлямъ, не можетъ долго предаваться несбыточнымъ фантазіямъ. Что же должна дѣлать печать въ настоящемъ случаѣ? Прежде всего, она должна ясно опредѣлить: какимъ образомъ и на какія стороны жизни и проявленій нашего юношества она можетъ воздѣйствовать; чѣмъ желательно, чтобъ было наше молодое поколѣніе и если признаетъ она, что молодежь наша *развивается болѣзненно*, то выяснить себѣ смыслъ и сущность ея нравственной болѣзни.

Конечно, мы не можемъ взять на себя, въ настоящей краткой замѣткѣ, отвѣчать на всѣ эти вопросы во всемъ ихъ объемѣ и значеніи, ибо на это потребовалась бы обширная статья, можетъ быть нѣсколько даже статей. Въ другое время мы попытаемся высказать наше мнѣніе по этимъ труднымъ и важнымъ вопросамъ, а теперь ограничимся только слѣдующимъ и скажемъ:

Нельзя относиться къ молодому поколѣнію, какъ относился къ нему одинъ господинъ изъ класса образованныхъ людей и даже принадлежащій къ пишущей братіи, котораго привелось намъ слышать: «Что это все толкуютъ: молодежь, молодежь!—говорилъ онъ. Невыносимо, право, слушать. Какое намъ дѣло до того, что она думаетъ и чего она хочетъ? Молодежь должна стоять руки по швамъ, не разсуждать, повиноваться и только съ благоговѣніемъ глотать все то, что ей въ ротъ положатъ.» Конечно,

разумная дисциплина есть чрезвычайно важный и необходимый воспитательный элементъ; но юноша—не пассивный, не механически дѣйствующій автоматъ. Душа юноши—живой родникъ самыхъ сильныхъ и страстныхъ движеній чувствъ, энергическихъ проявленій воли и стремленія къ самостоятельности. Неискушенная жизнью и опытомъ, въ высшей степени чуткая ко всему высокому, она предъявляетъ часто неосуществимыя требованія на добро и правду, не понимаетъ и не признаетъ сдѣлокъ между ними и зломъ. Она безгранично отдается своимъ чувствамъ симпатіи и антипатіи, безпредѣльной любви и неодолимому для нея самой чувству отвращенія. И чѣмъ эти движенія и запросы чувствъ сильнѣе, чѣмъ они энергичнѣе и глубже въ иной душѣ, тѣмъ лучше, тѣмъ богаче одарена ея природа, тѣмъ драгоцѣннѣе *ея будущность для жизни общества и народа*. Ея чувства въ высшей степени удобоподвижны и въ этой-то удобоподвижности ихъ, неотъемлемомъ свойствѣ юной души, и вся опасность для нея, пока ея внутреннія силы не закрѣплены ни за какимъ здоровымъ содержаніемъ и умъ не вооруженъ яснымъ знаніемъ и опытностью. Закрѣпите же за такимъ содержаніемъ всѣ силы молодой души, но только *не насилуя ихъ*, но только *не изсушая* въ ней *источниковъ ея самостоятельной жизни*, и вы совершите великое дѣло: вы сохраните для народа благодатную творческую силу; ибо насиліе нравственно уродуетъ человѣка и озлобляетъ, а подавленіе самостоятельности живыхъ силъ души есть нравственное убійство. Конечно, все это безпокойно, и удобнѣе имѣть дѣло съ недвижнымъ, механически живущимъ и робкимъ стадомъ вмѣсто людей, но такое стадо опаснѣе и вреднѣе во сто кратъ, чѣмъ всевозможныя увлеченія юношества; изъ такого стада выходятъ только или скрытые плуты, разъѣдающіе народную жизнь, или ничтожества, бременящія ея. Все это, скажутъ, давно извѣстно и не ново. А мы прибавимъ отъ себя, что это не только не ново, а азбучная истина, но тѣмъ не менѣе эта истина до сихъ поръ все-таки понимается и сознается весьма неясно, по крайней мѣрѣ, многими. Что значитъ здоровое содержаніе? Въ чемъ оно состоитъ? Какъ закрѣпить за нимъ симпатіи и антипатіи юношества, не насилуя живыхъ движеній его души? Не будемъ здѣсь отвѣчать на первый вопросъ: это завело бы насъ слишкомъ далеко и удалило бы отъ нашей цѣли, а скажемъ нѣсколько словъ въ отвѣтъ на второй. Что же нужно для того, чтобы юношество охотно приняло ваше ученіе и, убѣдясь въ его истинности, полюбило его и отдалось ему всею душой? Прежде всего необходимо вамъ вселить въ юношество довѣріе къ себѣ; чтобы оно несомнѣнно было убѣждено, что вы говорите истину такъ, какъ понимаете ее, что вы при этомъ ничего преднамѣренно не скрываете отъ него и что вамъ дорога истина ради самой ея истинности. Всякій вопросъ, возникающій въ юношествѣ, долженъ быть выясненъ для него немедленно, со всею полнотою и всею откровенностью, ничего не утаивающею; иначе оно, чуткое по дѣвственной чистотѣ своей души ко вся-

кой лжи, тотчасъ же лишитъ васъ своего довѣрія, и то, что вы хотите передать его сознанію и даже самое святое, задернется въ его глазахъ покровомъ лжи и обратится въ предметы отвращенія и даже ненависти его. Нельзя же однимъ голословнымъ повелѣніемъ «вѣрь и люби» заставить вѣрить тому, къ чему подорвано довѣріе, и любить то, къ чему посѣяно отвращеніе! Нельзя же отъ юношества ждать такой силы мужественнаго ума, побѣждающей чувства, какая не часто встрѣчается и у людей вполнѣ зрѣлыхъ! Не найдя у васъ желаннаго отвѣта, юношество со всею пылкостью своей молодой энергіи непремѣнно отыщетъ другіе источники для рѣшенія волнующихъ его вопросовъ и непремѣнно облюбитъ эти источники, какъ такіе, которые, по его мнѣнію, коварно скрываютъ отъ него. Виновато ли юношество, что, оттолпнутое въ своихъ живыхъ стремленіяхъ, въ хаосѣ неразрѣшенныхъ, но тѣмъ болѣе дорогихъ для него вопросовъ и сомнѣній, оно, такъ сказать, отослано къ мутнымъ источникамъ, въ которыхъ, само по себѣ уже одностороннее, ученіе представлено еще въ извращенномъ видѣ и искусно одѣто сіяніемъ такой истины, которая для всѣхъ несомнѣнна и для каждаго непреложна и сверхъ того обаятельна по своей высокой правдѣ? Виновато ли юношество, что, пламенно одушевленное лучшими стремленіями и, такъ сказать, предоставленное собственнымъ силамъ, оно не можетъ распутать Гордіева узла и принимаетъ одностороннее или ложное за истину и, въ силу пылкости своей природы, отдается ему всецѣло? Страстное ослѣпленіе ума всегда порождаетъ фанатизмъ. При такомъ болѣзненно фанатическомъ состояніи юношества, малѣйшее насиліе надъ нимъ, даже то, что только имѣетъ видъ насилія, доводитъ его до озлобленія. Ошибочное или ложное, принятое за истину становится въ его глазахъ святынею, а противорѣчащее этой лжи—враждою на истину, за которую оно готово отдать свою жизнь. Послѣдствія понятны и ужасны. Мы ихъ, къ несчастью, пережили и знаемъ. Кто же въ этомъ виноватъ? Виноваты въ томъ преимущественно: или недостатокъ любви къ юношеству въ тѣхъ, кто призванъ непосредственно вліять на него; или недостатокъ въ нихъ самихъ силы убѣжденія въ томъ, чего представителями они служатъ, и яснаго пониманія того, односторонность или лживость чего они нравственно обязаны раскрыть передъ юношествомъ; или ни на чемъ неосновапная боязнь открыто говорить о томъ, что уже всѣмъ извѣстно, но часто въ преднамѣренно искаженномъ, а слѣдовательно, и худшемъ видѣ.

Полюбите юношество такъ, чтобы оно чувствовало, что вы его любите и тогда говорите съ нимъ смѣло, ничего не опасаясь! Будьте увѣрены, что оно живѣе престарѣлыхъ воспримегъ истинное и отвратится отъ ложнаго, если истина, ложь будутъ надлежащимъ образомъ выяснены, если только увидитъ юношество, что довѣряютъ ему, что безпристрастно и съ любовью къ правдѣ обсуждаютъ вмѣстѣ съ нимъ излюбленное имъ ученіе, раскрывая съ полною добросовѣстностью и знаніемъ дѣла его отрица-

тельныя и положительныя, ложныя и истинныя стороны; если оно увидитъ, что не ограничиваются голословнымъ порицаніемъ ученія, но, отдѣливъ заключающееся въ немъ доброе отъ извращеннаго его направленія, порицаютъ послѣднее и отдаютъ справедливость первому; ибо нѣтъ и не можетъ быть такого ученія, которое бы могло овладѣвать умами и въ то же время быть абсолютной ложью и абсолютнымъ зломъ.

Всѣ наши политическіе преступники, судившіеся за послѣднее время и понесшіе должныя и законныя наказанія за свои преступленія, — всѣ они во всеуслышаніе и отровенно объявляли себя апостолами соціализма,—ученія, возникшаго и развившагося на западѣ, борцами за равенство, братство и за народное и даже всемірное счастіе, и въ то же время нѣкоторые изъ нихъ заявляли себя атеистами.—Затѣмъ, почти всѣ они или, по крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ, безтрепетно, безъ колебанія принимали кары закона. Нельзя мужественно умирать и идти въ сибирскіе рудники во имя какой-нибудь идеи, не будучи до фанатизма убѣжденнымъ, что эта идея права и что путь, избранный для ея осуществленія, есть путь прямой и единственно приводящій къ цѣли. Братство, равенство, всемірное счастіе! Да это знамя христіанства! Какой истинный христіанинъ не признаетъ такихъ стремленій святыми стремленіями! Но эти несчастные, почитающіе себя борцами за великія христіанскія начала въ то же время признаютъ себя атеистами и матеріалистами. Какъ примиряются у нихъ братство и всемірное счастіе съ атеизмомъ и матеріализмомъ, изъ которыхъ могутъ логически вытекать только безпощадный эгоизмъ индивидуума, удовлетворяющійся только конечнымъ порабощеніемъ другихъ индивидуумовъ, но не равенство людей; принудительное насильственное единеніе, но не братство; позорное по своей абсолютной животности мимолетное наслажденіе, но не всемірное счастіе? Какъ сочетаются такія враждебныя другъ другу противоположности? Не есть ли это, повторяемъ, ослѣпленіе ума, порождающее гибель и зло?

Что сдѣлано у насъ для того, чтобы разсѣять такое ослѣпленіе, чтобы раскрыть умственныя очи юношества? Разъяснено ли, какъ слѣдуетъ, святое ученіе христіанства? Разсѣянъ ли туманъ, въ силу котораго оно понимается многими, какъ такое, которое, отрицая всѣ радости настоящей реальной жизни и узаконяя рабство и нищету, обрекаетъ массы людей на страданія, указываетъ имъ на загробную жизнь, какъ на единственное ихъ спасеніе. Разъяснено ли, какъ слѣдуетъ, что не противорѣчитъ же себѣ христіанство, когда узаконяетъ земную жизнь на началахъ любви и братства, въ силу которыхъ первый изъ людей слуга всѣмъ, именуетъ такую жизнь царствомъ самого Бога, указываетъ, что царство это не гдѣ-нибудь, а въ насъ самихъ, учитъ призывать его пришествіе въ ежедневныхъ молитвахъ нашихъ и даетъ непобѣдимую силу дѣятельнымъ стремленіямъ къ осуществленію его законовъ, какъ къ источнику всемірнаго блаженства,—блаженства, для котораго загробная жизнь будетъ только

полнѣйшимъ и безконечнымъ его раскрытіемъ? Разъяснено ли юношеству какъ слѣдуетъ, что христіанство, цѣня душу человѣка, его нравственную личность, выше всего матеріальнаго міра, всѣхъ видимыхъ цѣлей, взираетъ на него, какъ на самостоятельнаго, свободнаго творца, призваннаго въ отношеніи къ внѣшней природѣ направлять стихійныя ея силы на служеніе нравственнымъ цѣлямъ и благословляетъ всѣ земныя радости человѣка, не исключая ни единой, если только онѣ не противорѣчатъ его высокому назначенію? Разъяснено ли, наконецъ, юношеству, какъ слѣдуетъ, что только истинно христіанскіе пути, обнимающіе всю политическую и соціальную жизнь человѣчества, могутъ привести и неминуемо и неодолимо приведутъ къ осуществленію всемірнаго братства людей и народовъ, и всемірнаго, возможнаго на землѣ, счастія? Разъяснено ли юношеству, что пути, избираемые западными соціалистами-экономистами и изобрѣтаемыя ими построенія общества ведутъ не къ равенству, братству и всемірному счастію, а прямо къ противоположному? Разъяснено ли юношеству какъ слѣдуетъ, что самые серьезные представители соціализма, его вожди, отвергаютъ насильственные пути дѣйствій, убѣждаютъ и доказываютъ, что идеальное построеніе жизни человѣчества на соціалистическихъ основахъ неосуществимо въ настоящее и даже ближайшее къ намъ время? Сопоставлены ли, какъ слѣдуетъ, вопросы, поднятые соціалистами и рѣшенія, данныя ими, съ бытомъ и требованіями нашей народной жизни? Виновато ли, спросимъ еще разъ, наше юношество, что всего этого почти не сдѣлано? Порицателей, и справедливыхъ,—этого не будемъ отрицать,—много, но ни одного спасающаго просвѣтителя!

Конечно, при такомъ разборѣ, при такой основательной критикѣ ученій соціалистовъ — невозможно скрывать ихъ содержанія и подробностей.... Но что же можетъ удерживать отъ такого безпристрастнаго и вѣрнаго ихъ изложенія? Не боязнь ли сообщить русскому обществу эти ученія? Странная боязнь, когда ихъ давно и хорошо знаетъ русское мыслящее общество, а остальная его часть поучается имъ въ частныхъ, совершенно наивныхъ, ведущихся безо всякой политической цѣли бесѣдахъ съ изучавшими и неизучавшими эти ученія или изъ массы книжекъ на всѣхъ языкахъ, которыя, хотя и запрещены, но неудержимо проникаютъ къ намъ изъ заграницы, — книжекъ, болѣе вредныхъ, чѣмъ сочиненія корифеевъ соціализма; ибо онѣ, при всей своей поверхностности, составляются преимущественно съ цѣлью разжигать страсти. Да и какими китайскими стѣнами можно задержать разливъ идеи! И вотъ, при такомъ положеніи дѣлъ, эти столь страшныя политическія ученія гуляютъ на просторѣ по лицу русской земли, туманятъ головы, губятъ юношество, не встрѣчая себѣ преградъ, никакихъ возраженій. Забыто, что идея можетъ быть побѣждена только идеею и ничѣмъ инымъ. Только свободное слово, вооруженное знаніемъ и силою мысли, способно побѣдить неправую идею, приносящую гибель и направить духовную жизнь и дѣятельность общества на здоровый путь.

Желая съ нашей стороны содѣйствовать къ разсѣянію сказаннаго тумана и выясненію значенія ученій западныхъ соціалистовъ, мы печатаемъ теперь двѣ статьи, которыя имѣютъ цѣлью отвѣтить на первыя два вышеуказанныя нами требованія. Одна изъ нихъ есть резюме ученаго труда извѣстнаго защитника христіанства и противника соціаль-демократовъ-матеріалистовъ. Тодта; другая принадлежитъ перу г. Иванюкова, талантливаго профессора Московской Земледѣльческой Академіи, котораго благотворное вліяніе на юношество всѣмъ извѣстно. Впослѣдствіи надѣемся сообщить статью, въ которой будутъ сопоставлены ученія западныхъ соціалистовъ съ требованіями русской жизни.

Ред.

I.

Соціализмъ въ своихъ основныхъ положеніяхъ является ученіемъ экономическимъ. Поставивъ себѣ задачею разысканіе причинъ тѣхъ бѣдствій, которыя постигаютъ большинство населенія цивилизованныхъ странъ Европы, и подвергнувъ при рѣшеніи этой задачи строгому анализу строй современнаго общества, соціализмъ пришелъ къ тому заключенію, что корень зла лежитъ въ неправильномъ, неестественномъ и противорѣчащемъ справедливости строѣ хозяйственной жизни: въ неправильной организаціи производства и обмѣна, въ несправедливомъ распредѣленіи продуктовъ производства; придя къ такому выводу, единственнымъ средствомъ для излеченія современнаго общества отъ его недуговъ онъ призналъ полное измѣненіе тѣхъ условій, при которыхъ совершаются отправленія хозяйственной жизни народовъ, полное преобразованіе этой жизни на новыхъ, найденныхъ имъ, основаніяхъ. Изложеніе и доказательство этихъ положеній, относящихся до хозяйственной жизни народовъ, и составляетъ сущность соціализма, какъ экономическаго ученія. Но въ виду тѣсной связи экономической жизни народа съ его государственной и общественной организаціей, съ его семейнымъ бытомъ, съ нравственными и религіозными его воззрѣніями, соціализму по необходимости пришлось затронуть вопросы, выходящіе изъ сферы экономическаго ученія; онъ потерялъ, такимъ образомъ, характеръ исключительно политико-экономической теоріи и сдѣлался въ то же время ученіемъ и политическимъ и даже религіознымъ.

Выйдя изъ сферы хозяйственной жизни, соціализмъ встрѣтился съ господствующими въ современномъ обществѣ воззрѣніями на разныя стороны человѣческой жизни; воззрѣнія эти въ

нѣкоторыхъ случаяхъ становились въ противорѣчіе съ созданными имъ теоріями. Увлеченный своими преобразовательными стремленіями, соціализмъ не остановился передъ выработанными многими вѣками исторической жизни убѣжденіями и провозгласилъ отмѣну всѣхъ существующихъ учрежденій, провозгласилъ новое устройство и семьи, и общества, и государства, новую нравственность, новую религію. Соціализмъ столкнулся такимъ образомъ и съ христіанствомъ.

Христіанское ученіе, ожидая блаженства лишь въ загробной жизни, признавая необходимымъ несовершенство всего земнаго, требуя отъ человѣка, чтобы онъ возможно равнодушно относился къ земнымъ благамъ и возвышался духомъ надъ тѣми бѣдствіями и несправедливостями, которыя постигаютъ его въ здѣшнемъ мірѣ, какъ заслуженная кара за самовольное отчужденіе его отъ Бога, необходимо должно было представиться ученіемъ несовмѣстнымъ съ соціализмомъ, отрицающимъ загробную жизнь, стремящимся къ достиженію блаженства на землѣ, не терпящимъ несправедливости, требующимъ уничтоженія, даже и насильственнаго, всего того, что кажется ему несогласнымъ съ созданнымъ имъ идеаломъ. Соціализмъ и сталъ во враждебное отношеніе къ христіанству: большинство представителей его, опираясь на послѣдніе выводы естественныхъ наукъ, преклоняясь передъ матеріалистической философіей, отвергло религію, отвергло, слѣдовательно, и христіанство.

Создавшееся такимъ образомъ новое соціальное ученіе съ атеистическимъ характеромъ, въ силу стройности и полноты своей теоріи, разрѣшавшей всѣ сомнѣнія и указывавшей тѣ задачи, которыя поставлены современному обществу, стало все болѣе и болѣе овладѣвать обществомъ и въ настоящее время является могучимъ соперникомъ христіанства.

Въ защиту христіанства возстали и представители церкви и ученые и даже нѣкоторые изъ соціалистовъ, образовавшихъ особую школу, цѣль которой соединить христіанство съ соціализмомъ, сохранить связь между новымъ ученіемъ и религіей.

Стремясь возстановить правильный взглядъ на христіанство и на его соціальное значеніе, германскій ученый Рудольфъ Тодтъ посвятилъ большое изслѣдованіе вопросу о соціально-экономическомъ содержаніи новозавѣтнаго ученія и о тѣхъ задачахъ, которыя предъявляетъ это ученіе современному обществу; съ изслѣдованіемъ этимъ, озаглавленнымъ: «Der radicale deutsche So-

cialismus und die christliche Gesellschaft», мы и хотимъ познакомить читателя.

Прежде, чѣмъ перейти къ послѣдовательному изложенію содержанія этого труда, мы остановимся нѣсколько на тѣхъ общихъ положеніяхъ, которыя руководили авторомъ въ его работѣ.

Тодтъ, какъ и соціалисты, признаетъ несовершенство современнаго общественнаго строя; онъ соглашается, что, при существующей нынѣ организаціи хозяйственной жизни, общество неминуемо должно придти къ разрушенію: но спасенія отъ этого разрушенія, по его мнѣнію, нельзя искать въ ученіяхъ соціалистовъ, такъ какъ ученія эти преисполнены внутреннихъ противорѣчій: спасеніе можетъ быть найдено только въ Евангеліи, имѣющемъ высокое соціальное значеніе, не смотря на то, что оно собственно не касается основныхъ политико-экономическихъ положеній.

Прежде всего такое значеніе новозавѣтному ученію даетъ его основное положеніе о любви къ Богу и къ ближнему: это положеніе должно служить основаніемъ не только для личной и общественной нравственности, но также и для организаціи хозяйственной и соціальной жизни христіанскихъ народовъ, которымъ поставлена задача: признанный ими отвлеченный принципъ провести и въ практической жизни. Кромѣ того, въ Евангеліи можно найти и отдѣльныя положенія, единичныя постановленія, ведущія къ рѣшенію соціальныхъ вопросовъ; выясненіе этихъ положеній, опредѣленіе значенія ихъ для того времени, когда они были высказаны, а затѣмъ и для нашего времени должно привести къ тому убѣжденію, что христіанство одно способно вывести наше общество изъ того бѣдственнаго состоянія, въ которомъ мы его видимъ теперь: въ настоящее время увлекаются другими ученіями, другими, чуждыми христіанству, крайними теоріями: причина этого увлеченія коренится въ невыясненности содержанія Евангелія съ его соціальной стороны и въ связанномъ съ этой невыясненностью непониманіи соціальныхъ вопросовъ.

Тодтъ признаетъ одно христіанство способнымъ указать правильное рѣшеніе поставленныхъ нашему вѣку соціальныхъ задачъ: никакая другая религія, ни еврейская, ни магометанская,— единственныя, которыя могутъ быть противопоставлены христіанству,—неспособны лечь въ основаніе новаго строя жизни; такая неспособность ихъ обнаруживается даже при поверхностномъ ихъ изученіи.

Въ самомъ дѣлѣ, рѣшеніе соціальныхъ вопросовъ можетъ быть только двоякое: или этическое, основанное на идеѣ богоподобія человѣка и любви къ ближнему, или соціалистическо-экономическое, основою котораго служитъ идея братства всѣхъ людей между собою.

Къ рѣшенію этическому евреевъ дѣлаетъ неспособными Талмудъ съ его узкимъ толкованіемъ слова «ближній», съ его жестокимъ отношеніемъ и къ послѣдователямъ еврейства, и къ послѣдователямъ другихъ исповѣданій, съ его признаніемъ ростовщичества и презрительнымъ отношеніемъ ко всякому производительному труду; ко второму рѣшенію ихъ дѣлаетъ неспособными несовмѣстное съ идеей братства ученіе о народѣ избранномъ, долженствующемъ стоять особнякомъ, выше всѣхъ другихъ народовъ, призванномъ для господства надъ всѣмъ остальнымъ міромъ.

Магометанство является неспособнымъ ни къ тому, ни къ другому рѣшенію соціальныхъ вопросовъ, какъ религія плоти, признающая единственнымъ назначеніемъ женщины — удовлетвореніе похоти мужчины, освящающая рабство, лишающая цѣлую массу подданныхъ-христіанъ всякихъ человѣческихъ правъ, кладущая печать неизмѣнности на весь свыше предопредѣленный строй человѣческой жизни и провозглашающая вражду къ невѣрнымъ высшею добродѣтелью, за которую ожидаютъ ея послѣдователей высшія загробныя награды: магометанству чужды идеи любви и братства, а безъ нихъ немыслимо сколько-нибудь удовлетворительное рѣшеніе соціальныхъ вопросовъ; современное положеніе тѣхъ странъ, гдѣ царствуетъ ученіе пророка, служитъ достаточнымъ доказательствомъ неспособности его къ созданію здороваго общественнаго строя.

Въ силу такихъ соображеній, авторъ считаетъ возможнымъ устранить и исламъ, и еврейство изъ числа ученій, могущихъ имѣть благотворное соціальное значеніе; за устраненіемъ ихъ остаются два ученія, предлагающія обществу извѣстное рѣшеніе поставленныхъ ему вопросовъ — соціализмъ и христіанство; правильную оцѣнку ихъ значенія и зависящій отъ нея правильный взглядъ на предстоящія обществу задачи, можно себѣ составить только при тщательномъ изученіи и сопоставленіи обоихъ ученій.

Мы и начнемъ это изученіе съ изложенія теоріи соціализма.

II.

Существованіе соціализма обусловливается существованіемъ соціальныхъ вопросовъ, тѣхъ вопросовъ, которые задаетъ себѣ общество, когда, оглядываясь само на себя, оно стремится сдѣлать себѣ оцѣнку. При рѣшеніи этихъ вопросовъ мы видимъ два момента: признаніе извѣстнаго идеала соціальнаго строя и сравненіе этого идеала съ дѣйствительностью. Разъ сравненіе это укажетъ противорѣчіе дѣйствительности съ идеаломъ, необходимо должно явиться стремленіе уничтожить это противорѣчіе путемъ преобразованія хозяйственныхъ и общественныхъ порядковъ. Это-то стремленіе къ примиренію дѣйствительности съ идеаломъ и составляетъ сущность соціализма, идею его.

Эта идея, сама по себѣ и не противорѣчащая идеѣ христіанства, облеклась въ современномъ обществѣ въ своеобразную форму и легла въ основу своеобразнаго ученія, выставившаго три начала для преобразованія общества: въ государственномъ отношеніи это ученіе провозгласило республику, въ хозяйственномъ—коммунизмъ, въ религіозномъ—безбожіе.

Основу ученія составляетъ коммунизмъ и коммунистическая идея составляетъ главное содержаніе соціализма. Признаніе свободы, братства и равенства всѣхъ людей, переходъ земли и всѣхъ орудій производства въ общую собственность, переходъ производства изъ капиталистическаго въ товарищеское — вотъ краеугольные камни, на которыхъ покоится эта идея; выводомъ изъ этихъ основаній является уничтоженіе наемнаго труда и заработной платы, замѣна заработной платы полнымъ предпринимательскимъ доходомъ, и, отсюда, уничтоженіе всякаго страданія на землѣ и водвореніе блаженства между людьми.

Разсмотримъ подробнѣе главныя основанія коммунистической идеи и главные выводы изъ этихъ основаній.

Исходной точкой соціализма должны быть признаны идеи свободы, равенства и братства: въ свободѣ и равенствѣ соціализмъ указываетъ цѣль человѣчества, въ братствѣ средство для достиженія этой цѣли.

Изъ этихъ трехъ началъ *равенство* является основаніемъ свободы. Всѣ люди, по ученію соціализма, одинаковы, какъ представители одной животной породы человѣка: у нихъ одинаковый организмъ, одинаковая, по существу, внѣшность, одинаковый человѣческій обликъ, одинаковый отличительный признакъ отъ

всѣхъ другихъ животныхъ — разумъ; лишь борьба за существованіе при несправедливыхъ экономическихъ и политическихъ отношеніяхъ сдѣлала людей неравными. Для водворенія справедливости на землѣ необходимо, чтобы признано было согласное съ физическимъ, естественнымъ равенствомъ людей *экономическое* равенство, которое должно состоять въ томъ, чтобы всѣ люди, ведя общими силами общественное производство, имѣли равное участіе въ пользованіи продуктами общей работы; изъ экономическаго равенства само собой явится и равенство *политическое*, равенство правъ и обязанностей всѣхъ гражданъ; уничтоженіемъ всякаго вліянія вѣры и исповѣданія на общественное и государственное положеніе человѣка достигнется, наконецъ, и равенство въ отношеніи религіозныхъ ученій *религіозное*, т. е. религіозный индиферентизмъ. Таково основаніе и содержаніе равенства, какъ ихъ понимаетъ соціализмъ.

Въ виду равенства всѣхъ людей, не мыслимо между ними рабство одного предъ другимъ — отсюда вытекаетъ общая *свобода*. Современное экономическое рабство обусловлено принадлежностью земли и всѣхъ средствъ производства небольшому сравнительно числу лицъ. Переходъ всего этого въ общую собственность, уничтожая преобладаніе однихъ надъ другими, дастъ свободу работѣ, и отсюда явится *экономическая* свобода въ связи съ общимъ производствомъ; эта свобода, дѣлая каждаго собственникомъ, уничтожитъ всякій поводъ къ тому, чтобы одинъ принималъ участіе въ правленіи и законодательствѣ, а другіе нѣтъ, и тѣмъ самымъ дастъ начало свободѣ *политической;* провозглашеніе религіи дѣломъ частнаго лица создаетъ свободу *религіозную*.

Признанію началъ равенства и свободы съ тѣмъ содержаніемъ, какое даетъ этимъ началамъ соціализмъ, препятствуетъ господство въ современномъ обществѣ себялюбія, которое такимъ образомъ и является основой всѣхъ страданій нашего времени; отвергая за себялюбіемъ право быть основнымъ факторомъ общественной жизни, соціализмъ, въ противоположность ему, провозглашаетъ начало любви къ ближнему, начало *братства*, основывая его на общности интересовъ всѣхъ людей. Братство въ *политическомъ* смыслѣ проявляется во взглядѣ всѣхъ гражданъ на государство, какъ на большую семью, гдѣ всѣ члены соединены общностью интересовъ подобно членамъ семьи; въ *экономическомъ* отношеніи братство является результатомъ, вы-

раженіемъ и оправданіемъ экономическаго равенства; въ *религіозномъ* отношеніи оно проявляется въ одинаковомъ отношеніи всѣхъ къ неземному, сверхчувственному міру, въ одинаковомъ отношеніи, т. е. въ отрицаніи его.

Экономическая свобода, какъ мы видѣли, обусловливается переходомъ средствъ производства въ общую собственность; такимъ образомъ водворяется тѣсная связь между исходною и конечною точками соціализма, между указанной имъ цѣлью общественной жизни и однимъ изъ основныхъ его требованій. Перехода земли и средствъ производства въ общую собственность требуетъ соціализмъ, и во имя провозглашенныхъ идей братства, равенства и свободы, и во имя общаго интереса гражданъ, и наконецъ, во имя справедливости.

Справедливость требуетъ, чтобы интересы большинства, интересы всего общества не были приносимы въ жертву интересамъ меньшинства. Между тѣмъ, такое нарушеніе справедливости является необходимымъ слѣдствіемъ признанія частной земельной собственности. Дѣйствительно, при господствѣ частной собственности возможны двѣ формы землевладѣнія: крупное землевладѣніе и мелкое. Система мелкаго землевладѣнія господствуетъ во Франціи: результатомъ ея въ этой странѣ должна быть признана меньшая доходность земли, растрата рабочей силы и полное истощеніе почвы. Англія является представительницей крупнаго землевладѣнія: здѣсь мы видимъ, какъ непосредственное слѣдствіе такого порядка, примѣненіе капиталистической формы производства къ земледѣлію, а отсюда вмѣсто свободныхъ крестьянъ создается классъ наемныхъ рабовъ, подверженныхъ всѣмъ бѣдствіямъ рабскаго состоянія. И эти явленія повторяются всюду, гдѣ только получаетъ преобладаніе та или другая система: такъ въ Германіи положеніе владѣльцевъ частей земли, при преобладаніи мелкой земельной собственности, ничѣмъ не лучше положенія французскихъ крестьянъ; точно также и положеніе сельскаго пролетаріата тамъ, гдѣ преобладаетъ англійская система крупнаго землевладѣнія, ничѣмъ не лучше положенія англійскихъ пролетаріевъ. Такія системы, при которыхъ истощается почва или уничтожаются рабочія силы страны, очевидно не могутъ быть терпимы: уничтоженія ихъ требуетъ справедливость и даже простое чувство самосохраненія.

Ничто не можетъ препятствовать замѣнѣ господствующихъ теперь системъ землевладѣнія системой общиннаго землевла-

дѣнія, въ основу которой ляжетъ признаніе за всѣми гражданами одинаковаго права на всю принадлежащую государству землю. Въ самомъ дѣлѣ, понятіе о правѣ собственности есть лишь рефлексъ, выводъ изъ понятія о государствѣ и обществѣ и вмѣстѣ съ этими понятіями подвергается различнымъ измѣненіямъ; не можетъ быть, слѣдовательно, и рѣчи о вѣчности принципа частной собственности. Государство признаетъ свое право отмѣнить или стѣснить право частной собственности во имя общаго интереса: признаніе это мы видимъ въ правѣ экспропріаціи, принадлежащемъ государству въ широкихъ размѣрахъ; частное примѣненіе этого признаннаго государствомъ права мы можемъ указать въ лѣсномъ хозяйствѣ; во многихъ странахъ государство провозгласило лѣса или прямо государственной собственностью, или поставило право пользованія ими въ зависимость отъ государственной власти. Съ юридической точки зрѣнія новая форма отношеній къ землѣ найдетъ полное оправданіе, такъ какъ право признаетъ одинаково всѣ три формы отношенія человѣка къ неодушевленнымъ предметамъ: общую собственность и общее пользованіе, общую собственность и частное пользованіе, частную собственность и частное пользованіе. Право частной земельной собственности не найдетъ себѣ защиты и съ точки зрѣнія политической экономіи, такъ какъ это право не основывается на трудѣ, дающемъ исключительно право владѣнія, пользованія и распоряженія чѣмъ бы то ни было—земли никто не дѣлалъ, а, слѣдовательно, и исключительное на нее право не имѣетъ никакого разумнаго основанія и не должно быть признаваемо. Наконецъ, если допустить, что трудъ собственника всегда производительнѣе труда лица, не обладающаго собственностью, то и въ этомъ случаѣ польза общественная должна заставить отвергнуть частную собственность и передать землю въ общую собственность и въ общее пользованіе, такъ какъ въ этомъ случаѣ каждый будетъ собственникомъ, хотя и не единоличнымъ, слѣдовательно, каждый будетъ трудиться съ бо́льшимъ напряженіемъ, чѣмъ современные наемные рабочіе, для каждаго будетъ лишняя причина заботиться объ увеличеніи производительности его труда. Работа при такой организаціи земельныхъ отношеній будетъ тѣмъ успѣшнѣе, что при общинномъ владѣніи землею будетъ возможно примѣнить къ земледѣлію производство въ крупныхъ размѣрахъ, возможно будетъ къ этой отрасли промышленности примѣнить всѣ возможныя при

такомъ производствѣ техническія усовершенствованія. Наконецъ, выгода будетъ и въ томъ отношеніи, что работу можно будетъ производить по опредѣленному плану, выработанному государственною властію въ интересахъ всего населенія, а не извѣстнаго меньшинства.

Такимъ образомъ, переходъ земли изъ частной собственности въ общую имѣетъ за собою всѣ разумныя основанія; какъ необходимый, онъ сдѣлается и дѣйствительнымъ. Совершится онъ однимъ изъ двухъ способовъ: или мирнымъ путемъ, если современное государство согласится добровольно на реформу, произведетъ ее постепенно, щадя интересы частныхъ собственниковъ, давая имъ должное вознагражденіе за отчуждаемое отъ нихъ право; или переворотъ совершится насильственно, если государство будетъ продолжать охранять интересы меньшинства, если оно въ ущербъ пользѣ народной пожелаетъ сохранить вредное право: въ этомъ случаѣ земли подвергнутся конфискаціи и собственники ихъ не получатъ вознагражденія.

Вслѣдъ за переходомъ земли въ общую собственность, долженъ совершиться и переходъ другихъ средствъ производства въ общую же собственность и рядомъ съ этимъ должно уничтожиться вполнѣ и право наслѣдованія, немыслимое безъ права частной, личной собственности.

Такова коренная перемѣна, предлагаемая соціализмомъ, въ отношеніяхъ человѣка къ неодушевленной природѣ.

Съ этой перемѣной связано измѣненіе организаціи производительной дѣятельности человѣка; разъ земля, всѣ орудія и другія средства производства будутъ общей собственностью, необходимо осуществится и третье требованіе соціализма: товарищеская организація производства.

Заботу объ осуществленіи этого требованія должно взять на себя государство рядомъ съ заботой объ изъятіи земли и средствъ производства изъ частной собственности. Государство должно положить начало образованію промышленныхъ товариществъ, промышленныхъ общинъ, которыя постепенно уничтожатъ частную промышленность и личныя промышленныя предпріятія; государство должно сдѣлать это для уничтоженія той распри между трудомъ и капиталомъ, которая является одной изъ причинъ бѣдствій нашего общества. Основанныя при помощи государства, рабочія товарищества вступятъ въ союзъ другъ съ другомъ и совершатъ сами собою полный переворотъ въ промышленности;

совершатъ они этотъ переворотъ вполнѣ мирнымъ путемъ, вступивъ въ простое промышленное соперничество съ частными предпринимателями.

Нѣтъ никакого основанія противиться организаціи такихъ товариществъ; стремленіе къ ассоціаціи есть одно изъ основныхъ свойствъ человѣка и никто не будетъ предполагать, чтобы ассоціація была чѣмъ-нибудь вреднымъ или безсмысленнымъ. Напротивъ, ассоціація является продуктомъ цивилизаціи. Ассоціація и раздѣленіе труда двѣ вещи настолько тѣсно связанныя другъ съ другомъ, что гдѣ является раздѣленіе труда, тамъ становится необходимой и ассоціація. Такъ какъ раздѣленіе труда въ наше время находитъ себѣ все большее и большее примѣненіе, то слѣдствіе отсюда ясно. Въ пользу товариществъ можно привести и слѣдующее соображеніе: раздѣленіе труда все бо́льшую и бо́льшую область отводитъ машинѣ; машина въ рукахъ единоличнаго предпринимателя становится орудіемъ для уничтоженія физическаго, умственнаго и нравственнаго благосостоянія рабочаго: она удлиняетъ рабочій день, даетъ средство потребить въ теченіи этого дня наибольшее количество рабочей силы, обезцѣниваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ эту рабо́чую силу, обращаетъ занятыхъ ею рабочихъ въ принадлежность машины, лишенную всякихъ человѣческихъ свойствъ; устранить это дурное вліяніе машины на работника можно только однимъ путемъ: передачею ея въ руки самихъ работниковъ, передачею ея въ руки рабочихъ товариществъ; введеніе этихъ товариществъ съ этой точки зрѣнія становится нравственною необходимостью.

Основаніе товариществъ произведетъ полный переворотъ во всей промышленной жизни, въ положеніи всего общества.

Современная промышленность управляется свободной конкурренціей, закономъ спроса и предложенія. Господство свободной конкурренціи при раздѣленіи общества на два класса: имущихъ и неимущихъ, приводитъ къ эксплуатаціи ра́бочаго класса. Эксплуатація эта совершается въ силу проникшаго въ общество воззрѣнія на трудъ, какъ на товаръ, который можно купить и продать и который въ цѣнѣ своей подлежитъ закону спроса и предложенія. При численно увеличивающемся пролетаріатѣ господство этого воззрѣнія привело къ тому, что рабочій можетъ получить за свой трудъ ровно столько, сколько ему необходимо для поддержанія своего существованія и ничего больше, такъ какъ все остальное, произведенное его руками въ силу заключаемой имъ

сдѣлки, продажи труда переходитъ къ капиталисту-предпринимателю. Въ этой эксплуатаціи рабочихъ классовъ и коренится причина ихъ нищеты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, причина всѣхъ бѣдствій нашего времени.

Главное значеніе имѣющаго совершиться преобразованія въ хозяйственной жизни и заключается именно въ томъ, что будетъ уничтожена власть закона спроса и предложенія, и въ томъ, что доведенная имъ до самыхъ низшихъ предѣловъ рабочая плата будетъ замѣнена правомъ на весь продуктъ труда. Совершится это такимъ образомъ:

Государство, послѣ основанія промышленныхъ товариществъ, возьметъ всю промышленность въ свои руки, высшее правительственное мѣсто соціалистическаго общества будетъ опредѣлять какіе продукты должны быть произведены обществомъ и въ какихъ размѣрахъ; оно же будетъ распредѣлять все количество потребной для произведенія этихъ продуктовъ работы между отдѣльными товариществами; оно же будетъ выдавать плату за исполненную работу. Такимъ образомъ, и свободная конкуренція, и законъ спроса и предложенія будутъ отмѣнены.

Вмѣшательство государственной власти въ промышленность даетъ возможность и замѣнить рабочую плату всѣмъ продуктомъ труда. Мы уже сказали, что государство, какъ высшій руководитель промышленной дѣятельности общества, будетъ опредѣлять, какъ предметы производства, такъ и размѣры его; для успѣшнаго исполненія этой своей функціи оно будетъ собирать точныя статистическія свѣдѣнія о потребностяхъ народонаселенія; тѣ же статистическія свѣдѣнія дадутъ ему возможность опредѣлить, какое количество работы должно быть затрачено на производство извѣстнаго продукта, при предположеніи, что надъ нимъ будетъ работать работникъ среднихъ способностей, не отличающійся ни чрезмѣрнымъ развитіемъ, ни чрезмѣрнымъ недостаткомъ физическихъ и умственныхъ силъ, что среднее количество работы, необходимое для производства извѣстнаго продукта, и будетъ составлять цѣну этого продукта. Работа, потребная для изготовленія всѣхъ необходимыхъ обществу предметовъ потребленія, какъ мы сказали, будетъ распредѣляться государственной властью между отдѣльными товариществами; каждое товарищество въ свою очередь будетъ распредѣлять эту работу между своими членами. По окончаніи производства, продукты его въ обратномъ порядкѣ будутъ опять сосредоточиваться въ распоряженіи государства въ

особо устроенные государственные склады. При пріемѣ этихъ продуктовъ государствомъ и будетъ совершаться оплата труда. Для совершенія ея государство введетъ особые денежные знаки, которые будутъ представлять извѣстное число рабочихъ часовъ или дней: каждое товарищество, а затѣмъ и каждый членъ общества, будетъ получать соотвѣтствующее данной ими на пользу общую работѣ количество денежныхъ знаковъ. Въ обмѣнъ за полученные денежные знаки рабочій будетъ имѣть право получать изъ государственныхъ складовъ всевозможные предметы потребленія; такъ какъ деньги будутъ представлять извѣстное количество затраченнаго труда и въ обмѣнъ за нихъ будетъ даваться извѣстный продуктъ, цѣна котораго тоже будетъ представляться количествомъ затраченной на него работы, то, очевидно, каждый будетъ получать именно столько предметовъ потребленія, сколько онъ затратилъ труда; каждый будетъ пользоваться всѣмъ продуктомъ своей работы.

Осуществленіемъ товарищеской организаціи производства и переходомъ земли и всѣхъ средствъ производства въ общую собственность достигнется преобразованіе хозяйственной организаціи общества. Въ связи съ этимъ переворотомъ стоитъ и преобразованіе государственнаго строя.

Новое государство будетъ представляться большимъ союзомъ самостоятельныхъ, промышленныхъ общинъ, пользующихся широкими правами внутренняго самоуправленія. Такъ какъ устройство государства должно согласоваться съ устройствомъ отдѣльныхъ частей его, а отдѣльныя части новаго соціалистическаго государства будутъ составлять промышленныя товарищества, управляющіяся совѣтами выборныхъ, то и все государство, естественно, должно будетъ принять такую же организацію и признать высшею верховною властью, власть совѣта выборныхъ отъ всѣхъ членовъ общества. Хозяйственной организаціей новаго міра обусловливается такимъ образомъ республиканское устройство государства,—признанія этой формы государственнаго устройства и требуетъ соціализмъ. По созданному имъ идеалу, высшая власть можетъ принадлежать только всѣмъ гражданамъ, членамъ промышленныхъ ассоціацій, всему народу; осуществлять эту власть народъ будетъ черезъ своихъ выборныхъ, которые будутъ входить въ составъ правящихъ всѣми дѣлами совѣтовъ. Всѣ члены новаго общества будутъ пользоваться одинаковыми правами и будутъ нести одинаковыя обязанности. Распространеніе права го-

лоса при всякихъ голосованіяхъ и выборахъ на всѣхъ совершеннолѣтнихъ гражданъ; обязательное участіе въ голосованіи, тайная подача голосовъ, непосредственное участіе народа въ законодательствѣ и въ рѣшеніи вопросовъ о войнѣ и мирѣ, распространеніе на всѣхъ права носить оружіе, замѣна войска народнымъ ополченіемъ, уничтоженіе всякихъ спеціальныхъ законовъ о прессѣ, обществахъ и сходкахъ, вообще всякихъ законовъ, имѣющихъ цѣлью стѣсненіе своборы мысли и слова, непосредственное участіе народа въ отправленіи правосудія — вотъ, тѣ основныя положенія, которыя должны будтъ лечь въ основу новаго государственнаго строя.

Государственнымъ преобразованіемъ довершается требуемый соціализмомъ переворотъ. Съ водвореніемъ новаго общественнаго строя наступитъ то полное блаженство, въ возможности котораго на землѣ соціалисты глубоко убѣждены. Для человѣка откроется доступъ ко всякаго рода наслажденіямъ: все, что можетъ дать ему природа, наука, искусство, все будетъ въ его власти, ибо заботящееся лишь о благѣ гражданъ государство, все это доставитъ каждому изъ членовъ общества. Но блаженство людей въ новомъ мірѣ должно опредѣляться не исключительно этими положительными обѣтованіями—еще ярче рисуется оно одною отрицательной чертой: въ новомъ мірѣ будутъ устранены тѣ бѣдствія, тѣ страданія, какія мы видимъ теперь: съ уничтоженіемъ корня всѣхъ золъ—бѣдности—исчезнутъ и болѣзни, и хилость, и ранняя смертность, и физическое вырожденіе людей, и эпидеміи, и уродства физическаго строенія; вмѣстѣ съ тѣмъ не останется и слѣда отъ нравственныхъ золъ: преступленія противъ жизни и собственности, безнравственность и проституція, зависть и ненависть, скупость и страсть къ пріобрѣтенію, честолюбіе и жестокосердіе, все это уничтожится: не будетъ бѣдности, не будетъ дурнаго воспитанія, не будетъ привиллегій и рабства — не будетъ и того, что является естественнымъ ихъ послѣдствіемъ.

Мы дошли до послѣдняго вывода соціализма; мы видимъ, что во всемъ этомъ планѣ общественнаго преобразованія не отведено никакого мѣста религіи. Она и не входитъ въ созданный соціализмомъ идеалъ. Глубоко убѣжденные въ несуществованіи загробной жизни и всего неземнаго міра, соціалисты утверждаютъ, что никакой религіи и не должно быть, что недостоинъ тотъ имени соціалиста, кто вмѣстѣ съ тѣмъ не признаетъ себя атеистомъ, кто не стремится со всѣмъ своимъ усердіемъ къ рас-

пространенію безбожія, кто не видитъ въ этомъ распространеніи своего назначенія. Религію, по признанію соціалистовъ, замѣняетъ поклоненіе человѣчеству и общинѣ: возрожденное, общинно-устроенное человѣчество—вотъ высшая сущность, въ которую они вѣрятъ; вся ихъ надежда въ соціалистическомъ устройствѣ общества; надежда эта можетъ осуществиться черезъ любовь, но любовь, чуждую всякихъ религіозныхъ, какъ говорятъ соціалисты, бредней. Вѣрующій человѣкъ находитъ себѣ утѣшеніе въ мысли объ Отцѣ, Который печется о Своихъ дѣтяхъ на землѣ: соціалистъ стремится къ созданію общины, которая бы во всѣхъ нуждахъ являлась спасительницею личности. И всѣ люди должны увѣровать, что спасеніе отъ всѣхъ золъ живетъ въ общественной братской работѣ, въ экономическомъ общеніи людей; всякія другія чаянія должны быть брошены.

Сводя все сказанное о соціализмѣ въ одно, мы получимъ слѣдующее опредѣленіе предлагаемой имъ обществу задачи:

Общество должно отказаться отъ всякихъ мечтаній о загробной жизни и должно стремиться къ достиженію счастія въ этомъ мірѣ; для достиженія этой цѣли оно должно уничтожить существующее государственное устройство, захватить власть въ свои руки и, проникшись идеями равенства, свободы и братства, совершить преобразованіе хозяйственной организаціи, положивъ въ основу новаго экономическаго строя общее владѣніе землею и всѣми другими средствами производства и товарищеское веденіе производства; тогда уничтожится бѣдность, съ нею уничтожатся всѣ бѣдствія и водворится полное блаженство.

Какъ должно отнестись къ подобной задачѣ христіанское общество?

III.

Самымъ существованіемъ своимъ христіанство становится въ непримиримое противорѣчіе съ матеріалистическимъ направленіемъ соціализма, съ его проповѣдью безбожія; но въ другихъ отношеніяхъ соціализмъ во многомъ находитъ сочувствіе христіанства, во многомъ оба эти ученія вполнѣ совпадаютъ.

Прежде всего такое совпаденіе видимъ мы въ основномъ взглядѣ на міръ. Христіанство точно также, какъ и соціализмъ, смотритъ на настоящее положеніе человѣка, какъ на состояніе скорби и страданія. Весь Новый Завѣтъ говоритъ о господствѣ зла и страданія въ мірѣ; все христіанское ученіе направлено къ тому, что-

бы указать людямъ средство выйти изъ того бѣдственнаго положенія, въ которомъ они находятся.

Такое же совпаденіе видимъ мы и во взглядѣ на причину страданій человѣчества. Себялюбіе, какъ грѣхъ, и, по ученію Христа, является этой причиной.

Для борьбы со зломъ Евангеліе вызываетъ тѣ же силы, какъ и соціализмъ: любовь и братство. Эти силы должны помочь человѣчеству освободиться отъ терзающихъ его недуговъ. Чтобы достичь возможнаго на землѣ блаженства, люди должны соединиться въ одну братскую общину, проникнутую сознаніемъ единства интересовъ всѣхъ своихъ членовъ: какъ въ человѣческомъ тѣлѣ ни одинъ членъ самъ по себѣ ничего не значитъ, такъ и въ тѣлѣ общественномъ отдѣльный человѣкъ внѣ союза съ другими способенъ только на безплодную противообщественную дѣятельность. Такимъ образомъ, и коммунистическая идея, лежащая въ основѣ соціализма, не противорѣчитъ христіанству, не чужда ему.

Но это согласіе въ основныхъ идеяхъ не должно увлекать насъ. Болѣе подробный разборъ укажетъ намъ, что выводъ изъ изъ этихъ идей христіанствомъ сдѣланъ совершенно иной, чѣмъ соціализмомъ, и что самое опредѣленіе этихъ идей по христіанскому ученію нѣсколько иное.

Идеи равенства, свободы и братства—идеи чисто новозавѣтныя: языческая древность не создала и не могла создать этихъ идей; прямымъ опроверженіемъ братства, свободы и равенства служило въ древности рабство и унизительное положеніе женщины.

Христіанство впервые въ ученіи объ единствѣ происхожденія всѣхъ людей положило начало идеи равенства: люди произошли отъ одной четы, отъ одной крови, они одинаково всѣ отклонились отъ праваго пути, они всѣ равно несутъ послѣдствія такого отклоненія; всѣ они одинаково нуждаются въ спасеніи и одинаково могутъ получить спасеніе черезъ Искупителя человѣческаго рода; всѣ люди одинаково призваны къ познанію истины, къ участію въ блаженствѣ, ожидающемъ ихъ въ общеніи съ Богомъ въ загробной жизни; всѣ люди равны передъ Богомъ. Согласно съ этимъ воззрѣніемъ на человѣка, равенство съ христіанской точки зрѣнія должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что всѣ искусственныя различія, если только они служатъ себялюбію и гордости, должны пасть, остаться должны только одни естественныя различія способностей, возрастовъ, половъ. Изъ

такого пониманія равенства естественнымъ выводомъ является то положеніе, что въ христіанскомъ обществѣ не должно быть терпимо такое состояніе, при которомъ часть людей должна обязательно посвятить себя на производство и на доставленіе всякихъ благъ другой части, признающей своимъ единственнымъ назначеніемъ наслажденіе этими благами, что, слѣдовательно, на землѣ должны водвориться возможное экономическое равенство и должны быть устранены всѣ болѣзненныя послѣдствія существующихъ экономическихъ различій. Точно также и нарушеніе справедливаго равновѣсія въ политическихъ правахъ и обязанностяхъ не можетъ быть признано согласнымъ съ Евангеліемъ. Мы видимъ такимъ образомъ, что содержаніе понятію равенства дано Евангеліемъ нѣсколько иное, чѣмъ соціализмомъ.

Тоже самое увидимъ мы и относительно понятія свободы. Христіанство провозглашаетъ полную свободу личности, основанную на богоподобіи человѣка и состоящую въ полномъ согласіи воли съ сущностью человѣка. Христіанство ставитъ одинъ только предѣлъ свободѣ—предѣлъ этотъ въ братской любви къ ближнему; но и любовь, по этому ученію, есть актъ свободной воли, слѣдовательно, и ограниченіе свободы лежитъ въ ней самой. Свобода воли осуществляется въ матеріальной или физической свободѣ, которую соціалисты называютъ экономической свободой труда, въ политической и религіозной свободѣ. Съ религіозной свободой христіанство не можетъ стать въ противорѣчіе, такъ какъ оно признаетъ полную свободу совѣсти: вѣра, по этому ученію, является также актомъ свободной воли, и въ дѣлѣ вѣры никакого принужденія быть не можетъ: кто вѣритъ—тому благо, кто не вѣритъ—самъ себя осуждаетъ. Понятіе о свободѣ расширяется еще ученіемъ объ освобожденіи отъ грѣха и отъ наказанія; объ этой свободѣ, конечно, не можетъ быть и рѣчи у соціалиста съ его чисто матеріалистическимъ взглядомъ на міръ, между тѣмъ, только этой свободой обусловливается полная свобода воли.

Переходя къ идеѣ братства и припоминая сказанное о немъ при изложеніи теоріи соціализма, мы видимъ, что соціализмъ основываетъ требованіе братства на пользѣ и на одинаковости физической природы людей; подкладкой соціалистическаго братства является то же себялюбіе, къ борьбѣ съ которымъ оно призывается: въ христіанскомъ ученіи братство получаетъ другое, болѣе высокое значеніе.—Новый Завѣтъ признаетъ всѣхъ людей членами одной большой семьи; люди признаются братьями, какъ дѣти

одного отца; такимъ образомъ христіанское братство сводится къ болѣе высокому источнику—къ божественной любви; христіанство не ограничивается признаніемъ братства ради собственной пользы каждаго человѣка; напротивъ, оно требуетъ полнаго самоотреченія, самопожертвованія каждаго для его братьевъ; христіанское братство есть дѣятельная любовь, проявляющаяся въ защитѣ и помощи ближнимъ; оно-то и должно лечь въ основу и законодательства, и всего строя жизни.

При разсмотрѣніи чисто экономическихъ требованій соціализма и прежде всего его требованія общности земельной собственности, мы должны указать на то, что новозавѣтное ученіе не можетъ дать положительныхъ опредѣленій относительно общиннаго быта: имѣя въ виду преимущественно духовную сторону человѣческой жизни, христіанство стремится совершить реформу внѣшнихъ отношеній измѣненіемъ внутренней, нравственной сущности человѣка; вслѣдствіе этого, новозавѣтное ученіе почти безразлично относится къ формамъ экономической жизни, и въ различныхъ притчахъ и поученіяхъ, въ которыхъ Христосъ, излагая Свое ученіе, старался разъяснить его аналогіями съ хозяйственной жизнью того времени, одинаково встрѣчаются и отношенія капиталиста къ неимущему работнику и рабовладѣльца къ рабамъ, при чемъ Учитель одинаково относится ко всѣмъ этимъ хозяйственнымъ формамъ, одинаково не произнося Своего сужденія ни объ одной изъ нихъ. Точно также и апостолы устранялись отъ вмѣшательства въ юридическіе и хозяйственные порядки, безусловно всегда высказывались противъ насильственнаго измѣненія этихъ порядковъ и внушали, напротивъ, терпѣливое отношеніе ко всѣмъ невзгодамъ этой жизни. Для опредѣленія экономическихъ идеаловъ христіанства мы должны поэтому обратиться къ примѣру тѣхъ общинъ, которыя организовались подъ вліяніемъ чисто христіанскихъ началъ.

При разсмотрѣніи организаціи этихъ общинъ видимъ мы, что въ первую эпоху христіанства вѣрующіе, входившіе въ составъ ихъ, смотрѣли на свое имущество, какъ на общее достояніе всѣхъ членовъ общины, такъ что, продавая это имущество, цѣну его они раздѣляли между собратьями, сообразно потребностямъ каждаго. На этомъ мѣстѣ священнаго писанія соціалисты основываются, когда они хотятъ доказать враждебное отношеніе первоначальнаго христіанства къ частной собственности: они признаютъ въ этомъ случаѣ общность имущества

за одно изъ требованій христіанскаго Бога. Если бы дѣйствительно признать организацію первой христіанской общины за обязательную и обязанность всякаго продавать свой домъ и свое имущество и отдавать выручку въ пользу всѣхъ признать за обязанность юридическую, то дѣйствительно отсюда можно бы было вывести необходимость соціалистическаго принципа общаго права собственности на землю и на всѣ орудія и средства производства. Но такой взглядъ на христіанскую общину, какъ на осуществленіе божескаго предписанія, не можетъ быть признанъ правильнымъ: общественное устройство первыхъ христіанъ было только актомъ свободной воли, актомъ, вызваннымъ братской любовью, одушевлявшей первыхъ послѣдователей новаго ученія. Неправильно и то предположеніе, что всѣ продавали все имущество; напротивъ, продавали только часть имущества и только эту часть отдавали на пользу общую. Изъ разсмотрѣннаго мѣста нельзя, слѣдовательно, выводить враждебнаго отношенія христіанства къ частной собственности.

При болѣе вѣрномъ взглядѣ на разбираемую организацію первой христіанской общины, при болѣе точномъ ея пониманіи окажется, что частная собственность признавалась на ряду съ формой общиннаго устройства имущественныхъ отношеній; взглядъ же на свое имущество, какъ на общее достояніе, можетъ быть объясненъ воззрѣніями первыхъ христіанъ на согласное съ духомъ христіанскаго ученія употребленіе принадлежащаго каждому имущества; во всемъ этомъ порядкѣ жизни проявлялось одушевленіе духомъ христіанской любви, стремившейся къ проявленію во внѣшнемъ мірѣ.

Первой причиной, вызвавшей описанную организацію имущественныхъ отношеній, было бѣдственное положеніе нѣкоторыхъ членовъ христіанскаго общества. Воодушевленные духомъ новаго ученія, первые христіане, не уничтожая въ принципѣ частной собственности, пытались путемъ разумнаго пользованія своими правами смягчить или уничтожить порождаемое правомъ частной собственности болѣзненное неравенство въ пользованіи земными благами.

Первоначальное общеніе имуществъ очень близко къ организаціи общей кассы для бѣдныхъ, изъ которой каждый получалъ необходимое, согласно своимъ потребностямъ: случалось, что въ обществѣ нѣкоторые члены, вслѣдствіе болѣзни или другаго несчастія, впадали въ бѣдственное положеніе; для того, чтобы по-

мочь этимъ бѣдствующимъ братьямъ и возвратить имъ возможность зарабатывать свой хлѣбъ, нужно было дать имъ какое-либо имущество—и вотъ болѣе богатые члены отказывались отъ части своей собственности, отчуждали часть ея въ пользу своихъ собратій, давая имъ, такимъ образомъ, извѣстный капиталъ и открывая имъ тѣмъ самымъ возможность поправиться и снова сдѣлаться владѣльцами и собственниками. Изъ этого мѣста Новаго Завѣта можно только вывести, что рядомъ съ признаніемъ и сохраненіемъ частной собственности, въ первоначальномъ христіанскомъ обществѣ сложилось убѣжденіе въ необходимости выдѣлять часть этой собственности для общаго ею пользованія; толковать же его такимъ образомъ, что христіанское ученіе требуетъ, чтобы всѣ земли и все имущество были признаны общей собственностью, нѣтъ и не можетъ быть никакого основанія. Новый Завѣтъ прежде всего уважаетъ человѣческую свободу, ставя ей одинъ предѣлъ—въ требованіяхъ братской любви; въ виду этой свободы Евангеліе признаетъ возможной всякую форму права собственности; оно хочетъ непосредственно вліять только на внутреннюю сущность человѣка, а на внѣшнія хозяйственныя, соціальныя и политическія учрежденія только косвенно, черезъ посредство нравственнаго перерожденія человѣка. Но при такомъ воззрѣніи христіанства на хозяйственную сторону жизни очевидно нѣтъ никакого основанія называть соціалистическую идею о превращеніи всѣхъ предметовъ внѣшняго міра въ общую собственность идеей преступною, внушенной темною силою: въ основѣ этой идеи лежитъ вполнѣ нравственное стремленіе и если освятить эту идею духомъ ученія Христа, то она можетъ дать начало новому строю жизни, вполнѣ согласному съ требованіями этого ученія.

Какъ Евангеліе не даетъ точнаго и опредѣленнаго отвѣта на вопросъ о томъ, каково должно быть право собственности, также оставляетъ оно безъ отвѣта и вопросъ о наслѣдственномъ правѣ.

Болѣе опредѣленное отношеніе имѣетъ христіанство къ вопросу объ ассоціаціяхъ.

Евангеліе, описывая христіанскую общину, сравниваетъ ее съ тѣломъ и дѣятельность этой общины и ея членовъ сопоставляетъ съ дѣятельностью человѣческаго организма и его членовъ; человѣческое тѣло имѣетъ только одно отличіе отъ товарищества, именно то, что въ немъ всѣ члены приводятся въ движеніе и отправляютъ извѣстную работу по велѣнію высшей власти—ра-

зума, тогда какъ въ общинѣ всѣ члены идутъ вполнѣ добровольно на общую работу; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ аналогія полная: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ видимъ: общую согласную дѣятельность, преслѣдованіе общей цѣли, полное согласіе интересовъ.

Смотря на общину съ этой точки зрѣнія, христіанство не можетъ сочувственно относиться къ тому порядку, въ силу котораго признается, что одна часть людей предназначена только къ тому, чтобы работать, тогда какъ назначеніе другой части— пользоваться плодами этой работы. Въ человѣческомъ тѣлѣ нѣтъ ни одного члена, который бы имѣлъ исключительное назначеніе наслаждаться, тогда какъ всѣ остальные должны на него работать; трудъ выпадаетъ на долю каждаго члена. Точно также не можетъ христіанство признать справедливымъ стремленіе къ увеличенію прибыли въ ущербъ рабочей платы: какъ въ человѣческомъ организмѣ все добытое трудомъ изъ внѣшней природы должно распредѣляться равномѣрно на пользу всѣхъ членовъ, такъ и въ обществѣ всѣ продукты производства должны идти на поддержаніе жизни всѣхъ членовъ общества.

Гораздо болѣе согласнымъ съ идеаломъ Новаго Завѣта является проповѣдуемое соціализмомъ товарищеское устройство производства: тутъ находитъ себѣ признаніе и общность интересовъ, и братская любовь, и общая дѣятельность; здѣсь нѣтъ мѣста и для неравномѣрнаго, несправедливаго вознагражденія членовъ.

Разъ Новый Зовѣтъ высказывается въ пользу принципа товарищества, то не можетъ онъ стоять въ непримиримомъ противорѣчіи и съ организаціей общиннаго соціалистическаго общества: служеніе каждой ассоціаціи своими продуктами другимъ ассоціаціямъ является вполнѣ согласнымъ съ назначеніемъ каждаго христіанина служить всѣми своими душевными и тѣлесными способностями на пользу своихъ братій. Но необходимымъ условіемъ для осуществленія общиннаго идеала должно быть признано проникновеніе общества духомъ любви и самоотверженія; безъ этого проникновенія идеалъ, представленный соціализмомъ, неосуществимъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что ни общность имущества, ни общность производства со своими выводами не стоятъ въ противорѣчіи съ Евангеліемъ, что христіанское общество вполнѣ согласно со своею природою можетъ принять эти начала и положить ихъ въ основу своей организаціи. Еще съ бо́льшимъ

сочувствіемъ относится христіанство къ стремленію соціализма сокрушить законъ спроса и предложенія въ приложеніи его къ человѣческому труду, какъ товару. Оно признаетъ этотъ законъ простымъ продуктомъ исторической жизни; воззрѣніе же на трудъ, а слѣдовательно, и на человѣка, какъ на товаръ, воззрѣніемъ чисто языческимъ, несовмѣстнымъ съ ученіемъ Новаго Завѣта о человѣкѣ. Отсюда является осужденіе современныхъ отношеній капиталистовъ къ рабочимъ.

Но рядомъ съ такимъ взглядомъ на трудъ нельзя приписать христіанству отверженіе всей системы единоличныхъ промышленныхъ предпріятій: могутъ существовать и такія предпріятія и они не будутъ служить оправданіемъ и осуществленіемъ взгляда на рабочаго, какъ на товаръ, если тѣ дѣятели, которые принимаютъ въ нихъ участіе, будутъ проникнуты духомъ христіанской любви. Въ одной изъ своихъ притчъ Христосъ далъ примѣръ такого капиталиста, который, нанимая рабочихъ, не руководствуется исключительно своими эгоистическими интересами, не пользуется конкурренціей для того, чтобы по возможности понизить плату и ухудшить условія, на которыя долженъ согласиться рабочій, но который, напротивъ, пользуется своими средствами для того, чтобы всякому рабочему дать возможность получить полный заработокъ. При такомъ лишенномъ эгоизма отношеніи капиталиста, конечно, и конкурренція, и господство наемнаго труда за заработную плату не будутъ составлять язвы общества.

Новый Завѣтъ согласенъ съ требованіемъ соціалистовъ, чтобы рабочій получалъ справедливое вознагражденіе за свой трудъ; въ томъ случаѣ, если такому требованію будутъ противиться тѣ, отъ кого зависитъ вознагражденіе работника, если лица эти, основываясь на принципѣ: «laissez faire, laissez passer; le monde va de lui même», будутъ поддерживать свое право эксплуатировать силы своихъ собратій,—то, конечно, христіанство допуститъ подобно соціализму вмѣшательство государства въ экономическую жизнь народа, такъ какъ, по ученію Новаго Завѣта, государство должно стоять на стражѣ закона и на его обязанности лежитъ какъ вознагражденіе за все доброе, такъ и кара за все злое, и уничтоженіе всего того, что вредитъ обществу. Въ этомъ воззрѣніи на государственное вмѣшательство мы видимъ еще одно совпаденіе взглядовъ христіанства со взглядами соціализма.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что воззрѣнія соціалистовъ на экономическую жизнь народа могутъ мириться съ христіанствомъ, хотя христіанство и не можетъ признать требованія соціализма безусловно справедливыми и указываемый имъ строй жизни единственно согласнымъ съ природою человѣка. Почти таково же отношеніе христіанства и къ политическому идеалу соціализма.

Новый Завѣтъ не даетъ прямыхъ указаній на предпочтительную форму государственнаго устройства: ни абсолютная, ни конституціонная монархія не найдутъ въ немъ основаній, оправдывающихъ или требующихъ ихъ существованія, не найдетъ себѣ опроверженія и провозглашенная соціализмомъ республиканская форма. Евангеліе говоритъ о власти, признаетъ божеское происхожденіе ея, требуетъ подчиненія этой власти, но какъ она должна быть организована, кому она должна принадлежать—объ этомъ мы не найдемъ прямыхъ указаній. Единственный идеалъ государственнаго устройства, о которомъ можно говорить съ точки зрѣнія христіанства, это—организація государства на подобіе церковной общины, представляющей божественную республику подъ главенствомъ невидимаго свободно-избраннаго Христа.

Если идеалъ организаціи хозяйственной и государственной жизни общества, который написалъ на своемъ знамени соціалистъ и допускается христіанствомъ какъ непротиворѣчащій съ основными положеніями Евангельскаго ученія, то тѣмъ самымъ оно еще не соглашается съ соціализмомъ относительно послѣдствій проведенія этого идеала въ жизнь; не можетъ ожидать отъ осуществленія его всѣхъ тѣхъ результатовъ, которыхъ ждутъ сторонники соціальныхъ ученій. Прежде всего христіанство не можетъ согласиться съ тѣмъ, что вся жизнь человѣка ограничивается землею; христіанство, напротивъ, указываетъ человѣку на другую жизнь за предѣлами земли; рядомъ съ этимъ оно признаетъ, что только въ загробной жизни человѣкъ, освободившись отъ плоти, можетъ найти истинное и полное блаженство.

Смотря на блаженство съ такой точки зрѣнія, христіанство и не признаетъ, чтобы улучшеніе матеріальнаго положенія человѣка, обезпеченіе ему благосостоянія въ земной жизни могло дать ему полное блаженство. Христіанство не можетъ согласиться, что единственной причиной бѣдствій современнаго человѣка является бѣдность; по его ученію, причина бѣдствій и страданій—грѣхъ, какъ отпаденіе человѣка отъ Бога, какъ нравственная порча человѣка. Съ этой точки зрѣнія нельзя ожидать отъ

водворенія соціалистическаго строя полнаго освобожденія отъ всѣхъ бѣдствій, если принять, что можетъ при водвореніи его поправиться матеріальное благосостояніе людей, можетъ уменьшиться число тѣхъ преступленій, которыя обусловливаются бѣдностью, могутъ ослабиться тѣ пороки, которымъ оно даетъ начало; но останется цѣлый рядъ бѣдствій и страданій, происходящихъ отъ развитія дурныхъ страстей человѣка и не перестанутъ совершаться тѣ преступленія, которыя мы видимъ и въ наше время.

Этотъ взглядъ на ожидаемыя отъ водворенія соціалистическаго строя послѣдствія, соединяясь съ провозглашеннымъ соціалистами атеизмомъ, ставитъ соціализмъ въ противорѣчіе съ христіанствомъ и не допускаетъ истинно христіанское общество сдѣлаться обществомъ соціалистическимъ.

Н. Г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Синтезъ ученій объ экономической политикѣ.

ГЛАВА III *).

§ 1. Противорѣчіе между правовыми понятіями нашего времени и экономической организаціей. § 2. Отношеніе реалистической школы къ соціалистическому направленію. § 3. Главныя черты соціалистической организаціи народнаго хозяйства.

§ 1. Въ основаніе устройства современнаго культурнаго государства положены принципы: равенства передъ закономъ и свободы личности. Очевидно, равенство передъ закономъ было бы лицемѣрною фразою, если бы, рядомъ съ признаніемъ за всѣми гражданами права пользоваться благами культуры, достигать благосостоянія, образованія, любаго соціальнаго положенія, организація общественнаго порядка была такова, что воспользоваться этимъ правомъ могли бы лишь нѣкоторые классы общества. Новѣйшія государства признали принципъ равенства передъ закономъ не для того, чтобы замѣнить прежнія юридическія привилегіи фактическими, а чтобы устранить вліяніе соціальныхъ условій на образованіе неравенства между людьми. Смыслъ этого принципа: — низвести неравенство между людьми лишь на различія ихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ и сдѣлать каждаго отвѣтственнымъ за свою судьбу. Въ политической области примѣненіе принциповъ свободы и равенства передъ закономъ выразилось:—въ признаніи свободы мысли, слова и собраній, въ признаніи за всѣми гражданами права участія въ законодательствѣ, судѣ, администраціи, въ признаніи равенства податной и воинской повинностей. Примѣненіе указанныхъ принциповъ къ хозяйственной области повело за собою уничтоженіе оставшихся отъ феодальной эпохи привилегій, ограниченіе вмѣшательства государства въ экономическія отношенія и предоставленіе ихъ дѣйствію свободной конкурренціи. Политическій и экономи-

*) См. февр. и март.

ческій переворотъ, предпринятый съ одной и той же цѣлью — осуществленія принциповъ свободы и равенства — далъ совершенно различные результаты въ этихъ двухъ сторонахъ народной жизни. Въ первой — цѣль достигается болѣе и болѣе; во второй — прогрессивно возрастаетъ неравенство, какъ результатъ фактическихъ имущественныхъ монополій. И причина этого понятна. Въ политической области съ уничтоженіемъ привилегій и равномѣрнымъ распредѣленіемъ правъ и обязанностей на всѣхъ гражданъ тѣмъ самымъ была создана уже и фактическая возможность воспользоваться этими правами. Въ экономической же области, и послѣ устраненія юридическихъ привилегій, остались исторически созданныя неравенства владѣнія; и далѣе, что особенно важно, неравенства владѣнія, по присущимъ системѣ свободной конкурренціи свойствамъ, продолжали усиливаться, *соціальныя различія* въ шансахъ соревнованія продолжали возрастать; и, такимъ образомъ, рядомъ съ идеею вѣка о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, политически полноправные граждане распались почти на касты, причемъ каста обдѣленныхъ постоянно возрастаетъ не только абсолютно, но и относительно. Процентъ неимущаго класса постоянно увеличивается въ отношеніи къ имущему, среднія состоянія исчезаютъ и соціальное неравенство, зависимость труда отъ капитала проявляются все болѣе въ крупныхъ размѣрахъ и яркихъ формахъ. Такимъ образомъ, современное общество заключаетъ въ самомъ себѣ противорѣчіе, выступающее съ каждымъ днемъ рѣзче. Соціальная организація, путемъ которой думали осуществить свободу и правовыя идеи эпохи, приводитъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ—зрѣлище, впервые представляемое исторіею человѣчества. Расчлененіе общества на привилегированные и подчиненные классы въ древнемъ мірѣ и въ среднія вѣка вполнѣ гармонировало съ правовыми воззрѣніями того времени, съ идеею о неравенствѣ правъ людей. Точка отправленія и цѣль развитія новѣйшаго общества — свобода и равенство правъ людей; и въ то время, какъ эти принципы все болѣе осуществляются въ политической области, экономическая организація прогрессивно порождаетъ неравенство и несвободу. Въ рабской организаціи древняго міра владѣніе было все, трудъ ничто. Гражданское общество состав-

ляли только владѣющіе классы, рабочіе классы стояли внѣ его. Съ владѣніемъ были соединены всѣ права, какъ политическія, такъ и гражданскія; трудъ былъ безправенъ. Рабочіе индивидуумы, рабы, въ правовомъ отношеніи были вещи, они приравнивались къ рабочему скоту; не только рабочая сила, но и самая личность раба были предметомъ собственности. Но такое положеніе труда вполнѣ гармонировало съ правовыми воззрѣніями античной цивилизаціи. Рабство признавалось необходимостью, вытекающею изъ законовъ природы. Единственно достойными свободнаго гражданина занятіями считались: политика, наука, искусство и война. Въ средніе вѣка рабское состояніе труда постепенно замѣняется болѣе мягкими и разнообразными формами крѣпостничества и расчлененіе общества на привилегированные и подчиненные классы находится въ такомъ же полномъ соотвѣтствіи съ правовыми идеями эпохи, какъ это имѣло мѣсто въ древнемъ мірѣ. Крѣпостные пользуются нѣкоторыми гражданскими правами, но политическія права находятся исключительно въ рукахъ класса поземельныхъ собственниковъ и, въ этомъ отношеніи, послѣдніе имѣютъ большое сходство съ свободными гражданами древности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ въ античной цивилизаціи, такъ и въ средніе вѣка, физическій трудъ, промышленныя занятія считаются дѣломъ унизительнымъ, долею нисшихъ классовъ. Новое время провозгласило, что трудъ есть обязанность и высшая задача человѣка; политическая экономія доказала, что онъ есть важнѣйшій факторъ въ созданіи цѣнностей,—творецъ національнаго богатства. Такимъ образомъ, новое время, въ идеѣ, воздаетъ труду почетъ, возводитъ его на пьедесталъ; въ дѣйствительности же классы общества, исполняющіе самое бо̀льшее количество труда, и притомъ самаго тяжелаго, занимаютъ низшую ступень въ общественной лѣстницѣ и едва добываютъ себѣ необходимыя средства существованія,—противорѣчіе между соціальными идеалами и практикою, указанное еще Сенъ-Симономъ въ его извѣстной «Parabole politique».

Это противорѣчіе хозяйственнаго развитія съ общимъ принципомъ культурнаго развитія, составляющее характеристическую черту современнаго соціальнаго строя, есть причина многихъ

важныхъ явленій общественной жизни *). Прежде всего въ немъ заключается корень такъ называемаго *«соціальнаго вопроса»*. Оно есть причина, почему ни одна эпоха не можетъ сравниться съ нашей по господству *лицемѣрія* и *фразы*. У всѣхъ на языкѣ свобода и равенство правъ, и какъ часто подъ прикрытіемъ этихъ громкихъ словъ защищаются и проводятся порядки и мѣры, противныя смыслу этихъ словъ. Имъ обусловливаются *соціальная рознь и постоянное броженіе въ обществѣ*. Оно объясняетъ намъ, почему экономическій порядокъ новѣйшаго либеральнаго государства, основанный на свободной конкурренціи, не просуществовавъ столѣтія, *потерялъ уже свой кредитъ въ наукѣ и начинаетъ терять его въ практикѣ* **). Третье сословіе исполнило важную роль въ исторіи развитія человѣчества. Въ борьбѣ за улучшеніе своего соціальнаго положенія, ему пришлось выставить противъ привилегированныхъ классовъ идею свободы и равенства правъ людей. Но общественные порядки, посредствомъ которыхъ думали осуществить эту идею, оказались недостигающими цѣли. Свобода конкурренціи оказалась лишь свободою для сильныхъ; вмѣсто осуществленія равенства правъ, она стала сильнѣйшимъ источникомъ фактическихъ привилегій. Между тѣмъ идеи свободы и равенства крѣпко засѣли въ сознаніи современнаго общества; изъ нихъ исходитъ устройство новѣйшаго либеральнаго государства; проведеніе ихъ въ жизнь составляетъ существенный интересъ четвертаго сословія, политическая сила котораго быстро возрастаетъ. *Такимъ образомъ, продолженіе дѣла, начатаго, но неоконченнаго, третьимъ сословіемъ, является исторической необходимостью.*

§ 2. Подробное изслѣдованіе причинъ указаннаго нами противорѣчія въ соціальномъ строѣ, изслѣдованіе путей для устра-

*) О коллизіи между принципами, положенными въ законъ 19-го февраля 1861 г., имѣющій значеніе исходнаго пункта новѣйшей исторіи Россіи, и формами русской общественной жизни см. замѣчательную статью проф. Градовскаго. (Русск. Рѣчь. Мартъ. 1879 г.).

**) Въ этомъ отношеніи мотивы послѣдняго таможеннаго закона Бисмарка заслуживаютъ большаго вниманія.—Между прочимъ, президентъ Имперской канцеляріи, министръ Гофманъ, возражая на нападки оппозиціонной партіи, заявилъ, что правительство ничего не имѣетъ противъ стремленій соціалъ-демократіи, а вооружилось противъ соціалъ-демократовъ только изъ политическихъ причинъ, такъ какъ тѣ прибѣгали къ такимъ средствамъ, которыя несовмѣстны съ существованіемъ государства и порядка.

ненія или смягченія его составляютъ одну изъ главныхъ темъ современной экономической литературы. Тему эту разрабатываютъ какъ экономисты реалистической школы, такъ и соціалистическая литература. Прежде чѣмъ идти дальше, умѣстно теперь же выяснить: въ чемъ заключается различіе между реалистическою школою и соціалистическимъ направленіемъ, или, иначе говоря, — каково отношеніе реалистической школы къ соціалистической литературѣ.

Что касается воззрѣній на условія, породившія «*либеральный*» экономическій порядокъ, на сущность его, на причины заключающихся въ немъ противорѣчій, реалистическая школа и соціалистическое направленіе въ главныхъ основаніяхъ согласны. Это суть тѣ условія и причины, которыя изложены нами выше. По вопросу же о способахъ разрѣшенія противорѣчій современнаго общественнаго порядка, большинство представителей реалистической школы противопоставляютъ себя соціалистическому направленію. Чтобы уразумѣть съ точностью это противопоставленіе надо сдѣлать нѣкоторыя поясненія. *Слѣдуетъ строго различать взглядъ на основныя черты соціалистической организаціи, какъ на общественный порядокъ, къ которому идетъ человѣчество, но для осуществленія котораго въ настоящее время еще нѣтъ въ наличности требуемыхъ условій, отъ взгляда на нее, какъ на общественный порядокъ, примѣненіе котораго, уже при современныхъ интеллектуальныхъ, моральныхъ и соціальныхъ условіяхъ, было бы возможно и благотворно.* Всѣ представители реалистическаго направленія единодушно отвергаютъ второй взглядъ; въ отношеніе же перваго мнѣнія ихъ разнообразны. Тѣмъ не менѣе, все разнообразіе мнѣній экономистовъ реалистической школы на счетъ соціализма, какъ будущей организаціи народнаго хозяйства, можетъ быть сведено къ слѣдующимъ воззрѣніямъ трехъ видныхъ представителей школы: Шмоллера, Альберта Ланге и Адольфа Вагнера.

«Въ чемъ должна заключаться соціальная реформа? спрашиваетъ Шмоллеръ. Что должна она осуществить? Она состоитъ въ возстановленіи дружественныхъ отношеній между общественными классами, въ устраненіи или смягченіи неправды, въ бо́льшемъ приближеніи къ принципу равноправія и справедливости, въ уста-

новленіи соціальнаго законодательства, двигающаго прогрессъ и обезпечивающаго нравственное и матеріальное возвышеніе низшихъ и среднихъ классовъ.

«Какъ осуществится эта цѣль во всѣхъ ея подробностяхъ—врядъ ли можно предсказать съ полною достовѣрностью. Въ томъ-то и заключается безуміе соціалистовъ, что они воображаютъ, будто могутъ уже въ настоящее время предъявлять готовые планы будущаго, что они требуютъ работы по этимъ планамъ; между тѣмъ, какъ исторія учитъ насъ, что всѣ глубокія перемѣны въ хозяйственномъ и соціальномъ расчлененіи общества произошли посредствомъ огромнаго числа самихъ по себѣ незначительныхъ перемѣнъ въ обычаяхъ и правовой жизни народовъ.... такъ что на измѣненія какихъ требуетъ самый умѣренный соціализмъ пойдутъ не десятки, а сотни лѣтъ. Въ каждомъ сужденіи объ общественныхъ формахъ организаціи будущаго заключается и сужденіе о будущности техники, а также и сужденіе о психологически-нравственной жизни будущихъ поколѣній. А умозаключеніе объ этихъ двухъ факторахъ во всѣхъ смыслахъ не можетъ претендовать на точность». *).

«Великій соціальный переворотъ, предвидимый Марксомъ,—говоритъ Ланге,—разсматриваемый ближе, могъ бы вполнѣ благотворно осуществиться лишь какъ слѣдствіе очень многихъ маленькихъ шаговъ впередъ и какъ результатъ борьбы въ теченіе длиннаго періода времени, борьбы въ формахъ то мирныхъ, то бурныхъ. Многія мѣры для разрѣшенія рабочаго вопроса, которыя порождаетъ эта борьба, разсматриваемыя порознь, далеко не достаточны для достиженія великой цѣли, но, взятыя въ совокупности, играютъ очень существенную роль» **).

«Наше время, говоритъ Вагнеръ, безъ сомнѣнія приближается къ соціалистической цѣли. Переходъ каждой новой отрасли производства и хозяйства въ руки государства—какъ напр. средствъ сообщенія—есть этапъ на пути къ этой цѣли. Только вслѣдствіе непониманія дѣла противники соціализма могутъ отрицать это. Заблужденіе же соціалистовъ заключается въ томъ, что они же-

*) См. Jahrbüch. f. Nation. Oec. u. Statist. 1874 г. Ueber einige Grundfragen d. Rechts u. d. Volkswirt, s. 313.

**) Die Arbeiterfrage, s. 349.

лаютъ произвести вмѣсто постепеннаго историческаго развитія внезапный переворотъ путемъ государственнаго и правоваго принужденія, и, вмѣсто съуженія системы частнаго хозяйства и частнаго капитала, полное устраненіе обоихъ черезъ установленіе общественнаго хозяйства и общественнаго капитала. А мы видѣли выше, что это является и недостижимымъ и нежелательнымъ на неизмѣримое время впередъ» *).

Приблизительно такія же воззрѣнія высказаны въ сочиненіяхъ Scheel'я **) и Schäffle ***).

Изъ предшествующаго изложенія очевидно слѣдуетъ, что реалистическая школа расходится, *въ цѣломъ и рѣзко,* лишь съ тѣмъ соціалистическимъ направленіемъ, которое полагаетъ возможнымъ немедленное, или, покрайней мѣрѣ, не въ далекомъ будущемъ, осуществленіе соціалистической организаціи. Но такая незрѣлая мысль совершенно чужда самымъ авторитетнымъ соціалистическимъ писателямъ, каковы: Родбертусъ, Марксъ, Лассаль, Дюрингъ, и потому нельзя провести принципіальнаго различія между *научнымъ* соціализмомъ и реалистическою школою ****).

Самый могучій авторитетъ соціализма, Карлъ Марксъ, полагаетъ возможнымъ осуществленіе главныхъ основаній соціализма *лишь тогда*, когда капиталистическія отношенія такъ глубоко расчленятъ общество на два класса:—незначительный, сравнительно съ населеніемъ, классъ капиталистовъ и объединенный, организованный самимъ механизмомъ капиталистическаго производства, неимущій рабочій классъ,—что трудъ откажется выносить далѣе свою капиталистическую оболочку и она разрывается *****). На той же страницѣ, въ примѣчаніи, говорится: «Прогрессъ промышленности, невольнымъ орудіемъ котораго служитъ бур-

---

*) Lehrb. d. Polit. Oecon. 1876. 1-ter Th. s. 555.

**) Die Theorie d. Socialen Frage. 1871.

***) Die Quintessenz d. Socialismus. 1878.

****) Научнымъ соціализмомъ мы называемъ тотъ, который выводитъ и обосновываетъ соціалистическую организацію народнаго хозяйства изъ „условій развитія человѣчества". Въ этомъ именно заключается отличіе его отъ *идеалистическаго* соціализма и коммунизма Сенъ-Симона, Оуэна, Фурье, и *насильственнаго* соціализма, полагающаго возможнымъ осуществленіе соціалистической организаціи *въ любое время, при всякихъ условіяхъ*, лишь бы власть досталась въ руки соціалистовъ-революціонеровъ.

*****) Капиталъ, стр. 650.

жуазія, ставитъ на мѣсто изолированія работниковъ конкурренціей— ихъ революціонное объединеніе ассоціаціей. Слѣдовательно, съ развитіемъ крупной промышленности, буржуазія теряетъ подъ ногами почву, на которой она производитъ и присвоиваетъ себѣ продуктъ. Поэтому, прежде всего, она роетъ свою собственную могилу. Паденіе ея и побѣда пролетаріата равно неизбѣжны.... Изъ всѣхъ классовъ, которые въ настоящую минуту противополагаются буржуазіи, только пролетаріатъ представляетъ собою дѣйствительно революціонный классъ. Прочіе классы погибаютъ вмѣстѣ съ крупной промышленностью, пролетаріатъ же есть ея собственный продуктъ.... Среднее сословіе, мелкіе промышленники, мелкіе торговцы, ремесленники, крестьяне,—всѣ они борятся съ буржуазіей, чтобы сохранить свое существованіе, какъ средняго сословія.... всѣ они реакціонны, такъ какъ стараются поворотить назадъ колесо исторіи.»

Несомнѣнно, что прогрессъ техники ведетъ къ непрерывному расширенію крупнаго производства и тѣмъ самымъ къ исчезновенію мелкой промышленности. Но какова будетъ дальнѣйшая форма развитія крупной промышленности — представитъ ли она, какъ въ настоящее время, постоянно возрастающую концентрацію средствъ производства въ рукахъ капиталистовъ, или станетъ на ассоціаціонный путь — рѣшеніе этого вопроса невозможно. Приведенное воззрѣніе Маркса представляетъ не болѣе какъ логическій выводъ изъ фактовъ современнаго развитія капиталистической организаціи, покоющейся на свободной конкурренціи. Но измѣните законы въ смыслѣ противодѣйствія концентраціи средствъ производства въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ и содѣйствія развитію ассоціаціонныхъ формъ, и ходъ народнаго хозяйства, расчлененіе общественныхъ классовъ приметъ не то направленіе, какое указываетъ Марксъ. Множество явленій современной дѣйствительности, каковы напримѣръ: — возрастающее въ западной Европѣ объединеніе, самосознаніе и политическое значеніе рабочихъ классовъ, далѣе, распространяющееся уясненіе природы свободной конкурренціи, усиливающееся сознаніе противорѣчія между современною экономическою организаціею и признанными правами человѣка, даютъ основаніе надѣяться на близкую реформу въ смыслѣ расширенія сферы государственнаго хозяйства,

содѣйствія образованію и развитію ассоціаціонныхъ формъ производства и осуществленія болѣе равномѣрнаго распредѣленія благъ культуры.

Но какой бы путь ни приняло народное хозяйство въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, очевидно, что, и съ точки зрѣнія Маркса, образованіе условій, необходимыхъ для осуществленія основныхъ принциповъ соціалистическаго порядка, требуетъ значительнаго времени. Сколь значительное время потребуется для перехода «реакціонныхъ» мелкихъ промышленниковъ, ремесленниковъ, крестьянъ въ пролетаріевъ, можно судить по даннымъ о распредѣленіи населенія въ хозяйственномъ отношеніи. Первое, что важно знать, это распредѣленіе населенія на дающихъ работу и берущихъ работу. Точныя данныя по этому вопросу представляютъ цензы французскій и прусскій. Во Франціи хозяевъ 44,6%, получающихъ работу 55,4% всего населенія. Въ Пруссіи первыхъ 36,8, вторыхъ 63,2. Далѣе, во Франціи 51,2% принадлежитъ къ населенію, занимающемуся сельскимъ хозяйствомъ, и изъ этого числа 53% суть хозяева и 47% работниковъ. Правда, изъ 10 милліоновъ французскихъ поземельныхъ собственниковъ, 5 милліоновъ владѣютъ столь небольшими участками (parcelles), что, вмѣстѣ съ воздѣлываніемъ собственной земли, прибѣгаютъ также къ обработкѣ чужой, въ качествѣ фермеровъ, половниковъ или же поденщиковъ (послѣднихъ до одного милліона). Но, за исключеніемъ и этихъ миніатюрныхъ поземельныхъ собственниковъ, остается еще весьма внушительная цифра вполнѣ самостоятельныхъ собственниковъ, изъ коихъ, притомъ, крупныхъ собственниковъ (съ поземельною собственностью свыше 50 гектаровъ) считается всего около 25 тысячъ человѣкъ. Въ Пруссіи, какъ мы видѣли, хозяева составляютъ 36,8%, работники и прислуга 63,2% всего населенія. Почти такое же отношеніе существуетъ здѣсь между хозяевами и работниками въ сельско-хозяйственной промышленности. Въ остальныхъ континентальныхъ европейскихъ государствахъ крупная промышленность достигла пока еще меньшаго развитія, не говоря уже о Россіи, государствѣ по преимуществу крестьянскомъ и гдѣ на 80 милліоновъ населенія приходится только *одинъ* милліонъ фабричныхъ и заводскихъ работниковъ. Одна Великобританія представляетъ собою такое государ-

ство, гдѣ нѣтъ крестьянскаго класса и мелкія формы хозяйства ничтожны сравнительно съ крупною промышленностью.

Другой замѣчательный ученый и агитаторъ рабочаго движенія, Лассаль, котораго историко-юридическія изслѣдованія и факты современной дѣйствительности привели къ убѣжденію, что европейскій міръ стоитъ теперь предъ рѣшеніемъ вопроса объ устраненіи частной собственности на рабочую силу человѣка, что̀, по его мнѣнію, можетъ быть достигнуто лишь организаціею экономическаго порядка на базисѣ «общественнаго капитала» и распредѣленія продуктовъ въ размѣрѣ участія каждаго въ производствѣ, полагаетъ, однако, что на осуществленіе этой цѣли потребуется работа нѣсколькихъ поколѣній. Съ цѣлью содѣйствія рѣшенію въ этомъ смыслѣ «соціальнаго вопроса», имъ были предложены производительныя ассоціаціи съ государственнымъ кредитомъ, которыя, по его мысли, «*имѣютъ значеніе переходной мѣры,* органическаго зерна, неудержимо стремящагося къ дальнѣйшему развитію и долженствующаго выработать изъ себя это рѣшеніе» *).

Примѣчаніе. Важно замѣтить, что организація производительныхъ ассоціацій пользуется въ настоящее время одобреніемъ даже со стороны Манчестерцевъ. Но исходя изъ принципа невмѣшательства государства, они представляютъ образованіе и развитіе ассоціацій исключительно собственнымъ силамъ рабочихъ, что̀, при современномъ скудномъ заработкѣ и, главное, при настоящемъ развитіи крупнаго производства, очевидно обращается въ химеру; а потому сочувствіе Манчестерцевъ принципу ассоціаціи невольно вызываетъ мысль или о непониманіи экономическихъ явленій или о лицемѣріи съ ихъ стороны. Образованіе производительныхъ ассоціацій съ помощью государства логически вытекаетъ изъ принциповъ экономической политики реалистической школы. Вопросъ сводится лишь къ конкретнымъ формамъ примѣненія этой важной мѣры.

Разсуждая безпристрастно, говоритъ Дюрингъ, тому, кто жилъ въ обществѣ, основанномъ преимущественно на рабствѣ, наемный трудъ долженъ былъ казаться самой опасной на практикѣ системой. Она дѣлаетъ человѣка отвѣтственнымъ за самаго себя, но вмѣсто того, чтобы надѣлить его средствами для самостоятельнаго попеченія о себѣ, ставитъ его въ зависимость отъ не имъ созданной случайности заработка. Впослѣдствіи привычка къ этому состоянію притупила способность замѣчать его противорѣчія. Но если бы вопросъ о введеніи наемнаго труда былъ

*) Capital und Arbeit. s. 211.

поднять только теперь, то нашлось бы много людей, которые взялись бы доказать, къ выгодѣ чистаго рабства, что положеніе наемнаго рабочаго, которому нельзя гарантировать даже примѣненія его труда, заключаетъ въ себѣ опасность для общества, и что вся наемная система представляетъ утопію, которая неустойчива даже теоретически, а тѣмъ болѣе въ грубыхъ столкновеніяхъ житейской практики. Въ извѣстномъ смыслѣ на сторонѣ такихъ людей была бы правда, потому что, въ самомъ дѣлѣ, наемный трудъ неустойчивъ. Вслѣдствіе неустойчивости системы наемнаго труда, господство ея, въ сравненіи съ долгой эпохой рабства и крѣпостной зависимости, представится сравнительно краткой переходной фазой. Въ одномъ случаѣ дѣло шло о рядѣ тысячелѣтій, въ другомъ о нѣсколькихъ столѣтіяхъ. Исторія поучаетъ насъ, что и формы угнетенія, осуществляемыя ею, могутъ быть устойчивыми только тогда, когда имѣютъ за себя, по крайней мѣрѣ, относительную логичность. Но всемірно-историческіе повороты отъ одной устойчивой системы къ другой (въ данномъ случаѣ къ *соціалистической*, или, какъ называетъ ее Дюрингъ, *соціалитарной*) всегда совершаются при посредствѣ *промежуточныхъ образованій, представляющихъ собою смѣшеніе различныхъ принциповъ* *).

Приведенныя мѣста изъ сочиненій Маркса, Лассаля и Дюринга убѣдительно подтверждаютъ высказанное нами положеніе, что между реалистическою школою и научнымъ соціализмомъ нельзя провести рѣзкую границу. Какъ реалистическое, такъ и научно-соціалистическое направленія не признаютъ *абсолютности* какого бы то ни было общественнаго порядка. Оба одинаково смотрятъ на причины, породившія существующій въ западной Европѣ экономическій и политическій строй,—на сущность его и на характеръ принциповъ, къ осуществленію которыхъ идетъ европейское общество. Въ частностяхъ, оба направленія признаютъ формы пріобрѣтенія собственности и формы владѣнія капиталомъ *историческими*, а не *логическими* категоріями, а слѣдовательно, постоянно измѣняющимися съ измѣненіемъ условій ихъ

*) Cursus d. National-und Socialökonomie. Funfter Ab., drittes Capit., § 11. 1873 г.

вызвавшихъ. Оба направленія одинаково признаютъ, что отдѣленіе собственности отъ труда, вытекающее изъ современной капиталистической организаціи, составляетъ самую глубокую причину соціальнаго неустройства и противорѣчій между правовыми понятіями и дѣйствительностью, что оно есть центральный пунктъ «соціальнаго вопроса» и, въ тоже время, оба направленія солидарны въ томъ, что приведеніе собственности въ возможно полное соотвѣтствіе съ трудомъ не можетъ быть сдѣлано разомъ, а что эта великая и трудная задача можетъ быть рѣшена только трудомъ многихъ поколѣній и цѣлымъ рядомъ одна другую дополняющихъ реформъ *). Вопросъ о томъ, какія реформы ведутъ

*) Воззрѣнія Маркса на ближайшій ходъ развитія народнаго хозяйства вовсе не такъ мрачны, какъ онѣ могутъ представиться изъ рисуемой имъ картины постояннаго возрастанія пролетаріата. Достаточно указать на предвидимыя имъ свѣтлыя стороны поступательнаго развитія фабричнаго законодательства, долженствующаго оказать рабочимъ классамъ, въ „переходную“ эпоху, громадныя услуги въ дѣлѣ возвышенія ихъ матеріальнаго благосостоянія и умственнаго развитія (см. Капиталъ, т. 1. стр. 423—442).

Въ апрѣльской книжкѣ Вѣстника Европы, за нынѣшій годъ, г. Анненковъ разсказываетъ разговоръ Маркса съ коммунистомъ Вейтлингомъ, только-что прибывшимъ въ Парижъ изъ Германіи въ качествѣ эмигранта. Изъ этого разговора видно съ какою ненавистью относился всегда Марксъ къ безплодной агитаціи, не имѣющей за себя твердой опоры въ условіяхъ дѣйствительности, агитаціи для осуществленія цѣлей которой еще не назрѣли необходимые соціальные элементы. Разсказъ г. Анненкова такъ характеристиченъ, что мы позволимъ себѣ сдѣлать изъ него небольшое извлеченіе.

Въ 1846 году г Анненковъ посѣтилъ въ Парижѣ Маркса и получилъ отъ него приглашеніе на совѣщаніе, которое должно было состояться на другой день вечеромъ съ Вейтлингомъ, оставившимъ за собой въ Германіи довольно большую партію работниковъ. Совѣщаніе назначалось для того, чтобы опредѣлить, по возможности, общій образъ дѣйствій между руководителями рабочаго движенія. „Собравшись и отрекомендовавшись другъ другу, мы сѣли за небольшой зеленый столикъ, на одномъ узкомъ концѣ котораго помѣстился Марксъ, взявъ карандашъ въ руки и склонивъ свою львиную голову на листъ бумаги, между тѣмъ какъ неразлучный его спутникъ и сотоварищъ по пропагандѣ, высокій, прямой, по англійски важный и серьезный, Энгельсъ открывалъ засѣданіе рѣчью. Онъ говорилъ въ ней о необходимости между людьми, посвятившими себя дѣлу преобразованія труда, объяснить взаимныя свои воззрѣнія и установить одну общую доктрину, которая могла бы служить знаменемъ для всѣхъ послѣдователей, не имѣющихъ времени или возможности заниматься теоретическими вопросами. Энгельсъ еще не кончилъ рѣчи, когда Марксъ, поднявъ голову, обратился прямо къ Вейтлингу съ вопросомъ: „Скажите же намъ, Вейтлингъ, вы, которые такъ много надѣлали шума въ Германіи своими коммунистическими проповѣдями и привлекли къ себѣ столькихъ работниковъ, лишивъ ихъ мѣстъ и куска хлѣба, какими основаніями оправдываете вы свою революціонную и соціальную дѣятельность и на чемъ думаете утвер-

къ цѣли и своевременны, выходитъ изъ предѣловъ теоретической науки, а относится къ области приложенія научныхъ началъ къ пространственнымъ и временнымъ условіямъ жизни. Въ этой сферѣ профессоръ Вагнеръ можетъ быть солидаренъ съ Лассадить ее въ будущемъ?" Вейтлингъ, видимо, хотѣлъ удержать совѣщаніе на общихъ мѣстахъ либеральнаго разглагольствованія. Онъ сталъ объяснять, что цѣлью его было не созндать новыя экономическія теоріи, а принять тѣ, которыя всего способнѣе, какъ показалъ опытъ во Франціи, открыть рабочимъ глаза на ужасъ ихъ положенія, на всѣ несправедливости, которыя, по отношенію къ нимъ, сдѣлались лозунгомъ правителей и обществъ, научить ихъ не вѣрить уже никакимъ обѣщаніямъ со стороны послѣднихъ и надѣяться только на себя, устраиваясь въ демократическія и коммунистическія общины... Вейтлингъ говорилъ много, часто не ясно и, вѣроятно, говорилъ бы и еще далѣе, если бы Марксъ, съ гнѣвно-стиснутыми бровями, не прервалъ его и не началъ своего возраженія. Сущность саркастической его рѣчи заключалось въ томъ, что возбуждать населеніе, не давая ему никакихъ твердыхъ, продуманныхъ основаній для дѣятельности, значило просто обманывать его. Возбужденіе фантастическихъ надеждъ ведетъ только къ гибели, а не къ спасенію страдающихъ. Особенно въ Германіи обращаться къ работнику безъ строго-научной идеи и положительнаго ученія равносильно съ пустой и безчестной игрой въ проповѣдники, при которой, съ одной стороны, полагается вдохновенный пророкъ, а съ другой — допускаются только ослы, слушающіе его разинувъ ротъ.... Въ цивилизованной землѣ, какъ Германія, люди безъ положительной доктрины ничего не могутъ сдѣлать, да и ничего не сдѣлали до сихъ поръ, кромѣ шума, вредныхъ вспышекъ и гибели самаго дѣла, за которое принялись. Краска выступила на блѣдныхъ щекахъ Вейтлинга. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ сталъ онъ доказывать, что человѣкъ, собравшій сотни людей во имя идеи справедливости, солидарности и братской другъ другу помощи подъ одно знамя, не можетъ назваться совсѣмъ пустымъ и праднымъ человѣкомъ, что онъ, Вейтлингъ, утѣшается отъ сегодняшнихъ нападковъ воспоминаніемъ о тѣхъ сотняхъ писемъ и заявленій благодарности, которыя получилъ со всѣхъ сторонъ своего отечества, и что, можетъ быть, скромная подготовительная его работа важнѣе для общаго дѣла, чѣмъ критика и кабинетные анализы доктринъ, вдали отъ страдающаго свѣта и бѣдствій народа. При послѣднихъ словахъ взбѣшеный окончательно Марксъ ударилъ кулакомъ по столу такъ сильно, что зазвенѣла и зашаталась лампа на столѣ и вскочилъ съ мѣста, проговоривъ:—„Ни когда еще невѣжество никому не помогло!" Мы послѣдовали его примѣру и тоже вышли изъ-за стола. Засѣданіе кончилось, и покуда Марксъ ходилъ взадъ и впередъ въ необычайномъ гнѣвномъ раздраженіи по комнатѣ, я на-скоро распрощался съ нимъ и съ его собесѣдниками и ушелъ домой, пораженный всѣмъ мною видѣннымъ и слышаннымъ".

Нашимъ русскимъ соціалъ-демократамъ, агитирующимъ въ народѣ коммунистическую революцію, превратно понявшимъ ученіе Маркса и потому полагающимъ, что оно солидарно съ ихъ дѣятельностью, не мѣшало бы внимательно продумать этотъ весьма характерный разсказъ г. Анненкова. Продумавъ его, они, можетъ быть, пришли бы къ убѣжденію, что Марксъ могъ бы и къ нимъ обратиться съ слѣдующею рѣчью: „Скажите же намъ вы, русскіе агитаторы коммунистической революціи, завлекшіе своими проповѣдями значительное

лемъ и расходиться съ профессоромъ Брентано *). Лишь по одному вопросу, и притомъ не имѣющему для настоящаго времени практическаго значенія и для рѣшенія котораго нѣтъ достаточныхъ данныхъ, существуетъ нѣкоторое различіе между воззрѣніями большинства представителей реалистической школы и научнымъ соціализмомъ. Послѣдній полагаетъ, что соціальный міръ идетъ къ организаціи народнаго хозяйства, которая совершенно вытѣснитъ форму частнаго капитала,—мысль, въ которой большинство представителей реалистической школы видятъ претензію опредѣлять слишкомъ подробно формы будущаго общественнаго порядка. Реалистическая школа стоитъ уже теперь за расширеніе размѣровъ государственнаго и ассоціаціоннаго хозяйствъ, выводитъ, изъ дѣйствій силъ конкурренціи, что эти двѣ формы хозяйствъ неизбѣжно будутъ расширяться; но представится ли цѣлесообразнымъ совершенное вытѣсненіе формъ частнаго хозяйства,—рѣшеніе этого вопроса, по ея мнѣнію, возможно было бы лишь тогда, еслибы мы могли знать орудія производства и психически-нравственную жизнь, удаленныхъ отъ насъ на значительное время, будущихъ поколѣній.

Въ виду тожества научнаго фундамента реалистической школы и научнаго соціализма, единства взгляда на смыслъ реформъ, вызываемыхъ современными соціальными противорѣчіями, Манчестерцы имѣли полное основаніе назвать представителей реалистической школы «Katheder-socialisten».

Выяснивъ отношеніе реалистической школы къ научному соціализму, намъ остается, для полноты обрисовки послѣдняго, указать — какую организацію въ главныхъ чертахъ приняло бы народное хозяйство съ осуществленіемъ основнаго принципа со-

---

число простыхъ людей, крестьянъ, фабричныхъ, солдатъ, неопытныхъ юношей и тѣмъ погубивъ ихъ жизнь, которую они влачатъ въ рудникахъ Сибири, какія общественные элементы дали вамъ основаніе расчитывать на успѣхъ дѣла? Неужели вы не понимаете, что возбужденіе фантастическихъ надеждъ ведетъ только къ гибели, а не къ спасенію страдающихъ, и силы ваши, вмѣсто того, чтобы быть приложенными къ полезной, цѣлесообразной дѣятельности, погибаютъ даромъ?"

*) Вагнеръ настаиваетъ *особенно* на широкомъ вмѣшательствѣ государства въ народное хозяйство (см. его Lehrbuch d. Politischen Oeconomie. 1876).

Брентано ожидаетъ благихъ послѣдствій *по преимуществу* отъ организаціи рабочихъ союзовъ (см. Das Arbeitsverhältniss. 1877 г.).

ціализма, заключающагося въ замѣнѣ экономическаго порядка, основаннаго на частномъ капиталѣ и конкурренціи, экономическимъ порядкомъ съ коллективной организаціей труда и распредѣленіемъ продуктовъ по количеству труда каждаго производителя. Только ознакомившись съ этою организаціею, можно ясно понять: *безъ наличности какихъ соціальныхъ условій осуществленіе соціализма дѣлается или невозможнымъ, или противорѣчащимъ развитію культуры, а также—какое значительное время потребуется для образованія этихъ условій*. Только профаны въ соціологіи и мало знакомые съ дѣйствительною жизнію фантазеры могутъ считать возможнымъ осуществленіе въ любое время соціалистическихъ идеаловъ. Къ сожалѣнію, такой взглядъ на соціализмъ, — какъ на систему, выполненіе которой зависитъ только отъ воли правящихъ классовъ, — весьма распространенъ въ западно-европейскихъ рабочихъ классахъ и между полуобразованными агитаторами. Лучшимъ средствомъ борьбы съ этимъ заблужденіемъ, говоритъ Шеффле, есть распространеніе идей научнаго соціализма. Распространеніе этихъ идей онъ считаетъ важнѣйшимъ дѣломъ людей науки. Этимъ только путемъ, а не глумленіемъ надъ соціализмомъ, умышленнымъ искаженіемъ его, толкованіемъ его вкривь и вкось, вслѣдствіе незнакомства съ нимъ, могутъ быть подавлены различныя невѣжественныя и опасныя пристройки къ нему *).

§ 3. Основной экономическій принципъ современнаго соціализма заключается въ организаціи общественнаго производства на базисѣ коллективнаго капитала и въ распредѣленіи продуктовъ по количеству труда каждаго производителя.

Въ настоящее время каждый владѣющій капиталомъ даетъ ему то или другое производительное назначеніе *по своему усмо-*

*) Мы убѣждаемся ежедневно, говоритъ Шеффле, какое безчисленное количество ложныхъ представленій о соціализмѣ существуетъ въ средѣ имущихъ и образованныхъ классовъ и въ прессѣ. Весьма часто приходится слышать и читать, что „соціалистическая система отрицаетъ собственность“, или что она имѣетъ цѣлью „періодическое раздѣленіе имуществъ“, или что она „уничтожаетъ капиталъ“ и т. п. вздоръ; и соціалистическая пресса съ полнымъ правомъ бичуетъ эти ложныя представленія, какъ „плоское невѣжество или умышленное искаженіе“. Публицисты часто съ благороднымъ негодованіемъ доказываютъ „неизмѣримое безуміе“ соціализма, какъ стремящагося къ уничтоженію капитала, не понимая, что, въ этомъ случаѣ, они борятся не съ соціализмомъ, а съ вѣтряными мельницами. Die Quintessenz d. Socialismus. s. I. 18. 20. 56.

трудомъ, мотивированному исключительно желаніемъ получить наибольшую прибыль отъ предпріятія. По соціалистической схемѣ, средства производства (капиталъ) составляютъ общественную собственность и устанавливается общественная организація труда, выполняемая въ планомѣрной и солидарной дѣятельности громаднаго числа небольшихъ хозяйственныхъ общинъ. Принципомъ такого общественнаго порядка является уже не частный интересъ лица, ассоціаціи или общины, а сознаніе взаимности интересовъ и взаимной помощи какъ частей цѣлому, такъ и цѣлаго частямъ. Собраніе данныхъ о количествѣ потребностей на каждый родъ предметовъ и приведеніе удовлетворенія потребностей въ соотвѣтствіе съ наличными рабочими силами возлагается на общины и оффиціальныя статистическія учрежденія. Общины свидѣтельствуютъ количество труда, исполненнаго каждымъ изъ членовъ, чѣмъ и опредѣляется сумма продуктовъ, причитающаяся лицу. Вознагражденіе нематеріальнаго труда (судей, общественныхъ агентовъ, учителей, ученыхъ, художниковъ и пр.) опредѣляется обществомъ по принципамъ заслуги и пользы. Возможные, особенно въ земледѣльческой промышленности, недостатокъ или излишекъ дѣйствительнаго дохода сравнительно съ нуждами каждаго періода, опредѣляющими планъ производства, уравниваются посредствомъ общественныхъ запасовъ. Съ установленіемъ *коллективнаго владѣнія капиталомъ и общественной организаціи труда* сами собою исчезаютъ: частныя промышленныя предпріятія, классы капиталистовъ и наемныхъ рабочихъ и всевозможныя ренты. Изъ національнаго продукта одна часть назначается для удовлетворенія государственныхъ нуждъ и вознагражденія общественныхъ агентовъ, другая — для содержанія разныхъ полезныхъ общественныхъ учрежденій и, наконецъ, остающаяся часть распредѣляется между гражданами, по количеству исполненнаго каждымъ изъ нихъ труда.

Очевидно, вся программа соціализма совершенно противорѣчитъ весьма распространенному мнѣнію о немъ, какъ о періодическомъ раздѣлѣ частныхъ имуществъ.

Изложенное представляетъ фундаментъ соціализма. Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію примѣненій *основнаго принципа* къ отдѣльнымъ главнымъ категоріямъ народнаго хозяйства: къ по-

требностямъ, производству, обмѣну, кредиту, доходу, потребленію и образованію частнаго имущества.

Первый вопросъ каждой экономической организаціи заключается въ исчисленіи количества и рода потребностей общества. Въ современной частно-хозяйственной системѣ размѣръ требованій, могущихъ быть предъявленными каждымъ отдѣльнымъ лицомъ на продукты общественнаго труда, обусловливается находящейся въ его распоряженіи покупательной силою, распредѣленіе которой опредѣляется различными условіями и совершенно чуждо классификаціи потребностей общества по степени большей или меньшей ихъ настоятельности. Далѣе, производство ведется не на основаніи точнаго знанія спроса на предметы, а въ значительной степени на удачу, что и порождаетъ частыя банкротства. Но, рядомъ съ этими недостатками частно-хозяйственной системы, послѣдняя заключаетъ въ себѣ ту хорошую сторону, что представляетъ полную свободу въ выборѣ предметовъ для удовлетворенія потребностей, разъ только имѣются у лица средства для покупки желаемыхъ имъ предметовъ. Какія бы великія блага ни сулилъ соціализмъ, но если онъ не имѣетъ въ виду или не въ состояніи примѣнить на практикѣ свободное заявленіе и удовлетвореніе потребностей, онъ долженъ отказаться отъ надежды видѣть себя когда-либо осуществленнымъ. Свобода опредѣленія и удовлетворенія своихъ потребностей есть безспорно важнѣйшая сторона свободы вообще. При опредѣленіи потребностей и способовъ ихъ удовлетворенія *извнѣ,* у каждаго будетъ отнята возможность жить и развиваться сообразно своей индивидуальности. Поэтому одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, съ которымъ мы обращаемся къ соціалистической схемѣ, есть вопросъ о томъ: допускаетъ ли она индивидуальную свободу опредѣленія потребностей?

Уничтоженіе частныхъ промышленныхъ предпріятій и спекулятивной торговли ничуть не имѣетъ своимъ слѣдствіемъ устраненіе свободы опредѣленія потребностей. Общественно-организованное производство можетъ столь же полно осуществить свободу удовлетворенія потребностей, путемъ ежедневнаго, еженедѣльнаго, мѣсячнаго, годоваго и вообще періодическаго собранія статистическихъ свѣдѣній, какъ это осуществляется въ частно-хозяй-

ственной системѣ посредствомъ заявленія каждымъ спроса на рынкѣ. Но здѣсь представляется новый вопросъ:—чѣмъ будетъ ограничено заявляемое лицомъ требованіе на различныя продукты? Изъ изложеннаго мы знаемъ, что въ соціалистической системѣ распредѣленіе продуктовъ національнаго труда между гражданами обусловливается количествомъ исполненнаго каждымъ изъ нихъ рабочаго времени. Но, очевидно, одного этого элемента не достаточно для опредѣленія количества предметовъ, причитающагося на долю каждаго отдѣльнаго лица; необходимо знать еще количество труда, заключающееся въ предметахъ, на которые лицомъ заявлено требованіе. Только при наличности этихъ двухъ данныхъ можно установить равновѣсіе между заявленными требованіями и удовлетвореніемъ ихъ. Слѣдовательно: *первое техническое требованіе для возможности осуществленія соціалистическаго народнаго хозяйства заключается въ опредѣленіи количества труда, заключеннаго въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ, производимомъ національнымъ трудомъ.*

Переходя отъ вопроса объ опредѣленіи потребностей къ организаціи національнаго производства, замѣтимъ, что измѣненіе формъ производства составляетъ центральный пунктъ, опредѣляющій собою всѣ прочія стороны соціалистическаго порядка. Вмѣсто самоопредѣляющагося, въ настоящее время, частнаго капитала выступаетъ общественно-организованное производство, оперирующее коллективнымъ капиталомъ.

Въ современномъ хозяйствѣ организаторомъ производства являются хозяева промышленныхъ предпріятій. Руководясь желаніемъ наибольшей прибыли, они опредѣляютъ количество и родъ предметовъ, долженствующихъ быть произведенными трудомъ народа, устанавливаютъ порядокъ и время работъ на фермѣ, внутри мастерской, фабрики, завода, опредѣляютъ техническіе способы производства предметовъ, слѣдятъ за надлежащимъ выполненіемъ работъ и поставляютъ произведенные предметы на рынки. Съ замѣною частнаго капитала коллективнымъ, организація производства становится дѣломъ цѣлой націи, какъ единственнаго собственника капитала. Естественно возникаетъ вопросъ:—какую программу практическихъ мѣръ проектируемъ соціализмъ для организаціи общественнаго производства?

Такой программы мы не находимъ у соціализма. Соціалистическіе писатели ограничиваются пока критикою существующаго порядка и установленіемъ краеугольныхъ камней новаго соціальнаго строя. И причина, заставляющая ихъ воздержаться отъ разработки положительной программы, весьма понятна. Они сознаютъ, что осуществленіе соціалистическаго строя, во всемъ его объемѣ, возможно еще очень не скоро. Должны произойти еще большія измѣненія въ экономической и политической сферахъ, техникѣ, состояніи образованія, понятіяхъ, нравахъ, которыя, по ихъ мнѣнію, подготовятъ почву соціализму. Обсужденіе упомянутой программы можетъ быть основано лишь на тѣхъ жизненныхъ условіяхъ, которыя будутъ на лицо ко времени перехода къ соціалистическому порядку; опредѣлить же, въ настоящее время, въ требуемыхъ деталяхъ, каковы будутъ эти условія—невозможно; почему и самое обсужденіе программы преждевременно. Соціализмъ находится въ настоящее время еще въ первой стадіи своего практическаго развитія. Послѣдователи его, главнымъ образомъ,—городскіе рабочіе и пройдетъ значительное время пока онъ распространится среди сельскихъ работниковъ.

Наиболѣе глубокій изъ соціалистическихъ писателей, Марксъ, ограничивается лишь указаніемъ на общій ходъ развитія европейскаго общества, идущій, по его мнѣнію, неизбѣжно къ осуществленію соціалистическаго порядка, и на основные принципы этого порядка. Мы уже имѣли случай коснуться воззрѣній Маркса по этому предмету. Здѣсь же будетъ умѣстно привести эти его воззрѣнія болѣе подробно.

Современный крупный капиталъ, говоритъ Марксъ, произошелъ и продолжаетъ увеличиваться черезъ уничтоженіе мелкой ремесленной промышленности и крестьянскаго хозяйства. Эти патріархальныя хозяйственныя формы, исключая сосредоточеніе въ большихъ массахъ орудій производства въ рукахъ отдѣльнаго лица, исключаютъ въ то же время и кооперацію, значительное раздѣленіе труда въ данномъ процессѣ производства, господство надъ природою, словомъ, исключаютъ развитіе общественной производительной силы. Въ этомъ недостаткѣ производительности мелкой промышленности заключается причина, почему на извѣстной ступени общественнаго развитія, она начинаетъ исчезать,

уступая свое мѣсто крупному производству. Уничтоженіе мелкой промышленности, обращеніе индивидуальныхъ и разрозненныхъ средствъ производства въ крупныя, общественно-сосредоточенныя,—эта фактическая, законами конкурренціи порождаемая экспропріація земли и орудій труда у народа образуетъ первоначальную исторію современнаго крупнаго капитала. Коль скоро этотъ процессъ превращенія и въ глубину и въ ширину достаточно разложилъ старое общество, коль скоро прежніе самостоятельные ремесленники и крестьяне превращены въ пролетаріевъ, а ихъ орудія производства въ новѣйшій крупный капиталъ, наступаетъ борьба капиталовъ между собою; крупные капиталы побиваютъ—во второй ступени развитія—мелкіе капиталы. Рука объ руку съ этимъ сосредоточеніемъ капиталовъ развивается *все въ большихъ и большихъ размѣрахъ* внутри частнаго капитала *кооперативная (общественная)* форма труда, сознательное технологическое приложеніе науки, усовершенствованная эксплоатація земли, превращеніе орудій труда въ такія, которыя могутъ прилагаться только сообща и вслѣдствіе всего этого высшее экономизированіе труда. Вмѣстѣ съ постоянно уменьшающимся *относительнымъ* числомъ магнатовъ капитала, которые монополизируютъ всѣ выгоды этого процесса превращенія, увеличивается соціальная пропасть между имущими и неимущими классами, усиливаются ощущенія бѣдности, эксплоатаціи, униженія и, какъ слѣдствіе, растутъ ропотъ и протесты рабочаго класса, который постоянно увеличивается и постоянно обучается, *объединяется и организуется самимъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства*. Антагонизмъ общественныхъ отношеній, развившихся на капиталистической почвѣ, достигаетъ крайняго напряженія. Сосредоточеніе средствъ производства и *кооперативная* организація труда достигаютъ такихъ крупныхъ размѣровъ, что они не могутъ далѣе выносить свои капиталистическую оболочку. Бьетъ часъ капиталистической частной собственности. Реализуются новыя основанія соціальнаго строя. Капиталистическій процессъ производства и присвоенія есть отрицаніе частной собственности, основанной на трудѣ. Отрицаніе капиталистическаго производства производится имъ же самимъ съ неизбѣжностью естественнаго процесса. Снова возстанавливается собственность на

принципъ труда, но уже на основаніи пріобрѣтеній капиталистической эры, именно на основаніи коопераціи свободныхъ работниковъ и ихъ общиннаго владѣнія землею и средствами производства, произведенными самими работниками*).

Предсказать въ настоящее время, говоритъ Дюрингъ, всю обстановку и обстоятельства, при какихъ совершится преобразованіе хозяйственныхъ формъ, соціальная наука не можетъ по самой природѣ изслѣдуемыхъ ею фактовъ. Истиннымъ остается только то основное положеніе, что подобное состояніе дѣлъ можетъ наступить не ранѣе того времени, когда вмѣсто современнаго господства капитала надъ трудомъ послѣдній поставитъ капиталъ подъ свое распоряженіе и декретируетъ условія перехода къ новымъ хозяйственнымъ формамъ. Въ какое положеніе будетъ поставленъ въ переходное время прежній классъ капиталистовъ, въ настоящее время усмотрѣть невозможно; но, очевидно, это будетъ зависѣть отъ характера борьбы, предшествующей переходному времени. Юго-американскіе рабовладѣльцы не получили никакого вознагражденія при уничтоженіи ихъ права собственности на людей. Побѣдившій коллективизмъ, уже по природѣ совершаемаго имъ дѣла, долженъ поступить иначе, нежели американскій союзъ, ибо основный принципъ, который онъ несетъ съ собою, состоитъ въ обезпеченіи всесторонняго существованія каждаго члена общества; а потому, въ переходное время, онъ долженъ будетъ принять во вниманіе многія традиціонныя особенности класса землевладѣльцевъ и капиталистовъ и ради гуманности сдѣлать для нихъ временныя уступки**).

Вопросъ о *правѣ* перехода къ новому порядку вещей не представляетъ для соціалистическихъ писателей ни малѣйшаго сомнѣнія. Они говорятъ:—Буржуа *имѣетъ право на то, что онъ пріобрѣлъ при существующемъ капиталистическомъ промышленномъ строѣ, и пріобрѣтенное будетъ въ той или другой формѣ цѣнности сохранено за нимъ, какъ фондъ для потребленія;* но странно было бы съ его стороны предъявлять притязаніе на сохраненіе на вѣчныя времена выгодныхъ для него и убыточныхъ для народа промышленныхъ формъ. Реали-

*) Капиталъ, стр. 648—650.

**) Cursus d. National-und Socialoeconomie. s. 381. 1873.

зація новаго соціальнаго строя совершится въ силу исторической необходимости и съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ буржуазія уничтожила феодальный строй и провозгласила новыя права личности и народа.

Вернемся къ вопросу о важнѣйшихъ чертахъ соціалистическаго идеала народнаго хозяйства, вытекающихъ какъ логическіе результаты изъ принципа коллективнаго капитала и распредѣленія продуктовъ по количеству труда *).

Соціалистическое государство должно представить собою федерацію общинъ различныхъ размѣровъ, автономныя права коихъ должны быть сгармонированы съ общими интересами государственной жизни. Каждая община владѣетъ самостоятельно, въ размѣрѣ ея автономныхъ правъ, частью національнаго капитала и удовлетворяетъ *непосредственно большую часть своихъ потребностей*.

Переходъ изъ одной общины въ другую въ принципѣ объявляется свободнымъ и ограниченія этого перехода, если таковыя окажутся нужными, опредѣляются общими законами государства.

Такое представленіе соціализмомъ строя будущаго государства находится въ самой тѣснѣйшей, даже болѣе, въ безусловно-необходимой связи съ его экономическою схемою. Только при широкой политической и экономической автономіи общинъ возможно осуществленіе основнаго соціалистическаго принципа. Никакой центральный органъ не въ состояніи выполнить громадную задачу управленія національнымъ хозяйствомъ, не говоря уже о томъ, что, при управленіи національнымъ хозяйствомъ, *изъ центра*, общественная жизнь приняла бы казарменный характеръ въ полномъ значеніи этого слова. На сколько, при такомъ руководительствѣ, нарушена была бы личная свобода, видно уже изъ одного того, что правительству пришлось бы опредѣлять для каждаго мѣсто жительства, родъ труда, переходы съ одного мѣста въ другое, перемѣны въ промышленныхъ занятіяхъ и т. п. И потому, если соціализмъ можетъ когда либо осуществиться, то лишь только при широ-

*) О примѣненіи основныхъ принциповъ соціализма къ различнымъ хозяйственнымъ категоріямъ см. кн. Шеффле—Die Quintessenz d. Socialismus. 1878.

комъ проведеніи въ жизнь федеративнаго начала. Отсюда само собою слѣдуетъ, что, *прежде реализаціи въ сколько-нибудь значительномъ объемѣ соціалистической схемы, необходимо организовать автономныя хозяйственныя общины, которыя непосредственнымъ трудомъ удовлетворяли бы значительнѣйшую часть своихъ потребностей.* Въ такой организаціи необходимо соединить въ общинѣ земледѣліе съ промышленностію обработывающею, которыя производили бы большую часть нужныхъ для членовъ общины предметовъ. Отсюда видно, *какое продолжительное время потребуется для выполненія подготовительныхъ мѣръ, въ направленіи децентрализаціи народнаго хозяйства, къ осуществленію соціалистической схемы.* Въ виду этого сами соціалистическіе писатели, какъ мы уже говорили, признаютъ необходимость переходнаго времени, въ теченіи котораго принципы коллективизма, осуществляясь постепенно, дѣйствовали бы рядомъ съ системою конкурренціонныхъ, индивидуальныхъ хозяйствъ.

Нельзя не согласиться, что устроенныя вышеуказаннымъ образомъ общины были бы въ состояніи, безъ затрудненій, исчислить роды и количества предметовъ, требуемыхъ индивидуальными потребностями членовъ, опредѣлить количество рабочей силы, нужной для производства различныхъ продуктовъ, и установить равновѣсіе между этими двумя *факторами*. Самая организація труда, будучи свободнымъ рѣшеніемъ воли общины, не представила бы такихъ затрудненій, которыя нельзя было бы преодолѣть иначе какъ нарушивъ индивидуальность и чувство справедливости членовъ *). Истину говоритъ Милль, что соціализмъ, какъ общественная система, существуетъ пока только въ идеѣ, что для насъ теперь гораздо виднѣе его затрудненія, чѣмъ его средства къ ихъ устраненію, и что человѣческій умъ только начинаетъ придумывать способы организовать его въ подробностяхъ такъ, чтобы побѣдить затрудненія и извлечь наибольшую выгоду изъ представляемыхъ имъ средствъ **). Далѣе, весьма важно не упускать изъ виду, что эти затрудненія бу-

*) См. описаніе американскихъ общинъ въ соч. Нордгофа. Communistic Societies of the United States. 1875.

**) Основ. Пол. Эк. Т. I, стр. 254.

дутъ болѣе и болѣе уменьшаться по мѣрѣ замѣны ремесленнаго и вообще ручнаго труда машиннымъ трудомъ. *Машины уравниваютъ обстановку работъ и требуютъ столь ничтожной технической подготовки, что перемѣна занятій становится дѣломъ удобовыполнимымъ.* Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ соціалистическая система устраняетъ наемную домашнюю прислугу, то можно надѣяться, что совершатся самыя капитальныя реформы въ области домашней кухни, чистки бѣлья, освѣщенія, отопленія. Исполненіе работъ, лежащихъ въ настоящее время на домашней прислугѣ, должно облегчиться частію чрезъ химическія и механическія изобрѣтенія, частью чрезъ различныя ассоціаціонныя учрежденія. Эта область труда, вслѣдствіе дешевизны домашней прислуги, почти не тронута новѣйшимъ техническимъ прогрессомъ и соціализмъ считаетъ своею важнѣйшею задачею произвести въ ней существенныя усовершенствованія.

Съ точки зрѣнія современныхъ нравовъ и привычекъ организація труда представляетъ соціализму самую трудную задачу. Здѣсь ему нужно преодолѣть наибольшее число затрудненій. Совсѣмъ другое слѣдуетъ сказать о весьма распространенномъ мнѣніи, видящемъ слабую сторону соціалистической системы въ недостаточности заключающихся въ ней мотивовъ къ производительности труда. Указываютъ на малую успѣшность современныхъ правительственныхъ промышленныхъ предпріятій и утверждаютъ, что такая нехозяйственность станетъ общимъ фактомъ при соціалистической организаціи народнаго хозяйства. Это возраженіе предполагаетъ, что добросовѣстный и успѣшный трудъ можетъ получаться лишь отъ людей, которые сами лично пользуются плодами своихъ усилій, и если, въ настоящее время, работники не заинтересованы въ результатахъ своего труда, то за ними наблюдаютъ, ихъ трудомъ управляютъ люди, имѣющіе личный интересъ. Но на это возраженіе соціалисты справедливо замѣчаютъ, что правительственныя промышленныя предпріятія и промышленныя предпріятія въ соціалистической организаціи не имѣютъ въ отношеніи мотивовъ производительности труда ничего общаго. Управляющіе и рабочіе на государственныхъ фабрикахъ не имѣютъ, конечно, никакого частнаго интереса производить наиболѣе хозяйственнымъ образомъ. Они получаютъ отъ государ-

ства жалованье и совершенно не заинтересованы въ результатахъ труда. Совершенно другое въ соціалистической организаціи, *гдѣ каждый получитъ тѣмъ болѣе дохода, чѣмъ успѣшнѣе будутъ работать онъ самъ и его товарищи.* Если въ настоящее время за рабочими наблюдаетъ хозяинъ промышленнаго предпріятія, то на соціалистической фермѣ или фабрикѣ каждый работникъ трудится подъ контролемъ не одного хозяина, а всѣхъ членовъ ассоціаціи. И потому несомнѣнно, соціалистическій трудъ былъ бы несравненно производительнѣе современнаго наемнаго труда, который вовсе не имѣетъ личнаго интереса въ результатахъ труда и контроль надъ которымъ не можетъ быть такъ непрерывенъ и вліятеленъ, какъ контроль взаимно заинтересованныхъ сотрудниковъ. Далѣе, нельзя не вспомнить глубокаго замѣчанія Милля по поводу разбираемаго имъ вопроса о сравнительной производительности нынѣшняго наемнаго труда и труда общиннаго *). «Если коммунистическій трудъ, говоритъ Милль, и былъ бы менѣе энергиченъ, чѣмъ трудъ поселянина-собственника, или ремесленника, работающаго на свой собственный счетъ, то, вѣроятно, онъ былъ бы энергичнѣе, чѣмъ трудъ наемнаго работника. При нынѣшнемъ положеніи общества самый яркій фактъ составляетъ небрежность невоспитанныхъ классовъ наемныхъ работниковъ въ исполненіи принятыхъ на себя обязанностей. А по коммунистическому плану предполагается, что непремѣнно всѣ должны получать воспитаніе; при этомъ же условіи члены ассоціаціи несомнѣнно будутъ исполнять свои обязанности столь же прилежно, какъ исполняются онѣ большинствомъ наемныхъ служащихъ средняго и высшаго сословія; а эти служащіе не имѣютъ такой репутаціи, будто бы они становятся недобросовѣстными отъ того, что, пока не удалены отъ службы, получаютъ одинаковое опредѣленное жалованье, какъ бы небрежно не исполняли свою обязанность. Конечно, говоря вообще, вознагражденіе посредствомъ опредѣленнаго жалованья не развиваетъ ни въ какомъ классѣ служащихъ усердія до наивысшей возможной степени, и развѣ только это, а никакъ не больше, можно

*) Замѣтимъ, что коммунистическая организація, въ которой продукты дѣлятся по-ровну, уступаетъ, по силѣ возбужденія къ труду, соціалистической организаціи, гдѣ доходъ каждаго опредѣляется исполненнымъ имъ трудомъ.

сказать противъ общиннаго труда. Но можно ли сказать, что онъ непремѣнно будетъ подверженъ хотя этому недостатку? Это вовсе не такъ несомнѣнно, какъ полагаютъ люди, мало привыкшіе думать о положеніяхъ дѣлъ, различныхъ отъ привычнаго имъ порядка. Люди способны проникаться общественнымъ духомъ гораздо въ большей степени, чѣмъ привыкли предполагать въ нынѣшнее время. Исторія свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ, съ которымъ многочисленныя человѣческія общества могутъ привыкать къ тому, чтобы считать общественную выгоду своею собственною. Общинная ассоціація была бы самою выгодною почвою для развитія этого чувства, потому что все честолюбіе, вся физическая и умственная дѣятельность, которыя теперь заняты заботами о частныхъ личныхъ выгодахъ, стали бы искать тогда занятія въ другой сферѣ и естественно нашли бы его въ заботахъ объ общей пользѣ ассоціаціи. При общинности гражданинъ былъ бы связанъ съ общиною тою же самою причиною, которой такъ часто объясняли преданность католическаго священника или монаха интересамъ его сословія; онъ не имѣлъ бы интересовъ, различныхъ отъ общаго интереса. Независимо отъ сочувствія общей пользѣ, каждый членъ ассоціаціи подчинялся бы вліянію самаго всеобщаго и едва ли не самаго сильнаго изъ личныхъ побужденій — вліянію общественнаго мнѣнія. Никто не станетъ оспаривать, что это побужденіе съ очень большою силою удерживаетъ насъ отъ поступковъ, положительно порицаемыхъ обществомъ. Соревнованіе также возбуждаетъ къ самымъ энергическимъ усиліямъ для пріобрѣтенія похвалы и удивленія другихъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ опытъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ люди публично состязаются между собою, хотя бы даже предметъ состязанія былъ пустъ и безполезенъ для общества. Соціалисты вовсе не отвергаютъ соперничества, состоящаго въ состязаніи о томъ, кто сдѣлаетъ больше для общаго блага. Такимъ образомъ, много ли уменьшилась бы общинностію энергія труда, да и подверглась ли бы она какому-нибудь уменьшенію въ общей сложности,—этотъ вопросъ долженъ считаться еще неразрѣшеннымъ въ настоящее время *).»

*) Основ. Пол. Эк. Т. 1. стр. 253.

Принципъ соціализма противорѣчитъ не только частной собственности на *орудія производства*, но также всякому частному владѣнію, служащему источникомъ дохода, то есть всему современному *процентному кредиту, найму, арендамъ*.

Что въ соціалистической организаціи нѣтъ мѣста частному кредиту, вызываемому потребностями производства, это само собою слѣдуетъ изъ установленія коллективнаго капитала, устраняющаго условія для возникновенія частныхъ предпріятій. Что же касается потребительнаго кредита и отдачи предметовъ въ временное пользованіе, то эти услуги могутъ совершаться лишь безвозмездно, ибо всякое вознагражденіе за нихъ, какъ противорѣчащее нравственнымъ понятіямъ соціализма, признающимъ трудъ единственно правильнымъ источникомъ дохода, будетъ воспрещено закономъ и преслѣдоваться общественнымъ мнѣніемъ. Государственный кредитъ также исчезаетъ, такъ какъ выполненіе всѣхъ потребностей государства войдетъ въ общественную организацію труда и распредѣленія.

Организація торговли, обусловливаемая всегда данными порядками производства и распредѣленія, естественно должна принять въ соціалистическомъ народномъ хозяйствѣ иныя, сравнительно съ настоящимъ, формы. Изъ самаго устройства самостоятельныхъ общинныхъ хозяйствъ вытекаетъ, что торговля, какъ совершенно отдѣльная, обособленная операція, значительно уменьшится въ размѣрахъ; *поле дѣятельности ея будетъ самое тѣсное*. И это потому, что мѣновыя отношенія между сосѣдними общинами будутъ входить въ кругъ дѣятельности этихъ общинъ. Въ то же время серія общинъ извѣстнаго района будетъ производить для себя почти всѣ предметы потребленія. Торговля, какъ обособленная операція, станетъ необходимою только для снабженія общинъ тѣми предметами, которые, по климатическимъ или другимъ естественнымъ причинамъ, добываются лишь въ извѣстной странѣ или мѣстности. Для выполненія торговли, какъ обособленной операціи, предполагается учрежденіе центральнаго Бюро, которое будетъ получать отъ каждой общины свѣденія о родѣ и количествѣ продуктовъ торговли, въ которыхъ она нуждается; далѣе будутъ собраны данныя о количествѣ добытыхъ предметовъ торговли и установленъ реестръ эквивалентовъ для

обмѣнивающихся продуктовъ. Дальнѣйшія обязанности Бюро заключаются: въ распредѣленіи между общинами требуемыхъ ими предметовъ, въ отправкѣ ихъ съ мѣста добыванія или пункта привоза изъ за-границы въ общины, и въ полученіи съ послѣднихъ слѣдуемаго за предметы эквивалента для передачи его по принадлежности. Самая же транспортировка предметовъ торговли можетъ быть исполняема точно также, какъ исполняютъ нынѣ почтовыя учрежденія транспортировку писемъ и посылокъ. И тѣ же хозяйственныя выгоды, какія извлекаются нынѣ отъ учрежденій государственной почты, вмѣсто частной, получатся отъ замѣны массы частныхъ торговцевъ и служащихъ у нихъ людей общественно-организованною торговлею, которая потребуетъ несравненно меньшее число людей и помѣщеній. Дѣятельность лицъ, выполняющихъ торговыя операціи, будетъ имѣть значеніе общественной службы.

Установленіемъ коллективной собственности на *пути сообщенія*, что имѣетъ, въ значительной степени, мѣсто уже и въ настоящее время, не устраняется возможность свободнаго пользованія ими для приватныхъ цѣлей, какъ напримѣръ, путешествій, отправки посылокъ и т. п. Каждый можетъ осуществить это, уплачивая изъ своего трудоваго дохода опредѣленное вознагражденіе за пользованіе государственною собственностью для своего частнаго интереса.

Изъ проектируемыхъ соціализмомъ организаціи производства, обмѣна, торговли и опредѣленія цѣнности предметовъ и личныхъ услугъ, само собою вытекаетъ, что въ соціалистическомъ государствѣ нѣтъ мѣста деньгамъ. Единственное поле ихъ дѣятельности сохранится лишь въ торговыхъ отношеніяхъ съ государствами, гдѣ народное хозяйство зиждется на принципѣ частной собственности на орудія производства.

Въ настоящее время деньги выполняютъ двѣ главныя функціи. Онѣ служатъ *общею мѣрою* цѣнности всѣхъ предметовъ, *универсальнымъ эквивалентомъ* и, какъ слѣдствіе изъ этого, — *общимъ платежнымъ средствомъ*.

По соціалистической схемѣ, мѣрою цѣнности каждаго предмета является *среднее количество труда*, необходимое для его производства. Установленіе цѣнности предметовъ по количеству

заключающагося въ нихъ средняго труда, или, какъ формулируетъ Марксъ, по *общественно-необходимому рабочему времени*, требуемому для ихъ созданія, составляетъ и теоритически и практически краеугольный камень соціализма. Поэтому разсмотримъ подробнѣе эту идею. Коренная причина, порождающая цѣнность предмета, заключается въ необходимости приложить трудъ на его созданіе. Самые необходимѣйшіе предметы, какъ напримѣръ, свѣтъ, солнечная теплота, воздухъ, вода, не требующіе для полученія ихъ труда, не имѣютъ никакой экономической цѣнности. Естественный фактъ, по которому трудъ служитъ причиною цѣнности, есть источникъ происхожденія современнаго правоваго понятія, видящаго въ количествѣ труда самый общій и справедливый критеріумъ для опредѣленія какъ цѣнности предметовъ, такъ и распредѣленія ихъ. Но въ современномъ капиталистическомъ народномъ хозяйствѣ цѣнность предметовъ и распредѣленіе ихъ не находятся въ соотвѣтствіи съ количествомъ труда. И это потому, что на цѣнность предметовъ, рядомъ съ трудомъ, оказываетъ значительное вліяніе процентъ и прибыль на капиталъ, а вознагражденіе за трудъ опредѣляется почти исключительно степенью фактическаго господства капитала надъ трудомъ. Съ устраненіемъ же частной собственности на орудія производства, становится возможнымъ дать труду значеніе исключительнаго мѣрила цѣнностей и вознагражденія. Но трудъ бываетъ болѣе и менѣе энергичный. Далѣе, могутъ быть различны и орудія производства, которыми созданы предметы одного и того же рода. А потому одинаковые предметы могутъ быть результатомъ различныхъ количествъ труда. Отсюда является необходимость опредѣлить *средній, нормальный* для даннаго общества трудъ и *общеупотребительные*, въ данное время, въ данномъ обществѣ, техническіе способы и орудія производства. Количество этого средняго труда, пользующагося общеупотребительными техническими способами и орудіями производства, необходимое для созданія того или другого предмета, и есть, по ученію соціалистовъ, то «*общественно-необходимое рабочее время*», которое должно опредѣлять цѣнность предметовъ и размѣръ вознагражденія работниковъ. Такъ, напримѣръ, если для производства 1,000 четвертей пшеницы требуется 9,000 нор-

мальныхъ рабочихъ дней, то каждая четверть будетъ служить эквивалентомъ всѣхъ предметовъ, требующихъ для своего созданія 9 рабочихъ дней.

Такимъ образомъ, трудъ, получая въ соціалистической схемѣ значеніе универсальнаго измѣрителя цѣнностей, тѣмъ самымъ становится и общимъ платежнымъ средствомъ; а слѣдовательно замѣняется и вторая функція денегъ.

Шеффле, разбирая этотъ пунктъ соціалистическаго ученія, полагаетъ, что соціалистическому строю, въ интересѣ возможно бо́льшей свободы выбора занятій, необходимо дополнить указанную нами организацію измѣренія цѣнностей и вознагражденія элементомъ спроса и предложенія *).

Предшествующее изложеніе показываетъ, что, въ отношеніи организаціи производства, опредѣленія цѣнностей предметовъ и обмѣна, соціалистическая организація не имѣетъ ничего общаго, какъ по существу, такъ и по вытекающимъ изъ нея слѣдствіямъ, съ современною частно-хозяйственною системою. Спекулятивный частный капиталъ, конкурренція, рынокъ и биржа, рыночныя цѣны и курсъ, современная торговля, деньги, процентный кредитъ, наемъ, аренды, равно какъ всѣ настоящія формы частныхъ доходовъ (рабочая плата, прибыль, процентъ, земельная и домовая ренты), — всѣ эти характеристическія черты новѣйшаго народнаго хозяйства несовмѣстимы съ соціалистическимъ принципомъ производства и обмѣна цѣнностей и, по убѣжденію соціалистовъ, должны постепенно исчезнуть въ качествѣ «*побѣжденныхъ историческихъ категорій*». Соціалистическій строй представляетъ совершенно новый соціальный міръ, который, какъ справедливо замѣчаетъ Шеффле, при первомъ знакомствѣ съ нимъ, не легко даже и представить себѣ. Коллективное производство въ большихъ размѣрахъ съ глубокимъ техническимъ раздѣленіемъ труда было бы единственное, что́ изъ настоящаго порядка перешло бы въ соціалистическій строй, какъ зрѣлый плодъ развитаго «капитализма», и даже должно было бы обнять собою всѣ отрасли труда и получить, такимъ образомъ, всеобщее примѣненіе.

---

*) См. Die Quintes. d. Socialism. S. 47 u. W.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о потребленіи цѣнностей въ соціалистической организаціи.

Выше было уже нѣсколько разъ указано, что соціалистическій строй обусловливаетъ всѣ частные доходы исключительно трудомъ. Распредѣленіе продуктовъ совершается какъ ликвидація сертификатовъ объ исполненномъ трудѣ. За вычетомъ изъ частнаго дохода извѣстной доли на государственныя и общественныя нужды, остальной части дохода лицо можетъ дать слѣдующія назначенія:

1) потребленіе на себя,

2) сбереженіе (накопленіе имущества),

3) отдача другому съ условіемъ возвращенія и

4) подарокъ частному лицу или пожертвованіе на общественныя цѣли.

Касательно свободы выбора предметовъ для индивидуальнаго потребленія мы уже говорили, что соціалистическая схема ничуть не препятствуетъ организаціи производства, соотвѣтствующей свободному опредѣленію гражданами своихъ потребностей.

Накопленіе частной собственности путемъ сбереженій вполнѣ совмѣстно съ принципомъ соціализма. Мы обращаемъ вниманіе на это обстоятельство въ виду весьма распространеннаго мнѣнія, что соціализмъ отвергаетъ частную собственность. Соціалитическая схема не допускаетъ частной собственности на капиталъ (землю, машины, инструменты, промышленныя зданія, рабочій скотъ и т. д.), но безъ всякихъ ограниченій признаетъ частную собственность на всякое имущество, не имѣющее значенія орудія производства. Шеффле, по поводу распространеннаго невѣрнаго представленія объ отношеніи соціализма къ частной собственности, замѣчаетъ, что пора поближе ознакомиться съ соціалистическимъ ученіемъ, хотя бы уже для того, чтобы отнять у коноводовъ соціалъ-демократіи возможность пользоваться въ своихъ интересахъ этимъ невѣжествомъ общества и прессы и разжигать злобу массъ, представляя имъ ложные взгляды прессы на соціализмъ, какъ инсинуацію, умышленное извращеніе теоріи, съ цѣлью смѣшать ее съ канибальствомъ и тѣмъ занугать общество. Въ равной степени невѣрно, продолжаетъ Шеффле, что принципъ коллективной собственности есть вообще что либо *но-*

вне, чуждое существующему праву; ибо всѣ юридическія лица, начиная отъ государства, церкви, общины и кончая семействомъ, представляютъ обширную область коллективнаго владѣнія. Вопросъ единственно заключается въ томъ:—должны ли средства производства вѣчно оставаться въ частной собственности? И какъ бы его не рѣшали, во всякомъ случаѣ очевидно, что въ поставленномъ вопросѣ дѣло не идетъ ни объ отрицаніи частной собственности вообще, какъ правоваго института, ни объ отрицаніи ея для обширной области предметовъ. Если, не смотря на точно поставленный вопросъ, соціализму приписываютъ вещи, которыхъ онъ самъ чуждается, если подъ соціализмомъ понимаютъ періодически возобновляющійся «*передѣлъ имуществъ*», «*уничтоженіе собственности, капитала*», тогда исчезаетъ всякая возможность сознательнаго обсужденія его и результатомъ является лишь возбужденіе страстей. Такое отношеніе къ вопросу и грустно и опасно. Въ прямомъ интересѣ имущихъ классовъ уяснить себѣ истинную сущность принципа коллективизма и не смѣшивать его съ различными безсвязными пристройками къ нему *).

Также и отрицаніе права наслѣдства никоимъ образомъ не есть логическое слѣдствіе соціалистическаго принципа. Сознательные сторонники этого принципа могутъ съ полнымъ основаніемъ обратиться къ неистовымъ крикунамъ, желающимъ уничтожить наслѣдство съ словами: «Боже, избавь меня отъ моихъ друзей!» Принципъ коллективизма столь же совмѣстенъ съ правомъ наслѣдства, какъ и съ институтомъ частной собственности. Правда, съ устраненіемъ частной собственности на капиталъ и всякаго рода ренты, размѣры наслѣдства сдѣлались бы весьма скромны, а слѣдовательно, *наслѣдственное право не могло бы породить значительныя имущественныя неравенства.*

Возможность и свобода подарковъ и пожертвованій на общественныя цѣли, въ пользу различныхъ общественныхъ союзовъ не находятся ни въ какомъ противорѣчіи съ соціалистическою организаціею. «Устройство на частныя средства, говоритъ Шеффле, обществъ, клубовъ, свободное преслѣдованіе гу-

*) Ibid. S. 62.

манныхъ, научныхъ, религіозныхъ цѣлей, гостепріимство могутъ вполнѣ удобно осуществиться въ соціалистическомъ строѣ» *).

Такова сущность важнѣйшихъ экономическихъ категорій, вытекающихъ изъ соціалистическаго принципа. Въ заключеніе два слова объ отношеніи соціализма къ семьѣ и религіи.

Научный соціализмъ не имѣетъ ничего общаго съ нелѣпыми ученіями о неорганизованномъ общеніи половъ. Онъ не только не требуетъ уничтоженія замкнутой семейной жизни, а стремится возвысить ее чрезъ устраненіе имущественныхъ мотивовъ къ браку и установленіе равномѣрности образованія обоихъ половъ.

Хотя соціалъ-демократія оффиціально объявляетъ религію дѣломъ совѣсти каждаго, но многіе ея органы проповѣдуютъ на различныя варіаціи ученіе: «нѣтъ загробнаго міра, напрягайте всѣ ваши силы и страсти на достиженіе матеріальнаго благосостоянія въ этомъ мірѣ». Очевидно это ученіе не находится ни въ малѣйшей связи съ соціалистическимъ принципомъ; лучшимъ доказательствомъ тому служитъ существованіе въ Германіи *«клерикальнаго соціализма»*. Далѣе, не лишнее будетъ замѣтить, что, уже не говоря о безумномъ и фактически неосуществимомъ желаніи нѣкоторыхъ соціалъ-демократическихъ органовъ отмѣны религіи посредствомъ клочка бумаги, по примѣру первой французской революціи: такая отмѣна была бы самымъ грубымъ насиліемъ надъ свободою личности, ради которой выступаетъ соціализмъ,—но и самое распространеніе анти-религіозныхъ идей среди неразвитой массы не можетъ принести хорошіе плоды ни для кого, а тѣмъ менѣе для соціализма. Къ счастью, проповѣдь анти-религіозныхъ идей, равно какъ и пропаганда агитаторскимъ, карикатурнымъ соціализмомъ многихъ другихъ *анти-культурныхъ* ученій—какъ, напримѣръ, установленіе соціалистическаго строя *разомъ во всемъ его объемѣ* и *при любыхъ соціальныхъ условіяхъ,* пренебреженіе къ искусству, отвлеченной наукѣ—суть только безсвязныя пристройки къ научному соціализму; и въ интересѣ сознательныхъ соціалистовъ бороться противъ этихъ пристроекъ и тѣмъ способствовать уясненію и покойному обсуж-

*) Ibid. S. 57.

денію основныхъ принциповъ соціализма. Для покойнаго обсужденія принциповъ соціализма важно никогда не упускать изъ виду, что *«соціалъ-демократія»* есть политическая партія, а *соціализмъ*—научная теорія, выводящая изъ фактовъ *прошлаго* и *настоящаго* главныя черты общественнаго строя, къ которому, по ея мнѣнію, идетъ европейское общество. Соціализмъ не отвѣчаетъ за всѣ нелѣпости соціалъ-демократіи. И самая цѣлесообразная борьба съ этими нелѣпостями, это—распространеніе доктринъ научнаго соціализма.

ГЛАВА IV.

Руководящіе принципы реалистической школы для организаціи народнаго хозяйства.

Изъ предшествующаго изложенія мы видѣли, что свободноконкурренціонная система народнаго хозяйства и соціалистическая организація не имѣютъ между собою ничего общаго. Первая ограничиваетъ общественное хозяйство исключительно защитою права и охраненіемъ безопасности, удовлетвореніе же всѣхъ другихъ потребностей выполняется въ этой системѣ отдѣльными частными хозяйствами, соединенными только рынкомъ; вторая, напротивъ, совершенно устраняетъ частныя промышленныя хозяйства и замѣняетъ ихъ общественнымъ хозяйствомъ.

Реалистическая школа занимаетъ среднее мѣсто между этими двумя системами. По ученію этой школы, организація народнаго хозяйства, при современныхъ техническихъ условіяхъ, нравахъ и понятіяхъ, должна покоиться на трехъ различныхъ принципахъ, которые ведутъ къ тремъ различнымъ хозяйственнымъ системамъ, связаннымъ между собою единствомъ цѣли. Эти системы суть: *частно-хозяйственная*, составляющая до сихъ поръ почти единственное содержаніе курсовъ политической экономіи, *общественная и благотворительная* *). Частно-хозяйственная система, руководящаяся въ созданіи и распредѣленіи цѣнностей личнымъ интересомъ, возможно большею прибылью отъ занятія, не га-

*) Lehrb. d. Polit. Oecon. берлинскаго профессора А. Вагнера, Gesellsch. System d. menschlichen Wirthsch. и Bau und Leben Шеффле представляютъ пока единственныя попытки систематической разработки вопроса объ организаціи народнаго хозяйства по принципамъ реалистической школы.

рантируетъ удовлетворенія самыхъ существенныхъ потребностей индивида и общества, а потому *во всѣхъ такихъ случаяхъ должно выступить общественное хозяйство*. Сверхъ того, созданіе и распредѣленіе тѣхъ цѣнностей, которыя, при настоящихъ условіяхъ, удобнѣе оставить за частно-хозяйственною системою, выполняются этою системою далеко не въ достаточномъ соотвѣтствіи съ общественными интересами, а потому является необходимость *регулированія ея государственною властью*. Далѣе, даже при самой лучшей, вполнѣ отвѣчающей требованіямъ времени и мѣста, комбинаціи системъ частнаго и общественнаго хозяйствъ, нельзя обойтись безъ дополненій ихъ благотворительною хозяйственною системою. Благотворительная система, проявляющаяся въ различнаго рода гуманитарныхъ учрежденіяхъ, представляется въ настоящее время необходимостью для облегченія недостатковъ и пополненія пробѣловъ частно-хозяйственной системы.

Объемъ и характеръ частно-хозяйственной системы, въ каждое данное время, опредѣляется юридическими нормами. Эти юридическія нормы не представляютъ собою чего либо абсолютнаго, неизмѣннаго; напротивъ, онѣ постоянно измѣняются въ исторіи. Абсолютность организаціи народнаго хозяйства на базисѣ свободной конкурренціи можно было защищать лишь въ предположеніи совершенства этой организаціи. Но какъ только это предположеніе оказалось ложнымъ, жизнь продолжаетъ стремиться къ реализаціи болѣе удобнаго, болѣе гармоническаго порядка вещей. Важнѣйшіе историческіе и современные моменты развитія юридическихъ нормъ, опредѣлявшихъ и опредѣляющихъ теперь характеръ какъ народнаго хозяйства вообще, такъ и частно-хозяйственной системы въ отдѣльности суть слѣдующіе:

1) Юридическія нормы о личномъ состояніи. Въ этомъ отношеніи особенно различаются, какъ руководящіе моменты: рабство, крѣпостное состояніе, ленныя отношенія, личная свобода и равенство правъ для всѣхъ индивидовъ.

2) Юридическія нормы въ отношеніи собственности на хозяйственныя цѣнности. Руководящими моментами здѣсь являются: собственность на людей, на рабочую силу человѣка, на извѣстныя дѣйствія человѣка; различія между недвижимыми и дви-

жимыми имуществами; для послѣднихъ, — между имуществами для потребленія и капиталомъ. Далѣе по отношенію къ земельной собственности:—существуетъ ли общественная собственность на землю, или только частная, или совмѣстно та и другая; частная земельная собственность является или ограниченною, какъ это было всюду на раннихъ ступеняхъ развитія народной жизни, или устанавливается *мобилизація* земельной собственности, какъ это совершилось вполнѣ или въ значительной степени въ новѣйшемъ народномъ хозяйствѣ европейскихъ государствъ; далѣе, въ правѣ собственности на землю дѣлаются различія между лѣсами, рудами, полевою землею, водяною поверхностью, дорогами, рыбными ловлями и пр. По отношенію къ частной собственности на капиталы весьма важное значеніе для народнаго хозяйства имѣетъ:—существуютъ ли и именно какія ограниченія свободнаго распоряженія ими чрезъ установленіе, напримѣръ, таксъ, опредѣляющихъ: заработную плату, процентъ, цѣны товаровъ, чрезъ регулированіе отношеній хозяевъ къ рабочимъ, какое господствовало въ средніе вѣка и начинаетъ вступать въ жизнь въ настоящее время и т. д.; или же собственность на капиталы приравнена къ собственности на потребительныя имущества и потому является безграничною, что *въ общемъ* имѣетъ мѣсто въ новѣйшемъ хозяйствѣ. Наконецъ, различія въ законахъ о наслѣдствѣ представляютъ одну изъ существеннѣйшихъ сторонъ развитія имущественнаго права и оказываетъ громадное вліяніе на ходъ народнаго хозяйства.

Вопіющія вредныя слѣдствія новѣйшей частно-хозяйственной системы, вытекающія изъ проведенія въ законодательство принципа неограниченной частной собственности почти на всѣ роды хозяйственныхъ цѣнностей и изъ устраненія государства отъ вмѣшательства въ народное хозяйство, дѣлаютъ необходимымъ, во-первыхъ, ограниченіе области частно-хозяйственной системы общественно-хозяйственною системою и, во-вторыхъ, регулированіе ея государствомъ.

Общественныя хозяйства, по условіямъ ихъ происхожденія, распадаются на два класса: на *добровольныя* и *принудительныя* общественныя хозяйства. Первыя представляютъ свободное соединеніе частныхъ хозяйствъ для достиженія какой либо цѣли

и дѣйствуютъ на основаніи договора. Причиною происхожденія ихъ служитъ мотивъ выгоды, слѣдовательно они, какъ и частныя хозяйства, зиждутся *на личномъ интересѣ;* но здѣсь личный интересъ каждаго члена *солидаренъ* съ интересами всѣхъ прочихъ членовъ общественнаго хозяйства. Цѣли, дѣятельность и соціальное значеніе добровольныхъ общественныхъ хозяйствъ весьма разнообразны. Важнѣйшіе виды ихъ суть: производительныя, кредитныя и потребительныя ассоціаціи, общества взаимнаго страхованія, общества для обезпеченія стариковъ, вдовъ, сиротъ и инвалидовъ, ремесленные и рабочіе союзы. Второй несравненно важнѣйшій классъ общественныхъ хозяйствъ, имѣющій фундаментальное значеніе для организаціи цѣлаго народнаго хозяйства, составляютъ принудительныя общественныя хозяйства. Принудительный характеръ ихъ заключается въ вмѣшательствѣ общественной власти въ сферу отдѣльныхъ хозяйствъ, съ цѣлью заставить ихъ служить интересамъ всего общества. Самый важный субъектъ принудительныхъ общественныхъ хозяйствъ есть государство. Имѣя своею задачею содѣйствовать развитію культуры и благосостоянія, государство принимаетъ на себя удовлетвореніе такихъ общественныхъ потребностей, созданіе и распредѣленіе которыхъ частною и добровольно-общественною хозяйственными системами выполняется неудовлетворительно. Органами веденія принудительно-общественныхъ хозяйствъ являются какъ центральное правительство, такъ и мѣстныя власти въ качествѣ представителей общихъ интересовъ различныхъ пространственныхъ округовъ (община, уѣздъ, губернія, область и пр.).

Школа свободной конкурренціи ограничиваетъ область принудительнаго общественнаго хозяйства учрежденіями для защиты правъ, личной безопасности и политической независимости народа. Такое ограниченіе дѣлается ею на томъ основаніи, что всѣ прочія потребности гражданъ удовлетворяются всего лучше частною и добровольно-общественною системами. Выше былъ уже указанъ крайній оптимизмъ такого воззрѣнія. Частныя хозяйства производятъ только такія цѣнности, продажная цѣна которыхъ можетъ доставить имъ среднюю прибыль на капиталъ; какъ бы не была важна потребность, но если удовлетвореніе ея не можетъ быть оплачено нуждающимися, она останется неудовлетво-

ренною. А потому частно-хозяйственная система не гарантируетъ удовлетвореніе даже такихъ необходимѣйшихъ потребностей, какъ потребности въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, топливѣ, не говоря уже о потребностяхъ въ медицинской помощи, образованіи, средствахъ сообщенія, кредитѣ, страхованіи. Далѣе, эта система неизбѣжно ведетъ къ монополіи промышленныхъ предпріятій и уже въ настоящее время представляетъ многіе примѣры ея, особенно въ области путей сообщенія. Эти недостатки частно-хозяйственной системы вызываютъ необходимость принудительно-общественнаго хозяйства. Принужденіе со стороны государства къ соединенію частныхъ хозяйствъ въ общественное хозяйство является также необходимымъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда достиженіе полезной цѣли, желаемое большинствомъ хозяевъ, не можетъ быть осуществлено по причинѣ несогласія меньшинства сосѣднихъ хозяевъ. Особенно часто подобные случаи встрѣчаются въ земельной собственности, почему въ аграрномъ законодательствѣ всѣхъ государствъ существуютъ болѣе или менѣе обстоятельныя правила, разрѣшающія столкновенія частнаго и общаго интересовъ.

Система принудительныхъ хозяйствъ, выполняемая общественными органами, составляетъ совершенную противоположность частно-хозяйственной системѣ. Средства для веденія первыхъ получаются по преимуществу путемъ налоговъ и обязательныхъ сборовъ и составляютъ общественный капиталъ. Самое распредѣленіе налоговъ между гражданами, по коренному требованію финансовой политики, должно основываться на имущественной состоятельности, чтобы тяжесть платежа налога была возможно равномѣрна для всѣхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, распредѣленіе производимыхъ принудительными хозяйствами цѣнностей между гражданами не находится ни въ какомъ соотвѣтствіи съ размѣромъ платимыхъ каждымъ изъ нихъ налоговъ. Интересы цѣлаго, пополненіе пробѣловъ и недостатковъ частно-хозяйственной системы, распространеніе благъ культуры на всѣ классы общества,—таковы, по ученію реалистической школы, цѣли, долженствующія опредѣлять производительныя и распредѣлительныя функціи принудительно-общественныхъ хозяйствъ. Отсюда слѣдуетъ, что принудительныя общественныя хозяйства, выполняемыя централь-

ными и мѣстными органами, по задачамъ дѣятельности, какъ ихъ понимаетъ реалистическая школа, представляютъ самое крайнее и самое гуманитарное проявленіе общиннаго (коммунистическаго) принципа; ибо въ этихъ хозяйствахъ въ составленіи общественнаго капитала всѣ участвуютъ соразмѣрно имущественнымъ силамъ, а распредѣленіе опредѣляется потребностями.

По важнѣйшему вопросу экономической политики, а именно по вопросу *о правильной комбинаціи трехъ системъ и особенно частно-хозяйственной и принудительно-общественной*, реалистическая школа совершенно справедливо утверждаетъ, что никакая *абсолютно-истинная, «естественная»* комбинація, которая имѣла бы всеобщую годность,—невозможна, такъ какъ природа человѣка и государства, служащихъ причинными моментами для комбинаціи, представляетъ явленіе непрерывно измѣняющееся въ исторіи. Вмѣстѣ съ этими измѣненіями совершается постоянная *перестановка* въ кругѣ дѣйствій частной и общественной хозяйственныхъ системъ, равно какъ и внутри послѣдней между свободными и принудительными хозяйствами; далѣе, внутри принудительной системы: между центральными органами, провинціею, округомъ, общиною, между органами административными и органами самоуправленія; а всѣ эти перестановки влекутъ за собою измѣненія въ полѣ дѣятельности благотворительной системы. Такимъ образомъ, всякая комбинація этихъ трехъ системъ можетъ имѣть лишь временной характеръ и *истинная комбинація* должна заключаться въ томъ, чтобы установить для даннаго народа и времени организацію народнаго хозяйства, при которой производилась бы возможно большая сумма хозяйственныхъ цѣнностей и имѣло бы мѣсто возможно равномѣрное распредѣленіе ихъ. Какой видъ должна принять организація народнаго хозяйства, чтобы осуществить возможно ближе указанныя общія цѣли, можетъ быть рѣшено лишь *чрезъ подробное изслѣдованіе конкретныхъ фактовъ*. Теорія же можетъ установить лишь самыя общія руководящія начала. Начала эти суть слѣдующія:

Общее правило гласитъ: государство должно принимать на себя тѣ дѣйствія къ удовлетворенію потребностей гражданъ, которыя не могутъ выполняться ни частными, ни свободно-обще-

ственными хозяйствами, или были бы выполнены ими не вполнѣ удовлетворительно.

Отсюда слѣдуетъ, что дѣйствія *въ области права и защиты его* должны быть переданы государству, ибо эта область требуетъ *единства*. Обсужденію подлежитъ здѣсь лишь вопросъ объ органахъ примѣненія права (центральныя, административно-мѣстныя, автономныя).

Несравненно болѣе сложный, еще весьма мало разработанный вопросъ представляютъ дѣйствія, принадлежащія къ области осуществленія культуры и цѣлей благосостоянія; эти дѣйствія должны выполняться *совмѣстною дѣятельностью* различныхъ хозяйственныхъ системъ. Государство выступаетъ здѣсь при наличности слѣдующихъ условій: а) если *общія* потребности не удовлетворяются частно-хозяйственнымъ производствомъ или удовлетворяются имъ недостаточно (образованіе, средства сообщенія, кредитъ, страхованіе *); б) если частно-хозяйственное производство не гарантируетъ *непрерывности* въ удовлетвореніи потребности (почта, телеграфъ, пути сообщенія); в) если оно исключаетъ конкурренцію (шоссейныя и желѣзныя дороги и другія виды промышленной исключительности); и наконецъ г) во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда передача производства принудительно-общественной системѣ не сопровождается возрастаніемъ издержекъ производства (напр. акціонерныя хозяйства, не заключающія въ себѣ элементовъ большей производительности сравнительно съ принудительно-общественными хозяйствами). Выгоды такой передачи состоятъ, во-первыхъ, въ томъ, что доходы отъ предпріятій составятъ достояніе всего общества, во-вторыхъ, распредѣленіе можетъ быть устроено такимъ образомъ, что оно распространится и на бѣдные классы.

Расширеніе области принудительно-общественнаго хозяйства составляетъ первое отличіе экономической политики реалистиче-

*) Удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей низшихъ классовъ—пищи, одежды, жилища и пр.—выполняется частною и добровольно-общественною системами также крайне плохо; но реалистическая школа, въ интересѣ большей производительности, считаетъ цѣлесообразнымъ, при настоящихъ условіяхъ, предоставить область производства матеріальныхъ предметовъ, почти всецѣло, частнымъ хозяйствамъ; но, при этомъ, она требуетъ широкаго регулированія и контроля ихъ государствомъ съ цѣлью возможнаго исправленія недостатковъ системы частныхъ хозяйствъ.

ской школы отъ школы свободной конкурренціи. Второе отличіе заключается въ требованіи *регулированія* государствомъ частно-хозяйственной системы, или, что тоже, въ требованіи *измѣненій юридическихъ отношеній* частныхъ хозяйствъ между собою. А такъ какъ юридическія нормы, опредѣляющія въ современныхъ европейскихъ государствахъ взаимныя сношенія частныхъ хозяйствъ, вытекаютъ изъ принципа неограниченной частной собственности, какъ изъ основнаго начала, то требованіе измѣненій экономико-юридическихъ отношеній сводится, главнымъ образомъ, къ требованію измѣненій *въ современномъ институтѣ частной собственности*. Вслѣдствіе этого реалистической школѣ пришлось пересмотрѣть институтъ частной собственности со всѣхъ сторонъ, а именно: въ отношеніи его историческаго развитія, существующихъ ученій о немъ, состоянія его въ современныхъ законодательствахъ и, наконецъ, въ отношеніи необходимыхъ, вызываемыхъ духомъ времени, реформъ въ немъ. Изложимъ вкратцѣ самую суть воззрѣній реалистической школы на институтъ собственности *).

Принципы, изъ-за которыхъ идетъ борьба партій въ современномъ обществѣ, болѣе и болѣе подтверждаютъ слова Токвиля, что западно-европейскія націи неодолимо стремятся къ демократическому устройству. Демократическое устройство требуетъ устраненія всѣхъ общественныхъ учрежденій, порождающихъ неравенство между людьми. Неравенство должно сводиться лишь на природныя различія. Въ политической области демократическій принципъ, по мѣрѣ расширенія избирательныхъ правъ, осуществляется все полнѣе. Въ настоящее время главное вниманіе обращено на дѣло несравненно большей важности по своимъ результатамъ,—на реализацію этого принципа въ экономической

*) См. *Ad. Wagner*. Lehrb. d. Polit. Oecon. Это сочиненіе содержитъ въ себѣ наиболѣе полную систематизацію воззрѣній реалистической школы на институтъ собственности.

Schäffle. Syst. d. menschlichen Wirthsch. und Bau u. Leben.

Lange. Ans. Mills's. u. Arbeiterfrage.

Rösler. Grundlehren d. Smith'schen Volkswirthschaftslehre.

Schmoller. Ueber einige Grundfragen d. Rechts u. d. Volkswirthschaft.

Samter. Gesellschaftliches u. Privat-Eigenthum.

Scheel. Die Theorie d. Socialen Frage.

De Laveleye. De la propriété et de ses formes primitives.

области. Фундаментальная причина, обусловливающая характеръ всего общественнаго устройства, заключается въ *порядкѣ собственности*. Современный порядокъ собственности порождаетъ столь рѣзкое расчлененіе общества на классы, что даетъ право утверждать, что прежнія юридическія запрещенія перехода изъ низшаго сословія въ высшее замѣнились, вообще говоря, фактическими затрудненіями выбраться изъ неимущихъ или малоимущихъ классовъ въ классъ зажиточныхъ собственниковъ. Причемъ, неимущій классъ въ западной Европѣ (пролетаріатъ), опять таки вслѣдствіе существующаго тамъ въ настоящее время порядка собственности, *постоянно возрастаетъ какъ абсолютно, такъ и относительно*. Фактическая *аристократичность* существующаго порядка собственности, противорѣчащая современнымъ правовымъ идеямъ, требующимъ обоснованія собственности на трудѣ, и есть глубочайшая причина, почему требованіе массъ измѣненія порядковъ собственности въ смыслѣ демократическомъ ни въ одной фазѣ исторіи не выступало такъ принципіально, ярко и сознательно, какъ въ исторіи современнаго рабочаго движенія въ западной Европѣ. Уничтожить, остановить это движеніе невозможно; ибо античныя и средневѣковыя воззрѣнія о природномъ различіи людей на рабовъ и господъ, о дворянской и недворянской кости и крови унесены исторіею безвозвратно. «Бывшій рабъ, говоритъ Лавеле, сдѣлался нынѣ гражданиномъ и свободнымъ работникомъ; онъ признанъ политически-равнымъ съ самыми богатыми. Онъ имѣетъ право голоса, входитъ въ парламентъ, можетъ потребовать собственность; какъ же ему противиться, когда современныя философскія и религіозныя понятія вполнѣ его оправдываютъ?» Насильственнымъ или мирнымъ путемъ совершатся измѣненія въ порядкахъ собственности —зависитъ отъ имущихъ классовъ. Непрестанный ходъ реформъ, требуемыхъ духомъ времени, есть единственное средство устранить волненія и революцію. Предсказаніе Дизраэли, раздѣляемое многими, что «соціализмъ, пока только легкій зефиръ, едва волнующій листву, вскорѣ обратится въ неукротимый ураганъ, который ниспровергнетъ все на своемъ пути», исполнится несомнѣнно въ томъ случаѣ, если имущіе классы будутъ противиться необходимымъ и возможнымъ реформамъ, на которыя

имъ указываетъ уже современная наука. Совершеніе имущими классами реформъ, содѣйствующихъ возвышенію матеріальнаго благосостоянія народа, безъ котораго невозможенъ прогрессъ въ умственной и нравственной сферахъ, является ихъ нравственною обязанностью тѣмъ болѣе, что среди этихъ классовъ господствуетъ убѣжденіе, что насильственный захватъ политической власти демосомъ грозитъ всѣмъ пріобрѣтеніямъ цивилизаціи. Уже въ виду одного этого опасенія нравственный долгъ обязываетъ имущіе классы поднять умственное и нравственое состояніе народа; а сдѣлать это невозможно безъ улучшенія его матеріальнаго положенія.

Мы не раздѣляемъ пессимистскаго взгляда, что западная Европа не иначе дойдетъ до порядка, болѣе сообразнаго съ справедливостью и христіанствомъ, какъ черезъ цѣлый рядъ смутъ и неурядицъ, въ виду которыхъ можно бояться гибели многихъ цѣнныхъ плодовъ цивилизаціи. Такой взглядъ не вытекаетъ логически даже и тогда, если смотрѣть на борьбу общественныхъ классовъ за лучшее жизненное положеніе и на порождаемыя этою борьбою измѣненія въ соціальныхъ учрежденіяхъ, какъ на проявленіе одной лишь силы, чуждой всякаго нравственнаго элемента. Уже простой расчетъ предупредить волненія и смуты часто заставляетъ господствующіе классы дѣлать уступки. Исторія Греціи и Рима, средневѣковая исторія Англіи и Италіи и новая исторія всѣхъ западно-европейскихъ государствъ представляютъ тому много примѣровъ. Но далѣе, если и справедливо, что имущественные и политическіе порядки до сихъ поръ были результатомъ борьбы за лучшее жизненное положеніе, тѣмъ не менѣе, для вѣрнаго пониманія жизни человѣчества, важно не упускать изъ виду, что они всегда обосновывались *правовыми* принципами, и слѣдовательно *для сознанія* они имѣли значеніе *не силы, а права*. Христіанскій принципъ равенства людей вступилъ въ борьбу съ правовымъ принципомъ древняго міра, раздѣлявшимъ людей на свободныхъ и рабовъ. Тотъ же христіанскій принципъ, сведенный на практическую почву, выразился въ идеѣ равенства правъ людей, идеѣ, такъ рѣшительно высказанной первою французскою революціею и получившей значеніе основнаго начала современной культуры. Теперь соціальная борьба

идетъ не объ исходномъ принципѣ права, долженствующемъ опредѣлить характеръ общественныхъ учрежденій,—борьба идетъ *о формахъ примѣненія* общепризнаннаго правового принципа и о *своевременности* этихъ формъ. Осуществленіе равенства правъ людей путемъ учрежденій свободной конкурренціи оказалось иллюзіею. Въ наукѣ число представителей этого ученія постоянно уменьшается; въ парламентахъ либеральная партія съ каждымъ днемъ теряетъ свое значеніе. Повсюду усиливается соціалъ-демократическое движеніе, возбуждающее у всякаго образованнаго человѣка вопросъ о причинахъ его. Каталоги выходящихъ книгъ испещрены темами объ экономическихъ реформахъ. «Соціальный вопросъ» сталъ предметомъ серьезнаго обсужденія. Въ виду того общаго вниманія, которое обратили на себя въ наше время экономическіе диссонансы, можно ли сомнѣваться, что новая школа политической экономіи, указывающая съ цифрами въ рукахъ бѣдственные результаты современной свободно-конкурренціонной системы народнаго хозяйства и разъясняющая причины противорѣчія дѣйствительности съ правовыми идеями, окажетъ рѣшительное вліяніе на измѣненіе общественнаго мнѣнія имущихъ классовъ, а намѣченные и непрестанно разработывающіеся ею проекты реформъ сдѣлаются въ непродолжительномъ времени предметомъ серьезнаго обсужденія правительствъ.

Политическая экономія и философія права всегда признавали, что порядки собственности должны служить интересамъ *цѣлаго*, а не интересамъ отдѣльныхъ классовъ. Если основатель политической экономіи горячо защищалъ абсолютную частную собственность и расширеніе ея почти на всѣ предметы національнаго имущества, то только вслѣдствіе убѣжденія, что при такомъ порядкѣ собственности будетъ достигнута наибольшая производительность и наилучшее распредѣленіе. При современномъ состояніи знаній, политическая экономія не можетъ раздѣлять убѣжденіе Ад. Смита и потому, при изслѣдованіи порядковъ собственности, должна отвѣтить на вопросы:—а) необходима ли, при современномъ положеніи дѣлъ, частная собственность для достиженія наибольшей производительности народнаго хозяйства; б) если необходима, то на какія именно категоріи національнаго имущества и нематеріальныхъ цѣнностей (земля, капиталъ,

литературная и артистическая собственность, собственность на открытія и пр.) и в) какой объемъ имущественныхъ правъ долженъ быть предоставленъ разнымъ видамъ собственности, чтобы сглаживать столкновенія между интересами собственниковъ и общественными интересами, всегда требующими ограниченнаго и соединеннаго съ обязанностями права собственности. Всѣ эти вопросы, вмѣстѣ взятые, и составляютъ вопросъ объ оправданіи существованія частной собственности и обоснованіи какъ объема ея дѣйствія, такъ и содержанія ея имущественныхъ правъ.

Что такое право собственности? Римское право опредѣляетъ его слѣдующимъ образомъ: «Dominium est jus utendi et abutendi re sua quatenus juris ratio patitur.» Подъ вліяніемъ римскаго права, дефиниціи собственности въ современныхъ гражданскихъ кодексахъ близко подходятъ къ римскому: всѣ они опредѣляютъ собственность какъ право пользоваться и распоряжаться предметомъ самымъ безусловнымъ образомъ съ тѣмъ только, чтобы не дѣлалось изъ него употребленія, воспрещеннаго законами. И такъ, въ самомъ опредѣленіи права собственности заключается уже нѣкоторое ограниченіе его *безусловности* и основаніемъ ограниченію служитъ *общественный интересъ*. Далѣе, разсматривая отдѣльныя постановленія гражданскихъ кодексовъ относительно собственности, мы видимъ, что они такъ значительно ограничиваютъ ея безусловность, что опредѣленіе собственности, какъ безусловнаго вещнаго права, совершенно не соотвѣтствуетъ ея правамъ въ дѣйствительности. Такъ во всѣхъ законодательствахъ, ради общественнаго интереса, признаны не только право государства на экспропріацію частной собственности, но и гражданская экспропріація собственности, а также обязанность собственниковъ къ положительнымъ дѣйствіямъ въ пользу несобственниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти ограниченія у различныхъ народовъ, въ разное время, и на различные объекты не одинаковы; *почему нельзя говорить о правѣ собственности, какъ о понятіи единомъ, опредѣленномъ*. Напримѣръ, англійское право земельной собственности, съ его маіоратомъ, мобилизованное французское, родовая собственность въ Россіи представляютъ различныя права собственности. Далѣе, объемъ права собственности на полевую землю одинъ, на лѣса другой, на руды третій, на городскую соб-

ственность четвертый, на дороги и водяную поверхность пятый и т. д. Отсюда слѣдуетъ, что такое опредѣленіе собственности, которое указывало бы объемъ присущихъ ей вещныхъ правъ,— невозможно. Принадлежность вещи лицу есть единственный специфическій признакъ, отличающій собственность отъ другихъ вещныхъ правъ. А какими правами на вещь пользуется лицо, которому она принадлежитъ,—это опредѣляется законодательствомъ. По феодальному праву собственности, земля считалась принадлежащею сеньорамъ, тѣмъ не менѣе они не имѣли права отбирать у своихъ вассаловъ феодовъ, если послѣдніе исправно выполняли повинности.

Совершенно другое пониманіе права собственности господствуетъ въ юриспруденціи *). Преклоненіе юристовъ предъ ученіями римскаго права, экономическія условія новѣйшей эпохи, создавшія для имущихъ классовъ интересъ въ установленіи возможно неограниченнаго права собственности, теоріи о «естественныхъ», «прирожденныхъ» правахъ человѣка—всѣ эти обстоятельства породили ученіе о собственности, какъ о «полной и исключительной» власти человѣка надъ вещью; такое неограниченное право собственности причислили къ числу естественныхъ правъ человѣка, которое, по этому самому, должно быть поставлено внѣ власти государства. Отсюда слова о «святости», «неприкосновенности» права собственности, слова—часто эксплоатируемыя ораторами и публицистами, хотя рѣдко съ пониманіемъ обстоятельствъ, ихъ вызвавшихъ, и смысла, съ которымъ они явились на свѣтъ. Но при примѣненіи догмы абсолютной собственности къ дѣйствительности, юриспруденціи пришлось признать необходимость множества ограниченій ея, пришлось допустить даже государственную и гражданскую экспропріаціи и земскую давность. Оказалось, что осуществленіе неограниченной собственности практически невозможно. Такимъ образомъ, приложеніе права собственности къ дѣйствительности стало въ противорѣчіе съ конструкціей понятія собственности. Ограниченія

*) О новомъ направленіи въ юриспруденціи, вступившемъ въ борьбу съ господствующими догмами гражданскаго права, см. статью г. Гамбарова: «Общественный интересъ въ гражданскомъ правѣ». Юридическій Вѣстникъ, изд. Моск. Юрид. Общ.—май, іюнь, іюль, 1879 г.

собственности, которыя вынуждена была допустить юриспруденція, вызывались *общественнымъ интересомъ*. Эти ограниченія устанавливаются положительнымъ закономъ и въ нихъ отражаются постоянно измѣняющіяся экономическія и политическія условія страны. Отсюда слѣдуетъ, что содержаніе права собственности опредѣляется не «естественнымъ» правомъ, какъ объ этомъ учитъ господствующая въ юриспруденціи теорія, а постановленіями закона. Право собственности не есть нѣчто неподвижное; оно есть учрежденіе многообразное, которое подвергалось въ исторіи большимъ измѣненіямъ и, конечно, подвергнется еще бо́льшимъ.

Переходя къ оцѣнкѣ господствующихъ теорій собственности, мы прежде всего остановимся на понятіи о *«неприкосновенности права собственности»*.

Идеи XVIII вѣка, породившія въ политической экономіи теорію Адама Смита, выразились въ юриспруденціи ученіемъ объ *«естественномъ правѣ»*, объ естественныхъ, прирожденныхъ правахъ человѣка. Къ числу этихъ естественныхъ, а потому и «неприкосновенныхъ» правъ человѣка было отнесено и право собственности. Утверждалось, что никакая власть, хотя бы то было само государство, никакія обстоятельства, никакая необходимость не могутъ нарушить «естественныхъ правъ» индивидуума; что эти права явились ранѣе возникновенія государства; съ этими правами вошелъ человѣкъ въ міръ. Въ ученіи объ «естественномъ правѣ» *индивидуализмъ* дошелъ до своего крайняго развитія. Если и Смитовская школа народнаго хозяйства покоится на индивидуализмѣ, если и она требуетъ предоставленія всѣхъ экономическихъ отношеній свободной борьбѣ личныхъ интересовъ, тѣмъ не менѣе существуетъ весьма существенное различіе между обоснованіемъ индивидуализма, какое дѣлаетъ Смитовская школа, и обоснованіемъ его юридическою теоріею «естественнаго права».

Смитовская школа защищаетъ организацію народнаго хозяйства на принципѣ *«свободной конкурренціи»* потому, что такая организація ведетъ къ благу какъ цѣлаго, такъ и каждаго отдѣльнаго индивидуума. *Индивидуализмъ* возвеличивается Смитомъ до высшаго принципа въ народномъ хозяйствѣ лишь по-

тому, *что частные индивидуальные интересы отождествляются имъ съ интересами общества, съ интересами цѣлаго.* Та же мысль лежитъ въ основаніи сочиненій всѣхъ представителей Смитовской школы. Всѣ они утверждаютъ, что при свободной дѣятельности каждаго отдѣльнаго человѣка, руководимой эгоизмомъ и конкурренціею, сами собою развиваются такіе способы веденія предпріятій и частныхъ хозяйствъ, при которыхъ имѣющіяся въ распоряженіи націи силы почвы, труда и капитала достигнутъ наибольшей производительности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обмѣнъ продуктовъ человѣческаго труда, при невмѣшательствѣ государства, поведетъ къ нормальному, справедливому распредѣленію богатствъ; каждый факторъ производства получитъ при распредѣленіи его результатовъ такую долю, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ степени его участія въ производствѣ.

Въ виду такого обоснованія индивидуализма само собою слѣдуетъ, что разъ доказаны вредныя соціальныя слѣдствія системы народнаго хозяйства, покоющейся на принципѣ свободной конкурренціи, падаетъ и экономическая теорія, выставившая на своемъ знамени требованіе неограниченной частной собственности.

Совсѣмъ иначе обосновываетъ *индивидуализмъ* юридическая теорія «естественнаго права». Здѣсь исходятъ изъ представленія о прирожденныхъ человѣку правахъ, которыя признаются «абсолютными» и нарушить которыя никто не въ правѣ, хотя бы это нарушеніе требовалось въ интересахъ цѣлаго, ради блага всѣхъ гражданъ государства. Здѣсь индивидуумъ съ его неприкосновенными правами противопоставляется всему міру. «Да торжествуетъ право», восклицаетъ Кантъ, «хотя бы въ силу этого погибъ весь міръ».

Не вдаваясь въ подробный разборъ ученія объ «естественномъ правѣ», отмѣтимъ самый существенный фактъ, недостаточно оцѣненный этимъ ученіемъ, а именно, что понятіе о естественныхъ правахъ человѣка чрезвычайно различно въ разныя эпохи, у разныхъ народовъ. Въ Россіи еще недавно не признавалось естественнымъ правомъ человѣка личная свобода, а въ Англіи уже много вѣковъ признается за такое право: быть обвиненнымъ и наказаннымъ не иначе какъ по суду. Многіе изъ естественныхъ правъ человѣка, объявленныхъ французскою кон-

ституціей 1789 года, были отмѣнены послѣдующими конституціями. Каждый народъ въ различное время имѣетъ разныя понятія о неотъемлемыхъ правахъ человѣка. *Абсолютныхъ естественныхъ правъ не существуетъ вплоть до права на жизнь.* Но въ каждое данное время существуютъ представленія о такихъ неотъемлемыхъ правахъ, нарушеніе коихъ было бы признано всѣми вопіющей несправедливостью. По весьма распространенному мнѣнію къ числу такихъ неприкосновенныхъ правъ относится и право собственности. Разсмотримъ это мнѣніе.

Чтобы можно было говорить о неприкосновенности какого-либо права, необходимо, разумѣется, чтобы это право поддавалось какому-либо точному опредѣленію. Между тѣмъ, мы видѣли, что опредѣленія права собственности, какъ единаго понятія, опредѣленія, приложимаго не только ко всѣмъ эпохамъ и народамъ, но хотя бы къ различнымъ объектамъ собственности у одного и того же народа и въ извѣстный моментъ времени, — такого опредѣленія не только не существуетъ, но и невозможно сдѣлать его.

Исторія свидѣтельствуетъ объ измѣненіяхъ громадной важности въ сферѣ объектовъ собственности. Вмѣстѣ съ тѣмъ самое содержаніе права собственности на различные объекты всегда было и остается до сихъ поръ неодинаковымъ, и эта неодинаковость опять, въ свою очередь, различна у разныхъ народовъ. И причина этой многообразности права собственности заключается въ томъ, что институтъ собственности не есть явленіе, данное физической природой, явленіе само въ себѣ опредѣленное, а есть учрежденіе соціальное, обусловливаемое въ своихъ проявленіяхъ, главнѣйшимъ образомъ, экономическими условіями каждаго даннаго народа. Измѣняются экономическія условія жизни народа — измѣняются и законы о собственности. Измѣненія въ законахъ о собственности бываютъ радикальны, знаменуютъ собою новую соціальную эпоху, когда какой-либо важный объектъ частной собственности исключается изъ предметовъ ея. Такія измѣненія были сдѣланы, напримѣръ, въ послѣднее время съ отмѣною феодальныхъ правъ собственности въ Западной Европѣ, замѣненныхъ гражданскимъ кодексомъ французской революціи; въ Россіи съ отмѣною крѣпостнаго права, т. е. исключеніемъ

изъ объектовъ собственности труда и воли человѣка и, сверхъ того, надѣленіемъ крестьянъ поземельною собственностью изъ собственности ихъ прежнихъ господъ. Но такія коренныя измѣненія въ порядкахъ собственности, именно потому, что они знаменуютъ собою переворотъ во всемъ общественномъ строѣ, совершаются не часто. Что же касается частныхъ измѣненій въ порядкахъ собственности, ограничивающихъ право собственности, то они происходятъ можно сказать непрерывно. Недолго удержалась вѣра въ благо «свободной конкурренціи». Новѣйшій либеральный экономическій порядокъ Западной Европы, основанный на принципѣ неограниченной частной собственности на матеріальныя предметы, не просуществовавъ столѣтія, потерялъ уже свой кредитъ въ наукѣ и начинаетъ терять его въ практикѣ. Англія, наиболѣе развившая свободу промышленности, первая вынуждена была выступить съ фабричнымъ законодательствомъ, ограничивающимъ права собственности промышленнаго капитала. За ней послѣдовали и всѣ прочія западно-европейскія государства. Теперь въ Англіи на очереди стоитъ аграрный вопросъ, имѣющій ограничить права поземельной собственности.

Но если право собственности не представляетъ собою нѣчто безусловное, само въ себѣ опредѣленное, а есть фактъ относительный, обусловливаемый временемъ и мѣстомъ, слѣдовательно постоянно измѣняющійся, то какой же смыслъ имѣетъ выраженіе «неприкосновенность права собственности»?, такъ часто употребляемое когда дѣло идетъ объ измѣненіяхъ въ законодательствѣ о собственности. На этотъ вопросъ нельзя дать другаго отвѣта какъ только, что или сами употребляющіе это выраженіе не понимаютъ, что говорятъ, или пользуются этимъ выраженіемъ, производящимъ всегда на массу впечатлѣніе, ради какихъ-либо практическихъ цѣлей.

Въ одномъ лишь смыслѣ можно понять мысль о неприкосновенности частной собственности, именно въ томъ смыслѣ, что право собственности не можетъ быть нарушено, въ цѣломъ или въ части, иначе, какъ съ вознагражденіемъ собственника за такое нарушеніе. Но дѣйствительная жизнь показываетъ намъ, что законодательствамъ всѣхъ европейскихъ государствъ приходится нарушать этотъ принципъ, и далѣе, что общественная жизнь

представляетъ иногда такія условія, при которыхъ и законное правительство и само общество вынуждены признать политическую необходимость нарушить этотъ принципъ.

Мы не станемъ уже говорить о такихъ очевидныхъ нарушеніяхъ принципа вознагражденія за теряемое право, какія имѣли мѣсто при безвозмездной отмѣнѣ французскимъ Національнымъ Собраніемъ многихъ имущественныхъ феодальныхъ правъ и при уничтоженіи рабства въ Соединенныхъ Штатахъ Америки въ послѣднюю гражданскую войну. Мы укажемъ на современное и постоянно расширяющееся, развивающееся во всѣхъ западноевропейскихъ государствахъ фабричное законодательство, гдѣ нарушеніе этого принципа не столь очевидно, хотя не менѣе дѣйствительно. Наканунѣ изданія фабричныхъ законовъ промышленный капиталъ пользовался полною свободою въ заключеніи условій найма рабочей силы и не несъ никакихъ спеціальныхъ обязанностей; право собственности на промышленный капиталъ было столь же неограниченное, какъ право собственности на предметы непосредственнаго потребленія. Изданіемъ фабричныхъ законовъ право собственности на промышленный капиталъ уменьшено и уменьшено безъ вознагражденія. Собственники этихъ капиталовъ были ограничены въ правѣ пользованія ими; они лишились права функціонировать ими сообразно условіямъ рынка. Рынокъ позволяетъ нанять рабочаго на 14-ть часовъ ежедневнаго труда, а законъ воспретилъ нанимать болѣе какъ на 10-ть часовъ. Мало того, законъ ограничилъ права собственности на промышленные капиталы и въ другомъ отношеніи: онъ наложилъ на эти капиталы новыя, спеціальныя обязанности. Собственникамъ промышленныхъ капиталовъ вмѣнено въ обязанность устроивать на свой счетъ при фабрикахъ и заводахъ школы и нанимать врача для рабочихъ. Когда въ англійскомъ парламентѣ впервые былъ поднятъ вопросъ объ изданіи фабричныхъ законовъ, буржуазная пресса возопила о «нарушеніи принципа неприкосновенности права собственности», и она была совершенно права съ точки зрѣнія господствующаго до нынѣ юридическаго положенія, что «*никакое* вещное право не можетъ быть нарушено безъ вознагражденія». Если бы какое-либо законодательство нашло полезнымъ и необходимымъ нормировать

рабочую плату, обязать промышленниковъ допустить рабочихъ къ участію въ прибыли, то въ юридическомъ смыслѣ это было бы ни чуть не большее нарушеніе права собственности сравнительно съ нарушеніями, совершенными изданными до нынѣ фабричными законами.

Колоссальный примѣръ отмѣны права собственности на одни объекты совершенно безъ вознагражденія, на другіе съ вознагражденіемъ, установленнымъ не на основаніи дѣйствующихъ законовъ, представляетъ наша крестьянская реформа. Право собственности на рабочую силу человѣка было отмѣнено вполнѣ безвозмездно и этотъ объектъ собственности былъ выброшенъ изъ законодательства; экспропріація половины помѣщичьихъ земель въ пользу крестьянъ была совершена не на основаніи дѣйствующихъ законовъ. И между тѣмъ правительство, литература, значительное число губернскихъ комитетовъ, большинство депутатовъ отъ комитетовъ вынуждены были признать безусловную политическую необходимость совершить такую радикальную операцію въ порядкахъ собственности, ибо *элементы крестьянскаго вопроса были таковы, что разрѣшеніе его на почвѣ юридической во очію грозило государству страшными опасностями и бѣдствіями.*

Субъекты собственности вообще бываютъ лица физическія и юридическія, почему и собственность бываетъ частная и коллективная. Важнѣйшіе виды коллективной собственности суть государственная и общинная. Вопросы громадной важности: объ историческомъ развитіи у разныхъ народовъ объемовъ частной и коллективной собственности, содержанія первой, видовъ и цѣлей второй, о комбинаціи этихъ двухъ видовъ собственности въ современной дѣйствительности, установленіе руководящей теоріи этой комбинаціи въ примѣненіи къ условіямъ нашего времени,— всѣ эти вопросы только-что начинаютъ разработываться исторіею права, сравнительнымъ законодательствомъ и реалистическимъ направленіемъ въ политической экономіи. Предъ глазами экономистовъ была значительная государственная собственность и другіе различные виды коллективной собственности; но они, исходя изъ своего desideratum—устраненія вмѣшательства государства и всякихъ видовъ коллективной собственности, — раз-

сматривали народное хозяйство лишь какъ систему частныхъ хозяйствъ; коллективная собственность не находила себѣ мѣста въ экономическихъ трактатахъ. Ученіе экономистовъ объ «абсолютномъ», «естественномъ» порядкѣ народнаго хозяйства, въ которомъ должна имѣть мѣсто только неограниченная частная собственность, шло рука объ руку съ новѣйшимъ экономическимъ законодательствомъ западно-европейскихъ государствъ, развивавшимъ возможно неограниченную частную собственность и включившимъ въ объекты ея почти всѣ матеріальные предметы. Такимъ образомъ, современная, въ высокой степени неограниченная частная собственность есть понятіе и фактъ новѣйшей исторіи европейскаго общества; область дѣйствій ея расширялась по мѣрѣ побѣды принципа *обособленности* (несовсѣмъ точно названнаго *индивидуализмомъ*) надъ принципомъ *общественной солидарности*. И въ то же время теорія полагала, что проявленія «индивидуализма» *въ тѣхъ формахъ, въ какихъ онъ развился и дѣйствуетъ въ настоящее время,* ведутъ къ общественной солидарности. Факты опровергли иллюзіи теоріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, реалистическая школа своими изслѣдованіями доказала, что порядки собственности вообще и частной собственности въ отдѣльности есть историческая, постоянно измѣняющаяся категорія, и что современный порядокъ собственности, какъ несоотвѣтствующій идеаламъ эпохи, постулатамъ экономической науки, не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Отсюда для реалистической школы логически вытекала необходимость новаго обоснованія частной собственности. Но такъ какъ обоснованіемъ собственности, кромѣ политической экономіи, занималась также философія права, то пришлось пересмотрѣть ея доктрины по этому предмету.

Всѣ существующія теоріи объ *основаніи* права частной собственности можно классифицировать въ три группы. Къ первой относятся теоріи, основывающія институтъ собственности на человѣческой природѣ и понятіи о личности. Ко второй — теоріи, выводящія право собственности изъ постулата справедливости. Сюда принадлежатъ: «теорія труда», основывающая собственность на «истекающемъ изъ чувства естественной справедливости» правѣ работника на продукты своего труда, и «теорія завладѣнія», ви-

дящая внутреннее правовое основаніе собственности въ «естественномъ» притязаніи перваго владѣльца на вещи, которыя онъ прежде всѣхъ другихъ подчинилъ своей волѣ. Наконецъ третью группу составляютъ «легальныя теоріи», разсматривающія собственность какъ институтъ положительнаго права и различающіяся между собою только тѣмъ, какъ онѣ представляютъ себѣ процессъ правообразованія собственности.

Прежде разсмотрѣнія этихъ теорій порознь, скажемъ объ основной ошибкѣ, общей теоріямъ первой и второй группъ. Теоріи эти понимаютъ собственность слишкомъ общо, безъ вниманія къ различнымъ объектамъ собственности; между тѣмъ, содержаніе права собственности на различные объекты было, остается и должно быть различно. Въ основаніи этого раздѣленія объектовъ собственности лежатъ два главнѣйшіе принципа. Первый состоитъ въ различеніи *предметовъ потребленія отъ средствъ производства*. Этотъ важный принципъ раздѣленія оставлялся до сихъ поръ безъ вниманія какъ философіею права, юриспруденціею, такъ и политическою экономіею, за исключеніемъ соціалистическихъ писателей. Второй принципъ раздѣленія, существенный какъ въ юридическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ, заключается въ различеніи *движимой* и *недвижимой* собственности.

Внутри этихъ главныхъ раздѣленій должны дѣлаться дальнѣйшія различенія объектовъ собственности. Такъ, напримѣръ, въ поземельной собственности должно особенно разсматривать рудники, лѣса, дороги, водяныя пространства, полевыя угодья, усадебныя земли, парки и пр. Далѣе, рѣшеніе вопроса: должны ли тѣ или другіе предметы быть объектомъ частной собственности, въ какомъ размѣрѣ, какими правами на нихъ могутъ обладать собственники,—не можетъ быть установлено разъ навсегда и для всѣхъ странъ одинаково, но обусловливается *временемъ* и *мѣстомъ*. Развитіе, напримѣръ, машиннаго производства, фабрикъ и заводовъ вызываетъ въ законодательствѣ дальнѣйшія различенія въ собственности на капиталъ (Англійское фабричное законодательство, напримѣръ, устанавливаетъ различныя спеціальныя опредѣленія для разныхъ отраслей промышленности, сообразно ихъ технической и экономической природѣ). Указавъ на существенную ошибку, общую первымъ двумъ груп-

намъ теорій собственности, перейдемъ къ разсмотрѣнію ихъ порознь.

По теоріямъ, относящимся къ первой группѣ, собственность вытекаетъ изъ природы личности, ибо она есть необходимое условіе свободы, умственнаго и нравственнаго развитія личности.— Неопредѣленность, туманность этихъ теорій поразительна. Онѣ обходятъ молчаніемъ всѣ элементы, изъ коихъ слагается право собственности; а именно, онѣ не только не дѣлаютъ различія *въ объектахъ собственности,* но и не говорятъ ничего о *способахъ ея пріобрѣтенія*. Вотъ собственныя слова двухъ самыхъ извѣстныхъ представителей теоріи собственности, основанной на человѣческой природѣ. «Личное право человѣка по отношенію къ природѣ, говоритъ Фихте старшій, состоитъ въ обладаніи сферою дѣйствія, достаточнаго для добыванія средствъ къ жизни. Слѣдовательно, эта физическая сфера должна быть гарантирована каждому, но подъ условіемъ, чтобы каждый также сообщалъ ей цѣнность своимъ трудомъ. И такъ, всѣ должны работать и всѣ также должны имѣть чѣмъ работать». Но, очевидно, этому требованію естественнаго права, «чтобы каждый человѣкъ обладалъ сферою дѣйствія, достаточною для добыванія средствъ къ жизни», столь же хорошо можетъ удовлетворить владѣніе, какъ и частная собственность. «Собственность, говоритъ профессоръ Аренсъ въ своемъ курсѣ естественнаго права, составляетъ для каждаго человѣка условіе его жизни и развитія. Она основана на самой природѣ человѣка и должна, слѣдовательно, разсматриваться какъ первоначальное и безусловное право, которое не составляетъ результата никакого внѣшняго дѣйствія въ родѣ завладѣнія, труда или договора. Такъ какъ право исходитъ непосредственно изъ человѣческой природы, то достаточно быть человѣкомъ, чтобы имѣть право на собственность». Изъ приведенныхъ выдержекъ видно, что оба эти писателя признаютъ естественнымъ правомъ человѣка собственность не только на предметы потребленія, но и на орудія производства. Изъ чего слѣдуетъ во-1-хъ, что сдѣланное Фихте и Аренсомъ обоснованіе собственности не совпадаетъ съ современнымъ порядкомъ собственности, какъ нарушающимъ «естественное право» человѣка, ибо въ немъ громадное число людей не имѣетъ собственности

на орудія производства, во-2-хъ, частная собственность на орудія труда ими требуется какъ безусловно необходимое условіе физическаго и духовнаго развитія человѣка;—между тѣмъ можно указать на существованіе физически, умственно и нравственно развитыхъ общинъ, не имѣющихъ частной собственности на орудія производства. Соціалисты именно ради самостоятельности, свободы, физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія человѣка ограничиваютъ частную собственность только предметами потребленія, а на орудія производства устанавливаютъ лишь право владѣнія. Фихте и Аренсъ совершенно упускаютъ изъ виду тѣсную зависимость порядковъ собственности отъ состоянія техники. Частная собственность на орудія труда допускаетъ лишь мелкія формы производства. Между тѣмъ прогрессъ техники, выражающійся, главнымъ образомъ, въ замѣнѣ труда человѣка машиною, требуетъ все болѣе и болѣе производства въ крупныхъ размѣрахъ. Машины, уже обнявшія обрабатывающую промышленность, начинаютъ вводиться и въ земледѣліе; несомнѣнно, не долго ждать того времени, когда прогрессъ сельско-хозяйственной техники достигнетъ такого состоянія, что экономическіе мотивы будутъ требовать крупнаго сельскаго хозяйства. Осуществить же крупное производство, обнимающее какъ обрабатывающую, такъ и земледѣльческую промышленность, и въ то же время не дѣлать орудія производства собственностью незначительнаго меньшинства, возможно лишь при коллективной собственности на орудія труда, предоставляющей производителямъ только право владѣнія ими*).

«Трудовая теорія» собственности, принятая по преимуществу экономистами, указываетъ и внутреннее основаніе собственности и вытекающіе изъ этого основанія способы пріобрѣтенія ея. Осно-

---

*) Лаведе, исходя изъ „естественнаго права“, требующаго, чтобы каждый человѣкъ обладалъ собственностью на орудія производства, и видя въ современномъ квиритскомъ правѣ собственности отрицаніе естественнаго права, указываетъ на коллективную земельную собственность, какъ на идеалъ развитія, къ которому должно стремиться европейское общество, „иначе оно зайдетъ въ такой глухой уголъ, гдѣ цивилизація погибнетъ“. (De la propriété et de ses formes primitives. Ch. XXVI).

Но при коллективной собственности отдѣльныя лица будутъ имѣть только право владѣнія. Лаведе смѣшалъ, въ данномъ случаѣ, собственность съ владѣніемъ.

ваніе собственности видитъ она *въ естественномъ правѣ каждаго человѣка на обладаніе результатами своего труда*. Собственность на капиталъ основываетъ на моментѣ *сбереженія* продукта собственнаго труда, собственность на землю — на моментѣ *вложенія собственнаго труда или капитала* въ почву и, наконецъ, изъ права обладанія результатами своего труда вытекаетъ, по ученію этой теоріи, право завѣщанія или посмертнаго дара.—Трудовая теорія собственности заключаетъ въ себѣ лишь одно вѣрное положеніе, а именно: что современная идея о *справедливомъ* требуетъ обоснованія собственности и частныхъ доходовъ на трудѣ. Отсюда объясняется и происхожденіе самой теоріи. Но такое понятіе о справедливомъ распредѣленіи собственности не можетъ быть названо «естественнымъ», «прирожденнымъ», «абсолютнымъ». Древній міръ и средніе вѣка не знали его. Появленіе этого понятія сдѣлалось возможнымъ лишь съ признаніемъ равенства правъ людей. Да и современный порядокъ собственности не основывается на трудѣ. Если Бастіа, Тьеръ, а за ними и другіе экономисты защищали настоящіе порядки собственности въ силу принципа, что «каждый человѣкъ имѣетъ право на результаты своего труда», то это только показываетъ совершенное непониманіе ими природы современныхъ экономическихъ отношеній. Наука теперь выяснила, что накопленіе капитала въ производствѣ происходитъ путемъ присвоенія чужаго труда, что въ возвышеніи стоимости земельной собственности и получаемыхъ съ нея доходовъ играютъ значительную роль различные соціальные факты, въ коихъ земельные собственники ни мало не повинны (увеличеніе плотности населенія, проведеніе желѣзныхъ дорогъ, развитіе обработывающей промышленности и мн. др.). Это несоотвѣтствіе современныхъ порядковъ собственности съ идеей о справедливомъ обоснованіи собственности и есть причина возникновенія соціалистическаго ученія и требованій реформъ въ собственности со стороны экономистовъ реалистической школы. Справедливо замѣчаетъ Лавеле: «Если бы трудъ былъ источникомъ собственности, то какъ могло случиться, чтобы «институціи» и гражданскій кодексъ ничего о томъ не сказали».

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что порядокъ собственности, основанный на трудѣ, не есть *исходный* пунктъ развитія собствен-

ности, не представляется реализованнымъ *въ настоящее время*, а составляетъ *идеальную цѣль*, къ которой несомнѣнно приближается человѣчество. Слѣдовательно, «трудовая теорія» есть *не фактъ, а проблема*.

Римскіе юристы видѣли причину происхожденія собственности въ завладѣніи предметомъ, не имѣющимъ хозяина, и считали фактъ завладѣнія достаточнымъ основаніемъ для защиты собственности. Это воззрѣніе на происхожденіе собственности и правовое основаніе ея господствуетъ также въ современной юриспруденціи. Новѣйшія изслѣдованія по исторіи земельной собственности опровергаютъ «теорію завладѣнія.» «Исторія доказываетъ, говоритъ Лавеле, что земля никогда не разсматривается людьми какъ res nullius. Территорія охоты у охотничьихъ народовъ, мѣсто сгона стадъ у народовъ пастушескихъ всегда считаются коллективною принадлежностью цѣлаго племени, и такое владѣніе продолжается даже послѣ того, когда путемъ воздѣлыванія земля сдѣлана плодородною. Повсюду, какъ въ древнія времена, такъ и теперь, земля объявлялась принадлежащею общинѣ или государству, и потому ни прежде, ни теперь не было мѣста «завладѣнію» res nullius. Завладѣніе служило въ первобытныя времена лишь источникомъ пріобрѣтенія движимыхъ вещей, но и тогда оно было ограничиваемо соображеніями, вытекающими изъ факта общественной жизни людей и изъ общихъ имъ всѣмъ потребностей въ вещахъ, подлежащихъ завладѣнію.»

Но еслибы даже «теорія завладѣнія» объясняла исторію происхожденія собственности правильно, то, и въ такомъ случаѣ, можно ли признать, что завладѣніе вещью есть достаточная причина для пріобрѣтенія надъ нею *права* собственности. Завладѣніе есть фактъ, зависящій отъ случая или силы. Въ немъ нѣтъ ни одного изъ тѣхъ элементовъ, съ которыми современныя идеи о справедливомъ связываютъ право на вещь. На захватѣ нельзя основать право. Мы заняли островъ. Спустя нѣкоторое время на этотъ же островъ выброшенъ человѣкъ, потерпѣвшій кораблекрушеніе. Для него не осталось предметовъ завладѣнія. Какія его права? Умереть съ голоду или сдѣлаться нашимъ рабомъ.

Воззрѣнія реалистической школы на институтъ собственности всего ближе къ «легальной теоріи», представителями которой

служатъ Монтескье и Лабуле. По этой теоріи, право частной собственности не есть естественный фактъ, данный самою природою человѣка, а учрежденіе общественной власти, писанаго или неписанаго закона. — И въ самомъ дѣлѣ, объемъ, содержаніе и способы пріобрѣтенія частной собственности въ различныя эпохи и у разныхъ народовъ весьма различны и основанія этихъ различій очень разнообразны.

Но законъ есть только внѣшній фактъ. Спрашивается, что вызвало законы о частной собственности и въ чемъ лежатъ причины ихъ различій? Конечно, глубочайшимъ, первичнымъ основаніемъ происхожденія частной собственности и различныхъ ея порядковъ есть борьба частныхъ интересовъ, результатъ которой выражается въ законахъ. Самымъ главнымъ и общимъ фактомъ, вызвавшимъ разложеніе патріархальнаго общиннаго владѣнія и возникновеніе частной земельной собственности, было раздѣленіе общества на высшій и низшій классы, раздѣленіе, происшедшее частью изъ завоеваній, частью изъ родового начала*). «Господство общинныхъ формъ владѣнія, говоритъ проф. Ковалевскій (Общин. Землевлад.), являясь препятствіемъ къ переходу земли изъ рукъ въ руки, нарушаетъ тѣмъ самымъ интересы, какъ привиллегированныхъ сословій и народныхъ вождей, такъ и ремесленно-торговаго населенія городовъ. Господство начала неотчуждаемости общинныхъ земель лишаетъ первыхъ фактической возможности неограниченнаго расширенія состоящихъ въ ихъ владѣніи помѣстій. Неосуществимость выгодъ отъ общиннаго пользованія ими иначе, какъ подъ условіемъ постояннаго пребыванія въ мѣстѣ нахожденія общинныхъ земель, являясь препятствіемъ къ переселеніямъ въ города, затрогиваетъ тѣмъ самымъ весьма существенно интересы ремесленно-торговаго населенія. Неудивительно, поэтому, если привиллегированныя сословія и ремесленно-торговое населеніе сходятся въ концѣ концовъ другъ съ другомъ въ одномъ стремленіи—поколебать общинное начало владѣнія землею, съ цѣлью сдѣлать тѣмъ самымъ возможной, съ одной стороны, дальнѣйшую дезаппропріацію сельскаго населенія,

*) Богатый и тщательно обработанный матеріалъ о причинахъ разложенія общиннаго владѣнія представляетъ изслѣдованіе проф. Ковалевскаго—«Общинное землевладѣніе». 1879.

а съ другой, свободу передвиженія послѣдняго въ промышленные и торговые центры». Господствующіе классы, владѣя законодательною властью, учреждали выгодные для себя порядки собственности, обосновывая ихъ какою либо правовою идеей. Важнѣйшіе типы порядковъ частной собственности, различающихся между собою видами объектовъ, содержаніемъ, способами пріобрѣтенія и идеологическими обоснованіями права собственности, суть—рабство, крѣпостничество, ленныя отношенія, цеховой порядокъ и современное свободно-конкурренціонное хозяйство.

Какъ всякая соціальная теорія, такъ и теорія собственности имѣетъ задачею не только объяснить прошедшее и настоящее, но и указать идеалъ, то есть наилучшій ближайшій ходъ развитія. По общему сознанію, институтъ собственности долженъ стремиться къ осуществленію справедливаго распредѣленія свободы, къ созданію условій для физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія личностей и для возможно большей производительности народнаго хозяйства. Высшее основаніе его есть *общественный интересъ;* изъ чего слѣдуетъ, что *собственность есть институтъ не частнаго права, а соціально-юридическій институтъ.* Реалистическая школа признаетъ, что увеличеніе матеріальнаго благосостоянія низшихъ классовъ составляетъ коренное условіе увеличенія ихъ свободы, физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія. Въ то же время это увеличеніе совпадаетъ съ современнымъ понятіемъ о справедливомъ распредѣленіи, требующимъ, чтобы обоснованіе собственности на базисѣ труда становилось все болѣе общимъ и исключительнымъ. Такимъ образомъ, свобода, физическое, умственное и нравственное развитіе народа съ одной стороны, и справедливое распредѣленіе собственности съ другой—гармонируютъ между собою. Современная идея о справедливости въ распредѣленіи собственности встрѣчаетъ, по справедливому мнѣнію реалистической школы, коллизію лишь по отношенію къ одной важной цѣли института собственности, а именно—по отношенію къ задачѣ его создать имущественныя условія, при которыхъ достигалась бы наибольшая *производительность* народнаго хозяйства. Въ предшествующихъ главахъ было указано, что реалистическая школа считаетъ необходимымъ, по крайней мѣрѣ

при настоящихъ условіяхъ европейскихъ обществъ, сохранить, въ интересахъ высшей производительности, частную собственность на орудія производства, хотя въ размѣрахъ болѣе ограниченныхъ, нежели въ какихъ она существуетъ въ настоящее время. Между тѣмъ, прибыль на капиталъ чужда трудовому принципу въ распредѣленіи; и слѣдовательно, распредѣленіе продуктовъ и обоснованіе собственности на базисѣ труда не могутъ быть вполнѣ проведены въ частно-хозяйственной системѣ. Въ виду этого, реалистическая школа признаетъ необходимость компромиссовъ между принципомъ справедливаго распредѣленія и требованіемъ возможно большаго производства. Въ первомъ случаѣ осуществляется *правовой элементъ,* во второмъ—*экономическій*. «Но, замѣчаетъ Вагнеръ, народно-хозяйственная проблема *хорошаго распредѣленія* народнаго дохода должна предшествовать проблемѣ *возможно большаго производства* цѣнностей; а между тѣмъ, въ теоріи, она не получила еще достаточнаго значенія. Изъ двухъ главныхъ проблемъ народнаго хозяйства она есть важнѣйшая.... Изъ этихъ соображеній должны выводиться основанія для народно-хозяйственной оцѣнки юридическаго института частной собственности, особенно частной собственности на капиталъ и землю» *).

Съ точки зрѣнія этихъ двухъ главныхъ задачъ народнаго хозяйства должно быть устанавливаемо: а) объекты, на которые можетъ простираться право собственности, б) содержаніе вещныхъ правъ, входящихъ въ право собственности, в) способы пріобрѣтенія собственности. Организація собственности въ примѣненіи къ существующимъ условіямъ дѣствительности составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ экономической политики реалистической школы. Но школа эта не пришла еще къ единству воззрѣній даже на счетъ самыхъ крупныхъ вопросовъ собственности. Такъ, напримѣръ, одни изъ представителей ея: Ланге, Замтеръ, Лавеле, полагаютъ, что общественный интересъ требуетъ исключенія земли изъ объектовъ частной собственности, другіе считаютъ это несвоевременнымъ. Обѣщанный берлинскимъ профессоромъ Вагнеромъ объемистый 5-ти томный учебникъ политической экономіи представитъ первую попытку

*) Lehrb. d. Nation. Oecon. § 108. S. 189. 1876.

подробнаго изложенія организаціи народнаго хозяйства по принципамъ реалистической школы.

Но рядомъ съ пестротою въ воззрѣніяхъ экономистовъ реалистической школы на счетъ цѣлесообразности тѣхъ или другихъ соціально-экономическихъ реформъ существуетъ обширная область мѣръ, вытекающихъ изъ принциповъ экономической политики реалистической школы, своевременность и настоятельность которыхъ признается всѣми представителями ея. Съ цѣлью «соціальнаго просвѣщенія общественнаго мнѣнія, указанія законодательству пути ближайшей соціальной реформы» былъ учрежденъ въ октябрѣ 1872 года, въ Эйзенахѣ, «Verein fur Socialpolitik», дѣйствующій по настоящее время. Учредителями союза были, главнымъ образомъ, профессора нѣмецкихъ университетовъ. Въ настоящее время членами союза состоятъ также адвокаты, журналисты, чиновники, техники, фабриканты, промышленники. Союзъ получилъ важное значеніе органа общественной мысли о ближайшихъ задачахъ реформы законодательства. Полагаемъ умѣстнымъ привести существенныя мѣста изъ рѣчи профессора Шмоллера, произнесенной при открытіи союза, въ коихъ высказаны принципы, руководящіе работами союза.

«Глубокій раздоръ, проникнувшій въ наши общественныя состоянія, раздѣлившій предпринимателей отъ работниковъ, имущіе классы отъ неимущихъ, и который грозитъ соціальною революціею, возбудилъ сомнѣніе въ томъ: дѣйствительно ли, господствующія на рынкѣ, народно-хозяйственныя доктрины манчестерской школы политической экономіи, представителемъ которыхъ служитъ народно-хозяйственный конгрессъ, должны вѣчно сохранить свое господство; наступило ли съ введеніемъ промышленной свободы, съ устраненіемъ всѣхъ устарѣлыхъ, средневѣковыхъ законовъ, улучшеніе въ хозяйственномъ положеніи народа, которое съ такимъ жаромъ было предсказываемо манчестерскою школою.

«Народно-хозяйственный конгрессъ не разъ высказывался противъ всѣхъ плановъ реформъ, которые не соотвѣтствовали его одностороннимъ доктринерскимъ принципамъ. Нѣтъ никакого рабочаго вопроса, утверждалъ онъ; то, что называютъ этимъ именемъ, есть только заблужденіе или демагогическое подстрека-

тельство. Рабочій классъ имѣетъ теперь все, въ чемъ онъ нуждается; кто не идетъ впередъ, виноватъ самъ въ томъ. Даже къ ассоціаціямъ отдѣльные члены конгресса относились недружелюбно; участіе работниковъ въ прибыли осуждалось ими, какъ вмѣшательство въ предпринимательскій доходъ; на промышленные союзы нападали они потому, что чуяли въ нихъ новыя цеховыя идеи, и потому, что, вообще, ненавидѣли всякую корпоративную организацію; возражали противъ фабричнаго законодательства, учрежденія фабричныхъ инспекторовъ, не находя для нихъ оправданія въ нашихъ нѣмецкихъ промышленныхъ отношеніяхъ. Третейскіе промышленные суды и учрежденія для соединенія рабочихъ и капиталистовъ (Einigungsaemter) народно-хозяйственный конгрессъ прировнялъ къ инквизиціоннымъ судамъ. Все это имѣло такой видъ, какъ будто партія, которая когда-то требовала, во имя человѣческихъ правъ, освобожденія непривиллегированныхъ классовъ отъ жестокихъ тяжестей, теперь выступаетъ защитницею односторонних классныхъ интересовъ предпринимателей; какъ будто, прикрываясь знаменемъ народной свободы, она желаетъ теперь доставить свободу эксплоатаціи большимъ предпринимателямъ, капитало-владѣльцамъ, высшимъ общественнымъ классамъ.

«Направленіе, противоположное этому, не могло ничего ожидать отъ своего представительства на народно-хозяйственномъ конгрессѣ; вмѣсто того, чтобы вливать новое вино въ старые мѣха, оно сочло болѣе цѣлесообразнымъ вступить самостоятельно и создать однородное собраніе, практическую организацію для воззрѣній, давно уже пустившихъ корни въ различныхъ политическихъ и хозяйственныхъ кружкахъ. Такимъ путемъ оно надѣялось дѣйствовать болѣе сильно на общественное мнѣніе и законодательство. Такъ явился планъ сегодняшняго собранія.

«Мы не скрываемъ отъ себя трудности достигнуть соединенія всѣхъ тѣхъ, которые извѣстны какъ противники такъ называемой манчестерской партіи; трудность коренится въ томъ, что они принадлежатъ къ различнымъ политическимъ партіямъ.

«Профессора и ученые этого направленія, которымъ ихъ противники дали прозвище «соціалистовъ на кафедрѣ», хотя и принадлежатъ всѣ къ среднимъ политическимъ партіямъ, но, въ

сущности, они вліяютъ своими экономическими взглядами не на эти партіи, опирающіяся на предпринимательское сословіе и которыя, въ своемъ отношеніи къ борьбѣ этого сословія съ рабочими, не могутъ совершенно освободиться отъ своей связи съ предпринимательскимъ сословіемъ. Созывавшіе настоящее собраніе ясно понимали, что они должны искать поддержку какъ въ прогрессивномъ, такъ и въ консервативномъ лагеряхъ,—что имъ слѣдовало пригласить къ общему совѣту всѣхъ своихъ экономическихъ единомышленниковъ, не взирая на политическій оттѣнокъ партіи, къ которой принадлежатъ послѣдніе. Поэтому они намѣренно пригласили умѣренныхъ соціалистовъ и членовъ партіи центра.

«Такой характеръ собранія устраняетъ дебаты о принципахъ. Надо сейчасъ же перейти in mediam rem, къ самымъ важнымъ проектамъ реформъ, каковы, напримѣръ, стачки рабочихъ, промышленные союзы, фабричное законодательство, жилищный вопросъ, съ тѣмъ, чтобы добиться въ нихъ практическихъ результатовъ. Если это удастся, то имѣется въ виду повтореніе собранія по болѣе широкой программѣ.

«Если мы, вслѣдствіе указаннаго характера собранія, и выступаемъ предъ собраніемъ безъ общей программы, то я долженъ сказать въ заключеніе моей рѣчи, что большинство тѣхъ, кто созывалъ собраніе и подписывалъ приглашенія — люди, читающіе въ нѣмецкихъ университетахъ политическую экономію, исторію права и руководящіе статистическими бюро, стоятъ на почвѣ единодушнаго принципіальнаго убѣжденія и сдѣлали этотъ шагъ въ силу этого убѣжденія.

«Они смотрятъ одинаково на государство, которое, по ихъ взглядамъ, должно также далеко стоять отъ возвеличенія индивидуума по принципамъ естественнаго права, а слѣдовательно и отъ защиты его произвола, какъ и отъ абсолютной теоріи всепоглощающей государственной власти. Помѣщая государство въ общее теченіе историческаго прогресса, они признаютъ, что его задачи должны быть, смотря по условіямъ культуры, то шире, то уже. Но никогда не считаютъ они государство, подобно естественному праву и манчестерской школѣ, необходимымъ зломъ, которое нужно ограничивать. Для нихъ государство есть

всегда величественное нравственное учрежденіе для воспитанія человѣческаго рода. Искренно-преданные конституціонной системѣ, они, однако, не хотятъ перемежающагося сословнаго господства различныхъ экономическихъ классовъ, борющихся между собою. Они хотятъ сильной государственной власти, стоящей выше эгоистичныхъ сословныхъ интересовъ, которая издавала бы законы, вела честно администрацію, поддерживала бы слабыхъ, поднимала низшіе классы. Они видятъ въ двухсотлѣтней борьбѣ, какую побѣдоносно ведутъ прусское чиновничество и прусское королевство за правовое равенство, за устраненіе всѣхъ привиллегій и преимуществъ высшихъ классовъ, за эмансипацію и поднятіе низшихъ классовъ, — лучшее наслѣдіе нашего нѣмецкаго государственнаго строя, которому мы должны пребыть вѣрны.

«При обсужденіи нашего экономическаго состоянія они вовсе не отрицаютъ блестящихъ, не слыханныхъ успѣховъ нашего времени въ техникѣ и производствѣ, въ торговлѣ и развитіи сношеній, но они заявляютъ также открыто о глубокихъ общественныхъ язвахъ, о возрастающемъ неравенствѣ доходовъ и имуществъ, о ложномъ промышленномъ движеніи, о недостаткѣ солидности въ отдѣльныхъ классахъ торговаго міра, о грубости и необузданности, возрастающихъ въ извѣстной части низшихъ классовъ, какъ слѣдствіе общихъ причинъ. Главную причину всего этого видятъ они въ томъ обстоятельствѣ, что, въ послѣднее время, во всѣхъ успѣхахъ раздѣленія труда, во всѣхъ нововведеніяхъ производства, въ промышленныхъ учрежденіяхъ, въ договорахъ между капиталомъ и трудомъ, равно какъ и въ законодательствѣ по этимъ предметамъ, всегда спрашивали только о томъ: подымется ли отъ этого въ данную минуту производство и вовсе не ставили другаго столь же важнаго вопроса: какое дѣйствіе они будутъ имѣть на людей? доставятъ ли эти новыя организаціи достаточную поддержку для образованія нравственныхъ факторовъ, безъ которыхъ общество не можетъ существовать? воспитываютъ ли онѣ достаточно юные элементы? дѣйствуютъ ли онѣ и среди взрослыхъ на прилежаніе, бережливость, честность, семейную жизнь, такъ, чтобы и въ этомъ видѣлись успѣхи рядомъ съ хозяйственными? Они убѣждены въ

томъ, что недосмотръ такой психологической связи между формами организаціи народнаго хозяйства и общимъ нравственнымъ состояніемъ націи есть корень зла и что реформы должны исходить изъ признанія этой связи.

«Ихъ сужденіе о рабочемъ вопросѣ основывается на этихъ взглядахъ. Они признаютъ, что рабочіе въ настоящее время немного лучше одѣваются и ѣдятъ, что, можетъ быть, теперь не столько тысячъ погибаютъ медленною голодною смертію, какъ въ прошлыхъ столѣтіяхъ; но для нихъ это небольшое утѣшеніе. Они спрашиваютъ прежде всего: показываютъ ли условія, въ какихъ живетъ теперь большинство рабочихъ, какой либо нравственный и экономическій прогрессъ, и должны это отрицать, по крайней мѣрѣ, для большинства настоящихъ рабочихъ. Вмѣсто того, они видятъ, что рабочіе представляютъ собою все болѣе рѣзкій контрастъ съ имущими и образованными классами, и, притомъ, уже не въ одномъ экономическомъ положеніи; образовалась страшная пропасть между міровоззрѣніемъ, образованіемъ, взглядами и идеалами имущихъ и неимущихъ классовъ, и эта пропасть опаснѣе экономической. Они вспоминаютъ изъ исторіи, что вся высшая культура грековъ, римлянъ и другихъ народовъ погибла отъ подобныхъ же противоположностей въ соціальной борьбѣ классовъ, вслѣдствіе неспособности найти примиреніе между высшимъ и низшимъ классами. Такъ точно, хотя и въ отдаленіи, они видятъ такую же опасность и для нашей культуры, если не удастся на столько поднять, образовать и примирить низшіе классы на почвѣ нашего правоваго равенства, общей школы, военной повинности, а также и дальнѣйшихъ реформъ, стоящихъ на очереди, чтобы эти классы слились въ гармоніи и мирѣ съ организмомъ общества и государства.

«Нашъ общественный идеалъ не есть нивелированіе въ соціалистическомъ смыслѣ; мы считаемъ то общество самымъ нормальнымъ и здоровымъ, которое представляетъ собою лѣстницу различныхъ существованій, но съ легкими переходами отъ одной ступени къ другой. Между тѣмъ нашему теперешнему обществу угрожаетъ болѣе и болѣе уподобиться лѣстницѣ, въ которой сверху и снизу много ступенекъ, а среднія ступени прогрессивно исчезаютъ.

«Недовольные существующими соціальными отношеніями, реформа въ которыхъ представляется неотразимою необходимостью.... мы выступаемъ за справедливое, твердо-проведенное фабричное законодательство; мы требуемъ, чтобы свобода труда была дѣйствительною свободою, а не вела, какъ теперь, къ эксплоатаціи рабочаго; мы требуемъ дѣйствительной, а не формальной, свободы рабочихъ, при заключеніи рабочаго договора, даже если бы рабочій заявилъ такія притязанія, которыя имѣли бы нѣкоторую аналогію съ старымъ цеховымъ бытомъ; мы требуемъ, чтобы свобода промышленности повсюду контролировалась путемъ гласности, и тамъ, гдѣ въ послѣдней чувствуется недостатокъ, изслѣдованіе производило бы государство и публиковало результаты. Съ этой точки зрѣнія, мы требуемъ учрежденія фабричныхъ инспекторовъ, контрольныхъ учрежденій надъ банками и страховыми обществами; съ этой точки зрѣнія, мы, главнымъ образомъ, требуемъ учрежденія коммиссій для обслѣдованія соціальнаго вопроса. Мы не требуемъ, чтобы государство давало низшимъ классамъ деньги для сомнительныхъ экспериментовъ; но требуемъ, чтобы оно заботилось совершенно иначе, чѣмъ до сихъ поръ, объ ихъ образованіи и воспитаніи, чтобы оно заботилось о томъ, не живетъ ли рабочій классъ въ такихъ условіяхъ работы и жилищъ, которыя необходимо ведутъ къ еще большему пониженію его физическаго, умственнаго и нравственнаго состояній.

«Мы признаемъ, что слишкомъ большое неравенство въ имуществахъ и распредѣленіи доходовъ, что слишкомъ рѣзкая сословная борьба должны современемъ уничтожить и всѣ свободныя политическія учрежденія и привести насъ къ абсолютному правительству. Уже по одному этому, мы вѣримъ, что государство не можетъ равнодушно смотрѣть на подобное общественное развитіе.

«Мы требуемъ отъ государства, какъ и отъ всего общества, и отъ каждаго человѣка, желающаго работать надъ задачами эпохи, чтобы они руководились высокимъ идеаломъ. И этотъ идеалъ не можетъ и не долженъ быть никакимъ другимъ кромѣ пріобщенія все большей и большей части нашего народа къ высшимъ благамъ культуры: — къ образованію и достатку. Такова должна быть великая, въ лучшемъ смыслѣ слова, демократиче-

ская задача нашего развитія, являющаяся намъ и какъ высшая цѣль исторіи человѣчества.

«Но довольно. Мы вѣдь не хотимъ говорить сегодня о крупныхъ принципіальныхъ вопросахъ, а желаемъ только разсмотрѣть отдѣльные вопросы практической задачи. Но намъ казалось умѣстнымъ, прежде чѣмъ перейти къ дебатамъ, изложить честно и открыто основную точку зрѣнія тѣхъ, кто содѣйствовалъ главнымъ образомъ нашему собранію» *).

Рефераты членовъ союза, дебаты, результаты голосованій печатаются въ «Schriften des Vereins für Socialpolitik.» Бо́льшая часть соціально-экономическихъ законо-проектовъ, принятыхъ союзомъ, могутъ быть удобно примѣнены къ условіямъ нашей жизни. Изданіе «Schrift. d. Ver. f. Socialpolitik» въ русскомъ переводѣ составило бы цѣнный вкладъ въ нашу экономическую литературу. Оно оказало бы значительное вліяніе на образованіе и усовершенствованіе правильныхъ экономическихъ понятій въ обществѣ и прессѣ.

И. Иванюковъ.

*) Verhandlungen der Eisenacher Versammlung am 6 nnd 7. Octob. 1872.

* * *

Не плачь, дитя! Ищи веселья....
Твои всѣ слезы подобрать
Хотѣлъ бы я и ожерелье
Изъ нихъ волшебное создать....

—

Когда бы раньше предо мною
Блеснула ты, какъ солнца лучъ,
Я съ путеводною звѣздою
Пошелъ бы силенъ и могучъ.

—

Но не вернуть былые годы....
Хотя и свѣтелъ неба сводъ,
Корабль, разбитый непогодой,
По морю вновь не поплыветъ....

—

Душа подавлена страстями,
А сердце холодно въ груди,
Какъ храмъ, разрушенный годами,
Забытый Богомъ и людьми.

П. Козловъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Наше государственное хозяйство.—Упраздненіе III Отдѣленія и закрытіе Верховной Распорядительной Комиссіи.—Свобода печати и народное образованіе.—Фабричные порядки.—Проявленія невѣжества и звѣрства.—Подвиги администраціи.—Въ чемъ спасеніе.—Случай съ корреспондентомъ «*Московскихъ Вѣдомостей*.»

Уже много разъ, и во внутреннемъ обозрѣніи *Русской Мысли*, и на страницахъ другихъ изданій, мы указывали на крайне разстроенное, весьма опасное состояніе государственнаго хозяйства въ Россіи. Опасность эта до настоящаго времени не только не уменьшается, но увеличивается чуть ли не съ каждымъ днемъ. Тягостныя испытанія, которыя переживаетъ наша сельско-хозяйственная промышленность, побуждаютъ насъ опять говорить о необходимости кореннаго измѣненія нашей финансовой системы. Слѣдующая таблица показываетъ ростъ государственныхъ доходовъ и расходовъ въ Россіи въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ:

	Доходы:		Расходы:	
	Ожидалось по росписи.	Поступило.	Назначено по росписи.	Произведено.
	Р у б л е й.			
1855 года	206,860,000	264,119,453	263,300,000	525,969,770
1856 »	210,700,000	353,587,990	271,516,000	619,365,024
1857 »	226,678,000	309,412,890	258,216,000	347,855,645
1858 »	232,566,000	358,360,038	246,606,000	363,356,475
1859 »	280,736,835	344,703,157	260,201,177	350,514,918
1860 »	282,630,238	386,916,431	298,307,388	438,239,223
1861 »	334,148,013	414,584,163	332,360,706	413,796,856
1862 »	295,861,839	291,288,888	306,619,739	313,504,953
1863 »	332,160,091	339,566,550	343,867,860	384,498,637
1864 »	353,525,670	360,419,106	395,912,628	406,207,624
1865 »	357,695,408	371,267,383	376,093,514	396,677,549
1866 »	362,553,128	352,695,836	376,137,060	413,298,012
1867 »	399,670,599	419,838,426	406,026,894	424,904,090
1868 »	425,965,688	421,560,460	429,481,851	441,282,999
1869 »	428,282,029	457,496,342	439,601,863	468,797,909

	Доходы:		Расходы:	
	Ожидалось по росписи.	Поступило.	Назначено по росписи.	Произведено.
	Р у б л е й.			
1870 года	449,029,483	480,558,832	458,836,213	485,482,086
1871 »	470,691,563	508,187,576	469,165,122	499,734,633
1872 »	487,772,476	523,057,196	482,388,255	523,077,475
1873 »	511,983,742	537,942,323	506,956,070	539,140,337
1874 »	531,052,894	557,733,591	519,885,074	543,317,034
1875 »	548,670,413	576,493,152	537,414,630	543,221,521
1876 »	556,744,519	559,262,692	550,658,349	573,107,058
1877 »	558,205,223	548,830,831	552,196,701	585,044,811
1878 »	558,249,008	625,972,735	579,744,716	600,510,612
1879 »	617,097,942	—	610,715,991	—
1880 »	650,878,643	—	644,682,709	—

Къ расходамъ послѣднихъ лѣтъ (1876—1878) слѣдуетъ присоединить издержки войны, общая сумма которыхъ далеко превышаетъ *милліардъ рублей*.

Эти цифры заставятъ призадуматься всякаго. Государственные расходы почти утроились въ четверть вѣка. Такъ какъ невозможно допустить, чтобы благосостояніе Россіи также утроилось за указанный промежутокъ времени, то, не смотря на паденіе цѣнности бумажнаго рубля, очевидно, что податная тяжесть стала необычайно велика. Правда, государство тратитъ деньги на народныя нужды; но въ числѣ производимыхъ имъ расходовъ первое мѣсто, къ сожалѣнію, продолжаютъ занимать расходы военные, которые поглощаютъ почти третью часть громаднаго бюджета, а второе мѣсто занимаютъ платежи по займамъ, внутреннимъ и въ особенности иностраннымъ. Мы не будемъ здѣсь касаться вопроса о томъ, дѣйствительно ли необходима для русскаго народа армія чуть ли не въ милліонъ человѣкъ, а замѣтимъ только, что, во всякомъ случаѣ, по этой статьѣ расходовъ возможны весьма значительныя сокращенія. Но для осуществленія этихъ сокращеній требуется измѣненіе теперешняго порядка составленія государственнаго бюджета.

Недавно *Молва* сообщила слѣдующій случай: «По смѣтѣ морскаго министерства на 1879 годъ (1-я часть прилож., вѣдомость № 1-й) назначенъ расходъ на выдачу столовыхъ денегъ 1,424 разнымъ чиновникамъ, по 96 рублей каждому. Умножая 1,424 на 96, получимъ итогъ общаго расхода по этой статьѣ въ 136,704 руб. Въ вѣдомости же этотъ итогъ обозначенъ въ 236,704 руб., т. е. увеличенъ ровно на 100,000 рублей. Та же лишняя сотня тысячъ рублей послѣдовательно повторяется во всѣхъ послѣдующихъ итогахъ и послужила такимъ образомъ къ излишнему ассигнованію 100,000 руб. по смѣтѣ морскаго министерства. Замѣчательно, что эта ошибка не замѣчена ни составителями смѣты въ министерствѣ, ни государственнымъ контролемъ, ни министерствомъ фи-

нансовъ, чиновники которыхъ, конечно, разсматривали, соображали и давали заключенія по этому предмету. Могутъ сказать, конечно, что описки и ошибки всегда возможны. Казна не могла понести отъ нея убытка, такъ какъ излишне ассигнованныя деньги не могли быть израсходованы (чиновники все-таки не получили болѣе 96 рублей столовыхъ). Но курьёзъ-то и заключается въ томъ, что излишне ассигнованные 100,000 руб. могли поступить въ число «остатковъ», которыми чиновники министерства распоряжаются.»

Морское министерство поспѣшило представить возраженіе, съ которымъ, вѣроятно, обидѣвшись, обратилось не въ газету, подмѣтившую промахъ, а въ *Голосъ*. Утѣшительно во всякомъ случаѣ, что печатное слово у насъ уже начинаетъ производить надлежащее давленіе. Вотъ возраженіе морскаго министерства:

«Въ № 207-мъ газеты «Голосъ» перепечатана замѣтка изъ газеты «Молва» объ излишнемъ занесеніи въ морскую смѣту на 1879 годъ 100,000 руб. на выдачу столовыхъ денегъ разнымъ чиновникамъ. Именно, на 1,424 человѣка, показанныхъ въ смѣтѣ, считая по 96 руб. на каждаго, приходилось 136,704 руб.; испрошенъ же кредитъ въ 236,704 руб. Курьёзъ, по мнѣнію составителя замѣтки, заключается въ томъ, что излишне ассигнованные 100,000 руб. могли поступить въ число остатковъ, которыми излюбленные чиновники министерства распоряжаются обыкновенно для вознагражденія, въ концѣ года, своихъ заслугъ передъ отечествомъ.

«Указываемая ошибка, дѣйствительно, вкралась въ смѣту, но она на столько груба, что едва ли кто откажетъ въ объясненіи ея простою описью, проскользнувшею при спѣшныхъ работахъ по изготовленію смѣтъ къ срочному представленію въ государственный совѣтъ; притомъ же она ни въ какомъ случаѣ не могла остаться незамѣченною впослѣдствіи, если бъ даже авторъ замѣтки и не подѣлился своимъ открытіемъ съ обществомъ путемъ печати. Въ данномъ случаѣ, по поводу простой цифирной ошибки, вовсе не важной по своимъ послѣдствіямъ, высказаны предположенія, обличающія лишь полное незнакомство съ условіями распоряженія смѣтными кредитами. Сумма въ 236,704 рубля, увеличенная по недосмотру, была назначена не для разныхъ чиновниковъ, а въ числѣ общаго кредита на денежное береговое довольствіе строевыхъ чиновъ, на которое ассигнуется ежегодно около 3,500,000 рублей. Никакими остатками изъ этого кредита, какъ бы они ни были незначительны, министерство распоряжаться по своему усмотрѣнію не можетъ и они остаются сполна въ государственномъ казначействѣ. Въ 1879 году, значительная часть остатковъ отъ ассигнованія на береговое довольствіе строевыхъ чиновъ, далеко превышавшая вышеуказанный излишекъ въ смѣтномъ назначеніи на этотъ предметъ, была обращена, съ разрѣшенія государственнаго совѣта, на пополненіе недостатка въ другомъ кредитѣ, испрошенномъ по смѣтѣ въ несоотвѣтственномъ дѣйствительной надобности размѣрѣ,

а остальныя свободныя суммы поступили, съ заключеніемъ смѣты, въ государственный доходъ. Само собою разумѣется, что объ обращеніи вышеупомянутыхъ 100,000 на награды чиновникамъ не могло быть и рѣчи». *)

Молва, понятное дѣло, не удовлетворилась этими объясненіями. Мы, говоритъ газета, рѣшительно ничего не имѣли собственно противъ морскаго вѣдомства и полагали, что подобный случай не составляетъ исключенія и вполнѣ возможенъ во всѣхъ вѣдомствахъ, не только у насъ, но и въ другихъ странахъ, находящихся въ одинаковыхъ съ нами условіяхъ.

Было бы излишне напоминать, продолжаетъ *Молва*, что неправильныя статьи исчисленія нежелательны даже при цвѣтущемъ финансовомъ и экономическомъ положеніи государства. «Тѣмъ болѣе не должны они имѣть мѣсто тамъ, гдѣ каждая копѣйка на счету, гдѣ положеніе таково, что самыя неотложныя потребности не удовлетворяются за недостаткомъ средствъ. Извѣстно, напримѣръ, что распространеніе судебной реформы на западныя губерніи откладывалось именно въ виду стѣснительнаго положенія государственнаго казначейства». **)

Почтенная газета совершенно права, и мы были очень удивлены, когда прочли въ *Голосѣ* статью, которая не видитъ въ данномъ случаѣ ничего серьезнаго, а только безвредную для государственнаго казначейства ошибку. «Составленіе смѣты, говоритъ *Голосъ*,—всегда дѣло спѣшное и не можетъ быть не спѣшнымъ. Смѣты составляются въ центральныхъ управленіяхъ на основаніи свѣдѣній, доставляемыхъ управленіями мѣстными, изъ которыхъ многія находятся въ весьма отдаленномъ разстояніи отъ столицы. Слишкомъ ранній срокъ доставленія этихъ свѣдѣній назначенъ быть не можетъ, потому что, въ такомъ случаѣ, данныя для составленія смѣтъ будутъ страдать устарѣлостью. Съ другой стороны, государственнымъ совѣтомъ для каждой смѣты назначенъ довольно ранній срокъ представленія. Вслѣдствіе этого, учрежденіямъ, какъ составляющимъ смѣты, такъ повѣряющимъ ихъ, приходится работать усиленно и очень спѣшно. Чиновникъ, работающій по 15-ти и болѣе часовъ въ сутки при составленіи и разсмотрѣніи смѣтъ,—вовсе не рѣдкость. Вслѣдствіе такой усиленной работы, ошибки и описки весьма возможны и дѣйствительно случаются. Обыкновенно, одному изъ участвующихъ въ разсмотрѣніи смѣтъ учрежденій удается во-время замѣтить ихъ и исправить. Но если она даже и останется въ смѣтѣ, бѣда не велика, и именно настоящій случай всего лучше убѣждаетъ въ этомъ. Излишне попавшіе въ смѣту 100,000 руб. не израсходованы и не могли быть израсходованы. Ни одинъ распорядитель кредита не могъ, подъ страхомъ личной отвѣтственности, израсходовать сумму, попавшую въ роспись по описке и явно несоотвѣтст-

*) Голосъ, № 211.
**) Молва, № 212.

вующую указанной въ смѣтѣ потребности, такъ какъ, по дѣйствующимъ правиламъ, каждая выдача производится прямымъ кредиторамъ казны и должна сопровождаться оправдательными документами. Выдачи, несогласныя со штатомъ, были бы при повѣркѣ признаны неправильными, хотя бы онѣ были произведены изъ разрѣшеннаго кредита». *)

Молва опять таки основательно возражаетъ, что 100,000 руб. получили во всякомъ случаѣ другое назначеніе, что вовсе не безразлично въ государственномъ хозяйствѣ. А мы замѣтимъ *Голосу*, что напрасно онъ утверждаетъ, будто составленіе смѣты дѣло спѣшное и не можетъ быть неспѣшнымъ. При бюрократическомъ способѣ составленія бюджета всегда такъ, дѣйствительно, и бываетъ; но въ Англіи и во Франціи, напримѣръ, составленіе смѣты есть дѣло срочное, а не спѣшное, и грубыя ошибки, вродѣ подмѣченной *Молвою,* являются невозможностію. Къ тому же такихъ ошибокъ при ближайшемъ разсмотрѣніи нашлось бы не малое количество. Въ той же смѣтѣ и въ томъ же параграфѣ *Молва* замѣтила новую погрѣшность: на удовлетвореніе *шести* полковниковъ столовыми деньгами назначено по *триста рублей* каждому. По обыкновенной ариѳметикѣ это составитъ всего 1,800 рублей. Но вмѣсто этого итога въ приложеніи къ смѣтѣ находимъ цифру въ 5,256 рублей. Разница, положимъ, незначительная—только на 3,456 рублей, но нельзя того же сказать о самой «ошибкѣ». Чиновникамъ, производившимъ умноженіе, пришлось тутъ уже споткнуться и ошибаться на каждой изъ четырехъ цыфръ, вмѣсто одной, какъ въ прежде указанной «опискѣ.»

Безсиліе одного административнаго контроля въ государственномъ хозяйствѣ убѣдительно доказано и постоянно доказывается исторіей. Чѣмъ обширнѣе и населеннѣе государство, чѣмъ больше развивается оно въ экономическомъ и другихъ отношеніяхъ, тѣмъ менѣе удовлетворительнымъ становится составленіе и утвержденіе государственнаго бюджета негласнымъ, канцелярскимъ путемъ, и тѣмъ болѣе нуждается финансовое управленіе въ хорошо образованныхъ должностныхъ лицахъ. «Техническое и научное образованіе необходимы не только потому, что управленіе податными сборами предполагаетъ многостороннее знакомство съ правомъ, юридическимъ бытомъ, промышленнымъ производствомъ, ходомъ торговли и коммерческихъ оборотовъ; но и потому, что наука облагораживаетъ и возвышаетъ духъ и дѣлаетъ его недоступнымъ для вліянія низкихъ побужденій» **).

Грубыя ошибки и *деликатныя* взятки ***) нельзя искоренить иначе, какъ полною отмѣною бюрократическаго строя, который уже достаточно показалъ свою неповоротливость и безсиліе въ дѣлѣ преобразованія нашей

*) Голосъ, № 213.

**) К фонъ-Гокъ: Налоги и государственные долги, 36 (переводъ Н. Х. Бунге, нынѣшняго товарища министра финансовъ).

***) Подобныя тѣмъ, о которыхъ разсказывалъ въ *Молвѣ* г. Полетика.

податной системы. Подушная подать и соляной налогъ, изумительная величина питейнаго акциза и многое множество другихъ, не столь крупныхъ пороковъ русскаго государственнаго хозяйства, давно осуждены и обществомъ, и печатью, давно признаны и самимъ правительствомъ. Въ началѣ августа въ печать проникло извѣстіе, опять подающее надежду на скорое наступленіе хоть одного изъ «счастливѣйшихъ» дней. *Голосъ* сообщаетъ, изъ вполнѣ достовѣрнаго, по словамъ газеты, источника слѣдующее:

23-го марта прошлаго года, по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ, Высочайше повелѣно было приступить къ обсужденію предположеній объ отмѣнѣ сборовъ, взимаемыхъ въ пользу государственнаго казначейства по подушной системѣ, и къ изысканію, для замѣны ихъ, другихъ источниковъ государственныхъ доходовъ. Съ этою цѣлью тогда же образована была, подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ, особая коммиссія изъ представителей разныхъ вѣдомствъ. Къ участію въ ея занятіяхъ приглашены, сверхъ того, петербургскій городской голова, предводитель дворянства и предсѣдатель земской управы Петербургской губерніи. Еще весною 1879 года, коммиссіей выработаны главныя основанія предстоящей отмѣны существующихъ подушныхъ податей, причемъ предположено замѣнить ихъ тремя новыми прямыми налогами: подоходнымъ, личнымъ и подворнымъ. Для разработки, на указанныхъ основаніяхъ, подробнаго проекта каждаго изъ этихъ налоговъ, коммиссіей выдѣлены изъ своей среды три редакціонные отдѣла, подъ предсѣдательствомъ Д. Ф. Кобеко (подоходный налогъ), П. П. Семенова (личный налогъ) и К. И. Домонтовича (подворный налогъ).

Всѣ три отдѣла окончили въ настоящее время свои занятія, и составленные ими проекты положеній о новыхъ налогахъ, которые должны замѣнить подушныя подати, поступятъ на разсмотрѣніе общей коммиссіи въ началѣ осени, когда всѣ члены ея, послѣ лѣтняго ваканціоннаго времени, съѣдутся въ Петербургѣ. При этомъ министромъ финансовъ, предсѣдателемъ коммиссіи, приглашено будетъ къ участію въ ея занятіяхъ возможно большее число лицъ, знакомыхъ съ подлежащими обсужденію вопросами, согласно испрошенному имъ на то Высочайшему разрѣшенію. Публиковать выработанные редакціонными отдѣлами проекты, до ихъ обсужденія и согласованія въ средѣ общей коммиссіи, признается министерствомъ, какъ мы слышали, неудобнымъ и несвоевременнымъ. Составленіе и мотивированная редакція этихъ проектовъ, особенно по подоходному налогу, потребовали громаднаго труда, не смотря на множество подготовительныхъ работъ, исполненныхъ ранѣе существующей при министерствѣ финансовъ особою коммиссіей для пересмотра системы податей и сборовъ.

Намъ не совсѣмъ понятно, почему неудобно и несвоевременно публиковать выработанные редакціонными отдѣлами проекты. Ученые спеціалисты и люди, практически знакомые съ дѣломъ, могли бы представить

замѣчанія и соображенія, весьма полезныя для комиссіи, трудъ которой былъ бы такимъ образомъ значительно облегченъ. Едва ли можно предположить, чтобы опубликованіе проектовъ сопровождалось какими либо вредными для государства и народа результатами. Но русскому общественному мнѣнію приходится до настоящаго времени ограничиваться въ большинствѣ случаевъ ретроспективными сожалѣніями, удивленіями или восторгами.

Въ числѣ правительственныхъ мѣръ, возбудившихъ особенное вниманіе и чрезвычайно радостныя надежды общества, первое мѣсто занимаютъ именные Высочайшіе указы 6 августа. Въ указѣ правительствующему сенату сказано:

«Именнымъ указомъ Нашимъ, даннымъ правительствующему сенату въ 12-й день февраля 1880 года, въ видахъ прекращенія покушеній дерзкихъ злоумышленниковъ поколебать въ Россіи государственный и общественный порядокъ, учреждена, на изложенныхъ въ упомянутомъ указѣ основаніяхъ, верховная распорядительная комиссія по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. При этомъ, для объединенія дѣйствій всѣхъ властей, главному начальнику означенной комиссіи, члену государственнаго совѣта, нашему генералу-адъютанту, генералу-отъ-кавалеріи, графу Лорисъ-Меликову предоставлены чрезвычайныя права.

«Слѣдя, со дня учрежденія верховной распорядительной комиссіи, за мѣропріятіями главнаго начальника оной, Мы убѣдились, что ближайшая цѣль учрежденія комиссіи — объединеніе дѣйствій всѣхъ властей для борьбы съ крамолою—на столько уже достигнута вполнѣ согласными съ видами нашими распоряженіями генерала-адъютанта графа Лорисъ-Меликова, что дальнѣйшія указанія Наши по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія могутъ быть приводимы въ исполненіе въ общеустановленномъ закономъ порядкѣ, съ нѣкоторымъ лишь расширеніемъ круга вѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ. Вслѣдствіе сего, а также съ цѣлью большаго на будущее время упроченія единства дѣйствій существующихъ органовъ исполнительной власти, Мы признали за благо:

1) Верховную распорядительную комиссію закрыть, съ передачею дѣлъ оной въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

2) III-е отдѣленіе собственной Нашей канцеляріи упразднить, съ передачею дѣлъ онаго въ вѣдѣніе министра внутреннихъ дѣлъ, образовавъ особый, для завѣдыванія ими, въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, департаментъ государственной полиціи, впредь до возможности полнаго сліянія высшаго завѣдыванія полиціей въ государствѣ въ одно учрежденіе упомянутаго министерства.

3) Завѣдываніе корпусомъ жандармовъ возложить на министра внутреннихъ дѣлъ, на правахъ шефа жандармовъ.

4) Министру внутреннихъ дѣлъ предоставить завершеніе возбужденныхъ верховною распорядительною комиссіей вопросовъ, съ правомъ

приглашать для сего, въ особыя совѣщанія, членовъ закрываемой нынѣ коммиссіи.

5) Генералъ-губернаторамъ и другимъ учрежденіямъ и начальствующимъ лицамъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они, по существующему, во исполненіе указа 12-го февраля сего года, порядку, обращались къ главному начальнику верховной распорядительной коммиссіи, относиться на будущее время къ министру внутреннихъ дѣлъ, которому предоставить, впредь до особаго указанія Нашего, высшее направленіе всѣхъ слѣдственныхъ по государственнымъ преступленіямъ дѣлъ, на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ таковое направленіе принадлежало главному начальнику верховной распорядительной коммиссіи.

6) Въ видахъ облегченія многотрудныхъ обязанностей министерства внутреннихъ дѣлъ безъ нарушенія опредѣленнаго законами Россійской Имперіи значенія сего министерства, отдѣлить отъ онаго: а) присоединенные къ его составу, въ 1868 году, департаменты почтъ и телеграфовъ, съ образованіемъ изъ нихъ, на прежнемъ основаніи, особаго министерства почтъ и телеграфовъ, и б) департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, завѣдываніе коимъ, на правахъ главноначальствующаго, поручается Нами вмѣстѣ съ симъ особому лицу

и 7) Распоряженія по приведенію вышеизложеннаго въ исполненіе возложить на министровъ внутреннихъ дѣлъ и почтъ и телеграфовъ, по принадлежности предметовъ и по надлежащемъ соглашеніи съ другими вѣдомствами, съ испрошеніемъ, въ потребныхъ случаяхъ, Нашихъ указаній и разрѣшеній.

Правительствующій сенатъ къ исполненію сего не оставитъ сдѣлать надлежащія распоряженія».

Министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ графъ Лорисъ-Меликовъ, а для г. Макова создано новое министерство—почтъ, телеграфовъ и духовныхъ дѣлъ иностранныхъ вѣроисповѣданій. Въ виду сильнаго развитія почтовыхъ и телеграфныхъ сношеній и ихъ великаго значенія для государства, учрежденіе этого послѣдняго министерства, по всей вѣроятности, принесетъ нѣкоторую пользу, хотя, думается намъ, было бы цѣлесообразнѣе соединить его съ министерствомъ путей сообщенія, а не съ управленіемъ духовными дѣлами иностранныхъ вѣроисповѣданій. Но для насъ, конечно, недоступны тѣ мотивы, которые вызвали упомянутое соединеніе.

Голосъ говоритъ по поводу этихъ указовъ: «Эти новые акты мудрости Государя будутъ встрѣчены всею Россіей съ чувствомъ живѣйшей радости и самой глубокой признательности. Они говорятъ о высокомъ довѣріи самодержавной власти къ своему народу, о прекращеніи чрезвычайныхъ мѣръ къ возстановленію порядка въ государствѣ, объ успокоеніи общества, взволнованнаго неслыханными доселѣ преступленіями. Они служатъ важнымъ ручательствомъ въ томъ, что не будетъ болѣе преградъ къ правильному развитію Россіи, къ шествію ея по пути, на которомъ

цивилизованные народы только и могутъ найти прочный порядокъ внутри и внѣшнее могущество».

Газета справедливо находитъ, что главная заслуга въ этой перемѣнѣ нашей внутренней политики принадлежитъ бывшему начальнику верховной распорядительной коммиссіи. «Никогда не забудутъ возвращенные своимъ семьямъ и школѣ тысячи юношей, жестоко поплатившіеся за свои увлеченія, кому они обязаны возвращеніемъ изъ ссылки, смягченіемъ не въ мѣру суроваго наказанія, возможностью докончить свое образованіе, сдѣлаться добрыми гражданами; никогда не забудутъ потерявшіе было и вновь увидѣвшіе дѣтей своихъ отцы и матери, не забудетъ и все русское общество, кто былъ въ это печальное время душою и проводникомъ гуманности въ административныхъ мѣропріятіяхъ, кто употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобъ отдѣлить праваго отъ виноватаго, жертву минутнаго увлеченія отъ закоренѣлаго преступника»*). *Голосъ* полагаетъ, что Высочайшіе указы 6-го августа должны оставить глубокій слѣдъ въ нашей жизни, съ разныхъ сторонъ требующей обновленія. Прекращеніе дѣятельности верховной распорядительной коммиссіи означаетъ собою, что прошла пора временныхъ и чрезвычайныхъ мѣръ и вновь настало для Россіи время правильнаго государственнаго управленія; уничтоженіе III-го отдѣленія собственной канцеляріи Его Величества показываетъ, что административный произволъ отнынѣ осужденъ въ своей сущности и личная безопаспость всякаго честнаго гражданина становится неприкосновенною.

Энергическая и весьма умная статья *Современныхъ Извѣстій* говоритъ, что третье отдѣленіе создало политическихъ преступниковъ, и изъ нихъ выросли революціонеры. Задержки естественному развитію, презрѣніе къ законности, оскорбленія и притѣсненія свободномыслящимъ вѣрноподданнымъ, въ отношеніяхъ Бенкендорфа къ Пушкину представляющія лишь слабое подобіе того, что совершалось съ другими менѣе извѣстными Престолу умами, должны были породить зло, котораго все безобразіе, всю чудовищность оплакиваютъ теперь честные граждане. *Нигилизмъ есть дитя третьяго отдѣленія* и системы, съ нимъ связанной и ему служащей отраженіемъ.

Не будемъ продолжать выдержекъ. Печать весьма сочувственно отнеслась къ уничтоженію третьяго отдѣленія. Явились было сомнѣнія въ томъ, произошла ли вслѣдствіе указа 6-го августа дѣйствительная перемѣна въ русскихъ учрежденіяхъ. Не есть ли это переименованіе? спрашиваетъ *Страна*, упоминая о переименованіяхъ *Преображенскаго Приказа* въ *Преображенскую канцелярію*, этой канцеляріи въ *канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ* и т. д.**). Послѣдняя была Петромъ III уничтожена *навсегда*, дѣла ея были обречены *вѣчному забвенію*. Но, не смотря

*) Голосъ, № 218.

**) Страна, № 62.

на всѣ эти примѣры, *Страна* вѣритъ, «что на этотъ разъ тайная канцелярія, въ смыслѣ основанія внутренней политики на тайномъ розыскѣ, упраздняется *навсегда*». Газета говоритъ, что теперь очередь за свободою печати, и прежде всего за отмѣною всякихъ административныхъ взысканій, т. е. предостереженій, пріостановокъ, запрещеній и т. п.

Въ качествѣ курьёза приведемъ нѣсколько заключительныхъ строкъ изъ передовой статьи «*Московскихъ Вѣдомостей*», которыя также выражаютъ сочувствіе упраздненію III отдѣленія. *Московскія Вѣдомости* замѣчаютъ: «Напрасно извѣстные органы нашей печати чураются этого упраздненнаго учрежденія: можно доказать, съ документами въ рукахъ, что духъ, который въ этихъ органахъ высказывается, жилъ и въ этомъ учрежденіи, что въ немъ откликались ихъ тенденціи и мнѣнія....»

Намъ думается, что въ рукахъ издателя *Московскихъ Вѣдомостей* могутъ находиться документы, непосредственно касающіеся лишь его газеты, и нельзя не согласиться съ г. Катковымъ, даже не видѣвъ его *документовъ*, что въ упраздненномъ учрежденіи откликались нѣкоторыя изъ тенденцій и мнѣній *Московскихъ Вѣдомостей*, et vice versa.

Мы не придаемъ особенно важнаго значенія включенію III отдѣленія въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Несомнѣнно, что власть управляющаго этимъ министерствомъ, благодаря указу 6 августа, весьма увеличилась. Но, по совершенно справедливому замѣчанію *Русскаго Курьера*, эта реформа можетъ доставить обществу только такія гарантіи, размѣръ которыхъ будетъ зависѣть, главнымъ образомъ, отъ того лица, въ распоряженіе котораго будутъ поставлены всѣ полицейскіе органы Имперіи. Разъ это лицо стоитъ на высотѣ своей задачи, проникнуто современными идеями гражданственности, воодушевлено искреннимъ желаніемъ блага своей родинѣ и снабжено всѣми необходимыми полномочіями, — оно можетъ, мало-по-малу, оживить новымъ духомъ весь нашъ административный строй и, согласивъ охрану общества съ уваженіемъ къ личной свободѣ, открыть новую эру нашей внутренней политики. При другомъ же лицѣ, менѣе способномъ къ занятію такого высокаго поста, раздѣляющемъ убѣжденія, не гармонирующія съ духомъ новѣйшей гражданственности, и преслѣдующемъ болѣе узкіе идеалы, результаты могутъ получиться далеко не столь благотворные и, не смотря на новыя формы, духъ и порядки могутъ остаться прежніе *).

Высшее управленіе русскимъ государствомъ прошло нѣсколько фазъ. Приказы XVII вѣка смѣнились петровскими коллегіями, наконецъ, явились министерства. Техническая часть въ административныхъ порядкахъ несомнѣнно улучшалась, но нерѣдко подобными улучшеніями все дѣло и ограничивалось. *Кормленіе* администраторовъ и судей на счетъ управляемыхъ и судимыхъ, оффиціально изгнанное съ самаго начала XVIII вѣка,

---

* Русскій Курьеръ, № 215.

перешедши нѣсколько метаморфозъ, дошло до нашихъ дней, и лишь въ нынѣшнее царствованіе, благодаря судебной реформѣ, отмѣнѣ откуповъ и другимъ преобразованіямъ, сокращено до незначительныхъ размѣровъ и пріобрѣло характеръ случайности. Съ другой стороны, личное, территоріальное и вѣдомственное начало продолжали смѣшиваться даже и въ то время, когда Россія управлялась министерствами. Если въ старину была Новгородская четь, то и теперь мы имѣемъ административныя учрежденія, которыя вѣдаютъ всѣ дѣла въ одной области; если прежде *приказъ* какому-нибудь дьяку Варфоломѣю заняться опредѣленнымъ дѣломъ велъ къ образованію *приказа, какъ учрежденія*, то аналогичныя явленія происходили и въ новѣйшее время. Русскую интеллигенцію многіе ученые и публицисты дѣлаютъ отвѣтственною за такъ называемый петербургскій періодъ отечественной исторіи. Но тутъ очевидно дѣйствуетъ недоразумѣніе. Какая интеллигенція управляла Россіею въ упомянутое время? Ломоносовы, фонъ-Визины, Радищевы, Новиковы, Карамзины, Жуковскіе? Не Бироны ли и Аракчеевы?

Зарождавшейся, конечно, подъ западнымъ вліяніемъ (многіе предпочитаютъ византійское или татарское), *народной* русской мысли, *потому что величайшій представитель русской интеллигенціи есть мужикъ Ломоносовъ*, было тѣсно отъ администраторовъ, тѣсно отъ нѣмцевъ-конюховъ, отъ нѣмокъ-баронессъ. Русская мысль, какъ остроумно замѣтила *Молва*, зачислялась въ разрядъ бѣдствій, которыя удручаютъ россійскую Имперію, бороться съ которыми составляетъ насущную потребность для правительства: нашъ цензурный уставъ (законы о печати) помѣщенъ въ XIV т. Свода Законовъ, «въ этой, говоритъ *Молва*, грозной и печальной книгѣ, лаконически трактующей о всевозможныхъ бѣдствіяхъ человѣческаго общежитія, *въ ихъ числѣ* и о печати. Не претендуя сообщить новость, напомню только, что XIV томъ заключаетъ въ себѣ уставъ пресѣченія и предупрежденія преступленій и посвященъ ссыльнымъ, бѣглымъ, безпаспортнымъ, тюрьмамъ и печати, какъ бы сопоставляя ее съ каторжниками, бѣглыми, пожарами, голодомъ, чумою и подобными имъ роковыми и неизбѣжными ужасами общественнаго бытія».

Новымъ духомъ повѣяло, говорятъ газеты. Новымъ духомъ повѣяло, радостно привѣтствуютъ другъ друга въ обществѣ. Съ печати снимается опала; ее хотятъ освободить отъ постояннаго и небезопаснаго сосѣдства съ каторгой и тюрьмой. Отъ души радуемся и мы, журналисты, ощущая меньшую тяжесть на своихъ плечахъ, менѣе острыхъ препятствій для своего языка. Но мы уже настаивали на той мысли, что въ государственномъ строѣ одна важная перемѣна влечетъ за собою рядъ другихъ, или остается на бумагѣ, какъ турецкая конституція. Всѣ учрежденія государства, всѣ факторы, которыми опредѣляется общественная жизнь, находятся между собою въ тѣсномъ соотвѣтствіи. Какъ уровень воды въ сообщающихся между собою сосудахъ стремится находиться на одной ли-

нін, такъ и всѣ учрежденія и законы стремятся къ регулированію однимъ и тѣмъ же принципомъ.

Но, конечно, для укрѣпленія учрежденія, для надлежащаго роста закона, необходимо, чтобы сознаніе его пользы или настоятельной важности воспиталось у значительнаго числа гражданъ, если не у всѣхъ. Къ сожалѣнію, наше образованіе до послѣдняго времени отождествляло достоинство гражданина съ добродѣтелью Молчалина или геройствомъ Держиморды. Читатели помнятъ, вѣроятно, исторію съ г. Сигомъ, одесскимъ педагогомъ, исторію, которая вызвала такой дружный взрывъ негодованія нашей печати. Сиги, оказываются, водятся и въ другихъ мѣстахъ. Ялтинскій корреспондентъ *Новаго Времени* *) разсказываетъ слѣдующій случай:

«Недавно у насъ случился эпизодъ, хорошо обрисовывающій порядки мѣстной гимназіи и нравственную правоспособность лицъ, поставленныхъ во главѣ управленія. Засѣдалъ, видите ли, педагогическій совѣтъ ялтинской женской прогимназіи подъ предсѣдательствомъ инспектора мѣстной мужской прогимназіи — одного изъ стаи славной — доблестныхъ чеховъ, призванныхъ володѣть нами. Говорили на совѣтѣ много — сказали мало, въ протоколъ не внесли ничего. Одна изъ учительницъ, почтенная личность, весьма уважаемая въ Ялтѣ, дерзнула обратиться къ инспектору съ просьбой позволить занести въ протоколъ ея мнѣніе о неправильно произведенномъ экзаменѣ по ея предмету, но безъ нея. Инспекторъ отвѣтилъ кратко, но выразительно: не хочу!—Его попросили мотивировать свой отказъ болѣе законно.

— Да что съ вами толковать: вы неприличная женщина!...

Всѣ, разумѣется, были ошеломлены, тогда инспекторъ-чехъ, въ подтвержденіе неприличности учительницы, пояснилъ:

— Я разъ встрѣтился на улицѣ съ вами и вы мнѣ не поклонились! Господинъ, шедшій со мною, сказалъ даже: о, я бы проучилъ эту дуру!...

Представьте себѣ впечатлѣніе этой выходки. Недаромъ упрекаютъ учениковъ и учениць ялтинскихъ гимназій въ неумѣніи держать себя: чего же ждать отъ нихъ, если выписанные изъ Праги педагоги подаютъ имъ столь блистательные примѣры вѣжливости и уваженія къ женщинѣ?! Ошеломленная учительница не рѣшилась отвѣчать бранью на брань, — она отвѣчала только напоминаніемъ, что здѣсь залъ засѣданія педагогическаго совѣта, предложила ему придти въ себя и поразмыслить о томъ, что онъ говоритъ, но увлекшійся инспекторъ закусилъ удила и, увлекаемый благоговѣйнымъ молчаніемъ слушателей, продолжалъ въ томъ же родѣ. Начальница женской прогимназіи сіяла отъ удовольствія, внимая ему; ей давно хотѣлось выжить учительницу, мѣшавшую ей устраивать здѣсь свои дѣла. Оскорбленной женщинѣ осталось одно—обратиться съ жалобой, куда

*) Новое Время, № 1063.

слѣдуетъ. Храбрый инспекторъ, узнавъ объ этомъ, струсилъ. Является самъ къ обруганной имъ женщинѣ; та его не принимаетъ; пишетъ извинительное письмо (доставленное намъ въ редакцію), на которое не получаетъ отвѣта. Видя, что такимъ путемъ ничего не подѣлаешь, инспекторъ кидается къ попечителю. Онъ представляетъ ему учительницу, какъ не соотвѣтствующую своему назначенію, просить ея отставки, которая, разумѣется, не заставляетъ себя долго ждать. Въ Ялтѣ всѣ, начиная отъ властей и кончая ея временными жителями, глубоко возмущены этою несправедливостью, особенно родители воспитанницъ женской гимназіи, которые, такимъ образомъ, лишились одной изъ лучшихъ своихъ преподавательницъ.

Всего комичнѣе письмо инспектора. Мы приводимъ изъ него нѣсколько перловъ: оскорбленіе нанесено имъ учительницѣ, видите ли, потому, что «событія послѣднихъ дней вывели (бѣднаго инспектора) изъ терпѣнія и совершенно разстроили. Онъ чувствуетъ себя очень плохо, хотя и не знаетъ причины этому. Онъ, видите ли, перенесъ въ свое время много непріятностей—и «вотъ слѣды перенесеннаго горя». «Въ моихъ словахъ (дура, неприличная женщина) не было ничего преднамѣреннаго, нарочно подготовленнаго, это просто звуки, произнесенные въ какомъ-то забытьи. Тѣмъ болѣе досадно мнѣ, что я повторялъ слова человѣка, которому при встрѣчѣ я и руки не подалъ бы... Неужели вы захотите эксплуатировать мою ошибку? восклицаетъ инспекторъ далѣе. Зачѣмъ вы раздуваете искру въ огонь (все это подлинные перлы инспекторскаго краснорѣчія). Я апелирую къ врожденной женщинѣ мягкости и прошу повѣрить, что ваше согласіе на мое предложеніе — простить меня—сдѣлаетъ большую честь вашему уму и еще болѣе сердцу. Вы одержите побѣду надъ страстью вашей и моей (?!). Я все это дѣлаю для того, что не хочу выносить сора изъ избы: я очень не люблю, чтобы обо мнѣ говорили (еще бы!) и я одинаково смущаюсь, какъ хорошими, такъ и дурными отзывами (какой подумаешь застѣнчивый!). Кромѣ того, я васъ спрашиваю: не совѣстно ли вамъ будетъ преднамѣренно, обдуманно, вполнѣ сознательно прибавлять послѣднія капли въ чашу горечи, которую я выпилъ (безграматно—какъ же это прибавлять капли въ выпитую уже чашу?)—я говорю искренно и откровенно и honny soit qui mal y pense!

P. S. Всякая вражда есть только недоразумѣніе, сказалъ одинъ изъ ораторовъ на праздникѣ Пушкина въ Москвѣ!»

Послѣдній перлъ лучше всего!...

Впрочемъ, всѣ эти перлы и раскаянія не помѣшали устроить отставку оскорбленной имъ учительницы.

Послѣдній перлъ, дѣйствительно, крайне характеренъ. Батюшка, съ церковной каѳедры обзывавшій всѣхъ дворянъ нигилистами и злодѣями, ссылается на передовую статью *Московскихъ Вѣдомостей;* г. Булюбашъ, осужденный, какъ клеветникъ, обѣляется и превозносится юри-

стами г. Каткова; педагогъ, совершившій отвратительный, глубоко безнравственный поступокъ, чтобъ увернуться отъ послѣдствій этого поступка, взываетъ, какъ г. Катковъ, что «всякая вражда есть только недоразумѣніе»! О, нѣтъ, господа Сиги! Ненавидѣть развратителей нашихъ дѣтей, презирать клеветниковъ и доносчиковъ—не христіанское, конечно, дѣло; но эта ненависть и презрѣніе кипять въ каждомъ честномъ человѣкѣ, они являются роковыми послѣдствіями дѣяній и писаній господъ, о которыхъ мы упоминали. Вражда съ Булюбашами, Сигами и Раздеришиными составляетъ гражданскій долгъ, и когда всѣ образованные люди, большинство ихъ по крайней мѣрѣ, будутъ исполнять этотъ долгъ, дѣятелямъ, похожимъ на три названныхъ, придется плохо. И скоро придется плохо.

Надо надѣяться, что правительство приметъ въ ближайшемъ будущемъ цѣлесообразныя мѣры и противъ другаго общественнаго зла, на которое уже давно указываетъ печать, бороться съ которымъ, на сколько это было въ его власти, принялось отчасти и земство. Я имѣю въ виду фабричные порядки, о которыхъ мнѣ приходилось уже говорить на страницахъ внутренняго обозрѣнія «*Русской Мысли*». Недавно сгорѣла въ Петербургѣ табачная фабрика Шапшала. Этотъ пожаръ служитъ новою ужасающею иллюстраціею недостатковъ нашего фабричнаго законодательства. *Новое Время* напечатало по этому поводу прекрасную передовую статью, которая дышетъ честнымъ негодованіемъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ приводимъ выдержки изъ статьи газеты, къ которой *Русская Мысль* не имѣетъ основаній вообще относиться сочувственно. «Вы читали, говоритъ *Новое Время*, потрясающія душу подробности пожара на фабрикѣ Шапшала. Не стихія губила, безсмысленная и безжалостная, а губилъ сообразительный человѣкъ, презрѣнный торгашъ, для котораго жизнь работницъ ничто въ сравненіи съ горстью табаку. Его душа не дрогнула передъ криками и отчаяніемъ не только взрослыхъ, но и дѣтей. Несчастныя дѣти, принужденныя размѣнивать дѣтскіе годы на ничтожный заработокъ, цѣлый день запертыя въ удушливой атмосферѣ, были лишены права спасать свою жизнь, единственное благо ихъ, можетъ быть, единственную ихъ собственность. Ихъ заперли, какъ звѣрей въ клѣтку, и въ ужасѣ и отчаяніи они кидались въ окна и погибали. А презрѣнный и сообразительный торгашъ производилъ обыскъ у работницъ, чтобы ни одна щепоть табаку не ушла изъ фабрики; онъ преспокойно подвергалъ опасности человѣческія души, слышалъ крикъ и вопли дѣтей, видѣлъ испуганныя, молящія, помертвѣлыя лица, видѣлъ смятеніе, какое только можетъ быть въ толпѣ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, но все это было ничто передъ высшими соображеніями бездушнаго взрослаго человѣка. Двери держались на запорѣ; въ нихъ стучали извнѣ; пламя проникало въ помѣщеніе несчастныхъ работницъ, и первобытный способъ осады—бревно—наконецъ, выбило дверь и толпа ринулась, давя другъ друга въ страшномъ безпамятствѣ....

Жизнь и здоровье рабочаго люда дешево цѣнятся на Руси. Г. Молчановъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о томъ, какъ производятся извѣстныя металлическія издѣлія въ Павловѣ—Вормсѣ. Вотъ, напримѣръ, описаніе процесса закалки металла на фабрикѣ Завьялова. Въ сторонкѣ, къ полю, стоитъ маленькій каменный домикъ, съ двумя высокими трубами. Въ низкой комнатѣ, которая имѣетъ до четырехъ саженъ въ длину и до двухъ въ ширину, сидятъ двое рабочихъ. Передъ каждымъ изъ нихъ стоитъ жаровня съ тлѣющимъ углемъ, ручные мѣха и высокій горшокъ съ масломъ. Рабочій беретъ лезвіе, раскаливаетъ его на жаровнѣ и затѣмъ опускаетъ въ масло,—голубой дымокъ смрада и гари взовьется въ тотъ же мигъ. «Я вошелъ въ эту кузницу, пишетъ г. Молчановъ, въ 10 часовъ утра и уже въ этотъ часъ не только внутренность ея, но и все зданіе было окутано цѣлымъ облакомъ этого смрада. Мой проводникъ не рѣшался даже вести меня сюда:

— Вонь ужасная-съ, терпѣть невозможно, пояснилъ онъ мнѣ; нарочно ее и отнесли подальше, а то на все село смраду напуститъ....

— Работаете безъ смѣны? спрашиваю у закальщиковъ.

— Безъ смѣны.

— Ничего, попривыкли къ смраду-то?

— Привыкнешь! Какъ пошабашишь, такъ не знаешь что тутъ дѣлать—голову ли расшибить, али водки напиться.... вотъ тебѣ и привыкли....

Эти рабочіе получаютъ до 1½ и 2-къ рублей въ недѣлю. Вотъ, поди же—есть у завьяловской фабрики извѣстность завидная, барыши хорошіе, а для самой ужасной работы она построила такую клѣтушку, гдѣ и безъ масляныхъ тучъ двоимъ задохнуться отъ одной тѣсноты можно!»

Изобрѣтательность *рыцарей индустріи* по истинѣ удивительна, когда дѣло касается полученія барыша не съ помощію знанія и труда. *Новороссійскій Телеграфъ* *) передаетъ, что арендаторы одесской писчебумажной фабрики обратились къ мѣстному градоначальнику съ слѣдующимъ предложеніемъ: пусть градоначальникъ вызоветъ со стороны дамъ-благотворительницъ организацію сбора исписанной и негодной бумаги, за которую арендаторы фабрики предлагаютъ *по тридцати копѣекъ съ пуда*. Эти деньги должны поступать на воспитаніе сиротъ, на призрѣніе стариковъ и тому подобныя благотворительныя цѣли. Объясненіе этой человѣколюбивой затѣи гг. фабрикантовъ заключается въ томъ, что они въ настоящее время платятъ за пудъ исписанной и негодной къ употребленію бумаги *по два и по три рубля*. Гешефтъ этотъ едва ли удастся, замѣчаетъ *Новороссійскій Телеграфъ*. Дѣйствительно, пріемъ слишкомъ уже грубъ.

---

*) Новороссійскій Телеграфъ, № 1614.

Много еще невѣжественнаго и дикаго въ русскомъ обществѣ. Въ поневѣжскомъ уѣздѣ былъ недавно такой случай. Въ деревнѣ Шавдыняхъ, молдочанской волости, крестьяне поймали злоумышленника, покушавшагося украсть лошадей. Онъ былъ доставленъ въ уѣздное полицейское управленіе въ самомъ жалкомъ видѣ. Крестьяне сначала избили его до потери сознанія толстыми веревками, а потомъ разрѣзали животъ *). Близь Динабурга, четверо крестьянъ убили также крестьянина-конокрада камнями по головѣ. Въ *Недѣлю* пишутъ о слѣдующемъ случаѣ съ сестрою милосердія въ миргородскомъ уѣздѣ. «Пріѣхала она въ село дезинфецировать, а въ селѣ знали уже о «бунтахъ», имѣвшихъ мѣсто по сосѣдству. Вваливаются въ ея комнату нѣсколько мужиковъ и начинаютъ ее допрашивать: «Що ты таке?» желая этимъ вопросомъ выразить: что ты за птица такая, что лѣзешь къ намъ въ хаты и хочешь распоряжаться тамъ, гдѣ въ самыя плохія для мужика времена уважалась его личность и его свобода. Сестра милосердія сердится и отвѣчаетъ, что она — «человѣкъ». Помалорусски «чоловікъ» значитъ мужчина. Мужики изумлены, тревога ихъ усиливается, и они намѣрены освидѣтельствовать барыню, въ самомъ ли дѣлѣ это мужчина. «Можетъ, у нея хвостъ есть, можетъ она шерстью обросла—кто ее знаетъ». Сестра милосердія пугается и проситъ, чтобъ если ужъ свидѣтельствовать, то пусть свидѣтельствуютъ бабы. Крестьяне согласны: бабы такъ бабы, хотя и странно это, если пріѣзжая объявила себя мужчиной. Освидѣтельствовали бабы и объявили собравшемуся селу, что пріѣзжая женщина хвоста не имѣетъ, шерстью не обросла, вообще никакихъ признаковъ вѣдьмы не имѣетъ. Но встревоженные мужики не рѣшаются выпустить ее: если она пріѣхала не съ злымъ умысломъ, то зачѣмъ объявила себя мужчиной. Очевидно, что тутъ что-то не ладно. Ее ведутъ въ волостное правленіе (или въ такъ называемую сборную), но на дорогѣ встрѣчается какая-то проѣзжая особа и спасаетъ бѣдную мученицу за цивилизацію и медицину; ее увозятъ въ Полтаву.»

Корреспондентъ *Новостей* сообщаетъ изъ Янова, что въ деревнѣ Миканцахъ, не далеко отъ этого города, молнія зажгла хату. Побѣжали за водой, но крестьянинъ, на дворѣ котораго былъ колодезь, не позволилъ черпать воду, потому что зажженное грозой должно безпрепятственно горѣть. Не одно крестьянство, конечно, отличается суевѣріемъ и невѣжествомъ: это общая болѣзнь русскаго государства. Фельетонистъ *Русскаго Курьера* **) искусно сгруппировалъ факты, когда невѣжество поддерживалось безтактностію и неразумѣемъ представителей высшихъ классовъ, когда оно питалось пасущими и правящими. Мы приведемъ только одинъ случай, весьма характерный. Дѣло происходитъ въ Курской губерніи.

---

*) Виленскій Вѣстникъ, № 152.

**) Русскій Курьеръ, № 216.

«Въ одной изъ деревень, гдѣ свирѣпствовалъ дифтеритъ, отрядъ Общества Краснаго Креста предполагалъ производить дезинфекцію домовъ. Предположеніе однако вызвало упорное сопротивленіе со стороны крестьянъ, между которыми особенною назойливостью отличался парень лѣтъ 25. Молодой крестьянинъ выдавалъ себя за пророка, способнаго вылѣчивать всѣ болѣзни и выгонять нечистыхъ. Толки его произвели между крестьянами большое волненіе и тогда урядникъ, чтобы дать возможность персоналу Краснаго Креста окончить свои занятія, задержалъ парня и отправилъ его къ становому. У того въ квартирѣ начался допросъ. Парень Фроловъ вретъ, какъ Никашка въ «Горькой судьбинѣ»:

«Я могу теперича всѣхъ вѣдьмъ созвать. Скажу—и кончено. А нечистому.... этому супротивъ меня устоять никакъ невозможно, — слово такое знаю. Опять же я съ самаго младенчества оченно насчетъ его понимаю. Какъ я еще родился, сейчасъ же и говорю: «выгоните,—говорю,—этихъ бабъ: онѣ—вѣдьмы». Вотъ оно дѣло-то какое!... Только долженъ я вамъ, ваше благородіе, сказать, что за мой за этотъ даръ большое я испытаніе претерпѣлъ.... въ воронежскомъ острогѣ сколько времени высидѣлъ....»

Парень вретъ, а становой слушаетъ; затѣмъ онъ что-то намоталъ себѣ на усъ о медицинскихъ способностяхъ Фролова и послалъ его для экзамена къ земскому врачу. Врача не оказалось; тогда становой самъ произвелъ повѣрочное испытаніе чародѣя и, наконецъ, глубоко убѣжденный въ его чудодѣйственной силѣ, окончательно увѣровалъ. Онъ не только призналъ правдой все вранье Фролова, но поручилъ даже ловкому парню для лѣченія родную дочь, страдающую хроническимъ воспаленіемъ, и тотъ по своей бѣсовской наукѣ принимается за изгнаніе «нечистаго» изъ дочери его благородія....»

Представители другой отрасли администраціи поступаютъ не менѣе прекрасно. *Виленскій Вѣстникъ* сообщаетъ *), что «24 іюля, подъ вечеръ, въ госпиталь св. Якова былъ привезенъ больной отставной солдатъ. Такъ какъ всѣ мѣста были заняты больными, то привезшему посовѣтовали обратиться въ госпиталь Савичъ. Привезшій отвѣчалъ, что туда онъ уже обращался, но что и тамъ всѣ мѣста заняты. Однако, это объясненіе ни къ чему не повело, и его оставили стоять во дворѣ съ телѣжкою и больнымъ. Постоявъ нѣкоторое время и не видя около себя людей, привезшій оставилъ солдатика во дворѣ госпиталя, а самъ уѣхалъ тишкомъ. Оставленнаго солдата скоро замѣтили и выпроводили за ворота госпиталя. Въ пятницу, утромъ, этотъ несчастный солдатъ найденъ мертвымъ на берегу Виліи, недалеко отъ госпиталя св. Якова. Полагаютъ, что онъ хотѣлъ напиться и потому спустился къ рѣкѣ, гдѣ и умеръ.»

*) Виленскій Вѣстникъ, № 157.

Трудно рѣшить, что хуже: подобнаго ли рода *бездѣйствіе* власти, или такая дѣятельность, какую проявляетъ, напримѣръ, администрація тифлисскаго уѣзда. Въ числѣ многихъ другихъ случаевъ, корреспондентъ *Обзора* *) изъ Авчалъ разсказывалъ слѣдующій: «На дняхъ, писалъ корреспондентъ, въ Авчалахъ явился приставъ съ приказомъ отъ уѣзднаго начальника погнать жителей на постройку колеснаго пути отъ станціи Авчалы до селенія Глдани. Проведеніе дорогъ — вещь безспорно очень хорошая — составляетъ обязанность всякаго мудраго и преданнаго дѣлу правителя уѣздомъ, но только тогда, когда отъ этого есть какая-нибудь польза для мѣстности въ торговомъ, промышленномъ или, наконецъ, въ военномъ отношеніяхъ. Но такими ли соображеніями руководствовался, въ данномъ случаѣ, нашъ уѣздный начальникъ?

Въ самомъ дѣлѣ, изъ Авчалъ въ Глдани существуютъ и безъ того двѣ дороги; одна по оврагу подъ названіемъ *рике*, другая въ обходъ, черезъ гланскія поля и мѣсто называемое *Дояны*. Къ чему же было строить еще дорогу, заставлять жителей жертвовать дорогимъ для нихъ временемъ жнитва, покосовъ и обработки садовъ? Отвѣтить на это не трудно, если читатель приметъ въ соображеніе, что въ селѣ Глдани имѣетъ лѣтнюю резиденцію нѣкій г. Акимовъ, членъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, умѣющій устраивать весьма вкусные обѣды и обдѣлывать весьма искусныя дѣла. Этотъ г. Акимовъ, чтобы отправиться въ Тифлисъ, пріѣзжаетъ изъ Глдани на Авчальскую станцію въ кабріолетѣ, и понятно, что для этого недостаточна мизерная дорога по оврагу или въ обходъ, а нужна прямая, хорошая....

Жители Авчалъ, не смотря на увѣренія пристава, что постройка этой дороги предписана губернаторомъ, сразу же пронюхали въ чемъ дѣло и убѣдились, что дорога дѣлается для акимовскаго кабріолета. Но что имъ было дѣлать, приказано—и баста. Впрочемъ, г. Акимовъ или чины уѣздной власти сами, вѣроятно, догадались, что безъ выставленія особыхъ причинъ проведенія этой дороги какъ-то неловко, и вотъ, между крестьянами распущенъ нелѣпый слухъ, будто скоро къ г. Акимову въ гости поѣдетъ на обѣдъ одна высокопоставленная особа, и что потому необходимо проложить хорошій путь.

Слухъ этотъ оказалъ должное вліяніе на наивныхъ крестьянъ и цѣль пристава и г. Акимова достигнута: для одного строится удобное сообщеніе къ станціи, для другаго къ вкуснымъ обѣдамъ.... А что за все это страдаютъ крестьяне съ ихъ женами и дѣтьми — до этого нѣтъ никому ни малѣйшаго дѣла.

Но авчальцевъ всего болѣе безпокоитъ то обстоятельство, что дорогу приходится проводить черезъ авчальское кладбище и придется перерывать и перекапывать могилы своихъ отцевъ, дѣтей и женъ. У авчаль-

*) Обзоръ, № 544.

цевъ, какъ они сами утверждаютъ, никогда не хватило бы рѣшимости на подобное святотатство, если бы не было на то приказанія.

И все это дѣлается въ самую пору сельскихъ работъ, когда каждый часъ приноситъ крестьянину обезпеченіе на цѣлый мѣсяцъ. При истребленіи саранчи, изнурившей авчальцевъ въ конецъ, крестьянамъ выдавали по крайности хлѣбъ, а тутъ они сами должны содержать себя при нынѣшней дороговизнѣ.»

Много могли бы мы привести подобныхъ случаевъ, если бъ не боялись утомить ихъ печальнымъ однообразіемъ вниманіе читателей. Земля наша велика и обильна, да порядку въ ней нѣтъ, приходится намъ говорить и въ послѣдней четверти XIX вѣка. *Страна* находитъ, что учрежденіе урядниковъ, это необходимое и принесшее уже не мало пользы, по мнѣнію газеты, учрежденіе, есть *шагъ къ созданію въ уѣздахъ хоть нѣкоторой безопасности жизни и имущества, дотолѣ совершенно отсутствовавшей* (?). Петербургская газета говоритъ въ настоящемъ случаѣ пустяки. Никакой *необходимости* въ урядникахъ не было, да и до сей поры нѣтъ. Пользу они, дѣйствительно, принесли въ нѣкоторыхъ случаяхъ; но и вреда отъ нихъ было не мало, вслѣдствіе замашекъ урядниковъ уловлять духъ. Впрочемъ, объ этомъ толковать теперь не представляется надобности. Не урядники, конечно, смягчатъ нравы и создадутъ безопасность въ нашей деревнѣ, какъ не полиція подыметъ *благоустройство и благочиніе* въ нашихъ городахъ. Наше спасеніе заключается въ широкомъ распространеніи образованія, въ развитіи уваженія къ личности, въ обезпеченіи учрежденіями и законами ея неприкосновенности. Необходимо, чтобы либералъ и консерваторъ чувствовали себя не рабами, а гражданами государства, чтобъ они могли честно поработать, по своему разумѣнію, дома и смѣло постоять за достоинство родины на чужбинѣ. За-границей, гдѣ прежде видали преимущественно нашихъ баръ и купчинъ, сорившихъ деньгами и учинявшихъ безобразія; гдѣ привыкли слышать отъ крупныхъ и мелкихъ представителей русской дипломатіи пренебрежительные отзывы о нашемъ общественномъ мнѣніи и полныя ненависти выходки противъ славянъ, теперь начинаютъ замѣчать, что на Руси существуютъ люди получше. На дняхъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ**) г. Васильевъ (это, кажется, псевдонимъ) разсказалъ слѣдующее происшествіе. Городъ Льежъ (Бельгія) давалъ банкетъ иностраннымъ журналистамъ. Приводимъ подлинныя слова г. Васильева.

Во время банкета оркестръ началъ исполнять національные гимны различныхъ странъ. Это была прекрасная мысль. Сначала заиграли англійскій гимнъ, и всѣ англичане немедленно поднялись на своихъ мѣстахъ. Затѣмъ послѣдовало Partant pour la Syrie, Марсельеза, голландскій

*) Московскія Вѣдомости, № 227.

гимнъ, прусскій гимнъ. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ скоро ли раздастся наше *Боже, Царя храни!*

Возлѣ меня сидѣлъ комендантъ. Оркестръ былъ военный. Я обратился къ коменданту:

— Скоро ли будетъ русскій гимнъ?

— Comment donc, monsieur. Mais tout à l'heure.

Комендантъ бросилъ свою салфетку и побѣжалъ въ другую комнату, гдѣ помѣщалась музыка. Возвращается чрезъ нѣсколько минутъ и говоритъ, что послали за нотами. По прошествіи другихъ пяти минутъ оказывается, что ноты заперты у «капельмейстерши» и что ея нѣтъ дома.

Позвольте, какое мнѣ дѣло было до того, гдѣ находится эта почтенная дама! Мнѣ нуженъ былъ *нашъ* гимнъ.

Мнѣ предлагаютъ переговорить съ капельмейстеромъ. Иду къ нему. Тотъ въ совершенномъ отчаяніи:

— Monsieur, mais si j'avais pu prévoir....

О! вы не можете представить себѣ, какъ именно на чужбинѣ крѣпнетъ и растетъ любовь и привязанность къ родинѣ! Какъ? Играютъ національные гимны различныхъ странъ, собранныхъ на банкетѣ, а я не услышу моего роднаго гимна? Это невозможно. Я объявляю, что немедленно оставляю банкетъ.

— Mais, monsieur, si vous le désirez, nous allons immédiatement cesser d'exécuter les hymnes nationaux.

Да, это нужно было сдѣлать, и оркестръ немедленно прекратилъ исполненіе дальнѣйшихъ гимновъ. Мнѣ предложили какую-то очень мудреную комбинацію. Пусть я предложу тостъ, въ которомъ скажу: если вы, милостивые государи, не слыхали русскаго гимна за отсутствіемъ нотъ, то вы за то слышите теперь голосъ русскаго и т. д. Это выходило что-то совсѣмъ иное, нежели мнѣ было нужно. Я объявилъ, что не стану предлагать никакого тоста, но что прошу très vivement г. бургомистра произнести слѣдующій тостъ:

«Я предлагаю, милостивые государи, выпить за всѣ страны, народные гимны которыхъ, къ сожалѣнію, не могли быть исполнены за отсутствіемъ нотъ.»

Не далеко отъ меня сидѣлъ какой-то господинъ. Ничего не говоря, онъ протягиваетъ мнѣ свою карточку. Читаю: Диллонъ, корреспондентъ отъ Journal de St.-Pétersbourg. Чрезъ мгновеніе бургомистръ встаетъ и произноситъ желаемый тостъ. Буря рукоплесканій. Съ разныхъ сторонъ ко мнѣ протягиваются бокалы, къ «русскому журналисту»; съ другаго конца стола подходятъ чокнуться представители вѣнскихъ и берлинскихъ газетъ. Диллонъ такъ и сіяетъ. Сіяетъ и какой-то французскій корреспондентъ, который сидѣлъ напротивъ меня и все видѣлъ:

— Eh bien, monsieur, vous êtes content? Tout est sauvé, n'est-ce pas?

У насъ нѣтъ ни малѣйшей охоты иронизировать надъ патетическимъ тономъ г. Васильева. Наоборотъ, по нашему мнѣнію, онъ поступилъ какъ добрый русскій, и за это ему искреннее спасибо. Но не поймутъ ли *Московскія Вѣдомости* (не поймутъ, конечно), что языкомъ г. Васильева не смѣетъ говорить ни г. Булюбашъ, ни г. Сигъ, что эти господа навлекаютъ позоръ на русское имя?

В. Г.

ЗЕМСТВО.

ЗЕМСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Свѣдѣнія объ урожаяхъ.—Положеніе о сельско-хозяйственныхъ съѣздахъ.

Извѣстія, до сихъ поръ полученныя съ разныхъ концовъ Россіи, объ урожаѣ хлѣбовъ и травъ представляютъ весьма мало утѣшительнаго. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ министру внутреннихъ дѣлъ губернаторами 26 іюля и опубликованнымъ въ № 168 *Правительственнаго Вѣстника*, оказывается, что въ большей части губерній урожаи едва посредственны, а мѣстами и совершенно плохи. Въ Екатеринославской губ., напр., «урожай можно бы назвать посредственнымъ по количеству копенъ, накашиваемыхъ на десятинѣ, но множество колосьевъ отъ поврежденія жукомъ оказываются пустыми. Во многихъ мѣстахъ хлѣба, выпитые жукомъ, скошены на корню для скота. Вообще, урожай ожидается крайне скудный, вслѣдствіе громаднаго опустошенія, нанесеннаго жукомъ, отчасти засухою во время налива зерна яровыхъ.» Отъ тѣхъ же враговъ пострадала и Херсонская губернія, въ пяти уѣздахъ которой урожай неудовлетворителенъ. Здѣсь жукъ появился въ нѣкоторыхъ волостяхъ такими массами, что хлѣба были вынуждены скосить на солому; вредъ, имъ причиненный, на столько значителенъ, что нѣкоторыя изъ пострадавшихъ волостей потерпятъ недостатокъ въ зернѣ для посѣва и продовольствія. Въ Таврической губ. урожай вообще неудовлетворителенъ, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ посѣвы пострадали отъ жука и мороза: въ пяти волостяхъ Бердянскаго уѣзда жукъ истребилъ $^1/_3$ хлѣба; въ Мелитопольскомъ—озимые вымерзли, едва ли вернутся сѣмена; яровымъ нанесенъ большой вредъ жукомъ. Въ Днѣпровскомъ уѣздѣ жукъ истребилъ въ трехъ волостяхъ отъ 25 до 50% посѣвовъ. Полтавская губернія особенно пострадала отъ этого насѣкомаго: хлѣбный жукъ появился повсемѣстно въ губерніи и уничтожилъ много посѣвовъ ржи, пшеницы и ячменя. Общая сумма убытка еще не приведена въ извѣстность, но, судя потому, что въ одномъ Миргородскомъ уѣздѣ убытокъ отъ жука оцѣнивается около 480.000 руб., общая сумма убытка весьма велика. Урожай озимыхъ въ губерніи, за исключеніемъ трехъ уѣздовъ, ниже средняго. Въ Харьковской губ. «выше посредствен-

наго» урожай только въ трехъ уѣздахъ; въ трехъ «ниже посредственнаго», въ остальныхъ—«посредственный». Эта губернія тоже была посѣщена жукомъ, появившимся въ большомъ количествѣ въ Изюмскомъ, Зміевскомъ, Купинскомъ, въ меньшемъ количествѣ въ Богодуховскомъ, Волчанскомъ, Волковскомъ, Харьковскомъ, Ахтырскомъ и въ ничтожномъ — въ Старобѣльскомъ и Сумскомъ. Съ Поволжья вѣсти идутъ тоже весьма грустныя: въ Симбирской губ. озимые хлѣба въ двухъ уѣздахъ плохи; въ двухъ другихъ—«очень плохи»; яровые въ двухъ уѣздахъ «пострадали отъ жаровъ», а въ двухъ—«частью порядочные, частью плохи». Въ Саратовской губ. «урожай озимаго хлѣба въ четырехъ уѣздахъ плохой или пропадшій, въ трехъ мѣстами посредственный, въ трехъ средній, мѣстами хорошій»; яроваго по пяти уѣздамъ тоже ожидается «плохой сборъ». Во всѣхъ уѣздахъ Казанской губ., за исключеніемъ Ядринскаго и Козьмодемьянскаго, встрѣчаются мѣстности, гдѣ урожай «ниже посредственнаго». Въ особенно печальномъ положеніи находится Самарская губ., въ большей части которой урожай весьма неудовлетворителенъ: въ Самарскомъ уѣздѣ онъ «недостаточенъ», яровые едва успѣютъ созрѣть; въ Бузулукскомъ—рожь не возвратила сѣмянъ, урожай яровыхъ ранняго сѣва неудовлетворителенъ, яровые же поздняго сѣва будутъ годны лишь на кормъ скота; урожай травъ неудовлетворителенъ; въ Новоузинскомъ—урожай хлѣбовъ и травъ вообще неудовлетворителенъ, въ особенности на мелкихъ крестьянскихъ земляхъ, гдѣ они не взошли; въ трети Бугульминскаго уѣзда рожь обѣщаетъ дать ниже посредственнаго, сѣна собрано на половину обыкновеннаго урожая; въ Ставропольскомъ — общій урожай ржи ниже посредственнаго, пшеница и овесъ «не превышаютъ ржи», просо и греча едва ли успѣютъ созрѣть; въ Николаевскомъ—рожь большею частью пропала и только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ скошена на кормъ для скота; пшеница ранняго посѣва порядочна, средняго плоха, а поздняго не взошла. Въ Астраханской губ., яровые хлѣба въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ удовлетворительны, но «посѣяно менѣе прошлогодняго, вслѣдствіе бывшаго неурожая».

Сборъ хлѣба, и безъ того скудный, мѣстами задерживается неблагопріятной погодой, отъ которой въ Воронежской губ., напр., несвезенный хлѣбъ началъ проростать; въ Черниговской—частые дожди неблагопріятно вліяютъ на качество зерна и на сѣно, значительное количество котораго погнило. Далѣе, много хлѣба истреблено градобитіями, въ нынѣшнемъ году нанесшими особенно значительныя опустошенія. Убытки, ими причиненные, исчисляются въ весьма крупныхъ цифрахъ: въ Виленской губ. ихъ насчитываютъ на 469 т. руб., въ Волынской—450 т. руб., въ томъ числѣ въ одномъ Заславскомъ уѣздѣ—270 т., въ Пензенской—433 т., въ Ковенской—390 т., въ Саратовской—331.700 р., въ одномъ козловскомъ уѣздѣ Тамбовской губ. 300 т., въ Полтавской—280 т., въ Воронежской—240 т., въ Орловской—220 т., въ Вятской, Нижегородской и Херсон-

ской—свыше 100 т. въ каждой. Къ этимъ убыткамъ нужно прибавить ущербъ, причиненный многочисленными и разнородными насѣкомыми, истреблявшими посѣвы: кромѣ грознаго *кузьки* (anisoplia austriaca) и начинающей распространяться *гессенской мухи* (cecidomya destructor), появившейся уже въ восьми губерніяхъ, цѣлыя рати другихъ, менѣе страшныхъ, менѣе распространяющихся гусеницъ, червей, мухъ и проч., съ усердіемъ трудились надъ разрушеніемъ народнаго имущества. Такъ, въ трехъ уѣздахъ Полтавской губ. (посѣщенной и кузькой, и градобитіями) появился *червь*, повредившій посѣвы рапса и въ одномъ Пирятинскомъ уѣздѣ причинившій убытка на 106 т. руб.; въ Воронежской губ. *червь* истребилъ свекловичныя плантаціи въ количествѣ 2 т. дес.; такой же червь появился въ четырехъ уѣздахъ Харьковской губ.; *червь* же истребилъ 500 дес. гречихи и проса въ Валуйскомъ и болѣе 2500 дес. проса, гречихи и акша въ Бирюченскомъ уѣздѣ, Воронежской губ.; въ Дмитріевскомъ уѣздѣ, Курской губ., замѣченъ *червячекъ* на коноплѣ, въ Корочанскомъ—*особый видъ гусеницы*, истребляющій свекловицу, а въ Щигровскомъ—насѣкомое, сходное съ гессенскою мухою, на ржи и пшеницѣ; въ Орловской губ. появился въ трехъ уѣздахъ *хлѣбный пильщикъ* (cephus pygmaeus); въ Орскомъ уѣздѣ 477 дес. истреблены *кобылкой*; въ 18 волостяхъ Бузулукскаго уѣзда, Самарской губ., нанесли, хотя и незначительный, вредъ *кузнечики* и *суслики*, отъ которыхъ сильно пострадали хлѣба въ нѣкоторыхъ волостяхъ Черноярскаго уѣзда, Астраханской губ.; въ одной волости этого послѣдняго уѣзда нанесла убытки *саранча*, посѣтившая и Царевскій уѣздъ; въ Херсонскомъ и Одесскомъ уѣздахъ появлялся *пруссъ*, уничтожившій въ послѣднемъ до 100 десят.; въ двухъ уѣздахъ Екатеринославской губ. льны пострадали отъ *гусеницы* и *червяка*, а въ Иксарскомъ и Ломовскомъ уѣздахъ, Пензенской губ., той же участи подверглась сурепица, истребленная *червячкомъ* на пространствѣ 600 дес. Наконецъ, губерніи Новгородская, Ярославская и Владимірская тоже не избѣжали посѣщенія *мухи* и *жука* на ржи и *червя* на ячменѣ, хотя и въ ничтожныхъ размѣрахъ. Для полноты отмѣтимъ еще извѣстіе о появленіи въ Сѣвскомъ и Трубчевскомъ уѣздахъ, Орловской губ., болѣзни ржи—*ржаная головня*.

Вотъ скорбный перечень тѣхъ бѣдствій, которымъ въ нынѣшнемъ году подверглось наше сельское хозяйство; онъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что нынѣшній годъ весьма неблагопріятенъ и что населенію предстоитъ перенести не мало страданій. Уже теперь, когда уборка хлѣба только-что оканчивается, мѣстами положеніе начинаетъ дѣлаться безвыходнымъ: въ Бузулукскомъ уѣздѣ, напр., «въ мѣстностяхъ неурожайныхъ цѣна на скотъ упала до половины стоимости», а въ Саратовскомъ начинаютъ обнаруживаться признаки голода. По словамъ *Саратовскаго Дневника*, членъ саратовской уѣздной управы, г. Стемѣковскій, недавно возвратившійся изъ уѣзда, представилъ управѣ докладъ, свидѣтельствующій, «что во многихъ мѣстахъ

уѣзда, особенно въ южной его части, *голодъ уже начался*. По слухамъ, докладчикъ былъ, между прочимъ, очевидцемъ того, какъ крестьянинъ, идя за сохой, падалъ въ изнеможеніи отъ голода» *). Тяжелое положеніе, обыкновенно обусловливаемое неурожаемъ, осложняется въ настоящее время еще тѣмъ обстоятельствомъ, что урожай прошлаго года въ общемъ тоже не былъ благопріятенъ, почему населеніе не могло сдѣлать никакихъ запасовъ. Недостатокъ послѣднихъ вызвалъ чрезвычайное вздорожаніе предметовъ первой необходимости, которые не падаютъ въ цѣнѣ, не смотря на сборъ новаго хлѣба. Изъ свѣдѣній, доставленныхъ губернаторами, оказывается, что въ Самарской губерніи цѣны «непомѣрно высоки», доходя мѣстами до 1 р. 50 к. за пудъ ржи; въ Саратовской онѣ «остаются высокими и уборка ржи покуда не вліяетъ на ихъ пониженіе»; въ Полтавской—цѣны «повсемѣстно высоки», причемъ пудъ сѣна доходитъ до 50 к.; въ Екатеринославской цѣна хлѣба, особенно ржи, высока: «вообще населеніе терпитъ отъ дороговизны на всѣ жизненныя потребности»; въ Бессарабіи цѣны на сельскіе продукты, сравнительно съ прошлымъ годомъ, высоки; въ Симферопольскомъ уѣздѣ четверть пшеницы доходитъ до 18 р., ржи до 12 р. 50 к., муки ржаной четверть до 11 р. 40 к., пшеничной—15 р. 50 к., сѣна пудъ 60 к.; въ Мелитопольскомъ уѣздѣ цѣна на рожь сильно поднялась «и въ продажѣ ее почти нѣтъ.»

Нѣкоторыя мѣстности, пострадавшія въ нынѣшнемъ году, были посѣщаемы неурожаемъ и въ предыдущіе годы: въ Екатеринославской—въ 1875, 1876 и 1878 гг. результаты урожая были большею частію самъ-другъ **); въ Саратовской неурожай повторялся три года подрядъ, и въ прошломъ году результатъ жатвы былъ на столько неблагопріятенъ, что въ Царицынскомъ уѣздѣ «только немногіе хлѣбопашцы вернули посѣянное зерно, нѣкоторые воспользовались только соломою, скошенною на кормъ скоту, бо́льшая же часть не воспользовалась ни тѣмъ, ни другимъ»; для продовольствія населенія и обсѣмененія полей потребовалась ссуда въ 784 т. руб. ***). Другія мѣстности, пострадавшія въ нынѣшнемъ году отъ жучка, какъ Полтавская и Харьковская губерніи, страдали отъ него и въ прошломъ году. Все это осложняетъ вопросъ о народномъ продовольствіи, возникающій въ послѣдніе годы все чаще и чаще и составляющій въ настоящее время одинъ изъ самыхъ насущныхъ вопросовъ.

Разсматривая данныя объ урожаяхъ за послѣднее девятилѣтіе, недавно опубликованныя министерствомъ государственныхъ имуществъ, мы находимъ, что во второй половинѣ этого періода посѣвы увеличились, хотя и не въ особенно значительномъ размѣрѣ, а урожаи, наоборотъ, не только не возрасли, а даже уменьшились. Всего въ Европейской Россіи, включая

*) Русскій Курьеръ, № 222.

**) Правительственный Вѣстникъ 1880, № 180.

***) Тамъ же, № 145.

приволжскія губерніи, среднимъ числомъ въ годъ, всѣхъ зерновыхъ хлѣбовъ:

	Посѣяно.	Собрано.
1870—1874	71.141 т. четв.	271.086 т. четв.
1875—1878	71.620 » »	269.033 » »

Такимъ образомъ, размѣръ посѣвовъ увеличился во второмъ періодѣ на 0,6%, а сборъ уменьшился на 0,7%, тогда какъ, при правильномъ ходѣ дѣла, онъ долженъ былъ увеличиться, хотя соразмѣрно увеличенію посѣва, и при среднемъ урожаѣ, опредѣляющемся для перваго періода въ силѣ 3,8, дать въ годъ 272 т. четв. Особенно замѣтно уменьшеніе сбора въ мѣстностяхъ, наиболѣе хлѣбородныхъ. Въ то время, какъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ урожаи возвысились, въ губерніяхъ черноземныхъ они уменьшились:

	Нечерноземныхъ:		Черноземныхъ:	
	Посѣяно.	Собрано.	Посѣяно.	Собрано.
1870—74	30.010 т. ч.	101.766 т. ч.	41.130 т. ч.	169.319 т. ч.
1875—78	30.346 » »	104.916 » »	41.273 » »	164.116 » »

Въ губерніяхъ поволжскихъ уменьшились и посѣвы, что, по мнѣнію департамента земледѣлія и сельской промышленности, «прямо можетъ быть приписано вліянію колебательнаго движенія отъ неурожаевъ»*). Уменьшеніе урожаевъ указываетъ на ненормальное состояніе нашей земледѣльческой промышленности; на то же указываетъ и распространеніе вредныхъ насѣкомыхъ, захватывающихъ все бо́льшія и бо́льшія территоріи и наносящихъ все болѣе и болѣе убытковъ. Такъ, знаменитый *кузька* (anisoplia austriaca), признаваемый за насѣкомое туземное, всегда существовавшее на югѣ Россіи, съ 1868 года появлялся ежегодно въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ лишь въ Херсонской и части Бессарабской губерніяхъ, а въ 1876 году онъ появился уже въ губерніяхъ Бессарабской, Херсонской, Екатеринославской, Таврической, Полтавской, Харьковской, Кіевской и въ Области Войска Донскаго **). Точно такъ же *гессенская муха* открыта впервые проф. Линдеманомъ въ прошломъ году въ Полтавской губерніи, а въ нынѣшнемъ оказалась уже въ шести губерніяхъ средней Россіи: Орловской, Тульской, Рязанской, Пензенской, Тамбовской и Воронежской ***). Такое быстрое распространеніе насѣкомыхъ, доселѣ не причинявшихъ значительнаго вреда, даетъ поводъ думать, что въ самомъ строѣ нашего сельскаго хозяйства за послѣдніе годы совершились какіе либо измѣненія, оказавшіяся благопріятными для развитія вредныхъ насѣкомыхъ. И дѣйствительно, размноженіе хлѣбнаго жука приводятъ въ связь съ сильнымъ развитіемъ хлѣбопашества за послѣднія 20 лѣтъ, съ скопленіемъ одно-

*) Сборникъ свѣдѣній по департаменту земледѣл. и сельск. пром. Вып. 2. Спб. 1880, стр. 16, 44—49.

**) Тамъ же, стр. 330 и слѣд.

***) Правит. Вѣстн. 1880, № 159.

родныхъ культурныхъ растеній на большихъ площадяхъ и неудовлетворительнымъ состояніемъ культуры вообще. Увеличеніе площади земли подъ хлѣбами въ южной Россіи повело за собою ухудшеніе обработки и удлиненіе періодовъ посѣва и созрѣванія хлѣбовъ, а это, въ свою очередь, оказалось чрезвычайно благопріятнымъ для развитія жука. Коренную причину сильнаго размноженія anisoplia austriaca нѣкоторые видятъ въ нераціональности полеводства на югѣ Россіи, главнымъ образомъ въ отсутствіи плодосмѣна *).

Все это свидѣтельствуетъ, что наше сельское хозяйство находится въ крайне неудовлетворительномъ положеніи и что необходимы рѣшительныя мѣры для приведенія его въ болѣе нормальное состояніе. Всякое промедленіе въ этомъ отношеніи можетъ привести къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ: уже и теперь большинство сельскаго населенія бѣдствуетъ; истощенныя крестьянскія земли, лишенныя удобренія, вслѣдствіе убыли скота, оказываются не въ состояніи прокармливать своихъ владѣльцевъ; недоимки накопляются; цѣлыя волости все болѣе и болѣе запутываются въ сѣтяхъ ростовщиковъ; во многихъ мѣстностяхъ начинаетъ появляться безземельный пролетаріатъ. Мѣстами положеніе крестьянъ на столько тяжело, что среди ихъ является стремленіе къ переселенію. «Неурожаи предыдущихъ лѣтъ и происходящій отсюда недостатокъ продовольственныхъ средствъ въ Черниговской губерніи всегда сопровождались, какъ сообщаютъ въ *Черниговскихъ Губ. Вѣд.*, однимъ исключительнымъ явленіемъ среди сельскаго населенія—стремленіемъ къ переселенію. Особенно чувствительные неурожаи 1870 и 1871 годовъ вызвали сильное движеніе населенія къ югу, гдѣ, по слухамъ, носившимся среди сельскаго населенія, имѣется весьма много свободныхъ и притомъ плодородныхъ земель. Неудовлетворительный урожай 1875 года сопровождался тѣмъ же движеніемъ. То же движеніе замѣтно и теперь, вслѣдствіе неурожая прошедшаго года». Въ настоящее время стремленіе къ переселенію обнаружилось въ нѣсколькихъ селеніяхъ Суражскаго, Глуховскаго, Городницкаго, Остерскаго и Козелецкаго уѣздовъ, а именно: въ Суражскомъ уѣздѣ среди государственныхъ крестьянъ с. Неглобовки, въ Глуховскомъ—среди крестьянъ хут. Мироновки и Гутки, въ Городницкомъ—среди государственныхъ крестьянъ с. Мащонки, въ Козелецкомъ—среди козаковъ с. Козацкаго и въ Остерскомъ уѣздѣ—среди государственныхъ крестьянъ 12 деревень, изъ которыхъ 70 семействъ заявили ходатайство о выдачѣ паспортовъ для отлучки на заработки и для пріисканія мѣста для поселенія**). На ряду съ обѣдненіемъ крестьянъ замѣчается и упадокъ хозяйствъ владѣльческихъ. По словамъ *Харьковскихъ Губ. Вѣд.*, «обширные посѣвы тысячъ десятинъ земли въ послѣдніе годы привели къ печальнымъ результатамъ; они раззорили крупныхъ

*) Сборникъ Деп. Земл., в. 2, стр. 336 и слѣд.

**) Правительственный Вѣстникъ, 1880 г. № 102.

землевладѣльцевъ. Неустоявшіе собственники — крупные землевладѣльцы вынуждены были или прибѣгать къ раззорительнымъ займамъ, или отказываться отъ землевладѣнія и продавать свои земли. Но въ послѣднемъ случаѣ не всегда легко найти выгодныхъ покупщиковъ, легче всего попасть въ руки спекулянтовъ, въ руки промышленниковъ, покупающихъ, а затѣмъ перепродающихъ съ выгодою *)».

Въ виду такого положенія дѣла, особое значеніе получаетъ новая правительственная мѣра, имѣющая цѣлью содѣйствовать улучшенію сельскаго хозяйства. Мы говоримъ о Высочайше утвержденныхъ 30 мая сего года правилахъ объ окружныхъ сельско-хозяйственныхъ съѣздахъ по губерніямъ и общемъ сельско-хозяйственномъ съѣздѣ при министерствѣ государственныхъ имуществъ. Съѣзды эти учреждаются «въ видахъ ближайшаго содѣйствія развитію сельскаго хозяйства, а равно и для сближенія существующихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ». Всѣхъ окружныхъ съѣздовъ въ Европейской Россіи учреждается 12, причемъ составъ сельско-хозяйственныхъ округовъ опредѣляется по особому расписанію изъ нѣсколькихъ смежныхъ губерній, подходящихъ подъ болѣе или менѣе одинаковыя хозяйственныя и экономическія условія. Окружные съѣзды собираются ежегодно, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго губернатора, а въ случаѣ его отсутствія—мѣстнаго губернскаго предводителя дворянства. Членами съѣздовъ состоятъ: начальникъ той губерніи, въ которой происходитъ собраніе, мѣстный губернскій предводитель дворянства, мѣстный уѣздный предводитель дворянства, предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ тѣхъ губерній, кои входятъ въ составъ округа, предсѣдатель мѣстной уѣздной земской управы, мѣстный управляющій государственными имуществами, губернскій лѣсничій, управляющіе удѣльною конторою и коннозаводскимъ округомъ, начальники округовъ: горнаго и путей сообщенія, предсѣдатели правленій мѣстныхъ банковъ поземельнаго кредита, управляющіе мѣстными желѣзными дорогами, представители обществъ мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ, по одному отъ каждаго, предсѣдатели сельско-хозяйственныхъ обществъ той губерніи, гдѣ происходитъ съѣздъ. Кромѣ того, въ съѣздахъ участвуютъ представители сельско-хозяйственныхъ обществъ, избираемые въ числѣ двухъ отъ обществъ, дѣйствующихъ въ предѣлахъ не менѣе одной губерніи, и по одному, какъ отъ обществъ, дѣйствующихъ въ предѣлахъ не менѣе одного уѣзда, такъ и отъ обществъ спеціальныхъ. Министру государственныхъ имуществъ предоставляется командировать къ собранію съѣздовъ, на правахъ членовъ, инспекторовъ сельскаго хозяйства и другихъ лицъ, занимающихъ спеціальныя сельско-хозяйственныя должности, а предсѣдателямъ съѣздовъ—приглашать въ засѣданія, съ правомъ голоса, тѣхъ завѣдывающихъ отдѣльными частями административнаго управленія въ губерніи, участіе коихъ въ съѣздѣ будетъ признано

*) Тамъ же № 170.

полезнымъ. Занятія окружныхъ сельско-хозяйственныхъ съѣздовъ заключаются: а) въ разсмотрѣніи и обсужденіи дѣлаемыхъ съѣзду сообщеній о мѣстныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ сельскаго хозяйства, содѣйствующихъ или препятствующихъ развитію въ данной мѣстности различныхъ отраслей сельскаго хозяйства; б) въ изысканіи мѣръ къ устраненію причинъ, препятствующихъ успѣхамъ мѣстнаго сельскаго хозяйства и къ усиленію, въ предѣлахъ округа, сельско-хозяйственной производительности, улучшенію мѣстнаго скотоводства, сохраненію и разведенію лѣсовъ, расширенію торфяной и каменноугольной промышленности, облегченію хозяевамъ сбыта произведеній и т. п.; в) въ изслѣдованіи и разработкѣ, при посредствѣ компетентныхъ лицъ, разныхъ отдѣльныхъ сельско-хозяйственныхъ интересовъ; г) въ указаніи способовъ организаціи, съ наибольшею пользою для края, мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ выставокъ; д) въ разсмотрѣніи ходатайствъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, подлежащихъ внесенію, чрезъ окружной и общій съѣздъ, на благоусмотрѣніе правительства; е) въ собраніи, чрезъ мѣстныя сельско-хозяйственныя общества, свѣдѣній объ отдѣльныхъ хозяйствахъ, существующихъ въ предѣлахъ округа, для представленія въ министерство государственныхъ имуществъ, а также исходатайствованія почетныхъ наградъ мѣстнымъ сельско-хозяйственнымъ дѣятелямъ; ж) въ разсмотрѣніи, преимущественно съ практической стороны, всѣхъ тѣхъ вопросовъ и предположеній по улучшенію сельскаго хозяйства, которые министръ государственныхъ имуществъ признаетъ нужными передать на обсужденіе окружныхъ съѣздовъ по собственному усмотрѣнію, или по соглашенію; въ потребныхъ случаяхъ съ подлежащими министрами. Общій сельско-хозяйственный съѣздъ составляется, подъ предсѣдательствомъ министра государственныхъ имуществъ, изъ его товарища, предсѣдателя департамента удѣловъ, директора и вице-директора департамента земледѣлія и сельской промышленности, директоровъ департаментовъ лѣснаго и горнаго, управляющаго временнымъ отдѣломъ по повемельному устройству государственныхъ крестьянъ, одного члена совѣта государственнаго коннозаводства, директоровъ департаментовъ торговли и мануфактуръ, желѣзныхъ дорогъ, шоссейныхъ и водяныхъ сообщеній, инспекторовъ сельскаго хозяйства, петербургскаго губернскаго предводителя дворянства, предсѣдателя петербургской губернской земской управы, по одному члену совѣтовъ, московскаго общ. с. хоз. и вольнаго экономическаго и по два представителя отъ окружныхъ съѣздовъ. Кромѣ этихъ постоянныхъ членовъ, министру предоставляется приглашать въ засѣданія съѣздовъ, съ правомъ голоса, тѣхъ директоровъ департаментовъ и вообще должностныхъ лицъ другихъ вѣдомствъ, участіе коихъ будетъ имъ признано полезнымъ. Занятія общаго съѣзда заключаются: а) въ разсмотрѣніи тѣхъ предположеній и ходатайствъ, которыя представляются министру государственныхъ имуществъ окружными съѣздами по предметамъ сельскаго хозяйства и соприкасающихся съ нимъ отраслей народной

промышленности и которыя министръ признаетъ нужными передать на заключеніе общаго съѣзда и б) въ обсужденіи всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые министръ государственныхъ имуществъ найдетъ полезнымъ возбудить въ интересахъ сельско-хозяйственной промышленности.

Вотъ, главныя основанія вновь вводимаго учрежденія, задача котораго повидимому, заключается въ организаціи правильнаго представительства сельско-хозяйственныхъ интересовъ. Устройство такого представительства, до сихъ поръ не существовавшаго, въ виду того важнаго значенія, которое имѣетъ у насъ сельское хозяйство, могло бы быть весьма полезно, но только въ томъ случаѣ, если бы предназначенные для этого органы служили дѣйствительными выразителями мѣстныхъ потребностей, если бы чрезъ нихъ каждая мѣстность, каждая отрасль сельско-хозяйственной промышленности могла высказывать всѣ нужды и указывать тѣ мѣры, которыя необходимы для ея процвѣтанія, словомъ, если бы эти органы являлись дѣйствительными знатоками того дѣла, къ обсужденію котораго они призываются. Къ сожалѣнію, именно этимъ условіямъ и не удовлетворяютъ вновь учрежденные сельско-хозяйственные съѣзды. Въ ихъ средѣ почти совсѣмъ не встрѣчается представителей того учрежденія, въ вѣдѣніи котораго главнымъ образомъ находятся сельско-хозяйственные интересы,—представителей земства. Мы говоримъ объ отсутствіи земскихъ представителей, не смотря на то, что въ числѣ членовъ съѣзда упоминаются предсѣдатели губернскихъ управъ и одной уѣздной управы; представительство это на столько ничтожно, сравнительно съ той массой чиновниковъ, которая засѣдаетъ въ съѣздѣ по закону и можетъ быть усиливаема по усмотрѣнію губернатора, что голосъ ихъ не можетъ имѣть никакого значенія. Далѣе, предсѣдатели губернскихъ управъ не могутъ быть такъ коротко знакомы со всѣми мѣстными условіями различныхъ уѣздовъ, какъ члены управъ уѣзныхъ, а эти послѣдніе совсѣмъ не участвуютъ въ съѣздѣ, за исключеніемъ одного—предсѣдателя «мѣстной» управы того города, гдѣ съѣздъ собирается. Съ другой стороны, собственно сельскіе хозяева тоже представлены весьма слабо. Они представляются сельско-хозяйственными обществами; но таковыхъ у насъ только 86 и потому многіе уѣзды и даже цѣлыя губерніи не будутъ имѣть представителей, въ особенности тѣ, гдѣ нѣтъ ни сельско-хозяйственныхъ обществъ, ни земскихъ учрежденій. Здѣсь представителемъ интересовъ мѣстнаго общества будетъ назначенный отъ правительства чиновникъ, можетъ быть, наканунѣ съѣзда переведенный изъ другой, отдаленной губерніи. Наконецъ, одинъ изъ видовъ хозяйства, наиболѣе распространенный и потому наиболѣе заслуживающій вниманія,—хозяйство общинное, крестьянское совершенно забыто: на съѣздахъ не будетъ ни одного крестьянина, такъ какъ крестьяне рѣдко бываютъ членами сельско-хозяйственныхъ обществъ и никогда — предсѣдателями губернскихъ управъ. Между тѣмъ, въ числѣ вопросовъ,

предлагаемыхъ на обсужденіе первыхъ же съѣздовъ министромъ государственныхъ имуществъ, есть такіе, которые прямо касаются хозяйствъ крестьянскихъ, какъ, напримѣръ, вопросъ о введеніи на крестьянскихъ земляхъ травосѣянія. Какимъ образомъ, спрашивается, можетъ быть разрѣшенъ вопросъ объ измѣненіяхъ въ строѣ крестьянскаго хозяйства людьми, незнакомыми ни съ условіями крестьянскаго быта, ни съ общественными порядками? Само собою разумѣется, что рѣшенія эти могутъ быть исключительно теоретическія, лишенныя всякаго практическаго значенія, а такія рѣшенія едва ли могутъ «содѣйствовать развитію сельскаго хозяйства». Предсѣдательство губернатора, въ большинствѣ случаевъ, несвѣдущаго въ сельско-хозяйственныхъ вопросахъ, требующихъ, подобно всякимъ техническимъ вопросамъ, извѣстной подготовки, знаній и опытности, тоже не можетъ содѣйствовать правильному разрѣшенію обсуждаемыхъ съѣздами вопросовъ тѣмъ болѣе, что значительная часть членовъ съѣзда, будучи подчинена губернатору, не можетъ свободно высказывать свои мнѣнія, а тѣ изъ нихъ, которые рѣшились бы идти въ разрѣзъ со взглядами предсѣдателя, всегда могутъ быть остановлены; предсѣдателю предоставляются тѣ же широкія права, какими пользуются предсѣдатели общественныхъ и сословныхъ собраній; «разсужденія, удаляющіяся отъ вопроса и существа дѣла, онъ обращаетъ къ оному», а при повтореніи сихъ отступленій «прекращаетъ самое разсужденіе»; онъ «останавливаетъ того изъ членовъ, который уклоняется отъ соблюденія порядка, или уваженія къ закону» и даже «лишаетъ этого члена права рѣчи по тому вопросу, по коему имъ допущено нарушеніе порядка». Если по своему составу сельско-хозяйственные съѣзды не могутъ считаться представителями сельско-хозяйственныхъ интересовъ, то и самое заявленіе нуждъ мѣстнаго хозяйства поставлено въ самыя тѣсныя рамки. Обсужденію съѣздовъ подлежатъ только тѣ вопросы, которые включены въ составленную губернаторомъ программу, невключенные же въ нее «могутъ быть представлены губернатору только внѣ засѣданія собранія въ письменной формѣ и за подписью не менѣе трехъ членовъ съѣзда и предлагаются на обсужденіе собранія губернаторомъ, если онъ не встрѣтитъ къ тому препятствія». Такимъ образомъ, всякій вопросъ, возникающій во время сессіи, можетъ быть устраненъ губернаторомъ, по его личному произволу. Право возбужденія подлежащихъ внесенію вопросовъ принадлежитъ министру государственныхъ имуществъ, начальникамъ губерній, входящихъ въ составъ округа, и сельско-хозяйственнымъ обществамъ тѣхъ же губерній. Ни земскія собранія, ни отдѣльные хозяева, ни даже мѣстные сельско-хозяйственные съѣзды, существующіе съ надлежащаго разрѣшенія, не имѣютъ права представлять на обсужденіе съѣздовъ тѣ вопросы, которые возникаютъ на практикѣ и требуютъ разрѣшенія въ интересахъ мѣстнаго хозяйства; инициатива принадлежитъ главнымъ образомъ бюрократіи,

незнакомой съ мѣстными нуждами, а тамъ, гдѣ нѣтъ сельско-хозяйственныхъ обществъ,—ей исключительно.

Намъ могутъ возразить, что отъ самихъ хозяевъ зависитъ усилить свое представительство: для этого стоитъ только основать сельско-хозяйственныя общества, въ разрѣшеніи которыхъ препятствій, конечно, не встрѣтится, а такимъ образомъ не только каждая губернія, но и каждый уѣздъ, даже каждая отрасль хозяйства могутъ имѣть представителей и получить право возбужденія вопросовъ для обсужденія на съѣздахъ. Конечно, это возможно; но въ исполнимости этого нельзя не усомниться. До сихъ поръ въ Россіи существуетъ только 86 обществъ (а по свѣдѣніямъ г. Вешнякова, 80), число, по замѣчанію г. Вешнякова, «ничтожное въ отношеніи къ необъятному пространству имперіи и сравнительно съ числомъ подобныхъ обществъ за-границею». Изъ этихъ обществъ 18 находится въ прибалтійскихъ губерніяхъ и одно на Кавказѣ. «Къ сожалѣнію, говоритъ г. Вешняковъ, весьма немногія русскія общества отличаются особеннымъ развитіемъ своей дѣятельности; многія изъ нихъ существуютъ только номинально. Слабое развитіе дѣятельности большей части нашихъ обществъ зависитъ отчасти отъ равнодушія къ нимъ мѣстныхъ хозяевъ, которые, вмѣсто внесенія собственнаго практическаго участія въ дѣятельность подобныхъ обществъ, предъявляютъ къ нимъ нерѣдко невозможныя требованія—снабжать ихъ готовыми рецептами для безубыточнаго хозяйства; отчасти отъ недостатка людей съ энергической волей и разумной практической инціативой, которые бы брали на себя направленіе трудовъ общества, особенно на первыхъ порахъ его существованія; отчасти, наконецъ, отъ недостатка денежныхъ средствъ, которыя необходимы, какъ для привлеченія интеллигентныхъ силъ къ трудамъ по обществу, такъ и для осуществленія тѣхъ или другихъ полезныхъ начинаній, каковы, напр., выставки, печатаніе трудовъ общества, разныя мѣстныя изслѣдованія, и т. п.» *). Очень вѣроятно, что, кромѣ указанныхъ причинъ, существуютъ и другія, препятствующія развитію сельско-хозяйственныхъ обществъ, и прежде всего — неудобство для хозяевъ, живущихъ внѣ городовъ, правильно собираться въ засѣданія. Для такихъ хозяевъ удобнѣе другая форма общенія — періодическіе съѣзды, созываемые на короткое время для обсужденія текущихъ хозяйственныхъ вопросовъ. Такіе съѣзды прививаются у насъ гораздо успѣшнѣе постоянныхъ обществъ: со времени введенія земскихъ учрежденій, вызвавшихъ эти съѣзды къ жизни, число ихъ, до тѣхъ поръ не превышавшее 13, стало быстро возрастать и съ 1866 года по настоящее время ихъ разрѣшено 79, т. е. почти столько же, сколько открыто обществъ, начиная съ прошлаго столѣтія. Какъ видно изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ департаментомъ сельскаго хозяйства,

*) Вешняковъ. Сборникъ законовъ и постановл. для землевлад. и сельск. хоз. Спб. 1879, стр. XLVII.

дѣятельность съѣздовъ была болѣе плодотворна, нежели дѣятельность постоянныхъ обществъ: ими возбуждено не мало важныхъ вопросовъ и нѣсколько ходатайствъ, имѣющихъ несомнѣнное значеніе для развитія сельскаго хозяйства; къ числу ходатайствъ, наиболѣе часто повторявшихся, принадлежитъ ходатайство объ отмѣнѣ акциза на соль. Впервые оно было возбуждено московскимъ съѣздомъ 1864 года; въ 1870 году повторено 2-мъ съѣздомъ сельскихъ хозяевъ въ Москвѣ и Харьковскимъ съѣздомъ овцеводовъ; въ 1878 году 5-мъ съѣздомъ въ Одессѣ; но, какъ извѣстно, до сихъ поръ не получило удовлетворенія, не смотря даже на заявленіе нынѣшняго министра финансовъ, что день отмѣны этого налога онъ будетъ считать счастливѣйшимъ въ своей жизни. Далѣе, нѣкоторые съѣзды— Бѣлозерскій и Черкскій 1873 г., Бѣлозерскій и Дорогобужскій 1874 г.— ходатайствовали о предоставленіи ихъ уѣздамъ расовыхъ стадъ для улучшенія породы мѣстнаго скота, но эти ходатайства, кажется, тоже не получили удовлетворенія *). Не слѣдуетъ ли въ безуспѣшности ходатайства искать одной изъ причинъ неудовлетворительной дѣятельности сельскохозяйственныхъ обществъ? Можетъ быть, именно эта безуспѣшность вызываетъ апатію мѣстныхъ дѣятелей, убѣждая ихъ въ совершенной безполезности всякихъ обсужденій и ходатайствъ. Если таковы были причины бездѣятельности обществъ до сихъ поръ, то едва ли можно расчитывать, что учрежденіе сельско-хозяйственныхъ съѣздовъ оживитъ ихъ и вызоветъ возникновеніе новыхъ. Вникая въ сущность этихъ съѣздовъ и взвѣшивая то значеніе, которое дано имъ закономъ, нельзя не замѣтить, что никакой пользы мѣстности они принести не могутъ, что, напротивъ, они только замедлятъ движеніе дѣлъ. Всѣ занятія, какъ окружныхъ съѣздовъ, такъ и общаго, имѣютъ характеръ *совѣщательный;* изъ предположеній и ходатайствъ окружныхъ съѣздовъ поступаютъ на разрѣшеніе общаго только тѣ, которыя признаетъ нужнымъ направить туда министръ; остальныя же, стало быть, оставляются безъ послѣдствій собственною его властью. Наконецъ, предположенія общаго съѣзда, по которымъ требуется разрѣшеніе высшихъ правительственныхъ учрежденій, представляется на усмотрѣніе министра, отъ котораго будетъ зависить или отклонить предложеніе, или дать ему дальнѣйшій ходъ въ установленномъ порядкѣ. Такимъ образомъ, ходатайства хозяевъ ожидаетъ та же участь, какая постигала ихъ прежде, т. е. разрѣшеніе ихъ по личному усмотрѣнію министра государственныхъ имуществъ, съ тою только разницею, что до сихъ поръ ходатайства доходили по назначенію скорѣе, безъ лишнихъ проволочекъ. Въ виду всего сказаннаго, едва ли можно ожидать, чтобы учрежденіе окружныхъ съѣздовъ вызвало возникновеніе новыхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ. Мало того, въ интересахъ сельско-хозяйственнаго представительства учрежденіе новыхъ обществъ

*) Сборн. Деп. Земл., вып. 2, стр., 209 и слѣд.

даже нежелательно. По новымъ правиламъ, всѣ ходатайства обществъ не иначе могутъ быть представляемы на благоусмотрѣніе правительства, какъ черезъ окружные съѣзды и общій съѣздъ и, въ концѣ концовъ, какъ мы сказали, разрѣшаются единоличной властью министра государственныхъ имуществъ; между тѣмъ, съѣзды сельскихъ хозяевъ, учрежденіе которыхъ, конечно, запрещено не будетъ и впредь, имѣютъ другой, болѣе удобный путь для направленія своихъ ходатайствъ, проводя ихъ черезъ губернскія земскія собранія, которыя имѣютъ право, не отнятое у нихъ правилами 30 мая, ходатайствовать передъ правительствомъ по предметамъ, касающимся мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ губерніи, и ходатайства которыхъ, въ силу закона 7 іюля 1867 г., могутъ быть оставляемы безъ послѣдствій не иначе, какъ по представленіи комитету министровъ. Послѣдній путь — разсмотрѣніе ходатайства хозяевъ сперва представителями общественными въ земскихъ собраніяхъ, а затѣмъ въ высшемъ правительственномъ коллегіальномъ учрежденіи, представляетъ, конечно, болѣе гарантій, нежели прохожденіе черезъ два зависимыхъ бюрократическихъ съѣзда и окончательное рѣшеніе единоличной властью министра государственныхъ имуществъ.

Существованіе указаннаго порядка отнимаетъ всякое значеніе у новыхъ съѣздовъ, такъ какъ всякій вопросъ, ими отвергнутый, можетъ быть проведенъ черезъ земскія собранія и, наоборотъ, всякая мѣра, ими предложенная и несогласная съ мѣстными интересами, можетъ встрѣтить отпоръ со стороны земства и ходатайство о неприведеніи ея въ исполненіе. Антагонизмъ между земствами и съѣздами легко можетъ установиться, ибо, какъ говоритъ объяснительная записка къ проекту Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, «опытъ показалъ, что во многихъ дѣлахъ мѣстнаго хозяйства прямое участіе двухъ различныхъ, по началу своему, властей, приноситъ мало полезныхъ результатовъ и ведетъ или къ совершенному почти уничтоженію законнаго вліянія одной изъ властей на ходъ дѣлъ, или къ пререканіямъ и взаимному противодѣйствію той и другой власти, производящимъ замѣшательства и неуспѣшность въ распоряженіяхъ, или, наконецъ, ко взаимному ихъ уклоненію отъ надлежащаго исполненія обязанностей, къ обоюдному бездѣйствію и апатіи *).» Относиться сочувственно къ новому учрежденію земство не имѣетъ никакого основанія: оно устранено почти отъ всякаго въ немъ участія и въ отношеніи къ нему поставлено въ то положеніе, въ какомъ оно нѣкогда находилось въ отношеніи къ комитетамъ земскихъ повинностей, гдѣ, говоря словами коммиссіи, «предсѣдатель и значительная часть членовъ суть чиновники правительства и прочіе члены представители сословій», и которое въ 1863 году считалось существеннымъ неудобствомъ **). От-

*) Объяснительная записка, стр. 55. Труды Ком. о губ. и уѣздн. учр., ч. 2, кн. 1.

**) Тамъ же, стр. 17.

страненіе земскаго вліянія на съѣзды проведено систематически: въ общемъ съѣздѣ земство имѣетъ одного только представителя—предсѣдателя Петербургской управы и болѣе имѣть ихъ не можетъ, ибо въ члены общаго съѣзда отъ съѣздовъ окружныхъ могутъ быть избираемы «только члены сельско-хозяйственныхъ обществъ округа», такъ что, если выборъ падетъ на кого либо изъ предсѣдателей управы, то такой избранникъ явится представителемъ не земства, а сельско-хозяйственнаго общества, котораго онъ состоитъ членомъ.

Со стороны общества, въ широкомъ смыслѣ, будущіе съѣзды тоже едва ли будутъ пользоваться сочувствіемъ, такъ какъ дѣятельность ихъ не будетъ подлежать общественному обсужденію и контролю: въ правилахъ нѣтъ никакихъ указаній ни относительно публичности засѣданій, ни относительно опубликованія протоколовъ окружныхъ съѣздовъ; сказано только, что протоколы, немедленно по окончаніи съѣзда, сообщаются министру государственныхъ имуществъ, протоколы же съѣзда общаго «могутъ быть печатаемы, по усмотрѣнію министра государственныхъ имуществъ вполнѣ, или въ извлеченіи, въ правительственныхъ органахъ печати, или въ видѣ отдѣльнаго изданія.» Это послѣднее правило еще болѣе усиливаетъ бюрократическій характеръ новаго учрежденія, допуская даже канцелярскую тайну для его совѣщаній.

Новая мѣра, такимъ образомъ, представляется намъ совершенно безплодной, не обѣщающей никакихъ результатовъ. Мы думаемъ, что, въ недалекомъ будущемъ, само правительство убѣдится въ безполезности устроиваемыхъ чиновничьихъ конференцій и упразднитъ ихъ за ненадобностію. Но въ основаніи этой мѣры лежитъ мысль, совершенно вѣрная, что сельско-хозяйственные вопросы должны обсуждаться не по губерніямъ, но по округамъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ, находящихся въ одинаковыхъ условіяхъ и имѣющихъ тождественный интересъ губерній. Мысль эта вѣрна и по отношенію къ другимъ отраслямъ общественнаго хозяйства. Если для принятія мѣръ къ истребленію хотя бы хлѣбнаго жука необходимы однообразныя мѣры въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, то точно также необходимы онѣ для борьбы съ хищными животными, съ эпидеміями и эпизоотіями и т. д., а всѣ эти мѣры могутъ быть приведены въ исполненіе не иначе, какъ по соглашенію завѣдывающихъ ими въ сосѣднихъ губерніяхъ учрежденій. Потребность въ такого рода соглашеніяхъ уже давно ощущается земскими собраніями, которыя неоднократно обращались съ ходатайствами о разрѣшеніи сношеній между земствами, но ходатайства эти оставлялись безъ удовлетворенія, на томъ основаніи, что земскія учрежденія суть учрежденія мѣстныя и что всѣ дѣла, относящіяся до нѣсколькихъ губерній, составляютъ предметъ вѣдѣнія учрежденій общегосударственныхъ. Законодательства другихъ государствъ не находятъ препятствій къ допущенію сношеній между мѣстными собраніями; такъ бельгійскій провинціальный законъ 30 апрѣля 1836 г., запрещаетъ про-

винціальнымъ совѣтамъ сноситься съ совѣтами другихъ провинцій только по предметамъ, «выходящимъ изъ предѣла ихъ власти»; если же сношенія эти будутъ касаться матеріальныхъ интересовъ сносящихся провинцій, то, говорилъ при обсужденіи проекта этого закона министръ внутреннихъ дѣлъ, «правительство, конечно, будетъ столь благоразумно, что не станетъ препятствовать такой корреспонденціи». За то, «когда рѣчь идетъ о сношеніяхъ политическихъ, о коалиціи между совѣтами, цѣлью которой было бы низведеніе правительства и палатъ до нуля, то правительство обязано отвращать подобныя сношенія» *), и это весьма естественно. Во Франціи всякія сношенія между генеральными совѣтами были безусловно запрещены, и закономъ 10 августа 1871 года это запрещеніе уничтожено. Этотъ законъ дозволяетъ совѣтамъ нѣсколькихъ департаментовъ устраивать, по извѣщеніи о томъ префектовъ, совѣщанія по дѣламъ, касающимся ихъ общихъ интересовъ и входить въ соглашенія между собою относительно различныхъ общеполезныхъ предпріятій, считающихся въ кругу ихъ вѣдомства. Такіе вопросы обсуждаются на съѣздахъ, на которыхъ представителемъ каждаго департамента является или его департаментская коммиссія (управа), или коммиссія, особо для того назначенная. Префекты участвующихъ въ совѣщаніи департаментовъ имѣютъ право присутствовать въ засѣданіяхъ съѣзда. Рѣшенія послѣдняго приводятся въ исполненіе по утвержденіи ихъ всѣми подлежащими генеральными совѣтами.

Разрѣшеніе сношеній между земствами, въ особенности въ той формѣ, въ какой оно допущено французскими законами, т. е. съ вѣдома подлежащихъ губернаторовъ, и даже въ ихъ присутствіи, не представляетъ никакой опасности; не можетъ подлежать сомнѣнію, что земскіе представители съумѣютъ оправдать довѣріе, которое было бы имъ оказано, и не переступятъ предѣловъ, которыми была бы ограничена ихъ дѣятельность; если же даже какое либо отступленіе и было когда либо допущено, то правительство имѣетъ достаточно способовъ для пресѣченія подобныхъ отношеній. Между тѣмъ, указанная мѣра въ значительной степени оживила бы земское дѣло и содѣйствовала бы болѣе единообразному его направленію. Съ другой стороны, окружные земскіе съѣзды могли бы служить представителями и сельско-хозяйственныхъ интересовъ и сдѣлали бы ненужными тѣ искусственные чиновничьи съѣзды, которые узаконены правилами 30 мая. Столь же излишнимъ сдѣлали бы они и общій сельско-хозяйственный съѣздъ, если бы, въ видахъ объединенія земской дѣятельности, были допущены *общіе земскіе съѣзды*, о которыхъ восемь лѣтъ тому назадъ ходатайствовало Владимірское губернское земство.

*) Веселовскій. Обозрѣніе законодат. главныхъ государствъ Европы по финансовымъ и земско-хозяйственнымъ дѣламъ. Спб. 1864, стр. 362.

Земство и земскія учрежденія въ 1876—77 годахъ.

I.

Управленіе дѣлами земства и отношенія земскихъ учрежденій къ прочимъ органамъ государственнаго строя.

(Продолженіе).

Каждое трехлѣтіе созванію очередныхъ земскихъ собраній предшествуютъ выборы гласныхъ на избирательныхъ съѣздахъ, составъ которыхъ мы разсмотрѣли въ предыдущей статьѣ *). На этихъ съѣздахъ формируются собранія на цѣлое трехлѣтіе, тутъ дается преобладаніе тому или другому элементу земскаго представительства данной мѣстности и зарождаются направленія будущей дѣятельности земскихъ учрежденій. Подробное и обстоятельное изслѣдованіе дѣйствій этихъ съѣздовъ и сословнаго состава избранныхъ ими гласныхъ болѣе, чѣмъ что либо, способно указать на слабыя стороны нынѣшней организаціи земскихъ собраній и привести къ убѣжденію въ необходимости многихъ въ ней измѣненій, дабы дѣла земскія велись дѣйствительными представителями земства, а не людьми подначальными или случайными представителями личныхъ, часто враждебныхъ земству интересовъ и дабы преобладаніе въ земскихъ собраніяхъ представителей привиллегированныхъ сословій надъ представителями главной массы населенія—крестьянства—не подавляло и не глушило проявленія народныхъ, истинно земскихъ нуждъ. Въ «Ежегодникѣ» 1876 года мы встрѣчаемъ, въ числѣ ходатайствъ, обращенныхъ земскими собраніями къ правительству, ходатайство о томъ, чтобы гласные отъ сельскихъ обществъ, занимающіе въ то же время должность волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, не подвергались аресту по административнымъ съ нихъ взысканіямъ, во время сессій земскихъ собраній. Ходатайства эти вызваны тѣми слишкомъ частыми случаями вмѣшательства мѣстныхъ исправниковъ и непремѣнныхъ членовъ крестьянскихъ присутствій въ разные происки и борьбу партій въ земскихъ собраніяхъ, отъ

*) См. Рус. Мысль. Іюль.

которыхъ не будетъ избавлено ни одно изъ нихъ, пока въ ихъ средѣ будутъ находиться всѣмъ и каждому подначальные волостные старшины, писаря и сельскіе старосты. Такъ смоленское губернское собраніе постановило: 1) ходатайствовать у смоленскаго губернатора о немедленномъ освобожденіи гласнаго Роганова отъ ареста, наложеннаго на него въ административномъ порядкѣ исправникомъ и 2) ходатайствовать о томъ, чтобы губернскіе и уѣздные гласные, принадлежащіе къ крестьянскимъ, сельскимъ и волостнымъ управленіямъ, на все время состоянія ихъ въ этомъ званіи были освобождены отъ личныхъ взысканій единоличною властью исправниковъ. Первое изъ этихъ ходатайствъ губернаторомъ было удовлетворено; результатъ второго неизвѣстенъ. Точно также симферопольское уѣздное собраніе постановило просить губернское собраніе о возбужденіи ходатайства, чтобы гласные во время собраній не подвергались арестамъ въ административномъ порядкѣ. Юрьевецкое собраніе пошло далѣе: оно категорически опредѣлило не допускать волостныхъ старшинъ въ гласные отъ сельскихъ обществъ. Полезное, но къ сожалѣнію, по незаконности своей, безсильное постановленіе.

Смоленскій губернаторъ, какъ мы указали, уважилъ просьбу губернскаго земскаго собранія, но сомнительно, чтобы всѣ губернаторы были на столько сговорчивы, а еще сомнительнѣе, чтобы распоряженія ихъ объ освобожденіи гласныхъ являлись своевременно въ уѣзды, отдаленные отъ губернскаго города.

Необходимость измѣненій порядка и условій избранія гласныхъ отъ крестьянъ сознается многими земскими собраніями, но проявленіе этого сознанія относится всего болѣе къ двумъ послѣднимъ годамъ дѣятельности земскихъ учрежденій (78 и 79) и если мы забѣжимъ нѣсколько впередъ, то увидимъ, что въ послѣднюю очередную сессію сапожковскаго земскаго собранія гласный А. И. Кошелевъ внесъ слѣдующее предложеніе:

«Всѣ мы, а въ особенности крестьяне и лица, когда либо завѣдывавшія выборами гласныхъ отъ крестьянъ, знаемъ, какъ неудобенъ и цѣли несоотвѣтственъ существующій порядокъ выбора гласныхъ отъ крестьянскихъ обществъ. Назначаются по уѣзду три, четыре мѣста, куда должны собраться выборщики отъ волостныхъ сходовъ и выбрать причитающееся на участокъ число гласныхъ. Какъ выборщики отъ разныхъ волостей другъ друга мало знаютъ; какъ они собираются въ подобное собраніе однажды въ три года и только на нѣсколько часовъ и большинство выборщиковъ торопится засвѣтло добраться до своихъ домовъ, то выборы гласныхъ производятся очень спѣшно и далеко не съ надлежащимъ знаніемъ избираемыхъ лицъ. Цѣль собранія представителей отъ крестьянскихъ обществъ была бы несравненно лучше достигнута, если бы выборы гласныхъ производились на мѣстахъ самими волостными сходами. Тогда каждая волость имѣла бы своего представителя въ земскомъ со-

браніи и волостные сходы избирали бы своего гласнаго съ надлежащимъ знаніемъ его свойствъ. Какъ въ нашемъ уѣздѣ должно быть 18 гласныхъ, а волостей имѣется 21, то самыя малолюдныя волости могли бы быть присоединены къ сосѣднимъ волостямъ. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ большой бѣды нѣтъ, ибо крестьяне смежныхъ волостей еще другъ друга довольно хорошо знаютъ; въ теперешнихъ же избирательныхъ собраніяхъ, куда сходятся выборщики отъ 6, 7 и болѣе волостей, крестьяне подаютъ голоса въ пользу или противъ баллотирующихся часто случайно или по просьбамъ заинтересованныхъ лицъ. Думаю, что слѣдовало бы ходатайствовать, по вышеизложеннымъ соображеніямъ, объ измѣненіи статей 30—32 положенія о земскихъ учрежденіяхъ». Выслушавъ это предложеніе, сапожковское земское собраніе постановило ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ, чрезъ рязанское губернское земское собраніе, о томъ, чтобы гласные отъ крестьянъ избирались въ волостяхъ волостными сходами.

Въ губернскомъ собраніи гласный А. И. Кошелевъ, поддерживая свое предложеніе и, въ виду высказанныхъ коммиссіей, обсуждавшей ходатайство сапожковскаго земства, опасеній, что при выборѣ гласныхъ волостными сходами постороннія вліянія будутъ еще сильнѣе, сдѣлалъ слѣдующее добавочное предложеніе: «Опасенія на счетъ усиленія вліяній при выборахъ по волостямъ легко могли бы быть устранены включеніемъ волостныхъ старшинъ въ ст. 36 полож. о зем. учрежд., т. е. воспрещеніемъ имъ быть гласными, и обезпеченіемъ за крестьянами права избирать своихъ гласныхъ только изъ своей среды, право, которымъ пользуются и землевладѣльцы, и горожане. Если какому либо сословію предоставляется право избирать своихъ представителей, то необходимо дать ему и полную возможность пользоваться этимъ правомъ». Гласный князь С. В. Волконскій тоже высказалъ, что онъ вполнѣ сознаетъ необходимость распространенія ст. 36 пол. о зем. учр. на волостныхъ старшинъ и предоставленія крестьянамъ права избирать гласныхъ только изъ своей среды. Но, не смотря на указанія и убѣжденія этихъ двухъ гласныхъ, столь авторитетныхъ своимъ знаніемъ земскаго дѣла и земскихъ нуждъ, рязанское губернское собраніе отклонило ходатайство сапожковскаго земства. Желательно было бы, чтобы сапожковское земское собраніе будущей сессіи не удовлетворилось такимъ страннымъ отношеніемъ къ дѣлу рязанскаго губернскаго собранія и, безъ посредства послѣдняго, присоединилось бы къ числу тѣхъ земскихъ собраній, которыя, дорожа правильностью земскаго представительства, обратились къ правительству съ ходатайствами объ улучшеніи условій избранія гласныхъ отъ сельскихъ обществъ. Присоединимъ къ этому наше желаніе, чтобы къ указаннымъ въ 36 ст. земскаго положенія лицамъ, какъ-то: губернаторамъ, вице-губернаторамъ, исправникамъ и другимъ чинамъ полиціи, присоединены были не только волостные старшины, но и сельскіе старосты, чтобы рядомъ новыхъ

законоположеній выборы гласныхъ отъ крестьянъ изъяты были изъ вѣдѣнія присутствій по крестьянскимъ дѣламъ. Довольно, казалось бы, мировые посредники, непремѣнные члены, исправники, зачастую даже предводители дворянства поработали надъ извращеніемъ земскаго представительства, надъ обращеніемъ его въ орудіе личныхъ происковъ, въ орудіе стремленій, прямо враждебныхъ интересамъ земства! Довольно землевладѣльцы, забракованные своею братіею, пользуясь покровительствомъ мѣстныхъ воротилъ, являлись въ собранія гласными отъ крестьянъ и становились попирателями интересовъ своихъ же избирателей! Довольно всѣхъ этихъ разъѣдающихъ земское представительство порядковъ! Въ интересахъ надлежащаго направленія всей нашей народной жизни, пора поставить это представительство на надлежащую высоту, дать ему возможно бо́льшую самостоятельность. Полагаемъ, что нѣтъ земства, нѣтъ земскаго дѣятеля, искренно преданнаго своему дѣлу, которые бы этого не сознавали; но горе въ томъ, что какъ только въ земскихъ собраніяхъ лучшіе изъ земскихъ представителей подымаютъ вопросы, подобные тому, который былъ поднятъ въ рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, такъ въ защиту незыблемости существующихъ порядковъ является союзъ гласныхъ изъ людей, живущихъ сладостными для нихъ воспоминаніями всего бывшаго до 19 февраля 61 года и кликой гласныхъ-искателей приключеній и мѣстъ, оплачиваемыхъ земствомъ, для которыхъ порядки эти какъ нельзя болѣе удобны.

Изъ приведеннаго нами ходатайства сапожковскаго земства видно, что число гласныхъ отъ крстьянъ такъ незначительно, что не приходится даже по одному гласному на волость. На сколько вообще мало число земскихъ гласныхъ и на сколько произвольно составлено расписаніе числа гласныхъ, приложенное къ 33 ст. полож. о зем. учр., хорошо видно изъ помѣщеннаго въ Земскомъ Ежегодникѣ 1876 года (№ 5599) постановленія коротоякскаго земства. Коротоякская земская управа доложила земскому собранію, что по расписанію оно состоитъ всего изъ 12 гласныхъ. Между тѣмъ, и по пространству, и по населенности, коротоякскій уѣздъ не уступаетъ уѣздамъ, въ которыхъ гласныхъ отъ 40 до 70. Стоитъ не прибыть въ собраніе тремъ гласнымъ и оно не можетъ состояться. Собраніе (вслѣдствіе министерскаго циркуляра 13 февраля 1868 года) не въ правѣ пригласить кандидатовъ, если даже гласные систематически уклоняются отъ его посѣщенія. Изъ текста 46 ст. о приведеніи въ дѣйствіе полож. о зем. учрежденіяхъ, видно, что замѣна кандидатами можетъ быть въ случаѣ смерти, отъѣзда и по другимъ причинамъ; кандидаты всѣхъ должностныхъ лицъ замѣняютъ ихъ и въ случаѣ временнаго отъѣзда. Соображенія эти, по порученію коротоякскаго собранія, были представлены губернатору, но отъ него полученъ отвѣтъ, что такая замѣна гласныхъ ихъ кандидатами не можетъ быть допущена, какъ за силою министерскаго циркуляра 1866 года, за № 28, такъ и въ виду того, что нельзя

заранѣе опредѣлить, кто изъ гласныхъ явится въ собраніе и кто будетъ отсутствовать. Выслушавъ этотъ докладъ управы, коротоякское собраніе постановило ходатайствовать передъ правительствомъ объ увеличеніи числа его гласныхъ. Ходатайство это было направлено чрезъ воронежское губернское собраніе, которое нашло справедливымъ съ своей стороны присоединиться къ нему. Какъ разрѣшенъ этотъ вопросъ правительствомъ, намъ неизвѣстно.

Этотъ случай даетъ намъ полное право повторить наше указаніе на произвольность и полнѣйшую неосновательность приложеннаго къ земскому положенію расписанія численнаго состава земскихъ собраній. Коротоякскій уѣздъ заключаетъ въ себѣ около 320 т. десятинъ земли и имѣетъ около 60 т. жителей мужскаго пола (около 125 т. обоего пола). Такъ, по крайней мѣрѣ, гласятъ министерскія свѣдѣнія. Составляя расписаніе числа гласныхъ, министерство внутреннихъ дѣлъ нашло почему-то, что этому уѣзду достаточно будетъ 12 гласныхъ, изъ коихъ 4 отъ землевладѣльцевъ, 2 отъ города и 6 отъ крестьянъ. Если допустить, что половина земельной собственности уѣзда принадлежитъ землевладѣльцамъ, то на каждаго гласнаго отъ нихъ придется по 40 тысячъ десятинъ. На каждаго гласнаго отъ крестьянъ приходится по 10 т. душъ мужскаго населенія. Это вмѣсто 3 т. среднихъ душевыхъ надѣловъ и 5 т. душъ населенія, принятыхъ коммиссіей, состоявшей при томъ же министерствѣ, нормой для опредѣленія числа уѣздныхъ гласныхъ! И безъ того узкія нормы земскаго представительства, спутанныя всевозможными остроумными комбинаціями этой коммиссіи, сужены дальнѣйшими министерскими соображеніями до размѣровъ, при которыхъ коротоякскому земству невозможно вести свои дѣла. Что вообще расписаніе числа гласныхъ сдѣлано наобумъ, видно лучше всего изъ слѣдующаго сравненія:

	Коротоякскій уѣздъ:	Нижне-Ломовскій уѣздъ:	Пирятинскій уѣздъ:
Жителей об. п:	125 т.	129 т.	106 т.
Территорія:	3100 кв. в.	3000 кв. в.	2800 кв. в.
Гласныхъ:	12	44	40

Можно составить цѣлую таблицу такихъ несообразностей.

Не мало и другихъ вопросовъ возбуждается при болѣе или менѣе близкомъ ознакомленіи съ дѣлами избирательныхъ съѣздовъ. Къ сожалѣнію, земскія управы не находятъ почему-то нужнымъ давать этимъ вопросамъ мѣсто въ своихъ изданіяхъ, вслѣдствіе чего и составленный по нимъ Земскій Ежегодникъ вовсе не касается этой стороны жизни земскихъ учрежденій и беретъ ее только съ момента повѣрки собраніями правъ гласныхъ. Приведенныя въ двухъ вышедшихъ томахъ Ежегодника относящіяся до этой повѣрки постановленія собраній лишены для читателя какого либо интереса, какъ всякій концецъ безъ начала, ибо въ большинствѣ случаевъ вопросы о правахъ того или другаго гласнаго вытекаютъ изъ дѣлъ избиратель-

ныхъ съѣздовъ, до сихъ поръ составляющихъ достояніе исключительно земскихъ архивовъ. Опуская по этому указанные въ Ежегодникѣ случаи, относящіеся до признанія или непризнанія правъ гласнаго за отдѣльными лицами, мы не можемъ не обратить вниманія на тѣ постановленія собраній, которыя имѣютъ своимъ предметомъ вопросы о недопущеніи въ собраніе, вслѣдствіе неправильности выборовъ той или другой изъ установленныхъ закономъ трехъ категорій гласныхъ. Такіе случаи въ 1877 году (первый годъ пятаго трехлѣтія) были въ уѣздахъ: калужскомъ, малоярославецкомъ, медынскомъ, шлиссельбургскомъ, краснинскомъ и изюмскомъ. Медынское и малоярославецкое собранія, признавъ неправильность выборовъ гласныхъ отъ крестьянъ, тѣмъ не менѣе продолжали свои засѣданія. Совершенно противоположно и болѣе разумно поступили въ подобныхъ же случаяхъ собранія: калужское, краснинское и шлиссельбургское, первыя два признали выборы гласныхъ отъ крестьянъ, а послѣднее гласныхъ отъ города неправильными и, находя, что въ виду отсутствія въ собраніи представителей цѣлаго сословія дѣла его не могутъ идти правильно,—отсрочили свои сессіи до новаго избранія гласныхъ. Въ изюмскомъ уѣздѣ произошло нѣчто иное: сенатъ кассировалъ выборы, произведенные въ изюмскомъ земскомъ собраніи, въ томъ числѣ и выборы губернскихъ гласныхъ, вслѣдствіе чего изюмскій уѣздъ былъ лишенъ представительства въ харьковскомъ губернскомъ собраніи въ очередной сессіи 1877 года. Недостаточное комплектованіе уѣздныхъ земскихъ собраній часто происходитъ вслѣдствіе непозволительнаго равнодушія къ земскимъ дѣламъ многихъ членовъ того сословія, въ интересахъ котораго комиссія, проектировавшая земское положеніе, такъ много, такъ старательно работала. Такъ, чистопольское земское собраніе, въ виду того, что гласныхъ отъ землевладѣльцевъ, за неприбытіемъ сихъ послѣднихъ на избирательный съѣздъ, въ составъ собранія вошло вмѣсто 21 всего только 7, постановило ходатайствовать о дополнительныхъ выборахъ. Костромское уѣздное собраніе нашло, что хотя въ его составѣ гласныхъ отъ землевладѣльцевъ 16 вмѣсто 25, но дополнительныхъ выборовъ не нужно. Эти два случая попали въ Ежегодникъ въ силу того, что по нимъ состоялись постановленія собраній. Уѣздныя собранія привыкли видѣть гласныхъ отъ землевладѣльцевъ, являющихся въ собраніе не въ силу избранія, а въ силу 34 ст. земскаго положенія, дающей званіе гласнаго всѣмъ лицамъ, явившимся на съѣздъ, если число ихъ было менѣе числа подлежавшихъ избранію. Извѣстно, что въ губернскіе гласные избираются преимущественно землевладѣльцы. Какъ только приходитъ время открытія сессій губернскихъ собраній, такъ столбцы Правительственнаго Вѣстника наполняются извѣщеніями о томъ, что, за неприбытіемъ гласныхъ, такое-то и такое-то собраніе не могли быть открыты. Въ послѣдніе два года подобныя извѣщенія стали появляться въ меньшемъ числѣ. Были такіе несчастные уѣзды, представители которыхъ всѣ до единаго уклонялись отъ вы-

полненія своихъ обязанностей. Такъ въ 1876 году псковское губернское экстренное собраніе 6 мая, по обсужденіи мѣръ къ обезпеченію продовольствія жителей губерніи, единогласно выразило сожалѣніе губернскимъ гласнымъ великолуцкаго уѣзда о томъ, что, не смотря на плохое состояніе озимыхъ полей, ни одинъ изъ нихъ не нашелъ возможнымъ явиться въ собраніе представителемъ нуждъ и требованій своего уѣзда. Отъ подобныхъ грустныхъ происшествій земство можетъ быть избавлено, какъ намъ думается, единственно дозволеніемъ ему назначать губернскимъ гласнымъ денежное содержаніе на время отправленія ими своихъ обязанностей *). Право назначенія содержанія губернскимъ гласнымъ дастъ возможность уѣзднымъ собраніямъ имѣть своими представителями въ губернскихъ собраніяхъ людей, земскому дѣлу преданныхъ. До сихъ поръ всѣ ходатайства земскихъ собраній по этому предмету правительствомъ отклонялись и уѣздныя земскія собранія по неволѣ должны были выбирать въ губернскіе гласные или людей, которые могутъ, но не хотятъ исполнять эти обязанности, или такихъ, которые и хотятъ, но не могутъ. Съ тѣмъ бо́льшимъ уваженіемъ и сочувствіемъ надлежитъ отнестись къ тѣмъ почтеннымъ лицамъ, которыя посвящаютъ и свои знанія, и свое время земскому дѣлу, являясь въ земскія собранія, не ради исканія какихъ либо мѣстъ, а ради выполненія своего гражданскаго долга. Это истинные піонеры земскаго дѣла и русское земство обязано имъ всѣми тѣми добрыми и народу полезными начинаніями, которыми ознаменована дѣятельность нашихъ юныхъ еще земскихъ учрежденій и которыя искупаютъ всѣ ихъ погрѣшности, увлеченія и недодѣлки. Было время, когда охватившее многихъ увлеченіе дарованными, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, началами мѣстнаго хозяйственнаго самоуправленія, подъ вліяніемъ несбывшихся надеждъ на дальнѣйшее болѣе широкое развитіе этихъ началъ, подъ ударами многаго, съужившаго ихъ примѣненіе, подъ впечатлѣніемъ тяжелыхъ проявленій органическихъ недостатковъ земскихъ учрежденій, смѣнилось во многихъ разочарованіемъ въ земскомъ дѣлѣ, — апатіей, равнодушіемъ къ нему; собранія стали пустѣть, сессіи ихъ сокращаться и только выборы на должности, оплачиваемыя земскими деньгами, привлекали алчущихъ и жаждущихъ полученія этихъ мѣстъ. Земскія собранія обратились въ арену избирательныхъ происковъ и вѣчно сопутствующихъ имъ скандаловъ. Враги земскаго дѣла торжествовали. Торжеству этому всего болѣе способствовало отсутствіе у большинства публики знанія о томъ, что дѣлаетъ земство, какъ ведетъ оно свои дѣла. Говорили о скандалахъ, злорадно указывали на многіе дѣйствительные недостатки, погрѣшности, даже крупные грѣхи и управъ, и собраній, и забывали о

*) Содержаніе это должно быть самое ограниченное и выдаваться только тѣмъ гласнымъ, которые заявятъ о невозможности ѣхать въ губернскій городъ на свои средства.

тѣхъ дѣтищахъ нашего земства, которыми оно въ правѣ гордиться, забывали цѣлую сѣть народныхъ школъ, больницъ, послѣдовательное и успѣшное вытѣсненіе натуральныхъ повинностей. Но грянулъ громъ. Заснувшее, впавшее въ апатію общество почуяло бѣду, кинулось въ одну, въ другую сторону и, наконецъ, единодушно, сверху до низу прониклось убѣжденіемъ, что спать и стоять на одномъ мѣстѣ нельзя, что спасеніе впереди, а не назади, что застой общественной жизни, застой въ развитіи общественныхъ учрежденій, искусственное и ни къ чему ненужное стѣсненіе ихъ и суть именно источники того горючаго и взрывчатаго матеріала, который, накопляясь, грозитъ великими, разрушительными бѣдами. Такое сознаніе не можетъ не идти рука объ руку съ надеждой скораго осуществленія дальнѣйшаго развитія формъ нашей общественной жизни, а разъ такая надежда явилась, къ кому, къ какимъ учрежденіямъ у насъ, какъ не къ земскимъ можетъ обратиться симпатія общества? Возьмите любой журналъ, любую газету и вы прочтете тамъ не появлявшіяся прежде изслѣдованія земской жизни, вы встрѣтите цѣлый рядъ статей о земствѣ, земскихъ дѣлахъ, земскихъ задачахъ, статей преисполненныхъ сочувствіемъ къ земству и желаніемъ возможно большаго развитія его правъ и обязанностей.

Если же мы обратимся къ самимъ земскимъ учрежденіямъ, вникнемъ въ ихъ жизнь за послѣдніе годы, то увидимъ что и тамъ, хотя тихими шагами, дѣло подвигается впередъ, идетъ къ улучшенію. Просматривая журналы земскихъ собраній, мы увидимъ, что число гласныхъ, участвующихъ въ засѣданіяхъ собраній, увеличивается. Тамъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ едва набиралось узаконенное для открытія собранія число ихъ, тамъ теперь оно доходитъ, какъ и въ первые два, три года, до 70—80% полнаго состава собранія. Чудаки, говорящіе, что они никогда не сядутъ на одну скамью съ мужикомъ, сдѣлались рѣдкостью,—они или повывелись, или помалчиваютъ, боясь быть причисленными къ лику Чичиковыхъ, Ноздревыхъ, Собакевичей и т. под. Число сессій земскихъ собраній, не состоявшихся за неприбытіемъ гласныхъ, уменьшается и, напротивъ, увеличивается число тѣхъ собраній, которыя хлопочутъ о продленіи своихъ сессій.—Изъ свѣдѣній, занесенныхъ въ Ежегодникъ, видно, что въ 1876—77 годахъ за отсутствіемъ гласныхъ не состоялись или закрылись ранѣе разсмотрѣнія всѣхъ дѣлъ слѣдующія собранія: богородское, калужское губернское, жиздринское, буйское, самарское губернское, самарское уѣздное, аткарское и балашевское. Гласные балашевскаго уѣзда въ особенности отличились: отъ 17 до 21 октября, говорится въ составленномъ протоколѣ, кромѣ предсѣдателя собранія и членовъ управы, никто изъ гласныхъ не являлся, а потому собраніе очередной сессіи было закрыто, а дѣла остались неразсмотрѣнными. Балашевское земское собраніе состоитъ изъ 68 гласныхъ. Мы отказываемся думать, что изъ нихъ никто не понимаетъ и не хочетъ выполнять своихъ обязанностей. Тутъ скрывается какая-нибудь

махинація мѣстныхъ воротилъ. Страненъ также выборъ времени, сдѣланный управой для назначенія сессіи собранія: по нашимъ дорогамъ во второй половинѣ октября проѣздъ, какъ извѣстно, очень плохъ и весьма быть можетъ это обстоятельство и причинило такую поголовную неявку гласныхъ. Замѣтимъ кстати, что это произошло въ 77 году, въ которомъ производились выборы земскихъ управъ.

Собранія, испросившія продленіе своихъ сессій, суть слѣдующія: въ 1876 году: вятское уѣздное, елабужское, орловское (Вятской губерніи), уфимское губернское; въ 1877 году: вятское уѣздное, нолинское, орловское, слободское, яранское, пермское губернское, екатеринбургское экстренное и очередное и соликамское. Видно, что земскими дѣлами наиболѣе ревностно занимаются въ губерніяхъ пермской и вятской, а, какъ извѣстно, губерніи эти не землевладѣльческія и въ ихъ земскихъ собраніяхъ гласные отъ крестьянъ численностью своею преобладаютъ надъ гласными отъ землевладѣльцевъ.

Порядокъ засѣданій собраній въ большинствѣ земствъ опредѣлялся въ первые года существованія земскихъ учрежденій. Въ Ежегодникѣ встрѣчаемъ мы подробныя постановленія по этому предмету уфимскаго губернскаго собранія, открытаго только въ 1875 году, нижегородскаго и черниговскаго, также губернскихъ. Постановленія первыхъ двухъ подробно разработаны, обнимаютъ всѣ стороны производства дѣлъ въ собраніяхъ и представляютъ собою родъ наказа. Подробности устанавливаемаго этими постановленіями порядка не представляютъ собою ничего новаго, во всемъ похожи на правила, существующія во всѣхъ почти собраніяхъ. Постановленія же черниговскаго губернскаго собранія отличаются нѣсколько инымъ характеромъ и, какъ видно, обязаны своимъ происхожденіемъ столкновеніямъ между гласными. Такъ въ Ежегодникѣ 76 г. (№ 99) сказано, что черниговское губернское собраніе приняло слѣдующія предложенія гласнаго Линдфорса, сдѣланныя съ цѣлью устраненія излишняго многословія и личныхъ препирательствъ: 1) гласный имѣетъ право участвовать въ преніяхъ собранія по каждому вопросу не болѣе двухъ разъ и 2) продолжительность каждой произносимой въ собраніи рѣчи ограничивается $^1/_4$ часа. Кромѣ того, въ засѣданіе, слѣдовавшее за тѣмъ, въ которомъ были приняты эти правила, черниговское собраніе приняло предложеніе того же гласнаго Линдфорса о томъ, чтобы постановленія по каждому вопросу излагались въ видѣ краткихъ резолюцій, такъ какъ замѣтно было желаніе нѣкоторыхъ гласныхъ уѣхать и тѣмъ помѣшать утвержденію журнала предшествующаго засѣданія. Вслѣдствіе принятія собраніемъ и этого предложенія, девять гласныхъ, съ гласнымъ Псіоломъ во главѣ, вышли изъ собранія и подали письменное заявленіе о томъ, что ихъ къ выходу изъ собранія побуждаетъ обязанность защитить интересы своихъ избирателей отъ слишкомъ поспѣшныхъ резолюцій собранія. Послѣ этого, дня черезъ три, 19 гласныхъ другаго лагеря подали протестъ противъ

тѣхъ дѣтищахъ нашего земства, которыми оно въ правѣ г[illegible] собраніи, и д. гу-
цѣлую сѣть народныхъ школъ, больницъ, послѣдова[illegible] въ томъ, что когда
вытѣсненіе натуральныхъ повинностей. Но грян[illegible]ложенія гласнаго Линд-
впавшее въ апатію общество почуяло бѣду, ки[illegible] время въ залу засѣданій
сторону и, наконецъ, единодушно, сверху до [illegible] предводительствомъ того же
что спать и стоять на одномъ мѣстѣ нел[illegible] прятаньемъ лишали собра-
назади, что застой общественной жиз[illegible] приступить къ занятіямъ, пока не
ныхъ учрежденій, искусственное и [illegible] чего гласный Петрункевичъ, по
и суть именно источники того гор[illegible] имъ выговоръ, то предсѣдатель-
накопляясь, грозитъ великими. [illegible] предложеніе гласнаго Петрункевича на
не можетъ не идти рука об[illegible]
дальнѣйшаго развитія фо[illegible] примѣръ столкновеній между гласными. Въ боль-
надежда явилась, къ ко[illegible] столкновенія, пустыя и незначительныя въ началѣ,
земскимъ можетъ об[illegible] благодаря безтактности и по винѣ предсѣдателей
налъ, любую газет[illegible] въ карсунскомъ уѣздѣ дѣло дошло до того, что сенатъ
ванія земской [illegible] должности предводителя дворянства Бестужева, назна-
скихъ дѣлахъ [illegible] слѣдствіе и затѣмъ сдѣлалъ ему выговоръ за учинен-
къ земству [illegible] въ карсунскомъ земскомъ собраніи сессіи 1877, до-
занносте[illegible] не до драки *). Предсѣдательствовавшій въ вятскомъ губерн-
Ес[illegible] собраніи сессіи 1876 г. мѣстный управляющій государственными
въ [illegible] Свидъ, потворствомъ своему чиновнику Муравьеву, бывшему
ше[illegible] въ качествѣ представителя вѣдомства государственныхъ иму-
[illegible] довелъ до того, что въ журналахъ вятскаго собранія 1876 г. мы
читаемъ, что этотъ представитель казеннаго управленія подалъ прило-
женное къ журналу особое мнѣніе относительно основаній раскладки, при-
нятой собраніемъ, въ которомъ онъ называетъ эти основанія «*плодомъ фантазіи*, принесшимъ громадный вредъ интересамъ государства» и за-
являетъ, что благодаря «*искусственной подтасовкѣ небывалыхъ фак-
товъ*», земство поглощаетъ въ дѣйствительности 53% государственныхъ
лѣсныхъ доходовъ. Естественно, что такая дерзость относительно цѣлаго
собранія не могла не вызвать цѣлой бури. Дѣло предсѣдателя было
успокоить собраніе, подвергнувъ взысканію не въ мѣру расходившагося
администратора; вмѣсто этого, предсѣдатель оказалъ поддержку своему,
какъ выше указано, подчиненному. Возмущенные гласные подали заявле-
ніе, въ которомъ между прочимъ высказали, что «заставлять земство
проглатывать незаслуженныя оскорбленія, принимать мѣры къ оставле-
нію безнаказными грубыя выходки представителей казенныхъ вѣдомствъ
противъ выборныхъ и завѣдомо поощрять этимъ своихъ подчиненныхъ
къ неумѣстнымъ выходкамъ, значитъ нарушать обязанности, возлагаемыя
на предсѣдателя правилами о производствѣ дѣлъ въ земскихъ и другихъ
собраніяхъ». Предсѣдатель собранія не допустилъ прочтенія этого заявле-

*) См. „Русская Мысль". Май. „Одно изъ земствъ Приволжскаго края".

но потребовалъ засвидѣтельствованную съ него копію, грозилъ при-
емъ къ отвѣтственности гласныхъ, подписавшихъ это заявленіе,
илъ говорить гласному Малдовскому и сдѣлалъ ему предосте-

чилось столкновеніе въ уфимскомъ уѣздномъ собраніи (1876 г.
гласный Лауданскій позволилъ себѣ сказать, что въ жур-
ющаго засѣданія умышленно скрыты мнѣнія одной изъ
аніе признало замѣчаніе гласнаго Лауданскаго для себя
нымъ, вслѣдствіе чего Лауданскій отказался отъ званія гласнаго.
всѣ случаи столкновеній въ земскихъ собраніяхъ, помѣщенные
обоихъ томахъ Ежегодника. Казалось бы, что приведенные нами случаи
вовсе не даютъ права недругамъ земскихъ учрежденій злорадно указывать
на происходящіе въ земскихъ собраніяхъ скандалы, какъ многіе изъ нихъ
то дѣлаютъ. Изъ приведенныхъ нами трехъ случаевъ, въ двухъ виноватыми
оказываются предсѣдатели собранія и представитель казеннаго вѣдомства.
Извѣстно, что ни съ предсѣдателями своими, ни съ чиновниками казенныхъ
управленій земство не имѣетъ ничего общаго, ибо ни тѣхъ, ни другихъ
оно не избираетъ и въ собранія свои не посылаетъ. Имѣй земскія со-
бранія право избирать себѣ предсѣдателей, то и приведенныхъ нами слу-
чаевъ не было бы. Собранія избирали бы въ свои предсѣдатели тѣхъ,
кому вѣрятъ, кого уважаютъ. При настоящемъ порядкѣ предсѣдателями
земскихъ собраній являются часто люди, нерасположенные къ земству и
въ свою очередь не всегда пользующіеся любовью и уваженіемъ гласныхъ.
Слѣдуетъ отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ тѣмъ предводителямъ
дворянства, которые смотрятъ на возложенную на нихъ обязанность, какъ
на почетное и временное исправленіе чужой должности и, не вмѣшиваясь
въ суть, въ подробности земскихъ дѣлъ, предоставляя это всецѣло избран-
никамъ земства, исполняютъ предсѣдательскія обязанности съ тактомъ и
безпристрастно. Такой предводитель для земства — кладъ, но много ли
такихъ? Въ счастливыхъ для земства и не особенно частыхъ случаяхъ
невмѣшательства предводителей въ земскія дѣла, играетъ роль не вы-
соко-развитое понятіе своихъ гражданскихъ обязанностей, а индеферен-
тизмъ къ какому бы то ни было дѣлу или высокомѣрное пренебреженіе
къ всесословности земскихъ собраній *). А между тѣмъ, въ настоящее
время земству необходимо имѣть хорошихъ и *вполнѣ своихъ* предсѣда-
телей собраній. Съ тѣхъ поръ, какъ земскимъ собраніямъ предоставлено
избирать мировыхъ судей и непремѣнныхъ членовъ, мало-по-малу стали
зарождаться и теперь даютъ себя чувствовать земскіе паразиты, искатели
мѣстъ, которымъ все равно, за что или кого въ собраніи ни стоять, лишь
бы получить то или другое мѣсто. Хорошіе предсѣдатели собраній могли

*) Всего же чаще предводители являются въ земскихъ собраніяхъ не только предсѣдателями оныхъ, но и вожаками партій.

произвольныхъ дѣйствій предсѣдательствовавшаго въ собраніи, и. д. губернскаго предводителя Подольскаго, заключавшихся въ томъ, что когда на другой день послѣ принятія собраніемъ предложенія гласнаго Линдфорса о краткихъ резолюціяхъ, въ назначенное время въ залу засѣданій прибыли 30 гласныхъ, 9 же другихъ, подъ предводительствомъ того же Псіола, засѣли въ сосѣдней комнатѣ и своимъ прятаньемъ лишали собраніе въ продолженіе часа возможности приступить къ занятіямъ, пока не явился еще одинъ гласный, вслѣдствіе чего гласный Петрункевичъ, по открытіи собранія, предложилъ сдѣлать имъ выговоръ, то предсѣдательствовавшій отказалъ поставить предложеніе гласнаго Петрункевича на обсужденіе собранія.

Это не единственный примѣръ столкновеній между гласными. Въ большинствѣ случаевъ столкновенія, пустыя и незначительныя въ началѣ, переходятъ въ бурю, благодаря безтактности и по винѣ предсѣдателей собраній. Такъ, въ карсунскомъ уѣздѣ дѣло дошло до того, что сенатъ отстранилъ отъ должности предводителя дворянства Бестужева, назначилъ надъ нимъ слѣдствіе и затѣмъ сдѣлалъ ему выговоръ за учиненные имъ безпорядки въ карсунскомъ земскомъ собраніи сессіи 1877, дошедшіе чуть не до драки *). Предсѣдательствовавшій въ вятскомъ губернскомъ собраніи сессіи 1876 г. мѣстный управляющій государственными имуществами Свидъ, потворствомъ своему чиновнику Муравьеву, бывшему въ собраніи въ качествѣ представителя вѣдомства государственныхъ имуществъ, довелъ до того, что въ журналахъ вятскаго собранія 1876 г. мы читаемъ, что этотъ представитель казеннаго управленія подалъ приложенное къ журналу особое мнѣніе относительно основаній раскладки, принятой собраніемъ, въ которомъ онъ называетъ эти основанія «*плодомъ фантазіи*, принесшимъ громадный вредъ интересамъ государства» и заявляетъ, что благодаря «*искусственной подтасовкѣ небывалыхъ фактовъ*», земство поглощаетъ въ дѣйствительности 53% государственныхъ лѣсныхъ доходовъ. Естественно, что такая дерзость относительно цѣлаго собранія не могла не вызвать цѣлой бури. Дѣло предсѣдателя было успокоить собраніе, подвергнувъ взысканію не въ мѣру расходившагося администратора; вмѣсто этого, предсѣдатель оказалъ поддержку своему, какъ выше указано, подчиненному. Возмущенные гласные подали заявленіе, въ которомъ между прочимъ высказали, что «заставлять земство проглатывать незаслуженныя оскорбленія, принимать мѣры къ оставленію безнаказными грубыя выходки представителей казенныхъ вѣдомствъ противъ выборныхъ и завѣдомо поощрять этимъ своихъ подчиненныхъ къ неумѣстнымъ выходкамъ, значитъ нарушать обязанности, возлагаемыя на предсѣдателя правилами о производствѣ дѣлъ въ земскихъ и другихъ собраніяхъ». Предсѣдатель собранія не допустилъ прочтенія этого заявле-

*) См. „Русская Мысль". Май. „Одно изъ земствъ Приволжскаго края".

нія, но потребовалъ засвидѣтельствованную съ него копію, грозилъ привлеченіемъ къ отвѣтственности гласныхъ, подписавшихъ это заявленіе, не дозволилъ говорить гласному Малдовскому и сдѣлалъ ему предостереженіе.

Иначе кончилось столкновеніе въ уфимскомъ уѣздномъ собраніи (1876 г. № 92). Тамъ гласный Лауданскій позволилъ себѣ сказать, что въ журналѣ предшествующаго засѣданія умышленно скрыты мнѣнія одной изъ сторонъ. Собраніе признало замѣчаніе гласнаго Лауданскаго для себя оскорбительнымъ, вслѣдствіе чего Лауданскій отказался отъ званія гласнаго.

Вотъ всѣ случаи столкновеній въ земскихъ собраніяхъ, помѣщенные въ обоихъ томахъ Ежегодника. Казалось бы, что приведенные нами случаи вовсе не даютъ права недругамъ земскихъ учрежденій злорадно указывать на происходящіе въ земскихъ собраніяхъ скандалы, какъ многіе изъ нихъ то дѣлаютъ. Изъ приведенныхъ нами трехъ случаевъ, въ двухъ виноватыми оказываются предсѣдатели собранія и представитель казеннаго вѣдомства. Извѣстно, что ни съ предсѣдателями своими, ни съ чиновниками казенныхъ управленій земство не имѣетъ ничего общаго, ибо ни тѣхъ, ни другихъ оно не избираетъ и въ собранія свои не посылаетъ. Имѣй земскія собранія право избирать себѣ предсѣдателей, то и приведенныхъ нами случаевъ не было бы. Собранія избирали бы въ свои предсѣдатели тѣхъ, кому вѣрятъ, кого уважаютъ. При настоящемъ порядкѣ предсѣдателями земскихъ собраній являются часто люди, нерасположенные къ земству и въ свою очередь не всегда пользующіеся любовью и уваженіемъ гласныхъ. Слѣдуетъ отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ тѣмъ предводителямъ дворянства, которые смотрятъ на возложенную на нихъ обязанность, какъ на почетное и временное исправленіе чужой должности и, не вмѣшиваясь въ суть, въ подробности земскихъ дѣлъ, предоставляя это всецѣло избранникамъ земства, исполняютъ предсѣдательскія обязанности съ тактомъ и безпристрастно. Такой предводитель для земства — кладъ, но много ли такихъ? Въ счастливыхъ для земства и не особенно частыхъ случаяхъ невмѣшательства предводителей въ земскія дѣла, играетъ роль не высоко-развитое понятіе своихъ гражданскихъ обязанностей, а индеферентизмъ къ какому бы то ни было дѣлу или высокомѣрное пренебреженіе къ всесословности земскихъ собраній *). А между тѣмъ, въ настоящее время земству необходимо имѣть хорошихъ и *вполнѣ своихъ* предсѣдателей собраній. Съ тѣхъ поръ, какъ земскимъ собраніямъ предоставлено избирать мировыхъ судей и непремѣнныхъ членовъ, мало-по-малу стали зарождаться и теперь даютъ себя чувствовать земскіе паразиты, искатели мѣстъ, которымъ все равно, за что или кого въ собраніи ни стоять, лишь бы получить то или другое мѣсто. Хорошіе предсѣдатели собраній могли

*) Всего же чаще предводители являются въ земскихъ собраніяхъ не только предсѣдателями онихъ, но и вожаками партій.

произвольныхъ дѣйствій предсѣдательствовавшаго въ собраніи, и д. губернскаго предводителя Подольскаго, заключавшихся въ томъ, что когда на другой день послѣ принятія собраніемъ предложенія гласнаго Линдфорса о краткихъ резолюціяхъ, въ назначенное время въ залу засѣданій прибыли 30 гласныхъ, 9 же другихъ, подъ предводительствомъ того же Псіола, засѣли въ сосѣдней комнатѣ и своимъ прятаньемъ лишали собраніе въ продолженіе часа возможности приступить къ занятіямъ, пока не явился еще одинъ гласный, вслѣдствіе чего гласный Петрункевичъ, по открытіи собранія, предложилъ сдѣлать имъ выговоръ, то предсѣдательствовавшій отказалъ поставить предложеніе гласнаго Петрункевича на обсужденіе собранія.

Это не единственный примѣръ столкновеній между гласными. Въ большинствѣ случаевъ столкновенія, пустыя и незначительныя въ началѣ, переходятъ въ бурю, благодаря безтактности и по винѣ предсѣдателей собраній. Такъ, въ карсунскомъ уѣздѣ дѣло дошло до того, что сенатъ отстранилъ отъ должности предводителя дворянства Бестужева, назначилъ надъ нимъ слѣдствіе и затѣмъ сдѣлалъ ему выговоръ за учиненные имъ безпорядки въ карсунскомъ земскомъ собраніи сессіи 1877, дошедшіе чуть не до драки *). Предсѣдательствовавшій въ вятскомъ губернскомъ собраніи сессіи 1876 г. мѣстный управляющій государственными имуществами Свидъ, потворствомъ своему чиновнику Муравьеву, бывшему въ собраніи въ качествѣ представителя вѣдомства государственныхъ имуществъ, довелъ до того, что въ журналахъ вятскаго собранія 1876 г. мы читаемъ, что этотъ представитель казеннаго управленія подалъ приложенное къ журналу особое мнѣніе относительно основаній раскладки, принятой собраніемъ, въ которомъ онъ называетъ эти основанія «*плодомъ фантазіи*, принесшимъ громадный вредъ интересамъ государства» и заявляетъ, что благодаря «*искусственной подтасовкѣ небывалыхъ фактовъ*», земство поглощаетъ въ дѣйствительности 53% государственныхъ лѣсныхъ доходовъ. Естественно, что такая дерзость относительно цѣлаго собранія не могла не вызвать цѣлой бури. Дѣло предсѣдателя было успокоить собраніе, подвергнувъ взысканію не въ мѣру расходившагося администратора; вмѣсто этого, предсѣдатель оказалъ поддержку своему, какъ выше указано, подчиненному. Возмущенные гласные подали заявленіе, въ которомъ между прочимъ высказали, что «заставлять земство проглатывать незаслуженныя оскорбленія, принимать мѣры къ оставленію безнаказными грубыя выходки представителей казенныхъ вѣдомствъ противъ выборныхъ и завѣдомо поощрять этимъ своихъ подчиненныхъ къ неумѣстнымъ выходкамъ, значитъ нарушать обязанности, возлагаемыя на предсѣдателя правилами о производствѣ дѣлъ въ земскихъ и другихъ собраніяхъ». Предсѣдатель собранія не допустилъ прочтенія этого заявле-

*) См. „Русская Мысль". Май. „Одно изъ земствъ Приволжскаго края".

нія, но потребовалъ засвидѣтельствованную съ него копію, грозилъ привлеченіемъ къ отвѣтственности гласныхъ, подписавшихъ это заявленіе, не дозволилъ говорить гласному Мандовскому и сдѣлалъ ему предостереженіе.

Иначе кончилось столкновеніе въ уфимскомъ уѣздномъ собраніи (1876 г. № 92). Тамъ гласный Лауданскій позволилъ себѣ сказать, что въ журналѣ предшествующаго засѣданія умышленно скрыты мнѣнія одной изъ сторонъ. Собраніе признало замѣчаніе гласнаго Лауданскаго для себя оскорбительнымъ, вслѣдствіе чего Лауданскій отказался отъ званія гласнаго.

Вотъ всѣ случаи столкновеній въ земскихъ собраніяхъ, помѣщенные въ обоихъ томахъ Ежегодника. Казалось бы, что приведенные нами случаи вовсе не даютъ права недругамъ земскихъ учрежденій злорадно указывать на происходящіе въ земскихъ собраніяхъ скандалы, какъ многіе изъ нихъ то дѣлаютъ. Изъ приведенныхъ нами трехъ случаевъ, въ двухъ виноватыми оказываются предсѣдатели собранія и представитель казеннаго вѣдомства. Извѣстно, что ни съ предсѣдателями своими, ни съ чиновниками казенныхъ управленій земство не имѣетъ ничего общаго, ибо ни тѣхъ, ни другихъ оно не избираетъ и въ собранія свои не посылаетъ. Имѣй земскія собранія право избирать себѣ предсѣдателей, то и приведенныхъ нами случаевъ не было бы. Собранія избирали бы въ свои предсѣдатели тѣхъ, кому вѣрятъ, кого уважаютъ. При настоящемъ порядкѣ предсѣдателями земскихъ собраній являются часто люди, нерасположенные къ земству и въ свою очередь не всегда пользующіеся любовью и уваженіемъ гласныхъ. Слѣдуетъ отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ тѣмъ предводителямъ дворянства, которые смотрятъ на возложенную на нихъ обязанность, какъ на почетное и временное исправленіе чужой должности и, не вмѣшиваясь въ суть, въ подробности земскихъ дѣлъ, предоставляя это всецѣло избранникамъ земства, исполняютъ предсѣдательскія обязанности съ тактомъ и безпристрастно. Такой предводитель для земства — кладъ, но много ли такихъ? Въ счастливыхъ для земства и не особенно частыхъ случаяхъ невмѣшательства предводителей въ земскія дѣла, играетъ роль не высоко-развитое понятіе своихъ гражданскихъ обязанностей, а индеферентизмъ къ какому бы то ни было дѣлу или высокомѣрное пренебреженіе къ всесословности земскихъ собраній *). А между тѣмъ, въ настоящее время земству необходимо имѣть хорошихъ и *вполнѣ своихъ* предсѣдателей собраній. Съ тѣхъ поръ, какъ земскимъ собраніямъ предоставлено избирать мировыхъ судей и непремѣнныхъ членовъ, мало-по-малу стали зарождаться и теперь даютъ себя чувствовать земскіе паразиты, искатели мѣстъ, которымъ все равно, за что или кого въ собраніи ни стоять, лишь бы получить то или другое мѣсто. Хорошіе предсѣдатели собраній могли

*) Всего же чаще предводители являются въ земскихъ собраніяхъ не только предсѣдателями оныхъ, но и вожаками партій.

произвольныхъ дѣйствій предсѣдательствовавшаго въ собраніи, и д. губернскаго предводителя Подольскаго, заключавшихся въ томъ, что когда на другой день послѣ принятія собраніемъ предложенія гласнаго Линдфорса о краткихъ резолюціяхъ, въ назначенное время въ залу засѣданій прибыли 30 гласныхъ, 9 же другихъ, подъ предводительствомъ того же Псіола, засѣли въ сосѣдней комнатѣ и своимъ прятаньемъ лишали собраніе въ продолженіе часа возможности приступить къ занятіямъ, пока не явился еще одинъ гласный, вслѣдствіе чего гласный Петрункевичъ, по открытіи собранія, предложилъ сдѣлать имъ выговоръ, то предсѣдательствовавшій отказалъ поставить предложеніе гласнаго Петрункевича на обсужденіе собранія.

Это не единственный примѣръ столкновеній между гласными. Въ большинствѣ случаевъ столкновенія, пустыя и незначительныя въ началѣ, переходятъ въ бурю, благодаря безтактности и по винѣ предсѣдателей собраній. Такъ, въ карсунскомъ уѣздѣ дѣло дошло до того, что сенатъ отстранилъ отъ должности предводителя дворянства Бестужева, назначилъ надъ нимъ слѣдствіе и затѣмъ сдѣлалъ ему выговоръ за учиненные имъ безпорядки въ карсунскомъ земскомъ собраніи сессіи 1877, дошедшіе чуть не до драки *). Предсѣдательствовавшій въ вятскомъ губернскомъ собраніи сессіи 1876 г. мѣстный управляющій государственными имуществами Свидъ, потворствомъ своему чиновнику Муравьеву, бывшему въ собраніи въ качествѣ представителя вѣдомства государственныхъ имуществъ, довелъ до того, что въ журналахъ вятскаго собранія 1876 г. мы читаемъ, что этотъ представитель казеннаго управленія подалъ приложенное къ журналу особое мнѣніе относительно основаній раскладки, принятой собраніемъ, въ которомъ онъ называетъ эти основанія «*плодомъ фантазіи*, принесшимъ громадный вредъ интересамъ государства» и заявляетъ, что благодаря «*искусственной подтасовкѣ небывалыхъ фактовъ*», земство поглощаетъ въ дѣйствительности 53% государственныхъ лѣсныхъ доходовъ. Естественно, что такая дерзость относительно цѣлаго собранія не могла не вызвать цѣлой бури. Дѣло предсѣдателя было успокоить собраніе, подвергнувъ взысканію не въ мѣру расходившагося администратора; вмѣсто этого, предсѣдатель оказалъ поддержку своему, какъ выше указано, подчиненному. Возмущенные гласные подали заявленіе, въ которомъ между прочимъ высказали, что «заставлять земство проглатывать незаслуженныя оскорбленія, принимать мѣры къ оставленію безнаказными грубыя выходки представителей казенныхъ вѣдомствъ противъ выборныхъ и завѣдомо поощрять этимъ своихъ подчиненныхъ къ неумѣстнымъ выходкамъ, значитъ нарушать обязанности, возлагаемыя на предсѣдателя правилами о производствѣ дѣлъ въ земскихъ и другихъ собраніяхъ». Предсѣдатель собранія не допустилъ прочтенія этого заявле-

*) См. „Русская Мысль". Май. „Одно изъ земствъ Приволжскаго края".

нія, но потребовалъ засвидѣтельствованную съ него копію, грозилъ привлеченіемъ къ отвѣтственности гласныхъ, подписавшихъ это заявленіе, не дозволилъ говорить гласному Малдовскому и сдѣлалъ ему предостереженіе.

Иначе кончилось столкновеніе въ уфимскомъ уѣздномъ собраніи (1876 г. № 92). Тамъ гласный Лауданскій позволилъ себѣ сказать, что въ журналѣ предшествующаго засѣданія умышленно скрыты мнѣнія одной изъ сторонъ. Собраніе признало замѣчаніе гласнаго Лауданскаго для себя оскорбительнымъ, вслѣдствіе чего Лауданскій отказался отъ званія гласнаго.

Вотъ всѣ случаи столкновеній въ земскихъ собраніяхъ, помѣщенные въ обоихъ томахъ Ежегодника. Казалось бы, что приведенные нами случаи вовсе не даютъ права недругамъ земскихъ учрежденій злорадно указывать на происходящіе въ земскихъ собраніяхъ скандалы, какъ многіе изъ нихъ то дѣлаютъ. Изъ приведенныхъ нами трехъ случаевъ, въ двухъ виноватыми оказываются предсѣдатели собранія и представитель казеннаго вѣдомства. Извѣстно, что ни съ предсѣдателями своими, ни съ чиновниками казенныхъ управленій земство не имѣетъ ничего общаго, ибо ни тѣхъ, ни другихъ оно не избираетъ и въ собранія свои не посылаетъ. Имѣй земскія собранія право избирать себѣ предсѣдателей, то и приведенныхъ нами случаевъ не было бы. Собранія избирали бы въ свои предсѣдатели тѣхъ, кому вѣрятъ, кого уважаютъ. При настоящемъ порядкѣ предсѣдателями земскихъ собраній являются часто люди, нерасположенные къ земству и въ свою очередь не всегда пользующіеся любовью и уваженіемъ гласныхъ. Слѣдуетъ отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ тѣмъ предводителямъ дворянства, которые смотрятъ на возложенную на нихъ обязанность, какъ на почетное и временное исправленіе чужой должности и, не вмѣшиваясь въ суть, въ подробности земскихъ дѣлъ, предоставляя это всецѣло избранникамъ земства, исполняютъ предсѣдательскія обязанности съ тактомъ и безпристрастно. Такой предводитель для земства — кладъ, но много ли такихъ? Въ счастливыхъ для земства и не особенно частыхъ случаяхъ невмѣшательства предводителей въ земскія дѣла, играетъ роль не высоко-развитое понятіе своихъ гражданскихъ обязанностей, а индеферентизмъ къ какому бы то ни было дѣлу или высокомѣрное пренебреженіе къ всесословности земскихъ собраній *). А между тѣмъ, въ настоящее время земству необходимо имѣть хорошихъ и *вполнѣ своихъ* предсѣдателей собраній. Съ тѣхъ поръ, какъ земскимъ собраніямъ предоставлено избирать мировыхъ судей и непремѣнныхъ членовъ, мало-по-малу стали зарождаться и теперь даютъ себя чувствовать земскіе паразиты, искатели мѣстъ, которымъ все равно, за что или кого въ собраніи ни стоять, лишь бы получить то или другое мѣсто. Хорошіе предсѣдатели собраній могли

*) Всего же чаще предводители являются въ земскихъ собраніяхъ не только предсѣдателями оныхъ, но и вожаками партій.

произвольныхъ дѣйствій предсѣдательствовавшаго въ собраніи, и д. губернскаго предводителя Подольскаго, заключавшихся въ томъ, что когда на другой день послѣ принятія собраніемъ предложенія гласнаго Линдфорса о краткихъ резолюціяхъ, въ назначенное время въ залу засѣданій прибыли 30 гласныхъ, 9 же другихъ, подъ предводительствомъ того же Псіола, засѣли въ сосѣдней комнатѣ и своимъ пріятаньемъ лишали собраніе въ продолженіе часа возможности приступить къ занятіямъ, пока не явился еще одинъ гласный, вслѣдствіе чего гласный Петрункевичъ, по открытіи собранія, предложилъ сдѣлать имъ выговоръ, то предсѣдательствовавшій отказалъ поставить предложеніе гласнаго Петрункевича на обсужденіе собранія.

Это не единственный примѣръ столкновеній между гласными. Въ большинствѣ случаевъ столкновенія, пустыя и незначительныя въ началѣ, переходятъ въ бурю, благодаря безтактности и по винѣ предсѣдателей собраній. Такъ, въ карсунскомъ уѣздѣ дѣло дошло до того, что сенатъ отстранилъ отъ должности предводителя дворянства Бестужева, назначилъ надъ нимъ слѣдствіе и затѣмъ сдѣлалъ ему выговоръ за учиненные имъ безпорядки въ карсунскомъ земскомъ собраніи сессіи 1877, дошедшіе чуть не до драки *). Предсѣдательствовавшій въ вятскомъ губернскомъ собраніи сессіи 1876 г. мѣстный управляющій государственными имуществами Свидъ, потворствомъ своему чиновнику Муравьеву, бывшему въ собраніи въ качествѣ представителя вѣдомства государственныхъ имуществъ, довелъ до того, что въ журналахъ вятскаго собранія 1876 г. мы читаемъ, что этотъ представитель казеннаго управленія подалъ приложенное къ журналу особое мнѣніе относительно основаній раскладки, принятой собраніемъ, въ которомъ онъ называетъ эти основанія «*плодомъ фантазіи*, принесшимъ громадный вредъ интересамъ государства» и заявляетъ, что благодаря «*искусственной подтасовкѣ небывалыхъ фактовъ*», земство поглощаетъ въ дѣйствительности 53% государственныхъ лѣсныхъ доходовъ. Естественно, что такая дерзость относительно цѣлаго собранія не могла не вызвать цѣлой бури. Дѣло предсѣдателя было успокоить собраніе, подвергнувъ взысканію не въ мѣру расходившагося администратора; вмѣсто этого, предсѣдатель оказалъ поддержку своему, какъ выше указано, подчиненному. Возмущенные гласные подали заявленіе, въ которомъ между прочимъ высказали, что «заставлять земство проглатывать незаслуженныя оскорбленія, принимать мѣры къ оставленію безнаказными грубыя выходки представителей казенныхъ вѣдомствъ противъ выборныхъ и завѣдомо поощрять этимъ своихъ подчиненныхъ къ неумѣстнымъ выходкамъ, значитъ нарушать обязанности, возлагаемыя на предсѣдателя правилами о производствѣ дѣлъ въ земскихъ и другихъ собраніяхъ». Предсѣдатель собранія не допустилъ прочтенія этого заявле-

*) См. „Русская Мысль". Май. „Одно изъ земствъ Приволжскаго края".

нія, но потребовалъ засвидѣтельствованную съ него копію, грозилъ привлеченіемъ къ отвѣтственности гласныхъ, подписавшихъ это заявленіе, не дозволилъ говорить гласному Малдовскому и сдѣлалъ ему предостереженіе.

Иначе кончилось столкновеніе въ уфимскомъ уѣздномъ собраніи (1876 г. № 92). Тамъ гласный Лауданскій позволилъ себѣ сказать, что въ журналѣ предшествующаго засѣданія умышленно скрыты мнѣнія одной изъ сторонъ. Собраніе признало замѣчаніе гласнаго Лауданскаго для себя оскорбительнымъ, вслѣдствіе чего Лауданскій отказался отъ званія гласнаго.

Вотъ всѣ случаи столкновеній въ земскихъ собраніяхъ, помѣщенные въ обоихъ томахъ Ежегодника. Казалось бы, что приведенные нами случаи вовсе не даютъ права недругамъ земскихъ учрежденій злорадно указывать на происходящіе въ земскихъ собраніяхъ скандалы, какъ многіе изъ нихъ то дѣлаютъ. Изъ приведенныхъ нами трехъ случаевъ, въ двухъ виноватыми оказываются предсѣдатели собранія и представитель казеннаго вѣдомства. Извѣстно, что ни съ предсѣдателями своими, ни съ чиновниками казенныхъ управленій земство не имѣетъ ничего общаго, ибо ни тѣхъ, ни другихъ оно не избираетъ и въ собранія свои не посылаетъ. Имѣй земскія собранія право избирать себѣ предсѣдателей, то и приведенныхъ нами случаевъ не было бы. Собранія избирали бы въ свои предсѣдатели тѣхъ, кому вѣрятъ, кого уважаютъ. При настоящемъ порядкѣ предсѣдателями земскихъ собраній являются часто люди, нерасположенные къ земству и въ свою очередь не всегда пользующіеся любовью и уваженіемъ гласныхъ. Слѣдуетъ отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ тѣмъ предводителямъ дворянства, которые смотрятъ на возложенную на нихъ обязанность, какъ на почетное и временное исправленіе чужой должности и, не вмѣшиваясь въ суть, въ подробности земскихъ дѣлъ, предоставляя это всецѣло избранникамъ земства, исполняютъ предсѣдательскія обязанности съ тактомъ и безпристрастно. Такой предводитель для земства — кладъ, но много ли такихъ? Въ счастливыхъ для земства и не особенно частыхъ случаяхъ невмѣшательства предводителей въ земскія дѣла, играетъ роль не высоко-развитое понятіе своихъ гражданскихъ обязанностей, а индеферентизмъ къ какому бы то ни было дѣлу или высокомѣрное пренебреженіе къ всесословности земскихъ собраній *). А между тѣмъ, въ настоящее время земству необходимо имѣть хорошихъ и *вполнѣ своихъ* предсѣдателей собраній. Съ тѣхъ поръ, какъ земскимъ собраніямъ предоставлено избирать мировыхъ судей и непремѣнныхъ членовъ, мало-по-малу стали зарождаться и теперь даютъ себя чувствовать земскіе паразиты, искатели мѣстъ, которымъ все равно, за что или кого въ собраніи ни стоять, лишь бы получить то или другое мѣсто. Хорошіе предсѣдатели собраній могли

*) Всего же чаще предводители являются въ земскихъ собраніяхъ не только предсѣдателями оныхъ, но и вожаками партій.

бы сильно и успѣшно противодѣйствовать происканъ этихъ господъ. Земскихъ предсѣдателей въ земскія собранія и побольше свѣта и гласности въ земскія дѣла и пойдутъ послѣднія и ровнѣе и лучше. Да не покажется читателю страннымъ наше указаніе на необходимость гласности въ дѣлахъ земства. Гласность эта, не возбраненная закономъ, проникла до нѣкоторой степени въ практику земскихъ дѣлъ. На засѣданія земскихъ собраній допускается посторонняя публика. Постановленія собраній, отчеты управъ, труды земскихъ коммиссій печатаются почти всѣми земскими управами. Печатаніе смѣтъ и раскладокъ—обязательно. Казалось бы чего болѣе? А мы все-таки находимъ, что земскія дѣла проходятъ недостаточно на виду и скрываются всего болѣе отъ тѣхъ, кому вѣдать ихъ нужно или желательно. Кто бываетъ на засѣданіяхъ земскихъ собраній? Всего болѣе писцы управъ, земскіе врачи, акушерки, жены, родственники и добрые знакомые предсѣдателей и членовъ управъ, преимущественно въ дни избраній на эти должности на новое трехлѣтіе. Кто изъ тѣхъ, кому нужно собрать все изданное какимъ-либо однимъ или нѣсколькими земствами, можетъ сказать, что это ему удалось сдѣлать безъ значительныхъ затрудненій, если только онъ этого достигъ? Какая земская управа можетъ похвалиться знаніемъ того, что дѣлается въ сосѣднихъ земствахъ, въ особенности въ тѣхъ, которыя принадлежатъ къ другимъ губерніямъ?

Всѣ земскія изданія печатаются въ крайне ограниченномъ количествѣ, въ большинствѣ случаевъ по числу гласныхъ и рѣдко болѣе 100 экземпляровъ. За тѣмъ все разсылается гласнымъ, ими растеривается, а въ управахъ оставляется нѣсколько экземпляровъ, которые, за исключеніемъ одного, необходимаго для самой управы, разсылаются губернскимъ управамъ, Вольно-Экономическому Обществу и всѣмъ тѣмъ, которые первые попросятъ. Издаются нѣкоторыми земствами журналы и газеты, но нормальная программа этихъ изданій до того съужена, что нѣкоторыя земства считаютъ безцѣльнымъ тратить на нихъ деньги. (Постановленіе юрьевецкаго собранія. Земскій Ежегодникъ 76 г. № 19). Многія земства пришли къ убѣжденію въ необходимости составленія сборниковъ постановленій земскихъ собраній и обзоровъ своей дѣятельности за истекшій періодъ времени со дня открытія земскихъ учрежденій. Нѣсколько такихъ сборниковъ уже издано, но они также для интересующейся земскими дѣлами публики весьма малодоступны. Издаются и отчеты по учебному дѣлу, статистическія работы нѣкоторыхъ земствъ и постановленія съѣздовъ земскихъ врачей, а въ продажѣ многаго изъ этого нѣтъ, публикацій о нихъ часто не производится, приходится раздобывать по случаю. Всего собрать нѣтъ никакой возможности. Императорское Вольно-Экономическое Общество, задумавъ издавать Земскій Ежегодникъ, обратилось ко всѣмъ земскимъ управамъ съ просьбой прислать свои изданія и нашлось не мало управъ, которыя просьбы этой не выполнили. Кромѣ трудности раздобыть эти изданія, они сами по себѣ, по своему составленію, по разнообразію и, въ большинствѣ случаевъ, не-

удовлетворительности своихъ программъ, представляютъ не мало затрудненій въ пользованіи ими. И все это будетъ въ такомъ же незавидномъ положеніи, пока между отдѣльными земствами не будетъ установлено какой либо связи, объединяющей ихъ дѣйствія и пока земская литература не будетъ освобождена отъ нынѣ дѣйствующихъ, крайне стѣснительныхъ для нея цензурныхъ правилъ. До тѣхъ поръ гласность въ дѣлахъ земства будетъ имѣть крайне узкое и вовсе пользы не приносящее примѣненіе, а многія весьма существенныя и полезныя земскія дѣла будутъ проходить безслѣдно. Земскія собранія сознаютъ это и съ каждымъ годомъ увеличивается число собраній, вмѣняющихъ управамъ въ обязанность составлять и печатать сборники за прошлое время, или ассигнующихъ нужныя суммы на періодическія изданія по своимъ текущимъ дѣламъ. Такъ, относительно составленія обзоровъ прошлой дѣятельности земскихъ учрежденій состоялись слѣдующія постановленія земскихъ собраній: въ 1876 году: *Щигровское* собраніе, выслушавъ десятилѣтній отчетъ, составленный управою и замѣчанія гласнаго Маркова, полагавшаго, что такой отчетъ долженъ представлять не перечень постановленій собранія, а картину дѣятельности земства въ теченіи первыхъ десяти лѣтъ его существованія, съ показаніемъ того, что было и что есть, и что, слѣдовательно, успѣло сдѣлать земство, избрало коммиссію для составленія программы такого отчета. *Валдайское* назначило 200 рублей на напечатаніе перечня всѣхъ постановленій собранія съ 1865 по 1876 годъ. *Пирятинское* собраніе ходатайствовало передъ полтавскимъ губернскимъ собраніемъ о составленіи и напечатаніи дѣйствующихъ постановленій губернскаго собранія, но послѣднее просьбу эту отклонило и постановило просить пирятинское земское собраніе составить предварительно сборникъ своихъ постановленій. *Тамбовское* губернское собраніе приняло къ свѣдѣнію (sic) предложеніе составить обзоръ его десятилѣтней дѣятельности и сводъ его постановленій. *Романово-Борисоглѣбское* собраніе постановило отлитографировать составленный гласнымъ Комаровымъ «Очеркъ дѣятельности Романово-Борисоглѣбскаго земства» и разослать его гласнымъ для представленія съ ихъ замѣчаніями будущему собранію. Въ 1877 году, вопросъ о составленіи и напечатаніи сборниковъ постановленій и очерковъ дѣятельности земскихъ учрежденій былъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ слѣдующими собраніями: вологодскимъ губернскимъ, ветлужскимъ, новгородскимъ губернскимъ, перискимъ губернскимъ, островскимъ, смоленскимъ губернскимъ, тамбовскимъ губернскимъ, усманскимъ, сумскимъ и елизаветградскимъ.

Періодическія изданія предприняты слѣдующими земствами: *уфимскимъ* «Вѣстникъ Уфимскаго Земства», на что ассигновано 3,000 рублей, и *харьковскимъ*, губернское собраніе котораго въ 1877 году поручило управѣ разработать вопросъ объ изданіи земскаго листка безъ предварительной цензуры. Кромѣ того вопросъ о такихъ изданіяхъ подымался въ *рязанскомъ*

и *вятскомъ* губернскихъ собраніяхъ. Рязанское собраніе отклонило въ 1876 году предложеніе губернской управы издавать журналъ рязанскаго земства, на томъ основаніи, что «потребность въ такомъ изданіи еще недостаточно чувствуется и можетъ быть возбуждена только превосходствомъ редакціи, на что нельзя расчитывать». Вятское же губернское собраніе признало въ принципѣ полезнымъ изданіе «Вѣстника Вятскаго Земства» и избрало комиссію для выработки программы и основаній изданія. Разсмотрѣвъ затѣмъ докладъ этой комиссіи, собраніе опредѣлило передать этотъ вопросъ на разсмотрѣніе уѣздныхъ собраній, а программу представить на утвержденіе правительства. Въ слѣдующемъ году (1877) губернскому собранію было доложено, что большинство уѣздныхъ собраній отнеслись къ этому дѣлу сочувственно и заявили готовность принять участіе въ расходахъ по изданію. Расходъ этотъ губернская управа исчислила въ 5,998 рублей и полагала начать изданіе Вѣстника только съ 1879 года, но собраніе почему-то отстрочило осуществленіе этого предположенія на неопредѣленное время.

Постановленія собраній, доклады и отчеты управъ, смѣты и раскладки, какъ мы выше сказали, печатаются почти всѣми земствами. Въ постановленіяхъ по этому предмету, помѣщенныхъ въ Ежегодникѣ, проявляется желаніе собраній регулировать своевременное доставленіе гласнымъ докладовъ и отчетовъ управъ, проектовъ смѣтъ и раскладокъ, дабы гласные заблаговременно могли ознакомиться съ дѣлами и вопросами, предстоящими ихъ обсужденію и разрѣшенію. Проявляется также желаніе, чтобы изданія эти составлялись съ возможно большею полнотою и обстоятельностью. Это желаніе побуждаетъ нѣкоторыя, преимущественно губернскія, земскія собранія приглашать въ свои засѣданія стенографовъ. Стенографическіе отчеты въ 76—77 годахъ были заведены въ слѣдующихъ губернскихъ собраніяхъ: пермскомъ, харьковскомъ, екатеринославскомъ, таврическомъ и уфимскомъ. Собранія вятское и смоленское предложеніе о приглашеніи стенографовъ отклонили.

Съ каждымъ годомъ увеличивающіеся численность и объемъ земскихъ изданій доводятъ до значительныхъ размѣровъ расходъ земствъ на типографскія работы. Нѣкоторыя земства завели свои типографіи и литографіи. Въ 1877 году земства губернскія: владимірское, новгородское, симбирское и курское, и уѣздныя: глазовское, медынское, бѣлозерское, екатеринбургское, новоржевское, порховское, сызранское, дорогобужское, мологское, пошехонское, ростовское и угличское, ассигновали на типографскіе расходы 16,770 р. Но этимъ далеко не исчерпывается типографскій расходъ всѣхъ земствъ. Каждое изъ нихъ въ средней сложности тратитъ на напечатаніе своихъ изданій, окладныхъ книгъ, бланковъ и т. п. въ среднемъ выводѣ не менѣе 250 рублей, что на всѣ земства составляетъ около 100,000 р. Приведенная же нами цифра въ 16 тыс. р. составляетъ расходъ на устройство земскихъ типографій и литографій

или же на субсидіи частнымъ типографіямъ. Типографскій расходъ земства могъ бы значительно сократиться, если бы сосѣднія между собой земства заводили ихъ сообща или, по крайней мѣрѣ, губернскія земства устраивали свои типографіи и брали бы въ свое завѣдываніе печатаніе всего нужнаго для своихъ уѣздныхъ земствъ. Отъ этого не только сократился бы расходъ, но значительно улучшилась бы корректура земскихъ изданій, которая въ настоящее время сильно хромаетъ, находясь въ рукахъ неисправныхъ корректоровъ или частныхъ провинціальныхъ типографій, или небогатыхъ средствами типографій уѣздныхъ земствъ. Оказывается, что даже въ столь, по видимому, незначительномъ дѣлѣ, проявляется необходимость единенія отдѣльныхъ земствъ, открытія имъ возможности совмѣстнаго веденія ихъ дѣлъ. И нѣтъ такой отрасли земскаго дѣла, какъ бы мала и незначительна она ни была, которая не страдала бы отъ разъединенности нашихъ многочисленныхъ земствъ, разъединенности, приводящей ихъ къ тому, что въ одномъ и томъ же дѣлѣ всѣ они работаютъ въ разбродъ, идутъ «кто въ лѣсъ, кто по дрова».

Н... Н... Б...

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РОССІЯ И КИТАЙ И КУЛЬДЖИНСКІЙ ВОПРОСЪ.

Со времени заключенія Нерчинскаго трактата и до текущаго года Россія, какъ многіе предполагаютъ, ни разу еще не была такъ близка отъ войны съ Китаемъ, какъ въ настоящій моментъ. Недоразумѣнія, возникшія между нами и Поднебесной Имперіей вслѣдствіе отказа петербургскаго кабинета безусловно передать китайцамъ Илійскую провинцію (Кульджу), на столько усложнились съ нѣкотораго времени, что война представляется многимъ почти неизбѣжной. Между тѣмъ, о причинахъ, вызывающихъ настоящія натянутыя отношенія между Россіей и Китаемъ, а также и объ условіяхъ, благопріятствующихъ и препятствующихъ каждой изъ сторонъ стремиться къ вооруженному столкновенію, мало кто имѣетъ болѣе или менѣе опредѣленное представленіе, а лишь ознакомившись съ этими причинами и условіями можно составить нѣкоторое понятіе о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ на крайнемъ Востокѣ и нѣсколько уяснить себѣ наши отношенія къ Китаю.

До второй половины текущаго столѣтія Россія въ большинствѣ случаевъ при возникновеніи недоразумѣній съ правительствомъ богдыхана охотно уступала ему, не желая возбудить противъ себя сильнаго (какъ предполагалось) сосѣда, имѣющаго съ нами границу на тысячи верстъ. Притомъ же со времени Петра Великаго вниманіе Россіи было по преимуществу сосредоточено на Западѣ. Но послѣ нанесенныхъ западными державами Китаю пораженій, показавшихъ, что Поднебесная Имперія не болѣе, какъ металлическій колоссъ на глиняныхъ ногахъ, мы начали руководствоваться по отношенію къ Китаю рѣшительной политикой. Рядомъ договоровъ Россія выговорила себѣ многія торговыя права, а по Айчунскому трактату получила весь Амурскій край. Нельзя не признать, что наша дипломатія дѣйствовала въ этомъ случаѣ съ замѣчательною ловкостію. Не смотря на сдѣланныя Россіи громадныя уступки, китайцы сохранили къ намъ дружественное расположеніе, которое не измѣнялось до начала се-

шидесятыхъ годовъ, но съ этого времени и до настоящей минуты недовольство Россіею постоянно росло въ Пекинѣ. Одной изъ главныхъ причинъ этого недовольства должно признать такъ называемый Кульджинскій вопросъ, но и кромѣ этого вопроса есть много второстепенныхъ, возбуждавшихъ временное раздраженіе обѣихъ сторонъ.

Собственно кульджинскій вопросъ заключается въ слѣдующемъ. Въ шестидесятыхъ годахъ, вслѣдствіе возстанія мусульманъ въ Кашгарѣ, Джунгаріи и Или, китайцы были вынуждены покинуть эти провинціи, и тамъ организовалось нѣсколько государствъ. Тѣ китайцы, которые не успѣли бѣжать, были безжалостно вырѣзаны мѣстнымъ населеніемъ. Въ Или (Кульджѣ) погибли сотни тысячъ китайцевъ и цвѣтущая провинція была совершенно разворена. Пограничныя власти обратились за помощью къ Россіи, но неоднократныя просьбы ихъ были отклонены. Не считая себя достаточно сильнымъ, чтобы подавить возстаніе мусульманъ, правительство богдыхана также обратилось за помощью къ намъ, но Россія, не желая возбуждать неудовольствіе противъ себя въ подвластныхъ ей мусульманахъ, отклонила ходатайство китайскихъ министровъ. Въ то время возбуждался даже вопросъ, не благопріятнѣе ли для нашихъ интересовъ имѣть сосѣдями слабыя мусульманскія государства, чѣмъ Китайскую Имперію. Между тѣмъ, возстаніе начало проникать въ Монголію. Русское правительство не могло оставаться далѣе безучастнымъ зрителемъ совершавшихся событій. Торговля наша съ Китаемъ, сильно подорванная разворенiемъ Кульджи, могла совершенно упасть, если бы инсургенты захватили кяхтинскую дорогу. Пограничнымъ начальствомъ сдѣланы были тогда нѣкоторыя распоряженія относительно обезпеченія нашихъ торговыхъ интересовъ. Но ограничиться одними предупредительными мѣрами оказалось немыслимо. Мусульманскія государства относились къ намъ крайне недружелюбно и препятствовали развитію русскихъ торговыхъ сношеній. Даже наша граница не была обезпечена. Шайки мусульманъ постоянно переходили въ наши предѣлы и грабили мирныхъ жителей. Кульджинское султанство, возникшее на развалинахъ Илійской провинціи, смотрѣло на насъ съ особеннымъ недовѣріемъ и султанъ отказывался исполнять даже вполнѣ законныя требованія русскихъ властей. Подобное положеніе дѣлъ не могло быть терпимо. Петербургскій кабинетъ обратился въ Пекинъ съ предложеніемъ оказать содѣйствіе китайскому правительству для возстановленія въ Или власти богдыхана. Какъ ни искренне было наше предложеніе, но китайцы усмотрѣли въ немъ заднюю мысль и немедленно же категорически отклонили его. Почти одновременно съ полученіемъ отвѣта министровъ богдыхана пришла телеграмма отъ генерала Колпаковскаго, что, вслѣдствіе неоднократныхъ нападеній кульджинскаго отряда на нашу границу, онъ вынужденъ былъ двинуть на Кульджу сильный отрядъ и безъ боя занялъ султанство. Населеніе Или, состоящее почти исключительно изъ таранчей и дунчанъ, не оказало почти никакого со-

противленія. Султанъ Абиль-оглы былъ взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ г. Вѣрный. Въ виду совершившагося факта Россія поставлена была въ довольно затруднительное положеніе относительно Китая и своихъ подданныхъ мусульманъ. Теперь не могло уже быть и рѣчи о совмѣстномъ съ китайцами занятіи Кульджи. Приходилось—или передать Кульджу китайцамъ, или поставить тамъ новаго князька, или же удержать край за собой. Но первое неудобно было сдѣлать, въ виду только-что послѣдовавшаго отказа правительства богдыхана отъ совмѣстнаго съ нами занятія края, а также вслѣдствіе слабости силъ китайцевъ въ данный моментъ; второе же было бы возвращеніемъ къ тому положенію, изъ котораго только-что вышли. Оставалось, слѣдовательно, одно—удержать Или за собой. Но прежде чѣмъ принятое нами рѣшеніе было сообщено китайскому правительству, послѣднее, получивъ, вѣроятно, извѣщеніе отъ своихъ пограничныхъ властей о занятіи нами Кульджи, изъявило бывшему нашему посланнику въ Пекинѣ, генералу Влангали, готовность возстановить свою власть въ Или при нашемъ содѣйствіи и объявило, что имъ уже сдѣлано распоряженіе объ отправкѣ на границу Кульджи сановника Жуна съ отрядомъ въ 1000 человѣкъ. Вслѣдствіе этого, Россія была вынуждена начать переговоры съ Китаемъ о передачѣ Кульджи. На границу для объясненій съ Жуномъ отправленъ былъ изъ Петербурга генералъ Богусловскій, бывшій нашъ первый драгоманъ Константинопольскаго посольства. Богусловскому поручено было въ принципѣ изъявить полную готовность передать Или Китаю, но, принимая во вниманіе, что провинція занята была одними нами безъ содѣйствія китайцевъ и безъ предварительнаго соглашенія съ ними, потребовать вознагражденія за принесенныя нами жертвы и обезпеченія на будущее время нашихъ интересовъ, а именно: обѣщанія исправить въ нѣкоторыхъ пунктахъ границу, даровать всѣмъ жителямъ Кульджи амнистію и прислать изъ Пекина значительный военный отрядъ, который могъ бы поддерживать порядокъ въ Илійской провинціи. Жунъ отказался принять эти условія, ссылаясь на то, что правительство поручило ему только занять Кульджу, а не принимать какія либо обязательства, и переговоры Богусловскаго съ Жуномъ не привели ни къ какимъ результатамъ. Хотя впослѣдствіи генералъ Богусловскій и лично прибылъ въ Пекинъ, но въ виду упорства китайцевъ, настаивавшихъ на безусловной передачи Или, соглашеніе не могло состояться. Министры богдыхана считали себя обманутыми Россіей, которая сама предложила занять Кульджу, завладѣвъ же этой провинціею, отказывалась возвратить ее; они забывали, что занятіе совершилось при другихъ условіяхъ, чѣмъ предполагалось. Россія съ своей стороны не могла согласиться на требованія китайцевъ, которыя по меньшей мѣрѣ были неосновательны.

Вслѣдствіе этого, съ начала семидесятыхъ годовъ во взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Китая замѣчается сильное охлажденіе. Многія законныя и вполнѣ основательныя требованія русскихъ властей не исполня-

ются китайскими амбанями (губернаторами). За разграбленные караваны не получалось вознагражденія, и русская торговля въ Китаѣ терпѣла притѣсненія. За нѣсколько лѣтъ накопился цѣлый списокъ жалобъ, которыя правительство богдыхана подъ разными предлогами постоянно уклонялось удовлетворить, не смотря на настоятельныя требованія петербургскаго кабинета. Пограничныя китайскія власти, видя, что нарушенія правъ русскихъ подданныхъ остаются безнаказанными, начали дѣйствовать относительно нашихъ торговцевъ совершенно произвольно, такъ, напр., чугучанскій амбань значительно увеличилъ пошлины на русскіе товары. Естественно, что русское правительство не могло не обратить вниманія на нарушенія китайцами трактатовъ. Но, не смотря на настоятельныя представленія нашей миссіи въ Пекинѣ, только весьма немногія требованія удовлетворялись. Видимо, правительство богдыхана желало дать намъ почувствовать тѣ неудобства, съ которыми сопряжено его неудовольствіе на нашъ образъ дѣйствій въ кульджинскомъ вопросѣ. Китайскіе министры во время переговоровъ по разнымъ вопросамъ неоднократно заявляли о намѣреніи занять Кульджу и спрашивали объ условіяхъ, на которыхъ передача этой провинціи могла бы состояться, выражая готовность удовлетворить всѣ наши требованія, разъ какъ Или будетъ имъ возвращена. Но естественно, что Россія не могла возвратить Кульджу, не получивъ предварительно удовлетворенія по всѣмъ своимъ претензіямъ. Самая же передача этой провинціи была обусловливаема тѣми требованіями, которыя нѣкогда уже были предъявлены Жуну,—между прочимъ, обезпеченіе спокойствія въ Или. Но до тѣхъ поръ, пока смежныя съ Кульджей провинціи оставались независимыми, китайскому правительству нельзя было держать въ Или на столько значительный гарнизонъ, чтобы спокойствіе провинціи можно было считать обезпеченнымъ; слѣдовательно, и передача не могла состояться. По всей вѣроятности, правительство богдыхана сознавало основательность этого условія, поставленнаго еще генераломъ Богусловскимъ, и поэтому до возстановленія своей власти въ Кашгарѣ и дунчанскихъ городахъ Урумцѣ и Маласѣ не особенно горячо настаивало на передачѣ Кульджи. Послѣ же того, какъ Цзо-Цунъ-Танъ покорилъ Кашгаръ и усмирилъ дунчанъ, пекинское правительство рѣшительно потребовало возвращенія Илійской провинціи, указывая на то, что послѣ одержанныхъ имъ побѣдъ и возстановленія его власти во всѣхъ возставшихъ провинціяхъ, мы не имѣемъ основаній сомнѣваться въ томъ, что оно будетъ въ силахъ обезпечить спокойствіе въ Кульджѣ. Россія, не смотря на искреннее желаніе возстановить дружественныя отношенія съ Китаемъ, не сочла однако возможнымъ тогда же согласиться на передачу Или и до тѣхъ поръ, пока не были удовлетворены нѣкоторыя изъ нашихъ наиболѣе существенныхъ претензій, переговоры объ условіяхъ передачи Кульджи постоянно откладывались.

Желая ускорить рѣшеніе кульджинскаго вопроса, китайскіе министры рѣшились отправить въ Петербургъ чрезвычайнымъ посломъ, для веденія переговоровъ съ нами, одного изъ наиболѣе выдающихся сановниковъ Чунъ-Хоу. Ему даны были правительствомъ широкія полномочія и поручено поспѣшить разрѣшеніемъ спорнаго вопроса. Послѣ того, какъ многія изъ нашихъ претензій были удовлетворены, между министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и Чунъ-Хоу начались переговоры объ условіяхъ передачи Кульджи. Желая добросовѣстно выполнить данное Китаю обѣщаніе—возвратить Или, Россія не считала себя въ правѣ требовать отъ нихъ серьезныхъ уступокъ за передачу этой провинціи и поэтому мы вынуждены были ограничиться требованіями лишь вознагражденія за сдѣланные нами расходы по управленію Кульджей. Выполняя свое обѣщаніе, Россія не могла однако не принять въ соображеніе положеніе жителей Илійской провинціи, которые не пожелали бы остаться подъ китайскимъ управленіемъ и поэтому часть Или оставлена была за нами, для поселенія этихъ выходцевъ. При заключеніи новаго договора съ Китаемъ, Россія обратила также особенное вниманіе на многія неблагопріятныя для нашей торговли условія прежнихъ трактатовъ и выговорила отъ Китая нѣкоторыя льготы нашимъ торговцамъ. Выполняя желаніе Китая и возвращая Кульджу, мы вправѣ были расчитывать, что правительство богдыхана выкажетъ готовность содѣйствовать развитію нашей торговли въ Поднебесной Имперіи. Поэтому-то на предоставленіе русскимъ торговцамъ нѣкоторыхъ исключительныхъ правъ въ западномъ Китаѣ ни въ какомъ случаѣ нельзя смотрѣть, какъ на одно изъ условій возвращенія Кульджи, а лишь, какъ на вознагражденіе за добросовѣстное исполненіе даннаго обѣщанія.

Если бы кульджинскаго вопроса даже не существовало, то Россія, тѣмъ не менѣе, возбудила бы вопросъ о пересмотрѣ торговаго трактата, подобно тому, какъ нынѣ подобный вопросъ возбужденъ японскимъ правительствомъ и, по всей вѣроятности, китайцы согласились бы на предоставленіе намъ нѣкоторыхъ льготъ, хотя льготы эти не были бы такъ широки, какъ выговоренныя въ трактатѣ, заключенномъ съ Чунъ-Хоу. Поэтому недовольство, возбужденное въ народѣ условіями этого трактата, касающимися торговли, надо признать въ значительной степени вызваннымъ искусственно военною партіею, желающею столкновенія съ Россіей. Во главѣ этой партіи, какъ извѣстно, стоитъ китайскій главнокомандующій въ сѣверозападныхъ провинціяхъ, Цзо-Цунъ-Танъ, и нѣкоторые принцы. Естественно, что лица эти, пользующіяся громаднымъ вліяніемъ, могли возбудить неудовольствіе противъ Чунъ-Хоу за заключеніе трактата, сущность многихъ условій котораго народъ первое время едва ли даже могъ вполнѣ уяснить себѣ.

Чтобы ознакомиться со взглядами на кульджинскій трактатъ высшихъ должностныхъ лицъ въ имперіи, правительство богдыхана разослало ко всѣмъ имъ этотъ трактатъ и затребовало ихъ мнѣніе.

Изъ лицъ, высказавшихся противъ ратификаціи трактата, какъ по тону, такъ и по сущности, особенно выдѣляется нѣкто Чонгъ-Чихъ-Тунчъ, занимающій важный постъ въ китайской академіи наукъ. Записка Чонга служитъ выраженіемъ мнѣнія воинственной партіи, поэтому несомнѣнно заслуживаетъ особеннаго вниманія.

«Чунъ-Хоу, пишетъ Чонгъ въ своей запискѣ, по глупости и безумію согласился на алчныя и свирѣпыя требованія Россіи.... Для императрицы, императора, тайнаго совѣтника Тзунгли-Ямена, для сотней чиновниковъ во всѣхъ частяхъ имперіи — словомъ, для всего народа — эти уступки противны въ высшей степени, и, хотя могутъ возникуть серьезныя усложненія между обѣими націями, договоръ долженъ быть измѣненъ. Иначе мы не стоимъ носить названіе націи. Чунъ-Хоу заключилъ постыдный договоръ; онъ нарушилъ свои тайныя инструкціи и императорскую волю. Конечное рѣшеніе ясно и поэтому я скажу: пусть Чунъ-Хоу будетъ казненъ. Лучшій образъ дѣйствія въ настоящее время — издать императорскій декретъ, въ которомъ было бы ясно заявлено, что русскіе неправы и были бы приведены причины, почему народъ и чиновники противятся постановленіямъ договора; обнародуйте этотъ договоръ во внутреннемъ Китаѣ и остальныхъ провинціяхъ и пусть всѣ другія державы рѣшатъ, кто изъ насъ двухъ неправъ. Хотя Россія очень могущественна, однако со времени войны съ Турціей ея солдаты истощены и у нея нѣтъ денегъ; ея государственные люди и народъ раздражены. Если Россія теперь опять отвергнетъ нашу дружбу и нападетъ на насъ, какъ на враговъ, то, принимая во вниманіе разстояніе, народъ ея утомится и неминуемо наступятъ внутренніе раздоры, которые наконецъ погубятъ ее».

Только полнымъ незнакомствомъ съ Россіей можно объяснить такіе выводы.

Далѣе Чонгъ говоритъ: «приготовленія къ войнѣ намъ слѣдуетъ дѣлать по тремъ направленіямъ: на границѣ новыхъ владѣній, въ Киринѣ и въ Тіендзинѣ. На сѣверной границѣ Цзо-Цзунъ-Тангъ, съ его всегда побѣдоносной арміей, располагаетъ большой военной силой. Его помощники—способные полководцы и мы спокойно можемъ ждать Русскихъ съ этой стороны, покуда они, истощенные усталостью, могутъ быть легко разбиты. Когда ихъ отступленіе будетъ отрѣзано, ни лошади, ни пароходы уже никогда не привезутъ ихъ домой. Если же они вторгнутся въ Киринъ (Манджурія), то тамъ очень густые лѣса и подвозъ продовольствія будетъ очень затруднителенъ. Русскіе могутъ выставить лишь очень небольшую силу. Для сопротивленія ей половина регулярной арміи собственно Китая должна выступить на сѣверъ и быть поставлена подъ начальство трехъ лучшихъ людей изъ штаба Цзо-Цзуна-Танга и Кинцзула. Такимъ образомъ здѣсь будетъ обезпечена побѣда; даже въ случаѣ небольшаго пораженія, если только наши войска будутъ крѣпко держаться нѣсколько мѣсяцевъ, Русскіе сами собою разсѣются и отступятъ. Хотя Тіендзинъ близко лежитъ

отъ столицы, однако русскимъ судамъ англичане и французы не позволятъ пробраться туда и, согласно закону, они не могутъ придти черезъ Суэзскій каналъ; такимъ образомъ, русскіе будутъ принуждены перевозить свои войска на торговыхъ судахъ; но это опять-таки нельзя сравнить съ европейскими броненосцами. Ли-Хунгъ-Чангъ заявилъ, что, въ случаѣ войны, Китай исполнитъ свой долгъ, и что въ борьбѣ съ Россіею Китаю нечего бояться быть изолированнымъ. Какъ только возможно скорѣе обучайте нашихъ избранныхъ солдатъ, вооружайте укрѣпленія согласно новѣйшимъ германскимъ усовершенствованіямъ. Если намъ суждено быть побѣдителями въ этой войнѣ, наградите побѣдителей титулами герцоговъ и графовъ, если же не будетъ побѣды, накажите воиновъ съ удвоенною строгостью.»

Изъ послѣднихъ словъ видно, что даже горячіе сторонники войны далеко не были увѣрены въ благопріятномъ исходѣ ея.

Дальнѣйшія разсужденія Чангъ-Чихъ-Танга положительно ниже всякой критики.

«Вмѣсто того, говоритъ онъ, чтобы платить 2,800,000 таэловъ вознагражденія за Или, эту сумму слѣдовало бы употребить на наемъ сильныхъ европейскихъ солдатъ, которые бы сражались за насъ. Англію также тревожатъ Русскіе и если бъ Ли-Хунгъ-Чангъ объяснилъ англійскимъ министрамъ, что, въ случаѣ захвата Русскими нашихъ пограничныхъ владѣній, Индія будетъ въ опасности, Англія также возненавидитъ общаго врага. Чего же опасаться? Теперь время удостовѣриться, силенъ ли Китай, или слабъ, и имѣетъ ли онъ способныхъ людей, и, слѣдовательно, будетъ ли онъ возвышаться или падать. Теперь-то именно съ храбрыми генералами и искусными государственными людьми—самое время сражаться. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, Цзо-Цзунгъ-Чангъ, хотя и будетъ можетъ быть въ живыхъ, но уже состарится: Ли-Хунгъ-Чангъ, хотя и не обезсилѣетъ, но будетъ уже слишкомъ старъ, такимъ образомъ, когда способные и усердные люди вымрутъ, невозможно будетъ начать войну, если даже желаніе войны будетъ преобладать. Русскіе уже выстроили города на востокѣ; войска ихъ расположены гарнизонами на западѣ; ихъ торговыя факторіи лежатъ на сѣверѣ, такъ что повсюду, вверху и внизу, ихъ жилища можно встрѣтить по эту и по ту сторону Великой Стѣны на каждой большой дорогѣ до Кореи. Такъ какъ мы теперь далеко и отдѣлены отъ нихъ, мы можемъ защищать себя; но поздно, когда они дойдутъ до нашихъ аванпостовъ, чтобы сражаться съ нами,—будетъ уже слишкомъ поздно. Самая важная вещь теперь приготовиться къ войнѣ, покуда идутъ переговоры о пересмотрѣ трактата; но, если трактатъ не будетъ измѣненъ, воинственныя приготовленія все-таки не слѣдуетъ прекращать. Что касается переговоровъ на счетъ Или, ихъ можно отложить, съ тѣмъ, чтобы наши приготовленія были болѣе дѣйствительны. Во всякомъ случаѣ, будетъ ли уничтоженъ существующій трактатъ или нѣтъ, Чунъ-Хоу долженъ умереть. Таково общее мнѣніе, а не только наше собственное.»

Само китайское правительство затруднилось напечатать въ оффиціальной газетѣ записку Чанга, но, тѣмъ не менѣе, сторонники войны распространили ее въ народѣ. Хотя большинство китайскихъ государственныхъ людей не раздѣляютъ взглядъ Чанга, но, тѣмъ не менѣе, благодаря въ особенности настояніемъ Цзо-Цунъ-Танга, Чунъ-Хоу былъ приговоренъ къ смертной казни, яко бы за измѣну отечеству. При самомъ объявленіи этого приговора возбуждено было сомнѣніе относительно вѣроятности приведенія его въ исполненіе. Посланники западныхъ державъ въ Пекинѣ сдѣлали представленія правительству богдыхана относительно смягченія участи Чунъ-Хоу и въ настоящее время извѣстно уже, что приговоръ отмѣненъ.

Но если виновникъ кульджинскаго трактата и помилованъ своимъ правительствомъ, то самый трактатъ пока еще все остается мертвою буквою.

Переговоры, начавшіеся между Петербургомъ и Пекиномъ, по полученіи Россіей извѣстія объ отказѣ ратификовать трактатъ, не могли привести ни къ какимъ благопріятнымъ результатамъ, такъ какъ первое время общественное мнѣніе въ Китаѣ сильно было возбуждено противъ трактата, да и само правительство богдыхана надѣялось военными приготовленіями заставить Россію сдѣлать уступки. Теперь, когда страсти нѣсколько успокоились и китайскіе министры убѣдились, что шумныя военныя приготовленія не произвели на насъ особеннаго впечатлѣнія, во взглядахъ многихъ китайцевъ сдѣлался переворотъ въ пользу мира.

Надо полагать, что наша готовность принять вызовъ Китая имѣла громадное вліяніе на правительство богдыхана и сильно поколебала его воинственныя стремленія. Весьма вѣроятно, что маркизъ Тзенгъ, новый представитель Китая при петербургскомъ дворѣ, получилъ довольно миролюбивыя инструкціи. Въ готовности Россіи мирно кончить возбужденный самими китайцами вопросъ едва ли можно усомниться, но если бы и желали мы войти въ соглашеніе съ Китаемъ, намъ необходимо тѣмъ не менѣе продолжать приготовленія къ войнѣ. Только когда Китайцы убѣдятся въ нашей готовности силою поддержать требованія, они пойдутъ на уступки. Въ противномъ же случаѣ, возможно и даже вѣроятно, что рѣшеніе вопроса будетъ откладываться и правительство богдыхана будетъ выжидать благопріятной минуты, если только сторонники мира не возьмутъ перевѣсъ въ кабинетѣ.

До настоящаго времени не было даже возможности приступить къ обсужденію тѣхъ статей, которыя вызываютъ неудовольствіе въ пекинскомъ правительствѣ. Россія могла только требовать утвержденія трактата, заключеннаго лицомъ, уполномоченнымъ на составленіе договора; китайцы же не могли до пріѣзда Тзенга оффиціально сообщить намъ, какія измѣненія въ трактатѣ считаютъ необходимыми. Въ Петербургѣ не было лица, которому правительство могло бы поручить подобные важные переговоры. Послѣ извѣстія объ отказѣ Китая ратификовать трактатъ, все вниманіе

дипломатіи главнымъ образомъ было сосредоточено на Чунъ-Хоу. Вмѣстѣ съ участію несчастнаго китайскаго посла въ Петербургѣ, всѣ понимали, связана была и участь трактата. Отчасти поэтому-то представители западныхъ правительствъ такъ горячо настаивали на его помилованіи.

Теперь, съ пріѣздомъ въ Петербургъ новаго китайскаго посла, снабженнаго широкими полномочіями, вопросъ нѣсколько выяснится, но, надо полагать, пройдетъ много времени, прежде чѣмъ онъ получитъ окончательное рѣшеніе. Несомнѣнно, что результатомъ переговоровъ будетъ уступка Кульджи, но весьма сомнительно, чтобъ Россія, добровольно возвращая Илійскую провинцію, отказалась отъ тѣхъ уступокъ, которыя въ свою очередь сдѣлали ей китайцы. Могутъ быть, конечно, допущены нѣкоторыя измѣненія, но и только.

Изъ вышеизложеннаго хода переговоровъ Россіи съ Китаемъ видно, что главною причиною возникшихъ между нами и китайцами недоразумѣній было желаніе послѣднихъ получить Кульджу, не удовлетворивъ нашихъ даже вполнѣ основательныхъ требованій. Настойчивость, съ которою правительство богдыхана добивается возвращенія Илійской долины, объясняется отчасти тѣмъ значеніемъ, которое съ давнихъ временъ китайцы придавали обладанію этой провинціей. Кульджа считается одной изъ лучшихъ жемчужинъ короны богдыхана и поэтому пекинскіе министры считаютъ необходимымъ возвращеніе Или. По всей вѣроятности, уступка намъ Илійской провинціи произвела бы на народъ въ Китаѣ крайне неблагопріятное для правительства впечатлѣніе. Впрочемъ Кульджа и по природнымъ богатствамъ и своему плодородію составляетъ одну изъ лучшихъ среднеазіятскихъ провинцій. Тамошніе урожаи превосходятъ урожаи нашихъ хлѣбородныхъ губерній, но цѣны на хлѣбъ стоятъ несравненно ниже. Такъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ на мѣстѣ г. Вилькенсомъ, «озимыя и пшеница*) даетъ урожаи, смотря по грунту, доходящіе до самъ-двѣнадцать. Яровая пшеница сѣется, какъ и въ другихъ мѣстахъ, на неорошенныхъ участкахъ, обыкновенно въ предгорьяхъ, и даетъ урожай до самъ-двадцати». Въ бытность Вилькенса въ Кульджинскомъ районѣ, «пшеница на тарачинскихъ поляхъ имѣла весьма хорошій видъ, урожай былъ хорошъ и ожидалось, что базарная цѣна ей будетъ копѣекъ 20 за *хо*; въ плохіе годы стоимость ея возрастаетъ до 15—16 коп. за пудъ. Ячмень, родящійся обыкновенно самъ-пять, самъ-шостъ, продавался по 15 коп. за пудъ; цѣна на него падаетъ иногда до семи копѣекъ за то же количество. Таранчи засѣваютъ также овесъ, называя его татарскимъ именемъ *сулу*; родится онъ до самъ-десяти; базарная цѣна на него отъ 8 до 15 коп. за *хо* (150 ф.)».

Горы Илійской долины изобилуютъ разными металлами. Во времена китайскаго владычества въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Или производились даже разработки золота. Со временемъ Кульджа, по всей вѣроятности, бу-

*) Русскій Вѣстникъ, Августъ 1876 г.

детъ имѣть торговое и промышленное значеніе, но для того, чтобы воспользоваться ея природными богатствами, необходимы руки, а въ этомъ-то отношеніи Россія бѣдна и трудно сказать теперь чрезъ какой промежутокъ времени у насъ будетъ избытокъ свободныхъ рукъ. Китайцы находятся совершенно въ другомъ положеніи и потому-то во время ихъ владычества Или процвѣтала. До какой высокой степени процвѣтанія достигла Кульджа передъ возстаніемъ мусульманъ можно судить изъ слѣдующаго описанія Вилькенса остатковъ главнаго города Или, разрушеннаго инсургентами: «замѣчательная выдѣланность мелочей, характерная для китайскихъ работъ, замѣчается на огромномъ большинствѣ уцѣлѣвшихъ частей кульджинскихъ домовъ; мѣстами попадаются отдѣльныя стѣны съ окнами, углы домовъ, круглыя узорчатыя отверстія въ каменныхъ заборахъ, входы въ сады, ясно показывающіе, что городъ былъ въ свое время чѣмъ-то не совсѣмъ обыкновеннымъ по красотѣ и изяществу внѣшней отдѣлки. Ничего не осталось теперь отъ этого прекраснаго города и только валяющіеся мѣстами черепа съ проросшею сквозь глазныя отверстія травой свидѣтельствуютъ о трагическомъ концѣ бывшихъ обитателей его. Городъ раздѣляется на кварталы нѣсколькими стѣнами, и въ каждой изъ нихъ были ворота. Вездѣ перекрещивались подъ прямыми углами ровныя, какъ по линейкѣ очерченныя улицы, какъ мы видимъ на планахъ и другихъ большихъ китайскихъ городовъ. Мѣстами возвышались длинныя цилиндрическія трубы, это заводы *джунъ-джуна*, китайской водки».

Теперь, вступивъ во владѣніе Кульджей, китайцамъ придется снова начинать заселеніе и разработку края. Но на этотъ разъ задача будетъ еще затруднительнѣе. Народы, обитающіе въ Кульджѣ, почти всѣ поголовно переселяются въ Россію и новымъ владѣльцамъ Кульджи не придется эксплуатировать ихъ трудъ. Все же, что сдѣлано до настоящаго времени мѣстнымъ населеніемъ, несомнѣнно будетъ разрушено имъ. Всѣхъ жителей въ Кульджѣ насчитывается сто тысячъ. Большинство составляютъ такъ называемые таранчи, переселенцы изъ Кашгара. О степени ихъ состоятельности можно судить по слѣдующимъ даннымъ, собраннымъ Хорошхинымъ. Напр., въ 3 участкѣ Кульджи, таранчинское *) населеніе котораго равнялось 12,288 душамъ, было: лошадей 2,121, рогатаго скота 3,018, овецъ 12,394, козъ 3,829, верблюдовъ 42, ословъ и муловъ 630.

Изъ промышленныхъ заведеній у таранчей было 175 водяныхъ мельницъ, при 175 рабочихъ и съ производствомъ 34,000 четвертей въ годъ, и 179 маслобоенъ, приготовляющихъ ежегодно 10,000 пудъ зыгырнаго масла.

Другая народность—киргизы, проживающіе въ этомъ же участкѣ въ числѣ слишкомъ 11 тысячъ лицъ обоего пола, пользуются еще большимъ достаткомъ, чѣмъ таранчи. Такъ, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, они имѣли: ло-

*) Туркестанскія Вѣдом. 1875 г.

шадей 27,950, рогатаго скота 8,261, овецъ 193,415, козъ 9,806, верблюдовъ 3,756. Но въ промышленномъ отношеніи они значительно отстали отъ таранчей.

Изъ всего этого видно, что сама по себѣ Кульджа представляетъ благодарный край и можетъ доставлять со временемъ значительный доходъ, но только при тѣхъ условіяхъ, осуществить которыя мы въ настоящее время положительно не въ состояніи. Несомнѣнно, что управленіе Кульджею не доставитъ убытка казнѣ и, быть можетъ, даже съ каждымъ годомъ доходъ, получаемый съ этой провинціи будетъ увеличиваться, но только въ весьма незначительной пропорціи. Россія въ Ферганской области владѣетъ землями, положительно ни въ чемъ не уступающими Кульджѣ, да и въ нашихъ областяхъ Семирѣченской и Семипалатинской есть много хорошихъ, плодородныхъ участковъ. Населены же всѣ эти мѣстности крайне слабо, и поэтому-то важность обладанія Кульджей для насъ болѣе чѣмъ сомнительна. Указываютъ еще на стратегическое значеніе Или, но стратегическія соображенія положительно не выдерживаютъ критики. Или находится на такомъ громадномъ разстояніи отъ центральнаго Китая и такъ открыта съ русской границы (особенно если условленная послѣднимъ трактатомъ граница будетъ признана), что невозможно считать ее крѣпкимъ аванпостомъ Китая противъ Россіи. Правда, владѣя Кульджей, мы бы имѣли хорошія и естественныя границы, которыя обезпечивали бы насъ отъ вторженія китайцевъ. Но серьезно предполагать наступательную войну со стороны Китая едва ли кто можетъ. При томъ же если бы правительство богдыхана рѣшилось на подобный рискованный и неблагоразумный шагъ, то обладаніе Кульджей нисколько не обезпечивало бы насъ отъ вторженія китайцевъ съ другихъ пунктовъ, гдѣ мы не имѣли бы такой хорошей стратегической позиціи. Принимая во вниманіе, что наша граница съ Китаемъ тянется на тысячи верстъ, едва ли китайцы будутъ затруднены въ выборѣ подобнаго пункта. Слѣдовательно, не смотря на всѣ неоспоримыя выгоды, которыя представляетъ обладаніе Кульджею, провинція эта не можетъ имѣть для насъ существеннаго значенія, и въ случаѣ передачи ея китайцамъ мы не утратимъ многаго.

Какія же послѣдствія могли бы быть, если бы мы удержали ее за собою?

Первымъ и естественнымъ послѣдствіемъ былъ бы разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Китаемъ; вторымъ, непосредственно вытекающимъ изъ перваго, подрывъ нашей торговли съ китайцами. И теперь уже, сравнительно съ англійской, наша торговля съ Дайцингской имперіей ничтожна, но мы не теряемъ надежды со временемъ развить ее. Въ случаѣ же разрыва съ Китаемъ надо будетъ навсегда отказаться отъ этой надежды. Стоитъ ли этого Кульджа? Хотя мы ввозимъ теперь въ Китай товаровъ лишь на нѣсколько милліоновъ, но наше торговое положеніе

можетъ быть улучшено и вполнѣ основательно предполагать, что при болѣе благопріятныхъ условіяхъ торговля разовьется. Теперь англійскіе товары отбили у насъ многіе рынки, такъ какъ они несравненно дешевле русскихъ, но за то по добротности въ нѣсколько разъ ниже русскихъ. Русскіе торговцы не могутъ конкуррировать съ англійскими потому, что перевозка дурнаго товара сухимъ путемъ слишкомъ возвышаетъ его цѣну, да, кромѣ того, на нашихъ фабрикахъ не работаютъ такіе низкопробные товары. Китайцы знаютъ превосходство русскаго товара, но по бѣдности вынуждены покупать англійскій. Если бы можно было создать условія, при которыхъ русскія произведенія могли бы быть значительно понижены въ цѣнѣ, то они несомнѣнно были бы опасными конкуррентами англійскихъ. На это давно уже обращено было вниманіе, но только теперь, при заключеніи трактата съ Чунъ-Хоу, явилась возможность создать подобныя, благопріятныя для русской торговли условія. Получивъ по этому трактату право свободной торговли въ западномъ Китаѣ, мы можемъ занять въ этой части Поднебесной Имперіи такое прочное торговое положеніе, что англичане, товаръ которыхъ, дойдя до западнаго Китая, долженъ значительно возвыситься въ цѣнѣ, благодаря внутреннимъ пошлинамъ, лицзингу, не въ силахъ будутъ конкуррировать съ нами. Послѣ же того, какъ наше торговое положеніе упрочится въ западномъ Китаѣ, мы, быть можетъ, получимъ возможность распространить наши рынки и далѣе установленной теперь границы. Поэтому статья трактата, по которой нашимъ торговцамъ предоставлено право свободной торговли въ западномъ Китаѣ, можетъ быть признана самою существенною статьею изъ всего договора. Въ виду такого соображенія, не можетъ быть и рѣчи о какихъ либо уступкахъ съ нашей стороны относительно торговыхъ правъ. Китайцы придаютъ такое значеніе обладанію Кульджи, что, въ случаѣ нашего рѣшительнаго отказа измѣнить статью, касающуюся правъ нашихъ торговцевъ, едва ли будутъ серьезно настаивать на ея измѣненіи.

Надо полагать, что и наша морская торговля съ Китаемъ въ непродолжительномъ времени получитъ развитіе; уже теперь суда Общества Пароходства и Торговли дѣлаютъ рейсы въ Шанхай; число подобныхъ рейсовъ, благодаря поддержкѣ правительства, вѣроятно, въ непродолжительномъ времени будетъ увеличено. Разъ же, какъ установятся правильныя торговыя сношенія моремъ, несомнѣнно усилится и наша торговля. Быть можетъ, милліоны фунтовъ чая, доставляемые теперь въ Россію чрезъ посредство англійскихъ торговцевъ, будутъ тогда прямо перевозиться въ Россію. Конечно, все это въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, но осуществленіе подобныхъ предположеній болѣе чѣмъ вѣроятно. Надо полагать, что эти соображенія заставляютъ наше правительство дѣйствовать въ кульджинскомъ вопросѣ крайне осмотрительно.

Россія до настоящаго времени почти не имѣетъ рынковъ для сбыта своихъ мануфактурныхъ произведеній, если не считать Средней Азіи и

Персіи. Но большинство средне-азіатскихъ ханствъ составляютъ уже теперь часть русскихъ владѣній и поэтому торговля съ этими мѣстностями измѣнила свой характеръ. Въ Персію же мы ввозимъ лишь на весьма незначительную сумму нашихъ произведеній. Остается Китай, но онъ до настоящаго времени болѣе ввозилъ въ Россію, чѣмъ получалъ отъ насъ. Англія съ нѣкотораго времени весьма озабочена пріисканіемъ новыхъ рынковъ для сбыта своихъ товаровъ. Намъ же открывается теперь громадный рынокъ. Неужели же мы не позаботимся удержать его за собой?

Нѣкоторыя лица возбуждаютъ вопросъ о томъ: дѣйствительно ли мы нуждаемся въ рынкахъ для сбыта? Не находимся ли мы еще на такой степени развитія, что, кромѣ сыраго матеріала, ничего не можемъ сбывать въ другія государства? Подобный взглядъ едва ли основателенъ, какъ ни низко стоитъ у насъ фабричное и заводское производство, но есть страны, гдѣ это производство находится еще на болѣе низшей ступени развитія, чѣмъ у насъ, и искать въ этихъ странахъ рынковъ для сбыта нашихъ товаровъ было бы вполнѣ раціонально и разумно. Россія въ настоящее время находится на той точкѣ развитія, когда нѣкоторыя ея произведенія уже могутъ конкуррировать съ иностранными. Если же будетъ оказана поддержка русской промышленности, то, быть можетъ, въ недалекомъ будущемъ она получитъ широкое развитіе. Поэтому заблаговременно готовить для себя рынки не только не безполезно, но даже необходимо. Если бы мы въ настоящее время и не могли вполнѣ воспользоваться тѣми льготами, которыя предоставляются намъ трактатомъ, и извлечь изъ нихъ значительныя выгоды, то все же льготы эти въ послѣдствіи будутъ имѣть громадное значеніе для развитія нашей промышленности.

Можно съ увѣренностію сказать, что торговля наша съ Китаемъ упала не только вслѣдствіе конкурренціи англійскихъ товаровъ, но также и отъ недостатка предпріимчивости въ нашемъ купечествѣ. Только нѣсколько фирмъ сохранили торговыя сношенія съ китайцами, но и онѣ въ большинствѣ случаевъ дѣйствуютъ по разъ уже принятой системѣ, не сообразуясь съ требованіями времени.

Немного еще лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы завели свои торговые дома въ Китаѣ, а то сколько времени товаръ получался чрезъ посредничество китайскихъ купцовъ-коммиссіонеровъ. Теперь, впрочемъ, наше купечество на крайнемъ востокѣ сдѣлалось болѣе предпріимчивымъ. Такъ, нѣкоторые дома завели въ Китаѣ свои плантаціи чая. Даже возбужденъ вопросъ о торговлѣ японскимъ чаемъ и лица, подобныя барону Кнопу, повидимому, не прочь рискнуть значительнымъ капиталомъ для развитія нашей торговли. Что поворотъ замѣчается въ нашей торговлѣ, это едва ли возможно оспаривать, а что этотъ поворотъ приведетъ къ благопріятнымъ результатамъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, хотя, быть можетъ, нѣкоторыя отдѣльныя личности и пострадаютъ при этомъ.

Слѣдовательно, наши интересы заставляютъ насъ желать мирнаго

разрѣшенія недоразумѣній, возникшихъ между нами и Китаемъ. — Мы уклонялись отъ столкновенія съ Китаемъ именно только въ виду коммерческихъ соображеній, такъ какъ война съ Поднебесной Имперіей не представляетъ для Россіи ни малѣйшей опасности, а была бы непріятна для насъ лишь потому, что̀, не смотря на несомнѣнные успѣхи, она можетъ долго продолжиться, такъ какъ китайцы выказываютъ обыкновенно замѣчательное упорство и, не смотря на пораженія, затягиваютъ войну, что̀, благодаря громаднымъ пространствамъ Дайцингской Имперіи, не представляетъ для нихъ особенной трудности. Чтобы побудить китайцевъ искать мира, надо или совершенно обезсилить ихъ, или же нанести имъ ударъ тамъ, гдѣ находятся всѣ главныя пружины китайскаго государственнаго строя, — въ Пекинѣ. Первое почти невозможно; второе же трудно и можетъ быть совершено лишь при содѣйствіи флота.

Продолжительность войны—вотъ что неудобно для насъ, но благопріятный въ концѣ концовъ результатъ ея не подлежитъ сомнѣнію. Вооруженныя силы Китая такъ несовершенны, что даже при поверхностномъ знакомствѣ съ ними нельзя усомниться въ полномъ пораженіи китайцевъ въ случаѣ войны съ нами.

Неоднократныя пораженія, нанесенныя Китаю западными державами, и возстаніе тайпинговъ доказали,—совершенно основательно сказано въ Военномъ Сборникѣ, *)—китайскому правительству, что его армія существуетъ только на бумагѣ, и заставили его ввести кое-какія усовершенствованія въ военномъ вѣдомствѣ. Первый шагъ былъ сдѣланъ тотчасъ же послѣ заключенія тайузингскаго договора и выразился въ формированіи упомянутаго выше иностраннаго легіона. За тѣмъ, съ усмиреніемъ тайпинговъ, военнымъ реформамъ былъ приданъ болѣе широкій характеръ. Но напрасно мы стали бы искать въ реорганизаціонной дѣятельности китайскаго правительства того, что обыкновенно видимъ въ Европѣ: общаго плана выработанной системы, чего либо цѣльнаго, новаго строя, замѣнившаго собой прежній, признанный неудовлетворительнымъ. Ничего подобнаго мы не найдемъ. Китайское правительство ограничилось тѣмъ, что наняло иностранныхъ инструкторовъ, купило извѣстное количество европейскаго оружія, завело кое-какую артиллерію, устроило арсеналы, пороховой и оружейные заводы и т. д., но не коснулось прежней организаціи арміи, не измѣнило прежняго порядка управленія,. оставило въ цѣлости весь старый, военный строй, всю прежнюю отжившую систему. Поэтому военныя реформы въ Китаѣ имѣли лишь частное значеніе, и въ общемъ современная армія Небесной Имперіи мало чѣмъ отличается отъ арміи 1842 года. Въ настоящее время китайская армія раздѣляется на два рода войскъ: постоянныя и милицію. Первыя носятъ названіе войскъ желтаго, бѣлаго, краснаго и голубаго

*) Августъ 1880 г.

знамени, вторая, т. е. милиція,—зеленаго знамени. Войско первыхъ четырехъ знаменъ раздѣляется въ свою очередь на манчжурскія, монгольскія и китайскія. Численность ихъ приблизительно слишкомъ сто тысячъ. Численность милиціи или зеленаго знамени трудно опредѣлить даже приблизительно, но по штатамъ число это достигаетъ до 650 тысячъ; въ дѣйствительности оно колеблется между 500 тысячъ и милліономъ. Но, не смотря на многочисленность войскъ, которыми располагаетъ правительство богдыхана, вслѣдствіе характера ихъ организаціи и системы обученія, они представляютъ изъ себя весьма незначительную силу. Вотъ что говоритъ Военный Сборникъ объ ихъ организаціи: Войсками, расположенными въ каждой провинціи, командуетъ особый генералъ, который, впрочемъ, во всемъ подчиняется генералъ-губернатору или губернатору, или вообще высшей гражданской власти въ провинціи. Дисциплина въ войскахъ поддерживается системою инспекторскихъ смотровъ; смотры происходятъ три раза въ годъ. О результатахъ смотровъ губернаторы обязаны доносить военному министру. Такимъ образомъ, на дѣлѣ огромное большинство китайскихъ войскъ управляется губернаторами. Но, хотя обученіе, вооруженіе и даже численность войсковыхъ частей вполнѣ зависятъ отъ усмотрѣнія высшихъ гражданскихъ лицъ въ провинціяхъ, ихъ нельзя, тѣмъ не менѣе, дѣлать вполнѣ отвѣтственными въ дурномъ состояніи ввѣренныхъ имъ войскъ, въ недостаткѣ дисциплины, въ царствующемъ повсюду безпорядкѣ. Среди губернаторовъ, дѣйствительно, нерѣдко встрѣчаются лица, которыя, вслѣдствіе близкихъ сношеній съ иностранными офицерами, вполнѣ умѣютъ оцѣнить значеніе современной военной организаціи и нынѣшняго вооруженія, но центральное правительство упорно противится широкимъ реорганизаціоннымъ планамъ. Однако, въ предѣлахъ своей власти, нѣкоторые изъ губернаторовъ сдѣлали попытки улучшить обученіе и вооруженіе ввѣренныхъ имъ войскъ. Нельзя не замѣтить все-таки, что широкій просторъ, предоставленный губернаторамъ, и отсутствіе направляющей дѣятельности центральнаго органа привели къ полному уничтоженію единства въ Китайской имперіи. Нѣтъ двухъ провинцій, гдѣ бы войска были одинаково вооружены и экипированы и, смотря по взглядамъ губернаторовъ, организація войскъ въ провинціяхъ или прогрессируетъ, или остается въ первобытномъ состояніи.

Если принять при этомъ во вниманіе, что большинство китайскихъ войскъ вооружено фитильными ружьями, фальконетами, копьями, луками, пиками, значками, тесаками, бердышами, косарями, топорами и желѣзными палками, то естественно, что съ подобнымъ войскомъ невозможно вести войну.

Новое вооруженіе встрѣчается лишь въ войскахъ трехъ генералъ-губернаторовъ, Цзо-Цунъ-Тана, Ли-Цунъ-Тана и Ли-Хунъ-Чжана, а также въ пекинскомъ гарнизонѣ. Китайцы пріобрѣли, впрочемъ, отъ Крупа 150 крѣпостныхъ орудій и нѣсколько сотъ полевыхъ, но, въ виду того, что

всѣ упражненія въ стрѣльбѣ они производятъ холостыми зарядами, едва ли и новое оружіе принесетъ имъ значительную пользу. Система обученія войскъ также неудовлетворительна. Вотъ что говоритъ о ней полковникъ Росновскій, лично наблюдавшій китайскія войска: «У китайскихъ войскъ есть и длинное, тонкое строеніе, и углубленное короткое, то въ двѣ шеренги, то въ три, идутъ онѣ порознь и вмѣстѣ. Не упростить, а видимо, усложнить старался китаецъ эти игривыя формы кордебалета. Его, видимо, забавляетъ, какъ линіи, извиваясь змѣйкой, сходятся, расходятся, перекрещиваются, опять расходятся и каждый чинъ не теряетъ своего мѣста. Мѣрнаго шага прежній строй не знаетъ, но обученныя по европейски войска ходятъ въ ногу. Послѣднія отличаются отъ старинаго войска развѣ только вооруженіемъ: во всемъ остальномъ та же невинная декорація знаменъ и флаговъ. Въ тянь-цзинскихъ войскахъ Ли-Цунъ-Тана принятъ нашъ воинскій уставъ прежняго времени, а квартирующія въ Фанъ-Ченѣ обучены англійскому уставу. Высшія начальствующія лица въ строю не участвуютъ. Ученіе производитъ спеціальный мастеръ, у котораго вмѣсто оружія пріемистый хлыстъ, которымъ онъ и хлещетъ перваго проступившагося; у унтеръ-офицеровъ подобное же вооруженіе. Говорятъ, и въ бою принятъ такой же способъ командованія. Въ извѣстные, разъ установленные дни производится повѣрка занятій войскъ. Для осмотра разбивается палатка или павильонъ, устанавливаются столы съ яствами и прохладительнымъ питьемъ. Гости приглашаются занять мѣста—и началось представленіе. Сдѣлавъ воинскія упражненія предметомъ увеселительныхъ забавъ, китаецъ, естественно, долженъ былъ обратить самое серьезное вниманіе на развитіе одиночнаго фокусничества. Дѣйствительно, любое увеселительное заведеніе Петербурга съ готовностію и за большія деньги не отказалось бы пригласить любаго изъ этихъ акробатовъ. Что за непостижимая ловкость и изворотливость, какія трудныя кривлянья и скачки — и сколько безплодно потерянаго времени и труда». Если принять во вниманіе, что китайскіе государственные люди понимаютъ, къ какимъ результатамъ можетъ привести ихъ воинственный задоръ, то возможность столкновенія съ Китаемъ окажется такъ мала, что серьезно опасаться его положительно немыслимо. Нѣкоторой гарантіей того, что война будетъ избѣгнута, служатъ также отношенія къ русско-китайскому столкновенію большинства западныхъ державъ, искренно желающихъ мирнаго улаженія недоразумѣній.

Такое желаніе, впрочемъ, далеко не безкорыстно. Торговые интересы всѣхъ западныхъ державъ, имѣющихъ сношенія съ Китаемъ, требуютъ мира. Война Китая съ Россіей заставила бы многихъ торговцевъ понести значительные убытки и поэтому-то западныя правительства заботятся о сохраненіи мира.

Въ настоящее время въ кульджинскомъ вопросѣ болѣе всѣхъ другихъ иностранныхъ государствъ заинтересована Англія, такъ какъ она ведетъ

главную торговлю съ Китаемъ. Поэтому слухамъ о тайныхъ подстрекательствахъ с.-джемскаго кабинета нельзя придавать вѣры. Если бы Англія дѣйствительно желала вызвать новыя затрудненія, то все же не стала бы затрогивать такой вопросъ, въ которомъ сама могла бы пострадать.

Въ настоящее время значительный русскій флотъ собирается въ водахъ Тихаго океана и мы легко можемъ блокировать главные китайскіе торговые порты, что̀ для Англіи невыгодно. Китайцы же не могутъ теперь оказать намъ серьезнаго сопротивленія, поэтому, надо полагать, будутъ уступчивѣе при переговорѣ. Отправка значительнаго флота въ Тихій океанъ безспорно одинъ изъ наиболѣе существенныхъ пріемовъ для того, чтобы сдѣлать правительство богдыхана уступчивымъ. Результаты, по всей вѣроятности, не заставятъ себя долго ожидать. Въ Пекинѣ, конечно, хорошо понимаютъ, что флотъ, которымъ китайцы могутъ располагать, недостаточенъ для борьбы съ нами.

Въ китайскомъ морскомъ вѣдомствѣ, какъ и въ военно-сухопутномъ, царствуетъ полная децентрализація, и военныя суда находятся въ распоряженіи не центральнаго правительства, а губернаторовъ приморскихъ провинцій. Необходимость имѣть военный флотъ, устроенный согласно новѣйшимъ требованіямъ, была сознана въ Китаѣ лишь послѣ войны 1857—1860 гг. съ англичанами и французами. Первыя попытки были, однако, неудачны, и дѣйствительное начало китайскаго флота относится къ 1859 г. Къ этому времени были учреждены въ Шанхаѣ и Фу-чже у-фу два большія адмиралтейства, съ верфей которыхъ и были спущены въ 1869 г. первые китайскіе корабли. Адмиралтейство въ Фу-чжеу-фу является огромнымъ морскимъ техническимъ сооруженіемъ, занимающимъ не менѣе 27 десятинъ земли; въ арсеналѣ работаютъ отъ 1500 до 2000 рабочихъ ежедневно. Шанхайское адмиралтейство, включая оружейную фабрику и пушечный заводъ, даетъ ежедневно работу 1200 чел. При адмиралтействѣ въ Фу-чжеу-фу устроены два морскихъ училища: одно кораблестроительное, ввѣренное французскимъ инженерамъ, другое — мореходное, управляемое англичанами. Флотъ Китая можетъ быть раздѣленъ на три группы: 1) шанхайская эскадра состоитъ изъ 11 судовъ, въ томъ числѣ два фрегата (одинъ 270 тоннъ), девять транспортовъ и канонирокъ, изъ которыхъ одна броненосная; 2) французская эскадра имѣетъ 15 судовъ: корветъ 13-ти-пушечный, шесть канонирскихъ лодокъ и восемь вооруженныхъ транспортовъ (эскадра эта лучшая во всѣхъ отношеніяхъ, потому что не только составлена изъ судовъ отличной постройки, но имѣетъ хорошіе экипажи); 3) кантонская эскадра: 12 судовъ, именно: семь новыхъ англійскихъ канонирокъ, двѣ старыя и три доненки съ паровыми машинами. Такимъ образомъ, китайскій военный флотъ состоитъ всего изъ 38 судовъ.

Въ послѣднее время, впрочемъ, китайское правительство заказало въ Англіи нѣсколько канонирокъ особой конструкціи, позволяющей имъ играть

серьезную роль въ морскихъ сраженіяхъ. Объ ихъ морскихъ попыткахъ имѣются вполнѣ удовлетворительныя свѣдѣнія *).

Не смотря на эти канонирки, китайскій флотъ положительно не въ состояніи оказать нашему флоту серьезное сопротивленіе. Причина этого заключается также въ недостаточной военно-морской подготовкѣ, какъ морскихъ офицеровъ, такъ и матросовъ. Правда, есть исключенія, но, въ общемъ, уровень личнаго состава катайскаго флота далеко ниже нашего.

Всѣ данныя, слѣдовательно, заставляютъ предполагать, что китайское правительство не рѣшится вступить съ нами въ борьбу.

Грозя намъ войной и приготовляясь къ ней, китайскіе министры слѣдовали лишь рутинному азіятскому пріему поторговаться прежде, чѣмъ уступить. Желали войны и стремились къ ней только нѣкоторые крайніе старо-китайцы, въ родѣ Цзо-Цунъ-Тана и Чанга; большинство же, по всей вѣроятности, сознавало въ душѣ, что едва ли когда либо придется привесть въ исполненіе угрозы, но расчитывало съ помощью ихъ добиться отъ насъ серьезныхъ уступокъ. Теперь маркизъ Тзенгъ, вѣроятно, разсѣялъ эти надежды и, надо полагать, мирное разрѣшеніе Кульджинскаго вопроса послѣдуетъ, хотя и въ довольно отдаленномъ будущемъ. Послѣднія извѣстія, полученныя изъ Китая, свидѣтельствуютъ, что теперь уже большинство населенія склоняется въ пользу мирнаго разрѣшенія возникшихъ съ Россіей недоразумѣній.

Влад—овъ.

*) Воен. Сборн. Августъ, 1880 г.

Внутреннія политическія отношенія государствъ Запада.

Положеніе республиканской формы правленія во Франціи рѣшительно упрочилось за послѣднее время. Весь строй ея политической и экономической жизни свидѣтельствуетъ объ этомъ. Прочность республики сказывается и въ расположеніи политическихъ партій, и въ положеніи министерства, и въ дѣятельности его, и, наконецъ, даже въ исходѣ тѣхъ ошибокъ, которыя дѣлало французское правительство. Съ другой стороны, возрастаніе государственныхъ доходовъ по мѣрѣ развитія экономическаго благосостоянія французскаго народа служитъ доказательствомъ, что французамъ дѣйствительно живется недурно при существующемъ порядкѣ вещей.

Начнемъ съ расположенія политическихъ партій. Первенствующее значеніе остается, какъ и прежде, за республиканской партіей. Но теперь преобладаніе этой партіи возросло. Республиканская партія во Франціи, какъ извѣстно, распадается на нѣсколько фракцій, напр., лѣвый центръ, республиканскій союзъ, крайняя лѣвая и т. д. Отношенія между этими фракціями принимали иногда довольно острый характеръ, такъ что одно время министерство ожидало разрыва въ средѣ республиканскаго большинства и опасалось за твердость своего положенія. Рознь между фракціями республиканской партіи происходила, главнымъ образомъ, вслѣдствіе различныхъ взглядовъ на всеобщую амнистію коммунаровъ и на реформу народнаго просвѣщенія, въ особенности на знаменитый седьмой параграфъ закона Ферри о запрещенныхъ конгрегаціяхъ. Теперь, когда эти вопросы такъ или иначе разрѣшены, разладъ между фракціями республиканской партіи значительно ослабѣлъ и партія эта представляетъ несравненно болѣе цѣльное по своимъ политическимъ убѣжденіямъ большинство, чѣмъ прежде.

Самымъ выдающимся представителемъ или даже вождемъ всей республиканской партіи въ парламентѣ можно назвать Гамбетту. Онъ и прежде пользовался значительнымъ вліяніемъ на республиканское большинство въ палатѣ, но теперь, послѣ нѣсколькихъ прекрасныхъ и возбудившихъ всеобщій восторгъ рѣчей по вопросу объ амнистіи, Гамбетта

пріобрѣлъ еще бо́льшую популярность. Въ одной изъ рѣчей, произнесенныхъ имъ на морскомъ праздникѣ въ Шербургѣ, Гамбетта отклонилъ обвиненія его въ томъ, что онъ будто бы добивается диктатуры.... «Я никогда не забывалъ, говорилъ онъ, кто я, откуда вышелъ и куда иду. Я знаю, что я вышелъ изъ самыхъ темныхъ рядовъ рабочей демократіи и что я весь ей принадлежу; я не стремлюсь къ диктатурѣ; я желаю быть слугою демократіи и служить на своемъ мѣстѣ». Рѣчи эти произвели сильное впечатлѣніе. Усиленію республиканской партіи много способствовало ослабленіе другихъ партій и то невыгодное положеніе, въ которое, отчасти по своей винѣ, отчасти вслѣдствіе постороннихъ обстоятельствъ стали радикалы, монархисты, клерикалы и бонапартисты.

Радикаламъ, которые, впрочемъ, также принадлежатъ къ республиканской партіи, хотя и понимаютъ республику нѣсколько иначе, нанесло сильный ударъ провозглашеніе полной амнистіи. Главнымъ пунктомъ своей политической программы они выставляли именно амнистію всѣмъ безъ исключенія коммунарамъ. Отказъ правительства приводилъ ихъ въ бѣшенство. Въ настоящее время они понизили голосъ. Да и вообще положеніе Франціи не даетъ никакой почвы для распространенія радикальныхъ идей въ массахъ. Эти идеи быстро развиваются и пріобрѣтаютъ многочисленныхъ приверженцевъ въ народѣ тогда, когда онъ недоволенъ, когда политическая свобода его стѣснена безъ надобности, когда экономическое положеніе нѣкоторыхъ классовъ неудовлетворительно, когда классы эти непомѣрно отягощены налогами; примѣромъ такого положенія можетъ служить въ послѣднее время Германія, какъ можно видѣть изъ нашей статьи въ послѣдней книжкѣ «Русской Мысли». Во Франціи ничего подобнаго нѣтъ. Свободныя государственныя учрежденія, въ основѣ которыхъ лежитъ всеобщая подача голосовъ, устраняютъ всякое желаніе произвести насильственный государственный переворотъ; экономическое состояніе французскаго народа способно возбудить зависть любой другой націи; налоги послѣдовательно уменьшаются. Вотъ почему радикалы не чувствуютъ подъ собою твердой опоры и становятся смирнѣе и уживчивѣе. За исключеніемъ немногихъ лицъ, какъ напр. Рошфора, который въ своемъ «Intransigeant» (Непримиримый) все еще трубитъ объ несчастномъ положеніи рабочаго класса и предсказываетъ всякія кары и несчастія умѣренной республикѣ. Почти всѣ прежніе коммунары, не отказываясь отъ своихъ соціалистическихъ теорій, сознаютъ, что осуществленіе этихъ теорій можетъ послѣдовать только путемъ легальнымъ. Единственнымъ удобнымъ и возможнымъ оружіемъ для борьбы съ общественными и государственными порядками во Франціи является, по мнѣнію ихъ, избирательный бюллетень. А въ такомъ видѣ политическая программа радикаловъ не представляетъ ничего опаснаго для государства. Избирательный же бюллетень, на сколько можно судить по послѣднимъ выборамъ въ члены генеральныхъ совѣтовъ, безъ сомнѣнія докажетъ, что умѣренная респуб-

ликанская партія несравненно сильнѣе радикальной. Небольшая рѣчь, произнесенная Гамбеттою въ Бельвилѣ и характеризующая современное политическое состояніе Франціи, была принята восторженными одобреніями сто-тысячной толпы рабочихъ, слушавшихъ её.

Недавно происходилъ въ Парижѣ конгрессъ собравшихся изъ разныхъ странъ соціалистовъ. На этомъ конгрессѣ было откровенно заявлено о необходимости произвести насильственный соціальный переворотъ, отмѣнить всеобщую подачу голосовъ и другія подобныя мѣры. Французскіе рабочіе, присутствовавшіе на засѣданіяхъ конгресса, энергично протестовали противъ всякой попытки къ насильственному перевороту. Мало того: они сочли нужнымъ высказать сожалѣніе о тѣхъ заблуждающихся людяхъ, которые мечтаютъ помочь рабочему люду, «замѣнивъ законъ динамитомъ». На заключительномъ засѣданіи конгресса соціалистовъ депутація парижскихъ мѣдниковъ заявила, что, по убѣжденію всей ихъ корпораціи, самый надежный путь къ улучшенію быта рабочихъ заключается въ распространеніи образованія и разумномъ пользованіи правомъ всеобщей подачи голосовъ. Между этими словами и тѣмъ, что творилось французскими соціалистами и радикалами прошлою осенью во время возвращенія первыхъ амнистированныхъ коммунаровъ изъ ссылки, или хотя бы на конгрессѣ соціалистовъ въ Марселѣ—цѣлая пропасть. Свободныя учрежденія Франціи и умѣренно-либеральная дѣятельность настоящаго кабинета оказали французскому народу большую услугу, перенеся борьбу съ соціализмомъ изъ подпольной сферы на законную почву; на этой почвѣ соціалистическое движеніе само по себѣ ослабѣло.

Партія клерикаловъ-роялистовъ еще очень недавно внушала республиканцамъ серьезныя опасенія. Это было во время приведенія въ исполненіе мартовскихъ декретовъ о запрещенныхъ конгрегаціяхъ. Эти декреты сообщили изгоняемымъ іезуитамъ характеръ жертвъ, что̀ привлекло къ нимъ сожалѣніе и сочувствіе со стороны многихъ. Духовенство не щадило усилій, чтобы развить это сочувствіе. Правительство и представители республиканскихъ партій открыто заявляли, что мѣры, предпринимаемыя противъ запрещенныхъ конгрегацій, имѣютъ исключительно политическое значеніе и являются, такимъ образомъ, лишь слѣдствіемъ борьбы двухъ политическихъ партій; іезуиты поддерживали и проповѣдывали политическія доктрины, враждебныя республикѣ, что̀, какъ заявляло правительство, и было главною причиною принятія запретительныхъ мѣръ противъ духовныхъ конгрегацій. Но, не смотря на эти заявленія, духовенство сумѣло придать во мнѣніи общества дѣйствіямъ правительства антирелигіозное значеніе, что̀ также усиливало положеніе клерикаловъ.

Бордосскій архіепископъ, кардиналъ Допнэ, въ письмѣ къ президенту республики, Греви, прямо утверждаетъ, что гоненіе, возбужденное мартовскими декретами противъ религіозныхъ конгрегацій является дѣломъ противохристіанскимъ. Въ споръ по этому вопросу вмѣшался и папа Левъ XIII,

что для католическаго и вѣрующаго населенія Франціи было не безъ значенія. Съ другой стороны, мѣры противъ религіозныхъ конгрегацій были и въ самомъ дѣлѣ довольно не либеральны и въ этомъ отношеніи шли въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ политики министерства Фрейсинэ. Въ виду этого, *противъ* исполненія мартовскихъ декретовъ и, стало быть, *за* клерикаловъ высказались многіе изъ французскихъ либераловъ, которые, впрочемъ, по своимъ основнымъ убѣжденіямъ къ клерикально-монархической партіи ни какъ причислены быть не могутъ. Сюда принадлежатъ, напр., извѣстные юрисконсульты Руссъ, Делакомбъ и многія другія лица изъ состава вѣдомства юстиціи. Все это, взятое вмѣстѣ, на нѣкоторое время возвысило авторитетъ клерикаловъ во Франціи. Но это продолжалось не долго. Вскорѣ наступила реакція, которой клерикалы сами способствовали крайне неумѣстными выходками противъ республики въ родѣ, напр., открытой пропаганды въ пользу востановленія во Франціи монархической формы правленія, и клерикалы снова увидали, какъ мало шансовъ они имѣютъ на успѣхъ.

Для характеристики политической неумѣлости и безтактности роялистической партіи во Франціи мы приведемъ одинъ эпизодъ изъ ея дѣятельности.

Личная политическая неспособность послѣднихъ представителей французскаго королевскаго дома не предвѣщала республикѣ никакой опасности съ этой стороны. Поэтому не безъ удивленія прочли мы во фрацузскихъ газетахъ извѣстіе о тѣхъ мѣрахъ, которыя предпринимаются роялистами съ цѣлію низверженія республиканскаго правительства и возведенія на королевскій престолъ графа Шамбора. Самыя мѣры тоже носятъ довольно странный характеръ. Газета Figaro объявила подписку для составленія капитала, которымъ долженъ былъ пользоваться графъ Шамборъ для достиженія престола. Minimum подписки опредѣляется въ 1,000 франковъ. Такъ какъ неизвѣстно еще, когда графъ сочтетъ нужнымъ начать дѣйствовать или, какъ выражаются роялистскіе органы, «когда пробьетъ часъ, назначенный Богомъ для возвращенія ему престола», то подписавшимся будетъ пока выдаваться дивидендъ въ три процента.

Объявивъ подписку, Figaro скромно умолчалъ о дальнѣйшихъ ея подробностяхъ. Эти подробности мы узнаемъ изъ другихъ органовъ легитимистской партіи. Такъ, напримѣръ, газета Union посвятила, между прочимъ, этому вопросу слѣдующія строки: «Роялисты собираютъ финансовыя средства, въ которыхъ нуждается теперь всякая политическая партія для приведенія въ дѣйствіе своихъ убѣжденій. Призывъ, на который откликнулись роялисты, исходитъ изъ ихъ же среды. Роялисты учреждаютъ настоящую страховую кассу противъ революціонныхъ рисковъ. Привязанность и деньги роялистовъ соединяются и не существуетъ закона, который могъ бы воспрепятствовать этому». Въ отвѣтъ тѣмъ органамъ, которые называли подписку заговоромъ противъ республики, та

же газета приводитъ слова графа Руже, одного изъ самыхъ рьяныхъ роялистовъ: «Развѣ желаніе имѣть во главѣ государства твердое и честное правительство—заговоръ? спрашивалъ онъ на одномъ изъ собраній легитимистовъ. Намъ не нужно думать о низверженіи республики, потому что она сама готовитъ себѣ самоубійство рядомъ грубыхъ политическихъ ошибокъ, — наша задача состоитъ только въ томъ, чтобы быть готовыми изгладить всѣ слѣды революціонной бури». Въ томъ же родѣ говорили и другіе органы легитимистовъ, и во всѣхъ этихъ отзывахъ довольно ясно опредѣлена цѣль подписки.

Свѣдѣнія, сообщаемыя оффиціозными газетами, которыя воспользовались для этого данными, полученными полиціей, придаютъ этой подпискѣ другой, болѣе рѣзкій характеръ. Изъ газеты Paix мы узнаемъ, что расписки въ пріемѣ отдѣльныхъ взносовъ въ 1,000 франковъ носили оффиціальное названіе *королевскихъ облигацій*. Подписчики приглашались соединить свои средства въ томъ случаѣ, если каждый изъ нихъ не имѣетъ достаточно средствъ, чтобы купить облигацію. Часть собранныхъ денегъ, вопреки приведеннымъ заявленіямъ легитимистовъ, должна быть израсходована на возбужденіе волненій въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ представляется въ этомъ отношеніи больше шансовъ на успѣхъ. Во время перерыва парламентскихъ сессій, въ августѣ, предполагалось совершить рѣшительный ударъ. Самая подписка на «королевскія облигаціи» реализировала, по свѣдѣніямъ газеты Paix, 13.000,000 франковъ.

Такимъ образомъ, подписка представляется чѣмъ-то въ родѣ промышленной акціонерной компаніи съ цѣлью ниспроверженія существующаго государственнаго порядка и замѣны его другимъ. «Королевскія облигаціи» имѣютъ, съ другой стороны, и характеръ государственнаго займа, можетъ быть даже выигрышнаго, такъ какъ лица, подписавшіяся на облигаціи дѣлали это не безъ расчета на полученіе нѣкоторыхъ выгодъ при возстановленіи монархическаго правленія.

Все это было бы очень вредно и опасно, если бы не было такъ наивно. Уже при самомъ объявленіи подписки на «королевскія облигаціи» можно было предположить, что она въ результатѣ не дастъ сколько-нибудь значительной суммы. И дѣйствительно, не смотря на дѣятельную агитацію, подписная сумма дошла всего только до 13.000.000 франковъ. Съ такою небольшою суммой едва ли можно произвести что либо серьезное въ политическомъ смыслѣ. Съ другой стороны, даже въ томъ случаѣ, если бы роялисты успѣли собрать значительныя средства, то съ такимъ претендентомъ на королевскій престолъ, какъ графъ Шамборъ, и думать нечего о государственномъ переворотѣ. Уже нѣсколько разъ графъ Шамборъ былъ поставляемъ судьбою въ такія положенія, въ которыхъ, при нѣкоторой энергіи и умѣлости, онъ могъ бы достигнуть весьма важныхъ послѣдствій въ политическомъ отношеніи. Въ мірѣ политики дѣйствовать одними деньгами нельзя. Когда же извѣстное политическое стрем-

леніе достаточно созрѣло и вошло въ сознаніе народнаго большинства, за деньгами дѣло не станетъ. Исторія представляетъ не мало примѣровъ этому. Если же роялистамъ болѣе по сердцу примѣры изъ исторіи французскаго королевскаго дома, они могли бы вспомнить хотя бы короля Генриха IV, который бѣднякомъ, сравнительно, добился престола и на престолѣ облагодѣтельствовалъ свой народъ.

Вотъ почему нельзя, какъ намъ кажется, ожидать какихъ либо важныхъ послѣдствій отъ предпріятій французскихъ легитимистовъ. Вотъ почему также французское правительство не приняло, не смотря на упреки въ бездѣйствіи со стороны многихъ представителей республиканской партіи, никакихъ мѣръ противъ подписки на «королевскія облигаціи». Въ этомъ бездѣйствіи проявляется сознаніе своей силы, увѣренность въ твердости своего положенія, которое, безъ сомнѣнія, не могутъ поколебать какіе-нибудь тринадцать милліоновъ франковъ въ рукахъ людей, не пользующихся сочувствіемъ большинства французской націи.

Бонапартисты имѣютъ еще менѣе шансовъ на успѣхъ, чѣмъ клерикалы-роялисты. Со времени смерти императорскаго принца въ этой партіи образовался расколъ, который еще болѣе ослабилъ ея значеніе. Какъ мало сочувствія питаетъ французское общество къ мысли объ возстановленіи имперіи, видно изъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ такъ называемый Наполеоновъ день (15 августа) въ Парижѣ. Въ 1869 году вторая имперія въ послѣдній разъ отпраздновала этотъ день великолѣпнымъ торжествомъ; съ тѣхъ поръ день этотъ годъ отъ году праздновался скромнѣе и скромнѣе. Бонапартисты постановили собираться 15-го августа въ церкви св. Августина. Но въ нынѣшнемъ году, по случаю розни среди самой партіи, выдающіеся представители одной изъ ея фракціи, Жюль Амигъ и Поль Кассаньякъ, пригласили своихъ сторонниковъ отпраздновать Наполеоновъ день въ соборѣ Nôtre Dame de Paris, гдѣ 15 августа бываетъ заупокойная обѣдня по Наполеону I. Назначено было собираться къ 10 часамъ утра. Такой ранній часъ былъ избранъ въ разсчетѣ, что, по случаю праздника Успенія Божіей Матери, въ соборѣ будетъ много публики и обѣдня въ память Наполеона получитъ болѣе торжественный характеръ. Но бонапартисты ошиблись въ разсчетѣ. Погода въ этотъ день была такая хорошая, что парижане съ утра отправились на прогулки по окрестностямъ города и въ соборѣ было довольно пусто. Бонапартистовъ собралось человѣкъ двѣсти. Поля Кассаньяка не было. По окончаніи службы человѣкъ пятьдесятъ окружили Жюля Амига, единственнаго сколько-нибудь выдающагося бонапартиста изъ присутствовавшихъ въ церкви, и кричали ему «vive!». Но Жюль Амигъ самъ понялъ несвоевременность этихъ привѣтствій, сконфузился и поспѣшилъ уйти.

«Vive Жюль Амигъ и Поль Кассаньякъ!» продолжали кричать бонапартисты.

«Vive Plon-Plon!» со смѣхомъ отвѣчали имъ въ толпѣ.

Претендентъ на императорскій престолъ, принцъ Жеромъ Наполеонъ, хотѣлъ воспользоваться столкновеніемъ между церковью и государствомъ въ Франціи, чтобы заявить о своихъ политическихъ убѣжденіяхъ и пріобрѣсти популярность и значеніе. Въ одной газетѣ онъ обнародовалъ «письмо къ другу», въ которомъ онъ высказывается за примѣненіе мартовскихъ декретовъ. Декреты эти вполнѣ соотвѣтствуютъ, по мнѣнію принца, государственному праву Франціи и преданіямъ Наполеоновской политики. Декреты справедливо примиряютъ интересы государства и церкви, которую, если бы понадобилось, онъ готовъ энергично защищать отъ всякихъ нападковъ.

Письмо было ловко разсчитано на то, чтобы увеличить шансы принца, какъ претендента на императорскій престолъ. Нужно замѣтить, что принцъ Жеромъ Наполеонъ издавна пользуется репутаціей заклятаго безбожника и вольнодумца. Являясь въ письмѣ защитникомъ интересовъ церкви, принцъ надѣялся нѣсколько поправить также репутацію и снискать себѣ расположеніе всѣхъ вѣрныхъ сыновъ католической религіи. Въ то же время принцъ выступаетъ и сторонникомъ республиканскаго министерства и поддерживаетъ его дѣйствія. Такимъ образомъ, онъ могъ надѣяться и на сочувствіе республиканцевъ.

Но ожиданія претендента не оправдались. Онъ не пріобрѣлъ симпатіи среди другихъ партій и на него накинулись собственные же его сторонники. Всѣ почти бонапартистическія газеты выражаютъ негодованіе по поводу письма принца Жерома. «Подобнаго рода имперія можетъ внушить массѣ только отвращеніе», говоритъ Поль Кассаньякъ въ своей газетѣ «Pays», и другіе органы заявляютъ, что не желаютъ служить человѣку, проповѣдующему столь плачевныя идеи.

Бонапартисты вполнѣ начинаютъ сознавать, что теперь имъ невозможно вести борьбу противъ республики. Нѣкоторые органы этихъ партій прямо заявляютъ, что приверженцамъ имперіи приходится выбирать одно изъ двухъ: или отказаться отъ всякой политической дѣятельности, или пожертвовать своими монархическими убѣжденіями и соединиться съ консерваторами-республиканцами.

Такимъ образомъ, во Франціи всѣ партіи уступаютъ въ настоящую минуту первенствующее мѣсто республиканцамъ. Выборы въ генеральные совѣты служатъ этому выразительнымъ доказательствомъ. Клерикалы должно быть предчувствовали неудачу и списокъ ихъ кандидатовъ былъ очень кратокъ. Радикалы или непримиримые, какъ ихъ теперь называютъ, рискнули и потерпѣли пораженіе. Вездѣ одержали верхъ республиканскіе кандидаты. Всѣ министры и товарищи министровъ, выступившіе въ качествѣ кандидатовъ, были избраны: министръ внутреннихъ дѣлъ, выбранный въ Тулузѣ громаднымъ большинствомъ голосовъ, такъ охарактеризовалъ значеніе выборовъ 1-го августа въ телеграммѣ своимъ избирате-

лямъ: «Мнѣ вполнѣ дорого новое доказательство моихъ согражданъ, такъ какъ въ немъ выразилось одобреніе правительственной политики».

Въ виду побѣды, одержанной республиканской партіей на выборахъ въ департаментскіе генеральные совѣты, одна изъ группъ республиканской партіи въ парламентѣ вступила въ переговоры съ монархическими партіями и предложила имъ слиться съ нею въ одну большую консервативную партію. Монархическія партіи должны будутъ при этомъ сліяніи окончательно отказаться отъ оппозиціи республиканскому правительству, такъ какъ оппозиція эта, очевидно, ни къ чему не приведетъ, какъ ни къ чему не привела и доселѣ.

Органъ роялистовъ, «Фигаро», совѣтовалъ принять это предложеніе, потому что, въ противномъ случаѣ, монархическія партіи потеряютъ всякое политическое вліяніе.

Разсмотрѣвъ расположеніе политическихъ партій во Франціи, мы скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніяхъ къ нимъ и къ парламентскому большинству правительства республики.

Еще при самомъ началѣ своей дѣятельности министерство Фрейсинэ имѣло за собою въ парламентѣ большинство, на которое оно могло опираться для осуществленія своей программы. Это большинство, состоящее изъ различныхъ фракцій республиканской партіи, теперь сплотилось тѣснѣе и усилилось; съ другой стороны, энергичная и послѣдовательная дѣятельность министерства въ примѣненіи внутреннихъ реформъ ближе сводила его съ этимъ большинствомъ. Вотъ почему положеніе министерства въ настоящее время упрочилось и предсказаніямъ, будто Фрейсинэ ожидаетъ участь, постигшая Ваддингтона, не суждено, повидимому, сбыться.

Значительную поддержку правительству оказываетъ въ послѣднее время Гамбетта, который, какъ мы уже говорили, имѣетъ большое вліяніе на парламентъ. Во время поѣздки въ Шербургъ на морской праздникъ, Гамбетта вездѣ старался выдвигать на первое мѣсто Греви, какъ президента республики, а самъ, по возможности, стушевывался. Гамбетта не ограничивается одною внѣшностью и старается употреблять свое вліяніе въ интересахъ правительства.

Впрочемъ, были моменты, когда положеніе правительства было не совсѣмъ ловко, какъ напр., тогда, когда сенатъ отказалъ принять законопроектъ объ всеобщей амнистіи или когда пришлось примѣнять къ религіознымъ конгрегаціямъ мартовскіе декреты среди довольно дружнаго протеста противъ нихъ. При отказѣ сената вотировать амнистію въ томъ видѣ, какъ она была предложена, у Фрейсинэ сорвалось даже съ языка слово «выходъ въ отставку».... Вопросъ объ амнистіи уладился посредствомъ сдѣлки съ сенатомъ и измѣненій въ текстѣ проекта; а чѣмъ кончится борьба съ церковью, борьба, которая началась исключительно въ сферѣ народнаго образованія и теперь уже далеко вышла изъ этой сферы,—сказать трудно. Исходъ выборовъ 1-го августа въ генеральные

совѣты не останется безъ вліянія на отношенія правительства къ сенату. Въ началѣ слѣдующаго года въ сенатѣ откроются вакансіи на семьдесять пять сенаторскихъ мѣстъ, изъ которыхъ тридцать одно занято въ настоящее время представителями клерикально-монархической партіи. Сенатскіе выборы будутъ производиться генеральными совѣтами; это служитъ ручательствомъ того, что республиканская партія навѣрное пріобрѣтетъ и въ сенатѣ недостающее ей теперь большинство, на которое могло бы опираться правительство.

Остановимся теперь на важнѣйшихъ событіяхъ внутренней политической жизни Франціи за истекшее лѣто.

Къ нимъ, прежде всего, принадлежитъ амнистія сосланныхъ коммунаровъ.

Съ самаго момента, когда въ первый разъ поднятъ былъ вопросъ объ всеобщей амнистіи, вопросъ этотъ послужилъ поводомъ къ сильнѣйшему возбужденію среди французскаго общества. Начались уличныя демонстраціи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, доходившихъ до безпорядковъ; помилованнымъ коммунарамъ устраивались торжественныя встрѣчи; коммунаровъ чествовали, къ удивленію ихъ самихъ, какъ спасителей отечества, всеобщая амнистія сдѣлалась поводомъ къ серьезнымъ столкновеніямъ между партіями, наконецъ, амнистія послужила главною причиною министерскаго кризиса.

А, между тѣмъ, амнистія, по самому существу своему, представляетъ мѣру въ высшей степени миролюбивую. Самое слово *амнистія* значитъ въ переводѣ «забвенье»; въ этомъ смыслѣ она всегда и примѣнялась послѣ государственныхъ переворотовъ для окончательнаго успокоенія государства, когда порядокъ былъ уже возстановленъ. Гдѣ же причина такого рѣзкаго несоотвѣтствія между обычнымъ значеніемъ этой мѣры и тѣмъ задорнымъ характеромъ, который получила она во Франціи?

Дѣло въ томъ, что амнистія сдѣлалась средствомъ политической агитаціи среди радикаловъ; они выставили ее своимъ главнымъ девизомъ и пользовались ею для оппозиціи правительству. Слабый, колеблющійся образъ дѣйствій министерства Ваддингтона далъ возможность развиться этому движенію еще шире.

Когда вопросъ о всеобщей амнистіи былъ поднятъ при новомъ министерствѣ, оно приняло всѣ мѣры, чтобы вопросъ этотъ не прошелъ. Въ прекрасной рѣчи, произнесенной по этому поводу, Фрейсинэ прямо сказалъ, что всеобщая амнистія не можетъ быть принята до тѣхъ поръ, пока она не перестанетъ служить средствомъ радикальной агитаціи. Рѣчь произвела сильное впечатлѣніе и законопроектъ о всеобщей амнистіи былъ отвергнутъ значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Положеніе министерства и умѣренно-республиканской партіи сдѣлалось устойчивѣе. Движеніе среди радикаловъ нѣсколько ослабѣло. И вотъ, по иниціативѣ Гамбетты, правительство внесло законопроектъ объ всеобщей амнистіи коммунаровъ. Къ этой мѣрѣ правительство побудили еще слѣдующія обстоятельства: наступленіе времени

національнаго французскаго праздника и выгоды открытой борьбы съ радикальной агитаціей. По словамъ Гамбетты, необходимо ознаменовать актомъ милости и всепрощенія національное французское торжество; съ другой стороны, по его мнѣнію, политическая мудрость требуетъ окончательнаго разрѣшенія этого вопроса. Необходимо очистить избирательную борьбу отъ посторонннихъ вліяній и не давать возможности анархистамъ пробираться къ преступной цѣли подъ эгидой великодушной идеи; необходимо создать такое положеніе, при которомъ можно было бы дѣйствовать противъ анархистовъ въ открытомъ полѣ. Пора Франціи, говорилъ Гамбетта въ палатѣ, поставить надгробный памятникъ надъ преступленіями коммуны и доказать всему свѣту, что республиканскій образъ правленія твердо укрѣпился въ странѣ, что Франція—одно нераздѣльное цѣлое. На амнистіи настаивалъ и начальникъ полиціи, Андріе. Какъ и слѣдовало ожидать, законопроектъ объ амнистіи легко прошелъ въ палатѣ. Но въ сенатѣ онъ встрѣтилъ противодѣйствіе и большинство сенаторовъ отказалось принять законопроектъ въ той редакціи, какъ онъ былъ представленъ. Въ текстѣ закона сдѣланы были поправки; сенатъ постановилъ исключить изъ амнистіи всѣхъ лицъ, осужденныхъ за поджогъ или убійство, въ случаѣ, если приговоръ не былъ произнесенъ полевымъ военнымъ судомъ, если упомянутыя лица были осуждены на смертную казнь или каторгу безъ срока и если приговоръ не будетъ смягченъ по 9-е іюля. Въ такомъ видѣ законъ былъ принятъ въ сенатѣ большинствомъ 176 голосовъ противъ 98. Палата депутатовъ одобрила законопроектъ объ амнистіи и съ этою поправкою, а президентъ республики, Греви, пользуясь предоставленною ему закономъ прерогативою, подписалъ 9-го іюля декретъ о помилованіи безъ всякаго исключенія всѣхъ вообще осужденныхъ за участіе въ коммунѣ 1870 и 1871 гг. Такъ разрѣшился вопросъ о всеобщей амнистіи. Мы уже видѣли, какія важныя послѣдствія имѣло такое разрѣшеніе его.

Перейдемъ теперь къ вопросу объ отношеніяхъ церкви къ государству. Вопросъ этотъ представляетъ больное мѣсто настоящаго министерства, такъ какъ, благодаря ему, министерство предприняло уже не одну крайне нелиберальную мѣру. Борьба между государствомъ и церковью разгоралась во Франціи сначала исключительно на почвѣ народнаго просвѣщенія. Представители духовенства во Франціи, въ особенности же іезуиты, имѣли громадное значеніе въ дѣлѣ народнаго образованія; духовнымъ конгрегаціямъ принадлежала масса школъ и учебныхъ заведеній; женское же образованіе почти всецѣло находилось въ ихъ рукахъ. Слѣдуя своимъ клерикально-монархическимъ традиціямъ въ учебныхъ заведеніяхъ, духовенство внушало учащимся убѣжденія, противныя существующему государственному порядку Франціи. Собственно же государство сдѣлало до послѣдняго времени очень мало для народнаго образованія, чѣмъ и объясняется развитіе клерикальныхъ образовательныхъ учрежденій. Необходимость реформы въ этой сферѣ чувствовалась уже давно и министерство

Фрейсинэ дѣятельно взялось за нихъ. Но успѣвъ сдѣлать еще очень немного и не дождавшись, чтобы сдѣланное принесло свои плоды, министръ народнаго просвѣщенія, Жюль Ферри, сразу принялся за отрицательныя мѣры, т. е. за запрещеніе іезуитамъ преподаванія. Съ этимъ многіе не могли согласиться. Въ сенатѣ извѣстный седьмой параграфъ закона Ферри не прошелъ. Министерство хотѣло настоять на своемъ, пригрозило примѣненіемъ закона Карла X объ изгнаніи іезуитовъ и исполнило свою угрозу изданіемъ мартовскихъ декретовъ. Это, въ свою очередь, вызвало сильнѣйшій, очень дружный протестъ со стороны клерикаловъ, а также многихъ представителей либеральной партіи. Духовенство не останавливалось ни предъ чѣмъ, чтобы только очернить республику предъ своими учениками и всею своею духовною паствою. Республика изображалась самымъ вреднымъ и безбожнымъ учрежденіемъ, что дало правительству уже болѣе основательный поводъ къ изгнанію іезуитовъ и закрытію ихъ учрежденій. Если при этомъ духовенство въ своихъ обвиненіяхъ зашло слишкомъ далеко, то другіе противники мартовскихъ декретовъ высказали такія соображенія, съ которыми трудно не согласиться всякому безпристрастному наблюдателю. Въ этомъ отношеніи интересна рѣчь герцога Одиффре Пакье, которую онъ произнесъ въ засѣданіи сената. Одиффре Пакье заявилъ, что религіозныя конгрегаціи стоятъ подъ защитою общаго закона, ограждающаго права каждаго французскаго гражданина. Монашескіе обѣты составляютъ дѣло совѣсти, въ область которой правительство не должно вмѣшиваться. Хотя законы, которые хотятъ примѣнить къ іезуитамъ, и дѣйствительно не отмѣнены, но они, очевидно, устарѣли и потеряли всякую реальную силу. Подобные законы, продолжалъ ораторъ, существуютъ и для евреевъ. Есть законъ, запрещающій штатскимъ носить усы; имѣется постановленіе, что каждый чиновникъ, поступая на службу, долженъ представить подробную опись своему имуществу для того, чтобы, при увольненіи его, можно было, вновь переписавъ его пожитки, опредѣлить сколько онъ нажился на службѣ; всѣ эти законы такъ же устарѣли, какъ и законы Карла X-го противъ іезуитовъ. При закрытіи конгрегацій неминуемо должны были быть нарушены и ихъ имущественныя права, и вотъ многія лица прокурорскаго надзора подали въ отставку, чтобы только не принимать участія въ дѣйствіяхъ, которыя, по ихъ мнѣнію, нарушаютъ право личности и имущества. Вообще правительство получило массу протестовъ противъ своихъ декретовъ объ іезуитахъ. Но правительство не могло идти назадъ тѣмъ болѣе, что во время борьбы іезуиты своими не въ мѣру враждебными нападками на республику до нѣкоторой степени оправдали дѣйствія администраціи. Власти при этомъ дѣйствовали чрезвычайно сдержанно и осторожно при самомъ исполненіи декретовъ.

Это исполненіе произошло, противъ ожиданія, довольно спокойно, хотя іезуиты и приняли заблаговременно всевозможныя мѣры, чтобы съ торжественностью получить отъ полиціи оскорбленія и такимъ образомъ сни-

скать въ общественномъ мнѣніи вѣнецъ мучениковъ. Сѣдовласые старцы должны были подвергнуться насиліямъ; женщины-аристократки въ черныхъ платьяхъ должны были провожать ихъ и, конечно, плакать; по улицамъ предполагалось торжественное шествіе въ расчетѣ на то, что разные парижскіе фланёры, petits crevés и gommés соберутся въ достаточномъ количествѣ и образуютъ толпу.... Но полиція вела себя такъ осторожно, вѣжливо и сдержанно, что, при закрытіи конгрегацій, почти не произошло серьезныхъ безпорядковъ. Такъ же мирно обошлось дѣло и въ провинціи.

Гораздо труднѣе было управиться съ послѣдствіями закрытія конгрегацій, когда закрытыя конгрегаціи предъявили въ суды иски о нарушеніи ихъ правъ. Правительство могло выйти изъ затрудненія только опять посредствомъ крайне неліберальной мѣры; въ предупрежденіе разрѣшенія дѣла не въ его пользу, оно предписало судамъ признать себя не компетентными и передать иски на разсмотрѣніе особаго административнаго суда. Изъ судовъ посылались одна за другою отставки тѣхъ лицъ, которыя по своимъ убѣжденіямъ не могли подчиниться предписаніямъ правительства. Вообще борьба съ церковью уже успѣла принести французской республикѣ не мало затрудненій и если она до сихъ поръ выходила изъ нихъ, то это можетъ служить новымъ доказательствомъ ея прочности.

Собственно народному просвѣщенію, изъ-за котораго и началась борьба правительства съ церковью, закрытіе конгрегацій едва ли принесетъ много пользы. Это закрытіе представляетъ лишь мѣру съ отрицательнымъ характеромъ. Гораздо важнѣе тѣ положительныя мѣры, которыя успѣло принять министерство народнаго просвѣщенія. Учрежденіе новыхъ учебныхъ заведеній, организація женскаго образованія, объявленіе слушанія лекцій въ университетахъ безплатнымъ — все это должно принести хорошіе результаты. Не менѣе важны и реформы въ самомъ ходѣ и программѣ занятій, которыя обсуждаются въ высшемъ совѣтѣ по народному образованію.

Однимъ изъ наиболѣе удачныхъ дѣйствій французскаго министерства во все время его существованія представляется преобразованіе высшаго совѣта по народному образованію. Сущность этой реформы состояла въ удаленіи изъ совѣта всѣхъ некомпетентныхъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія членовъ его и въ пополненіи его спеціалистами по народной школѣ. Выборное начало, въ широкомъ размѣрѣ предоставленное учебнымъ заведеніямъ для избранія изъ своей среды членовъ совѣта, служитъ залогомъ того, что въ составъ совѣта войдутъ люди дѣйствительно достойные и опытные. Вотъ почему рѣшенія этого совѣта, какъ собранія образованнѣйшихъ и опытнѣйшихъ въ дѣлѣ народной школы людей такого цивилизованнаго государства, какъ Франція, обладаютъ высокимъ авторитетомъ и заслуживаютъ серьезнаго вниманія.

Высшій совѣтъ разрѣшалъ недавно вопросъ о томъ, съ какого класса среднихъ учебныхъ заведеній должно начинаться преподаваніе латин-

скаго языка. Этотъ вопросъ поставленъ первымъ пунктомъ новой программы для среднихъ учебныхъ заведеній, представленной министромъ народнаго просвѣщенія на обсужденіе совѣта. Министръ предлагаетъ начинать преподаваніе латинскаго языка съ шестаго класса, т. е. позднѣе, чѣмъ прежде. Его предложеніе встрѣтило противодѣйствіе отъ нѣкоторыхъ, впрочемъ весьма немногочисленныхъ, членовъ совѣта, большая же часть членовъ совѣта поддерживала программу Жюля Ферри. По этому поводу и возникли пренія.

Пренія эти интересны потому, что они происходили между людьми, глубоко убѣжденными въ преимуществахъ классическаго образованія и въ необходимости изученія мертвыхъ языковъ. Разногласіе существовало только относительно наиболѣе удобнаго возраста учащихся для изученія ихъ, относительно методовъ преподаванія, а также пожертвованій во времени, предназначенномъ до сихъ поръ преподаванію латинскаго языка, въ пользу другихъ предметовъ, напр. исторіи, отечественнаго языка и пр., знаніе которыхъ должно быть поднято во Франціи согласно требованіямъ современной цивилизаціи. При этомъ защитникамъ старой системы дана была полная возможность высказать всѣ свои доводы въ ея пользу. Всѣхъ сильнѣе ратовалъ за старую систему, т. е. за начало преподаванія латыни въ низшемъ классѣ, извѣстный французскій педагогъ и латинистъ г. Мишель Бреаль. Мы приведемъ главнѣйшіе изъ его доводовъ.

Г. Бреаль не вполнѣ соглашался съ мнѣніемъ, положеннымъ въ основаніе министерскаго предложенія, будто ребенокъ, начиная изученіе латинскаго языка съ шестаго класса, будетъ обладать большею зрѣлостью, необходимою для изученія этого предмета. Если это и вѣрно, то, по мнѣнію г. Бреаля, только съ одной стороны. Въ низшихъ классахъ ребенокъ еще не успѣлъ утратить двухъ качествъ, особенно полезныхъ для преодолѣнія трудностей мертвыхъ языковъ: послушанія, которое побуждаетъ ребенка учить все, что ему приказываютъ, не спрашивая, зачѣмъ и почему,—и памяти, которая въ дѣтствѣ даетъ прекрасные результаты, а позднѣе уступаетъ мѣсто другимъ способностямъ, напр. воображенію и мышленію. Поэтому высшіе классы естественно предназначены для преподаванія такихъ предметовъ, которые требуютъ бо́льшаго развитія учащихся, напр. исторіи и другихъ наукъ; низшіе же классы должны быть посвящены занятіямъ, для которыхъ нужны только повиновеніе и память, а къ такимъ занятіямъ принадлежитъ и изученіе мертвыхъ языковъ и грамматики. Уступка духу утилитаризма, въ угоду которому, по мнѣнію г. Бреаля, сокращается время преподаванія латинскаго языка, можетъ имѣть опасныя послѣдствія для успѣховъ системы классическаго образованія, такъ какъ, если уже разъ сдѣлана уступка, нужно будетъ дѣлать и другія. А, между тѣмъ, классицизмомъ Франція должна дорожить,—онъ составляетъ славу французской культуры. И наука, и изящныя искусства, и даже политика Франціи проникнуты античнымъ духомъ

и, по словамъ г. Бреаля, нигдѣ нельзя такъ близко стоять къ Риму и Греціи, какъ въ Парижѣ.

Г. Бреалю возражалъ г. Зеворъ. Онъ согласился, что Франція должна гордиться знаніемъ латинскаго языка; но именно для того, чтобы поддержать классическую систему, и необходимо сообразоваться съ требованіями времени.

«Намъ предстоитъ,—говорилъ защитникъ министерской программы,—выборъ между совершеннымъ оставленіемъ системы классическаго образованія и нѣкоторыми уступками въ пользу тѣхъ предметовъ, какъ, напр., исторіи, естествознанія и отечественнаго языка, преподаваніе которыхъ уже не соотвѣтствуетъ потребностямъ современной культуры. И такъ, чтобы спасти латинскій языкъ, рѣшимся на нѣкоторыя пожертвованія. Но, въ концѣ концовъ, развѣ исторія и новѣйшіе языки не могутъ считаться развивающими интеллектуальную сторону человѣка?» Къ тому же улучшеніе методовъ преподаванія латинскаго языка, предлагаемое министерскою программой, должно сократить время изученія его. При усовершенствованіи способовъ преподаванія всегда, по мнѣнію г. Зевора, выигрывается время. Много времени будетъ сохранено отмѣною утомительныхъ упражненій на латинскомъ языкѣ, въ родѣ, напр.. составленія латинскихъ стиховъ и рѣчей. Въ этомъ отношеніи, полагалъ ораторъ, примѣръ Германіи, гдѣ до сихъ поръ стараются укладывать въ латинскія выраженія идеи, свойственныя лишь нашему времени, вовсе не заслуживаетъ подражанія. «Мы должны скорѣе,—говорилъ онъ,—стремиться къ чтенію латинскихъ авторовъ, а не къ письму и сочиненіямъ на латинскомъ языкѣ».

Въ пользу преподаванія латинскаго языка лишь съ шестаго класса высказался и Жюль Симонъ.

Пренія привели къ тому, что высшій совѣтъ по народному просвѣщенію принялъ предложеніе министерства значительнымъ большинствомъ голосовъ. Въ пользу отстрочки преподаванія латинскаго языка высказалось сорокъ пять членовъ, а противъ нея—только семь. Такимъ образомъ, вопросъ былъ рѣшенъ почти единогласно.

Такое рѣшеніе имѣетъ за собою, безъ всякаго сомнѣнія, большой авторитетъ и можетъ быть поучительно не для одной только Франціи. Если собраніе образованнѣйшихъ и наиболѣе компетентныхъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія людей Франціи признаетъ необходимость уступокъ во времени, предназначенномъ для преподаванія латинскаго языка, въ пользу изученія другихъ предметовъ и требуетъ при этомъ отмѣны старой системы упражненій на латинскомъ языкѣ, то такое рѣшеніе и мотивы, вызвавшіе его, заслуживаютъ вниманія педагоговъ и другихъ государствъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ про національный французскій праздникъ, который такъ торжественно прошелъ въ Парижѣ 14-го іюля. У

каждаго почти народа есть свои національные праздники, которыми онъ хочетъ почтить какіе либо особенно памятные ему дни въ его исторіи. Для возбужденія патріотическаго чувства, для поднятія гражданской доблести такіе праздники имѣютъ серьезное значеніе. При торжественной обстановкѣ народнаго празднества, при всеобщемъ ликованіи и радости по поводу великаго для всей націи событія, невольно забываетъ отдѣльный человѣкъ свои личные мелкіе интересы и будничныя дѣлишки и чувствуетъ себя болѣе способнымъ на общее дѣло, на общую пользу. Со времени паденія наполеоновской династіи, при которой праздновался наполеоновъ день, во Франціи не было назначено дня для ежегоднаго національнаго праздника, и республиканское правительство, рѣшившись назначить такой день, шло на встрѣчу живой потребности французскаго народа и въ этомъ отношеніи поступило какъ нельзя болѣе умѣстно.

Нельзя сказать того же самаго про выборъ самаго дня праздника. Революція, безспорно, имѣла громадное значеніе для Франціи XIX столѣтія; идеи ея до сихъ поръ живутъ въ убѣжденіяхъ всего народа и вошли въ плоть и кровь государственныхъ учрежденій Франціи. Поэтому желаніе связать день національнаго торжества съ воспоминаніемъ о революціи весьма естественно. Но трудно понять, почему именно годовщина взятія Бастиліи была избрана для этого праздника. Взятіе и разореніе тюрьмы представляетъ актъ грубаго насилія толпы и не можетъ служить полнымъ выраженіемъ государственныхъ идей революціи. Въ эпоху ея были дни несравненно болѣе важные съ государственной и конституціонной точки зрѣнія и неомраченные никакимъ кровавымъ насиліемъ. Сюда принадлежатъ, напр., день открытія національнаго конвента или ночь 4-го августа. Настоящая республика во Франціи, при своемъ умѣренномъ характерѣ, стоитъ гораздо ближе къ такимъ событіямъ, чѣмъ къ взятію Бастиліи.

День 14 іюля имѣетъ и другое неудобство для французскихъ республиканцевъ, которые отрекаются отъ всего наполеоновскаго столько же, сколько и отъ роялистическаго: 14-го іюля было назначено днемъ національнаго торжества при Наполеонѣ I-мъ.

Самый праздникъ прошелъ прекрасно и чрезвычайно торжественно, что впрочемъ и неудивительно, такъ какъ французы великіе мастера во всемъ, что касается постановки (mise en scène) всякаго торжества и, кромѣ того, по самому складу своего національнаго характера, въ высшей степени способны увлекаться этой постановкою. Главная же причина удачи праздника заключается, конечно, въ томъ глубокомъ патріотизмѣ, который одушевляетъ французскій народъ. Амнистія, какъ актъ помилованія, и раздача новыхъ знаменъ арміи много способствовали возвышенію значенія празднества 14-го іюля. Удача праздника и строгій порядокъ, который нигдѣ не былъ нарушенъ, удивили тѣхъ, которые ожидали, что день 14-го іюля не пройдетъ безъ крупныхъ безпорядковъ.

Впрочемъ, полиціею были приняты на всякій случай нѣкоторыя предупредительныя мѣры по отношенію къ живущимъ въ Парижѣ иностранцамъ-соціалистамъ. Были произведены аресты и въ числѣ захваченныхъ было четверо русскихъ. Арестованные были высланы изъ Франціи. Газета «Temps» объясняетъ, что въ виду важной роли, которую играютъ иностранцы въ соціалистической пропагандѣ, правительство внимательно слѣдитъ за иностранными эмигрантами и будетъ и впредь высылать тѣхъ, которыхъ сочтетъ опасными.

Въ заключеніе отмѣтимъ во внутренней государственной жизни Франціи явленіе, для гражданина всякаго другаго государства почти невѣроятное. Въ то время, какъ въ другихъ государствахъ финансистамъ приходится изобрѣтать новые налоги для покрытія дефицитовъ въ бюджетѣ, когда государственные доходы почти вездѣ далеко не соотвѣтствуютъ ихъ исчисленію по смѣтамъ, мы видимъ во Франціи совершенно противоположное. Ежегодное приращеніе народнаго капитала во Франціи постоянно увеличивается, а параллельно съ нимъ возрастаетъ промышленное и финансовое могущество государства. Начиная съ 1879 г., государственные доходы постоянно превышали смѣтное исчисленіе. Не смотря на уменьшеніе налоговъ на значительную сумму (до 113.000.000 франковъ), не смотря на сверхсмѣтные дополнительные кредиты, ежегодно въ государственномъ казначействѣ Франціи оставались большіе избытки. Такъ напр., въ 1876 г. доходъ превысилъ расходъ на сумму 89.000.000 франковъ, въ 1877—56.500.000 франковъ, 1878—59.000.000 франковъ, въ прошломъ году 40.000.000 франковъ, въ настоящемъ году, за первую его половину, доходовъ поступило сверхъ смѣты уже почти на 60.000.000 франковъ.

Въ виду этого французское правительство постановило уменьшить съ 1-го октября косвенные налоги на 70.000.000 франковъ. Уменьшеніе размѣра налога должно упасть, главнымъ образомъ, на сахарный акцизъ.

Экономическое благосостояніе Франціи начало развиваться такъ успѣшно, какъ замѣчаетъ одна французская газета, лишь со времени упроченія республики. Весьма естественно, что съ установленіемъ во Франціи прочнаго государственнаго строя, промышленная и торговая дѣятельность французскаго народа пріобрѣла наилучшія условія для дальнѣйшаго развитія. Это, безъ сомнѣнія, внушаетъ французамъ еще большее довѣріе къ республиканской формѣ правленія и дѣлаетъ положеніе республики во Франціи еще болѣе прочнымъ.

Редакторъ **С. Юрьевъ.**
Издатель **В. Лавровъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА МАМОНТОВА,

МОСКВА, Кузнецкій мостъ, домъ Фирсанова, ||| **С.-ПЕТЕРБУРГЪ,** Невскій пр., 46 (пр. Гостин. Двора).

ПРОДАЮТСЯ:

Бертолотти Н. Н. Всеобщая исторія (въ объемѣ гимназическаго курса). Ч. I. Древній міръ. М. 1877 г. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.

Бертранъ І. Алгебра. Отдѣльно. Вып. II. (Объ уравненіяхъ 1-й степени). М. 1873 г. Ц. 35 к. Вып. III. (Объ уравненіяхъ 2-й степени). М. 1874 г. Цѣна 45 коп. Вып. IV. (О прогрессіяхъ и логарифмахъ). М. 1874 г. Цѣна 25 коп. Вып. V. (Дополненіе началъ алгебры). М. 1874 г. Цѣна 50 коп. Полные экземпляры, сброшюрованные изо всѣхъ пяти выпусковъ. Цѣна 1 р. 50 коп., съ перес. 2 р. Отдѣльно выпускъ 1-й распроданъ.

Біо и Букэ. (Прямолинейная тригонометрія). М. 1877 г. Цѣна 75 к., съ перес. 1 руб.

— Сферическая тригонометрія. М. 1879 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Бугаевъ Н. В. Руководство къ ариѳметикѣ. Ариѳметика цѣлыхъ чиселъ. М. 1876 г. 2-е исправл. и дополн. изд. Цѣна 40 к., съ пер. 55 к.

— Задачникъ къ ариѳметикѣ цѣлыхъ чиселъ. Изданіе 2-е съ измѣненіями. М. 1876 г. Цѣна 25 коп., съ перес. 40 коп.

— Руководство къ ариѳметикѣ. Ариѳметика дробныхъ чиселъ. М. 1876 г. 3-е исправ. и дополн. изд. Цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп.

— Задачникъ къ ариѳмет. дробныхъ чиселъ. М. 1875 г. Цѣна 35 коп., съ перес. 50 коп.

— Начальная алгебра. Ч. I. М. 1877 г. Цѣна 60 коп., съ перес. 75 к. Ч. II М. 1878 г. Цѣна 75 коп., съ перес. 90 коп. Вопросы къ алгебрѣ. М. 1878 г. Цѣна 15 коп., съ перес. 20 коп.

Веттштейнъ. Ботаника въ размѣрѣ реальн. учебн. завед. М. 1877 г. Цѣна 75 коп., съ перес. 90 коп.

Ганнъ. Общее землевѣдѣніе. Ч. I. (Астрономич. геогр. и метеорологія, съ 15 политипажами и 6 таблицами). М. 1876 г. Цѣна 85 коп., съ перес. 1 р.

Гохштеттеръ. Общее землевѣдѣніе. Ч. II. (Геологія, составъ, строеніе и образованіе земли). М. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Женэ. Шекспиръ. Его жизнь и сочиненія, съ портретомъ и факсимиле Шекспира. М. 1877 г. Цѣна 2 р. 50 коп., съ перес. 2 р. 75 коп.

Клаузъ К. Основы зоологіи. Т. I, вып. I. (Protozoa. Coelenterata). Переводъ подъ редакціей профессора С. А. Усова и Петунникова, со 148 политипажами. М. 1873 г. Т. I, вып. II (Vermes, Echinodermata). Переводъ подъ редакціей профессора С. А. Усова и Петунникова, съ 235 политипажами. М. 1873 г. Цѣна каждому выпуску 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 коп. Т. III, вып. I (*Рыбы, голые и чешуйчатые гады*), съ 98 политипажами. Переводъ подъ редакціей профессора С. А. Усова. М. 1871 г. Цѣна 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 75 коп. Т. III, вып. II. (*Млекопитающіяся и птицы*), съ 292 политипажами. Переводъ подъ редакціей профессора С. А. Усова и Петунникова. М. 1875 г. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Kercoff A. G. Cours gradué de langue française. Parties. I et. II. 2-е изданіе М. 1877 г. Цѣна 1 р. 25 коп., съ перес. 1 р. 50 коп.

— Cours gradué de la langue française. III et IV parties. М. 1880 г. Ц. 1 р. 25 коп., съ перес. 1 р. 50 коп.

Линбергъ Л. Атласъ Всеобщей Геогр., 2-е изд. М. 1874 г. Цѣна сброшюр. вмѣстѣ 4 р. 50 коп., съ перес. 5 р. 50 коп. Цѣна экз. въ двухъ выпускахъ 5 р., съ перес. 6 р.

— Учебный Атласъ Всеобщей Географіи для гимназическаго курса. Лейпцигъ. 1878 г. Цѣна 80 коп., съ перес. 1 р.

Мостовскій М. Приготовительный курсъ Всеобщей и Русской Географіи. Изд. 4-е, дополн. картой Палестины. М. 1879 г. Цѣна 50 к., съ пер. 65 коп.

— Этногр. очерки Россіи (55 характеристикъ). М. 1874 г. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.

— Учебный курсъ Всеобщей Геогр. (Европа). М. 1875 г. Цѣна 70 к., съ перес. 85 коп.

— Учебная карта Европ. Россіи, хромолитогр. (полунѣмая), съ объяснен. къ ней. М. 1876 г. Цѣна 65 коп., съ перес. 90 коп.

Никитинъ. Элементарный курсъ ботаники. Изд. 3-е. М. 1879 г. Цѣна 40 к. съ перес. 55 коп.

Соннэ. Геометрія теоретическая и практическая. Вып. I. (*О линіяхъ*). Со 154 политипажами. М. 1875 г. Цѣна 85 коп. Вып. II. (*О плоскихъ фигурахъ*). (Дополненіе). Со 104 политипажами. М. 1875 г. Цѣна 70 коп. Вып. III. (*О плоскихъ фигурахъ*) (площади). Съ 49 политипажами. М. 1876 г. Цѣна 50 коп. Вып. IV. *О поверхностяхъ и линіяхъ* (линіи и плоскости до начала начертательной геометріи), съ 66 политипажами. М. 1877 г. Цѣна 60 к. Вып. V. *О поверхно-*

стяхъ и линіяхъ (начала начертательной геометріи), съ 98 политипажами. М. 1878 г. Цѣна 1 р. Вып. VI. *О геометрическихъ тѣняхъ и различныхъ приложеніяхъ* (главнѣйшія начала начертательной геометріи). Со 104 политипажами. М. 1878 г. Цѣна 1 р. Всѣ выпуски сброшюрованные вмѣстѣ. Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 50 коп.

Травинъ В. Н. Руководство къ низшей геодезіи. Наставленіе къ употребленію геодезическихъ инструментовъ и производству хозяйственныхъ съемокъ. Съ XV табл. чертежей. М. 1879 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 коп.

— Руководство къ низшей геодезіи. Наставленіе къ употребленію геодезическихъ инструментовъ и производству различнаго рода съемокъ и нивеллированія. Съ XII табл. чертежей. М. 1879 г. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

— Памятная книжка. Собраніе формулъ и вспомогательныхъ таблицъ. М. 1878 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 коп.

Траутшольдъ Г. Палеонтологія *(палеозоологія и палеофитологія)*. Около 300 политипажей. М. 1875 г. Цѣна 2 р. 75 коп., съ пер. 3 р.

— Стратиграфія. Съ таблицами и политипажами. М. 1877 г. Цѣна 2 р. 50 коп., съ перес. 2 р. 75 коп.

Учебно-воспитательная библіотека (обзоръ русской педагогической литературы). М. 1876 г. Т. I. (Въ двухъ книгахъ). Цѣна 5 р., съ пер. 6 р. Отдѣлы продаются и порознь: Педагогика. Цѣна 75 коп., съ пер. 1 р. Законъ Божій. Цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп. Русскій языкъ, словесность и книги для русскаго чтенія. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 коп. Древніе и новые языки. Цѣна 75 коп., съ перес. 1 р. Математика, физика, космографія и химія. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Исторія. Цѣна 50 коп., съ перес. 75 коп. Географія. Цѣна 50 коп., съ перес. 75 коп. Естествовѣдѣніе. Цѣна 60 коп., съ перес. 85 коп. Искусство. Цѣна 25 коп., съ пересылкой 40 к. Т. II. М. 1878 г. Цѣна 2 р. 25 к., съ перес. 2 р. 50 коп.

Штоль Г. В. Миѳы Классической Древности. Съ рисунками и политипажами. М. 1877 г. Т. I. Цѣна 2 р. 50 коп., съ перес. 2 р. 75 к. Т. II. М. 1880 г. Цѣна 2 р. 50 коп., съ перес. 2 р. 75 коп.

Эльснитцъ Л. Ф. Руководство къ практическому изученію нѣмецкаго языка. Изд. III (дополненное). М. 1877 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Гг. книгопродавцамъ обычная уступка. Требованія гг. иногородныхъ исполняются немедленно.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1880 ГОДУ

ГАЗЕТЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ И ГИГІЕНЫ.

„ВРАЧЕБНЫЯ ВѢДОМОСТИ“.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

„Врачебныя Вѣдомости“ будутъ выходить въ 1880 году безъ предварительной цензуры.

Сообщеніе новостей изъ области медицины и гигіены, извѣстій о событіяхъ въ медицинскомъ мірѣ, о ходѣ санитарнаго, земско-врачебнаго дѣла, разсмотрѣніе и обсужденіе профессіональныхъ и общественныхъ вопросовъ—вотъ, въ главныхъ чертахъ, задачи „Врачебныхъ Вѣдомостей“. Прошло уже четыре года, какъ начали выходить «Врачебныя Вѣдомости», восполняя дѣйствительный пробѣлъ спеціальной прессы — отсутствіе такого періодическаго органа, который-бы имѣлъ своими задачами бытовые, корпоративные и общественные вопросы, и неуклонныя стремленія газеты дать мѣсто самостоятельнымъ, независимымъ мнѣніямъ, заботы о точности выходовъ газеты и объ удовлетвореніи существенныхъ потребностей врачей, разъединенныхъ на огромномъ пространствѣ, не остались безслѣдны. Наши попытки образовать, наконецъ, органъ русскихъ врачей встрѣчены сочувственно и внимательно товарищами по наукѣ и профессіи. Это выразилось значительно увеличивающимся количествомъ самостоятельныхъ, научныхъ и бытовыхъ сообщеній, большимъ участіемъ врачебныхъ силъ въ разсмотрѣніи многихъ вопросовъ жизни и быта, многими указаніями, направленными къ газетѣ, чѣмъ она пользовалась съ благодарностью въ видахъ дѣла, интереса и пользы читателей. «Врачебныя Вѣдомости» не щадили усилій, чтобы дать читателямъ, въ возможно сжатой формѣ, безъ лишнихъ размазываній какъ выводы современныхъ научныхъ изслѣдованій, такъ и заключенія, вытекающія изъ явленій жизни, руководясь, главнымъ образомъ, *практичностью* первыхъ и полезностью послѣднихъ. Насколько газета успѣла выполнить свои задачи, конечно, судить могутъ сами читатели; но, тѣмъ не менѣе, она вправѣ указать, что всегда и во всемъ преслѣдовала принципы свободы профессіи, улучшенія ея положенія въ смыслѣ улучшенія положенія ея членовъ, ратовала за свободу личности и труда, находя для того основы въ наукѣ и точныхъ ея указаніяхъ. Желанія ея и въ этомъ направленіи расширить свои отдѣлы получили, наконецъ, удовлетвореніе. „Врачебныя Вѣдомости“ ввели справочный отдѣлъ о свободныхъ врачебныхъ вакансіяхъ въ земствахъ и пр., сдѣлавшійся впослѣдствіи источникомъ для помѣщенія объявленій въ другихъ медицинскихъ изданіяхъ. Земскія и др. учрежденія отнеслись къ этому сочувственно и „Врачебныя Вѣдомости“ имѣли возможность сообщать *своевременно* о многихъ мѣстахъ для врачей. Въ виду удобствъ читателей, газета на будущій годъ приняла мѣры къ большему расширенію и этого отдѣла. — Въ 1880 г. «Врачебныя Вѣдомости» будутъ выходить по той же программѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На полгода.	На 3 мѣсяца.
Безъ пересылки.	6 р.	4 р.	2 р.
Съ пересылкой и доставкой. . .	8 »	5 „	3 „

Подписка принимается: въ *Петербургѣ*—въ конторѣ редакціи „Врачебныхъ Вѣдомостей“, Владимірская 7, и въ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородные адресуютъ подписку и иныя требованія исключительно въ контору редакціи «Врачебн. Вѣдом.»

ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ ПРОДАЮТСЯ:

РУКОВОДСТВО КЪ КЛИНИЧЕСКОМУ ИЗСЛѢДОВАНІЮ И ДІАГНОСТИКѢ

проф. Р. Гагена, въ русскомъ переводѣ. **Цѣна 60 коп., въ коленкор. перепл. 75 коп.**

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА ВЪ ПРОШЛУЮ ВОЙНУ.

П. Илинскаго. **Цѣна 1 р. 75 к., съ пересыл. 2 р., веленев. и коленкор. перепл. 3 р.**

ВЫШЛА И РАЗОСЛАНА Гг. ПОДПИСЧИКАМЪ

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА

(Іюль — Августъ)

ЖУРНАЛА
ГРАЖДАНСКАГО и УГОЛОВНАГО ПРАВА.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Узаконенія и распоряженія правительства.

II. Личный составъ.

III. Протоколы гражданскаго отдѣленія с.-п.-б. юридическаго общества XIX засѣданія 1 декабря (пренія по реферату *І. И. Карницкаго*).

IV. Состязательный процесъ въ уставѣ гражданскаго судопроизводства 20 ноября 1864 г. (окончаніе) *А. Окольскаго*.

V. О наслѣдованіи родственниковъ бездѣтной вдовы въ указной части (о толкованіи ст. 1152 т. X ч. 1). *Д. Азаревича*.

VI. Очеркъ дѣятельности русскаго гражданскаго управленія по устройству юстиціи въ Болгаріи. *В. Палаузова*.

VII. О договорѣ между отсутствующими. *А. Евецкаго*.

VIII. *Библіографія:* 1) Обозрѣніе польской юридической литературы преимущественно по уголовному праву за 1874—78 годъ. **М. Микляшевскаго.** 2) *Н. Ренненкампфъ*. Очерки юридической энциклопедіи. 3) *Н. Куплеваскій*. Очерки административной юстиціи **Н. Конкунова.** 4) *С. Пахманъ*. Обычное гражданское право въ Россіи. II томъ. **П. Матвѣева.** 5) *Д. Соколовскій*. Сельскій сборникъ **В.**

IX. Судебная хроника (уголовная) памяти стараго суда (Саратовское дѣло объ убійствѣ двухъ мальчиковъ). Окончаніе. *П. Левенсона*.

X. Практика русскаго суда. Десятилѣтіе судебно-мировыхъ учрежденій темниковскаго округа, тамбовской губерніи.

XI. *Замѣтки:* 1) Изъ Вологды (корресп. жур. гр. и уг. пр.) *К. М.* 2) Практическіе этюды по гражданскому праву и процессу *Д. Вучичевича*. 3) Отношеніе принимателя къ векселедателю по переводному векселю *П. Пуцилло*. 4) Объ исправляющихъ должность нотаріусовъ *И. Савицкаго*. 5) Ст. 174 уложенія о наказаніяхъ *А. Фонъ-Резона*. 6) О замѣнѣ личнымъ наказаніемъ штрафовъ, наложенныхъ въ административномъ порядкѣ (замѣтка изъ практики къ ст. 1124 и 1214 уст. уг. суд. *А. М.*

XII. Некрологъ: Николай Филипповичъ Дешпъ.

XIII. (Въ приложеніи). О товариществахъ вообще и акціонерныхъ обществахъ въ особенности по началамъ права, русск. законамъ и судебной практикѣ. *А. Квачевскаго*.

XIV. Объявленія.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1881 ГОДУ

ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ шесть разъ въ годъ, книжками отъ 20 до 25 листовъ, подъ редакціею *проф. Володимірова.*

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки . . .	8 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ.	8 р. 50 к.
съ пересылкой въ другіе города	9 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА, платятъ за журналъ и за рѣшенія:

съ доставкой въ С.-Петербургѣ	13 р.
съ пересылкой въ другіе города	13 р.

РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА разсылаются немедленно по выходѣ отдѣльныхъ листовъ.

Лица, не состоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 р. съ доставк. въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи «Журнала Гражданскаго и Уголовнаго права», а равно въ книжныхъ магазинахъ Анисимова, въ С.-Петербургѣ, рядомъ съ Императорскою Публичною Библіотекой, а въ Москвѣ— на Никольской улицѣ.

Гг. Иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію «Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права», въ С.-Петербургѣ, Васильевскій островъ, 2 линія, домъ № 7.

Подписка на 1881 годъ продолжается на тѣхъ же условіяхъ.

Оставшіеся въ незначительномъ числѣ экземпляровъ, рѣшенія гражданскаго департамента за полный 1877 г. въ 2 томахъ и рѣшенія уголовнаго кассаціоннаго департамента, вмѣстѣ съ рѣшеніями общаго собранія департаментовъ—въ 1 томѣ, за тотъ же 1877 г., *сброшюрованные*, продаются въ редакціи по 2 р. за томъ, всего за три тома рѣшеній 1877 г.—6 р., включая сюда и расходы по пересылкѣ. Рѣшенія гражданскаго кас. деп. за 1878 г. въ двухъ томахъ, сброшюрованныя же продаются по 4 р., включая и пересылку. *Рѣшеній уголовнаго кас. деп. за тотъ же 1878 годъ, въ продажѣ болѣе не имѣется.*

XIII. **Земство.**

Земское обозрѣніе 22
XIV. Земство и земскія учрежденія въ 1876—1877 годахъ. *И. И. Б.* 37
XV. Политическое обозрѣніе 52
XVI. Внутреннія политическія отношенія государствъ Запада Европы 70
XVII. Объявленія.

Въ конторѣ Редакціи, въ Москвѣ, на Долгоруковской улицѣ, въ домѣ Дрейземейеръ, находится складъ слѣдующихъ изданій А. М. Лаврова и В. А. Ѳедотова:

Ф. Д. Нефедова. Очерки и разсказы. Изд. 2. Москва. 1878 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Л. И. Пальмина. Сны—на яву. Собраніе стихотвореній. Москва. 1878 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Кондратовича Людвига (В. Сырокомли). Избранныя стихотворенія. Т. 1. Москва. 1879 г. Цѣна 2 р.

Подписчики «Русской Мысли» пользуются при покупкѣ этихъ изданій 20% уступки.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Издается безъ предварительной цензуры

КНИГАМИ

отъ 20-ти до 30-ти листовъ ежемѣсячно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ:

Безъ доставки.	15 руб.
Съ доставкою въ Москвѣ	16 . »
Съ пересылкою въ другіе города.	17 »
За границу	19 »

Книжные магазины пользуются обычной уступкой.

Подписка принимается въ наиболѣе извѣстныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ и въ конторѣ редакціи въ Москвѣ, на Долгоруковской улицѣ въ домѣ Дрейземейеръ.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную доставку журнала только относительно тѣхъ подписчиковъ, которые подписываются въ ея конторѣ или высылаютъ деньги на имя ея конторы.

Рукописи, доставляемыя въ редакцію, подлежатъ возврату въ теченіи года со времени ихъ доставленія, за исключеніемъ имѣющихъ объемъ менѣе шести листовъ писчей бумаги, которыя возвращенію не подлежатъ.

Редакторъ **С. А. Юрьевъ.**
Издатель **В. М. Лавровъ.**

3 2044 019 265 420